

Танит Ли

Героиня мира

От издателя:

Имя английской писательницы Танит Ли известно всем любителям фантастики во всем мире. Танит Ли - лауреат многочисленных премий в области фантастической литературы. Ее роман «Героиня мира» - один из самых ярких, самых «образных образов» «альтернативной фантастики».

Книга первая

Часть первая Черный дом

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Дом моей тетушки стоял на углу Форума Хапсид. Его находили необычным, и, вероятно, таким он и был: эти полуночные стены и красные ставни, проступавшие на их фоне, толстые алые колонны. Гигантская сосна в саду взметнулась ввысь над крышей, и стоило завернуть за угол Восточной аллеи, как сразу же становились видны ее ветви. «Вон сосна твоей тетушки», — всякий раз оживленно говорила мне мать.

— Вон сосна твоей тетушки.

— Да, мама.

— Неласково обошлись с ней штормовые ветра, — с легкой неприязнью отметила мама.

Сидя в экипаже, я повернулась и поглядела, что же приключилось с сосной.

— Не крутись так, дитя. Неужели мы вырастили из тебя горностаю?

— Мне бы это понравилось. Быть горностаем.

— Нет, не понравилось бы. И, что куда хуже, ты линияла бы по весне, и весь мой экипаж был бы в твоей шерсти. В том случае, конечно, если бы терпение мое не истощилось и я не сделала бы из тебя муфту.

И все же, несмотря на эту шутиливую перепалку, моя мама пребывала в озабоченности. Где-то посреди ночи моего отца, майора полка Белых Львов, призвали на таинственную доблестную войну. Сквозь сон я смутно слышала шум суматохи, но он не зашел попрощаться со мной. Это огорчило меня. Кроме того, я подозревала, что меня отправят на день к тетушке, в которой я была не вполне уверена. Я знала и любила свою мать, но она безраздельно принадлежала мне, если только не делила свое общество между мной и отцом, и то же можно сказать о нем самом. А моя тетушка не принадлежала никому, хоть и приходилась моему отцу сестрой. Она принадлежала лишь самой себе.

Наш экипаж повернул, огибая угол аллеи, лошадей провели шагом по краю Форума, и мы подъехали к черным двустворчатым воротам из чугуна.

— Пэнзи, — сказала своей служанке мама, — выйди и позвони в колокольчик. Неужели мне всякий раз нужно объяснять тебе, что делать?

По-моему, Пэнзи, шестнадцатилетняя девушка, всего тремя годами старше меня, напугалась куда сильнее, чем стоило; она послушалась вовремя. Прозвенел колокольчик, появился привратник и отпер ворота.

Мы пошли вверх по лестнице; сосна, раскинувшая ветви над верхушкой крыши, выглядела так же, как всегда. Глянец на окнах, красные ставни распахнуты. В покрытых лаком урнах росли выюнки, обвивавшиеся вокруг колонн.

— Дия, — сказала мне мама, пока мы ожидали в Красной гостиной, — все происходит в такой спешке; по-видимому, мне следовало объяснить тебе заранее. Голубушка, ты ведь знаешь, твоему папе пришлось возвратиться в форт Высокобашенный, а мне... я должна отправиться к нему.

Все оказалось гораздо страшней, чем я предполагала. Я разинула рот.

— Любимая, мы наверняка победим, и очень скоро. Я вернусь домой, к тебе... о, задолго до прихода зимы.

Я заплакала, не успев даже хорошенько понять, почему.

Мама протянула ко мне руки, и я кинулась к ней в объятия.

— Не уезжай! Не уезжай!

— Я должна, должна. Ну-ну, разве маленьким разумным горностайчикам полагается так себя вести?

В этот решающий, очень интимный момент в комнату вошла тетушка Илайива.

Мы отпрянули друг от друга, словно чувствуя за собой вину любовники. Впоследствии я спрашивала себя: не приходилось ли и моим родителям поступать так при ее появлении — я уловила в этом движении оттенок многократности. Но у моей матери достало духу удержать мою руку в своей, когда я обернулась, заливаясь слезами.

Я не виделась с тетушкой Илайивой несколько месяцев, для меня такой промежуток времени был все равно что несколько лет. Я всякий раз воспринимала ее как незнакомку. В противоположность светлым краскам моей матери, у нее, как и у моего отца, все было темным. Гладко зачесанные надо лбом черные волосы, оливковая кожа, а в глазах и бровях непреклонность эбенового дерева. Она одевалась не старомодно, но и не по моде. Право, никак не удавалось понять наверняка, что за одежда на ней. Но несмотря на двусмысленность, в ее стиле чувствовалась отвага: зеленый кушак, серебряные серьги. По сравнению с ней моя мать казалась похожей на цветок, гиацинт или душистый горошек.

— Илайива, — отрывисто проговорила мать, что было свойственно их отношениям, и это даже не из-за тетушкиной сосны, — ты ведь наверняка слышала: прошлой ночью его призвали на службу.

— Зияющая пасть войны, — сказала Илайива красивым, холодным, не сохранившимся в памяти голосом.

— Что ж, так уж вышло. А тут, к сожалению, я и мое дитя.
— Я получила твое послание. Ты хочешь переложить на меня заботу о дочери.
— Точнее, хочу, чтобы ты взяла ее под свое крыло, — крайне вежливо поправила ее мама. — Мой супруг имеет некоторые права на меня. Полагаю, ты в курсе решений по части стратегии...

— Чрезвычайно неразумных, — сказала тетушка Илайива. Она вроде бы не сердилась, а маму все-таки перебила.

— Дорогая сестра, — сказала моя мать, вложив в эти слова всю фальшь, на какую оказалась способна, всю до капли. — Я должна все устроить, а у меня в распоряжении только сегодняшнее утро. Мне необходим эскорт, я обязана закончить приготовления к отъезду...

— Оставь слезы, — опять перебивая ее, сказала мне Илайива, — плакать бесполезно. Она уедет.

Я повернула голову и в мучительной тоске поглядела на мать. Получить известие о своем поражении из уст врага — я не могла снести такого. Но мама лишь склонилась ко мне свою гиацинтовую головку и снова укрыла меня в своих объятиях.

— Хорошая моя, твои вещи доставят сюда до полудня. Наши апартаменты закроют, и ты ни в коем случае туда не ходи и не беспокой слуг. Пэнзи поедет со мной... — О, счастливая, ненавистная Пэнзи, чтоб земля тебя поглотила... — А ты, моя любимая, должна отлично вести себя, чтобы твоя тетушка, которая так добра и берет тебя к себе, ни на секунду не пожалела об этом. Ты слушаешь, что я говорю? Ты понимаешь?

Сквозь рыдания я сказала «да». Мои слезы намочили ей корсаж, он стал темным, как кровь. Она ушла; чувство утраты вышло за пределы слов и мыслей. Я как бы сошла с ума. Однако я подавила рыдания перед лицом страшной тетушки; не для того, чтобы сделать ей приятное, а потому, что она была чужда мне.

Словно затем, чтобы все-таки сломить меня, она позволила мне в последний раз взглянуть на маму и Пэнзи; они уезжали, пересекая Форум. Сердце мое надорвалось, трещина пролегла в нем, но я не возьмусь назвать это предчувствием. Тогда мне и в голову не пришло, что я никогда больше не увижу маму.

2

В последующие две недели я вяло осваивалась с новым, временным образом жизни. Лишь раз я на миг испытала облегчение: мой день рождения приходился на начало осени, и поскольку мне казалось немыслимым, чтобы мама могла его пропустить, я решила, что к тому времени она наверняка возвратится. Однако, в конце концов, мне стало еще хуже от этой мысли, потому что до осени оставалось еще сто лет. Мы никогда всерьез не разлучались прежде. Я и родилась во время давнишней военной кампании в деревушке среди холмов, куда мама отправилась вопреки всем настояниям, чтобы встретиться с отцом, тогда еще простым лейтенантом. Потом ей пришлось с ним расстаться и увезти меня домой, в дешевую городскую квартиру. Мы были бедны в те времена.

Моя тетушка была далеко не бедна. В ее черном доме имелось множество усердных и почти невидимых слуг; когда же мне доводилось их увидеть, некоторые из них вызывали у меня опаску, потому что вели они себя совсем не как люди, а скорей как заколдованные куклы. Эти существа прибирали за мной постель, приносили мне завтрак и воду для ванны. В середине дня мне подавали еду в приятной комнатке на втором этаже, я ела одна. Это помещение превратилось в нечто вроде моей комнаты для игр, я могла делать там почти все, что хотела. Мне также позволялось гулять в саду, но не рекомендовалось бродить по дому. Доступ в спальню, библиотеку, кабинет и молельню моей тетушки был закрыт миру, их запирали на ключ. На протяжении дня я редко встречалась с тетушкой, но вечером мы, как правило, вместе обедали в гостиной Сфинкса. Илайива не заботилась о том, чтобы я обедала и ложилась спать в положенное детям время, чего раньше я придерживалась со всей

точностью. Дома мне подавали ужин в пятом часу вечера, а когда старый надтреснутый колокол Пантеона возвещал наступление десяти часов, Пэнзи уже укладывала меня в постель. Но в доме Илайивы мы обедали вечером, между семью и восемью часами, возлежа при этом на украшенных резьбой кушетках, стоявших в гостиной Сфинкса, согласно классическому обычаю, следованием которому у нас в семье редко себя обременяли. После обеда Илайива время от времени бросала мне фразу-другую. Образование мое носило беспорядочный характер. Меня обучили чтению, и после этого мои знания стали по большей части зависеть от того, какую из книжек мне приходило в голову прочесть. Домашние учителя так и не сумели до конца убедить меня в подлинности всего, что лежало за пределами моей домашней жизни. Она была такой счастливой, уютной, в меру строгой и в меру эксцентричной, что я почти полностью исключила для себя все прочее и вполне довольствовалась ею. Тетушка обнаружила мои дефекты. Мне не удавалось проследить за течением ее самых обыкновенных мыслей. Например, она заговорила о Востоке, и я тут же увидела — и сказала об этом вслух — золотые купола, вздымающиеся среди навеянного волшебником тумана, и принцесс, летящих на коврах-самолетах. Она вскинула брови, и разговор наш иссяк. По-моему, я навела на нее скуку. И даже восхитительная возможность заснуть в полночь прямо на ковре в комнатке на втором этаже, уронив голову на фигурки для игры в храмины, не восполняла утраты счастья и любви.

Этажом ниже нашей с родителями квартиры жила девочка четырнадцати лет, с которой мы иногда играли и ходили гулять в городские сады. Однажды утром, повстречавшись в коридоре с тетущкой, я сказала, что мне, наверное, надо бы пойти навестить эту девочку. Для большей убедительности я благочестиво пробормотала, что мы с ней, вероятно, возложим цветы на раку Вульмартис в Пантеоне.

— Нет, — сказала Илайива; ее черные глаза уже скользнули мимо меня, и сама она вот-вот поступит так же.

— Но мы с Литти уже не раз так делали. Мама всегда мне разрешала. Литти возьмет с собой служанку...

— Я хочу сказать, — проговорила тетущка, — что семья твоей подруги уехала из города.

Я пришла в изумление и ярость. Неужели моя и Литтина мама взяли ее с собой в крепость вместо меня? Я что-то выпалила на сей счет.

— Не всякий кинется грудью на пушечное жерло, — сказала тетущка. — Люди, о которых ты говоришь, бежали в ином направлении.

Все это оказалось непостижимо для меня. Тетущка не проронила больше ни слова.

В тот день, сидя под сосной в лучах весеннего солнца, я услышала совсем рядом голоса мужчин. Живую изгородь из сирени обогнули две пары армейских сапог и обутые в них офицеры в красивой форме. Я совершенно растерялась, лицо мое зарделось, ведь я не привыкла к неожиданным встречам с глазу на глаз с незнакомыми молодыми людьми экстравагантной наружности. И все же я сразу поняла, что у них за погоны. Оба принадлежали к полку Орлов и носили чин капитана.

Казалось, они чувствуют себя совсем непринужденно в саду тетущки Илайивы; они болтали об азартных играх, хоть я толком и не знала, что такое азартные игры. И вот они остановились надо мной с восклицанием:

— Ребенок!

— Оригос! Да неужто ее?

— Не будь дураком, — сказал тот, что был пониже ростом, с гривой светлых волос и приводящими в замешательство насмешливыми глазами необычной формы. Его лицо выражало досаду, но потом он рассмеялся.

— Мадам, — важным тоном обратился он ко мне, — весьма приятно видеть, как вы столь мило сидите на траве. Молю, поведайте нам, из чьей вы семьи?

Я хорошо усвоила наставления о том, что с незнакомыми людьми разговаривать нельзя, а потому промолчала и уставилась на цветы, которые сплетала в венок.

Из-за живой изгороди слышался голос тетушки. По своему обыкновению, она подошла совсем бесшумно.

— Это дочь моего брата, господи. Ее зовут Арадия.

Услышав свое имя, я с гордостью подняла глаза и заметила, что при виде тетушки краска бросилась ему в лицо, как случилось и со мной при их появлении. Но он справился с этим лучше меня; казалось, его забавлял собственный румянец и поклон, который он отвесил тетушке на солдатский манер, когда она вышла из-за изгороди. Она протянула для поцелуя холодную изящную руку. Не то чтобы я считала ее особенно старой, она просто находилась в мире обитания взрослых, вне времени. Но конечно, мне и в голову не пришло, что тетушка, словно какая-нибудь ветреница-горничная, могла принимать у себя поклонников.

Она позволила им пройти вместе с ней по лужайке к солнечным часам и к пруду; там в воде неподвижно сидел мраморный лебедь с головой женщины.

Любопытство ко всему, что имело отношение к армии, и тоска по отцу заставили меня отправиться следом.

— Закончится к зиме? — говорил второй молодой человек, повыше ростом. — Исход наступит в разгар лета. Половину их войск свалила дизентерия. Вторая половина бунтует и требует, чтобы их отправили домой. Поверь мне, Илайива, для нас это всего лишь недолгая экскурсия. И, как видишь, нескончаемые увольнения.

— Майор, твой брат, разумеется, отличился во всех отношениях, — сказал светловолосый и снова рассмеялся.

Илайива как будто ничего не заметила. Но мне хотелось услышать что-нибудь еще.

— Чем он занят? — спросила я.

Светловолосый обернулся и пристально поглядел на меня.

— Как же, мадам, он скачет на коне, возглавляя каждую атаку, совершает отважные вылазки, берет врагов в плен. По вечерам в парадной форме танцует с вашей очаровательной матерью, а стоящие вокруг столы для банкета ломаются дичью и пирожными.

Его рассказ привел меня в замешательство, но в благодарность за любезное сообщение я постаралась принять вид человека осведомленного.

— Они ложатся спать в четыре часа утра, чтобы не остаться в стороне, — добавил высокий капитан, — а в шесть встают и начинают обстрел вражеских позиций.

— А можно мы останемся и пообедаем у тебя? — спросил второй, не сводя с тетушки глаз.

В ее положительном ответе сквозило безразличие. И все же он сел возле ее ног, и они заговорили недоступными моему пониманию словами о целой вселенной, неведомой мне. Через некоторое время я увенчала женщину-лебедя цветами и оставила их.

Сидя под сосной, я погрузилась в фантазии. В них моя мама, терзаясь угрызениями совести, вскоре поспешила домой и нашла меня бледной и печальной, а мой отец вел войска в атаку, летя по воздуху на крылатом коне.

Как я узнала вечером, светловолосого звали Фенсер. Они с товарищем изящно возлежали на украшенных резьбой кушетках, а в стеклянных графинах подавали красное и желтое вино. Все прочее происходило как всегда. Мы пользовались, как было заведено, сервисом со сфинксами под стать гостиной, только посуды стало больше. По обыкновению, цветов на стол не ставили, и товарищ Фенсера — мне называли его имя, но я позабыла — предложил прислать тетушке цветов из теплиц.

— Вы очень любезны, но лучше не стоит, — сказала она.

— Дозволяется ли мужчинам дарить тебе хоть что-нибудь? — игриво спросил Фенсер.

Она бросила на него ледяной взгляд, и Фенсер опять вспыхнул.

Я самозабвенно поглощала обед, но мне показалось странным, что, несмотря на ее неприветливость, ему хочется ходить к ней в гости, а она его пускает, хотя он ей так не нравится.

После обеда они сели за карты, и я тоже сыграла пару партий в красное и белое (упрощенный вариант), но соображала я плоховато, и карты не особенно меня увлекали. Я

вызывала некоторое раздражение у Офицера с Позабытым Именем, а потому отказалась от очередной партии, хотя Фенсер и пытался меня уговорить. При этом тетушка сказала, что мне, вероятно, хотелось бы скорее сойти вниз, порисовать или почитать, и ее слова бесповоротно прогнали меня прочь.

Около полуночи я все еще не спала и сидела с карандашами в комнате на втором этаже; мне послышалось, будто они уходят, я и тайком вышла, чтобы в последний раз взглянуть на Фенсера, на военных.

В холле горел только светильник перед домашним божком, но при его свете я разглядела, как Офицер с Позабытым Именем при шпаге, в плаще и шлеме исчезает за черной дверью, а кто-то из слуг запирает за ним. Когда слуга удалился, дверь в гостиную Сфинкса широко распахнулась и желтый свет веером упал на лестницу.

— Вовсе тебе не стоило задерживаться, — услышала я голос тетушки Илайивы, — ради того, чтобы сообщить мне об этом.

— Вероятно. Ты знала и так, — сказал Фенсер. Голос его звучал приглушенно и мягко.

— Теперь ты должен уйти, — ответила Илайива.

Мне не было их видно, но внезапно на обтянутой дамастом стене возникли отбрасываемые ими тени. У него на ногах были сапоги, у нее — туфли на высоком каблуке, и они оказались одного роста, что не совпадало с моими представлениями. Герой всегда должен быть на несколько дюймов выше героини.

Как видно, никто не сообщил ему, что он не годится на эту роль.

Его тень стремительно метнулась и завладела ее тенью, они слились и превратились в одну, похожую на чудовище. Лишь на кратчайшее мгновение этот зверь из теней застыл без движения.

Затем он вновь распался на две тени, его и ее, так же быстро, как и слился в единое целое. Теперь его тень пришла в необычайное волнение, она содрогалась, жестикулируя. Ее тень не изменилась.

— Теперь ты позволишь мне остаться? — задыхаясь, проговорил он.

— Нет, — сказала она.

Тогда его тень снова потянулась к ее тени, но на этот раз последовал каскад движений, чудовищу никак не удавалось облечься в прежнюю форму вновь, сквозь него яростно прорывались ромбы и квадраты, овалы и продолговатые фигуры, потом оно распалось насовсем.

— Я же сказала «нет».

— Значит, лучше мне больше никогда тебя не беспокоить. — Он отдышался и говорил очень медленно.

— Тем самым ты избавился бы от раздражения.

— И ты. Ведь я, несомненно, раздражаю тебя, Илайива.

Последовало молчание. (При всей своей увлеченности я, конечно, поняла, что происходящее не для моих ушей, и была готова юркнуть в укрытие.)

— Собственно говоря, мое увольнение отменяется, — сказал он. — Завтра мне надлежит отправиться обратно. Как ты понимаешь, подобные действия сведены к минимуму, чтобы жители города не встревожились. Однако, полагаю, тебе известно, какая нам грозит опасность.

— Разумеется, — сказала она, — но если ты рассчитывал, что я положу тебя к себе в постель потому, что завтра ты можешь погибнуть, или потому, что днем позже враг, возможно, подойдет к городским воротам, то ты потерял всякий ум, Фенсер.

— Да, потерял, потерял из-за тебя. Но на это я не рассчитывал. Либо я тебе нужен, либо нет.

— Забудь обо мне, — сказала она, и в ее голосе прозвучала хрупкая легкость, какой мне не доводилось замечать прежде.

— Если ты так велишь.

— Я так велю.

— Значит, я позабуду о тебе, — внезапно в его голосе появилась театральность, он зазвучал проникновенно, словно Фенсер упивался болью. — И теперь я могу умереть. Доброй ночи, жрица.

Я в изумлении слушала под дверью, а он, словно кот, сбегал по лестнице и выскочил из дома.

3

Пришло письмо от мамы. Оно начиналось словами: «Дия, мой самый любимый горнотай». От него мне захотелось плакать; я спала, положив его под подушку, а днем повсюду носила его с собой. Я перечитывала его не реже, чем дважды в час. Но письмо мало о чем мне поведало. Только о том, что она рядом с папой. Что (по ее словам) она скучает по мне. Что папа шлет мне поцелуи. Она описывала снега на дальней горе, по-весеннему одичалую речку, бурлившую в ущелье. И казалось, будто они выехали туда на пикник, ведь дела в форте шли с такой легкостью. Как и капитан Фенсер, она упоминала об обедах и танцах. Похоже, мама находила жизнь в форте скучной, а других дам нелепыми. По ночам Высокобашенный являл собой семь конусов, озаренных светом фонарей, опоясанных факелами, смеявшихся над жалким противником, увязшим под дождем среди бивуаков у подножия склонов; бедняги, они оказались не в силах продвинуться вперед, а их командиры не позволяли им убраться восвояси.

Мы вели войну с Севером, такое случалось нередко. Страна саз-кронианцев, еще одно ни о чем не говорящее название из злополучно неусвоенных уроков истории и географии.

Я написала маме ответное письмо. В нем были жалобы и упоминание о том, что к тетушке Илайиве заходили два капитана из полка Орлов, но ничего не говорилось о тенях или о драматических притязаниях и отказах на лестнице. Я даже не спросила, с чего бы мою тетушку стали называть «жрицей». Папа как-то говорил, что раньше она собиралась уйти в монахини. Я следила за тем, что пишу, и я совершенно уверена, что моей маме приходилось поступать так же в интересах безопасности форта. Однако мной руководили не соображения городской безопасности и не чувство такта. Сцена на лестнице беспокоила меня.

Весенняя погода резко переменилась. Шел снег. Всего полдня, но этого достало, чтобы погибли цветы в саду.

Когда наступила оттепель, меня повезли в экипаже тетушки Илайивы на прогулку для укрепления здоровья; со мной отправилась служанка; выбрали ее, вероятно, потому, что она была немая.

Мне показалось, что город пребывает в необычном настроении. Многие из магазинов на широких аллеях, обвивавшихся кольцами вокруг Форума Хапсид, и на улице Винтоклас оказались закрыты. Я не увидела ничего особенного, скорей я ощутила своего рода отголосок. В садах прогуливались люди, звенели колокольчики, повозки и чьи-то колесницы с грохотом катили по мостовой. И все же, казалось, что-то исчезло, и с его исчезновением нечто иное начало спускаться на город, будто еще раз пошел снег.

Я ничего не сказала тетушке об этом ощущении. В тот вечер обед прошел в привычном молчании. С тех пор как у нас побывали два капитана, гости больше не приходили. Пошла уже третья неделя, и мне отчаянно надоело и этот дом, и мои мечты о будущем.

Я часами просиживала, уставясь в окно «комнаты для игр» на втором этаже, откуда, как и из окон спальни этажом выше, поверх стены, окружавшей сад, открывался вид на улицу за домом. Там почти ничего не происходило. Лишь однажды я увидела, как промелькнули меж изгородей два изящных экипажа, ехавших очень быстро, и задумалась над тем, куда они умчались, а несколько дней спустя над вопросом: вернулись ли они обратно?

4

— А я говорила мадам: во всем городе не достать ни кусочка говядины, баранины или

оленины. Что касается муки и сахара — ну, это просто преступление. До чего они любят запасаться. Не успеет пронестись слух, как все уже раскуплено.

— Да, но это не пустые слухи. Моя сестра уже готовится к отъезду в провинцию к нашей бабушке. А мне, похоже, придется сидеть тут до конца. Если я заговорю об этом, мадам меня уволит.

— Говорят, дней десять, верно? — вклинился хвастливый баритон помощника эконома.

— Милостивая Вульмартис! Это правда?

— Так они утверждают, в городской мэрии. А по всем аллеям развешаны плакаты. Условия, которые выдвинули сазо, и ответ его величества. Ну, наш мудрый король укрылся у себя на острове, там-то безопасно.

— Через десять дней они придут сюда.

— Не может быть.

— Даже если через двадцать или тридцать дней, они все равно придут, — сказал помощник эконома. При этом высказывании горничные в отличие от меня не пали духом; я сидела на окне этажом выше. Звуки их голосов всполошили меня и приковали мое внимание: так редко болтали они меж собой в этом черном доме. Я не смогла понять, о чем они ведут разговор. Я уловила лишь трепетание страха и мрачную покорность.

— Но им преграждают путь форты, — сказала самая молоденькая из горничных. — Артиллерийский, Высокобашенный и Ончарин...

— Ончарин вчера пал. Его заминировали, и он разлетелся на части. Остальные с трудом отбиваются и просят подкреплений. Которых не получают.

Словно раскачиваясь в пространстве, я потянулась вперед со своего «утеса». И только чудом не свалилась прямо на них, но они уже заметили меня.

— Тише, все это не для ушей ребенка, мадам узнает и придет в бешенство.

Однако ребенок услышал уже достаточно. Он слез с окна и, словно лунатик, обвел взглядом «пустыню» с раскрашенными картинками, играми и книгами, не имевшими никакого смысла.

Надо кого-нибудь спросить, но от слуг ничего не добьешься. Так случилось уже не раз — например, на вопрос, что означал приглушенный шум барабанов, шагов, колес прошлой ночью на Форуме, удалось вытянуть лишь: «Так ты слышала? Ладно. Пей водичку с медом».

Теперь эти невидимые раскаты приобрели ужасающее значение.

Меня охватила паника. Паника жуткая, но вместе с тем лишь разновидность жуткой паники, уже испытанной мною однажды или дважды, — когда я потеряла на улице маму, будучи пяти лет от роду, во время первого моего посещения Вульмартии — паники детской, имеющей границы...

Я опрометью выбежала из комнаты и стремглав поднялась по лестнице на верхний этаж дома, к запертому на ключ святилищу тетушки. Я принялась колотить кулаками в резную дверь, я разбила косточки пальцев о глухих к моим мольбам наяд с венками на головах, пристально глядевших на меня.

Ответа не последовало. Может, ее там нет. Я пришла в смятение и закричала; раздался вопль, который еще сильнее вывел меня из равновесия, мне и во сне не приснился бы такой варварский рев.

— Тетя! Тетя! Впусти меня...пусти!

По-прежнему никакого отклика.

И тут я ополоумела и, завывая, забарабанила в дверь.

Никто из слуг не подошел ко мне, хотя весь дом дрожал от моих криков. Я поднялась за пределы их юрисдикции. Теперь только жрица Илайива может мне помочь.

Внезапно в замке повернулся ключ. Резная дверь отворилась, она появилась на пороге. Глаза на бледном ее лице глядели на меня издалека, словно из башни слоновой кости оливкового цвета.

— Что с тобой происходит?

Я выпалила все одним духом.

— Да, — ответила она. Я заглушила свои стенания, чтобы расслышать, что она скажет дальше. — Твоя мать поступила неумно. — (Фенсер тоже оказался неумен; похоже, тетушка считает дураками всех окружающих.) — Ей следовало предупредить тебя. Разумеется, она этого не сделала.

— Что такое? — простонала я. И совсем уже теряя разум: — Хочу, чтобы мама...

Тогда она положила руку мне на плечо. Она оказалась сильной, несмотря на всю свою хрупкость. Приведя меня в гостиную, составлявшую часть анфилады ее комнат, и закрыв дверь, она потихоньку усадила меня в кресло. Я оказалась в комнатах, в которые мне всегда запрещалось ходить, но ничего там не разглядела.

— Послушай меня, Арадия. Этот хвастливый город ввязался в войну, которую ему ни за что не выиграть. Враг берет одну крепость за другой, и уже совсем скоро сам город подвергнется осаде, если не согласится на немедленную капитуляцию. Тебе понятно?

Понятно, примерно так же, как во сне становится понятен кошмар. Осады и капитуляции скорей имели отношение к неизученной истории.

— Мама, — сказала я.

— Возможно, у людей в Высокобашенном достанет здравого смысла, и они сдадутся. Мне очень жаль, но твой отец попадет в плен. Вполне вероятно, что твоя мать возвратится к тебе.

Как мрачно, как отвратительно это прозвучало из-за свойственной ей манеры выражать мысли с безжизненной холодностью — я молча уставилась на нее, разинув рот.

— Ты ничего не можешь сделать, — сказала Илайва. — Я не могу ничего сделать. Мы бессильны. Ты должна с этим смириться.

Это была просто доктрина покорности, которую исповедовали в сектах Вульмартис. Я глядела на тетушку, девственную монахиню при девственной богине. Но мне покорность не обещала покоя.

— Я тебе не верю, — сказала я.

Она пожала плечами. Слегка улыбнулась, вполне возможно, с иронией. Мне ее улыбка показалась жестокой и бесчеловечной.

Я вскочила с ненавистного кресла, за спиной осталось невидимое святилище; я побежала прочь через весь дом. В зеркале у входа в Красную гостиную я мельком увидела собственное отражение. Бледная белая кожа; волосы, которые папа называл «светом солнца», на самом деле просто мягкие и светло-русые; широко раскрытые глаза, мама говорила про них «серые-как-стекло». Юное девичье тело уже приобрело крутые изгибы. Ничего похожего на женщину, от которой я бежала. Даже мой папа совсем не походил на нее при всей его соболиной окраске.

Каким-то образом я очутилась на парадном крыльце. А потом на просторной глади Форума Хапсид.

Мама запретила мне возвращаться в наши апартаменты на Пантеонной Миле. Но мама в Высокобашенном, она танцует с моим отцом, захваченным в плен, и, возможно, не вернется ко мне. Нет. Это невозможно.

У меня уже закололо в боку, в основном от расстройства.

Величавые здания судебных ведомств, как бы обрамлявшие Форум высоким бордюром из камня и штукатурной лепки, оказались безлюдны. Лишь статуя короля сохраняла равновесие на своем пьедестале, да вокруг поилки для лошадей порхали воробьи.

На мгновение мне привиделся совершенно опустевший город. Такое вполне возможно в кошмарах.

Однако высоко в окне что-то промелькнуло. И до меня доносились шорохи городской жизни; я побежала через Форум, срезая угол, и вдоль по окаймленному деревьями тротуару Восточной аллеи.

Яркость весны сияла в этих деревьях, недолгий снегопад не загасил ее племени. И конечно, пока город урчит, пока цветут деревья, такие вещи, как осада или поражение, просто невозможны.

Пустившись в бегство, я тем самым ускользнула от хода истории, но мне пришлось столкнуться с ним на площади Пантеона.

Огромная толпа целиком заполнила ее, и после того, как на меня пахнуло безлюдьем, это зрелище поначалу приободрило меня.

По-видимому, я пробежала мимо пурпурных плакатов, развешанных по аллеям, но здесь люди держали их в руках и размахивали ими. Ни на минуту не стихали крики. Огромные тела мужчин в грубой одежде, звон передаваемых из рук в руки бутылок, блеск солнца на бутылках, вскинутых к губам, — вот что я заметила. И устрашающую наэлектризованность воздуха.

Я нечаянно толкнула стоявшую передо мной толстую краснощекую женщину.

— Тебе отсюда толком ничего не разглядеть, девонька, — сказала она.

Передо мной и впрямь стояла стена из тел, и мне не удавалось заглянуть поверх нее. Лишь самые верхние из белых колонн и три купола Пантеона, горевшие золотом в ясном небе, виднелись над толпой.

И опять раздался ужасный крик, от него несло гнилыми зубами и вином, яростью и потом.

Я вырвалась из клубка живых тварей и пошла, а на ходу заметила, что на крыше экипажа, словно на утесе среди вздымающихся волн, стоят несколько женщин в хорошей одежде. Воинские перья сверкали в их завитых волосах. Они пили искристое вино, а одна крикнула: «Смерть проклятым мерзавцам сазо!»

Я еще ни разу не слышала, чтобы женщины ругались, разве что глупую мелочную ругань Пэнзи, которая визжала, уколов палец: «Ой, акульки!»

Добравшись до боковой улицы, я торопливо пошла по ней. Большинство магазинов оказалось заколочено. Раскрытые двери булочной, в которую я ходила раньше и где мне покупали пирожные, пялились на хмурую очередь. Несколько человек сутулясь стояли на пороге. Завидев меня, они скорчили гримасу, и мне почему-то стало стыдно.

Когда я вышла на Милю, с площади до меня все еще доносился шум толпы, однако здесь тоже царило странное затишье. На Пантеонной Миле никогда не бывало тихо. В дневное время ее заполняли процессии, с Поля Оригоса маршем проходили солдаты, неся сияющие медью трубы и изображение рыжеволосого бога войны на золотом шесте; я жадно следила за ними из окон нашей квартиры, и Пэнзи тоже. А если не солдаты, то молочные тележки с грохотом разъезжали туда-сюда, и проходили разносчики, торговавшие рыбой или лентами. Вечерами по ней возвращались из таверн поэты и певцы, а однажды прямо у нас под окнами произошла дуэль — двое мужчин сражались на шпагах, — а потом явились городские гвардейцы и разняли их.

Теперь же Пантеонная Миля, сиявшая под полуденным солнцем, показалась мне такой же безлюдной, как пустыня в сказке.

Входная дверь Эрики, дома, где находились наши апартаменты, стояла открытой. В вестибюле на стуле сидела не та спокойная пожилая домоправительница, которую я знала, а какая-то прислужница с острым подбородком и в грязном фартуке.

— А тебе что здесь надо? — сказала она мне.

— Я... — меня приучили к вежливости; я растерялась, не зная, как объяснить, и запнулась... — Мадам, где...

— Ты ищешь старую наседку? Так она съехала. Да ведь ты, — она, прищурясь, поглядела на меня, — ты же дочка молодого майора, так?

Я ощутила некоторое облегчение оттого, что меня узнали.

— Да. Мы живем на верхнем этаже.

— Разве? Да нет. Комнаты закрыты. Почему же ты не с матерью?

Меня опять вынесло за пределы реальности, и я уже было собралась сказать ей, где моя мама. Что-то остановило меня.

Женщина оглядела меня с ног до головы и сказала:

— Смею утверждать, с тобой все будет в порядке. Ты ведь живешь у кого-то из

родственников? А нам-то нелегко придется. Там, на площади, сейчас набирают добровольцев. Мужик мой пошел, и мой мальчик тоже. Либо пойдешь сам, либо тебя заберут. Серебряный пенни в день, да только они его на выпивку истратят.

Вот и она заговорила на том же непонятном языке, что и прочие.

В доме не осталось даже прежнего запаха. Раньше в нем царили чистота и оживленность, а теперь несло кошачьей мочой и на лестнице валялся увядший капустный лист.

— Приходи еще, — проговорила она, когда я направилась к выходу. Вероятно, ей хотелось сказать что-нибудь приветливое. Но меня вконец опутал сетями кошмар. Бежать некуда и остановиться негде.

Я забрела на небольшую улочку, которая вела к Павлиным Садам. Прошлым летом мы с Литти играли здесь в мячик и в догонялки. До чего же тут стало тихо, и на дорожках с подстриженными кустами ни души. Ни одного зонтика, ни одной ручной обезьянки из тех, что гуляли на кожаных поводках и так забавляли нас. У ворот стояла часовня Вульмартис Всепрощающей. Прежде дверь всегда запирали, теперь оставили распахнутой.

Внутри никого не оказалось. На полу — пыль, алтарь пуст: вся утварь из драгоценных металлов убрана. Сквозь окно с бледно-голубыми стеклами проникали лучи света, падавшего на статую в классическом одеянии и окрашенном в цвет индиго восточном головном уборе с маленькой золотой короной. Ее алебастровое лицо приветливо улыбалось, а в руки ей кто-то вложил веточку белой сирени, сорванную в парке.

Я опустилась на колени возле ее маленьких ножек с нарисованными на них золотыми сердечками и стала просить о помощи. Не покажется ли просьба неубедительной из-за ее бессвязности?

Я постаралась разъяснить все как можно толковее. Если я не всегда ходила молиться, то лишь по неведению. Если во время службы мне случалось отвлечься, то это по глупости. И я каждый раз посещала празднования Вульмартис. И скоро я совершу приношение — ох, совсем скоро. Но только пусть она спасет моих папу и маму, и пусть они ко мне вернуться. Пожалуйста, Владычица, пожалуйста, пожалуйста.

Ее милое лицо выражало сочувствие. И все же я поняла, что она не слышит меня. Словно мотылек, я беспомощно билась о ее сверкающий камень.

Когда свет в окне посерел, я устала и, поднявшись на ноги, пошла прочь.

У меня не было иного прибежища, кроме тетушкиного дома.

Так что туда я и направилась. Город тоже пребывал в замешательстве и не досаждал мне.

Никто не спросил, куда я уходила. Никто не заметил моего отсутствия. Как и Вульмартис, никто не проявил участия.

А вечером того же дня в ворота постучалась новая армия, городское ополчение.

Выйдя на лестничную площадку, я смотрела без страха и без удивления, все еще пребывая во власти притупляющего восприятие кошмара.

Форму для ополченцев соорудили из того, что оказалось под рукой. Не сияющие шлемы с плюмажем, не эполеты и регалии, не шпаги, не начищенные до блеска сапоги — простая перевязь, словно кровавая лента на груди, а у капрала — красно-лиловый хохолок на шапке с козырьком.

К ним вышла тетушка Илайива. Взглянув на нее, они решили, что с ней следует обращаться почтительно.

— Вы ведь знаете, какое сложилось положение, мадам. Каждый дееспособный мужчина, если он не служит вне города, должен встать на его защиту.

— Выполняйте свой долг, — ответила она.

Тогда он вручил ей письмо. Официальное, с печатью города.

И пока они по всему дому собирали мальчиков, прислуживавших на кухне, а с ними прихватили и помощника эконома, настаивавшего (безрезультатно) на своей непригодности в силу хромоты, капрал продолжал рассказывать тетушке:

— На северных окраинах люди начали жечь леса. И пшеничные поля. Нельзя же, чтоб они достались этим уб... противнику. Еще сооружают баррикады и огневые позиции. Мадам, вы просто не узнали бы бульвары в северной части города. Там сняли всю брусчатку.

Он выглядел бодро, быть может, оттого, что упивался собственной бравадой, ценою в один серебряный пенни.

5

Раскаты прозвучали словно гром, но, проснувшись, я поняла, что это вовсе не гроза. Мне доводилось слышать грохот пушек прежде: всего лишь год назад на Поле Оригоса давали салют в честь короля. Тогда я оказалась гораздо ближе к пушкам, ведь меня водили посмотреть на праздник (меня постигло разочарование: мне не удалось разглядеть членов королевской семьи, я заметила лишь пену кружев да сверкание бриллиантов в экипажах). Для меня пушечные залпы, как и звучание гимнов в Пантеоне, означали праздник.

Однако в доме что-то неуловимо переменялось, а когда я без разрешения пробралась в комнату, выходящую окнами на Форум, мне стало видно, как выглядывающие из окон, стоящие на мостовой и на балконах люди указывают на север. А когда глухие раскаты донеслись снова, раздались аплодисменты.

Похоже, сазо, наши противники, явились и стоят у городских стен и насыпей, сооруженных из земли и брусчатки, украшенных городскими пушками. Теперь эти пушки шлют им свои приветствия.

На протяжении многих дней из северных провинций прибывали крытые повозки. Они доставляли провизию, а вместе с ней и лишние рты, которым она понадобится. Время от времени Форум пересекали фургоны и бездомные бродяги. Через него прогнали стадо овец, а позднее взволнованные служители юстиции пытались выгнать из здания суда заблудшую козу. Я наблюдала за всеми этими происшествиями из той же комнаты, расположенной напротив моей спальни. Я входила туда самовольно, без разрешения Илайивы. Теперь я совсем перестала с ней разговаривать, а после того, как у нас в доме закончился набор ополченцев, отказалась обедать в гостиной Сфинкса, и меня стали кормить обедом тоже в «комнате для игр». В той комнате, где я проводила немного времени за едой, а за «играми» еще меньше. Я подолгу спала, не вылезая из постели, а когда все же вставала, крадучись ходила по дому и, словно привидение, подслушивала у дверей, улавливая обрывки известий, почти совсем мне непонятных.

У меня создалось такое впечатление, будто кто-то затеял интригу, цель которой — помешать маме встретиться со мной, запугать меня и заставить усомниться в ней. Но я такого не допущу. И не пойду на переговоры с собственным врагом.

Начало осады явилось мне слышимо и зримо, меня охватил холодный тошнотворный страх. И все же в глубине моей души папа и мама по-прежнему танцевали друг с другом и посещали банкеты, и выезжали на пикники на край ущелья, и охотились в припорошенных снегом горах. Они в безопасности, если только я не выпущу их оттуда. Я за них в ответе, мне нельзя их подводить.

В первые два-три дня пушки не гремели подолгу. Они всякий раз смолкали с заходом солнца, чтобы не мешать нашему отдыху и нашим развлечениям.

В середине четвертого дня — я только-только встала — одна из самых молоденьких служанок Илайивы с истерическим криком промчалась по саду, держа в руках какой-то листок. Остальные служанки столпились вокруг нее. Лица их были бледны. Одна из них сказала: «Предатель какой-нибудь. Это ложь». Другая пожала плечами: «Вряд ли можно с уверенностью думать, будто эти скоты не решатся на такое».

Они повели охваченную истерикой девушку прочь, чтобы дать ей успокоительное, пока мадам ничего не услышала, и позабыли взять с собой бумажку.

Терзаясь страхом, я подкралась и взяла ее.

«Горожане, — значилось в ней, — предупреждаем вас: если вы не сдадитесь, сегодня в

полночь противник начнет обстрел города. Перестаньте безумствовать, тем самым вы сохраните себе жизнь».

Они выслушали приветствия и теперь дадут на них ответ. Я слышала разговоры о том, что некоторые из памятников обшили лесами и укрыли одеялами. В Пантеоне и других высоких зданиях вынули из окон стекла.

До сих пор эти обрывки сведений казались ничего не значащими.

Мне не верилось в это.

Это произошло. Задолго до полуночи, в семь часов вечера, когда затихли залпы наших пушек.

Вначале возобновились привычные громовые раскаты, а затем нечто новое: рев и звук, будто рвется ткань, — потом глухой удар и потусторонний звон дрожащей на столе посуды.

Я забралась в постель и с головой укрылась одеялом. С каждым толчком кровать начинала трястись, словно нервная собака.

Форум находился посреди города, вдалеке от его стен, которые кронианцы, по-видимому, уже окружили со всех сторон. Но один из снарядов прямым попаданием угодил в Девичий Холм, и небо над ним как будто треснуло вдоль по красному шву, который я увидела сквозь щель меж занавесками на окне.

Папа с мамой по-прежнему танцевали в глубине моей души, прекрасные, как две марионетки. Они уцелели, но утратили всякую достоверность.

Около полуночи ко мне зашла одна из молоденьких служанок.

— Ах ты, бедная малышка, — сказала она мне. — Не сжимайся так, скоро этому придет конец.

Она села рядом и попыталась успокоить меня, но всякий раз, как раздавался пушечный залп и звук рвущейся ткани, она сжималась крепче, чем я. Когда слышались взрывы, она подпрыгивала вместе с кроватью. В промежутках пыталась молиться и призывала меня присоединиться к ней. В конце концов она расплакалась. Я не молилась и не плакала.

Мы обе заснули, когда закончился тот ночной обстрел, и непомерная звенящая тишина, повергающая в глухоту и ужас, заволочла слух.

Город изменился. Став частью кошмара, он приобрел соответствующие вид, запах и звучание. Все время висел дым, прозрачный, как пыльца, а зачастую сгущавшийся до консистенции муки. Из окон верхнего этажа было видно, как он укрывает части города и они исчезают. Временами дым застилал все кругом. На улицах появились кузни, где металлическую посуду и колокольчики перековывали на ножи и дробь, часть дыма исходила оттуда. Бесконечно дымились здания, пораженные снарядами. Копоть продолжала вздыматься в небо по прошествии часов и дней, а затем орудия наносили удар новым зданиям. В заброшенных домах возникали пожары. Пушки непрерывно обстреливали окраины, где, как говорили, остались лишь воры, шнырявшие по подвалам, да бродячие собаки, прятавшиеся от мясников. Потому что — и об этом я тоже слышала — теперь в продажу поступило собачье мясо, и за него просили немалые деньги, а в самых лучших ресторанах подавали конину и воробьев. Уже давно, едва уловив первые намеки, я совсем перестала есть мясо, хотя, судя по материальным условиям тетушкиной жизни, мне кажется, на красивых тарелках скорей всего подавали баранину или домашнюю птицу. Богачи и те, кто имел хорошие связи среди военных, еще не ощутили всех тягот. Но в трущобах уже начали ловить крыс.

— А их полно, — сообщил рассказывавший об этом слуга. — К тому же, детка, что за разница между несчастным кусочком бедной прирезанной овечки и дохлой кошкой. Сходили бы вы, мисс, на скотобойню, поглядели бы, что там творится.

Слуги начинали приобретать реальные очертания и колорит. Все-таки это не заколдованные куклы. Некоторые махнули рукой на боязнь оказаться уволенными и потерять жалованье и сбежали. Оставшиеся вели себя необычно, стали неряшливы и важно расхаживали по дому, хотя в присутствии Илайивы сохраняли прежнюю угодливость и покорность. Она не делала им замечаний то ли в силу ума, то ли из безразличия. Когда ее не

было — большую часть времени она проводила за украшенной наядами дверью — эти хамелеоны вновь приобретали окраску кошмара.

Запах горения и трута, назойливый запах пороха стал ароматом города. Рано-рано по утрам кое-где в тетушкином саду поблескивали капли росы. Лето, как и враг, подходило все ближе. Лето разбудило цветы, но цветы казались запыленными и обугленными. Роса походила на ртуть. Если шел дождь, от него пахло гарью, словно он выливался из грязного дымохода. Я боялась за воробьев в саду. Нашли ли они в нем прибежище от рогаток, угрожавших им на оголодавших улицах? Разве не пыталась одна из горничных, которую обучил этому братец, сбить их обернутыми в носовой платок камнями? Или это вранье, послужившее пищей для пересудов?

Давным-давно в другом мире у нас была милая кошка. Она состарилась и мирно скончалась, когда мне исполнилось одиннадцать лет. Как я горевала. А теперь порадовалась. Иначе они забрали бы нашу кошку. Они запекли бы ее в пирог.

Громыхание и крики составляли звучание города. И отчаянный цокот копыт по Форуму Хапсид. Однажды днем я увидела, как роты всадников из полка Орлов и полка Черного Буйвола промчались по нему галопом. Впоследствии всех коней, вероятно, пустили на мясо, и я замечала только, как пьют солдаты из отряда ополченцев с разодранными в клочья красными лентами через плечо.

Среди бойцов, сражавшихся у стен города, и жителей окраин, пострадавших при обстрелах, имелись убитые и раненые. Пантеон переоборудовали в большой госпиталь. Владельцев домов обязали размещать у себя раненых. Вполне возможно, что сосну из тетушкиного сада срубят на дрова, поскольку в городе истощились запасы жидкого горючего и угля.

Иной раз по ночам, когда не было обстрелов, в городе наступала абсолютная тишина. Театры уже давно закрылись.

Прошло два месяца осады.

6

В то утро мне принесли воды для купания, чем теперь зачастую манкировали. Одна из служанок — наверное, подумалось мне, та, что просидела со мной ночь во время первого артобстрела, — положила возле моей постели сморщенное яблочко. Я съела его, хоть и потеряла прежний аппетит. От этого убогого плода повеяло пьянящим ароматом утраченного уюта, паданцами из сада в деревне, куда под конец лета увозила меня на несколько недель мама. Еще там было похожее на сливки молоко и мед. При этой мысли у меня заурчало в животе. Однако мой мозг не сохранил тесных связей с другими органами тела. Его занимали две танцующие марионетки, блистательные, как драгоценные камни.

К тому времени, когда я собралась помыться, вода остыла. Я двигалась в такт с биением колокола, чей медленный и мерный звон доносился из какого-то храма в городе; скорей всего, он звонил по погибшим.

Я сидела на ковре в комнате для игр, когда у входной двери послышался неясный шум. Мне удалось расслышать мужские голоса, стук каблуков и даже бряцанье шпор. Военные; быть может, даже бойцы настоящей армии, еще оставшиеся в городе и руководившие обороной. Они явились, чтобы срубить сосну или выполнить еще какое-нибудь кошмарное задание.

Что-то вызвало во мне желание взглянуть на них, на военную форму; воспоминание. Я вышла: по лестнице поднимался офицер, майор из полка Орлов, и лицо его показалось мне знакомым, будто картина из чужого дома.

Увидев меня, он остановился и выбранился.

— Арадия?

Я кивнула. Меня и вправду так зовут.

Он сошел с лестницы и по коридору направился ко мне. Когда он оказался совсем

близко, я попятилась к окну. В последнее время никто не протирал стекол, они запачкались. И все же света достало, чтобы рассмотреть его. Красивая форма обтрепалась, покрылась пятнами, галун отпоролся, на сапоги налипли комья грязи. Прекрасные густые волосы, промасленные и продымленные, липли к голове, открывая желтоватое лицо. Он сохранил свою исключительность, но постарел на десять лет. Ему рассекли щеку, и на месте раны образовался лиловый струп, а левая рука была обмотана грязными бинтами. Из всего, что я помнила, остались лишь его глаза, асимметрично расположенные, разной формы, горящие и загадочно-тусклые.

— Ты знаешь, кто я такой? — Помолчав, он похлопал рукой по эполетам, указывавшим на его ранг. — Война способствует скорому продвижению по службе. А завтра, как знать? — Он рассмеялся. Этот фальшивый смех тоже оказался мне знаком. Затем он взял себя в руки. — Не могу выразить, до чего мне жаль. Мы провели на стенах два месяца. — Во взгляде сквозило сдерживаемое до поры до времени омерзение, навеянное двумя месяцами, стенами и чем-то еще. Тусклый, бледный накал в глазах, окруженных со всех сторон тенями. Мои глаза, смотревшие на меня из зеркал, выглядели теперь так же. Как интересно наблюдать их на чужом лице.

За последнее время мой слух приобрел болезненную остроту, и я услышала, как наверху тихо отворилась резная дверь комнаты Илайивы. Наверное, ей доложили Он тоже услышал и сказал:

— Извини меня. — Он вышел из комнаты и стал подниматься по лестнице.

Сама не понимая почему, я отправилась следом за ним, как и в прошлый раз. Фенсер. Ненужное бессмысленное имя пришло на память. Я услышала, как они разговаривают друг с другом вдалеке, под лестничным сводом; вот так же я слышала их разговор в тот вечер, когда он обедал у нас. Но их голоса и слова переменились. А может, другими стали его слова и голос.

— Илайива, я оказался здесь по службе. И ни по какой иной причине. Нет ли у вас в чем-нибудь нужды? Предупреждаю: еды осталось мало, есть лишь немного славного вина для друзей.

Она ответила, что ни в чем не нуждается.

Он сказал:

— Это хорошо. Это славно, — а затем — Что ты намерена делать с девочкой?

Она либо ответила жестом, либо промолчала.

— Когда ты сообщила ей?

— Я ни о чем ей не сообщала, — сказала она.

Так ясно донеслись до меня ее слова, будто звон серебра в воздухе. Холодные-прехолодные струйки их речей стекали на меня.

— Ты... не сказала ей? Но ведь она в таком положении.

— Я ни о чем ей не говорила.

Он снова разразился бранью. Ругательства звучали жутко, яростно, совсем как богохульство, но они не потрясли меня. Он говорил:

— Фригидная ты сука, ты оставила ее гнить здесь, и даже ничего не сказала. Ни жалости от тебя, ни помощи. Ты беспощадна ко всем и во всем. Что течет у тебя в жилах, ледяная моча? Ну и дрянь же ты.

И тут я услышала, как резная дверь тихо закрылась.

Он стал спускаться обратно. На полпути между ее дверью и площадкой моего этажа он остановился, тяжело прислонившись к перилам. До меня доносился звук его дыхания: как будто он пробежал много миль, и бег его на этом еще не закончился.

Однако он успокоился, а уже потом отправился ко мне. Он шел мне навстречу, твердо, но неторопливо.

— Давай зайдем еще на минутку в комнату, ладно?

Мы снова оказались у меня в комнате. Он усадил меня на стул у грязного окна и сел рядом со мной. Как будто needing в поддержке, он сказал:

— Арадия, пожалуйста, дай мне руку.

Через некоторое время я протянула ему руку. В мозгу у меня все кружилось бесформенное крошечное цветное завихрение. Оно поглотило меня, все остальное стало расплывчатым. Рука его на ощупь казалась очень теплой; по-видимому, моя была совсем холодной.

— Они послали нас в город, — спустя мгновение проговорил он. — Оборона. Мой батальон и три других. Они считали, что Высокобашенный неприступен. Разумеется. Они разрешили женам офицеров приехать туда, потому что он был надежен и чтобы показать кронианцам, сколь велика его надежность. Вызывающая насмешка. Развлечения и танцы. А к тому времени дороги уже стали чересчур опасны для женщин. Мы сами пережили немало волнующих мгновений, пробираясь сюда. Снайперы и засады... Нет, прости меня, Арадия. Я должен сказать все до конца. Дурные новости. Твой отец, Арадия. Он умер как храбрец. Быстро. От удара шпаги. Он пал одним из первых. Твоя мать... я не присутствовал при этом. Но это произошло, когда арсенал взлетел на воздух.

Неожиданно. Говорят, в таких случаях... Она не успела ничего почувствовать. Ничего, Арадия.

Мы сидели не двигаясь, и он держал меня за руку.

Блisterающий вихрь у меня в мозгу очень медленно стал удаляться. Во мне набухала невероятная боль, словно звук органа, словно звон в ушах. Из глаз хлынули слезы, они прорывались наружу силой, царапая и обжигая глаза. Слезы капали нам на руки.

— Да, Арадия, — сказал он. — Поплачь, поплачь.

И, придвинув стулья вплотную друг к другу, он прижал меня к себе, как раньше прижимала меня к себе мама, прижал к своей форме, пахнувшей кровью, порохом и дымом, ибо люди умирали, прижавшись к нему, а я всего лишь плакала. Я едва замечала его. Он не мог меня утешить. Я знала с самого начала. Величайшая на свете ложь — правда.

Я плакала до оцепенения, а потом он взял меня на руки и отнес в спальню, положил на неприбранную кровать и укрыл простыней и пледом. Я услышала, как резко звучит его голос, он звал кого-нибудь из служанок, в нем говорила злость и в то же время отчужденность, обособленность. Я уснула, и мне приснилось, будто мама, одетая в одно из самых красивых своих платьев, прячется вместе со мной в грязной земляной яме. За нами охотились мясники. Я зарыдала от ужаса и страшной тоски. Но как во сне, так и наяву уже не осталось и следа от преграды между демонами жизни и демонами грез.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Две стройные тени шуршали и перешептывались, склоняясь надо мной; задымленное солнце осадных времен превратило окно за их спинами в топаз.

— Девочка-малышка, маленькая Ара, — повторяла одна из них.

— Не пугайся, — проговорила вторая. — Посмотри-ка, что мы тебе принесли.

Тарелку сахарных леденцов, липких и не очень-то свежих. Я взяла леденец и съела его, потому что они все уговаривали и уговаривали меня. Они очень обрадовались тому, что я его съела.

— Возьми еще, Киска. Ну, бери же. Мы приберегли их на день победы. Да вот, не больно похоже, что он наступит, — они вовсе расхихикались. Пыльный, чуть ли не до тошноты приторный леденец растекся по всему рту и горлу. Я взяла второй, чтобы еще раз доставить им удовольствие. Мне это удалось.

Они присели ко мне на кровать, и одна из них принялась меня причесывать. Нашлась у них и бутылка вина из погреба Илайивы; они по очереди отхлебывали из нее и мне дали глотнуть немножко. Вино оказалось из кислых, оно совсем не походило на те ароматные

напитки, что наливали мне по четверть стаканчика... когда-то.

Но когда-то прошло. Прошло безвозвратно. Именно поэтому и появились они здесь, две молоденькие служанки с нижнего этажа, они прознали о моей беде; о том, как мадам ничего мне не сказала и не позаботилась обо мне. Удалой офицер долго-долго говорил об этом накануне, а потом ушел. Эти две девушки, которым не было еще и семнадцати лет, но которые по всем прочим статьям оказались куда старше меня, для которых прежние времена означали мир, где нужно ваксить и доводить до блеска обувь, гнуть спину, отмывая изразцы, и снимать паутину с карнизов под потолками; эти девушки при приближении Хаоса испытывали не только страх, но и прилив сил. Благодаря мне исполнилось их желание тоже как-то проявить доброту и сострадание. Я стану их приемышем. Бедный маленький козленочек, уж они за мной присмотрят. Они возьмут меня себе, ведь у меня никого больше нет.

Я пребывала в оцепенении, но потом слегка напугалась. Когда начался очередной ночной обстрел и грохот, перемежавшийся красными вспышками, они свернулись рядом со мной клубочком, желая меня успокоить, но присутствие их скорее угнетало меня, а вовсе не утешало. Никогда прежде я не знала подобной тесноты. Но дни и ночи, бесформенные и непонятные, все шли своим чередом, и пребывание у меня в комнате вошло у них в привычку.

Девушку с более темными волосами и кожей звали Лой. Чертами лица она напоминала бессердечную дикую птицу с яркими желтовато-зелеными глазами. Девушка помладше, помягче и попроще, Мышь, оказалась более скрытной и злобной — ведь я видела, как она отрывает мотылькам крылышки.

На протяжении дня Лой и Мышь были заняты: они кое-как выполняли порученную им работу, от которой никак не могли отвертеться. Однако не проходило и дня, чтобы одна из них, а то и обе не забежали ко мне потихоньку утром или попозже. Они часто приносили с собой угощение, сласти или чуть побитые фрукты, а однажды притащили сваренное вкрутую яйцо с забавной рожицей, нарисованной на скорлупе, и я рассмеялась. Мой смех вызвал у них радость с оттенком самодовольства. Уж они-то знали, что сумеют развеселить меня. Они поминали об этом еще много дней спустя. Лой сказала, что яйцо дал старый сапожник с улицы Винтоклас, который тайком держал в чулане кур, о чем не ведали ни военные, ни мэрия. С помощью флирта Лой добыла два яйца, одно для меня, а второе они поделили пополам с Мышью. Сапожник же явно ничего не получил.

— Я — девушка честная, — заявила Лой. — Скажу тебе, однако, — добавила она, — такие наступают времена, что не худо бы повернуть старушку Вульмартис лицом к стене.

В тот вечер, когда пушки смолкли, а мы все не могли заснуть, они рассказали мне про чувственность и про половые сношения. Мама никогда не обманывала меня, просто кое о чем умалчивала. Однако того, что я узнала от нее, оказалось достаточно, чтобы придать убедительности их чудовищным проповедям. Я поверила, почувствовала отвращение и до поры до времени отложила мысли об этом. И тогда я вновь стала что-то ощущать — ко мне возвратился рассудок и своего рода равновесие, ведь мне пришлось измениться для того, чтобы выжить. Не отдавая себе отчета в собственных действиях, я превратила Лой с Мышью в своих наставниц и отчасти в пример для подражания. Если я и смеялась теперь, то яростным смехом беспризорника, как Лой. Я искоса поглядывала по сторонам, как Мышь. Иногда, оставшись наедине с собой, я придумывала шутки, чтобы потом посмешить их. Я делала им прически. Они примеряли мои платья.

В каком же, должно быть, беспорядке пребывает черный дом. Я не встречалась с тетужкой несколько недель. Блюда, которые ей подавали, если было что подавать, скрывались за резной дверью.

— Она-то вообще сумасшедшая, — сказала Лой. — И всегда такой была. Буфетчица говорит, что мадам сидит там, свирепо глядя на обои. К еде еле притрагивается — что ж, нам больше достанется. Ты никогда не пробовала воробьев? — Вовсе не так и плохо.

Но на это я никак не соглашалась.

Однажды в сумерки пушки загрохотали раньше обычного. Девушки прокрались ко мне в комнату.

— Давайте наряжаться, — сказала Мышь.

— Пойдемте на улицу, — сказала Лой.

Ее отвага ошеломила меня и Мышь.

— Куда-нибудь неподалеку. Просто пройдемся по Западной аллее и по улице Винтоklas. Там можно разузнать всякие новости. Разве тебе не интересно, — добавила она, обращаясь ко мне, — что происходит с твоим красавцем-поклонником, с тем офицером из полка Орлов? — Я обо всем позабыла и не поняла, кого она имеет в виду. — Если подняться на Девичий Холм, можно увидеть стены и даже места, где стоит противник, чтоб ему провалиться.

Мышь заверещала от ужаса перед такими выдумками.

— Что вы трусите, — сказала Лой, — благородные дамы все время ездят туда в экипажах и смотрят в бинокли.

— Если лошадей не осталось, откуда бы взяться экипажам? — ехидно сказала Мышь.

— О, их поклонники, благородные господа, берутся за оглобли и служат им вместо лошадей, — весело возразила ей Лой и разделась до сорочки, чтобы нарядиться в мою синюю юбку с лифом, которые нравились ей больше всего.

Она и раньше выходила на улицу, хотя лишь в дневное время, — а иначе откуда бы взялись яйца? Она рассказывала нам о своих приключениях: галантный сержант из ополчения предлагал подарить ей шпильку с бриллиантом и — что куда заманчивей — вульмартовский кекс с весеннего праздника, который не состоялся, если только она позволит ему заглянуть к ней за корсет. Но Лой отказала молодцу и убежала, поскольку была девушка «честная».

Меня они тоже принарядили, а вдобавок наругали как и себе щеки и намазали черной краской ресницы. «Да наша малышка Ара просто самая настоящая красotka!»

Мы выпили еще по капельке вина из погребов, а потом отправились на улицу, выскользнув через боковую дверь и пройдя по саду; каждое еще не срубленное дерево было намазано черной краской.

— Там, в стороне Пантеона, что-то горит.

Брраам — прогремели пушки сазо, и мы презрительно расхохотались.

Небо раскололось, но грохот удара послышался за много миль от нас.

Уличные фонари по большей части не горели, ведь масло для них давным-давно иссякло. В частных домах здесь и там виднелись бледные стыдливые огоньки. Казалось, все аллеи до единой пусты, но девушки размеренным шагом продвигались к западной стороне, и я тоже, раскачиваясь меж ними, словно язычок колокольчика.

Я не выходила из дома Илайвы с начала осады. Годы и столетия незаметно промелькнули с тех пор. То ли глоток дешевого вина, то ли витавший над нами запах дешевых духов придал мне бодрости. Прошлое спало с моих плеч, и мы отпихнули его прочь, цокая каблучками, — Мышь одолжила мне пару своих туфель.

На улице Винтоklas ночь пробудилась. Дуэтом сверкали два костра, и солдаты новой армии, ополчения, болтались без дела, а может, прятались возле них с бутылками в руках; что-то поджаривалось на огне и восхитительно пахло. Горожане пришли туда же, просто посидеть или, быть может, поклянчить кусочек мяса. Толпа, но не страшная. Однако Лой, хорошо знавшая повадки солдат, сказала:

— Поосторожней, девочки.

Проявляя большую осмотрительность, мы направились вперед, к границе между темнотой и светом первого костра.

— Кто идет? — окликнул нас грубый мужской голос.

Лой и Мышь захихикали. Но глядели настороженно.

— Да это же просто три райские нимфы, — сказал солдат-ополченец, подойдя к нам. Дубинка и нож висели у него на поясе. От кушака почти ничего не осталось, а повязка из

бинтов на голове светилась в темноте, как фосфор. — Я умер и попал в загробный мир.

— Надеюсь, ты прихватил с собой немало свиной-сазо, — сказала Лой.

— Ну а как же, что, по-твоему, жарится там, на огне? Знаешь, их ведь можно есть, поскольку они не люди, эти самые сазо.

Я пришла в ужас. Лой и Мышь опять захихикали. Неужели это шутка?

— Будь поосторожней, — сказала Лой, бросая солдату вызов необузданным своим взглядом. — Я слыхала, возможно, свиньи-сазо войдут в город уже в канун Желтой Розы.

— Это неправда. Ведь мы здесь, мы защитим вас.

Лой позволила солдату подвести нас поближе к огню. В ответ на его вопрос она сказала, что Мышь и я — ее сестры, что мы живем в переулке Митлис.

Мясо было ослиное. Я не хотела, не могла есть, но солдат протянул Лой и Мыши фляжку со спиртным, и Лой передала ее мне. После этого я съела кусок мяса. Оно оказалось соленым на вкус.

Солдат много рассказывал об осаде. Ему довелось побывать на стенах. Люди кругом тебя так и падают. Черный смертоносный шар, пролетев прямо над ним, отсек ему кусочек лба. Теперь ему время от времени слышалось, будто с ним разговаривают люди, которых и поблизости-то нет, но он понимал: это от раны, а не что-то сверхъестественное. Он выразил желание проводить Лой до переулка Митлис. Но едва лишь очутившись на какой-то аллее, мы вырвались у него из рук и бегом кинулись прочь. Он рассмеялся и тоже было побежал, не понимая, что его надули. Но он был пьян, и артиллерийский снаряд запечатлел поцелуй у него на лбу. Сделав несколько шагов, он с шумом врвался в изгородь.

Отобедав и попив и ничего не заплатив, мы возвратились к себе в дом. Свобода казалась безграничной.

Позднее той ночью, когда стихли пушки, я проснулась и вспомнила, что ела ослитину; я пошла в туалет, где меня стошнило. Я не стала сообщать девушкам о своей слабости.

Лой в моих синих одеждах тихо спала на спине. Мышь свернулась в клубок и уткнулась в подушки, время от времени она безобидно всхрапывала.

Наполовину пустая бутылка с вином стояла у окна. Я отхлебнула немножко.

В зеркале трюмо, возле которого Лой румянила мне щеки, я увидела свое накрашенное лицо и немытые, но завитые щипцами в спиральки пряди волос.

Я потихоньку вышла из комнаты и поднялась по лестнице черного дома.

Подойдя к резным дверям, охранявшимся наядами, я постучала.

На самом деле я ни на мгновение не допускала мысли о том, что она может откликнуться. И она не откликнулась. Тетушка сидела, прячась за собственными осадными укреплениями, и свирепо глядела на обои; не горела ни одна свеча. Я тихо сказала, что ненавижу ее, и принялась шепотом обзывать ее словами, которые узнала лишь совсем недавно. «Сука», — говорил он тогда.

Затем я снова спустилась, прошла по дому и заняла свое место меж спящих «сестер».

Всего несколько дней оставалось до кануна Желтой Розы, дня летнего солнцестояния. Когда-то расставляли для ужина столы, украшенные цветами шафрана и розами, цветы вплетали в волосы, носили на лифе и за поясом, играла музыка, и все не ложились спать допоздна, встречая поворот времени года.

Я надеялась, что пушки скоро опять загремят. Мне стало трудно засыпать, не слыша их. Они исполнили мое желание.

2

Грандиозное небытие придавило город. Жгучий резкий свет утра как бы выползал из-под этой крышки. Низкие клубы дыма, словно накипь, постепенно укрыли Форум Хапсид. Небосвод над головой каменного монарха, высившегося на пьедестале, был окрашен в чисто-синий цвет, будто небо над другой планетой.

Полчаса спустя Мышь прибежала ко мне в спальню.

— Ара! Всему конец — все кончено. Правда! Помнишь того конюха с лицом летучей мыши — г это он сказал мне, он прибыл прямо с огневых позиций. — Она привыкла к моему летаргическому тупоумию. — Понимаешь, — говорила она, — всем этим старым аристократам, капитанам и прочим умникам не удалось остановить сазо. Ужасные люди, — сказала она, — похожие на старых северных медведей, огромных и черных. — Она сверкнула красивыми белыми передними зубами — задние уже по большей части вырвали — и убежала.

Еще до прихода полудня по улицам промчались всадники на лошадях, которых почему-либо не съели. Одна из групп направилась через Форум.

— Капитуляция! Это капитуляция!

Не отворилась ни одна дверь, ни одно окно. Лошади были худые, изможденные; может, их не имело смысла жарить. Двое мужчин прикрепили плакаты возле статуи и неподалеку, на ограду, повесили листок бумаги. Они усаkali.

Вскоре вслед за этим Лой вышла на улицу и взяла листок. Зеленая бумага, черные буквы, неровно пропечатавшиеся на ней.

«Сей день, десятое число месяца Розы, день летнего солнцестояния, согласно декрету его величества монарха...»

Не в силах более выносить стоны и страдания своей столицы, король посоветовал городскому Сенату сложить оружие и вступить с противником в переговоры о почетном перемирии.

Прислуга в тетушкином доме разразилась хриплыми насмешками. Король, пребывающий на своем острове среди садов и любовниц, решил, что с нас хватит. Ни хлеба, ни масла не осталось, разве что несколько крыс в погребах. И, что куда важнее, нехватка пороху, пушечных ядер и бойцов. Ни разу не прислали нам провианта. Ни одного батальона. Семьдесят дней.

Не ради этого погибли мои мама и папа. Сдать город — значит притвориться, будто ничего не произошло.

Лой уселась перед зеркалом трюмо, надев мою блузку из белого муслина, которую она перекроила и прошила лентой, чтобы она облегла плечи и крутые изгибы груди. В честь времени года она положила меж грудей желтую розу, очистив стебель от шипов.

— О да, напыщенные бессвязные речи, суета. Только они победили нас, эти свиньи. Чего еще могут они пожелать, как не войти через ворота и проследовать через Поле Оригоса по Пантеонной Миле и к самому Пантеону? Раз мы проиграли войну и город принадлежит им, что, по-вашему, станут делать сазо? Лягут, оближут стены и уйдут прочь? Навряд ли. Командующий этих свиней, медведь-генерал, говорит, что мы его очаровали, и он намерен остановиться здесь на летний отдых вместе со своими бедными усталыми бойцами.

— В ней нет ни капли патриотизма, — сказала Мышь, сверкая глазами, как бриллиантами. — Собирается выйти и строить глазки сазо, когда они будут въезжать в город.

Лой дернулась.

— Я патриотка, но не дурочка.

Мышь надела мою синюю юбку и собственный красный корсаж. В ушах у нее были серебряные серьги. Я подумала, что серьги, верно, тетушкины, но не решилась спросить, украла ли их Мышь, а если да, то когда и как.

Они не потрудились принарядить меня по случаю этой прогулки. Волосы остались непричесанными; лицо белым, словно глина, а хлопчатобумажное платье грязным и мятым; приплясывая, они потащили меня за собой.

Солнце клонилось к закату, когда неслыханный рев басом прогремел в воздухе, ударяя по плитам мостовой, по мозгу, по костям. Приближалась буря или землетрясение. Было без малого десять часов. Небо, такое чистое и пустое, светилось бледно-малиновыми красками и глубокой гулкой бронзой над Западной аллеей ближе к улице Винтокалс, а над Восточной аллеей, по которой мы шли, оно уже стало сине-розовым. Большинство деревьев порубили

на дрова, но те, что остались, еще не скинули своего убранства. У листвы был землистый оттенок.

Никому не воспрещалось наблюдать за факельным шествием легионов саз-кронианцев, входивших в город. Некоторые из патриотов поклялись, что скорей умрут, чем станут присутствовать при этом. А прочих горожан обуяло любопытство. Теперь они наконец увидят чудовищных зверей, державших их в кольце. В город уже доставили продовольствие, подарок завоевателей, и это отнюдь не способствовало росту их непопулярности. Оставшиеся в живых солдаты ополчения и городской гвардии, оборванные и разбитые, стояли вдоль всего пути, опираясь на костыли; повсюду — подзажившие шрамы и хирургические повязки, изможденные пепельно-бледные лица. Возможно, они пришли не затем, чтобы поддерживать порядок, а скорей, чтобы подчеркнуть разницу между нами и теми, кто пришел заявить о своих притязаниях на нас.

Хитрая Лой отыскала себе, а заодно и нам, место на балконе таверны. В тот день по приказу Сената закрылись все винные магазины, но это не имело значения: по рукам ходило множество больших плоских бутылей и бутылок поменьше. Вместе с нами на балкон втиснулись два семейства, и еще сколько-то человек расположилось на крыше; под ногами у них зловеще скрипела черепица. То же самое происходило повсюду, и почти у каждого окна столпились люди. Те, что стояли на самой Миле, жались к домам. Широкая мостовая оставалась свободной.

Кое-где уже зажглись огни. Припрятанное масло щедро расточалось в расчете на завтрашнее пополнение запасов. В целом настроение не отличалось высокой трагичностью. Кое-где оно даже приобретало праздничный оттенок, что, впрочем, подлежало осуждению, а потому долго не продержалось. Те, кто испытывал подлинное отчаяние, остались дома. Кое-кто вел себя дерзко, как Лой.

Странная дрожь, пробравшая будто бы сами камни города, не унималась, однако теперь я решила, что это, пожалуй, грохот вражеских колесниц, потому что они приближались. Послышались звуки труб и бряцание оружия. Как часто доводилось мне слышать нечто подобное: фанфары на Поле Оригоса среди безгласного рассвета и дружный топот несметного числа обутых в сапоги ног.

На несравненном фоне угасающего заката саз-кронианцы потоком устремились по Пантеонной Миле.

Одно из послуживших при осаде орудий оказалось впереди, видимо, из стратегических соображений: реальный символ их могущества, всего содеянного ими и того, что им предстояло совершить. Страшное величественное сооружение в виде огромного дракона из блестящего железа и кованой стали, с украшениями и колоссальной пастью, из которой с его огненным дыханием вылетали снаряды. Бронзовые, будто живые глаза; чешуя, доходившая до самых колес, мерцала и горела в свете факелов, которые несли сопровождавшие его солдаты. Дракон с грохотом катился вперед, а следом за ним, чеканя шаг, выступали человек двадцать барабанщиков. Они были одеты в черную форму северян с наброшенными на плечи шкурами черных медведей, чьи головы с серебристыми клыками, обнаженными в рыке, возвышались над их собственными и затмевали их. В задрапированной золотой тканью повозке за барабанщиками следовал их бог в образе медведя, кронианский бог войны. Устрашающего вида, ростом выше человека, с исполинскими лапами, подпоясанный золотым кушаком, увешанный, как и его повозка, боевыми трофеями. На бесстрастной морде пылали огнем налитые кровью глаза, и казалось, будто они двигаются, глядя по сторонам. За ним на лошадях ехали солдаты с боевыми знаменами и фигурами ворона, медведя и волка — кровоточащие языки краски, усеянные каплями золота. Мимо нас прошли два трубача в варварских шлемах с оленьими рогами, в кирасах с серебряными нагрудниками; они пронзительно протрубили в рожки, словно затем, чтобы у нас лопнули барабанные перепонки.

— Вон там, вон, — пробормотала Лой, толкнув меня локтем под ребра.

Там проезжал командующий. Как и большинство кронианцев, он был темнокож и

бородат. Они вообще походили на медведей, косматых, массивных, безжалостных, не раздумывающих. Однако его бледные глаза казались, пожалуй, чересчур блеклыми для такого опаленного, заросшего бородой, схожего с грозовой тучей лица. В нем, как и в образе бога-медведя, стоявшего на повозке, сосредоточилось все уродство кронианцев и вся их горделивость. Он тоже стоял на боевой колеснице. Ее тянули откормленные кони, блестящие, как глянцевые уголья. В руке он держал обнаженный меч. Несмотря на все слова и обещания, на дерзость или облегчение, сошедшие на толпу, этот меч служил свидетельством его намерений и их осуществления.

Следом за этой зловещей фигурой по Миле стройными рядами продвигались пехота и конница, легионы саз-кронианцев с барабанами и флагами. А среди них время от времени появлялись то пушка на колесах, то свора волко-собак на туго натянутых привязях, из тех, что держали для охоты, или еще какие-нибудь декоративные вкрапления, характерные для них, — шалости стального кулака.

Конечно, на их продвижение ушел не один час. Я совсем обессилела, как будто истекала кровью все время, пока стояла там. Дерзкое выражение стерлось с лица Лой. Только губы ее изогнулись, словно увядая. Она плюнула себе под ноги. Но к тому времени колонна уже прошла, ей вовсе не хотелось, чтобы они это заметили.

Я могла лишь более или менее догадываться о ее мыслях. Но она явно почувствовала, что планам ее не суждено сбыться. Люди, созданные из металла и темных лесов. Бесстрастное холодное железо, с которого соскальзывала, скатывалась вся ее живость и веселость.

Ночь сомкнулась над следами завоевателя. Чрезмерно тихая ночь. Мы шли мимо домов с едва очерченными окошками, под высохшими деревьями; никто не приставал к нам.

Черный дом с алыми колоннами отличался своеобычностью, и он не поблек под пятнами войны. Несрубленная сосна возвышалась, как указательный столб. Ее заметили.

Они расселяли своих высокопоставленных деятелей по всему городу. Бывший дворец короля в Сирениях должен был превратиться в резиденцию генерала и в штаб-квартиру его войск. Звездам меньшей величины отводились лучшие особняки. Мы раскрыли им ворота, и теперь придется выполнять их пожелания.

По ночам улицы постоянно охранялись патрулями; они стали вездесущи, но строго придерживались дисциплины. Солдаты Севера не вступали в панибратские отношения с горожанами. Даже если бы они к этому и стремились, языки наши отличались друг от друга, и в большинстве случаев они не трудились над решением лингвистических задач. Пусть этим занимаются побежденные. Они знали, как сказать «стой», «иди сюда», «уходи» и слово «нет», которое настолько походило на их собственное, что мы вполне могли и догадаться о его значении. Я слышала, как их непонятные команды звучат среди Форума, словно свистящие в воздухе клинки. Лой, которую посылали теперь в магазин за едой и которая сплетничала с этим чудом, с молочником, останавливавшим тележку у бокового входа, по возвращении баловала нас известиями. Саз-Крония намерена на все лето посадить нас под замок, словно набедокуривших детей, и выпороть к тому же.

— Еще они вешают наших солдат из действующей армии. Или гноят их по подвалам, — Лой сообщила об этом с иступленной яростью. Никто из кронианцев ни разу не свистнул ей вслед и не выказал желания расстегнуть на ней платье.

А затем, поскольку ворота стояли теперь нараспашку, громовой стук в дверь дома.

— Что скажет мадам?

В грязном платье, без чулок, с вымытыми и накрученными на тряпочки волосами, жуя похожий на надкрылье кусок хлеба, я исподтишка вышла на лестничную площадку посмотреть, придется ли ей сойти вниз по их требованию.

Однако вместо этого медведей пригласили пройти к ней в святилище.

— Бледна она была как сама смерть, — сказал эконо, возвратившийся к нам со стен, не получив увечий, а вот помощник эконома потерял один глаз и сам пропал. — Она сказала: «Господа, я предвидела ваше появление».

Моя тетушка Илайива больше не существовала. Истории, которые рассказывали о ней, вероятно, соответствовали действительности, но, несмотря на это, она жила в иной плоскости, завешенной дымкой; ее можно было увидеть, а вот потрогать нельзя, как привидение.

Кронианцы вскоре спустились вниз. Они отвели эконома в сторону и заговорили, словно обращаясь к наделенной разумом деревяшке, о грядущих переустройствах.

— Мадам придется покинуть свои апартаменты, — сообщил эkonom. С тех пор, как он побывал на стенах, у него стал дрожать голос. Он вовсе не выглядел оскорбленным, хотя и попытался выразить негодование при помощи междометий. — Ей позволено занять комнаты этажом ниже. За все время, что я здесь...

Но кто же прибудет сюда, кто вытеснит мадам с ее места и перевернет весь дом вверх тормашками? Алчность двигала теми, кто задавал вопросы. Они стали нахальны. Для нас, говорили их руки, рты и зрачки глаз, эта неразбериха может оказаться удобным случаем. Поглядите, что пришлось нам пережить на пути к оазису.

Экономи не известили. Какой-то офицер из орды кронианцев, больше он ничего не знал.

— Молодой или не очень? — сказала Лой, чье положение в доме успело так сильно измениться.

Эконом не пожелал ответить. Он поспешно удалился, шаркая ногами.

Одна из горничных, с которой мы не были близки, потянула меня за рукав:

— Мадам велела, чтобы вы поднялись к ней.

Что я могла ответить? Мадам прекратила свое существование. А тут я, неумытая, в неряшливой одежде, с папилютками в волосах, губы намазаны красным, а брови выщипаны, как у Мыши. Мне очень хотелось, чтобы она увидела меня в ту ночь, когда я ела ослатину. Или мне показалось, будто я ела.

Теперь же я испугалась. Необходимость подниматься к ней была мне неприятна. Дрожь постепенно охватила меня с головы до ног, меня затошнило, в глазах помутилось, и я стояла, сжимая в руке кусок хлеба.

Девушка-служанка торопливо ушла. Не успев осознать толком собственных намерений, я начала подниматься по лестнице.

Как странно все, дом полностью запущен, обойден любовью и заботой. Пятна на стенах и коврах. Перила запылились. Я словно впервые заметила это. А ее дверь стояла нараспашку, что оказалось удивительней всего.

Я не разглядела ее гостиной в прошлый раз, не разглядела и теперь.

Илайива сидела у письменного стола с аккуратно разложенными на нем бумагами, монетами и какими-то небольшими коробочками; там же отдельно стояла большая закрытая шкатулка из тисненой кожи зеленого цвета. Тетушка была в халате, с распущенными волосами — чего я ни разу не видела прежде, — очень длинными и густыми, но тонкими, как у меня самой, только черными, словно смоль.

Лицо ее осунулось, и сейчас она казалась молоденькой девушкой примерно на год старше меня, которая ни разу в жизни не сомкнула глаз.

Черные глаза. Она посмотрела на меня ничего не видящим взглядом. Однако сказала:

— Арадия.

И я вспомнила, что так звали меня прежде, только теперь я — Ара, Киска и Глупышка.

— Вот ключ, — сказала она и протянула его мне, — от этой шкатулки.

Нет, ей не под силу увидеть меня, кем я стала. Она вложила ключ мне в руку.

— Этот дом предназначался во владение твоему отцу, а с течением времени и тебе. Поэтому он твой, Арадия.

Я схватила ключ и отдернула руку. Я все еще сжимала кусок хлеба в другой руке. Ее слова не имели никакого смысла. Достаточно ли велика моя ненависть к ней? Я должна собраться с духом. Ведь она — это все, что у меня осталось, а между нами множество миров, и она заперлась в ледяной башне. Ледяная сука. Сука.

— Я прошу прощения, Арадия, — проговорила она, — за то, что не сумела полюбить тебя. Я не способна на такое. Отправляйся теперь вниз. Береги ключ. Впоследствии он тебе понадобится.

Я могла бы плюнуть на нее, ей в лицо или под ноги. Невозможно. Находясь рядом с ней, я все еще оставалась маминой дочкой.

Холод Илайивы сковал мне губы и язык, с вертевшимися на нем грязными словами, которых я не смогла произнести.

Я вдруг отпрыгнула от нее и опрометью кинулась прочь из комнаты.

На лестнице я упала, покатила по ступенькам, выронила ключ и снова подобрала его. Оказавшись в своей комнате, я поняла, что больше не могу есть этот хлеб, и воткнула в него ключ, словно пытаюсь пронзить его сердце.

В тот день тетушка Илайива покончила с собой. Она раздобыла какое-то снадобье, которое ей, по-видимому, приготовил кто-то из городских алхимиков или военных врачей. Она принесла из сада белый цветок и положила его перед маленькой статуей Вульмартис у себя в часовне, а потом задула огонек в лампадке. Вернулась в постель, выпила снадобье и умерла.

Дверь в ее комнаты была прикрыта, но не заперта, и вечером, неся обед, который Илайива, скорее всего, нарочно приказала подать ей, туда вошла горничная. Крики и вопли понеслись из апартаментов, и все в доме галопом помчались поглядеть. Все, кроме меня, — последний кусочек головоломки лег на место — я догадалась сразу. А потому, не в силах сдвинуться с ковра, я припала к нему, к собственному изумлению не понимая, проливать ли мне слезы или проклинать ее. Но тут в комнату ко мне прокралась Мышь и тем самым все предопределила.

— Да, — сказала я. — Эта женщина умерла. Теперь этот дом принадлежит мне.

Мышь жалобно вскрикнула. Вид у нее был крайне напуганный.

Потом, когда зеленая шкатулка, уже открытая, стояла у меня на кровати, а мы ели из вазочки сливки с сахаром, она сказала Лой:

— Ну и натерпелась же я страху с этой маленькой чертовкой. Она заговорила точь-в-точь как т а, как мадам.

3

На следующее утро в дом прибыл флаг-полковник Кир Гурц. Он принял меры в связи с тетушкиной смертью. Всадник отбыл за распоряжениями и, получив их, вернулся; выполнением приказов занялись два младших офицера и двое солдат с лопатами из числа кронианцев. Гурц созвал всю прислугу и обратился к нам на нашем языке, говорил он отрывисто и дружелюбно. Кончина нашей госпожи достойна сожаления, однако устраивать публичные похороны неблагоразумно. К тому же в настоящее время кладбища перегружены работой: хоронят наших соотечественников, погибших на войне. Когда-нибудь в будущем тело госпожи можно будет извлечь из земли и перезахоронить в более подобающем месте. А пока что нам не следует спешить с оглаской этого злополучного поступка, совершенного в состоянии истерии.

Они положили ее в деревянный войсковой ларь и закопали в ее же собственном саду, скрыв все следы могилы; для маскировки они даже набросали поверх нее бревен. Никому не предложили прийти на похороны или втихомолку побывать потом на могиле, чтобы помолиться и возложить цветы.

Покончив с земляными работами, флаг-полковник Гурц собрал нас снова и сказал, что дом пришел в отвратительно запущенное состояние и он этого не потерпит. Следует немедленно повсюду навести порядок.

Он оказался немолод. Он говорил на нашем языке своеобразно, с таким вязким акцентом, что казалось, будто он все время разговаривает с набитым ртом. На крупном плотном теле — черная форма; нет ни орденов, ни медалей. Его обветренное лицо

прикрывала борода, характерная, как и остриженные волосы, для большинства сазо. В отличие от них придерживавшиеся классического стиля мужчины города гладко брились и зачастую отпускали длинные волосы.

Все в доме вдруг рьяно принялись за работу. Минуты через три от привычной неряшливости не осталось и следа. По всем комнатам, лестницам, коридорам разбежались горничные; они мыли, терли и выколачивали. Растрепанные ковры и занавеси изрыгали пыль, словно газы.

Он поселился в комнатах Илайивы, как и намеревался. Солдаты подняли наверх его походные сундуки и переносной киот. Лой удалось украдкой взглянуть на киот. В нем хранились изображения богов Севера, фигуры медведя и волка-шакала.

— Жуткие, отвратительные, — подтвердил стюард, видевший, как их с триумфом вносили в спальню мадам.

Хотя документы, хранившиеся в шкатулке, утверждали меня в правах, мне ни разу не пришлось в голову отправиться к флаг-полковнику Гурцу и сообщить ему, что этот дом теперь принадлежит мне. И никто не посоветовал мне поступить таким образом.

В тот день один из солдат-сазо, прохаживаясь по коридорам, увидел, что я лежу в постели, и принял меня за отлынивающую от работы горничную; он замахал руками и замычал, как бессловесная тварь. На этот раз я проявила сообразительность, поспешно вскочила с кровати и принялась взбивать подушки. Он остался доволен и удалился.

С наступлением вечера, предоставив дом во владение флаг-полковнику Гурцу, ушли все, кроме двух солдат, по-видимому приставленных к нему в качестве телохранителей, да его собственного слуги, иссохшего морщинистого человека, похожего на крысу. Полковнику подали обед в гостиную, относящуюся к анфиладе, воспользовавшись, однако, сервизом со сфинксами. Отменнейшие блюда, ведь теперь провизию на кухню поставляла кронианская армия, и графин красного вина. Он проглотил все без остатка и до капли выпил вино из графина. Слышали, как стюард заметил по этому поводу, что погреба мадам вскоре опустеют, если этот боров-сазо станет каждый вечер осушать по целому графину. Разумеется, раньше слуги совершали набеги на погреба, но теперь они уже не решались на это.

Лой решила, что мы, то есть она, Мышь и я, можем и дальше спать в моей постели, это будет вполне безопасно. Однако дверь следует держать закрытой как днем, так и ночью, а для надежности ручку можно подпереть стулом.

Что-то помешало мне сообщить девушкам о том, как один из сазо принял меня за горничную, хотя я и собиралась. Они наверняка просто завывали бы от смеха — нет, не завывали бы, потому что мы старались не шуметь: вдруг боров-медведь услышит и станет дознаваться, в чем дело.

— Ну что за старый хрыч, — сокрушалась Лой. — Как припомню наших офицеров, талия узкая и волосы красивые...

Мышь принималась журить ее за легкомыслие, и они начинали пререкаться, но уже без прежней живости. Осада города не смогла превратить в пленников хотя бы их, но теперь узниками стали мы все.

4

— Открой мне дверь, не то я проломлю ее.

Заслышав на лестнице его тяжелые шаги, я подумала, что он, как и в другие дни, пройдет мимо. Зачем бы ему обследовать этот коридор? Когда он, грузно ступая, направился по нему, я затаила дыхание. С чего бы он стал пытаться открыть мою дверь? Он попытался. Подпертая стулом ручка завертелась, и стул закачался.

— Открой, говорю.

Почему он решил, что в комнате кто-то есть? Ее ведь могли просто запереть, оставив...

— Открой, Уртка тебя возьми.

Неуклюжее ругательство начисто лишило меня присутствия духа.

Вероятно, я проявила неосторожность, выглядывая из окна, думая, будто меня не видно за тюлевой занавеской. Но патрули кронианцев прохаживались взад-вперед меж изгородей. Какая-то свинья заметила движение и предупредила его.

Он даже ни разу не постучал. А теперь ударил в дверь, собираясь взломать ее; я подумала, что она тут же и развалится. Когда этого не произошло, я промчалась через комнату и отшвырнула стул в сторону.

— Йэхх! — прорычал Гурц.

Он повернул ручку, и дверь открылась.

Мне впервые довелось увидеть врага со столь близкого расстояния. Казалось, он целиком заполнил собою дверной проем и все пространство вокруг него. Его удивленное, раздувшееся лицо склонилось надо мной. Увидев, какое оно шероховатое и пористое, какие на нем воронки и щербины, как буйно разрослась похожая на облако борода, я застыла как загипнотизированная. Глаза у него были маленькие и блекло-синие. Из ноздрей, будто куски проволоки, торчали волосы. От него пахло табаком; говорили, он постоянно курит его; от него очень сильно пахло мужчиной.

— Что это такое? — сказал он. Голос его изменился. Уже не угроза звучала в нем, а неуместная веселость. — Ты свила здесь себе гнездышко, а, Кошачьи Глазки?

— Это моя комната, — выпалила я.

— Да. Конечно, я понял. Мадам в саду, а ты тут. Воцарилась.

Он тоже принял меня за горничную, воспользовавшуюся удобным случаем. На мгновение я ощутила прилив неукротимой ярости, да что толку. Испытывая отвращение и страх, я подалась назад, но не попятилась, чтобы не оскорбить его.

Возле маленьких глаз появились морщинки, послышался дружеский смех потворщика.

— Что ж, почему бы и нет, — сказал он и кивнул. — Да. Большой злой офицер в покоях на верхнем этаже. Маленькая девушка приютилась в комнате для гостей. — Он снова выпрямился, а я так и осталась стоять. — Сегодня вечером, — сказал он, — обед будешь подавать ты.

Я не сводила с него глаз.

— Да, это будешь ты, — сказал он. — Только вымойся сначала.

Я покраснела от стыда. Эта низкая тварь сочла меня неряхой.

— Вымойся вся. Волосы. Ногти. Найди себе платье. Посмотри на кровать, — он указал на синюю одежду, разбросанную Лой. — Надень вот это и принеси мне еду. — Казалось, он наконец заметил, что мне страшно. — Я не причиню тебе зла. — Он нахмурился, упорно владевший мною страх рассердил его: — Что за истории о нас выдумывают. Будь проклято это вранье. А ты делай, как я говорю, и гнездышко останется за тобой.

Он вышел из комнаты и направился куда-то, куда собирался с самого начала. Я услышала, как захлопнулась за ним входная дверь, как приветствуют его телохранители.

Я задумалась о побеге. Но бежать некуда. И в доме не спрячешься.

Какой-то бесформенный след воспоминаний: мне пять лет, я в праздничном платье по случаю визита офицеров с женами...

Жуткий стыд мучил меня: как же это он подумал, будто я — грязнуля. Мне не хотелось иметь дела со слугами и требовать горячей воды, поэтому я взяла в клозете холодной. Я вымылась вся до последнего дюйма, намылив уши, лицо и волосы; подстригла и подровняла ногти.

Затем, как перед вечерними вылазками, которые мы совершали с девушками, я нарумянила щеки, накрашила глаза и губы и надела синюю юбку с корсажем, от которых теперь пахло духами Лой.

Так одеваются для мужчин. Я научилась этому.

Я знала, в котором часу подают теперь обед. Он приурочил его ровно к тому времени, когда с закатом солнца на каждой колокольне и башне города принимались звонить в колокола, возвещающая наступление комендантского часа, введенного кронианцами.

Окна вспыхнули светом, а я стояла наготове на лестничной площадке, ожидая, когда понесут вечернюю вереницу блюд и графин с вином. Я просто что-нибудь возьму и пойду вместе с ними.

В конце концов я почувствовала не столько страх, сколько отчаянную неловкость. Какое-то чисто физическое ощущение, не имевшее названия, овладело мною. При этом мне захотелось заползти под одеяло и скорчиться, укрывшись с головой.

Зазвенели колокола.

Передо мной появилась Лой, она несла четыре блюда на бронзовом подносе. По пятам за ней шел мальчик с кухни, держа в руках стеклянный графин с красным, как рубин, вином.

Оба застыли. Оба пришли к изумлению.

— Он хочет, чтобы я помогала при этом, — сказала я Лой.

— Ладно, Киска-Глупышка, отойди, а не то я опоздаю. Этот старый полковник ужасно придиричив во всем, что касается еды.

— Нет, Лой. Он застал меня врасплах в комнате. Он велел, чтобы я подала ему еду. Здесь все блюда? Что мне нести?

— Тебе? — спросила Лой. На лице ее появилось крайне странное выражение. Я никак не могла истолковать его. И тут она сунула мне весь поднос, да так внезапно и неловко, что мне с большим трудом удалось подхватить его. Я пошатнулась, но все же сумела спасти поднос и себя самое, а она убежала вниз по лестнице. Мальчишка ухмыльнулся, но, ничего не говоря, последовал за мной.

У резных дверей стоял один из телохранителей, будто дуло мортиры среди наяд. Он распахнул двери, и я вошла в тетушкины апартаменты. Мой третий визит.

Теперь я их разглядела. Крысак-слуга шарил по сторонам, зажигая короткие толстые желтые свечи после-осадного образца. Двери спальни, кабинета и библиотеки стояли нараспашку, впуская предзакатные тени. Ванная комната, о которой мне рассказывали, но никогда не показывали, была закрыта, молельня тоже. Но из-за дверей спальни темным блеском мерцало нечто, вполне возможно, глаза медведя и волка, охранявших своих соплеменников.

В гостиной накрыли стол, и он сидел за ним. Кронианцам не особенно нравилось возлежать во время еды. Он был уже не в форме, а в шелковом халате классического стиля. На нем он выглядел нелепо.

Среди салфеток и тарелок лежала книжка; нахмурясь, он что-то писал в ней графитовым карандашом с серебряной ручкой филигранной работы, по-видимому принадлежавшим раньше Илайиве. Когда я подошла к нему, он поднял голову, и хмурый взгляд мгновенно исчез, словно чернокрылая птица. Он улыбнулся, огромные зубы проступили среди бороды.

— Аххх, маленькие Кошачьи Глазки. Она пришла в хорошеньком платьице ради меня.

Он тут же отослал крысака-слугу и мальчика и сам налил вина. Я поставила на стол блюда. Ему пришлось каждый раз говорить мне, что делать дальше, сама я этого не знала. Я налила ему супу. Он съел его. Затем я как-то справилась со своими обязанностями, накладывая на тарелки мясо, жареную капусту с изюмом, овощи в сметане и подливку.

Подразумевалось, что я должна при этом присутствовать. Я стояла. Он ел, жадно отправляя пищу в рот, словно изголодавшийся бык, и щедро подливал вина из графина в кубок. Рубиновая жидкость стремительно испарялась, пища исчезала, скрываясь в его желудке.

Утолив голод, он поднял голову. И снова, улыбаясь, обратился ко мне.

— А теперь у вас на кухне хватает еды? — спросил он.

Я ответила, что, по-моему, хватает. Голос мой звучал как шелест пальмовых листьев.

— А ты питаешься? Иди, вот стул, и садись, садись.

Он взялся угощать меня и стал накладывать еду на тарелку для хлеба; надменный сфинкс на фарфоре измазался в соусе.

Он налил мне четверть стакана вина.

Сердце мое отчаянно рванулось, задохнувшись от боли воспоминаний.

— Вот, выпей, это полезно. Под всей твоей краской белое лицо. Ах вы, городские девушки. А я родился в сельской местности, — с гордостью проговорил он. — У наших кронианских девушек из тех мест щеки как клубнички.

Пока я понемножку клевала крохотные кусочки капусты и баранины, он съел треугольный кусок сыру оранжевого цвета и попытался рассказать мне о своей «сельской местности». Но тут знание нашего языка подвело его. Не в силах подыскать слова, он рокотал, смеясь и досадуя, глаза его блеснули. Я вдруг догадалась: его охватило невероятное, неуместное веселье и возбуждение. Ему хотелось насладиться пребыванием в этой уютной комнате с атласными обоями и обитыми плюшем креслами, среди огня свечей и множества еды. А для полноты счастья ему было необходимо, чтобы и я тоже порадовалась. Лой когда-то говорила: «Всегда води себя так, чтобы мужчине казалось, будто тебе с ним очень хорошо». И я улыбалась в ответ своему врагу, так что от усилия у меня заныла челюсть.

Через некоторое время он потянулся к полке для трубок и выбрал одну, из лакично-коричневого полированного дерева. Он набил ее табаком. Клубы дыма и похожая на облако борода окутывали его улыбающееся лицо.

Я допила вино. И почувствовала, что надолго меня не хватит. Я — словно туго сжатая пружина, которую пытаются сжать еще сильнее. Пусть он отпустит меня поскорей.

Он что-то рассказывал мне: о том, как бегал мальчишкой по лесам, о доме, о поместье, об охоте на волков, — и он упомянул о боге, но мне не удалось толком разобрать его имени: все чаще и чаще он сбивался на свой язык, язык Севера.

С течением времени его веселость иссякла. Он погрузился. До меня доносились долгие звуки, гортанные и звонкие, — погребальные песнопения и обвинения на незнакомом языке. Взгляд его обращался ко мне в поисках сочувствия. Он вздохнул, припомнив, вероятно, что я не кронианская девушка с клубничными щечками, а лишь одна из племени растоптанных и завоеванных.

— Что ж, — проговорил он на моем языке, — так-то, маленькая девушка. Ты совсем устала. Теперь я отошлю тебя вниз, в твоё гнездышко. Никто не узнает. Нашу тайну мы сохраним. Иди.

Облегчение захлестнуло меня волной, чуть не сбив с ног. Я родилась заново, я встала и, чуть ли не танцуя, пошла через комнату.

— Но твоё имя, — сказал он, — как тебя зовут?

— Ара.

Он повторил, и оно прозвучало как свойственное ему рычание: «Аархх».

Он узнал моё имя и тем самым посадил меня на цепь. Однако он знает его не полностью, только один кусочек.

Телохранитель стоял у дверей. Похоже, для него я сделалась невидимкой.

Касались ли ступенек мои ноги?

Я закрыла за собой дверь спальни. Никаких стульев, ведь мой секрет раскрыт, и в любом случае Лой с Мышью скоро придут ночевать, я не могу их не впустить.

Как бы мне хотелось не впускать их.

Уединение — моё сокровище.

В постели я все больше сжималась в комочек, и упрямая пружина ослабла. Все оказалось не так уж и страшно. А теперь я могу уснуть.

Меня разбудила Лой. Она трясла меня, дергая за волосы.

— Ты... ты... ты...

Я перекатилась на спину, и ее худая жесткая рука звонко шлепнула меня по щеке. Я вцепилась в нее и уже было зашипела в ответ, пытаясь остановить ее, еще не проснувшись до конца, не зная наверняка, всерьез ли все это, но подсознательно помня, что шуметь нельзя.

— Сука... ну ты и... сука...

— Лой... нет, Лой... что такое? Лой...

С другого боку появилась Мышь. словно краб клешнями, она ущипнула меня за руку.

Я не смогла сдержаться и вскрикнула.

Это их приостановило. Они отпрянули от меня.

— Ах ты, мелкая мошенница, — с несокрушимым сознанием собственной праведности сказала Мышь.

Фраза повисла в воздухе, словно кристалл на фоне тьмы. Я уставилась на нее.

— Что я такого сделала?

— Что я такого сделала? — передразнила Лой. — Да что же они такого сделали, их светлость.

— Подлая уловка, — сказала Мышь.

Я лежала перед ними; они стояли на коленях, возвышаясь надо мной.

Наконец Лой проговорила:

— Ведь я строила планы насчет него, насчет старого пузана. Разве у меня хоть раз что-нибудь было? Блюла себя. Для пользы дела. И надо же тебе было к нему подлизаться. Тебе.

У меня в мозгу что-то блеснуло, и тогда мне все припомнилось.

— Но ведь... он просто подошел к двери и застал меня здесь.

— Да, только ты об этом позаботилась, не так ли. Я заметила, как ты глазела на него тогда, в первый же день. Я не хотела верить, что ты, при всей твоей благовоспитанности, на такое способна, да и папа у тебя — майор из полка Львов. А что сказал бы твой папа на это?

— Ее блаженной памяти матушка в гробу перевернулась бы, — сказала Мышь.

Внутри меня, в легких, в желудке или в сердце что-то случилось. Я вихрем взметнулась вверх, замолотила в воздухе руками и пронзительно закричала.

Осколочный калейдоскоп движений. Их жаркое дыхание, отдающее кислым от съеденных печеностей; их острые пальцы, впившиеся в меня. Отчаянное шиканье, и вот они уже спихнули меня с кровати, и голос Лой, словно колючка у меня в ухе:

— Ну так убирайся вон. Не желаю находиться с тобой рядом. Я — девушка честная. Не хочу подцепить от тебя сифон с севера.

И они выпшвырнули меня из моей спальни. Я упала в коридоре, а они закрыли мою дверь и подперли ее моим стулом, чтобы я не смогла войти.

Я поднялась на ноги. На мне была лишь нижняя сорочка, в которой я легла спать. Но еще не все потеряно. Ведь я могу спуститься в комнату для игр.

Туда я и отправилась. В комнате для игр горел светильник, и один из телохранителей сидел за игрой в храмины.

Он не заметил меня. Я действовала осторожно.

Что ж, значит, мне придется отыскать какую-нибудь пустую комнату, где нет света, и в ней дожидаться утра.

Нет, и это не выход. Ведь большинство комнат стоит теперь под замком или совсем пустыми, поскольку кронианцы вывезли мебель в другие места. А помимо того, очередному миру только что пришел конец. Миру Мыши и Лой. Даже если бы мне удалось вновь завладеть территорией спальни, служившей ему ландшафтом, этот мир все равно уже утратил состоятельность. Как в тот раз, когда я отправилась в апартаменты родителей и стало ясно, что они прекратили свое существование в одно и то же время, как перестала существовать и я — то, чем я была прежде.

Сама того не сознавая, я спустилась в вестибюль и стала ждать, погрузившись в полное забвение.

В нише возле черной двери по-прежнему восседал домашний божок, у ног его мерцала зажженная на ночь свеча. Отправляясь в путешествие, моя мама всегда брала с собой фигурку богини, служившей ей в детстве защитницей, изображение доброго духа весны; все остальное время она стояла у нас дома, и мы украшали ее нишу колокольчиками, асфоделями и плющом, чтобы холода не досаждали ей. Дух дома Илайивы имел обличье человека в просторных одеждах и с посохом.

У меня за спиной заскрипели, прогибаясь, ступени лестницы. Кто-то из охранников при

полковнике услышал, как я брожу по дому, и пошел узнать, чем я занимаюсь. Возможно, это навлечет на меня неприятности.

Я могу сказать, что меня послали подправить свечу возле божка.

И во всяком случае, так ли уж важны неприятности?

— И что это такое? — сказал он, как и в прошлый раз.

Мягкой для такого тела походкой ко мне подошел Гурц в халате и домашних туфлях; вот он стоит, опять нависая надо мной. Он спустился с верхнего этажа ради меня.

— Я слышал вопли. Крики, — сказал он. — У тебя отобрали гнездышко. Хочешь, я их выгоню, этих злодеев, которые ограбили тебя?

Хмурый тусклый огонек подсвечивал его лицо, как и лицо божка. У обоих были широкие одежды, но божок отличался стройностью; отблески света играли в бороде кронианца.

— Ну, что ж, — сказал он, — тогда ты будешь спать со мной. — Глаза его с тревогой вгляделись в мое лицо. — Я не причиню тебе зла, — сказал он. — Однако такова воля Випарвета. Ты знаешь? Это он тому причиной, если мужчина встречается с женщиной. И никто не сравнится с волком в нежности к сородичам.

Словно падающий дом, он наклонился ко мне и полонил меня. Запах табака, вина, тяжелое прикосновение мужчины.

Он понес меня вверх по лестнице. У меня растаяли все косточки. Я никак не могла понять. Телохранитель у резных дверей исчез, быть может, его куда-нибудь услали. Неужели Гурц принял игру воображения за знак судьбы и ждал, что я вернусь?

Казалось, весь дом проплывает мимо меня, его потолки и лепные украшения, запутавшиеся в огромной бороде ночи. За дверью с наядами тьма сгущалась. На столе еще дымится задутая свеча, рядом — книги и бумаги. Еще одна арка, вторая дверь. На расстоянии вытянутой руки я увидела черную морду волка-шакала; золото, нанесенное на нее пунктиром; огонь светильника, словно дыхание души в его глазах.

Он опустил меня на постель. Он укрыл меня простыней. Поправил волосы на подушке.

Вздыхая, он улегся рядом со мной, горячий как печка. Он больше ни разу не дотронулся до меня.

Глаза волка вспыхнули на мгновение и закрылись.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Последнюю часть лета, два жгучих месяца я провела у него во владении, в черном доме. Я оставалась девственницей до ночи, наступившей вслед за осенней Вульмартией, до моего четырнадцатого дня рождения.

Флаг-полковник Кир Гурц не принадлежал к числу наиболее видных кронианцев, проживавших в городе. Между ним и семьей генерала существовала дальняя, запутанная родственная связь. Присвоенное ему звание носило скорее почетный характер, а его обязанности относились к административной и научной области. Он составлял маршрутные карты и описания дорог, определял количество орудий и размеры потерь. Иногда ему приходилось ставить подпись под смертными приговорами или приказами об отсрочке таковых в отношении пленников, не представлявших особой важности.

Выполняя поставленные перед ним задачи, он и близко не подходил к Высокобашенному форту. Он лишь заносил в вахтенный журнал статистические данные о нем, которые узнавал из поступающих к нему депеш: атаки и прорывы, взрыв арсенала, капитуляция. Весь эпизод в целом занял не больше половины страницы. Я узнала обо всем этом много времени спустя. А если бы все происходило иначе, если бы он находился там и даже сам поднес бы фитиль к пороху, снесшему все высокие башни, удалось ли бы мне тогда

различить на нем пятно позора? Да куда уж мне было. Разве я что-нибудь понимала? И никакой связи между кончиной любви и дикостью происходившего за порогом дома не существовало.

Полное имя генерала кронианцев звучало так: Хеттон Тус Длант, но они дали ему прозвище Уртка Тус, означавшее, как объяснил мне Гурц, нечто вроде Сынок Медведя — он был любимцем этого бога.

Гурц пожелал, чтобы я выучила его язык. Ему хотелось иметь возможность говорить со мной по-крониански, чтобы найти во мне понимание. В моем «ласковом взгляде» — так он истолковал его — он уловил сочувствие и понял, что уже пробудил во мне жалость.

Гурц сам составлял двуязычный учебник для начинающих, с грамматикой и словарем, предназначавшийся для войск сазо. Он подарил мне экземпляр этой тоненькой книжки, а на пустой странице нацарапал посвящение мне и свое имя. Он остался доволен этой книгой и либо не принимал в расчет, либо не сознавал собственных ошибок в употреблении нашего языка. Вероятно, старательно вызубрившие учебник солдаты точь-в-точь повторяли их повсюду в городе.

Каким-то образом я сохранила прежнюю привычку к беспорядочному обучению. Я бралась за занятия с неохотой, в жаркие дни, когда карандаши для рисования становились чересчур липкими. Мне удавалось, как попугаю, запомнить много выражений и еще больше слов; я понимала, что они должны означать, но совершенно не разбиралась в синтаксисе. Произношение давалось мне хорошо, потому что срывающиеся с их губ слова имели, как мне казалось, такие отчаянно сильные, чуть ли не комические ударения, что мне не составляло труда воспроизводить их.

Его зачастую не бывало дома как днем, так и ночью; его все вызывали в Сирении на бесконечные военные совещания, а может, он просто считал, что должен их посещать. Судя по доходившим до меня обрывкам его реплик, обращенных к слуге, он нередко проводил по три-четыре часа, томясь ожиданием где-нибудь в приемной, или бродил по заросшим дворцовым садам, восхищаясь необычными бабочками и претерпевшими видоизменения растениями, вырвавшимися из оранжереи наружу.

Его слуга, Мельм, упорно держался в стороне от меня. Выработанный им метод обхождения со мной заключался в том, чтобы делать вид, будто меня просто нет. Это удавалось ему так ловко, что мне начинало казаться, будто я исчезаю, стоит мне только остаться одной где-нибудь поблизости от него. Позднее, когда я стала обращаться к нему с приказами или просьбами по-крониански, он выполнял все, но с такой чопорной крысиной мордой, выражавшей отвращение, с таким невидящим крысиным взглядом, что я обычно старалась справиться самостоятельно или обходилась без каких-то вещей.

Живя в этих комнатах, я не оставила привычки спать допоздна. Я редко вставала раньше полудня. Стоило потянуть за веревку колокольчика, как тут же приносили воду для ванны, всегда горячую и безупречно чистую. Среди горничных, которых я видела мельком, не оказалось ни одной знакомой мне. По-моему, большинство из них недавно наняли для службы в доме. И я ни разу не встретила ни Лой, ни Мышь — хотя вначале боялась, что мне придется с ними столкнуться.

Каждый день мне подавали завтрак и ужин, но я почти не проявляла интереса ни к тому ни к другому. Аппетит мой не исправился, однако я пристрастилась к сладким и фруктовым напиткам, сокам из цитрусовых или ягод, сливкам с грушами и гвоздикой.

Я заполняла дни своей жизни почти так же, как и прежде: рисовала картинки, играла в храмины или в карточные игры собственного изобретения. Кроме того, я изучала язык Гурца и почитывала книги из тетушкиной библиотеки. Я жила как изнеженный ребенок. Но я уже как-то не умещалась в подобной жизни. Снова и снова на меня находило нечто вроде приступов, необъяснимое беспокойство, своего рода страх, хотя и затруднилась бы сказать, чего боюсь, ведь все людоеды-великаны отступили. Лой запретили со мной общаться, а может, уволили. Боров-медведь заботился обо мне (и даже приносил подарки: то новые карандаши, то браслет, то ленточку) и вовсе не пытался подвергнуть меня каким-либо

безумным и почти невероятным извращениям, которые описывали девушки в своих анекдотах на сексуальные темы.

Он спал в одной постели со мной, когда ночевал дома. Но за все время ни разу на меня не посягнул. Кровать моей тетушки-монахини, как ни странно, была широкой. Он крутился с боку на бок на своей половине постели и очень походил на колонну в выстиранной и наглаженной ночной сорочке; он бывал в хорошем настроении, когда уходил, и не будил меня. Когда же нам случалось оказаться в одно и то же время в вертикальном положении, в одежде, он целовал меня в щеку и гладил по голове. Иногда он сажал меня к себе на колени, но всякий раз ненадолго.

— Уж так она молода, — говорил он. — Я знаю, она совсем еще дитя.

Во мне постепенно возникло внутреннее приятие соприкосновений с ним, выражавшееся и внешне. Они ничем не напоминали того, что мне нравилось или утешало меня, они просто были и не несли в себе угрозы, словно не самые удобные кресла или жара перед грозой.

Прохладными вечерами, когда он оставался дома и ему не нужно было работать, он просил, чтобы я надела одно из нарядных платьев (вызволённых с нижнего этажа), и мы отправлялись в открытом экипаже на прогулку; время от времени мы выходили из него, чтобы прогуляться по бульварам или зайти в какой-нибудь парк.

С тех пор как кронианцы ввели комендантский час, город стал превращаться в загадочное место после захода солнца. Поначалу нас каждую минуту останавливали, чтобы проверить документы. Возможно, с течением времени, наши прогулки стали чем-то знакомым и привычным, и впоследствии нас уже очень редко задерживали.

Лишь кронианские солдаты ходили по тем улицам, которые мне доводилось видеть. Однако нам то и дело случалось заметить призрачное существо размером с человека, пробегавшее по какому-нибудь переулку среди кустов. В подобных случаях Гурц проявлял терпимость.

— Просто кавалер, — сказал он однажды, — никак не мог расстаться со своею дамой.

Он впадал в сентиментальность и, просияв лицом, приказывал кучеру подстегнуть или придержать лошадей, чтобы отвлечь его внимание. Гурц ничего не знал наверняка, и нарушитель комендантского часа вполне мог оказаться мятежником или заговорщиком, замыслившим убийство. Флаг-полковник и сам вел себя по-ребячески.

Прежде мне доводилось бывать ночью в парках только по праздникам, когда их ярко освещали разноцветные фонари; теперь я увидела их как бы в драпировке из темного велюра; лишь яркие звезды бусинками проглядывали меж деревьев, да летняя луна иногда отражалась в озерных водах, будто в зеркале.

Ему хотелось, чтобы я смогла посмотреть на сады при дворце в Сирениях. Я ни разу там не бывала. Такие насекомые, такие розы...

Нередко мы с часок прогуливались по усыпанным гравием аллеям под акациями и каштанами; статуи мелькали меж ними, словно соляные призраки. Возможно, в дневное время там все так же прыгали обезьянки и дети, но я больше не принимала участия в их играх.

Таинственное колдовство ночи среди залитого звездным светом пространства, без стен, без мостовых; особый аромат деревьев — все это завораживало меня. Мне очень хотелось, чтобы Гурц молчал, и большую часть времени он проводил в безмолвии. Мы невинно бродили вдвоем. Я вполне могла быть его молоденькой племянницей.

По завершении такой чинной прогулки мы садились в экипаж, возвращались в комнаты моей покойной тетушки и ложились в ее постель, каждый на свою половину. Я привыкла к нему. Он занимал мое внимание меньше, чем какая-нибудь большая собака. А затем ему снова приходилось по шесть вечеров в неделю допоздна работать за столом в гостиной, попыхивая трубкой, шурша бумагами, царапая что-то пером в своих книжках.

Медведь Уртка, бог легионов, сидел на своем насесте, погрузившись в раздумья; перед ним стояла тарелка с засушенными травами и чаша с капелькой вина. А вот волк, Випарвет,

не смыкал глаз. Какое-то свойство света, проникавшего из соседней комнаты, заставляло его хранить бдительность, не зная сна. Я перестала его бояться. Но я поверила в него, по крайней мере так, как верят в чужую далекую страну.

— Мое решение, — сказал полковник Гурц, неожиданно вернувшись домой среди дня. — Ты увидишь дворец в Сирениях. Здесь твой город. Князя убежали из него. Пойдем. Надевай лучшую одежду, сейчас.

Он принимал меня за прислугу, посудомойку, которой не суждено было ничего увидеть, если только не явятся отважные завоеватели и не восстановят справедливость. Теперь мне полагается бродить при свете солнца по садам, служившим утехой королю.

Умеренным шагом лошади везли нас на запад, мы ехали более часа. Совсем еще маленьким ребенком мне конечно же приходилось бывать в стенах дворца. Или мне только рассказывали о нем?

Возвышавшиеся рядом склоны покрывал лес, более старый, чем город. В то время, когда цвела сирень, с длинных, нависающих над крышами и башенками утесов спускались розовые, лиловые, рыжевато-голубые, словно глазированные, гирлянды. Но время цветения сирени миновало.

Мы отправились в эту поездку в очень душном крытом экипаже. Мне не удалось рассмотреть, как выглядят улицы при свете дня, но я с удивлением заметила, что среди них царит такая же деловитость, даже суэта, такая же шумная предприимчивость, как и прежде. Нам приходилось время от времени останавливаться, чтобы избежать столкновения с другими повозками. Когда мимо окошка горделивой поступью прошествовала колонна кронианских солдат, толпы на улице вроде бы не проявили особенного беспокойства.

Однако пространство вокруг дворца оставалось свободным: войска кронианцев завладели всеми зданиями и подступами к ним.

На открытом форуме перед дворцовыми стенами проводили строевую подготовку солдат; там же, словно дожидаясь своего часа, стояли пушки на колесах.

Красно-черно-лазоревого знамя саз-кронианцев с изображением их тотема, ворона, принимавшегося махать крыльями при малейшем дуновении ветерка, неподвижно висело на круглой толстой башне. Как видно, незачем ему летать. Этот северный ворон и так уже залетел достаточно далеко.

Когда мы въехали за чугунные ворота, возле которых теснились золотистые маки и гиацинты, он обратился ко мне на своем языке, медленно и отчетливо выговаривая слова.

— Мы будем ходить только по дорожкам сада. Ты многое там увидишь. Я приступил к работе над скромным сочинением об этом. Я ни разу не заметил, чтобы хоть что-нибудь повторялось. Ты сможешь оказать мне помощь. — Он подготовил эту речь не только для меня, но и для окружающих, в оправдание тому, что привез меня с собой.

Экипаж остановился во дворе. В обветшавших конюшнях стояли лошади, а на чурбане, с которого всадники забирались в седло, сидел и чинил упряжь конюх-кронианец. Он пристально поглядел на меня, но мой покровитель покачал головой, и он тут же отвернулся.

Пройдя под аркой, мы отправились вдоль по крытому проходу, сплошь увитому плющом я вьюнками, а затем оказались на расположенной в вышине террасе.

С нее открывался прекрасный, просто поразительный вид. Я так долго просидела взаперти в черном доме, а когда меня выпускали на свободу, оказывалась в лишенных красок покоях темноты.

Справа от меня возвышался дворец: синевато-серые камни, зубчатые башни и крыши, похожие на чешую пятнистой ящерицы. В окнах отражался яростный свет солнца, а на флюгерной башне сверкал золотой павлин. Из трубы над кухней валил дым. Но под древними карнизами свили гнезда грачи. Этому дворцу чего-то слегка не доставало, он стал не нужным, им перестали пользоваться, а когда в расположенных над ним лесах раздавалось стрекотанье сойки, явственно ощущалась тишина, заполнявшая огромные пространства вокруг.

Но сады, вырвавшись из-под узды, превратились в чудесные джунгли, какие

встречаются в книгах сказок, похожие на леса, где веками спали принцессы и скрывались, предаваясь тягостным раздумьям, заколдованные принцы в зверином обличье.

Зеленые лужайки с похожими на кисточки травами, зеленый каскад деревьев, среди которого, подобно огню, всеми оттенками розового и янтарного цвета полыхали розы. Вот будто игрушечный храм из белого мрамора, купающийся в китайских розах. А дальше, ниже по склонам, все сливалось в сплошную бирюзу, теряя конкретность, и лишь верхушки сосен, напоминавшие о пагодах, торчали в ней, да голуби то появлялись, то снова пропадали из виду, как иголка в ткани. И хотя дворец затих, хотя умолкло журчание жизни в его жилах, одичавший сад шумел и рокотал. Птичье пение, жужжание стрекоз и пчел звучало в унисон с ветром.

— Ты видишь куст, — проговорил он на моем языке, чтобы я наверняка поняла — Он с экватора. — И добавил прерывающимся от восхищения голосом: — Семечко из тамошних теплиц оказалось бродягой. Но этот чужеземец пустил корни. И пышно разросся.

Огромные трубчатые листья зеленого цвета отливали черным, сок или масло переполняли их, они сверкали, упиваясь солнцем. А как же зимой, как оно справляется тогда? Растение выжило, значит, какие-то способности развились в нем. Я подошла поближе, чтобы потрогать листья, и как раз в это время открылась дверь в стене и на террасе появился кронианский офицер.

Они о чем-то быстро переговорили, но мне удалось разобрать лишь пару слов. Похоже, генерал Длант узнал о приезде Гурца и просил его явиться в штаб.

Гурц обеспокоенно посмотрел на меня:

— Я должен пойти во дворец. Ты будешь умной девочкой? Можешь погулять, только не уходи с расчищенных нами дорожек. Если кто заговорит, сошлись на меня. Видишь хорошенькую беседку? Там я встречу тебя.

Офицер нетерпеливо ждал, стоя у него за спиной. Гурц обернулся и сказал по-крониански что-то резкое и смешное. Борода прикрыла заливший его лицо румянец. Они прошли во дворец через дверь в стене.

О, какое счастье, какое блаженство. Этот рай, и я одна в нем.

Девственная Вульмартис была мне другом. Это она неожиданно оказала мне благодеяние.

Какая сладость, словно пьянящая игра еще не знакомых мне в то время вин, разлилась и забила ключом у меня в жилах. Я ожила.

Я стала спускаться по ступеням, сначала шагом, затем словно танцуя.

Над одичавшими лужайками тучами взлетали в воздух бабочки, с низко свесившийся душистой ветки на меня просыпался дождь из лепестков.

Сердце мое, казалось, стало больше; оно вот-вот проломит мне ребра и задушит меня, но это не имело значения.

Как странно: будто сама печаль оказалась моей тюрьмой, и понадобилось лишь отворить в ней дверь, чтобы я вновь вырвалась на свободу в подлинный, истинный мир.

Крохотная армия шествовала среди травинок, ее изысканные знамена — цветы — покачивались при каждом дуновении ветерка. Но в тот день ветерок поднимался редко, и армия эльфов провела в бездействии немалое время.

Я прошла мимо беседки, превратившейся в изящную руину, спустилась ниже и обнаружила мраморную нимфу; из ее левой груди когда-то бил струей фонтан, а теперь нет. Я пошла дальше, хотя лишь смутно различала дорожку, и затерялась в чаще, где деревья сплелись воедино, образуя коридор, обшитый кипучей зеленью. На лозах дикого винограда, опорой которым служили стволы деревьев, висели кисти плодов, похожих на белесоватую иссиня-зеленую яшму; мне они показались кислыми, но пчелы так и роились вокруг них.

Коридор тянулся дальше, и время от времени сквозь поросль проступали перекосившиеся плиты былой дорожки. Эта волшебная галерея могла привести к чему угодно, к любым чудесам. Я отыскала в ней окошко и, выглянув, увидела раскинувшиеся по холмам сады, спускавшиеся к похожему на галлюцинацию, окутанному дымкой городу.

Проход же казался нескончаемым.

Когда сквозь деревья пробился грубый звук ударов, я испугалась, но птицы после минутного сомнения вновь завели свои разговоры. Это был стук топора, молотившего по живому дереву. Мне и прежде доводилось слышать, как работают лесорубы, во время осады такое случалось часто. Теперь этот звук показался мне неуместным, но это вовсе не значило, что в нем кроется угроза. Послышался еще удар, потом еще и еще, звуки обрели упорядоченность.

Я сделала шаг, и в траве метнулась жаба оливкового цвета.

Я впала в нерешительность, будто столкнулась с предзнаменованием. Неужели чудесный коридор ведет всего лишь к кронианским солдатам, которые валят деревья?

Изматывающее буханье свирепого топора все не стихало. Через минуту я перестала понимать, откуда оно доносится. Вполне возможно, сзади, с начала дороги, по которой я шла.

Я стала осторожно продвигаться вперед. Неровная дорожка слегка повернула, и в заполненном тенями своде внезапно возник проем. Еще одно окошко в коридоре, а может быть и дверь.

Через некоторое время я подошла к этому пролому в зеленом свечении солнца. Брешь сторожил дуб, чьи длинные мощные корни глубоко ушли во влажную тень и изумрудные мхи. Я ухватила за мускулистый ствол, изогнулась и поглядела в пропасть, на прогалину.

Внизу в тридцати футах от меня трудился топор. Беспомощная умирающая вишня не могла убежать от него; она содрогалась при каждом ударе. Дрова для кухни, а по осени и для каминов генерала и штабных офицеров? Вишневое дерево приятно пахнет, когда горит.

Двое сазо не то присели, не то оперлись на обрубок предыдущей жертвы. Один из них курил трубку. У его ног в выжидательной позе лежали два черных пса. Человек, рубивший дерево, был в одной рубашке и бриджах. Напротив него, среди глубоководного полумрака прогалины стояли еще трое людей в такой же одежде. Вот что стало их формой: грязные рваные рубашки, вылинявшие бриджи. А ведь раньше это была форма армии, в которой служил мой отец. От знаков различия ничего не осталось, разве только следы четырех отдельных полос вдоль штанины. Их бриджи совершенно потеряли всякий цвет, зато рубашки сменили нетронутую белизну на многообразие оттенков и разводов. Сапоги у них порвались, но лишь один ходил босиком. В руках они держали кто топоры, а кто ножи. Они готовились разрубить на куски сокрушенное дерево, как только оно упадет. Кронианцам, которых не сокрушил никто — напротив, они заплотнили город и землю, — не было нужды опасаться, что кто-то порубит их.

Третий из стоявших в ожидании пленников пошевелился, переминаясь с ноги на ногу. Он то ли вздохнул, то ли зевнул и на мгновение приподнял голову. Коричневая птица, насистывая, сидела на ветке. Казалось, он разглядывает ее. Этот человек был Фенсер.

С тех пор, как я видела его в последний раз, внешность его почти не изменилась. Окруженные синевой глаза ввалились — получилась маска. Но он похудел. Волосы у него отросли, свалились и чуть ли не почернели, а лицо покрылось щетиной, как у человека, начавшего отпускать бороду несколько дней назад. Очевидно, ему в какой-то момент удалось побриться. У его сотоварищей бороды уже отросли, как у их тюремщиков.

Он стоял, наблюдая за птичкой, пока та не улетела.

И тогда дерево затрещало, закричало и повалилось; по всему лесу, как пузырьки в шипучке, устремились вверх бабочки. Кронианцы пролаяли приказы на своем языке. Их псы поднялись на ноги с лентой, однако в то же время зарычали. Все пленники принялись за работу: они обрубали ветви дерева и расчленили его тело, как грабители могил, уродующие труп, и Фенсер оказался одним из них.

На мне было надето зеленое платье, я прижималась к дубу — он не заметил меня. Никто из них меня не заметил.

А я окаменела.

Я не могла сойти с места, пока все дерево не разрубили на куски, не погрузили их

частично на салазки, а частично на собственные плечи и не унесли прочь. Когда прогалина совсем опустела, я очнулась. Я оторвалась от ствола дуба. Я пошла обратно по коридору, увешанному теперь длинными текучими тенями. Попадая каблуками на камешки, подворачивая ноги, задевая запястьями за шипы. Я не смотрела, чтобы не видеть. Голоса черных дроздов и соловьев звенели, выводя мелодии, но я не слушала их больше, не слушала совсем.

Гурц встретился со мной в беседке, я вела себя послушно. Он пришел поздно. Солнце клонилось к закату, розовый анилин раскрасил величественное небо, повсюду разлился аромат цветов, и птицы, слетаясь в гнезда, шелестели, словно складки платья.

Он что-то такое сказал — вроде бы, нам с ним тоже пора возвращаться к себе в гнездо.

На его большом лице явно проступила тревога о чем-то, но едва ли я обратила на это внимание. Заметив, что я молчаливей обычного, он спросил, не было ли мне страшно одной. Я покачала головой. Он растер мне руки, чтобы согреть их, и мы отправились обратно через террасу на конюшенный двор, где нас уже ждал экипаж.

Он говорил со мной на всем пути через город к дому Илайивы, как бы извиняясь за то, что бросил меня одну. Я не расслышала ни единого слова.

2

Разумеется, я не знала, по какой причине мы вступили в войну с императором Саз-Кронии. Возможно, мой отец упоминал об этом раз-другой, беседуя с друзьями и сослуживцами за столом во время обеда или ужина, но я редко принимала участие в трапезах среди военных. И никогда не задавала вопросов, связанных с войной. Какое значение имела в те дни война?

Полковник Гурц, солдат-ученый, заносивший в книги летопись военных походов и данные о флоре и фауне дворцовых садов в Сирениях, тоже заботился о том, чтобы серьезные вопросы не коснулись меня.

Мне кажется, он поступал таким образом не из недоверия ко мне. В конце концов, кем я была? Безграмотной замарашкой с кухни. И хотя ему нравилось женское общество, хотя, оказавшись в нем, он любил поговорить о благочестии, о природе или своих родных лесах... война оставалась уделом тех, кто ее затеял, то есть мужчин.

Собственно говоря, мне кажется, она была не по душе ему самому, он лишь усматривал в ней возможность отправиться в путешествие и помучиться ностальгией по всему, что осталось дома.

Что же до городских слухов, в то лето они долетали до меня реже, чем когда бы то ни было. Никто из слуг больше не сплетничал со мной. Крысак-Мельм продолжал не замечать меня. Все, что мне удалось углядеть из окон дома, казалось нормальной повседневной жизнью, вновь вошедшей в свое русло.

Через несколько дней после того, как я побывала в садах короля, мой жаркий беспокойный сон поутру нарушили громкие крики, донесшиеся с Форума Хапсид.

Я с неохотой пошла к окну. Я подумала, что кто-то из служителей судебных ведомств, которые кронианцы по большей части позакрывали, снова пришел и колотит в двери суда.

Человек тридцать солдат сазо беспорядочно двигались по Форуму; почти все они горланили, выкрикивая что-то на своем языке. Двое забрались в пересохшую поилку для лошадей. Вроде бы, они подрались. Еще какой-то человек пытался влезть на статую короля, волоча на плече кронианское знамя с изображением медведя и позолотой.

Внезапно отряд кавалеристов сазо с цоканьем прорвался по Западной аллее и ворвался на Форум. Они поскакали галопом прямо на своих соотечественников, и те бросились врассыпную. Кое-кто из всадников пронзительно кричал. В руках они держали обнаженные сабли и размахивали ими, но в ход не пускали. Мне удалось заметить, что одного из солдат сбили с ног. Изо всех сил пытаясь увернуться от копыт, он прокатился по земле к ограде дома Илайивы.

По завершении атаки пешие солдаты оказались разбиты на разрозненные кучки; будучи не в силах что-либо предпринять, они сердито приумолкли. Но забиравшийся на памятник человек продолжал подниматься, теперь он находился на уровне каменного колена короля.

Капитан кавалерии закричал, приказывая ему спуститься.

Сазо полез дальше, не обращая на него внимания.

В ответ на это капитан жестом послал одного из всадников вперед. Этот парень держал в руке кремневое ружье; он стал неторопливо заряжать его, доставая патроны из подвешенной к поясу сумки. Лошади ни разу не пошевелились, даже когда капитан снова заорал на солдата, взбиравшегося на статую. На этот раз тот глянул вниз. Двое или трое пеших солдат тоже разразились криками, твердя ему, чтобы он спускался.

Похоже, он заколебался. Но за эти полминуты терпение офицера истощилось. Он рывкнул по-крониански:

— Снять его оттуда!

Я поняла эти слова.

Стрелок взвел курок и прицелился.

В попытке водрузить флаг на голову статуи вскарабкавшийся на памятник солдат совершил безумный, незабываемый бросок. Он потерпел неудачу, и тут же раздался щелчок выстрела. Солдат истошно завопил, нога его от щиколотки до колена окрасилась в темно-красный цвет, и он отвесно рухнул вниз на Форум вместе со знаменем. Он упал к подножию памятника и застыл там без движения.

Через некоторое время солдаты подняли и унесли его прочь; все кронианцы удалились, оставив за собой лишь немного лошадиного помета, который потом уберут, да поразительно яркую свежепролитую кровь, растекающуюся вдоль королевского пьедестала; вскоре она засохла и почернела.

Я присела на кровать, размышляя о том, что увидела собственными глазами. Меня не заботил смысл происшедшего, и даже нанесенная человеку рана, а возможно, и его смерть не особенно потрясли меня; я уже очень много слышала о подобных событиях, хотя увидеть такое со столь близкого расстояния мне пришлось впервые. И тем не менее неумолимое беспокойство напало на меня. Оно плотно сцепилось с тем угнетенным состоянием, которое упорно не покидало меня со времени прогулки по прекрасному саду. Оба являлись гранями единого целого. Необходимо восполнить недостающие пока фрагменты, и тогда облик чудовища станет зримым.

Листья на деревьях, стоявших вдоль аллей, выглядели по-осеннему на протяжении всего лета; теперь они начали облетать.

Люди выходили из домов и собирали их по улицам; я видела, как слуги из нашего дома сгребают и уносят листья, лежащие меж изгородей. Они пойдут в компост или послужат топливом, и сбор листьев, как беспокойные поиски фуража птицам, предвещал захваченному врагом городу тяжелую зиму.

Гурц часто уходил из дома, даже по ночам — удовольствие, омрачавшееся лишь неизбежностью его возвращения.

— Я кое-что рассказывал тебе об Отечестве, — сказал он мне по-крониански однажды днем, когда мы вместе обедали в гостиной. — Тебе не хотелось бы увидеть мою страну, Аара?

Я уставилась на него. Затем вежливо ответила, что это было бы очень интересно. Я восприняла его слова примерно как предложение показать мне поверхность луны — нечто за пределами досягаемости, — а мне все равно не хотелось никуда уезжать.

Он больше ничего не говорил по этому поводу до семи вечера того же дня, когда два офицера прискакали верхом и сообщили, что генерал Длант опять вызывает его к себе.

— Видишь ли, Аара. — Уже в перчатках и в плаще, он замешкался в сумрачной комнате, где Мельм не потрудился зажечь света, поскольку я буду находиться в ней одна. — Видишь ли, малышка, ваш король совершил крайне глупый и беспринципный поступок.

Полагаю, вид у меня был удивленный. Мне привилось уважение к монархии,

свойственное офицерам армии.

— Да, Аара. Он передал нам ваш город и вместе с этим пошел на условия, которые подразумеваются при капитуляции столицы. Теперь он заключил иное соглашение, с нашими врагами.

Я потупилась в ошеломлении. Саз-Крония — наш враг. Значит, помимо нее существует кто-то еще?

— Вполне возможно, — сказал он, — что император прикажет нам оставить город.

Но ведь это — прекрасное для меня известие, если только оно вообще о чем-либо говорит.

— Я не могу бросить тебя, — проговорил он вдруг, и лицо его помрачнело, — на волю случая. Нет. — Он затряс головой и с фальшивой неуклюжей игривостью добавил: — Ты никому не расскажешь о том, что я говорил сейчас? Выбрось все это из головы. Я позабочусь о тебе.

Когда он ушел, я зажгла светильник и свечи и села рисовать карандашами картинку: замок на вершине скалы, поросшей деревьями. Но она слишком уж походила на другие пейзажи с дворцами и фортами. Я впустую тратила время, машинально рисуя, грызя карандаши, складывая из них квадратики и звездочки на листе бумаги, то и дело подходя к окну поглядеть на подвластную комендантскому часу ночь.

Но мне не хотелось отправляться на луну. Это совершенно невообразимо, а потому мысли о том, что он сказал, не задержались у меня в голове. Я действительно отбросила их прочь.

Во сне, в далеких глубинах, снова была осада, сокрушительный грохот перемещался с места на место, и пронзительные крики подобно летучим мышам стремительно пролетали между стропилами ночи. Огонь запылал в зеркале. Мы с Фенсером бежали по бесконечному переулку. Запах пороха и гари вытеснил воздух. Среди тлеющих окровавленных деревьев пели соловьи.

Где-то внизу в доме хлопнула дверь, и я проснулась; что-то горело в городе Вдали затих шум криков и шагов.

Никто меня не предупредил, мной овладел ужас. Я вылезла из постели, втиснулась в халат, кинулась в гостиную.

Там сидел Мельм и спокойно курил хозяйскую трубку. На этот раз он мельком взглянул на меня. Он проговорил на моем языке:

— Иди обратно в постель. Ничего. Маленький бунт около вашего Пантеона.

Запах табачного дыма непристойным образом проник в мой сон. Захлопнувшаяся дверь — что-то принесли, ведь на столе стояла большая кожаная шкатулка. Иногда Гурцу в таких коробках доставляли бумаги.

Никто не собирался помогать мне, поэтому я возвратилась в спальню и закрыла дверь. Я зажгла свечи; два бога кронианцев, медведь и волк, подняли головы и открыли глаза.

Я взяла графин и, следуя наставлениям Гурца, налила капельку вина в чашу Уртки. Мне не позволялось совершать приношения волку. Он был неразделимо связан с семейными традициями кронианцев, с культурой и домашним очагом, с бракосочетаниями, с рождением, с почестями и сокровенными ритуалами погребения. Может, он защитит меня, ведь я принадлежу Гурцу.

А город совсем затих. Как будто его убили.

Я лежала на спине, наблюдая за волком и медведем И тогда вспомнила, что сегодня — день праздника Вульмартис, осенняя Вульмартия. Люди сплетут ей венки из васильков и маков, а к стройным ее ногам сложат снопы пшеницы и ржи, виноградные кисти и яблоки. По деревьям пройдут процессии с ее иконами, но ее образ в Пантеоне был неподъемен и стоил, как говорили, десяти мешков золота Толстый слой листового золота покрывал ее, в глазах сияли драгоценные камни, зеленые сапфиры с Востока. Шелковое платье, расшитое жемчугом, хризопразами, аметистами... Не Фенсер ли бежал к Пантеону? Ну конечно он. Это же тот самый переулочек, что ниточкой тянется вдоль Мили по ту сторону от нас. Почему

бы так? А в руки ей вкладывали хризантемы, цветы победы и смерти...

Черный глянцевоый взгляд волка требовал, чтобы я спала, ведь ночное время принадлежит ему, и он рыскает по всем лесам мира и словно призрак появляется перед пасущимися оленями, а они не убегают, они ложатся, будто перед сном, склоняясь перед его волей. Тому, кто услышит его песню, суждено погибнуть, но если набрести на его следы, бегущие среди росы или зимних снегов, это сулит удачу. Люпины вырастают на месте его следов, сине-серые волчьи цветы.

И наконец по-волчьи сереет окно. Утро дня Вульмартис.

Я снова закуталась в халат и подползла к окошку спальни. Холодно сегодня перед рассветом. За окном — неясное мелькание среди деревьев: птицы или тающие духи. В мелкой лужице дыма — или тумана — наполовину потонули крыши. А скоро — солнце.

Я поползла в другую сторону, к дверям спальни; мне хотелось пить, а на буфете в гостиной стоял неполный кувшин с ячменным отваром. Неужели Мельм до сих пор сидит там, словно страж при коробке с документами? Оказалось, что нет. Лишь тени сидели возле стола, по которому Илайива, распустив волосы, разложила однажды свое имущество. Я вспомнила, сколько ей было лет. Двадцать шесть, и тогда она покончила с собой. А мне исполнится четырнадцать — завтра.

Я добралась до кувшина с отваром, жадно выпила и остановилась в нерешительности. Мне почему-то казалось, что после такого хорошего и даже чересчур долгого сна у меня отнимется способность спать. Никогда мне больше не заснуть.

Я раздвинула занавески на окнах, и ледяные отблески люпинового света зажглись на замке кожаной шкатулки.

У Гурца было два ключа от этого замка, один он всегда держал при себе, другой хранился в ящике письменного стола Илайивы. Я подошла к столу и потянула за ящик. Действия мои не имели никакой причины, просто хотелось занять время, раз не спится. Ящик не выдвигался. Но существовало два ключа и от этого замка. Мой покровитель не знал об этом, а уж о том, что в зеленой шкатулке, которую передала мне тетушка, лежит второй ключ — и подавно.

Шкатулка хранилась среди моих вещей в чулане при спальне. Он никогда о ней не расспрашивал. Просто игрушка, украденная мной вместе с платьями, в которых мы щеголяли с горничными, Лой и Мышью.

Открыв казенную кожаную шкатулку, я обнаружила, что в ней, как всегда, полно бумаг, почти все запечатаны и перевязаны бечевкой. А сверху — лист пергамента, на нем шапка с гербом Саз-Кронии и изображением ворона, чернильная пометка «Из Сектора Пантеон». Я педантично перевела сообщение, написанное неприятным напряженным почерком. «Полковнику Гурцу, спешно Согласно общим установкам вам надлежит предъявить законное обвинение и вынести смертный приговор. Далее следуют имена тех, кого опасно оставлять в живых при сложившихся обстоятельствах. Как обычно, ответственность за выполнение подобных задач возьмут на себя и другие люди. Ваша подпись должна быть представлена назавтра до полудня. Заметьте: по размышлению имена некоторых людей оказались вычеркнуты, поскольку они имеют потенциальную возможность содействовать осуществлению замыслов императора. Нынешние условия не позволяют соблюсти аккуратность и переписать бумагу набело; пусть исправления не вызывают у вас сомнений, они не должны помешать вам подписать документ».

Внизу стояла неразборчивая загогулина и черная восковая печать.

Я приподняла лист с предписаниями; под ним лежал список смертников на тускло-красной бумаге с казенными значками, бумага запачкалась, и чернильное пятно расплзлось по ней.

Я не считала вписанных туда имен, но заметила, что кто-то в спешке зачиркал три из них — их стало невозможно прочесть — и нацарапал рядом с каждым букву, с которой, видимо, начиналось его имя.

Пятым в списке значилось аккуратно выписанное, незачеркнутое полное имя Фенсера.

Я вскинула голову, как зверь, почувший, что заря, клинок света, слишком близко.

Сердце мое пустилось в галоп. Кровь застучала в ушах, оглушила меня. Из-за ее стука, окажись Гурц теперь на лестнице, я ничего не услышала бы. Но разве это могло остановить меня?

Как и Сектору Пантеон, вершившему правосудие над агонизирующим мятежом, условия не позволяли мне соблюсти аккуратность. Может быть, по нетвердости знаний я неправильно истолковала слова некоторые; может, оно обозначает определенное число, выраженное неизвестным мне способом; совпадут ли по цвету чернила, стоящие на столе, с чернилами на бумаге, удастся ли мне подделать потной рукой первую букву имени зачеркивавшего?

Я чиркала и чиркала пером по бумаге, она порвалась. Я ужаснулась, но благодаря этому неистовству вычеркнутое мной слилось с остальным и уже ничем не выделялось.

Я ни на миг не задумалась о других людях, которых могла бы спасти, которых бросила на верную погибель. Я не могла вызволить всех. Я не воспринимала их как нечто реальное. Утром в свой день Вульмартис закрыла мне глаза повязкой.

Я все сделала, снова закрыла шкатулку, замела следы содеянного и, обессилев, поплелась обратно в спальню. Тихонько постанывая, я свернулась клубочком и укрылась с головой, прячась от клинка рассвета.

Я впала в транс, я ждала, а когда наступил желтый, с закрытыми веками день и пришел он, притворилась, будто ничего не воспринимаю; я слышала его шумное дыхание и кряхтение, я не спала.

Задолго до полудня он снова встал с постели, позавтракал, отомкнул шкатулку, прочел лежавшие в ней бумаги, мрачно поглядел и, ничего не проверив, поставил подпись на тускло-красном листе. Конный курьер забрал лист и умчался прочь.

Я опустилась на колени в ванной, меня вытошнило и затрясло в лихорадке.

— Нет-нет, мой птенчик, тебе никак нельзя болеть. Только не теперь. — Он очень забеспокоился. Он привел врача. — Это просто какое-то женское недомогание, колика. Известковое снадобье. Завтра все должно пройти.

Мне показалось, что в честь Вульмартис звонят колокола; возможно, звон раздавался только у меня в голове.

3

Страх явился ко мне верхом на бездонной тишине. Я дремала, но не спала; у меня в мозгу кружили мысли, а внизу находился огромный чан, заполненный пустотой, и я крохотной пылинкой плавала у его краев. Как невероятно просто оказалось справиться с этим делом. Вульмартис споспешествовала мне. Но я соприкоснулась с Судьбой, Истиной и Смертью, с великанами, что высятся среди мрака, где дети ходят, спотыкаясь.

По прошествии ночи мой возраст изменится, и это некоторым образом помогло мне все перенести. Но этого недостаточно. Какие дальнейшие действия могли бы привести в порядок разладившийся внутренний механизм, мое сердце и душу?

Может, мне следует сознаться ему? Да, мощная волна, нахлынувшая на меня при этой мысли, словно подтверждала, что мне станет легче. Но рассказать Киру Гурцу о том, что я сделала, значит свести все на нет. И хотя с какой-то стороны возможность покаяться казалась очень притягательной, я не могла воспользоваться ею.

Молельня в анфиладе комнат Илайивы была открыта для меня. Он никогда не запрещал мне поклоняться собственным богам и сказал, что крестьянки у него в Отечестве совершают скромные обряды в честь Вульмардры, богини пастухов.

Она парила над алтарем, такая гигиенично-белая. (Горничная ухаживала за святыней, снова зажжена лампадка, увядшие цветы Илайивы убраны.)

Я опустилась на колени так же, как при тошноте. Я принялась молиться и вспомнила, как раньше она осталась безучастной ко мне. Но мне нельзя оскорблять богиню. Она избрала

меня своим орудием... о, сними с меня бремя, отпусти мне долги. И прости, пожалуйста, только мне нечего принести в жертву...

Дневной свет сочился сквозь цветные стекла розетки в нише, окружая ее голову венчиком из капель, похожих на лепестки. Я пристально поглядела на нее и поняла. Мне есть что принести в жертву. И тогда наступит облегчение. Если я это сделаю, мне уже не придется искать прощения. Нет нужды произносить ни слова.

В тот вечер полковник вернулся в сумерках, когда на улицах зажигали фонари, а в домах, стоявших вокруг Форума, свечи. Разумеется, я знала, что он вот-вот появится, ведь Мельм заранее вооружился длинной горящей свечкой для разжигания светильников и заходил по комнатам.

Я завершила все приготовления и села за стол, вымытая, ухоженная, раскрасив лицо наподобие Лой и надев ту блузку, которую она перекроила и прошила лентой.

Гурц наклонился, чтобы поцеловать меня, и его пальцы коснулись моих обнаженных плеч; он вздрогнул. Я ничего не сказала, еще не время. Поскольку я очень хорошо знаю, каков он в роли спутника, мне придется теперь изучить его и с этой стороны.

Подали обед. Он стал есть и пить. Я понемножку клевала, как обычно — словно маленькая курочка, — говорил он. Затем он дал мне четверть стаканчика вина; скорей всего, это предвещало какое-то событие. Я почувствовала благодарность: сегодня эти четверть стаканчика были мне необходимы.

Сквозь огонь свечей, сквозь вино я видела обращенное ко мне большое лицо, на три четверти скрытое бородой. Он заговорил на моем языке, чего не случалось уже много дней.

— Я делаю это из желания знать наверняка, что ты поймешь. Я говорил тебе — король этой страны изменил клятве, которую принес моему императору. Мы не можем удерживать этот город, потому что... — далее он упомянул о коммуникационных линиях, о снабжении провиантом, ведении боев и тактике неприятеля — эти рассуждения слились в странную мешанину из-за его неуклюжего обращения с языком и моей безмолвной невнимательности. Ибо, что бы все это ни означало, я уже пребывала далеко в иных пределах. — И поэтому мы отправимся на Север, к границе. Генерал сказал: «Этот город превратился в виселицу, но мы не станем вешаться на ней. Лучше пусть это делают они и пусть сами принесут веревку». Я занес это высказывание в свою книгу.

Моя страна, мой король и мой город глубоко огорчили его. Мы вели себя бессовестно. И я сама тоже, если бы ты только знал.

— Итак, мы уходим через два дня. Другие дамы тоже поедут. У нас будет экипаж. Ты можешь взять все необходимое. Это путешествие — довольно долгая затея. Но тебе нет нужды бояться. Ведь я хранил тебя в безопасности, разве нет? — Он улыбнулся. Печаль и дружелюбие переполняли его. — Ничто не заставит меня бросить тебя здесь. Это будут... нездоровые времена. А кроме того, ведь она — мой маленький дружок, моя Ара. Как я могу расстаться?

— Да, я твоя, — сказала я по-крониански. Он изменился в лице, словно гармония, поднявшись волной, омыла его и вдруг стерла следы огорчений и принесла некоторую умиротворенность и моложавость.

— Милая моя, — сказал он.

— Но, — проговорила я и на мгновение растерялась, поскольку не знала подходящих пристойных выражений, лишь грубые эвфемизмы, услышанные от Лой, но тут мне вспомнилась строка из старой глупой песенки, и я не сомневалась, что она подойдет, я даже смогу ее перевести. Я прошептала: — Но сделай так, чтобы мы стали едины.

Он широко раскрыл засверкавшие глаза. Лицо его залил густой румянец.

Он сказал по-крониански:

— Нет-нет, что ты имеешь в виду?

В жизни его уже случались женщины, он был на много лет старше меня. И все же мне, наивной девственнице, надлежит взять на себя инициативу.

— Как будто у нас брачная ночь, — ответила я на кронианском языке.

Слезы выступили у него на глазах. Я уже испугалась и не заметила их. Он обнял меня, борода его прикоснулась ко мне, он прижал меня к себе.

— Аара, — сказал он. — Я хотел, чтобы ты пришла ко мне. Я буду нежен. Я знаю, что ты очень молода. Я не причиню тебе боли, моя красивая ласковая девочка.

Мне немного полегчало, и я оперлась на него. По крайней мере, теперь он обо всем позаботится.

Будучи человеком чести, он сдержал свои обещания. Он проявил деликатность в пределах возможного, и хотя это воссоединение, конечно же, доставило мне боль, много неприятных ощущений и вызвало у меня удивление, смущение и откровенное недоверие, оно состоялось, и я это пережила. В моем неведении и в моем теле появилась прореха, но больше это никак меня не затронуло.

Потом он стал ухаживать за мной — тигр, утешающий лань. Он заверил меня, что позаботился и будет заботиться о том, чтобы я не забеременела, ведь я сама совсем еще ребенок.

Он был счастлив. Читал мне любовные стихи, творения своего Отечества, которых я не могла и не пыталась понять.

Жертвоприношение богине свершилось. Теперь я почувствовала, что бремя спало с меня; я вспомнила в объятиях любовника, как можно заснуть.

Часть вторая Отступление

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Уртка Тус, Сынок Медведя, и его войска покидали город с таким же шумом, с каким некогда вступали в него. Под грохот барабанов и голоса труб. Каждый из уходивших в тот день полков шагал под своим знаменем с боевыми наградами. Множество деревьев скинуло листву, и первый Белый Ветер — так жители деревень зовут северные ветры, несущие морозы, а в конце концов и снега — уже налетал порывами на бульвары и аллеи. Купола Пантеона искрились на фоне серебристого неба.

Следом за каждым батальоном, растянувшись чуть ли не на милю, громыхая катились фургоны с фуражом и повозки с добром, награбленным в городе или «подаренным» его жителями. В некоторых из них ехали женщины, которые отдались кронианцам. До меня дошли рассказы о том, как люди плевали в них из окон и приотворенных дверей. Однако в путь отправилась и горстка женщин так сказать иного порядка — дам — они следовали в крытых экипажах офицеров. И я тоже. Два отличных мерина тащили хорошо оборудованный экипаж Кира Гурца со спущенными шторами и так же набитый багажом, сложенным у меня под ногами и на противоположном сиденье Гурц, как положено, скакал впереди, вместе со штабными офицерами. Они почему-то сочли важным продемонстрировать силу, покидая город. Пять тысяч человек под командованием квинтарка еще остались в нем на время, чтобы завершить незаконченные дела кронианцев, а в случае необходимости, выступая в качестве арьергарда, принять меры против мятежников или первых ласточек из войск короля.

Вероятно, мне сообщили математические принципы происходящего уже в то время, но мне удалось расположить их в правильном порядке лишь месяцы и годы спустя. С каждым днем путешествия совершенствовалось мое владение кронианским языком, ведь теперь я слышала повсюду только его. Мои познания в области методов взрослых и правил, по которым они ведут войны, оставались весьма туманными. Я предоставила вселенную,

которую они, похоже, так хорошо знали, на их собственное усмотрение. Я же оказалась в ней лишь по воле случая.

Несколько дней похода, а может, мне только так казалось, не отличались особенными событиями. Первые два дня и разделявшую их ночь мы продвигались, останавливаясь лишь ненадолго, чтобы дать отдых лошадям. Мы перемещались с постоянной скоростью без малейших затруднений, поскольку ехали по отличной дороге. Какое-то время мы следовали по Великому Северному Пути, выстроенному для королевских войск три столетия назад и постоянно подновлявшемуся; кронианцы сочли его состояние в высшей степени удовлетворительным. Мне уже приходилось жить вне города раньше, и тогда я научилась отправлять естественные функции организма в дикой местности, не испытывая ни затруднений, ни стыда. При экипаже имелся походный стульчак с горшком, но я ими не пользовалась. (И в первый вечер во время одной из более долгих остановок, когда невидящий Мельм пошел выносить горшок, меня так порадовало, что столь низменные действия совсем не затрагивают меня, быть может, благодаря моей незримости.)

Вернувшись ко мне способность спать также оказалась благоприятной. Я проводила долгие часы, погрузившись в забытие, и дремала в покачивающейся колыбели. Хотя Гурц — на коне он казался огромным — подсказал к нам, как только мы выехали за окраины города, и сказал, что теперь мне можно поднять жалюзи, вначале я не увидела ничего особенно нового — плоские выжженные поля, голые кусты, засохшие виноградники. Только ночь в открытом поле напомнила мне о наших прогулках по паркам города. Но над смятым покрывалом лесов засияла одна ослепительно-прозрачная звезда (Веспаль), и просочившаяся сквозь тьму заря пробудила в моей памяти дни отдыха в деревне и навеяла на меня сны о маме. Я проснулась в слезах, но вскоре боль утихла. Теперь ее власть надо мной несколько ослабела.

Неприятней всего оказалась духота в экипаже, но, подняв жалюзи, я сумела чуть-чуть приотворить створки окон.

На вторую ночь, уже на расстоянии шестисот миль от города, передовая часть войск, в которую входила почти вся кавалерия, а также экипажи и повозки штабных офицеров Тус Дланта, встала лагерем среди широкого нагорья; я обратила на него внимание еще на рассвете, когда его вершины, бросаясь в глаза, проступили на фоне окрашенного киноварью неба.

Окрестности первого места стоянки оказались живописными. Кое-кто даже отметил это вслух. Я видела, как две или три знаменитые офицерские дамы прогуливались со своей свитой по поросшим кустарником холмам; даже установили подзорную трубу, чтобы окинуть критическим взглядом созвездия и отдаленные вершины гор в округе — стояла ясная, полная лунного света ночь.

Мельм, обладавший богатым опытом по части военных походов, развел костер и проследил за тем, чтобы лошади хозяина не остались без присмотра, а когда появился Гурц, расставил складной стол, расстелил на нем белоснежную скатерть и стал подавать ему, а заодно и моей несуществующей особе обед на блюдах из сервиза со сфинксами, который почему-то отправился в путь вместе с нами.

Гурц воодушевился при встрече со мной. Он пил вино из графина (как обычно) за мое здоровье. Он сказал, что скучал и беспокоился обо мне, но я храбро вела себя, как маленький отважный птеник. Когда поставили палатку, мы ушли в нее, и он овладел мною с привычной осторожностью, вслед за чем впал в крайнее смятение. Палящий жар и тяжесть его тела невероятно удручали меня, но боль стала меньше. Я подумала, что вскоре смогу совсем неплохо переносить моменты соединения с ним. К отчаянной моей радости, выяснилось, что ему необходимо вернуться в палатку Дланта и, скорей всего, ночь он проведет там, о чем крайне сожалеет. С восходом солнца мы вновь отправимся в дорогу.

Позднее я проснулась в приятном одиночестве и обнаружила, что утратила покой, который навевало на меня движение экипажа. Я подползла к выходу из палатки и выглянула наружу.

За пеленой дыма от наших костров клонилась к закату полная луна. Сотни костров, полыхавших по всему нагорью, уходивших все дальше и дальше в потайные уголки темноты, слились воедино в необъятный угасающий очаг, где-то лишь начинавший затухать, кое-где уже потухший, а где-то еще светившийся ярко-алым пламенем. Картина не была безмолвной, ведь множество батальонов пехоты все подходили, нагоняя нас, и становились лагерем, и разбивали биваки на протяжении всей ночи. Кругом бродили часовые. Я видела, как один из них долго стоял на выступе высокой скалы, то ли опершись на копьё, то ли прислонясь к небу; луна обвела его силуэт золотистой каймой.

Что ж, вот формула, описывающая начало нашего отступления из города. Она предвещала нечто увлекательное среди тягучей скуки. И, похоже, я еще не поняла тогда, сколь обманчиво всякое начало.

Праздник бога-медведя пришелся на девятый день путешествия, и Хеттон Тус Длант устроил обед для офицеров высшего ранга и тех, кто служил при штабе.

Кир Гурц сообщил мне об этом и спросил игривым тоном, не соглашусь ли я пойти вместе с ним в качестве его «дамы». Очевидно, другие дамы тоже приглашены. Его вопрос привел меня чуть ли не в замешательство, поскольку я отлично усвоила, каково мое нынешнее положение. Гурц словно прочел мои робкие мысли и сказал на это, что заметил, с каким чувством собственного достоинства я стала держаться, и понял, что в черном доме я служила горничной при госпоже, а вовсе не выносила помой с кухни. Во время осады я оказалась в стесненных обстоятельствах, но при его покровительстве все опять вернулось ко мне. Он с радостью наблюдал за этим. Я вполне приемлемо веду себя за столом, я мила и скромна. Он только попросил бы меня зачесать наверх волосы — умею ли я это делать? — а если кто-нибудь упомянет о моем юном возрасте, отвечать, что мне шестнадцать лет и я просто маленького роста. Он знает, что мне наверняка немногим больше пятнадцати, сказал он. (Я думаю, на самом деле он понимал, что мне куда меньше того, а может даже считал меня моложе, чем на самом деле.) В его родной провинции люди полагают, что девушки достигают брачного возраста в двенадцать лет, но в городах принято судить иначе. Его осудили бы за то, что он хвастается любовницей, которой не исполнилось и шестнадцати лет.

Я пообещала, что стану выдавать себя за шестнадцатилетнюю и зачесу волосы наверх. Я столько раз видела, как это делает мама, да если уж на то пошло, и Лой тоже, а часть ее гребней и шпилек досталась мне, оказавшись в неразберихе среди моих папильоток и щеток для волос.

Не беспокойство, а любопытство одолевало меня, я с нетерпением ожидала вечерних событий.

Мне приходилось совершать такие огромные дикие шаги в познании окружающего, что теперь у меня не осталось никакого мерила, весов для оценки событий. Кроме того, аура этого войска приобрела для меня странную притягательность. За время жизни я успела освоиться с армейским бытом, а слово «враг» казалось мне не более значительным, чем лимонная корка, ведь мне пришлось проглотить сам кислый плод целиком.

Я не проводила времени в размышлениях об имени Фенсера на тускло-красной бумаге, о том, как я зачеркивала его, и точно так же я не задумывалась над вопросом, четырнадцать мне лет или шестнадцать, сумею ли я зачесать наверх волосы, пристало ли мне сидеть в освещенной факелами палатке за одним столом с человеком, который отдал приказ уничтожить форты Высокобашенный и Ончарин.

Дюжину палаток составили вместе, получился обеденный зал. Быть может, Мельм расстилал безукоризненно белые скатерти, а за креслом полководца, украшенным резьбой по черному дереву и сопровождавшим его на всем пути с Севера, а теперь возвращавшимся обратно, стояли крест-накрест штандарт с вороном и знамя с медведем. В дальнем конце зала расположился сам Уртка, та огромная фигура, что участвовала в триумфальном шествии, которое я видела, только теперь она возвышалась не на колеснице, а на золотом постаменте. В когтях, достигавших пяти дюймов в длину, он держал драгоценности. Над стоявшей перед ним чашей из золота вздымался дым благовоний. Его увенчали гирляндой из осенних

крокусов. Солдаты Пятого Отряда Копьеносцев прибыли на место стоянки раньше всех, отыскиали для него цветы и заработали дополнительную порцию вина, которым угощали сегодня бойцов.

Мы с Гурцем сидели в дальнем конце стола на южной его стороне. Никто и не думал о том, чтобы возлежать за обедом, но слуги принесли для гостей гирлянды цветов из цветной бумаги.

Я принялась считать присутствующих. Помимо генерала, стоявших возле его кресла адъютантов и слуг, в палатке находилось сорок три человека мужчин и одиннадцать женщин в ярких платьях, походивших на роскошные цветы, рассыпанные среди черных кителей. Уже по одной только их одежде можно было понять, что они богаты. Хотя было непонятно, с давнего или с недавнего времени. Судя по манерам, все до единой имели благородное происхождение и принадлежали к аристократии. Каждая из этих женщин отличалась привлекательностью, а две были красивы; одна из них, со светлыми, как лен, волосами, одетая в платье цвета фламинго, сидела поближе к нам. Их утонченность очаровала меня; я не могла понять, что они здесь делают, каким образом очутились, вроде бы по собственному желанию, среди этих мужчин, похожих на медведей. Ни одна из них никак не могла оказаться в тех же обстоятельствах, что и я.

На мгновение я почувствовала себя ребенком в этом чопорном шелковом платье для девочек, наглухо закрывающем шею и руки до самых запястий, с единственным украшением — золотым браслетом с кораллами, подаренным мне Гурцем. Но прошла минута, я позабыла обо всем и уже глядела во все глаза. И тогда же престранное ощущение накатило на меня, еще один из моих приступов, и мне показалось, будто мной владеет сверхъестественная сила, будто я опередила этих женщин на десятки лет и иду по дороге, которой их ногам никогда не коснуться.

За время долгого обеда вопросы политики не затрагивались ни разу. Сынок Медведя, полководец с блеклыми глазами, возглавлял беседу; он произносил тосты в честь божества и делился с нами воспоминаниями об Отечестве. Обед превратился в расширенную, более цветистую вариацию наших с Гурцем ужинов в городе. В промежутках мужчины галантно флиртовали с дамами и поднимали тосты за их — за наше — здоровье. Все разговоры велись исключительно на кронианском языке.

А стол изобиловал блюдами. На тарелках появлялись лакомства, о которых мне случалось слышать, но я еще ни разу в жизни их не видела. Теперь я неловко съела по кусочку каждого. Там подавали напитки множества сортов, в том числе черное пиво и бренди бледно-соломенного цвета, но они предназначались исключительно для мужчин. Вечеринка стала несколько шумной, но я не пила вместе со всеми. Сидевший справа от меня Гурц прикрывал рукой мой бокал всякий раз, как подносили вино, хотя и позволил мне отпить пару глотков из своего собственного. Когда поднимали тосты в честь бога, я пила воду. Он обратился к сидевшему рядом с ним седому тритарку с шуткой по поводу заботы, с которой он оберегает мою шестнадцатилетнюю юность, и тот спьяну закивал.

Лишь очарование светловолосой женщины, почти божественной ее красоты, отгоняло скуку. Ее утонченные манеры, ее молодость — конечно же, она напомнила мне маму, маму в раннем детстве, в самые безопасные годы моей жизни.

Я постаралась, чтобы она не заметила, как я гляжу на нее. Впрочем, многие мужчины не отрывали от нее глаз.

От вина, от жары в палатке щеки ее вскоре зарделись ярким румянцем, свойственным блондинкам. И по-видимому, от комплиментов кавалера. По всему было заметно, что он видит в ней желанную добычу. По знакам различия я догадалась, что он — тритарк, командующий тремя тысячами воинов. Даже я разглядела, что, несмотря на свой ранг, он чуть ли не самый молодой из всех мужчин в палатке — теперь я могла сравнить его с Гурцем — ему примерно тридцать один год, как моему папе, только больше он ничем не напоминает его. Был ли он красив, этот сазо? Светловолосая дама так и льнула к нему, чистила ему фрукты и опускала кусочки в спелый розовый рот. Подстриженная борода обрисовывала

челюсть, причесанные усы изгибались дугой. Короткие волосы на голове напоминали черную окаменелую щетину, покрывшую выжженные опустошенные поля... карие глаза... вот они уже пристально глядят на меня с насмешкой, с угрозой...

Лицо мое приобрело такой же цвет, как платье его дамы, я отвела взгляд. Я не сумела истолковать замеченное мною в тот момент, когда глаза наши ненадолго встретились — его тщеславие, полную убежденность в собственной непогрешимости — но в душе у меня поднялась волна страха и отвращения.

Я глянула тайком на Гурца — не заметил ли он чего-нибудь, но нет. Он не видел даже, что этот человек все еще ждет, сидя по северную, более почетную сторону стола, словно охотник у входа в западную. Я с ужасом догадалась: по-видимому, он перехватывал мои взгляды, обращенные к его даме, в течение всего вечера и вообразил, будто я смотрела на него. И тогда мне захотелось убежать.

Спустя недолгое время генерал Длант поднялся с кресла и направился к столу, находившемуся возле бога в медвежьем обличье; он налил ему в чашу смесь вина и бренди. Затем, стоя рядом с медведем, он провозгласил тост за здоровье императора. Все мужчины и женщины, сидевшие за столом, тоже встали и поднесли бокалы к губам. Дамы из города. Светловолосая женщина. И я. Это не имело никакого значения, меня заботило одно: как скрыться от взгляда охотника.

После этого тоста дамы направились к выходу. Кавалеры не стали их сопровождать, ведь у входа в палатку их дожидались собственные слуги. По указанию Гурца явился Мельм. Я выпила немного, но из-за продымленного воздуха в палатке, позднего времени, холода на горном склоне, от неуверенности и страха у меня закружилась голова. Я почувствовала признательность Мельму за то, что он идет рядом с фонарем в руке, пусть он и не видит меня.

Мы пошли по заиндевевшей траве, стены палатки сомкнулись и замуровали внутри нее мужчин и свет. Мне стало легче дышать, но тут я услышала, как светловолосая женщина весело и звонко рассмеялась.

— Глядите, вон она бежит вприпрыжку, милашка старого Гурца. Ей лет тринадцать, не больше. Младенец.

Внизу то нарастая, то теряя силу звучали шумы неустанного движения в ночном лагере, но здесь, среди островка покоя, голос ее уносился вдаль подобно птице.

Затем я услышала решительный голос другой женщины:

— Это служанка с кухни из того черного дома. Помните женщину по имени Илайива? Ту, что сошла с ума, когда погиб ее брат, и вскрыла себе в ванной вены, в классических традициях.

2

Говорят, что холод рождается на Севере, но во время путешествия по незнакомой родной мне стране мы проезжали места, почти не тронутые войной. С полей, которых никто не жег, собрали урожай. Множество деревьев, не знавших ядовитых дымов, гари и ударов топора, все еще окутывали легкие облачка листвы цвета оливок и лисьего меха.

Из сундука, в котором лежала моя одежда, карандаши и прочие необходимые вещи, я достала книги, свои и те, что я забрала из тетушкиной библиотеки. Я читала, я спала. А иногда сидела, не отводя зачарованного взгляда от мелькавших в окошке картин. Мимо проплывали покатые плечи холмов, лезвия вод и леса, в которых олени пощипывали молодые побеги и настороженно следили за нашим продвижением с высоких скал, похожих на стены замков. По небу летели стаи гусей, направлявшихся в противоположную сторону, на юг, к королю.

Кое-где попадались поселки и деревни — обезлюдевшие — а однажды среди пастбища с овцами встретился богато украшенный, но заброшенный храм. Кронианская армия взяла овец себе.

Я пыталась делать зарисовки. Экипаж раскачивался, мешал мне.

Всякий раз, как движение замедлялось, мне предлагали для разнообразия пройти пешком, и я соглашалась. Жгучая кровь пробуждалась в затекших от сидения и лежания руках и ногах. Я совершала эти пешие переходы без сопровождающих, лишь кучер приглядывал за мной, но вокруг приливной волной текла вперед армия, два отдельных легиона, продвигавшихся с переменной скоростью в каком-то причудливом пластичном единении. Время от времени мне на глаза попадались офицерские дамы в роскошных юбках бутылочно-зеленого или пунцового цвета, которые, как и я, пользовались случаем, чтобы поразмяться, или смело скакали верхом на кобылках. Поотстав во время одной из таких прогулок, я увидела и других женщин; они сидели на телегах или шли по колее, оставленной фургоном; ветер трепал косынки, прикрывавшие их головы, у пояса болтались поварешки, ножи, кастрюльки и гирлянды луковиц. Многие тащили за плечами детей. Мне помнится, какой-то ребенок в шерстяной шапочке на вид казался старше матери, пятнадцатилетней девочки, которой, конечно же, не приходилось притворяться, будто она старше.

Походным маршем двигались солдаты — бодрый грубоватый народ, по сути уже знакомый мне. То в одну, то в другую сторону проносились галопом отряды кавалеристов на вороных конях, из-под копыт летели комья затвердевшей от мороза земли, и время от времени кто-нибудь свистел им вслед. В некоторых отношениях дисциплина стала менее жесткой.

На более удобных участках дороги основная масса солдат снова оказывалась далеко позади экипажа. Проезжавшие мимо моих окошек капитаны кавалерии иногда улыбались мне, но чаще всего не достаивали меня взглядом.

В окошке стало темно. Неужели я проспала весь день? Нет, рядом с экипажем скакали кавалеристы; черные развевающиеся плащи, гладкие железные шлемы с золотыми ободками и колышущимися перьями — вот что заслонило от меня дневной свет.

Один из всадников, оказавшись у окошка, состроил мне гримасу. Погоны на плече указывали на ранг тритарка. Он потянулся и забарабанил обтянутым перчаткой кулаком по стеклу. Сквозь приотворенное окно до меня донеслись его слова:

— А ты что думаешь об этой козявке, с которой развлекается толстяк, об этой развратнице, которая осмеливается пялить на меня глаза?

Всадники расхохотались. Я вся съезжилась. Но ему показалось этого мало. Он отпустил еще замечание насчет моей непривлекательности, которого я толком не поняла.

— Посудомойка какая-то. Этот старый дурак Гурц не заслужил ничего лучшего. У нее хотя бы грудь есть. Я думал, ему нравится, когда они еще в пеленках, — сказал другой офицер, повторяя слова, произнесенные женщиной в день праздника медведя.

— Она шлюха. Не могла оторвать от меня разгоревшихся глазенок. Посмотрите на нее. Крысячьи хвостики, кожа как воск. Урткин хер. — Я уже слышала это ругательство, но не знала, что оно значит. — Надо бы наказать ее за этакую наглость, — ответил тритарк.

Я попала в ад, и спасения мне не было. Однако он решил наконец, что с меня хватит. Пришпорив лошадей, они умчались прочь.

Страх не покидал меня всю оставшуюся часть дня. Но больше ничего не произошло. Кучер редко обращал на меня внимание и не взялся бы заступаться за меня перед всадниками, которые были старше него по званию. Собственно говоря, может, он и не слышал, что они говорили.

Когда приехал мой покровитель и мы сели обедать за складным столом, теперь уже в палатке, поскольку вечера больше не были приветливы, я задумалась: не поговорить ли с ним. Но я не представляла, с какой стороны за это взяться. Мне опять придется манипулировать законами взрослых, а ведь на самом деле их правила непонятны мне. Если я что-нибудь скажу Гурцу, он решит, что я флиртовала с тритарком или стремилась к этому. Мне припомнился поток его замечаний насчет моей особы, и я покрылась ледяным потом. Неужели я так уродлива? Я еще ни разу не задумывалась над этим вопросом, полагая, что с возрастом стану умной и красивой благодаря какому-нибудь волшебству, и это произойдет

непременно. Моя мама была красива...

Гурц загрустил в тот вечер. Я не прислушивалась к его бормотанию. Когда он лег со мной в постель, потуги и агония, составлявшие часть его наслаждений, вызвали у меня чуть ли не раздражение... Да что с ним творится? С ума сошел наверное. Неужели все мужчины — Лой вроде бы намекала на что-то в этом роде — вот так по-дурацки себя ведут?

Он заснул. Я лежала без сна, кусая губы в тревоге перед завтрашним днем.

Прошло два дня, но тритарк, кавалер светловолосой дамы, не показывался, из чего я заключила, что он уже позабыл о своей прихоти.

Однако, заслышав приближение кавалеристов, я тут же изменила мнение на сей счет и догадалась опустить жалюзи. Когда всадники проскакали мимо, раскаленная докрасна петля, стянувшая мне горло, ослабла. Тут он и появился.

Тяжелый удар кулаком в дверь экипажа.

— Кто там сидит? — крикнул он. — Какой-нибудь подлый шпион?

Мне захотелось спрятаться под багажом.

И снова его голос, теперь уже елейный, заискивающий.

— Ах, неужели милая крошка не позволит мне взглянуть на нее? Неужели не видать мне несравненной ее красоты?

Затем он, видимо оставаясь в седле, ударил в дверь ногой; лошадь заартачилась, экипаж затрясся, а он, ругаясь, натянул поводья.

Меня чуть не стошнило от ужаса. Но он поскакал вперед. Я услышала стук копыт и понадеялась было на удачу, но тут зазвучал голос кучера, окрик тритарка, повозка стала двигаться медленнее, потом остановилась. Это он заставил нас встать.

Стук сапог, ступающих по холодной затвердевшей земле. Его твердая холодная рука легла на дверь. Он рывком распахнул ее.

— Ха! — сказал он. — Да что же это такое? — За спиной его, насупясь, стоял беспомощный кучер. — Весь этот вонючий багаж: книжки, подушки, медные подносы. Очень похоже на Гурца, этого брюхана с задницей вместо головы. И погляди-ка, он прихватил еще и белую свинью, тряпичную куклу, а у нее все потроха наружу. — Он подался вперед и положил руку мне на левую грудь. Его грубое прикосновение совсем не напоминало Гурца. Оно оказалось под стать его словам.

Обезумев от панического страха, я сжала кулак и стукнула его по лицу. Он отпрянул назад и ударился об дверную раму.

Кучер отошел в сторону. Он курил трубку, стоя под деревом. Мимо проезжали фургоны. Никто не обращал на нас внимания.

Я в изумлении услышала собственный голос:

— Я вовсе не смотрела на вас! Ни разу не взглянула. Оставьте меня в покое!

Задев правый глаз, я угодила чуть ниже его, глаз заслезился. Улыбка на его лице застыла, превратилась в оскал. Он пригнулся и осторожно просунул голову в экипаж — я отшатнулась.

— Ты плохо воспитана, мерзкая девчонка. Пожалуй, я научу тебя хорошим манерам.

Панический страх опять забурлил во мне: я почувствовала его запах — запах железа и лошадей, мужчины; помады, которой он смазывал коротко остриженные волосы на голове и бороде, — а может, просто какой-то особый запах жизни в нем. Мне попался под руку медный поднос, на котором я держала лист бумаги, когда рисовала. Я подняла его и обрушила на голову тритарка. Поднос ударился о шлем с ужасающим и в то же время комическим грохотом. Вероятно, у тритарка зазвенело в ушах. Он торопливо попятился и убрал голову из экипажа; сладкая бешеная ненависть вскипела во мне. Держась за дверь, я потянулась за ним и стукнула его еще раз, теперь уже углом подноса, точно в живот, и почувствовала в руке отдачу. Он пошатнулся и налетел на лошадь; специально выученный для боевых действий конь сделал лишь шаг в сторону, но тритарк принялся честить его и меня, а я совершенно опьянела и нанесла третий удар — он пришелся по груди, по созвездиям медалей, что несомненно увеличило его силу, и тритарк вскрикнул.

Вокруг нас беспорядочно двигались пехотинцы, они оборачивались и глядели на нас, сдерживая хохот.

Заметив это, он повернулся к ним лицом, и я опять стукнула его подносом. Что за картину являл он собой, офицер высокого ранга, которого колотит девчонка из завоеванного города — я не подумала ни об этом, ни о значении, которое он мог приписать моему поступку.

Вдруг он снова повернулся ко мне и вырвал у меня из рук поднос. От толчка я повалилась на багаж, слыша неясный рокот, донесшийся со стороны отряда солдат сазо, но не поняла, что он выражает, осуждение или одобрение. Тритарк не стал рисковать. Он выпрямился и сказал:

— Ты у меня еще пожалеешь. Будь уверена. — Затем он перешел к перечислению отвратительных моих качеств, но экстравагантность его выражений выходила далеко за пределы словаря для начинающих. Тем не менее они повергли меня в дрожь. В конце концов он сказал так: — Между прочим, если тебе хочется, чтобы я проделал дырку в теле старого толстяка Гурца, пожалуйста ему. — И, видя полное мое недоумение, добавил, выражаясь попроще: — Я имею в виду вот что: если ты, паразитка чужого племени, думаешь, будто Гурц помешает мне отплатить тебе по заслугам, я одной рукой расправлюсь с тобой, а другой — с ним.

Когда он легким галопом усакал на своем коне, кучер бросил на меня исполненный презрения взгляд. О помощи с его стороны и мечтать не приходилось, он уже ясно дал мне это понять.

Экипаж пустился в путь. Ох, зачем я напала на этого зверя? Теперь его не умилоставишь — я поняла, но слишком поздно, что тем самым лишь возбудила его и подстрекнула.

3

Тритарка звали Драхрис. Между его семьей и самим императором — не генералом — существовала родственная связь, впрочем, не прямая. Он был непопулярен и слишком молод для занимаемого поста, но окружающие ни на миг не забывали о его положении в обществе. Даже Длант не стал бы портить с ним отношения. Неумная дерзость отличала его в бою, он прославился своей отвагой, но вечное стремление лезть на рожон уже стоило жизни трем батальонам. Сам же он мог кинуться очертя голову прямо на стоящих стеной кавалеристов, на жерла заряженных пушек. Он ни разу не получал тяжелых ранений, будто заговоренный. Об успехе, которым он пользовался у женщин, ходили легенды. Говорили, впрочем, что при всей своей галантности он грубо обращается с любовницами. Одни не стеснялись своих синяков, другие стыдливо их прятали. В столице Кронии он сражался на шестнадцати дуэлях и во всех одержал победу, а его противники — мужья, братья или отцы дам — погибли. Однажды он заявил, будто несет освобождение от цепей всем женщинам на свете. Он говорил, что иной раз сражается на дуэли лишь затем, чтобы избавить даму от тупицы-мужа. (Это напомнило мне о его угрозе «проделать дырку» в теле Гурца, если тот вмешается.)

Его светловолосая дама, принцесса из моей страны, слышавшая когда-то фавориткой короля, нашла невыносимой саму мысль о разлуке с любовником. Она умолила взять ее с собой, заверив, что ее удобный экипаж, ее великолепная кровать, следовавшая за ней в фургоне, и ее повар, знаток сказочной Восточной кухни, полюбившейся многим кронианцам за время предыдущих военных кампаний, всегда к его услугам.

Вот каков был тритарк Драхрис.

Возможно, будь я старше, знай я лучше дороги в этих таинственных краях взрослых, мне удалось бы распознать его намерения, справиться с ним, использовать его или по крайней мере избежать каких-либо столкновений. Разумеется, мне ни на минуту не приходило в голову, что он вожделем меня. С чего бы — ведь светловолосая лилия так и вьется вокруг него. Он считает меня отвратительной, он сам так сказал, а Гурц вызывает у

него презрение.

После удивительной стычки, в которой фигурировал медный поднос, я начала воспринимать все неприятное с мучительной остротой. В тот день вечерние разговоры Гурца раздражали меня чуть ли не до слез, а когда Мельм наконец неожиданно посмотрел на меня с отвращением, я забилась в истерику. Заливаясь слезами, я кричала, что Мельм ненавидит меня, что я больше не могу выносить его неприязни и злобных взглядов. Я оплакивала город. Все смешалось в моей голове, я сама не понимала, что говорю. Гурц неловко и безуспешно успокаивал меня; он говорил, что выберет Мельма, что Мельм обязан заботиться обо мне. Мельм стоял рядом, уставясь не то вдаль, не то в бесконечность. Естественно, после вялых увещаний Гурца, питавшего привязанность к Мельму, в ответ на просьбу о снисхождении к моим слабостям, Мельм станет еще хуже относиться ко мне и затаит против меня злобу. Все они против меня.

Оказавшись среди потушенных огней в палатке, на стены которой лагерные костры роняли красные отблески, я отказала своему любовнику в его притязаниях. У меня имелось извинение, и он принял его, проявив неуклюжую тактичность. Я говорила правду. Приближалось время месячных кровотечений, и это повергло меня в крайнюю растерянность, я с ужасом ожидала, когда они начнутся. На этот раз, в отличие от прошлых, меня ожидали трудности, ведь при мне не было ни одной служанки, ни одной женщины, которая могла бы мне помочь или что-то посоветовать. Мне оставалось лишь молиться о том, чтобы мы поскорей достигли какого-нибудь цивилизованного поселения, где нашлось бы все необходимое.

Мне всегда казалось, что Вульмартис, возложившая на женщин это бремя, сыграла с ними злую шутку. А в старинных небылицах говорилось, будто богиня таким образом принимает жертвенную кровь женщин, в то время как мужчины проливают свою кровь в честь Оригоса на полях сражений.

На следующее утро мы поднялись вместе с жаворонками, не ведавшими ни менструаций, ни связанных с ними огорчений, ни необходимости бороться с садистами; они носились в непрозрачном небе, оглашая окрестности жалобными погребальными песнями осени. Близилась кончина года. Дней через сорок, а может и раньше, мы должны добраться до границы, как раз вовремя.

4

Мы собирались отправиться на пикник. Дни вдруг стали солнечными, утра — яркими, вокруг появились лесистые долины, обещавшие славную охоту, — за четыре дня отступление превратилось в экскурсию. Очевидно, боги кронианцев не оставили их. Север моей страны не был густо заселен, и спустя неделю кронианцы покинули Великий Северный Путь; тем самым им удалось обойти наши города стороной, на пути встречались лишь разрозненные деревушки, многие из которых к моменту появления армии оказывались пусты и безлюдны. Все это казалось неважным. Идея пикника не вызвала у меня восторга: в моей душе зазвучали удивительные струны, но я не смогла найти имени тому, что они говорили.

И Драхрис не мучил меня своими появлениями в эти четыре дня. Но я выслушала кучу сплетен о нем; узнала, как его зовут и чем он известен, со слов кучера, который разговаривал с конюхами, с солдатами, отбившимися от своего отряда, с гражданскими, сопровождавшими войска, мимо чьих костров мы проезжали в сумерках. Драхрис на мгновение оказался близко, и все тут же распустили языки. Время от времени люди подталкивали друг друга локтем, указывая на меня или на экипаж Гурца.

Я пребывала в таком расстройстве, что не могла ни на что решиться. И передышка — вместе со своими солдатами он ускорил на запад: видимо, охотился и занимался добычей продовольствия — показалась мне слабым утешением. Я даже подумала: уж не по его ли наущению окружающие то и дело заговаривают о нем, зная, что я услышу их. Впрочем, его интерес ко мне вызвал у меня одно лишь недоумение, и казалось, мне никак не ускользнуть

от его чудовищной злобы. Я даже представить себе не могла, что он пожелает надо мной сотворить, какая кара, какие пытки уготованы мне. Наверное, он меня изобьет. Мучаясь страхом и безнадежностью, я решила во что бы то ни стало не выходить из экипажа и все время держаться на виду. Хотя никто не мог и не захотел бы прийти мне на помощь, я заметила, что при свидетелях он держит себя в руках.

Я до сих пор не понимаю толком, как мне удалось пережить тот первый настоящий страх за себя. Но по прошествии времени, будь то даже ужас, и он становится привычным, утрачивая если не остроту, то способность напугать или вызвать потрясение.

Для выезда на пикник в маленькую колесницу впрягли двух пегих кобылок; в нее и усадил меня Гурц. Колесницей правил толстоватый субалтерн-офицер, приставленный к Гурцу в качестве адъютанта. Мне доводилось пару раз видеть его в черном доме (он принимал участие в захоронении тетушки в саду). Мое общество пришлось ему по душе, он обращался со мной с веселой почтительностью и забавлял меня длинными запутанными шутками; когда он смеялся, я вежливо вторила ему, хотя нить рассказа всякий раз ускользала от меня несколькими минутами раньше, чем он успевал добраться до сути.

Позади нас и ниже по склону устало шагали легионы, иногда часть их оказывалась впереди нас, мы же с громоуханием катили наискось. Впереди скакал на коне Гурц, останавливаясь, чтобы разглядеть какую-нибудь веточку или сидящего на сучке жука, а в это время с деревьев пониже лошадь поедала буковые орешки или желуди. Вдали звучал смех, мелькали яркие плащи: дамы, высыпавшие пестрой гурьбой из экипажей, скакали верхом среди офицеров по дорогам, окаймленным голыми деревьями. Светловолосая принцесса отправилась на охоту вместе с отрядом тритарка. Младший офицер со вздохом сообщил, что мы их не увидим, а жаль, ведь она так хороша собой, эта принцесса.

От его слов леса стали спокойнее, мягче, ярче. Я точно не разобрала. Но солнце пробудилось и очистило от шелухи стебли диких желтых роз, загубленных морозом, которые еще секунду назад висели, как мятые бумажки, и я увидела, что они все еще горят огнем. Среди скинувших листву берез, среди похожих на оперенные стрелы вечнозеленых деревьев голосили птицы. И тогда мне вспомнился молодой человек в измазанной грязью рубашке, пристально глядевший на птицу, стоя на прогалине — я вдруг поняла, что пугающее звучание возникло во мне не из страха перед тритарком. Кто же тому причиной? Фенсер... нет, не Фенсер. Даже лицо его не сохранилось в моей памяти. Будто его и не было никогда.

Причиной тому сон, приснившийся мне еще в городе, давным-давно...

Гурц подъехал к нам, желая показать мне обезумевшую от солнечного света ветку, на которой совсем не по сезону начали распускаться цветы. Как бы там ни было, он отломил ее. Вот и вся награда за цветы. Как вишне, которую срубили потому, что ее поленья ароматны.

Примерно в полумиле от нас, ниже по склону лесистого ущелья, устало продвигалось вперед кронианское войско. Люди шагали где строем, где вразброд; знамена свалены в телеги; вот выбирают из канавы повозки; вот лежит мул, и его то лаской, то пинками пытаются поднять на ноги; вот боевая колесница, а на ней четыре просевших мешка с мукой. Разрозненные виньетки, говорящие о многом.

Сжимая в руке ветку с увядающими цветами, я рассмеялась над очередной непонятной шуткой младшего офицера.

Вскоре мы оказались на предназначенном для пикника месте.

Хеттон Тус Длант не присоединился к нам. На пикник выехали несколько офицеров штаба и группа полковников; они лазали по деревьям, словно школьники, и сбрасывали вниз сосновые шишки; учтивые майоры ловили их в подставленные шлемы, а любовницы полковников в подолы юбок. Там оказались женщины, которых не было за обедом в честь медведя. Я заметила, что многие из них крайне молоды и принадлежат к тому слою общества, в который я попала, и на мгновение мне до боли захотелось подружиться с кем-нибудь. Но они только и думали, что о своих повелителях, а я... я успела приобрести определенную репутацию — выбившаяся в господа прислуга, маленькая шлюшка. Кроме того, я оказалась самой юной среди них, а Гурц — самым старым. Раньше я как-то не до

конца сознавала это. Среди нынешнего сборища ему выпала роль скучного учителя. Они лишь терпели его присутствие. Он ни разу не сражался в бою.

Слуги расстелили скатерти, разложили еду. Собственно говоря, угощение оказалось довольно скудным и не шло ни в какое сравнение с тем, что подавали за обедом, но меня это ничуть не огорчило. Зная о моем пристрастии, Гурц принес бокал с соком красной смородины, но в нем не хватало сахара. Посмеиваясь за спиной Гурца, младший офицер (и он туда же) предложил подлить в него светло-желтого бренди. Я отказалась.

В отдалении все с тем же грохотом, словно река в ущелье, текли вперед легионы.

Ничто не предвещало звуков, донесшихся в следующее мгновение.

Внезапно что-то негромко бухнуло, приглушенно, казалось бы ничего не означая, но мне показалось, что земля дрогнула у меня под ногами. На всех деревьях все птицы до единой перестали петь.

И тогда воцарилась тишина. Затем одна из благородных дам взвизгнула, тоненько, еле слышно; послышался отрывистый звон бокала, выскользнувшего у нее из рук и разбившегося о камень.

Мужчины, вскочив на ноги, пристегивали к поясу отброшенные было шпаги. По коврам к корням деревьев покатались фрукты. Все пришло в движение, заржали лошади. Гурц стоял, возвышаясь надо мной.

— Я говорил, что так и произойдет, — объявил он — Их король, этот Альянс Чавро...

Прогремел пушечный залп. Нестройные ряды бойцов охватит и уже охватило смятение; вялое беспорядочное передвижение прекратилось, все кинулись по своим местам, дозорные помчались добывать сведения о западне, о ловушке, в которую уже угодила какая-то часть передовых отрядов, — а Гурц собирается читать мне лекцию по истории. Но нет, он передумал.

— Оставайся на месте, — сказал он, — всем дамам здесь будет безопасней.

Он отошел, намереваясь помочь остальным советами. Но все уже сидели на конях или в маленьких колесницах. Мой субалтерн-офицер побежал за Гурцем, жалобно крича, что должен вернуться в свой батальон...

Я сидела на ковре, не трогаясь с места, прислушиваясь к крикам солдат, к резким голосам труб, к другим звукам. Я ждала следующего пушечного залпа. Он прогремел. Что-то задрожало у меня в животе. За те месяцы, пока кронианцы вели обстрел города, я так привыкла к ним. Но... На этот раз стреляли пушки союзников короля, а может быть, и артиллерия армии моего отца, его полка, Белых Львов... Я заметила, что стою в полном замешательстве. Гурц уже сидел верхом на коне, он подскочил ко мне:

— Милая, оставайся здесь. Слуги не уйдут, тебе ничто не угрожает. Генерал наверняка захочет видеть меня рядом с собой. — И он помчался прочь, как будто собирался в одиночку вступить в бой со всеми врагами сразу.

И снова пушки, раз, два... три. Я почувствовала запах смолы и дыма, селитры. Они приближаются или просто земля сползает прямо в глотку войны? Мне захотелось увидеть. На этот раз вправду захотелось.

Слуги сбились в кучку под каким-то хвойным деревом, словно укрываясь от проливного дождя. Никто не остановил меня, когда я отправилась через лес к передовым позициям, придерживаясь покатых склонов холма, уходивших вниз от площадки, отведенной под пикник.

С каждым шагом день изменялся. Он сгущался — свет и воздух приобрели мясистую плотность. Что-то не смолкая ревело, будто ветер. Все птицы улетели. Из задымленного убежища выскочил олень и стрелой промчался мимо. С верхних склонов, поросших лесом, донесся грохот кавалерии, крушившей молодые деревца, словно злобная буря под знаменем, походившим на вымпел из огня и крови. Волосы у меня встали дыбом. На мгновение я замерла в ужасе, а потом бегом кинулась на звук.

Они разместили пушку на холме возле покрытой трещинами башни, чтобы держать под обстрелом пути к выходу из долины. Теперь вдали над башней в клубах дыма реял флаг,

блеклый флаг, какого я не видывала прежде. Внизу на склонах холмов, как бурное море, кипело сражение. Тлеющий огонь скрывало густое облако, но время от времени сквозь него прорывались вспышки разорвавшихся снарядов и брызги пламени, вылетающие из кронианских пушек, застрявших у дороги в том месте, где долина сужалась. (В лесу горели деревья — вертикальные столбы искр и дыма.) Среди взбаламученного моря пушечного марева, всплывая на поверхность, появлялись предметы. То прорезавшие завесу знамена, то тонущий в ней фургон, словно идущий ко дну корабль.

Неподалеку от меня из глубин дыма вырвались трое солдат сазо. Двое поддерживали под руки стоявшего в середине, он истекал кровью, лицо его посерело, и он глупо смеялся, а может быть рыдал. Они проковыляли мимо меня, и тут один из шедших с краю крикнул мне что-то непонятное на чужом языке. Тогда я вспомнила, что немного говорю по-крониански. Он кричал: «Ложись, ложись». Я так и сделала, и поползла на животе, задевая подбородком за бородатое лицо земли.

Снова заговорили пушки на холме. Они не так глубоко увязли в дымовой трясине, и их фейерверк оказался ярче. Я не могла оторвать замороженного взгляда от ядра, от шлейфа бесцельной черноты, прочертившего полнеба и опустившегося, как нечто невесомое, в долину. Там ядро взорвалось — прилив света, странные синие и оранжевые тени.

Я видела атаку, завершившуюся взятием холма. Она не походила на событие большого значения — поток людей и лошадей, черно-белые отблески стали, будто в зеркале, а потом мешанина, путаница, словно кишачий муравейник. У подножия склона разорвался последний кронианский снаряд. Затем флаг повалился вниз с башни. Я и вдруг с удивлением подумала: что же я здесь делаю? Дикое возбуждение, швырнувшее меня вперед, улеглось, ведь увиденное мною совсем не походило на то, что мне рассказывали о войне.

В задымленной долине еще наносили последние удары, еще умирали и убивали друг друга люди. Мои спутники не станут брать пленных. Альянс Чавро, в который вступила и моя страна, доставил неприятность, не более того — блоха укусила мощное тело за бок.

Башня являлась частью монастыря или какого-то церковного строения. Когда очистились верхние слои воздуха, я разглядела сводчатый проход, колонны крытой аркады и одну из безмолвных пушек, стоявших там, — длинная шея без головы, а из горла еще вырываются последние струйки дыхания.

Среди дыма возникли всадники. Черная пыль на лицах, кое-кто в крови, и у каждого кровь на копье или на шпаге. И тогда я услышала вдали в тумане пронзительно-громкие хриплые крики. Лошади вращали покрасневшими глазами, изрыгая изо рта пар, словно пушечный дым. И надо всеми витал мерзкий запах, жуткая вонь сражения.

Неторопливо ехавший через лес всадник повернул, направляясь ко мне; шлем из железа и золота, скрещенная с кровью и серебром чернота, черное лицо, почерневшие от крови руки, красная шпага.

Перспективы опять замкнулись. Затмение — солнце захлебнулось в дыму. Кавалерийский взвод скрылся.

У его стремени висел предмет, в существование которого я не поверила. Даже когда я приняла его как нечто реальное, он не произвел впечатления, уж слишком он был страшен. В одной из безрассудных своих атак он отсек человеку голову. Длинные волосы прилипли к стати, и вот безделушка уже привязана. Мне доводилось слышать, что кронианцы так поступают. Кто мне об этом рассказывал? Лой? Еще какая-нибудь девушка...

— Если мужчина встречается с женщиной, — сказал он, — Випарвет тому причиной. Мне следовало догадаться, что ты явишься сюда и примешься лакать кровь.

Я поднялась на ноги. Я не почувствовала страха. Я не поверила в происходящее, как и в отрубленную голову.

Я неторопливо направилась обратно через лес, тем же путем, которым пришла. Он вел лошадь под уздцы, ступая рядом со мной; она фыркала, вращая ярко-красными глазами, от нее несло такой же вонью, как от других.

Драхрис негромко заговорил со мной. Он стал рассказывать, что он со мной сделает. В

полном умопомрачении я выслушала все. Даже Лой ни разу не говорила шепотом о таких непотребных невероятных вещах. Еще он сказал, что будет бить меня, только это и дошло до моего понимания. Он говорил, что мое уродство обернется красотой благодаря следам его трудов — синякам и шрамам. И он позволит мне драться с ним.

Внезапно я бросилась бежать. Действие почти беспричинное, ведь его обещания казались несбыточными.

Тяжело дыша, разгоряченная лошадь рысила следом за мной, я чувствовала за спиной ее жар, опаляющее дыхание.

Среди деревьев мелькнула извилистая тропка, и я прыгнула на нее сквозь клочья тумана. У меня возникло ощущение, будто некая связь между этим человеком и мной вдруг порвалась, словно распоролась сеть или лопнула свора. Я неловко скакнула вперед и наткнулась на борт телеги. Вокруг на земле сидели солдаты, грязные, окровавленные, буйные, а женщина наеживала каждому пива из початой бочки.

— Эй, девушка, не хочешь выпить? Отметим победу?

Но я протолкалась через них, и они пропустили меня; уступить безоружной женщине после того, как они разнесли чавро в клочья, показалось им забавным.

Я пробиралась вперед среди бойцов, пивных бочек, опрокинутых повозок, мимо того места, куда несли раненых, оглашавших лес криками, воем и ругательствами; сквозь кучку женщин, препиравшихся над телом издохшего осла. А щупальца лопнувшей своры, разорванной сети постепенно исчезали на протяжении всего этого времени. Наконец я увидела несколько экипажей, стоявших близко друг к другу, а среди них карету Гурца, и даже кучер стоял рядом и чистил кремневое ружье полый мундира. Он тоже был в крови. Все припорошило красным и черным. Все испускало вонь.

Меня отчаянно мучила жажда. Сейчас я выпила бы сок красной смородины. Я попросила у кучера воды, и он рассмеялся мне в лицо.

Я забралась в экипаж и стала думать, что же со мной станет.

Но несколько часов спустя, когда появился Гурц, рассерженный донельзя моим непослушанием и опасным безрассудством, с покрасневшими глазами, разглагольствовавший о чем-то в таком же помешательстве, как и все мы, я не смогла рассказать ему ни о том, что видела, ни о преследователе и его обещаниях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Как гласит древняя песнь, зимний холод, порождение Севера, пробуждается от тягостного забытья среди остроконечных горных вершин. Набросив на ледяные латы сотканный стихиями плащ, отправляется он в путь по небесам на исхудалом своем жеребце. Вниз устремляются стрелы дождя, затем ледяная крупа, затем снег. В камень одевает он голову дрожащей земли.

После сражения в долине все переменялось. С того самого дня враждебные императору войска принялись изводить нас, несмотря на потери, понесенные ими в ходе наступления, не имевшего большого значения в масштабе всей войны. Словно злобные собаки, они кидались под колеса отступающей кронианской армии, хватили ее за пятки, за края подола. Стало неблагоприятным отставать от основной части войск. Небольшие отряды, задержавшиеся в пути, чтобы поджарить тощего цыпленка или напоить у пруда лошадей, подвергались нападению и уничтожению, и лишь те, кому повезло, сумели спастись и сообщить о случившемся. Везде, где позволял ландшафт, среди густых лесов и нависающих выступами склонов, раздавался треск и щелканье кремневых ружей, косивших рослых солдат. Впереди на нашем пути стоял город, название которого, Золи, стало привычным слуху. Во время наступления на юг кронианцы опустошили его и оставили среди развалин гарнизон из

полутора тысяч человек для умирения приграничных районов. Теперь же, согласно некоторым слухам, этот гарнизон в свою очередь также подвергся разгрому. Чаврийцы внезапно оживились. Они заволокли город Золи, намереваясь перекрыть границу и поймать завоевателей в их же собственную западню. Это предвещало сражение куда более крупное и важное, чем всякие стычки в долине. Мрачноватый подъем духа, возврат к строжайшей дисциплине, лихорадочное приведение в порядок оружия, строевые занятия, тренировочные атаки, смотры и построения, неумолчное мяуканье рожков в лагерях при свете сумерек — таков был ответ кронианцев.

Но зимний холод — противник совсем иного калибра; с ним не разделишься, как ни готовься к битве заранее. Сверкающие дни сложены в сундук. Ночи закованы в железо. Налетели Белые Ветра и задули, не стихая, а земля начала покрываться белой крупой.

Каждый день на заходе солнца генерал, его штабные и большинство офицеров пробирались по проторенным дорогам в опустевшие деревни или на хутора, чтобы заночевать где-нибудь за стенами, имея крышу над головой. Если не удавалось отыскать ни хижины, ни сарая, — никакого помещения, несчастные солдаты ютились подле обветшалых стен загонов для овец, свинарников, отхожих мест. Когда не находилось даже этого, они переворачивали телеги, чтобы отгородиться от визгливого напористого ветра. Едко-желтое пламя костров стлалось по земле.

Опустошение деревень также нанесло войскам тяжелый урон. Продовольственные припасы сильно истощились. Те самые люди, которым приходилось укрываться под перевернутыми телегами, довольствовались теперь пригоршней сухарей и изюма на день; дичью, которую удавалось подстрелить бойцам их отряда; полусгнившей капустой и подмороженными плодами, собранными по крохам на полях и в садах. Гурцу и ему подобным жилось полегче, что правда то правда.

После сражения в долине прошла неделя, выпал снег.

В то утро, выйдя на порог домика, состоявшего из одной-единственной комнаты, где мы ночевали с Гурцем, я увидела в первых лучах света покрытый сахарной глазурью мир; белизну нарушали лишь редкие тусклые лоскуты огня, топтавшиеся люди, похожие на черных медведей, да темные стволы сосен, растущих на склоне. На крыше домика сидели солдаты, они забрались туда ночью погреться у трубы очага, в котором теплилось пламя, но их тоже припорошило снегом, побелили их шлемы, а ранцы за плечами стали похожи на горбы. Где-то подвывали кронианские волко-собаки, но все рожки смолкли. Ветер стих. Я никогда еще не сталкивалась с подобной тишиной. Она вбирала в себя все звуки, превращая их в ничто. Стоял такой ужасный холод, что у меня перехватило дыхание.

Я по-прежнему терзалась страхом перед преследователем и все так же не смела раскрыть рта. Строевые занятия и мародерские набеги мешали ему подобраться ко мне. Лачуги, служившие нам прибежищем, и ветры как бы пролегли заградительной линией между ним и мной. Но я знала: он все еще там, за тонкой перегородкой, созданной погодой, действиями, временем. И казалось, снега проложили ему дорогу ко мне. Я не могла этого объяснить.

Я снова забралась в дом, и Гурц закутал меня в шубу, которую подарил мне несколько ночей назад. Она оказалась велика мне, но от этого ее ценность лишь возрастала.

Мы принялись за скудный завтрак, нам прислуживал Мельм с посиневшим носом и лиловыми руками. Гнет уныния давил на нас и на весь окружающий мир. Не слышно стало ни людей, ни лошадей, лишь вой собак доносился время от времени. Быть может, безжалостные стальные пальцы снега выпустили из-под замка глубокий непередаваемый ужас, превосходящий силой простые, вполне заурядные опасения, как бы смерть не принялась отныне шагать нога в ногу с нами.

Вначале ощущалось противодействие, чуть ли не гнев. Его излучали фигуры людей, пробивавшихся с опущенной головой вперед навстречу скалящему зубы ветру, откапывавших друг друга из сугробов, сидевших по ночам у костра, переставших мрачно резаться в кости, выпивать и чистить пряжки. Лишь стойкость осталась в них по прошествии

времени. На нас обрушились снега, ветры и бессердечные льды, прятавшиеся под крылом тьмы. Возле очагов стали обнаруживать умерших людей. Окаменевшие, словно опутанные злыми чарами, часовые валились на землю, как подрубленные деревья, стоило кому-то из товарищей дотронуться до них. Я видела, как их несли к костру: живые глаза на умерших лицах. А потом душа покидала и глаза. Скоро я увижу трупы, лежащие по обочинам, а иногда и посреди дороги. Снегу намело много, он затвердел, а промерзшая дорога стала неровной. Кто станет разбирать, что перед ним за препятствие — снежный сугроб, упавшая с дерева ветка или мертвое тело. А кучки отставших солдат, человек по десять-двенадцать, ждала среди белого безлюдья и занесенных снегом лесов, стоявших на пути, более жаркая гибель от чаврийских клинков.

Экипаж продвигался медленно. Лошади тянули изо всех сил. Миля в час, а то и меньше. Экипаж заливали волны холода, как будто стены в нем были из стекла. Отчаявшись, я выбиралась наружу и шла пешком, но холод, лезвия его белого пламени причиняли боль и вскоре загоняли меня обратно. Зрелище, которое представляли собой эти бескровные бесконечные края и похожие на выючных животных сосны и тсуги*¹, нагруженные снегом, и вязкое, как алебастр, заснеженное небо — все это тоже гнало меня обратно.

Холод въедался в легкие. Стало больно дышать, и непрерывно слышался хриплый кашель людей и животных, но снежное безмолвие проглатывало эти звуки, а вместе с ними и бульканье неуклюжих колес, треск сломавшейся вдалеке ветки, звон ударившегося о щит клинка.

Я все чаще стала ловить себя на мысли: скорей бы все это кончилось.

Войти с промерзшей улицы в дом, бегом подняться по ступенькам к маме, ее руки вернут тепло моим рукам, засунуть онемевшие ноги под терпеливую кошку, и они согреются; скачущие языки пламени, горячий подслащенный чай из трав. Но нет здесь скончания ни холоду, ни страху.

2

— У нас ничего нет. Можешь убираться.

У входа в палатку Гурца, расставленную тем вечером под прикрытием полуразрушенной стены, раздался гневный решительный голос Мельма. На мгновение меня охватило пламя ужаса. Я решила, что злодей, на которого нет управы, этот дьявол, Драхрис, явился сюда, а Мельм почему-то оказался в состоянии прогнать его. Но это не мог быть Драхрис, ох, нет, кто же станет разговаривать с ним в подобном тоне.

Сквозь зубы снежной глотки, приглушавшей звуки, ко мне пробился робкий голос:

— Это Джильза.

— Ну и, — сказал Мельм.

— Но.. это же Джильза.

Мельм ничего не ответил. Его молчание само служило ответом. Затем послышался голос другой женщины, контрольно:

— Я хочу кое-что рассказать ей, его любовнице.

— Уходи отсюда, — сказал Мельм.

Послышался звон, словно кто-то тряхнул упряжью, — не то колокольчики, не то монеты.

— Полковник Гурц впустил бы меня, — сказала она. В ее голосе прозвучала не просьба, а скорей приказание.

Странная ее музыка повлекла меня к себе; желая посмотреть на нее, я откинула полог палатки и сама оказалась на виду.

Мельм обернулся и, глядя, разумеется, сквозь меня, сказал:

¹ Американское хвойное дерево.

— Эти женщины просто попрошайки. У вас нет ничего лишнего. Я попросил их уйти.

С недавнего времени женщины нижнего сословия в лагере, женщины из фургонов, жены и подружки солдат, с наступлением темноты стали пробираться к жилью офицеров и выпрашивать объедки. Они рассказывали жалобные истории. У них голодают дети, муж лежит раненый после сражения, или он отморозил ногу и передвигается только с помощью друзей. Не найдется ли у нас лишней корочки, немножко пива — все выданные солдатам бочки уже пусты — или чего-нибудь покрепче, оно еще лучше разгоняет по жилам кровь, и Гурц вполне мог отдать собственный ужин из жилистой дичи, горшочек масла, налить вина, пока оно еще оставалось, любому, кто просил его об этом. В городе он каждый вечер осушал по графину вина, а теперь утолял жажду одними льдинками, растопленными Мельмом в чайнике.

Что касается меня, мой неизменно дурной аппетит оказался весьма кстати. Я привыкла обходиться без еды, и настоящий голод еще не взялся за меня как следует.

В тот вечер, однако, от крайне скудного ужина не осталось ничего. А после еды Гурц отправился в палатку генерала.

Бескрайняя белая, уставленная биваками скатерть из снега уходила вверх, вниз, вдаль к чернильно-пасмурной линии горизонта. У входа в палатку стояли три женщины, две из них жались, кутаясь в обмотанное раз по двенадцать тряпье, которое уродовало их и уподобляло пугалам. Третья выпрямилась во весь рост. Словно гора возвышалась она под блестящей шкурой черного медведя, а над вершиной, будто луна, — окаймленное мехом капюшона лицо. Кронианка, одна из женщин, проделавших вместе с армией путешествие на юг и теперь возвращавшихся обратно. Густые черные брови на лице, окрашенном в белое и красное, яркие цвета, данные ей природой.

Из-под капюшона выглядывал головной убор в восточном духе: вдоль щек и лба бахромой тянулись ряды переливчатых золотых бляшек. Бросив на меня взгляд, она кивнула; монисто опять отозвалось звоном, как упряжь с колокольчиками. В ее речи ощущался акцент провинций, хотя кронианский был ее родным языком.

— Ты — любовница полковника Гурца. Я Джильза. Они меня знают, даже этот вот, — небрежный кивок в сторону Мельма, — я предсказываю судьбу. У меня хранится ключ к премудростям из краев Тарас Инда, к тайнам Змеиных Королей. Я могу кое-что тебе рассказать. А ты могла бы подарить мне за это вещи, которые я на твой взгляд заслужила. — Я не сводила с нее глаз, и длинная белая рука, прикрытая лишь браслетами из крашеного дерева и слоновой кости, взметнулась вверх, словно змея, указывая в небо. — Видишь круг?

Мне было незнакомо кронианское слово «круг», я в недоумении запрокинула вверх голову и тогда догадалась, что она имеет в виду луну: не свое лицо, а небесное светило.

Что-то необыкновенное происходило с нею. Диск приобрел форму безукоризненного круга, и усеянное звездами небо проступило с четкой ясностью на много миль окрест него. А за очертившим эту часть пространства белым кругом такой же безупречной формы, как и сама луна, раскинулись, сливаясь с мраком и землей, непрозрачные беззвездные небеса. Я будто заглянула через край в огромный котел. Никогда еще не открывалось моим глазам подобное зрелище, этот гигантский ореол, образованный высокими перистыми облаками и частичками льда в воздухе. Оно показалось мне сверхъестественным и привело меня в смятение.

Я перевела взгляд на женщину, ожидая разъяснений.

Но она сказала только:

— Я зайду к тебе в палатку.

Я впустила ее, ведь мне показалось, что даже луна и темнота подвластны ей, а потому она, вероятно, сумеет мне помочь, хотя я совершенно не представляла себе, каким образом. Мельм больше не пытался ей воспрепятствовать; презрительно усмехаясь, он повернулся к горевшему поблизости костру. Пришедшие вместе с ней женщины присели у стены, будто собаки, и принялись ждать. Внутри палатки в жаровне на треноге горели угли, и она сразу же пошла погреться, впрочем, безо всякой спешки. Эта женщина не имела возраста; холод

высушил кожу, на которой не было ни одной морщинки, но губы ее не потрескались от мороза.

— Садись, — сказала она, обращаясь ко мне, и я присела на табуретку, а она подошла к креслу Гурца и опустилась в него; мы оказались друг напротив друга, нас разделял складной обеденный столик.

Она пристально глядела на меня какое-то время. Меня так и подмывало отвести взгляд, но я решила, что мне это не удастся. К тому же, пребывая во власти этих черных, словно металлических, глаз, сплошных зрачков с тоненькими золотыми ободками, похожих на кошачьи глаза среди ночи, я почувствовала облегчение.

По прошествии некоторого времени она заговорила снова:

— Ты совсем дитя, даже младше своих лет. Но и старше тоже. Доживи ты хоть до девяноста, все равно окажешься старше.

Я не поняла, но прервать не посмела.

— Многого я не смогу рассказать тебе. Но кое-что смогу. Веришь?

От ее дыхания язык мой задрожал, будто свечка.

— Дд... да.

— И что же ты мне подаришь?

Лицо ее казалось суровым и чистым, но я догадалась, что, судя по всему, она еще и обманщица. При этом я не имею в виду шарлатанства. Как-то давным-давно мы с Литти посетили гадалку на ярмарке. Она напугала нас, и мы с хихиканьем убежали. Предсказания ее звучали бессвязно, она ни разу не угадала правильно, и сила ее воздействия возникала в основном благодаря присутствию большой ящерицы, неподвижно лежавшей в клетке около ее локтя. Женщина по имени Джильза была существом совсем иного порядка. Вероятно, она явилась ко мне, потому что знала о моей неопытности и о том, что Гурца не окажется рядом (как злая ведьма из сказки).

Либо сплетники, либо боги сообщили ей о моих затруднениях. Как мне кажется теперь — и те и другие.

Я не успела ответить, а она уже принялась раскладывать по столу яркие карты с вычурными изображениями зверей и каких-то существ, зданий, символов планет, оружия и растений. Она раскинула их трижды, всякий раз считая предыдущий расклад к себе в рукав, или так мне показалось. На третий раз она оставила одну-единственную карту и, сняв ее со стола, показала мне. Бледная женщина в белом и желтом на темно-красном фоне, а за головой у нее — зеленое солнце. Из руки ее сыпались гиацинты, сменявшиеся на пути падения бумагами, затем дымом, кровью, жемчугами и каплями прозрачной воды. Возле ее ног поток этот превращался в тканый ковер со сложным абстрактным рисунком. В другой руке, правой, она держала жезл; я увидела ударяющую в него молнию. Она улыбалась, но по щекам ее катились слезы. Голову ее венчала бриллиантовая тиара, ноги же оставались босыми, половина подола свисала ключьями.

— Эта карта зовется Героиня или Вселенская Девушка. Но к тому же это одна из карт, обозначавших Ее, богиню Вульмардру, — сказала Джильза.

Показав мне карту, она спрятала ее, как и остальные. Протянув сложенные ладони, она опустила их передо мной на стол.

— Что подаришь? — сказала она и царственным тоном добавила: — Чего не пожалеешь?

Трясаясь всем телом, я поднялась на ноги, пошла к сундуку, раскопала в нем мешочек с сушеным инжиром и еще один, с толокном. Я принесла их. Она подкинула мешочки на руке, прикидывая на вес.

— Я не могу... — проговорила я, — не могу дать много. Это не мое. Это еда полковника Гурца.

— Что ж, я возьму их, — сказала она. — И подари мне свое украшение.

Растерявшись, я опустила глаза и увидела браслет с кораллами. Запястья Джильзы не были по-детски узкими, она не смогла бы его надеть.

— Это его подарок, — сказала я.

— Разве тебе не все равно? — спросила она.

Я покраснела. Мне было совершенно все равно. Я сняла браслет и отдала его Джильзе, словно сообщница. В каком-нибудь из городов Севера она продаст его за круглую сумму наличных.

— А если он спросит...

— Не спросит. Он никогда не станет о нем спрашивать.

— Я могу сказать, — договорила я, — что потеряла его.

— И это действительно так, — с легким юмором заметила она, поскольку он уже исчез вслед за картами, инжиром и толокном. — Сядь, — еще раз сказала она. Я села, но уже не стала смотреть ей в глаза. Я вдруг почувствовала, что меня обобрали, обманули, провели, сделали из меня посмешище. Но мелодичное звучание исходивших от нее сил по-прежнему наполняло палатку, кружа мне голову.

Дальнейшие ее речи я слушала вполслуха — мне стало боязно, как бы Гурц не вернулся и не застал нас — они пробивались ко мне сквозь замешательство, сквозь сумбур в голове, сквозь преграду, которую какая-то часть меня попыталась возвести между ее истиной и моей.

Тем не менее мне удалось узнать, что вокруг моего земного шара огненной змеей обвился Океан, несущий пламенные воды. Она говорила, что пути одних людей уже проложены, а пути других еще только прокладываются, как и в моем случае, но у меня имеется второе «я», тень, я же в свою очередь являюсь его зеркальным отражением и двойником, а потому пути мои уже подверглись некоторому воздействию, в них уже заложены складки и прорезаны зазубрины, уже просыпались на них яркие зерна, которые могут принести плоды, а могут и погибнуть, но тогда на сердце у меня заскребет...

В то же мгновение, по-прежнему не глядя на нее, я скорчилась и заерзала на табуретке. Мне показалось, что повсюду в меня втыкаются колючие иголки. Я испугалась, мне захотелось, чтобы все это прошло. И вдруг, будто сжалась надо мной, она оборвала на середине речитатив, в который слились ее слова.

— Но в данный момент тебя гложет сильный страх. Перед охотником, который за тобой гонится.

Услышав это, я так и подскочила и наконец подняла глаза.

Лицо ее походило на скалу.

— Ты должна аннулировать его долг. — Ее рука раскрылась, что-то лежало на ладони. — За браслет, — сказала она.

Там оказалась крошечная, не более четырех дюймов длиной, фигурка богини из какой-то белой эмали с раскрашенными охрой волосами, ноги ее упирались в короткую железную перекладину.

— Что это?

— Амулет, — ответила она. — Смотри, вот тут, в волосах, дырочка для шнура.

Она встала, украшения ее зазвенели.

Я тоже поднялась на ноги, словно повинуюсь ее магнетической силе.

— Но что же мне делать? — вскричала я и положила руку на ее меховой рукав. Я будто прикоснулась к живому медведю. От меха исходило тепло жизни, мурлыканье и потрескивание. Я отдернула руку. Она же поглядела на меня и сказала:

— Не делай ничего. Само придет. Таким образом ты найдешь сущее, для себя. Запомни карту, Вселенская Девушка. Притягивает к себе молнию. Меняется даже цветок.

Собрав вокруг себя сияющую тьму и поющие силы, она направилась к прикрытому пологом выходу. И замешкалась у порога.

— Нет ли чего-нибудь не нужного тебе, — сказала она, оказывая мне любезность, как будто ничего еще не получила. — Может, какая-нибудь теплая шаль найдется. — Я подошла к ложу из одеял, взяла лежавшую на нем шаль и отдала ей. — Мне жаль, что ты не увидишь, какую радость принесет ее тепло бедным женщинам, — сказала она.

Палатка словно обвалилась у нее за спиной. Я видела, как, выйдя на улицу, она отправилась по заледеневшему снегу к своим прислужницам и стала показывать им добычу. Они тяжело дышали ей в лицо, голодные заждавшиеся суки.

Может быть, никто и не спохватится об еде. А может, Мельм начнет докапываться. Вероятно, мне следует рассказать Гурцу о своих приключениях и тем самым предотвратить обвинения и насмешки. У меня есть другие шали. Меня постигло разочарование, я обманулась в своих надеждах; помощь оказалась всего лишь миражом.

Среди холодной как лед ночи вспыхнула ссора между солдатами, они кричали и скандалили из-за кусочка мяса или капли спиртного.

Заслышав этот шум, я вздрогнула, как от боли. Чувствуя смертельную усталость, я засунула фигурку Вульмартис — это важно, ее нельзя обойти вниманием — под валик кровати из одеял. Я лежала в ней, мечтая, чтобы Гурц не вернулся до утра. И моя молитва не осталась без ответа.

3

Экипаж Гурца потребовался для перевозки раненых офицеров и бойцов, которым холод нанес увечья. При этом оговаривалось, что некоторые из дам продолжат путь вместе. Я ужаснулась и не без причины, ведь Мельм подвел меня к экипажу, в котором ехала светловолосая принцесса и ее друзья.

Двери экипажа все еще украшали гербы, он казался огромным. Следом за ним тащился сопровождавший принцессу кортеж: повозки с предметами первой необходимости, ее собственная кухня (она приобрела несколько общипанный вид) и фургон со знаменитой кроватью. Из жалоб, которые мне позднее довелось услышать, я заключила, что вереница повозок была еще длинней, но и принцесса кое-что отдала для нужд армии.

А мой багаж, уложенный в сундук, перекочевал в повозку с походной кухней, в которой ехал Мельм. Я понимала, что он не станет особенно заботиться о моих вещах.

— Ты должна благодарить тритарка Драхриса за предоставленное тебе здесь место, — тут же заявила мне принцесса. Она бросила на меня всего один прямой взгляд, светившийся неприкрытой ненавистью. Больше она ничего мне не говорила и ничем не поделилась со мной. Она продолжила беседу со своими компаньонками, и все они прекрасно обходились без меня. Они обсуждали великое множество вопросов. Я притворилась, будто читаю книгу, и даже переворачивала для маскировки страницы. Я догадывалась, что они могут взять и выбрать меня, сказав, будто я подслушиваю, но у меня не было никакой возможности пропустить их слова мимо ушей, голоса их звучали так ясно, так навязчиво.

Почему она меня ненавидит? Что он ей наговорил, ее любовник и мой злой дух? Неужели он и вправду является для нее предметом обожания; мужчиной, которого она ревниво охраняет? А будь он даже и похож на человека, зачем ей-то так беспокоиться о моей особе, столь ничтожной по сравнению с ней?

В экипаже было тепло благодаря множеству обогревателей для рук и ног, в которых светились угольки, — пять изысканно благоухающих дам теснились в нем. Он мог бы показаться раем, но разумеется, обернулся для меня адом на земле.

Принцесса была одета в дорожное платье из темно-бордового бархата с накинутыми на него черными кронианскими мехами, скрепленными пряжками из золота и рубинов. На шее виднелись три жемчужины поразительной величины. «Это его подарок», — поведала она своей черноволосой сообщнице. Мне вспомнились гиацинты, жемчуга и кровь, струившиеся из рук Вселенской Девушки.

Они угощались цукатами.

— Войска голодают, и мы тоже, — говорили они друг дружке. — Нам придется жить, питаясь одними сладостями. — И попивали белое вино. Мне они ничего не предложили и передавали коробочку с цукатами и бокал прямо через мою опущенную голову.

— Золи! Это всего-навсего вымысел. Да есть ли на свете такой город?

— Есть, принцесса. Я видела его на карте. Еще десять дней, и мы туда прибудем.

— Нет, говорят, на это уйдет около пятнадцати. Снега...

И тут они на мгновение посерьезнели, эти аристократки из королевского города. Золи выступил против кронианцев, он находился в руках союзников, на сегодняшний день активно поддерживавших короля. Затем одна из них встрепенулась и смело заявила:

— Что ж, ради любви мы расстались со всем на свете! — И они весело расхохотались, выпутавшись таким образом, не теряя достоинства.

Может, мне стоило присоединиться к ним? По всей видимости, я тоже предала родину и монарха, повинаясь великой непобедимой страсти. Но нет. Я просто шлюха, возжелавшая прорваться наверх. Мне не может быть прощения.

Через некоторое время, как я того и ожидала, экипаж тряхнуло, и он остановился. В окне показались кронианские офицеры.

Не оборачиваясь, я склонила голову над книгой, которой не видела. Он здесь. Вот-вот я услышу запавший в память голос. И услышала.

— Тебе удобно, голубка моя?

Тень высокомерия промелькнула в ее голосе.

— Я не бедствую, сударь.

— И девчонка с тобой, как я вижу, — рассмеялся он.

Я почувствовала, как она вся оцетинилась, как выставила в мою сторону колючки.

— Итак, — сказал он, — я хочу услышать твой ответ.

— Да. По вашему приказу. Она здесь. Со мной.

— Запах гуталина и грязной воды наверняка неприятен, — сказал он. — Приношу свои извинения. Но не могли же мы бросить ее в снег, чтобы простая солдатня ее затоптала?

— О, почему бы и нет, — сказала она.

— Девушка, — проговорил он затем, — эй, пучеглазая, утеха Гурца, ты не хочешь поблагодарить меня?

Мощный пышный шорох пронесся по наполненному женщинами экипажу.

Не стану глядеть на него. Нет, ни за что.

Женщина, сидевшая ко мне ближе всех, шлепнула меня крышкой от коробочки с цукатами.

— Тритарк обращается к тебе.

— Она плохо воспитана, — сказал Драхрис. Он опять засмеялся. — Мне уже известно об этом. — Ледяной луч, выпущенный светловолосой женщиной, метнулся ко мне. Тритарк проговорил: — Что ж, любимая, мы с солдатами отправляемся бить чавро. Мне очень жаль.

Я услышала, как они обнимаются через окошко. Она умоляла его беречь себя.

— Что, что ты говоришь? — переспросил он.

Она сказала, не скрываясь ни от кого из нас, что умрет, если он получит хоть одну царапину.

— Да, — сказал он, — я прослежу, чтобы именно так и случилось. — Он опять захохотал и скрылся из виду.

Когда экипаж снова тронулся в путь, что-то скользнуло у меня под корсажем; я удивилась. Но это был всего лишь никчемный амулет, который дала мне Джильза.

Меня затошнило с такой силой, что, казалось, мне наверняка придется просить еще раз остановить экипаж или перегнуться через окно, чтобы меня вывернуло на глазах у шагающих солдат, а женщины вопьются мне в спину колючими глазами. Но тошнота унялась, осталось лишь не менее отвратительное желание расплакаться, слезы то подкатывали к глазам, то отступали, и наконец две-три капли, выскользнув из-под век, скатились на страницу книги; полагаю, этого никто не заметил.

Той ночью я попросила Гурца подыскать мне для дальнейшего путешествия какой-нибудь фургон или повозку.

Он возмутился. С тех пор как выпал снег, он с каждым днем становился все вспыльчивей; он не мог не чувствовать собственного бессилия, события зажали его в тиски,

и все мы вызывали в нем раздражение.

— Как можно оскорбить отказом этих великодушных дам, — вопрошал он, — моих же соотечественниц, отрекшихся от унаследованного при рождении из верности любимым. (Он тоже не отнес меня к числу облаченных в доспехи самоотверженности.)

Я сказала, что дамы унижают меня. Я не посмела сказать большего.

Он возразил на это, говоря, будто аристократам присуща подобная манера поведения. Я молода и ниже их по происхождению. Не стоит рассчитывать, что меня примут как свою. Похоже, его взбесило, что я вынудила его заговорить об этом вслух и, хуже всего, признать это.

Во время перепалки Мельм поднес нам обугленные косточки дичи и какие-то жидковатые овощи. Руки у него сильно пострадали от холода, три пальца оказались в бинтах, но все же он так и светился довольством, хоть и не видел той, к кому обращался хозяин. (Никто не поминал ни о гадалке, ни об исчезнувших припасах. Я подумала, что тут кроется что-то подозрительное, не иначе.)

Кир Гурц беспокойно метался по сложенной из одеял постели. С того времени, как лег снег, он перестал находить применение моему телу. Каждый из нас терзался собственными заботами, и я не понимаю, как нам удалось заснуть, но по прошествии некоторого времени это произошло. Один раз я проснулась и услышала, как он громко храпит, чего почти никогда не случалось в черном доме. Он похудел на зимней диете отступающих войск. Глаза его покраснели, взгляд погрузнел.

Если я не хочу лишиться его покровительства, мне необходимо уберечь его от Драхриса. Однако я начала в недоумении задаваться вопросом: как же я позволила ему увезти меня из города? Неужели я не могла убежать и спрятаться? Мне не к кому было обратиться, это верно, и все же с помощью документов, которые передала мне Илайива, я, наверное, сумела бы доказать, что теперь этот дом принадлежит мне. Неужели это показалось мне таким затруднительным и невыполнимым делом? И я допустила, чтобы посторонние люди увезли меня в чужую империю, где живут мои враги, сочтя подобную перспективу менее дикой?

На следующее утро мой тюремщик Мельм явился, чтобы опять препроводить меня к экипажу принцессы Драхриса.

Я отправилась было с ним, но остановилась среди белого мира и разбросанных по нему людей и чадлых огней — там, где рубили на мясо зарезанную лошадь.

Он не видел меня.

— Давай же, идем, — сказал он.

— Не пойду, — сказала я. Безумный мятежный порыв подхлестнул меня. — Найдите мне место в телеге.

— Места нет, — сказал он, разговор с кем-то несуществующим явно пришелся ему не по вкусу.

— Значит, я пойду пешком.

— Ты замерзнешь. — Он сплюнул.

— Уж лучше замерзнуть, чем сидеть с... сидеть в этом экипаже.

Он упорно не смотрел на меня.

— Должно быть, у тебя имеются свои соображения на этот счет, — тем не менее ядовито заметил он. — Ну и мерзни, маленькая шлюха.

И на этом он оставил меня. Никогда еще не выказывал он своей злобной ненависти так явно. Казалось, разбилось все, что еще осталось на свете.

Итак, я отправилась пешком.

Откуда мне было знать, может, этот поход окажется испытанием на стойкость, и в сравнении с другим вариантом он казался предпочтительнее. На самом деле, стоило

однажды сделать выбор, как вопрос об иной возможности — об экипаже — отпал сам собой. И все же, идти пешком...

Вначале я заняла место среди фургонов с багажом и офицерских походных кухонь, которые тоже отправились в дорогу. Белый волнистый путь простерся перед нами; вдалеке, в нескольких милях от нас, к нему подступали леса с огромными заснеженными соснами. Ветер стих; если бы этого не случилось, мне вряд ли удалось бы отправиться пешком. Потому что ветер наносил раны, как клинок. Он мог ослепить и убить. Я видела, как он вершит свое дело.

Повсюду вдоль дороги все еще сидели возле одиноких вялых костров люди, остановившиеся на привал. Полосы запекшейся крови испещрили снег: похоже, на заре было принято решение забить всех лошадей. Зрелище это не затрагивало меня, если только я случайно не натыкалась на мертвую голову. Такое произошло лишь дважды; первый раз я чуть не рухнула на землю, а на второй — меня охватил жуткий приступ рыданий. Но я продолжала ковылять дальше, и вскоре когти холода снова привели меня в чувство, и я вспомнила о своем положении.

Когда вереница повозок с багажом намного опередила меня, а дорога стала гладкой и скользкой как стекло, я начала часто падать. Тогда я научилась передвигаться иначе, мелко семеня ногами. Время от времени с приближением кавалерийского отряда мне приходилось уступать дорогу, меня заносило, я поскальзывалась и в поисках спасения хваталась за деревья, обдирая руки. Потом меня стали нагонять группы пехотинцев, копьеносцев и барабанщиков; они проходили мимо, не шагая, а скорее волоча ноги. Одни поддерживали тех, кто ослаб. Другие тащились сами по себе. Человек с прекрасным, звенящим, словно бронза, голосом пел; его товарищи шепотом сказали, что он не в своем уме. Мне не удалось понять слов этой кронианской песни, а может быть, он нес какую-нибудь тарабарщину.

Около полудня мимо меня проехала телега со страшными, похожими на трупы людьми. Кожа у всех побагровела, у каждого недоставало руки или ноги. Казалось, глаза их ничего не видят.

Никто не замечал меня. Привычка Мельма передалась всем.

Холод. Я поняла, что никогда еще по-настоящему с ним не сталкивалась. Вначале он казался всего-навсего невыносимым. Из глаз струились слезы, воздух ножом резал легкие. Зимние сапоги оказались мне малы, а я и не замечала до сих пор. Я перестала чувствовать под собой ноги и воображала, будто они отвалиются, как у тех обреченных на смерть бедняг, что сидели в телеге. меховая шуба свинцовой тяжестью давила на меня, я заоченела под ней.

Возможно — несомненно — прошло три-четыре часа. Я не имею представления, каким образом мне удалось продержаться на ногах так долго. В памяти остался провал — либо я провела какое-то время без движения, либо земля сама несла меня вперед. Но состояние мое усугубилось. Руки под перчатками потрескались и начали кровоточить. Отчаянная боль простреливала ноги, от бесчувственных лодыжек до коленей, до бедер, и сжимала желудок. Мне казалось, будто среди снежной белизны расцветают то темно-зеленые кляксы, то едко-красные завихрения. У меня раскалывалась голова, словно ее сжимал тесный стальной шлем. Похоже, мне придется умереть, если я не смогу куда-нибудь деться, оказаться в другом месте.

Заслышав крик, я подняла безучастный взгляд. Какие-то фургоны сбились в кучу возле дороги. На прогалине меж сосен разводили костер. А впереди земля изгибалась уступом и уходила вниз, — взору открывалось бесформенное, ничем не ограниченное небо.

Подойдя поближе, я увидела, что внизу, среди раскинувшихся на многие мили снегов и лесов, продолжается движение и черные фигурки людей и повозок с трудом пробираются вперед и становятся все меньше, бессмысленней и ужасней, а вдалеке, за много миль от них, на горизонте виднеется грязное пятно. Я стала приглядываться к нему, и оно постепенно изменялось под моим взглядом, но мне не удалось выстроить из него что-либо осмысленное. Подсознательно я пришла к убеждению, что скорей всего это Золи, мифический город, в

который мы должны были прибыть давным-давно, а может, еще нескоро, этого было не вычислить.

Затем я повернулась к костру, который заботливо поддерживали. Я надеялась, что никто меня не прогонит. Но, чтобы приблизиться к костру, потребовались определенные усилия. Я не смогла подойти очень близко — тепло яростно обжигало кожу, но при этом я не согрелась до конца. Закутанный в тряпье и мех человек с огромной медной фляжкой обходил всех по очереди, и каждый отпивал по глотку; наконец он добрался до меня и молча протянул мне фляжку. Я тоже отхлебнула жгучей жидкости. Теперь меня обдало палящим огнем изнутри, но все, что находилось между кожей и внутренностями, так и осталось неоттаявшим льдом.

Пока я там стояла, мне пришло в голову, что совсем скоро стемнеет, что Гурц все-таки потерял меня и уже никогда больше не отыщет. Я подумала: интересно, упомянет ли Мельм о роли, которую сыграл в этом, и станут ли его упрекать.

На прогалине появился всадник. Флюгель-сержант кавалерии. Он направился прямо ко мне, свирепо глядя на меня.

— Ты. Твое имя — Аара?

Я чуть было не покачала головой. А затем попыталась пошевеливать замерзшими губами и сказать «да».

Он подхватил меня и усадил на коня. Это показалось мне до странности знакомым, ведь когда я была маленькой, папа и его друзья-офицеры пару раз проделывали то же самое. Спиртное ударило мне в голову, я рассмеялась. Гурц послал этого человека спасать меня. Наверное, он метался взад-вперед по всей колонне, ругаясь, выискивая девушку маленького роста в прекрасной шубе. Я чувствовала, что мне надо бы попросить у него прощения, но вместо этого прикинула к военной форме, к телу, пышущему жаром, словно печка, — как удивительно. Потихоньку я начала чувствовать ноги, или кусочки ног, и это невероятно меня обрадовало, словно окончательная отмена смертного приговора.

Мы заехали далеко в лес, и лишь тогда я спросила:

— Куда мы направляемся?

— Потихе, — откликнулся мой спутник. — Здесь могут оказаться чавронцы.

Я вдруг поняла, что за рискованное это предприятие, одинокий всадник с никчемной девчонкой среди лесов и бездорожья. (Однако мне доводилось слышать, как кавалеристы хвастались, будто кронианский воин способен в одиночку справиться с двадцатью врагами, будь при нем конь и шпага.) Я предположила, что Гурцу подыскивали прибежище в какой-нибудь заброшенной хижине в стороне от основного лагеря. Но какое огромное расстояние. Как далеко завез меня черный всадник — мы скачем уже не меньше часа. Шумы войска перестали доноситься до меня. Лишь великое Безмолвие очертило вокруг нас кольца. Не зная, что и думать, я принялась глядеть вверх, на белые сосны, нависшие над головой, готовые, казалось, вот-вот опрокинуться на нас. А конь скакал все дальше по толстому белому ковру.

Когда мы добрались до места, я увидела каменный дом при ферме, в котором уже много лет никто не жил. В замерзшем пруду для уток проделали прорубь, из нее пили кони, облака пара вырывались из их ртов. А солдаты жарили на костре нанизанное на копыя мясо убитых лошадей.

Когда мы подскакали к дому, из дверей его вышел штандарт-майор. При виде меня он улыбнулся, обнажив зубы, и я узнала его. Он стриг бороду так же коротко, как Драхрис, и был при нем в тот день, когда тритарк впервые приблизился к моему экипажу.

Когда сержант опустил меня на землю, я оторопела и попыталась бежать, но штандарт-майор уже крепко держал меня. Да и в любом случае мне не удалось бы далеко уйти по льду и сугробам.

Я перестала сопротивляться, это бесполезно, к тому же я чересчур ослабла и растерялась, у меня бы ничего не получилось. Но в моем мозгу что-то засуетилось, принялось шарить по всем уголкам, но ничего там не нашло.

— Можно при мне не притворяться, — сказал штандарт-майор, и я покорно пошла с ним в дом, через кухню по выстланному каменными плитами полу и поднялась по деревянной лестнице.

В большой квадратной комнате со сводчатым потолком и обшитыми панелями стенами, которая некогда, наверное, была чинной гостиной, теперь стояла походная койка, стул и деревянный стол возле окна. На фоне черно-белого эскиза, очерченного оконной рамой, стоявший на столе глиняный кувшин светился, как литой, а исходящий от снега свет отражался в стекле лампы, роняя звездочки на миску с желтыми грушами. У стола застыл Драхрис, черная фигура поверх тени за пределами света.

Он глядел вдаль на тускнеющий день, на утиный пруд, на лошадей и солдат, как будто все это было ему любопытно.

— К вашим услугам, тритарк, — с улыбкой сказал штандарт-майор, щелкнув каблуками.

— Не забудьте закрыть за собой дверь, — не оборачиваясь, ответил Драхрис.

Штандарт-майор ушел, закрыв за собой дверь.

Вот и наступило это мгновение — кульминация всех страхов. Я знала, что оно неизбежно. Даже колдунья предсказывала его приход.

Прошло несколько минут. Ни он, ни я не пошевелились ни разу.

Когда он снова заговорил, сердце мое затряслось, как испуганная машина; казалось, раньше оно оставалось без движения.

— Что, не по вкусу тебе изящный экипаж? Колочие взгляды Блонди пришлись тебе не по нраву? Ты предпочитаешь снега, не так ли? Я расскажу тебе, что ей нравится, этой принцессе. — Он принялся описывать, что ей нравится, по его мнению. Только на этот раз я уже не ожидала от него слов иных, чем те, которые он произнес. Они не потрясли меня. Что-то у меня в голове по-прежнему тщетно билось в поисках выхода, и я почти не слушала его.

Он повернулся.

— Дверь заперта, — сказал он. — Ключ у меня. Попробуй, отбери. Нет? О, — сказал он, — почему бы тебе не подойти? Боишься, как бы я не сделал тебе больно? Иди, съешь грушу, твоя тусклая кожа станет от этого поярче. — Лицо его неясно виднелось среди теней, в падавшем из окна свете проступали одни глаза. — Уродина, посудомойка, шлюха. Иди сюда, я сделаю тебя посимпатичней.

Он зашевелился. Он кинулся на меня. Я тоже должна двигаться, чтоб ускользнуть от него.

Мы кружили, словно танцоры, пока я не уперлась поясом в край стола. Тогда он вытянул руку, просунул ее мне под капюшон, схватил меня за волосы и рванул с такой силой, что, казалось, он выдерет сейчас все пряди до единой.

Теперь в лившемся из окна свете показалось его лицо, литое, как кувшин, и блестящие глаза.

Он приложил мне ко лбу руку и толкнул, я отлетела назад. Я упала на стол, груши разлетелись в разные стороны, послышался звон разбившейся миски.

Он потянулся ко мне. Он принялся поливать меня спиртным из кувшина, оно потекло по губам, по шее. Он уговаривал меня выпить, подраться с ним. Совершенно не владея собой, я отпихнула кувшин, а он рывком схватил меня за руку, приподнял, а потом толкнул вниз, и так еще раз, вверх-вниз. В голове у меня уже кружил вихрь, он носился среди пустот, не находя ответа...

— Отбивайся же, грязная подстилка.

Он ударил меня по лицу, и, сама того не желая, зная, что именно этого он и добивается, а значит, так делать нельзя, я стала сопротивляться. Ни один из моих ударов не попал в цель. Он отбил все, смеясь и поздравляя меня и обзывая фантастически грязными словами, а потом нанес мне еще один удар, и я перестала дышать; я услышала собственный хрип и почувствовала, как он тянет меня вверх, словно в теле у меня нет костей; затем я поняла, что

вишу в воздухе, а он держит меня, но я ничего не могла поделать. И тогда, как в настоящем кошмаре, мне на мгновение захотелось просто умереть, чтобы все кончилось. Но он тряс меня, и тряс, пока я не отдышалась, а потом принялся подбадривать меня, говоря: «Нет, в тебе еще остались силы», и стал описывать все, что произойдет меж нами. Он разорвал на мне корсаж и нижнюю юбку и начал поливать мне спиртным грудь и что-то, висевшее там на шнурке; он говорил, что вымоет меня, грязную шлюху, разве мне это неприятно. Дыхание причиняло страшную боль, и я пыталась высвободиться, к чему он и стремился, и он швырял меня то туда, то сюда, и я на лету ударялась головой то об стену, то об стол, а он принялся есть грушу, и сок потек по его подбородку, а он плевал в меня пережеванными кусками, и из окошка донесся звук... звук из какого-то другого места... звук... звук...

— Проклятье, — сказал он, исчерпав уже все богохульства и экскрементные ругательства. — Что за... — Он выпустил меня, я упала на пол и оттуда увидела, как он подошел к окну и выглянул.

Я оцупала себя. Он укусил меня в плечо, оттуда текла кровь. Я не знала, может, я рассыпалась на кусочки и они валяются по всему полу. Что-то неуместное лежало у меня на груди — какой-то обломок меня самой.

— Чавро, — сказал он. — Умеют выбрать времечко. — Он выругался покрепче. Затем обернулся и быстро подошел ко мне. — Сожалею, голубка, но придется нам управиться быстрее, чем мы собирались. — С улицы неслась мешанина нестройных звуков, которые могли обозначать все, что угодно. Конское ржание, вопли людей. Драхрис рассмеялся. — Раздвинь ноги.

Незастегнутая ширинка на бриджах откинулась в сторону, как надрезанная кожа; налившись кровью, он в запале кинулся на меня, теперь все начнется снова. И в это мгновение, среди безумия, он потянул меня вверх и поцеловал, страстно, с горячностью дикаря, кусая мне губы — но только так нежно... Мне удалось оторваться от его рта, и я пронзительно закричала «нет» и повторяла это слово опять и опять, царапаясь и отбиваясь, а он уже не препятствовал мне, он занялся своим делом, но иначе, чем обещал, просто как Гурц, обычным образом, который вполне приемлем, но только не с этим человеком, никогда.

— Ах, красавица моя, — простонал он.

Рука его сжала мне горло, и мои вопли захлебнулись; в мозгу у меня пылал огонь, какая-то страшная сила начала набухать во мне, словно невиданный нарыв, который непременно прорвется... От ужаса я вцепилась в него и почувствовала в руке амулет Вульмартис — ремешок лопнул... (С нижнего этажа доносился грохот и топот, но я слышала только, как надывается криком мое сердце.) У меня больше ничего не нашлось, чтобы ударить его, чтобы остановить этот льющийся в меня поток лавы, подобный смерти... поэтому я принялась колотить его по шее и по плечам эмалево-железной богиней...

Драхрис приподнялся надо мной и будто бы захлебнулся; я было приняла это за мужской оргазм. Но потом увидела, как из-под левого его уха струей брызнула кровь. Алая жидкость прочертила дугу через всю комнату. Он откатился в сторону, рывком высвободившись из меня; схватился за шею, выпучив глаза.

Я перевернулась на бок, свесила голову и увидела, что из-под ног Вульмартис, которую я сжимала в руке, выскочил стальной клинок, когда я нечаянно надела в нужном месте. Оказалось, что амулет Джильзы представляет собой нож, которым я вскрыла артерию на шее обидчика и нанесла ему смертельную рану.

Я ничего не почувствовала, когда он попытался проползти по полу. И фонтан крови забил сильнее, потом слабее. Он силился закричать, позвать меня. Глаза его широко раскрылись, потом они застыли. Я ничего не чувствовала. Совсем ничего, даже когда в последнем, похожем на спазм рывке он устремился вперед... и рухнул меж двух залепленных снегом сапог, возникших на пороге.

Оказалось, что сапоги эти принадлежат не другу Драхриса, не кому-то из чаврийцев. Там в ожидании стоял Мельм, лицо его совсем посинело от холода, он обмотал руки полосками меха поверх бинтов. Он пристально смотрел на меня. Он видел меня.

— Ты убила его, — сказал он. И носком сапога отпихнул Драхриса в сторону. — Все это время я думал, — проговорил он, — что вы с ним... как я и подозревал. Но ты кричала, кричала «нет». И защищала свою честь. — Мельм прошел через комнату, поднял меня, привел в порядок задранные юбки, все очень пристойно, словно оправляя какую-нибудь оборку, а я зачем-то пыталась запахнуть корсаж. — Мой полковник говорил, что ты не из таких. Я не поверил ему. И вот. Не волнуйся. Здесь побывали чавро, они перебили всех, кто находился на улице. А двое зашли в дом, ну так я с ними управился. Все подумают, что этот погиб в стычке, как и его отряд. Никому не придет в голову, что какая-то девчонка, честная девушка, справилась с ним. — Он поднял мое пальто и укутал меня, словно одевая драгоценную статую, которая не может сама о себе позаботиться. (Он привел в порядок и одежду Драхриса, застегнул все пуговицы, будто упаковал посылку.)

Мельм заботливо помог мне выйти из комнаты и спуститься по лестнице. На каменных плитах лежали два мертвых человека в чаврийской форме, ничего для меня не значивших. Мельм и вправду управился с ними. В молодости он отличался ловкостью в обращении со шпагой и кинжалом. Гурц не раз упоминал об этом. Но теперь мне о многом говорил сам Мельм. Холод стер вульгарность с его крысиного лица, и теперь мне открылись его глаза, которые он, вероятно, не позволял мне видеть прежде. На лестнице я споткнулась, и он поддержал меня.

— Теперь вам ничто не угрожает, моя маленькая госпожа. Все в порядке.

Все боевые кони, стоявшие у пруда, исчезли: их угнали чаврийцы. Осталась только лошадь Мельма. Флюгель-сержант, который вез меня через лес, лежал мертвый у потухшего костра. А ведь он был такой теплый. Тела остальных валялись здесь и там, а среди них и штандарт-майор, перед которым мне можно было не притворяться.

Мельм рассчитывал застать меня врасплох. До него уже давно донеслись слухи о том, что я завлекаю тритарка и наставляю рога своему покровителю. Мельм узнал о каменном доме при ферме, который Драхрис на этот вечер избрал местом для штаба. Когда я отказалась ехать вместе с официальной любовницей Драхриса, Мельм пришел к убеждению, что я непременно окажусь в обществе своего нового любовника.

Объясняя мне все это под покровом необъятной лесной тишины (делая признание), Мельм сказал, что к тому же его мучила совесть: а вдруг я пропаду среди снегов. Допусти он, чтобы со мной случилась какая-нибудь беда, Гурц никогда бы ему этого не простил. Но, если бы Мельму удалось изобличить меня в распутстве, он бы меня бросил, чтобы я получила по заслугам.

Узнав из солдатской карты о местоположении дома с фермой, Мельм направился к нему и на подходе слышал шум несущихся в атаку чавро. Он осторожно подошел поближе и увидел, что враги уже поскакали прочь, а убитые кронианцы лежат на снегу. Два чаврийца остались, чтобы осмотреть дом, из которого доносились женские крики, — так они сказали, а Мельм понял, поскольку немного знал их язык.

Он отправился следом и в кухне убил обоих — каждому достался удар кинжалом в спину — а потом поднялся по лестнице. Из-за двери он услышал мои сдавленные крики, это запоздалое слово «нет». Он открыл дверь — незапертую, еще одна галлюцинация, обман — и тут увидел, как я перерезала Драхрису горло.

Мой внешний вид, царапины на щеках, кровь и слезы послужили еще одним доказательством. (Неужели никто не рассказывал ему о сладострастных методах тритарка?)

Мельм понял, что несправедливо обошелся со мной. Он не поверил в подлинность благоговения и уважения, которые я испытываю перед его господином, полковником. Однако теперь он убедился в том, что я полна целомудрия и достоинства. Что касается убийства Драхриса, Мельм подчеркнул: я просто прикончила злобную собаку. Не надо ничего бояться. Мельм надежно сохранит мою тайну. «Положись на меня», — умолял он. С

этого дня (с этих темнеющих сумерек) я могу доверить ему даже свою жизнь.

6

Убийца. Ее образ всплыл из воспоминаний о прочитанной когда-то книге. Женщина в темном платье, длинные белые кисти рук, которыми она подсыпала яд, это правда. Раньше она являлась мне в страшных снах как прообраз убийцы. Теперь она стала мною.

В ту ночь в придорожной лачуге, послужившей нам местом для ночлега, Гурц заговорил о своем раскаянии. Он грубо разговаривал со мной, сердился, смогу ли я простить его?

Он заметил, что Мельм стал ласковее обращаться со мной. Мельм — средоточие всяческих достоинств, Гурц всю жизнь провел бок о бок с ним, с детских лет, прожитых в поместье. Он знает, что я ехала в походной кухне вместе с Мельмом. Но это неподходящее для меня место, несмотря на все усердие Мельма, да и повозка не может служить достаточной защитой от холода. К завтрашнему дню мне следует превозмочь свои детские антипатии и воспользоваться экипажем принцессы.

Он не сказал, что до Золи остался день пути, хотя все офицеры в лагере говорили об этом.

Мельм выполнял свои обязанности с привычной тщательностью, только теперь он при этом видел меня. В сумерках, перед тем, как мы остановились на привал, он еще раз шепнул, что мне нужно просто положиться на него. (Оставшуюся часть пути через лес мы проделали в чуть ли не благоговейном молчании, словно в знак почтения перед богом этих мест.) Он быстренько расспросил меня и на основе моих меланхолических ответов сочинил нам легенду. Если гревшиеся у костра люди из фургонов вспомнят, как меня увез сержант кавалерии, Мельм заявит, будто попросил его подобрать меня. Погибший сержант, конечно же, не сможет опровергнуть его слова. А потом я все время провела в повозке вместе с Мельмом. Ему не пришло в голову спросить о Джильзе, но у меня в мозгу слабо блеснула мысль, напомнив, что гадалка сможет угрожать мне, если пожелает. Она предвидела мои вероятные действия, но не предупредила меня. Хотя, с другой стороны, именно она вложила мне в руки орудие убийства — может быть, это ее остановит.

У Гурца покраснело лицо; жалкий супчик, к которому внезапно свелся весь наш паек, не вызвал у него аппетита. Ему очень хотелось вина, и через некоторое время Мельм ушел в надежде где-нибудь его отыскать.

Однажды мне довелось спасти человеку жизнь. Я знала, что за это необходимо принести жертву. Но какой должна быть плата за жертвоприношение?

К тому же в этом было нечто постыдное. Это не просто кровавый ритуал.

Гурц сказал, что меня лихорадит. Сам он явно выглядел больным. Мы забрались в постель. Он обнял меня. Я не почувствовала отвращения — напротив, грустная привязанность побудила меня удобно устроиться в его объятиях. Я уснула и во сне увидела, как медведь Уртка сидит в лесу, смеясь и улыбаясь, а на шее у него ожерелье из отрубленных голов. Я тащила труп Драхриса, держа его за руки и за края плаща, прямо к его богу. Тащить было тяжело, я стонала, обливаясь потом, боль раздирала мне мышцы. Уртка накажет меня, и тогда с меня снимется бремя.

Я очнулась и поняла, что это бремя не исчезнет никогда, оно останется со мной на всю жизнь. Я вся взмокла от пота, а мой покровитель, храпя, обнимал меня, забывшись тяжелым сном. Мне очень хотелось высвободиться, но я не смогла. Мельм не вернулся, не принес вина. Огонь едва теплился. Казалось, у меня все время стоит перед глазами эта струя брызжащей крови, и я еще чувствовала его плоть во мне и укус на плече, который я промыла и скрыла. Неужели я сойду с ума среди темноты? Неужели вдруг сорвусь с места и закричу?

Именно тогда это и случилось. Послышались несмолкающие пронзительные крики.

Гурц закричал, заворочался и проснулся. Мельм проскользнул в лачугу. Он повел было рукой в мою сторону, но, заметив, что Гурц не спит, сказал:

— Мы понесли потери, господин. Леса кишат чаврийцами. Там погиб тритарк со своими солдатами.

— Но кто же так кричит? — будто большой испуганный ребенок, спросил Гурц.

— Его женщина.

Гурц потер лоб.

— У меня все время болят глаза. Где вино?

— Вина нет. Немного бренди.

Мельм принес чашку, и Гурц с радостью принял напиток из его рук. Прежде он ни за что не позволил бы Мельму подойти так близко к постели, в которой лежу я, но теперь времена переменялись.

Мельм не смотрел на меня, но он меня видел. Доносившиеся с улицы крики зазвучали слабее. Теперь они больше походили на хныканье, у нее не осталось сил.

— Это принцесса? — резко, удивленно спросил Гурц. Он выпил бренди. — Для нее это катастрофа. Но если плачут по тритарку Драхрису, то этот человек никогда не вызывал во мне приязни. У него... нехорошая репутация. — Затем он обернулся ко мне: — Ара, милая, выпей глоточек.

Мой союзник Мельм опять отправился на улицу. Я глотнула бренди, как тогда, возле костра, среди людей из фургонов. Я подумала: теперь он не будет настаивать, чтоб я ехала в ее экипаже.

Мы лежали бок о бок, и Гурц держал меня за руку, которой я убила человека, никогда не вызывавшего в нем приязни. Он говорил об Отечестве, а я представляла себе, как светловолосая дама лежит среди снегов, укрывая телом труп своего любовника.

Нож Вульмартис наверняка в повозке Мельма, он забрал у меня клинок. Никто не должен его обнаружить.

— Зимой, как раз в это время, озеро снова белеет: туда прилетают дикие лебеди.

Убийца кивнула.

У меня в голове раздался голос Джильзы: Она притягивает молнию.

Утром я проснулась, думая про себя на кронианском. Это огорчило меня. Я тут же произнесла вслух несколько слов, детский стишок моей родной страны на языке, знакомом мне с рождения: «Как у нашей яблоньки яблочки зеленые, яблочки зеленые, сладкие, как мед...»

Наступил очень холодный день, и солнечный свет придавал ему отточенность бритвенного лезвия. Я вышла из лачуги и оказалась среди стоявших на возвышенности людей. Мы смотрели туда, где пролегал край леса и начиналась равнина, где взгляду открывался город Золи. Нам удалось увидеть бело-розовую кладку стен, блестящие стволы пушек, стянутых Альянсом Чавро к их подножию.

Я не могла найти покоя и все сидела в свете солнца на краю пустой телеги, стуча по ней каблуками сапог, пока не почувствовала, как в обмороженных ногах забилась кровь. Отсюда я следила за тем, как легионы саз-кронианцев спускаются на равнину.

Гремели барабаны, а солдаты навели лоск перед битвой, чтобы солнце осыпало их хрусткими искрами, словно сам огонь, и показало незадачливому противнику, с кем ему вот-вот придется иметь дело. И даже лица бойцов, которые могли лишь ковылять, обмотав распухшие, искалеченные морозом ноги ослиными шкурами или мехом, закрыла подобающая случаю маска войны. Со всех сторон снова доносились голоса рожков и труб.

Все мои действия слились воедино с этой вселенной, такая уж возникла ситуация.

Рядом со мной стояли другие женщины, кронианки; они махали вслед бойцам и кричали, восхваляя их и называя всевозможными ласковыми именами. Один из солдат вышел из строя, чтобы поцеловать нас. Губы у него огрубели от холода, но глаза сияли, как у тигра. Отдельные полки на марше пели боевые гимны. Я без труда разобрала слова. (Но... Как у нашей яблоньки...)

Кавалерия выглядела пышно, великолепно; их кони были слишком уж хороши, чтобы пустить их на мясо, эти лошади побывали уже в пяти или шести боевых кампаниях и теперь

вышагивали в полном убранстве: броня прикрывала им грудь и глаза, а над красивыми головами развевались перья всех оттенков пламени.

Я смотрела, как проходят уланы, отряды копейщиков, и тут Мельм обогнул телегу и подошел ко мне; я огорчилась оттого, что он оторвал меня, а может, потому что напомнил.

— Полковник зовет вас, мисс Ара.

Он повел меня по склону туда, где стоял Гурц и еще один человек — конюх, который седлал и взнуздывал коня Гурца. Я с удивлением заметила, что конь его в боевом убранстве. А затем увидела, что через грудь моего покровителя протянулись серебряные полосы боевой брони. Он подошел ко мне, а потом увел меня в сторону, к деревьям.

— Ты будешь сражаться? — наивно спросила я.

— Хочу быть наготове, — ответил он. Он выглядел больным, как и во сне, когда храпел; кожа на лице обвисла, а тело, казалось, оседало, словно кости не могли его удержать. Он все так же морщил лоб от головной боли, на которую жаловался уже много дней подряд. Кто этот человек? Я его не знаю. И во мне шевельнулась щемящая душу жалость, какую испытывают к незнакомым людям.

— Ара, — проговорил он. Нелепый металлический шлем с перьями — на голове Гурца он вправду выглядел нелепо — возвышался над нами. — Что же сказать тебе? Мне не следовало везти тебя сюда, впутывать в такое. О, поверь мне, я полагал, что в городе будет еще страшней. Что только не начнет там твориться. Я не знал, что станет с тобой, такой хрупкой, тоненькой... с моей девочкой. — Я улыбнулась, чтобы доставить ему удовольствие. Улыбка вышла бледная, фальшивая. Конечно, я и есть то, чем считал меня раньше Мельм. Но, казалось, эта неискренняя улыбка растрогала его, моего любовника. — Как же я могу не испытывать любви, — говорил он, — к столь юным невинным существам? Весна, бутоны цветов. Нам дозволено их любить, и молодых оленей, играющих друг с другом, и белых котят. Ты прощаешь меня? — спросил он. — Скажи мне «да».

Словно попугай, я сказала, что прощаю его.

— Если я больше никогда тебя не увижу, — сказал он, — с этим я и умру.

И я вдруг поняла. Он собрался идти в бой и может погибнуть. Я испугалась этой мысли.

— Мельм будет охранять тебя, — сказал он.

Мой союзник и сообщник Мельм, очарованный моей преданностью.

Гурц обнял меня и прижал к себе, затем опустил на землю, пошел прочь, к своему коню, и медленно, неловко забрался в седло.

Он ускакал, а я все стояла под заснеженными деревьями; меня заворожила льдинка, похожая на граненый, покрытый рифлением хрусталь, пронизанный яростным светом солнца.

Лишь треть кронианского войска успела подойти к моменту наступления. Многие батальоны шли через силу, до изнурения. Чаврийцы оказались настроены достаточно агрессивно, и Сынок Медведя, генерал Длант, не пожелал ждать.

Я все не сводила глаз с льдинки, и тут загремели барабаны.

Тогда я вернулась к холмику, где раньше стояли женщины, сбившись в кучку и глядя на проходящих мимо солдат. Очевидно, все полки уже проследовали дальше: женщины ушли. Десять минут ходьбы под гору, и я смогу укрыться в лачуге. Холод подгонял меня.

Мельм отправился на край линии фронта с припасами, которые еще оставались в походной кухне. Однако перед отъездом он заново раздул огонь в жаровне, оказав услугу преданной любовнице своего господина.

Я ни на секунду не сомневалась в успехе предпринятого саз-кронианцами наступления, несмотря на все, что слышала и знала. Ведь они наголову разбили мою страну и мой город. И весь мой мир.

Я сидела и читала книгу, ту самую, в которой не разобрала ни слова, путешествуя в экипаже принцессы. Когда мысли пытались помешать мне, я громко читала заклинание из детства.

Как у нашей яблоньки яблочки зеленые,
Яблочки зеленые, сладкие, как мед
Дай мне немножко яблочек с собой,
Милая яблонька, деревце мое.

Чувство вины и тревоги, воспоминания об убийстве — все это отошло в область кронианского. Подобным вещам нет имени в моем языке.

Как у нашей яблоньки яблочки зеленые.

Обстрел начался уже давно. И как в прежние дни и ночи, во время осады, раскаты этого грома, сплетенные с расстоянием и временем, превратились в колыбельную. Я уснула, побывала в краях сновидений и проснулась, потому что этот грохот перекрыли новые звуки.

Ветер шумел, продираясь сквозь лес, в его голосе звучала безумная нотка. Он то визжал, то рокотал, налетая на стволы деревьев, и эхо множило удары, похожие на раскаты гигантской освободившейся от материальной оболочки пушки.

Солнце поблекло, пропало совсем. Я подошла к двери, чуть-чуть приотворила ее и выглянула.

В тот самый момент, словно намереваясь схватить меня, налетел шквал — я увидела, как склонились перед ним деревья по краям леса, как он сдул с них снег и они выпрямились, черные, с поломанными ветками. Снег на склонах вскипел и помчался вихрем. Я захлопнула дверь прямо перед носом у ветра.

Там, за порогом, остался ландшафт без малейших признаков обитания живых существ. Колдовство какое-то. Войска унесло ветром, все мужчины и женщины, будто призраки, перенесли в иные края, что лежат среди небес или внутренностей земли. Ару бросили, не взяли с собой.

Огонь погас. Я не могла разжечь его снова: Мельм унес трутницу.

Мимо лачуги проносились ветряные войска, кавалерия под знаменами, стены домика тряслись.

Я заходила по комнате в тревоге. Сколько кошмаров, и все в моем распоряжении. Взрослые страхи и суеверия из детства. Теперь, когда солнце угасло, комната стала темной, как свинец. Может, небо покрылось тучами или уже наступает вечер? А битва при Золи — она прошла незримо. И если бойцы не рассеялись под натиском чар, так что же с ними приключилось?

Мне вдруг сделалась невыносима моя тюрьма. В промежутке между шквалами я выскочила наружу и, пригнувшись к земле, поскальзываясь и скатываясь вниз, принялась одолевать холм. Ветер вернулся и стал мне помогать, он колотил меня по плечам и спине, подталкивая вверх по склону. Я упала лишь дважды, а добравшись до вершины, опустилась на колени, укрывшись под меховой шубой, как в палатке. Стоя в такой позе, я прищурилась и попыталась разглядеть сквозь непроницаемый воздух, где же Золи, его бело-розовые стены и пушки под ними, которые я видела еще совсем недавно.

Теперь на том месте, словно дерево, вздымающее ветви в низко нависшее небо, уходил вверх спиральный столб дыма. Может, они сожгли город или какую-нибудь крупную огневую позицию за ним. По земле тоже стлался дым, но не такой густой. Вдали что-то шевелилось в полусвете, как будто на равнине ветер становился ласковей и колыбал луговые травы, но оказалось, что это лишь ужимки сражения, зыбь из людей и лошадей, флагов и клинков, которые то устремлялись в атаку, то поворачивали, заходя с флангов, то разбегались. Я видела, как пушки играют огнем, будто горный хрусталь, но не расслышала залпов за грохотом и кошачьими воплями ветра.

Тела погибших и умирающих людей усеяли все склоны между мной и городом. Они тоже находились так далеко, что казались лишь рисунком на снегу. Но не могу сказать, чтобы это зрелище, сдавленные стоны или молчаливые страдания повлияли на меня, хотя я вскоре подошла близко. Подобные видения и так уже переполнили мою голову, а судьба всегда щедро оделяла меня досугом, чтобы я смогла над ними поразмыслить.

В поле зрения появлялись проносившиеся то в одну, то в другую сторону кони без

всадников, а иногда среди завихрений ветра всплывали беспорядочно движущиеся фигурки, поменьше и почернее. Вороны на кронианских знаменах с изображением тотема кровожадно размахивали крыльями над трупами кронианцев. Зимний холод злобен, пусть каждый сам о себе заботится.

И я тоже боялась только за себя. Эти небеса, опускавшиеся все ниже, этот мрак несомненно предвещают наступление ночи, а снег все порхает на ветру вместе с воронами. Жизнь еще идет, но лишь на поле сражения. Гурца убьют, а Мельм забудет обо мне.

Косой ветер, дувший с востока, словно погнал меня вниз по склону к равнине.

Согнувшись под шубой в три погибели, я стала кое-как пробираться по широкой колее, по проложенной войсками дороге. Стоило мне выйти из-под прикрытия холмика, как резкий порыв ветра снова хлестнул меня по спине; казалось, он рассек мне сзади одежду и оставил меня голой, но, похоже, я успела привыкнуть к ветру, как раньше свыклась с холодом. Я вынесу нестерпимое. Мои мысли занимало другое.

Я — девушка из королевского города, и если мне повстречаются бойцы чавро или, быть может, какого-нибудь полка моей страны, оказавшегося в Золи, я скажу, что принадлежу к родственному им народу. И обращусь к ним на своем родном языке. Я торопливо семенила вдоль дороги среди черных и белых пятен, замерзшей грязи, валяющихся мертвыми тюками черных форм военных, склонившихся к земле черных копий, на одном из которых висел истрепанный ветром алый вымпел; усевшийся на железную пряжку ворон глянул на меня, повернув голову боком и прикидывая, не угрожает ли ему что-нибудь с моей стороны (что задвигающийся кусок человеческого мяса невероятных размеров); по дороге я сочиняла речь, с которой обращусь к соотечественникам или к союзникам моего короля. Затем я испугалась, что все скажу не так или с кронианским акцентом, и заговорила вслух. Вороны клевали и терзали трупы, следя за мной, и слушали меня в промежутках между порывами ветра. А потом белое лицо с черной бородой — оно казалось белым как снег — впилося в меня укоряющим взглядом. Но тут я не могла ничего поделать. Пусть ты умер, но я не друг тебе. Я не сестра твоя по отечеству, по лесам и лебединым озерам. Закрой глаза, что же ты так злобно глядишь? Тут нет моей вины...

А вот изумрудный вымпел, свидетельство того, что существуют и другие цвета.

И я знаю: есть человек, который спасет меня, ведь этот человек — мое прибежище; еще минута, и я увижу, как он скачет мне навстречу на фоне жуткого янтарно-серого неба, цветок света приник к нему, и уже ничто не будет угрожать мне, и рядом со мной он тоже окажется вне опасности...

Я чуть приподняла голову, заслышав приближение метафизического всадника; лед крошился под копытами, а на фоне сумерек проступили неясные очертания духа, вызванного заклинаниями.

Когда до него осталось пятьдесят шагов, зрение мое вновь обрело четкость. Это был Мельм, он сидел верхом на одной лошади и гнал, держа под уздцы, вторую.

Он испугался, увидев меня, поднес руку ко лбу и сделал какое-то движение, осеняя себя знаменем; кронианские солдаты время от времени поступали так же, и мне доводилось это видеть.

— Аара? — крикнул он и еще быстрее погнал лошадей. — Мисс Аара. — Он наклонился и внимательно посмотрел на меня. — Неужели вы меня услышали на таком-то расстоянии? — Затем он покачал головой. — Нет, думаю, вы напугались. Конечно. Вы пошли искать его. Но здесь... вам здесь не место. — Он спешился, подхватил меня и усадил на вторую лошадь. — Не тревожьтесь. С вашим полковником ничего не случилось. Он хотел сам вернуться за вами, но это было бы безумием. А теперь держитесь крепче. Ехать недалеко.

По всей равнине разносился грохот пушек. Ветер стих. Мы оба оглянулись, но позади нас землю покрывали лишь вороны да лица, румянец дыма да дымовой столб, уже превратившийся в небосклон.

— Неблагодарный день, — сказал Мельм.

Он имел в виду, что они, его соплеменники, проиграли битву при Золи. Он имел в виду, что последние боевые действия, которые разворачивались у стен, напоминают часовой механизм: иной раз перед тем, как остановиться, он вдруг начинает работать быстрее. Генерал вместе со штабом покинул поле сражения. Войска, конечно, отступали, стягивая фланги к тылу, но еще завязывались стычки между мелкими отрядами: они искали славы, геройской гибели. Граница пролегла в двух милях отсюда. Предполагалось, что вдоль нее стоят новые батальоны сил Альянса. Честь Уртки обязывала кронианцев пересечь ее: если человек хочет в будущем сражаться, он должен остаться в живых, иначе как ему добиться окончательной победы?

Кони шли к одноцветным холмам, пересекая землю, на которой потерпели поражение кронианцы. Посыпал густой снег, он словно спешил подобно бинтам закрыть грязное месиво, в которое превратился мир.

7

Они допустили различные просчеты в отношении оборонительных укреплений Золи, уязвимых мест, численности неприятеля, характера местности. Они срочно создали новый план перехода через границу. К востоку от города находилась замерзшая река, до которой оставалась ночь пути, и остатки легионов Дланта переправились через нее; безветренный рассвет, лишенный лунного и солнечного света, прикрыл их щитом. Среди ледяных плит вздымались острова, а на другом берегу стоял лес, лес Севера во всей своей красе.

Какая-то часть войск чавро тоже пересекла границу. Везде, где только удавалось, они устраивали нам ловушки, прячась за деревьями. Однако дальше лежала враждебная им страна, укрытая плащом зимы. А лесные боги охраняли кронианцев с растущей бдительностью. Впоследствии чаврийцы станут рассказывать, как видели волка Випарвета, черного часового среди белых холмов, глаза которого вобрали в себя все звезды. И как на них охотился медведь Уртка в белой шкуре, снежный зверь двадцати футов ростом. Во времена войн и страданий, в ненависти и любви рвется цепь, удерживающая нас в пределах человеческого, и тогда нетрудно поверить в существование странных явлений, потому что, как бы мы ни пытались скрыть, — это то, что мы постоянно носим в себе.

Но леса обходились безжалостно и с людьми своей страны: в уплату за проход они требовали обычную цену — свершение древнего ритуала освящения смертью.

Мельм из всех сил стремился догнать передовые части отступающих войск. Всякий балласт, оставшийся после перехода, — экипаж, походная кухня — потерян или брошен. Из всего хозяйского имущества Мельм намеревался вернуть Гурцу только меня. Он без конца уверял, что ехать нам недалеко, но между нами и полем сражения пролегло уже несколько миль, а мы все продолжали путь. В предрассветный час, перед той самой зарей, когда солнце еще не показалось на небе, мы добрались до следов уцелевшей части армии, до нее самой и до переправы через реку. Среди жалких остатков снегопада по сумеречному льду протянулся облезлый хвост из людей и животных. Осталась пара фургонов, и речной лед трещал под ними. Офицеры верхом на лошадях. Лица мужчин, похожие на те, что я видела среди равнины. Единственное отличие: эти пока еще живые. Лишь однажды лед с глухим треском раздался и солдат скрылся из виду, не успев даже вскрикнуть. Его сотоварищи склонились над крошечным отверстием, намереваясь вытащить его, но он приглянулся наяде, обитательнице той реки.

Я перебралась через реку, следуя за Мельмом. Я ни разу не усомнилась в нем. Лед под ногами казался толстым, неизбывным.

Когда мы оказались на поросшем лесом берегу, он помог мне пробраться меж других людей, продвигавшихся вперед, а затем вдруг вручил меня Гурцу, который шел пешком по снегу; у него не осталось ни шлема, ни коня. С бороды свисали сосульки. Он закутал голову в матерчатый восточный тюрбан с болтающимися меховыми ушами. Казалось, увидев меня, он не обрадовался, не удивился — он никак не выразил вслух своих чувств. Но прошло

мгновение, и он взял меня за руку, а по истечении часа, когда мы все еще брели вперед, вдруг сказал:

— Я знал, что ты никогда не покинешь меня.

— Мельм привез меня, — сказала я.

— Нет, — сказал он, — я знал, что ты никогда этого не сделаешь.

Я подумала: интересно, участвовал ли он в бою, по нему никак не поймешь. Он выглядел как человек, гибнущий от смертельной раны, бескровной, не оставляющей прорех в одежде.

А следом, шаркая ногами, шел Мельм, уже без лошадей, — другие люди предъявили на них права — он бросил на меня ни о чем не говорящий взгляд.

Вот так мы и продвигались по заснеженному парку под сенью чужестранных деревьев. Но Кир Гурц больше не призывал меня взглянуть на какое-нибудь необычное растение или окаменелость. Иногда он брал меня за руку или под руку, помогая удержаться на ногах. Сам он несколько раз падал на колени и поднимался, опираясь на меня и Мельма, а в это время мимо проходила колонна таких же спотыкающихся, падающих, безмолвствующих людей.

В вышине среди лесистых холмов Севера стоял заброшенный форт, в него и хлынул этот безучастный поток и вернул форт к жизни. Теперь он стал центром нашей деятельности, а вокруг него на снегу раскинулся лагерь. Я смотрела сквозь маленькое окошко башни, и мне удалось подсчитать то, что осталось: пара сотен человек, несколько повозок, навесы из рогожи на обрубках бревен. Внизу, на дворе, несколько женщин поддерживали главный костер и готовили офицерам еду. Сильный запах жареной конины поднимался вверх, к нему примешивался аромат горящих сосновых шишек.

Вот уже день и ночь, как мы здесь; пятые сутки, проведенные в лесах Сазрата, древнего королевства, породившего этот народ, эту империю и это отчаяние.

В круглой комнатке имелся свой очаг, и возле него на постели из мешковины и плащей, со сломанным седлом в изголовье лежал Кир Гурц.

Мельм ухаживал за ним. Мне не приходилось ничего делать — только быть рядом, неотступно. Всякий раз, как насущная необходимость заставляла меня выйти из комнаты, Гурц начинал беспокоиться.

Мельм поддерживал огонь в очаге и приносил нам обоим суп, сваренный на костре. Суп был приготовлен из конины, воды и капельки бренди. Расположившиеся под стенами солдаты кормились кровью и снегом или одним снегом.

Два дня прошло без стычек с чаврийцами.

Генерал, Хеттон Тус Длант, проживал в крепости. Его комната находилась напротив нашей, в самой высокой башне. У неприступных западных ворот Золи пушечным ядром ему сломало левую ногу. Однажды я стояла у окошка нашей башни и увидела его лицо, обрамленное краями бойницы, находившейся неподалеку. Рядом с огромными камнями он казался карликом; не думаю, чтобы он меня заметил. Он сильно изменился, и я вспомнила, как он входил в мой город, держа в руке обнаженный меч. Только это не принесло мне утешения.

— Милая, — сказал Гурц, — вставай скорей. Причешись. Мы пойдем к генералу.

Вот-вот наступит полночь, звезды глядят в окошко. Я решила, что он опять не в себе. И огляделась в поисках Мельма. Но Мельм уже стоял наготове у дверей с моим плащом в руках; он кивнул.

— Что такое?

Гурц улыбнулся мне. Он рано встал и совершил своего рода туалет: расправил военную форму, протер сапоги пучком соломы...

— Что? — вскрикнула я; эта попытка совершить обыденную процедуру напугала меня куда сильнее, чем усеянная трупами равнина.

Но Гурц только посмотрел на меня и с мягкой настойчивостью попросил поторопиться. Его лицо цвета жженой охры покраснелось от лихорадки, стало изнуренным, но оно так и светилось любовью ко мне. Казалось, никогда в жизни не встречала я подобного лица и

взгляда. Догадывалась ли я когда-нибудь, сколь велика сила чувства, которое он испытывал ко мне? Она помогла ему превозмочь недуг и теперь, вопреки всему, поддерживала его. Разве могла я впустую тратить время? Я выполнила его просьбу и без дальнейших вопросов поступила так же, как и он, изо всех сил стараясь привести себя в порядок.

Мы спустились по внутренней лестнице башни, смоляной факел в руке Мельма освещал нам путь, и ночь закружилась, стены кинулись скакать, отшвыривая тени нам за спину. У подножия лестницы сидела и плакала женщина. Она поднялась на ноги, не прерывая будничного своего плача, и подвинулась, пропуская нас. Среди женщин, добравшихся живыми до форта, не оказалось ни одной знакомой мне. Я не представляла, что случилось с остальными, с дамами из экипажа принцессы, с девушками из фургонов и с колдуньей Джильзой; возможно, она-то сумела предугадать собственную судьбу и, сбросив брэнную оболочку, добралась до дома иным образом.

Мы прошли по коридору, под аркой и поднялись на второй этаж. У входа в комнату Дланта совершенно не к месту стоял часовой. Он не окликнул Гурца, а сразу же постучал в дверь; ее перекосило, она частью соскочила с петель, а потому толком не открывалась и не закрывалась.

Нас пригласили войти, и мы попытались протиснуться в дверь. Она упорно не хотела пропускать Гурца. Между ними завязалось сражение, комическое и мрачное. Перед самой смертью Гурцу пришлось попусту тратить силы и еще раз испытать унижение.

Он вошел в комнату и оперся на руку Мельма, тяжело дыша и обливаясь потом. Мы заняли свои места на сцене, а перед нами в очаге Дланта пылал огонь, похожий на погребальный костер.

Возле одной из стен стояли склоненные знамена с изображением ворона и медведя, языки пламени высветили позолоту, но в их свете проступили также пятна и прорехи. Сколько же боевых регалий утратили легионы Дланта при Золи? Говорят, потеря боевого знамени означает гибель полка. И неужто чаврийцы захватили в плен самого бога? Его не было в комнате.

Но Уртка Тус восседал в своем резном кресле, словно привидевшийся во сне анахронизм; сломанная и чем-то обмотанная нога агрессивно выброшена вперед, как дубинка. Два офицера штаба стояли рядом. В свете грубого огня эти крупные люди казались румяными и крепкими, гигантами из красной бронзы, еще способными завоевать всю землю. Но мне припомнилось лицо Дланта, мелькнувшее недавно в окошке.

В этой комнате я увидела даже самое себя, ибо по странной прихоти генерала на дальней стене оказалось зеркало из посеребренного стекла. Вот это я в нем, бледное худое лицо, которого я прежде никогда не видела, и я несомненно стала выше; должно быть, продолжала расти все это время. Почти черные волосы, которые я так давно не мыла, не стали лучше после причесывания... Воспоминание шевельнулось во мне и скрылось в дымке. Мои глаза походили на бляшки из ртути. Увиденное увеличило их и придало им форму. Меня изумила сила боли, переделавшей мое лицо заново, ведь я не почувствовала ее, нет, ни разу.

Длант заговорил. Вероятно, немая сцена чересчур затянулась, у него не хватило терпения.

— Полковник, вам настолько полегчало, что вы смогли прийти сюда. Это радует меня.

— Я постарался подготовиться в надежде, что вы исполните мою просьбу.

Он постарался подготовиться к битве при Золи. Его трепала лихорадка, и он был готов к бою, или так ему казалось. Но неужели ему никогда еще не приходилось видеть поле сражения? Каким образом удавалось ему избежать этого зрелища? И вот теперь действительность нанесла ему такую тяжелую рану.

— Полковник... несравненный мой Кир, — неискренне, без тени правды в голосе проговорил Длант, однако душевные слова звучали лестно и вызвали отклик со стороны Гурца и всех, кто находился в комнате, — не при даме будет сказано — я уверен, она простит меня — но... вы окончательно решились?

— Генерал, — ответил Гурц, — я впутал ее в эту историю и обещал позаботиться о ней. Мое нынешнее предложение — что еще я могу сделать?

— А она? — Длант бросил на меня взгляд и увидел существо, которое мне никогда не удалось бы узнать, даже в посеребренном зеркале.

— Она не станет противиться моему решению. Я никогда не причинял ей зла.

— Весьма вероятно, что не станет.

Блеклые глаза снова обратились на Гурца и увидели смерть.

Генерал попытался встать, и офицеры поспешили помочь ему. Гурцу тоже не удалось бы удержаться на ногах, если бы он не опирался на Мельма. Вот так они и стояли друг напротив друга, а рядом с одним из них замерла я, белое лицо, запоздалая мысль, причина всему этому.

Пожалуй, я догадалась раньше, еще у нас в комнате. Но догадка моя оставалась бесформенной, лишённой словесного выражения. Оказавшись в дикой местности, видя, как изменяют ему силы, что еще мог он сделать для меня, как не превратить из потаскухи в супругу? Мой покровитель собрался на мне жениться.

— Она говорит по-крониански? Говорит, по-видимому.

— Блестяще. Я сам ее учил.

— Аара, — сказал генерал, обращаясь ко мне, — вас ведь так зовут?

— Аара, — сказала я. К чему отягощать их нюансами?

— Согласно нашим обычаям, — объяснил Длант — он не пожалел времени, чтобы я почувствовала себя увереннее, — в ходе военных кампаний офицеры высшего ранга могут выступать в роли священнослужителей. Данной мне властью я имею право поженить вас.

— Разумеется, — сказала я. Он заморгал, глядя на меня, мои слова, несомненно, показались ему дерзкими, и он не стал больше ничего объяснять. Мой возраст его тоже не интересовал.

— И вы согласны, чтобы эти господа выступили свидетелями? — сказал Длант, обращаясь к Гурцу.

Гурц ответил, что будет им благодарен. Голос его зазвучал слабее. Неужели он позабыл, как низко они его ставили, как насмехались и глумились над ним? А теперь они — друзья в трудную минуту, на свадьбе и у смертного одра.

— К сожалению, у нас нет статуи Випарвета, — сказал Длант, — но мы находимся на его территории. Не только потому, что мы в лесу. Этот старинный форт выстроен в честь волка. И этого должно быть достаточно.

Невесомое прикосновение тайны: что-то пробежало по шее, волосы у меня на затылке встали дыбом. Переносной киот Гурца пропал, но волк так и остался у меня в мозгу. Глаза его оживали при свете лампы. Если услышать его песню, это принесет безумие и гибель. А след его лапы предвещает удачу и счастье... Кто прислал мне Драхриса, Випарвет? Кто вершил пир среди заросшего бузиной леса над телом человека, убитого целомудренной женщиной, Випарвет?

Длант заговорил, перечисляя условия брачного договора, которые, согласно их законам, по-видимому, подлежат предварительному оглашению.

Мои глаза в зеркале стали черными, как у самого Випарвета.

— И вы согласны взять эту женщину в жены?

— Я беру ее в жены с радостью.

— И вы, Аара, останетесь верны супругу перед лицом богов и людей, храня честь имени его и дома до скончания жизни его? Вам нужно сказать одно слово «да». Это служит обязательством. Только говорите четко.

Гурц не умрет. Он останется жить, и никогда мне от него не освободиться... Ох, ну что же мне теперь делать?

Но Гурц повернулся ко мне и неотрывно глядел на меня. Он отдал мне всего себя, я не имею права на колебания. Не будет он жить.

— Да, — произнесла ч четко, как мне велели.

Меня вдруг опалило жаром, затем бросило в холод. От прилива крови потемнело в глазах, а когда зрение прояснилось, на столе возле кресла из черного дерева лежала бумага, Длант что-то написал, а офицеры поставили подпись, и Гурц тоже, а потом они позвали меня, и тогда я подписалась, обозначив на бумаге лишь кусочек имени, который они мне оставили. Один из офицеров разогрел немного воску. Они залили им верхний уголок бумаги, и Длант прижал к нему кольцо с печатью.

— Мы сможем даже пустить чашу по кругу, — сказал Длант, и второй офицер извлек бурдюк с вином, они стали пить по очереди, отлив немного в чашу для меня и на пол для бога.

— Ну что ж, в Крейз Хольне вы сможете, если угодно, пожениться еще раз, со всеми положенными церемониями. А мне кажется, вам здорово повезло, что вы так легко отделались.

Странный мягкий переливчатый вой заполнил ночь, раскинувшуюся за бойницами самой высокой башни. Звук из совершенно иного мира. Никогда я не слышала ничего подобного. Он пронесся по краям неба, дотронулся до звезд и утонул за горизонтом. Мы испугались, все до единого. Даже Уртка Тус вздрогнул и обернулся к окну.

— Ветер, — сказал он. — Неужели мы так быстро позабыли голос собственной страны?

— Глас, вопиющий о поражении, — сказал Гурц. Длант принялся грубовато распекать его:

— Придержи язык. Разве пристало жениху вести подобные разговоры? Идите. Отдыхайте. Полагаю, с прочими обязанностями вы уже справились.

Мы с Мельмом препроводили своего господина, будто какой-нибудь неодушевленный предмет, за дверь. Он молчал, пока мы шли по лестнице. Но внизу, в коридоре, ему захотелось постоять минутку, прислонившись к стене.

— Это был крик волка, — сказал он тогда.

— Нет, господин, — тут же возразил Мельм, — в этой провинции нет волков. Разве что одна из черных собак, сбежавших из Золи.

— Песня Випарвета. Всякий, кто услышит...

— Пойдемте, господин. Вам будет уютно в постели. Зачем вы пугаете вашу госпожу?

— Ара, жена моя, — сказал он перед самым восходом солнца. Он пристально глядел на меня, как те люди, лежавшие на равнине. Чего он хочет? Что я могу дать ему? — Я любил тебя. Ты знаешь, — говорил он, — с самой первой минуты, когда я открыл дверь и увидел тебя, милое забавное маленькое существо, похожее на дикого котенка среди пыли, и с такими красивыми глазами. Ты очень добра, моя малышка Ара. И когда ты пришла ко мне, когда отдала мне себя. Я уже никогда не увижу этого озера, лебединого озера. Но ты увидишь мое озеро. И дом. Ты пересчитаешь всех птичек. Милая Ара. Я любил тебя.

Последний след жизни в осунувшемся лице, неровный свет затухающей лампы.

Я очень-очень сильно любила маму. Как я любила ее!

— Ты веришь мне, моя Ара, веришь, что я любил тебя?

Слезы подступили мне к глазам и хлынули по лицу. Я взяла его за руку, поцеловала иссушенную кожу.

— Я люблю тебя, — сказала я, плача. — Не покидай меня, пожалуйста. — Он услышал меня. Я успела. Успела дать ему это. Больше у меня ничего не было, только эта ложь. Хорошая и своевременная ложь. Глубокая, извращенная правда.

8

Как и предсказывала гадалка, он так и не заметил пропажи золотого браслета с кораллами. Заметил Мельм, после того, как несколько солдат похоронили моего супруга в белой земле у стены.

— Как жаль. — Он не спросил, куда подевался браслет, ведь мы потеряли столько

вещей. — У вас совсем ничего не осталось в память о нем. Это был фамильный браслет. Он никогда не носил кольца. — И я заплакала при мысли о том, что Джильза отобрала у меня семейное наследие, которое я считала всего лишь побрякушкой из какой-нибудь лавки в моем городе, безделушкой, которую я никогда не ценила. — Мадам, я сберегу для вас брачное свидетельство, — сказал Мельм.

Но я только плакала, и он почтительно удалился. Я явно заслужила его глубокое одобрение. Может быть, я лицемерно лью слезы, чтобы сохранить за собой его покровительство и сочувствие? Да разве поймешь? Все так запуталось и перемешалось, так много причин для горя.

Длант не присутствовал на похоронах и не передал мне соболезнований. Естественно, я и не рассчитывала на это, благо не страдала самонадеянностью.

На следующее утро, утро третьего дня, проведенного в форте, он обратился к нам с речью, стоя на выходящей во двор террасе. В нашем полку прибыло: пять сотен душ. Мы снова отправляемся в путь. Он пытался вдохновить нас, обещая скорое возвращение в города Саз-Кронии, в столицу, к императору; воздаяние за все муки.

Не знаю, поверили ему бойцы или нет. Пятно позора лежало теперь и на нем, и на них.

А огромные леса, пустыня из лесов, все стояли у нас на пути, и не было им ни начала ни конца. Выпал снег.

Неустойчивой, разбитой на осколки волной мы текли по снегу, потом начали терять друг друга из виду. Отдельные группы людей перекликались среди деревьев. Ответ на оклик приходил не всякий раз.

В какое-то утро мы с Мельмом остались одни у прогоревшего до золы костра. Если не считать человека, который умер рядом с нами ночью.

— Мы отправляемся дальше, — сказал Мельм. — Вы — умная девушка, вы можете ходить пешком.

У него обмотаны шерстью и мехом обе руки, они похожи на палки. На испещренных крапинками щеках иной раз появлялись белые пятна, но тогда он принимался растирать лицо снегом, и оно снова становилось лиловым или почти лиловым. В остальном он не изменился. Он все шел и шел, и я тоже. Но и теперь мне иной раз приходила в голову мысль: а если бы он по-прежнему презирал меня, что тогда? Бросил бы меня? Я совершенно не сомневалась в том, что ему известен какой-то тайный путь через леса. По всему было видно, что это так. Без малейших колебаний он выбирал дорогу среди белизны, лежавшей под белым сводом. Он разводил костер по ночам, а иногда и днем. Мы ели припасенные им обрезки мяса, сосали снег, и у нас оказалась при себе капелька бренди. По всей вероятности, это продолжалось два-три дня, а показалось такой же вечностью, как сами леса.

Я уже не чувствовала ни рук, ни ног. Но теперь это не имело значения.

— Ты знаешь какие-нибудь песни? — спросил он. Я спела про яблоньку.

— А как это звучало бы по-крониански?

Я перевела песенку. И горько заплакала.

Допускала ли я мысль о то, что умру? Ну да, конечно. Только смерть стала чем-то банальным, возможно, она утратила подобающее ей место и величие.

Он не давал мне заснуть. Я помню — или это привиделось мне в бреду, — как мы плясали под деревьями, крича и топоча ногами, будто сумасшедшие.

— Идите посмотрите, — донесся до меня сквозь белую дымку его настойчивый голос. — Взгляните на дорогу, а не то она пропадет непременно.

И он потащил меня из леса на широкую просеку, пролежавшую прямо посреди него, и над головой раскинулось небо, а вдаль простерлась бесконечная полоса пространства, помеченная высокими столбами, вероятно, из сосновых стволов, очищенных от ветвей.

— Она ведет в город, не иначе. Быть может, ее проложили войска, когда продвигались на юг. Вот только здесь, вблизи города, могут встречаться волки. Но пока мы держимся на ногах, это не страшно.

Он дал мне еще немного бренди. Жидкость в бутылке, как по волшебству, не иссякала.

Через некоторое время у дороги показался белый холмик, из которого торчала черная труба.

Мельм сказал: «Благодарение Уртке», подбежал к холмику, постучал по нему и скрылся внутри. Я стояла и смотрела. Мельм вылез наружу и повел меня за собой. Оказалось, что это — домик, брошенный хозяевами, а может, боги поставили его для нас среди снегов. У очага лежали заготовленные ветки и сосновые шишки. В стенном шкафу нашелся ломоть хлеба — тверже, чем кирпич, — кучка луковиц, мед, перец, соль, травы и три банки из коричневого стекла с вином. В шкафу обнаружился котелок, и все съестное отправилось в него — чайник Мельма давно потерялся; получилось восхитительное варево, мы прихлебывали его, прикасаясь большими губами к глиняным плошкам. За занавеской стояла кровать, правда, из постельных принадлежностей остался только покрытый плесенью матрас. Свершилось чудо, и Мельм стал уделять приличиям еще больше внимания. Он взял метлу на длинной палке, смел паутину и сосульки со стропил и с пола. Он предоставил мне кровать, и теперь, по прошествии многих лет, от сырого белья и гусиного пера на меня все еще веет ароматом ничем не омраченного уюта.

Мы не знали, почему этот дом остался без жильцов. Никто не принимал нас как гостей, но мы не обиделись.

— Я немного передохну, а потом попробую добраться до города. А вы укройтесь здесь и ждите меня.

В ту ночь я услышала волчьи песни, они не походили ни на мои собственные, ни на песнь Випарвета. Возможно, они учуяли поднимавшийся из трубы дым. Они не подходили очень близко.

Очень близко подошли четверо чаврийцев.

Вероятно, они сбились с пути, как и мы, забравшись вопреки приказам слишком далеко в Сазрат, враждебную им страну. Впрочем, отсутствие обитателей домика говорило о том, что подобные скитальцы появлялись здесь не в первый раз.

Они вломились в дом на рассвете. Мы вскочили среди сна; казалось, наши тела так и остались лежать на кровати и на полу. Четыре исхлестанных ветром, холодом и снегом человека; двое остались на лошадях, еще двое заслонили собой дверной проем. На форме еще сохранились следы рисунка и цвета. Таких знаков отличия нет ни в войсках императора, ни в армии моего короля.

— Ах, и гляди-ка, — сказал один из них, как мне показалось, по-крониански, — тут есть даже юбчонка нам на радость.

Мельм извлек шпагу, о существовании которой я позабыла; он орудовал ею при помощи обмотанной мехом палки; каким образом, непонятно.

Он бросился вперед и пронзил шпагой человека, произнесшего эти слова. Тот едва успел умолкнуть; я думаю, Мельм даже не проснулся до конца. Убитый чавриец упал, а второй попытался проткнуть Мельма клинком или ударить его кулаком в челюсть, но Мельм сразил его маленьким ножом, скрытым в меху второй палки. Он ведь говорил, что ловко обращается с такого рода оружием.

Оба всадника соскочили с коней. Мельм остановился, тяжело дыша, и я подбежала к нему. Я схватила стоявшую в углу кухни метлу на длинной ручке. Как и Мельм, не мешкая ни секунды, я ткнула метлой, из которой торчали острые сучки и шипы, в лицо человеку, стоявшему поближе. Он с воплем повалился на спину, сбив с ног товарища, оказавшегося позади него.

Они покатались по снегу, а лошади вдруг помчались прочь. С горестным криком один из чаврийцев кинулся за ними, бросив нас. Второй неуклюже поднялся на ноги и окинул взглядом убитых собратьев, вооруженного шпагой и ножом Мельма, меня и метлу, которая чуть не оставила его без глаз, беспорядочные следы сбежавших лошадей и скрывшегося товарища, зиму, собственные мысли.

Затем он заговорил, обращаясь к нам. Язык чавро не походил на язык моей страны, о чем я прежде как-то не задумывалась. Я не поняла ни слова. Мельм, если и понял, никак

этого не выказал.

Спустя некоторое время чавриец глупо пожал плечами и вприпрыжку побежал по следу, оставленному лошадьми.

Мельм оттащил трупы за домик. Мы забаррикадировали вход и сели у костра, чтобы еще раз насладиться пищей.

Спустя час мы слышали, как шлепает губами лошадь, облизывая у дверей подтаявший снег.

Мы предвидели возможность повторного визита и, хотя лошадь явилась без всадника, поняли, что это неприятельский конь, ведь на нем была чаврийская сбруя. Мы сочли лошадь нейтральным лицом, впустили ее в дом и накормили из котелка. Она — тоже подарок богов.

Под прикрытием темноты мы рысью помчались на ней по дороге. В небе сверкали созвездия, ветер и снег забылись сном. Ни чаврийцы, ни волки ни разу не преградили нам путь.

Поднявшись на холм, мы увидели внизу отблески света, тысячи обнесенных стеной фонарей. Мы проскакали еще с милю и повстречали патрульных кронианцев из городского ополчения.

Часть третья Крейз Хольн

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Лишь с наступлением весны мы с Мельмом отправились в Крейз Хольн. К тому времени на окраинах города появились бледно-сиреневые фиалки и дикие гиацинты, опоясавшие его гирляндой. На протяжении нескольких месяцев мне доводилось видеть только цветы из плотной бумаги, с помощью которых домоправительницы пытались оживить те комнаты, где мы останавливались. За зиму мы побывали в трех городах Сазрата и центральной Кронии, пробираясь дальше на север всякий раз, когда погода и транспортные средства предоставляли такую возможность. Мельм сохранил двадцать золотых империалов, зашитых когда-то в пояс, да мешочек с деньгами, которые оставил ему Кир Гурц. Мне никто ничего не давал: считалось, что в этом нет необходимости, поскольку Мельм заботился обо всем. Оказалось, что и документы у него в полном порядке; стоило ему объяснить, что я — вдова его господина, погибшего во время отступления армии с юга, в ходе которого мы утратили все, что имели, как люди начинали проявлять ко мне участие, и передо мной открывались двери учреждений. И довольно часто меня даже принимали за кронианку, что еще более все упрощало. Блондинки вошли в моду в северных краях, а погрешности вскоре почти исчезли из моей речи.

В разгар зимы, когда снег лежал толстым слоем, мы остановились в доме на улице под названием Канатный канал, и Мельм поднялся ко мне в комнату; он принес пирожное и свечу, которой мне хватило до глубокой ночи. Случилось это, впрочем, против обыкновения, и в остальное время все происходило иначе.

Теперь я, наконец, спала одна, и это показалось мне странным.

Мельм стал моим опекуном, но при этом являл собой образец почтительности и пристойности. И сама экстравагантность моих тайн: убийство, изнасилование, экзотическое вдовство, наша совместная яростная борьба за выживание — послужила к тому, что в конечном счете он стал еще молчаливей и корректней. Находясь рядом с ним, я неизменно ощущала глубокую признательность и некоторую неловкость. Его расположение ко мне возникло в силу ошибочных представлений и к тому же по чистой случайности.

Мы редко заводили беседу; казалось, он считает, что нам «не пристало» этого делать, хотя он никогда не высказывался по этому поводу. Да и в любом случае, о чем нам было говорить? Я не смогла заставить себя спросить о детстве Кира Гурца, хотя Мельм, вероятно, с удовольствием многое бы мне порассказал. А он никогда не обсуждал со мной своих намерений утвердить меня в правах как супругу Гурца.

Впрочем, мне удалось кое-что узнать о бывшей столице, Крейз Хольне, и о делах, которыми нам предстояло там заняться.

Столетие назад, с возникновением империи, правитель с семейством перебрался на восток, в новую столицу. И тогда для города Крейза наступила нескончаемая, богатая плодами осень. Кроме зимнего дворца императора, расположенного у искусственного озера, которое замерзало зимой и его можно было перейти прямо по льду, в этом городе находилось множество памятников и зданий. Гладкую как стекло реку, безотказно дававшую в солнечные времена года хороший улов огромных лососей, окаймлял зеленый фарфор и мрамор храмов и усыпальниц.

В нескольких милях на запад от города начинались поместья Гурца. «Там ваш дом», — заверял меня Мельм, как будто поспешная женитьба вложила мне в душу кусочек той земли.

Ему пришлось расстаться с мизинцем и безымянным пальцем левой руки, хотя он посетил врача в первом же из саз-кронианских городов. Он не делал из этого трагедии, также как из смерти Кира Гурца. А впрочем, может быть, я стала выражением его душевной печали и венком, который Мельм решил возложить на могилу господина.

По мере продвижения на север известия о войне становились все менее точными и приобретали все более анекдотический характер. В подобной близости от живого воплощения империи, восседавшего на золотом троне, отступление войск или смертельный бой казались блошиным укусом, а гибель каких-то двух легионов, усеявших мертвыми телами заснеженную землю, — пустяком.

Последнюю часть пути от города Джермина до Крейз Хольна мы проделали на парусных санях. На исходе зимы на эти края с восточных гор обрушивались сильные ветры. По широкой дороге с причудливыми изгибами, проложенной так, чтобы ветер все время наполнял паруса, и до сих пор покрытой плотным слоем льда, до Крейза можно было добраться за два дня, а если ветер принимался буянить, еще быстрее.

Они отличались красотой, эти сани на высоких полозьях с резными носами в форме лошадиных, гусиных или лебединых голов, раскрашенных и покрытых позолотой, с подвешенными к поручням колокольцами и амулетами, с ярким парусом наверху. Стоило поднять его и забрать якорь, как начиналось стремительное скольжение и возникало ощущение полета — под ногами бежала ледяная дорога, мелодично звенели колокольчики. Затишье наступало крайне редко, но люди рассказывали о капитанах саней, застигнутых штилем, которым пришлось вместе с матросом и штурманом тащить по дороге сани с пятью, а то и шестью пассажирами. Обратно, против ветра сани доставляли упряжки лошадей. В общем, затея непростая. В Крейз вели еще две дороги. По-моему, Мельм выбрал эту, желая доставить мне удовольствие.

И доставил. Словно зачарованная, стояла я на палубе; в вышине надутый ветром парус, в голове никаких мыслей, а холод покрывает мое лицо пьянящими поцелуями и не таит в себе угрозы; упоительное бездумное скольжение и прерывистый шумок в ушах. У нас оказался всего один попутчик, толстый купец, который не выходил из каюты. Ни капитан, ни штурман, ни матрос ни о ком мне не напоминали. Мы долетели до города всего за один долгий день. А ведь каким было бы для меня счастьем попутешествовать таким вот образом еще много недель.

Сначала я остановилась в гостинице, выходящей окнами на реку. Сад, в котором расцвело множество нарциссов, спускался прямо к воде, а по реке среди обломков

вскрывшегося льда все плыли вверх и вниз по течению суда, по ночам их огни роняли призрачные отсветы. Помимо картинки в окне, мою комнату вскоре украсило обилие игр и книг, как в прежние времена.

Мельм исправно сопровождал меня во всех походах, а если магазин предназначался исключительно для дам, дожидался неподалеку. Он носил за мной покупки и ничего не сказал о потраченных, быть может впустую, деньгах. Беспорядочно разбросанные приобретения прибавили мне уверенности, однако в основном эти вещи не пришлись мне по душе. Времяпрепровождение за игрой в храмины или в кронианские «Мечи и звезды» утратило для меня всякую привлекательность, я потеряла также способность жадно глотать главу за главой из книг о чужих приключениях. К сожалению, для меня нашлось крайне мало других занятий.

Мне понадобилось получить кронианское гражданство, чтобы вступить в права владения наследством. Поэтому мне приходилось раз в неделю являться в городскую мэрию, имея при себе свидетельство о браке, и снова и снова обращаться к скучающим чиновникам с просьбой о рассмотрении дела. Этот ритуал явно мог затянуться на долгие месяцы. Казалось, настойчивость просителя и настоятельность просьбы в равной мере влияют на суждение, которое составлялось на его счет.

Каждый раз, усевшись на жесткий стул в маленькой холодной приемной, где зачастую теснились самые разнообразные ходатаи, я принималась думать, как же мне уклониться от этого занятия. Судя по выражению покорности судьбе на лицах людей, оказавшихся вместе со мной в приемной, по их попыткам заняться чем-нибудь другим (они играли в карты, бились об заклад, обменивались сплетнями, а подчас даже принимались петь хором, но тогда приходил охранник, и песня тут же затихала), это место считалось своего рода клубом для тех, кто затеял гиблое дело, и туда ходили ради удовольствия, а не в надежде на успех.

Как же убедить Мельма оставить меня в покое? Мне это не удалось. Он терпеливо лелеял мечту сделать меня владелицей поместья, и ценой невероятных усилий ему удалось далеко продвинуться в ее осуществлении. Если поместье не достанется мне, оно отойдет в собственность короны, поскольку других прямых наследников не осталось. И теперь мне придется признать взрослую систему ценностей, хотя она и кажется мне такой же далекой, как и прежде. Я выросла на три дюйма, я успела стать женщиной и супругой.

Таким образом я провела в городе уже целый месяц, и вот, надев новую, достаточно длинную юбку и перчатки, заштопанные портнихой из гостиницы, я в четвертый раз отправилась в мэрию и предстала перед толстым чиновником.

Как обычно, он посмотрел мое свидетельство о браке и потребовал, чтобы я заново подписала бумагу.

— А место вашего рождения?

Я в очередной раз сделала признание на этот счет.

И он в очередной раз записал мои слова.

— Юная дама, вы понимаете, что в настоящее время империя ведет войну против этой страны?

— Да.

— У вас не осталось там семьи, в которую вы могли бы возвратиться?

Такой вопрос прозвучал впервые, и, хотя существовал лишь один ответ, мне сдавило горло от обиды и замешательства. Мне удалось попасть сюда такой дорогой ценой. И я вовсе не хотела оказаться здесь. Но тем не менее оказалась и, исходя из понятий морали, безвозвратно утратила родину. Возвратиться? Эта жирная самодовольная тварь сошла с ума.

— Для нее существует лишь одна семья, сударь, — сказал Мельм, — семья ее супруга, полковника Гурца.

Он всегда заходил вместе со мной в кабинет чиновника и стоял в ожидании у стены, будто вешалка. Но он еще ни разу не раскрывал рта. Чиновник пожаловал его насмешливой улыбкой.

— А вы кто будете?

— Я служу госпоже, как прежде служил господину.

— Этот... полковник... Гурц.

— Перед смертью он выразил желание, чтобы его вдова поселилась в родовом поместье.

— Да-да. Но насколько я понимаю, он принимал участие в предприятии Тус Дланта, потерпевшем крах. Крайняя горячность. Бредовые идеи. Заблуждения.

— Как видите, — сказал Мельм, — свидетельство о браке скреплено подписью и печатью самого генерала Дланта. Но вероятно, вы до сегодняшнего дня не удосуживались взглянуть на них.

Чиновник покраснел. Не успел он ответить, как из приемной в кабинет ворвались трели веселой музыки, очевидно, пришел скрипач.

Этакое вторжение в подвластное ему чистилище привело чиновника в ярость, лицо его побагровело, на губах выступила пена; он поднялся со стула.

— Неужели я должен работать в этом... этом сумасшедшем доме? — Он схватил маленький звонкий колокольчик и принялся что было сил трясти его. — А вы, — добавил он, — ступайте отсюда. Вы, девушка, можете через семь дней явиться снова, но предупреждаю: правительство императора не станет смотреть сквозь пальцы на то, как время его служащих растрачивают впустую.

Я лишилась дара речи от такой несправедливости. Но Мельм твердой рукой повел меня к выходу.

В приемной все еще наблюдалась картина неуместного празднества: скрипач разыгрался вовсю, а просители залихватски отплясывали тараску.

В дверях кабинета, словно страдающая апоплексией жаба, пыхтел чиновник, а стоявший возле другой двери охранник лишь улыбнулся и щелкнул каблуками, выпуская нас.

На улице шел теплый дождь, дороги размыло. Но у реки по-прежнему сияли белые здания и салатно-зеленые купола обсерватории и храма Победы. Я — чужая в этих местах, и нет мне здесь прибежища.

— Мадам, — проговорил Мельм. — Теперь я отведу вас в дом к некоей женщине. Ее зовут Воллюс. Просто Воллюс и все. Но она весьма влиятельна. Когда мы прибыли в город, я написал ей и сегодня утром получил ответ. Прошу вас, положитесь на меня и в дальнейшем.

— Но, Мельм...

— И, видите ли, она была знакома с полковником. В ее власти открыть человеку путь вверх или погубить его. Все очень просто. Если бы оставались какие-то иные способы, я не стал бы прибегать к этому.

Множество предположений успело промелькнуть у меня в голове. Куда же мы собрались? Конечно, не в публичный дом (как я чуть было не подумала).

Мельм остановил извозчика, заставил меня сесть в экипаж, а сам забрался на козлы вместе с кучером. Лошади помчались аллюром по мокрым улицам, меня швыряло из стороны в сторону, внутри экипажа все дребезжало.

Экипаж пересек самую мокрую из дорог — реку — по мосту имени Семнадцатого легиона и, подпрыгивая, покатился по большому предместью, раскинувшись за обсерваторией. Какие высокие деревья росли в тамошних садах, дубы и грабы, еще без листьев, с позеленевшими от холода стволами. Но лужайки и клумбы покрылись крапинками, словно слегка подкрашенные конфетки — на них проклюнулись весенние ростки.

Мы подъехали к жилым домам; они стояли бок о бок вдоль улицы — ряды покрытых лаком колонн, широкие лестницы и богато изукрашенные окна, которые пришлось бы к месту даже в храме. Над домом Воллюс возвышалась еще и башня с куполом, покрытым листовой медью, а наверху, как украшение на торте, торчал флюгер в виде дракона.

Мы подошли к обшитой медью двери, и на стук Мельма явилась горничная в импозантных одеждах — красный атлас, восточный покррой.

— Это и есть госпожа Аара? — спросила она. И тут же добавила: — Да, несомненно. Ваш слуга может пройти через боковой вход внизу.

Мельм без малейшего промедления направился туда, оставив меня на попечение этой одалиски.

Комната служила гостиной, но была такой просторной, что годилась для танцев, тараски, если угодно. На стенах обои с изображением цветущих лесных деревьев, на ветвях которых сидели похожие на драгоценные украшения птицы. Роспись на потолке воссоздавала летнее небо, там же висел плафон, сверкавший, когда лучи солнца падали на него. Покрытые лаком нимфы вздымали в руках светильники, словно факелы. Ковры прибыли из самого Инда, а расставленные столы, диваны, стулья, ларцы, стойки для трубок, кубки, вазы для конфет, для фруктов, для цветов и разбросанные повсюду шали и подушки украшала резьба, мозаика, вышивка или бахрома разнообразнейших оттенков. При таком буйстве форм и красок казалось, будто в комнате царит оживление, даже когда она пустовала. То и дело раздавался звон соприкоснувшихся друг с другом предметов, но я не услышала ни одной фальшивой ноты — быть может потому, что все вещи были под стать друг другу.

В золотой клетке у окна сидела золотая птица, вполне возможно игрушечная. Под ее стрекотание и свист, словно под звуки фанфар, в комнату вошла Воллюс.

Она оказалась крупной женщиной с характерным для северянок лицом, покрытым пудрой, уже немолодой и склонной скорее к сухощавости, чем к полноте. Чем-то восточным веяло и от ее наряда, но в отличие от комнаты в нем ощущалась сдержанность. А ее черные, искусно уложенные волосы являли собой противоположность одежде; мне кажется, она, как правило, носила парики: какой бы сложностью ни отличались ее прически, которые мне довелось увидеть, я ни разу не заметила, чтобы из них выбилась хоть одна прядка, и почему-то возникало впечатление, будто их укладывали не на голове.

— Ну что ж, — проговорила она, завидев меня. Жестом предложила мне сесть на диван, попробовать конфет, орехов, яблок и велела служанке принести мне стакан молока с корицей, которого мне вовсе не хотелось.

Ее глаза, как гласит поговорка, видели на три аршина в землю. Если что-нибудь от них и ускользнуло, сомнительно, чтобы мне самой удалось это заметить. Она чем-то напомнила мне гадалку Джильзу, но я так и не поняла, чем именно.

— Будьте добры, встаньте еще на минутку. Повернитесь кругом. Пройдите, пожалуйста, к буфету. И обратно. Благодарю вас, госпожа Аара.

Принесли молоко, изящно обернутый дамастовой салфеткой стакан на расписном подносе.

— А теперь, — сказала она, — вам придется выпить молоко, хоть вам этого и не хочется, как я поняла. Вы росли слишком быстро, а питались слишком скудно. Возможно, сейчас вас это вполне устраивает. Но нам нельзя допустить, чтобы пострадали глаза или зубы.

— Зачем я здесь? — спросила я. Как ни странно, ее вольность прибавила мне смелости.

Она приподняла подведенные тушью брови (черные как смоль волосы не шелохнулись).

— Мельм такой рьяный приверженец дела, — сказала она, — а разъяснения предоставил мне? В таком случае я лучше расскажу вам все до конца. Без запинок и без уверток. — Я сидела на месте, никак не реагируя, и она спросила: — А вы вполне понимаете кронианскую речь? Когда вы говорите, акцент едва слышен. Прекрасно. Но, как я заметила, это удивительное свойство присуще всем вашим соотечественникам. Очень ловкое подражание. А может, наш язык просто кажется вам... — и тут она произнесла совершенно незнакомое мне слово. — Ах, — довольным тоном сказала она, — значит, вам неизвестен другой язык, чаврийский. Это слово значит «насыщенный», «глоттальный».

— Разве... разве чаврийцы не враги вам?

— Нам враги, а вам нет? — спросила она. — Ну что же вы, ведите себя как кронианка

во всем.

— Враги нам. Я... мне пришлось сражаться с чавро, в Сазрате. (Что это они подмешали в молоко с корицей?)

— Мудрый поступок. Чаврийцы — варвары. Впрочем, как и все мужчины во время войны. Да и женщины тоже. Вернемся, однако, к нашему делу. — Она хлопнула в ладоши. — Вы станете богаты, юная моя госпожа, если вам удастся заполучить поместье. Не то чтобы из самых богатых, но, как говорится, в кошельке звенит. Юристы составят соглашение, по которому вы оплатите мои услуги. В чем они будут заключаться? Должна вам сказать, госпожа Аара: если вы хотите, чтобы какая-то вещь досталась вам, необходимо создать впечатление, будто она и так все равно что ваша. Вы увидите, что это применимо ко всем случаям жизни. К примеру: если вам понадобился какой-нибудь мужчина, нет лучшего средства покорить его, чем продемонстрировать, что вы принадлежите другому. То же самое с имуществом и деньгами. Кто же даст займы нищему? А состоятельному человеку дадут. И поэтому я приложу усилия к тому, чтобы весь свет, то есть судейские чиновники Крейза, принял вас за то, чем вы вовсе не являетесь. Вам необходимо стать кронианкой в глазах закона — я сделаю вас таковой, не обращаясь в суд. Вам нужно поместье Гурца — значит, я превращу вас в богатую его наследницу. Вы поняли все, что я сказала?

Я кивнула. Мне стало спокойнее от молока. И я всегда охотно слушалась, если окружающие не создавали тому помех.

— Сами по себе, — сказала Воллюс, — вы обладаете прекрасными природными данными. — Ее голос пробивался ко мне сквозь теплую пелену обаяния. Существо, о котором она принялась мне рассказывать, никогда не встречалось мне прежде. — Через год-другой вы станете настоящей красавицей. Вы и сейчас недалеки от этого. Словно цветок, который выгнали в теплице. Только в вашем случае теплица оказалась очень холодной. Ходят слухи, будто Дланта собираются казнить в столице за все его неудачи. Кто бы мог предположить, что Уртку Туса возьмут и посадят на кол? Может получиться, что он оказал вам медвежью услугу, когда скрепил печатью ваше свидетельство о браке. Но тяготы отступления, которые вам пришлось перенести по их милости, — тут блеск доведен до совершенства. Теперь вот что: наш Мельм поведал в письме, что вам шестнадцать лет. Если это правда, полагаю, вы выглядели куда более юной, когда Кир Гурц влюбился в вас.

— Нет, — будто во сне проговорила я, — мне четырнадцать лет. Мой пятнадцатый день рождения придется на осенний праздник Вульмартис.

— Кто такая Вульмартис? Здесь вашу богиню зовут Вульмардра. Но внешность вполне позволяет выдавать вас за шестнадцатилетнюю, этим вы обязаны войне. Похоже, вам довелось кое-что повидать. А может, и совершить.

— Я...

— Нет, не хочу этого слышать. Я вам не исповедник. С меня хватит и собственного прошлого. Держите свои прегрешения при себе, Аара. Так будет лучше.

Она встала, шурша шелками, и обошла вокруг дивана, на котором я сидела, лениво развываясь. Я ничего не имела против, теперь ничего.

— Мы снимем с вас эти куцые детские одежки, осветлим волосы... — она приподняла прядку и потерла ее пальцами, — да, такие можно выбелить. А затем, когда вы будете выглядеть наилучшим образом, обратимся к юристам.

Она снова села. Запела птица. Откуда ни возьмись, на колени к Воллюс прыгнул огромный полосатый кот. И уставился на меня похожими на самоцветы глазами.

— Касательно Гурца вам лучше все узнать от меня самой. Он был тогда совсем молодым человеком. А я — актрисой Воллюс, тех же лет, что и вы. Крайне недолгая связь. Надеюсь, я не сделала вам больно? Вы любили его?

— Любила... кого?

— Своего мужа. Неважно. Мельм будет считать, что любили.

Она погладила кота, и тот замурлыкал, улыбаясь мне на кошачий манер, особым образом прикрывая глаза.

Была у меня когда-то кошка, да еще яблонька.

— Мы распорядимся, чтобы ваши вещи доставили сюда, — сказала она. — Можете поспать на диване, если хотите. Вам это полезно.

3

Мне кажется, я до самой смерти сохранила воспоминание о дне, когда мне явился белый образ в янтарном прямоугольнике; о мгновении, когда я переродилась; о том, как впервые увидела свой облик, созданный ее руками.

Дни проходили друг за другом — сколько дней? Шесть или семь, а может, десять или еще больше — на грабах в саду под окнами повисли похожие на гусениц сережки... Дни, когда меня парили в банях классического образца, дни масел и настоек. Дни, когда мне ровняли и полировали ногти и чистили кожу пемзой, когда я примеряла корсеты и туфли на каблучке высотой в два с половиной дюйма, когда я училась затягивать первые и ступать по полу во вторых. Дни посвящения в тайны применения — вслепую — пудры, румян и туши для ресниц, которая повергла бы Лой в изумление. Какая-то паста для волос ужасно едкого синего цвета, и страх: вдруг они такими и станут или выпадут все и осыплются на пол (не потому ли Воллюс носит парик?), и я боюсь самой Воллюс, а она прохаживается среди стройных служанок и то что-то прикажет, то бросит резкое словцо:

— Синие волосы? Такие причуды тоже бывали. Но вы сами увидите: не синие, а бледные, как лунный свет. Будьте поосторожней, — это уже парикмахерше. — У нее мягкая фактура волос. Не надо делать их слишком жесткими. И не перестарайтесь с желтизной. Они должны стать как у снегурочки.

Ни одного зеркала. Даже у меня в спальне, куда доставили мои игры и книги, к которым я не притронулась.

— Чтобы произвести впечатление, можете взять глазные капли из белладонны. Но только немножко. Пользуйтесь ими, когда хотите ввести кого-нибудь в заблуждение. Никогда не носите туфель, которые вам малы. Если они хорошо сшиты, нога и так покажется в них маленькой. Слишком тесные туфли нельзя носить, они уродуют большие пальцы. Роза, сними тапочку и покажи, какая у тебя шишка! — Бедная Роза, оказав услугу, получает вознаграждение. — Но разве это кого-нибудь волнует, при таком-то лице и такой фигуре, как у нашей Розы?

Ни одного зеркала, даже если нужно подкрасить глаза и щеки.

— Этим будет заниматься ваша горничная. Или мы вас научим, попозже. Только соблюдайте осмотрительность, когда станете красить волосы. Посылайте ко мне за парикмахершей, даже когда уедете в поместье.

И три платья, купленные в расчете на то, что я возьму убытки, когда получу наследство. Одно на утро, второе на день, а третье для мерцающих блестками вечеров.

Вопросы диеты, застольный этикет, в меню всякий раз новшества. Воллюс заметила, что мне больше всего нравятся фрукты и напитки из них, и объяснила, какие продукты непременно нужно хотя бы время от времени употреблять в пищу как лекарство, если они мне не по вкусу.

— Кожа у вас здоровая, организм сам знает, что ему необходимо. Но поскольку вы любите сласти, ешьте поменьше сахара и побольше меду, он все равно вкуснее. Мясо вам не по душе, и это прекрасно. Пристрастие к мясу погубило не одного мужчину, полного сил. Но маленькая худенькая рыбка, испеченная в углях, вот такая — попробуйте это оригинальное блюдо из рыбы в желе из крыжовника. Ну как, аппетитно? Конечно же, да.

Она приучила меня пить вина, но только самые лучшие. И заверила, что женщины, которые не смеют выпить пару бокалов вина, боясь тут же свалиться с ног, просто дурочки. К тому же мне необходимо научиться по достоинству оценивать различные марки вин, ведь в поместье Гурца делают прекрасное вино, которое называется топаз.

Кружась в сумятице, я все же приостановилась и спросила Воллюс, не следует ли мне

по истечении очередных семи дней отправиться в мэрию и подать прошение, но она отмела эту процедуру мановением руки. Теперь в этом больше нет необходимости.

По правде говоря, казалось, она ничуть не сомневается в том, что кобылка, на которую она поставила, придет первой, что наша колесница окажется победительницей. Ее адвокат уже составил текст соглашения и принес его нам на подпись. Он заставил меня тщательно ознакомиться с условиями. Если меня постигнет неудача, она не возьмет ни гроша. Он заявил, что подобная щедрость просто безрассудна, а впрочем, на его памяти она еще ни разу не ошиблась. Я только что прошла процедуру осветления волос и сидела очень тихо и смиренно.

Я не видела Мельма с тех пор, как пришла к Воллюс. Живя в этом доме среди одних только женщин, словно в коконе, я не испытывала сожалений; из мужчин там появлялся лишь тщедушный сапожник и его помощник, походивший на девочку. И если среди бесконечных переодеваний и наставлений о том, как вести себя за столом, как затягивать корсет и припудривать лицо, времени хватало лишь на то, чтобы, словно в омут, погрузиться в сон, меня это только радовало. О своих снах я позабыла. Обо всех. Даже о самом первом, про город и мамино лицо.

И вот однажды мы с моей благодетельницей сели завтракать, она протянула коту (который всегда сносил мое присутствие, но никогда не ластился ко мне) кусочек лососины и возвестила:

— Сегодня красим волосы в последний раз. А потом мы вас нарядим. В этот день, в пять часов пополудни вы увидите себя, девочка моя.

Весь день светило солнце; они усадили меня там, куда падали его лучи, и принялись трудиться надо мной. Служанки щебетали, словно скворушки. Их приучили к этому, ведь к Воллюс часто обращались молодые женщины, желавшие преобразиться в ее руках, чтобы предстать перед городом во всей своей красе. Девушки говорили только о приятных пустяках: какие цвета и сласти мне нравятся, и все такое прочее. Поскольку я недавно понесла утрату, о мужчинах никто не упоминал. В ином случае разговорам о них не было бы конца.

— Вдове, потерявшей мужа на войне, положено носить темно-красные и лиловые одежды, — сказала Роза, пристегивая мне чулки к подвязкам, — но мадам велела, чтобы вам сшили белое вечернее платье, только пояс и туфли к нему — сиреневые.

Похоже, они не так уж мало знают обо мне и понимают, что я уже перестала оплакивать супруга.

Но белое платье — вечерний наряд, предназначенный для обедов и танцев. Я видела его пока что только на манекене.

Солнечные лучи передвинулись дальше по полу. Принесли и зажгли две лампы — теперь они будут создавать мне лицо.

— Косметику, рассчитанную на свет ламп и свечей, следует накладывать при искусственном освещении.

У меня подсыхали волосы, и девушки совершали над ними заключительные манипуляции.

Хотя я однажды примеряла белое платье и показывалась в нем моей патронессе, я почувствовала себя несколько странно, надев его теперь. Но я успела привыкнуть к тугим корсетам и, вероятно, потихоньку освоюсь и с платьем.

— Ах, госпожа, встаньте, — воскликнули они, чуть отошли назад и взволнованно захлопали в ладоши, будто дети, которые радуются полученной на праздник в подарок кукле.

По-видимому, они выступали в роли художников, а я — завершенной картины.

Меня повели в гостиную к Воллюс, она тоже приделалась по случаю какого-то выдающегося события и теперь играла в красное и белое, очевидно, с котом.

— Ну что ж, — сказала она, завидев меня; как тогда, в первый раз, — я всем довольна. — Девушки, прислуживавшие мне, затрепетали, когда она поднялась на ноги и подошла поближе, чтобы хорошенько все проверить. Покончив с осмотром, она подвела

меня к одному из больших окон, выходивших в сад.

За ветвями деревьев клонилось к западу солнце. Свет его упал на меня, и при этом мне показалось, будто я тоже стала вся из золота.

— Внесите зеркало, — приказала Воллюс.

И они принесли этот прямоугольник высотой в человеческий рост, завешенный восточной шалью.

— Прочь! — воскликнула Воллюс, и девушки разбежались. Она же как главная волшебница заняла место позади зеркала и положила руку на шаль. — Сейчас ты станешь смотреть, Аара, сейчас ты увидишь. Ты запомнишь это навсегда. И в этом моя власть над тобой.

Она сдернула шаль с зеркала.

Передо мной стояла девушка, о которой они мне рассказывали.

Высокая и стройная, а талия — как перемычка песочных часов. Белое, мерцающее золотом платье казалось живым, оно слилось с нею, а над лифом проступали прекрасные перламутровые плечи и очертания груди, затмившей платье теплотой и белизной. Она уже стала женщиной, гадать на этот счет не приходилось... изгибы тела и контуры шелковых складок, ниспадавших до узеньких ножек, обутых в бальные туфельки, окрашенные в крови горечавки, и выразительные руки — рукав доходил ей до локтя, — лежавшие поверх платья, и походившие на изящный веер кисти рук с тонкими пальцами, словно из подернутой бархатистой дымкой слоновой кости...

Она была причесана по последней моде. Часть завитков приподнята наверх, а остальные волосы сбегая по плечам блестящими волнами; цветом они напоминали — как она говорила — лунный свет или лед. Лицо, казалось, не подкрашено, а вылеплено. Рот едва ли ярче лепестка розовой герани, но безупречной формы. Глаза большие, дикие и будто нечеловеческие, ибо увиденное бесконечно потрясло их.

— Посмотри, какие ресницы, — донесся из другой комнаты голос Розы, — длиной почти в целый фут. А талия-то — не шире моего запястья.

— Тише, — вполголоса сказала Воллюс, — она видит. Она все это видит.

— Серые, как стекло, — говорила мне мама, — глаза у тебя такие же серые, как стекла в старинных створчатых переплетах окон, сквозь которые к принцессе проникал свет.

Я подошла к зеркалу почти вплотную, но оно отражало каждое мое движение, давая мне понять, что это... всего лишь я.

За спиной и со всех сторон вокруг меня янтарная комната потемнела и стала как солод — солнце уходило, скользя меж деревьями.

Спустя долгое время Воллюс наконец сказала:

— Смотри не влюбись. Это удел окружающих.

Я нахмурилась и отпрянула.

Я отвернулась от зеркала, и мне почудилось, что я превратилась в крохотную мыслящую частичку, угодившую в скорлупку исключительной красоты.

А вдруг я сделаю шаг и скорлупка расколется? Нет. Моя целостность при мне.

Она поняла.

— Не бойся, ты не сломаешься, даже при такой тонкой талии. Все готово. И тебе хватит сил, уж на этот вечер во всяком случае.

Она говорила, что мне понадобится такой вечер. В тот день она открывала свой салон, знаменитый на весь Крейз. Его посещало все светское общество. И на этот раз люди с проницательным взглядом откроют нечто новое для себя.

Когда принесли шкатулку, она вспомнила, что у меня не проколоты уши, и вместо сережек выбрала крученное ожерелье из фиолетовых шпинелей.

А затем она приказала открыть бутылку вина, и мы все выпили за здоровье императора, и полосатый кот вместе с нами.

В вестибюле дома Воллюс находилось святилище Випарвета, а у входных дверей стоял крохотный домашний божок, помещенный туда скорее всего из прихоти, ведь кронианцы не особенно их почитали. А вот наверху, в роскошной гостиной с индскими коврами на полу и деревьями на обоях в стеклянном шкафчике хранилась небольшая статуя древнего божества Сазрата, Иобы, бога радости. Он покровительствовал всему, что доставляет удовольствие: от музыки и тонкой кухни до наслаждений в постели, но вовсе не являлся богом излишества или греза. По вечерам, когда салон открывался для гостей, статуэтку выносили на подносе, выющиеся волосы божества украшала гирлянда из цветов, которые распускались в это время года, в руке Иоба держал чашу из зеленого кварца; укрепленные в ней тонкие ароматические свечи источали благовонный дым.

За гостиной открывалась анфилада просторных комнат, двойные двери между ними широко распахивались. Все эти покои отличались большой пышностью, но буфетная выглядела, пожалуй, причудливей всех — стены, обитые парчой с вытканными золотом пшеничными снопами, в каждой из трех люстр, выполненных в форме крылатых коней, множество ярких свечей. Была там и комната для азартных игр, и игры в карты, и кабинеты, позволяющие уединиться, отдохнуть или переговорить с глазу на глаз. В буфетной на помосте расположились музыканты. Арфа, несколько скрипок, флейта Пана, на которой играл человек в костюме фавна, под стать инструменту, и составлявший часть домашней обстановки клавесин с изящной откинутой крышкой, украшенной эмалью с изображениями сцен из пасторальных танцев.

К девяти часам вечера все эти покои превратились в полный света и невероятного шума сосуд. За звоном монет, стуком костей и всеобщей многоголосицей громкая музыка казалась едва слышной. На бульваре под окнами то и дело выстраивались в четыре-пять рядов кронианские портшезы и экипажи, они загородили собой уже мостовую и тротуар. Вероятно, соседи Воллюс терпеливо сносили шум и беспорядок, а может, они сами входили в число приглашенных.

Меня позвали на выход лишь без четверти десять, хотя нарядили задолго до того. Оживление вокруг все нарастало, оно бурлило, как кипящая ключом вода, и не могло не затронуть меня; я занервничала. И принялась мерить шагами комнату, не притронувшись к ужину. Тогда мне принесли порошок, растворенный в бокале ключевой воды.

Для моего беспокойства не было конкретных причин. Лишь какое-то странное ощущение или неясное воспоминание о том, что светские собрания не всякий раз заканчивались удачно.

А потом прибежала Роза и сказала, чтобы я шла вниз. В последний раз: немного рисовой пудры, еще капельку духов в туфли. Я не видела, что они там делают. Я даже побаивалась смотреть в зеркало после того, первого откровения. И все же на лестничной площадке я увидела свое отражение. Или ее отражение открылось моим глазам.

Я спускалась, погружаясь в глубины шума и тепла, захлестнувших различные части дома. Лакей в ливрее распахнул передо мной дверь, и я оказалась в гостиной с деревьями на обоях: двадцать человек повернули голову, а еще двадцать не удосужились.

В очаге галопом скакало пламя, и казалось, все фонари и свечи мира освещают этот зал. Блеск драгоценностей, зримое брожение этих покоев, изначальную полноту которых довершало обилие женщин и мужчин, — все это чуть не обратило меня в камень. Но Воллюс с важным видом направилась ко мне, теперь ее авторитет послужит мне поддержкой. А у подола колышущегося платья так же важно шествовал кот на замшевом поводке.

— Да, дорогая моя Аара, — лукаво промолвила Воллюс, беря меня под руку. Она всему научила меня заранее, мне нужно только следовать ее предложениям и как можно меньше говорить. Ей хотелось сохранить мою загадочность для окружающих — таинственная красавица, как она выразилась. Оказавшись в ее свите вместе с бодрым котом, я перестала волноваться. В конце концов, я в совершенно неузнаваемом обличье, на мне маска.

— Госпожа Аара — вдова из семейства Гурцев. Ее супруг погиб во время злосчастного

отступления частей Дланта с юга.

— Печальное событие. Глубочайшие соболезнования, мадам. Вы ведь недолго были замужем?

— Недолго. (Воллюс обучила меня очень полезной уловке. Можно подхватить часть фразы или последние слова собеседника и повторить или несколько изменить их. Тон речи печальный, приглушенный или рассеянный Будучи актрисой, Воллюс давала мне уроки лицедейства.)

— И такое огромное поместье. Принадлежало Гурцам на протяжении веков. Быть может, вы продадите его.

Я опустила глаза.

— Ну что же вы, унитарк, — сказала моему собеседнику Воллюс, шлепнув его по руке веером. — Вы всегда отличались такой тактичностью.

На приеме оказалось множество военных, чего я не ожидала. Но ни одного чином ниже штандарт-майора, и ни души — могу в том поклясться — из легионов, сопровождавших генерала Дланта. Осада и отступление, упоминавшиеся в разговорах время от времени в связи с моей персоной, — вопрос о том, что я, возможно, явилась с другой стороны, не возникал ни разу — неизменно сопровождалась эпитетами «неудачный» или «несостоятельный». Стадия «неуклюжего» или «предательского» отступления еще не достигнута, это произойдет позже. Даже здесь все то же — победа или позорная гибель.

Воллюс повела меня вперед, позволяя своим гостям разглядывать и расспрашивать меня, но только понемногу. Женщины в багровых шелках Инда, изогнутые дугой носы. Многие выкрасили волосы в светлый цвет, но краска не так удачно легла на пряди, подобные воронову крылу, как на те, что я видела в зеркале. Унитарки и тритарки по-разному обошлись со своими темными волосами и бородами: одни прошли искусную стрижку, другие лежали густой копной. Только-только начала входить в моду манера брить бороду, упаднический стиль гладко выбритого, наполовину завоеванного юга, и модники еще почувствуют (вскоре) хлесткие удары императорского гнева.

В ходе потерпевшей крах кампании Гурц носил чин флаг-полковника, а в Крейз Хольне — титул принца. Я ничего об этом не знала. Да и откуда мне было? Я стану принцессой Аарой, если получу поместье.

Я вызвала восхищение у многих. Каким-то образом я научилась определять это по взглядам, по манере поведения. Они находили во мне нечто веское. Вероятно, мое неясное происхождение подвергнется вивисекции позднее.

Если унитарки, полковники или господа в штатском задерживались возле нас чересчур долго и создавали толпу, хозяйка дома отсылала их с различными поручениями. Она даже обратилась к принцу с просьбой принести кошке блюдо. Это ни у кого не вызывало возражений. Все делалось очень вежливо и любезно, но тем не менее непререкаемая власть Воллюс давала знать о себе. Несомненно, Мельм попал в точку, когда рассказывал о ней. Открыть путь наверх или погубить. Она видит во мне ценность, раз столько делает для меня. И она дала понять это всем окружающим.

В воздухе облаком висел гул; о том, чтобы расслышать сообщения об очередных гостях, ступивших на порог, не могло быть и речи. Вновь прибывшие просто входили в дом.

На мгновение мы с Воллюс остались вдвоем, оказавшись под светившимся огнями крылатым конем в буфетной, и как раз в это время слуга в ливрее протиснулся сквозь толпу и подошел к ней.

— Что случилось? — спросила она, ставя на место блюдо со сладостями.

— Мадам, к вам явился тритарк Вильс.

— Что ж... пожалуй, пусть войдет. Но мне придется переговорить с ним. Он очень сильно задолжал. Если он снова захочет играть, на этот счет необходимо поразмыслить.

— Мадам, он привел с собой южанина.

Лицо Воллюс выразило удивление и недоумение.

— Какого южанина? — Но прежде, чем слуга успел ответить, у нее в голове

промелькнула догадка. — Предателя? Вы его имеете в виду?

— Как я понимаю, да.

— Клянусь псом, пусть войдут. Ох, пусть, пусть они войдут. У нас будет фейерверк.

Когда слуга удалился, она повернулась ко мне:

— Но для вас это составит некоторую сложность. А может быть и нет. Лучше не рисковать. Пожалуйста, поднимитесь в галерею. Вам, наверное, ничего не известно об этом человеке. Но события, вероятно, позабавят вас. А может, сегодня он будет хорошо себя вести и ничего интересного не произойдет. Запомните как следует лишь одно. Теперь вы — кронианка.

Галерея располагалась над салоном для азартных игр — просторный променад на высоте около двенадцати футов, вдоль которого выстроились гигантские папоротники в кадках. Лестница проходила через одну из укромных ниш за буфетной, в галерее же собралось немало народу. Я прижалась к перилам возле одного из папоротников, который оказался значительно выше меня. Внизу в салоне стояли два главных стола, больший предназначался для игры в красное и белое из расчета на шестнадцать игроков. Все стулья за столом были заняты, а столбики золотых импералов и серебряных крон поднялись до уровня лестницы.

Не успела я занять свое место, как по салону словно пробежала волна. Они почуяли что-то новенькое. Конечно же, все повернули головы, а в зале воцарилась тишина, как на сцене, где разыгрывается драма. Стала слышна музыка, которую играли в буфетной, — задушевная мелодия. А с противоположной стороны из гостиной с деревьями на обоях все еще доносился многоголосый гул. Затем двойные двери распахнулись, пропуская Воллюс с котом и шедшего с нею под руку тритарка Вильса, молодого человека лет двадцати с точеными чертами лица; черные волосы доходили ему до воротника, а на чисто выбритом лице проступил яркий румянец, свойственный северянам.

Вокруг стояла изысканная, полная внимания тишина; Воллюс отпустила его руку и сказала;

— Что ж, любезный господин, полагаю, вам все здесь знакомы.

— Потому, увы, — ответил он, — что я должен каждому.

Теперь тишина воцарилась и в гостиной, приглушив все звуки. Лишь в буфетной журчали переливы ни о чем не ведающих музыкантов.

Воллюс обернулась к дверям, словно вызывая на сцену актера, последнего из троицы. Он понял намек и вошел.

— Дорогая госпожа Воллюс, позвольте представить вам моего друга и собрата по армии, унитарка Завиона.

— Ах, сударь, — воскликнула Воллюс, приподняв брови. И только. Этим она сказала все. Но она протянула руку унитарку Завиону, а тот слегка коснулся ее губами, с улыбкой глядя ей в глаза.

Иногда в угасающем очаге вдруг ярко вспыхивает пламя; то же произошло в салоне. И несомненно, в нем играл живой огонь, в этом человеке со светлой, слегка обветренной кожей, чьи золотистые волосы походили на пылающую гриву, цветом чуть темнее пламени множества свечей вокруг. Но его своеобразность не исчерпывалась привлекательностью и бледностью, подчеркнутой черной военной формой кронианской армии. Было в нем нечто зажигательное и опасное, он напоминал льва, который соблюдает приличия, но отнюдь не приручен, он мурлыкает, но все помнит. Пусть себе глазают, сколько угодно. Стоит ему захотеть, и он прыгнет.

Воллюс отличалась высоким для женщины ростом, она была ничуть не ниже моей тетушки Илайивы. Но он оказался выше нее. Ведь он, как и я, продолжал расти после той вечерней сцены в черном доме.

Он все еще непринужденно держал руку Воллюс в своей, она высвободила ее.

— Нам доводилось кое-что о вас слышать, — сказала Воллюс.

— Ах, неужели? — Он тоже вскинул брови, выражая интерес к тому, что о нем говорят.

Он изъяснялся по-крониански с безупречной беглостью и изяществом.

Воллюс рассмеялась, его манеры пришлись ей по душе.

— Чего же вы ищете в скромном моем обиталище?

— Мне, конечно же, хотелось взглянуть на вас, мадам. А также поиграть у вас в салоне.

— Вам придется простить меня, сударь. Для этого необходимо, чтобы кто-нибудь за вас поручился. И как ни велика моя благосклонность к тритарку Вильсу, тут он вам не поможет.

Вильс широко улыбнулся.

— Славно сказано, богиня моя.

Фенсер склонил голову, блеснув прядями волос. Он извлек карточку, и блеск ее золота показался едва ли более экстравагантным. Не говоря ни слова, он вручил ее Воллюс.

Она внимательно посмотрела на карточку.

И проговорила:

— Столь прославленное имя...

— Носитель которого предпочел бы, чтобы его лишний раз не повторяли вслух.

— Справедливо. Но я вижу, она пишет, что я могу вас принять.

— Она? — спросил Фенсер.

— Господин, которому принадлежит эта карточка, обязуется оплатить все, что вы проиграете.

— В том случае, если мне не повезет и если я не смогу расплатиться сам.

Из-за стола для игры в кости донесся мужской голос, в тишине он прозвучал громко.

— Ну да, он наплевал на честь своего короля. На том и забогател.

Фенсер оглянулся и посмотрел на него.

— Нет, сударь, — сказал Фенсер, — история дошла до вас в несколько искаженном виде. Я украл деньги, обманув императора.

И тогда затих всякий шум, в дверях буфетной и дальней гостиной толпой застыли люди.

— А может, — умело сдерживая злобу, заметил Вильс, — это еще одна небылица.

Мне не удалось разглядеть, кто именно из стоявших вокруг стола для игры в кости бросил вызов Фенсеру. Все они злобно глядели на него, у иных побагровели лица, а женщины пристально следили за происходящим. Затем тритарк, сидевший за столом для игры в красное и белое, поднялся на ноги.

— Госпожа Воллюс, как бы там ни было, я отказываюсь сидеть за одним столом с проклятым флюгером.

На этот раз Фенсер не потрудился даже взглянуть на говорившего. Он подошел к вазе с розами из оранжереи, достал одну и принялся неторопливо рассматривать ее в восхищении, как будто не найдя себе никакого другого занятия.

Но Вильс резко бросил:

— Как мило, Ликсандор. Осмелюсь напомнить: если бы не этот флюгер, судьба Длантова стада постигла бы еще пять тысяч человек.

Едва справляясь с переполнившим его презрением, тритарк Ликсандор швырнул на стол карты. Он по традиции коротко стриг волосы и носил длинную бороду, но отличался такой же крепостью и стройностью сложения, как Вильс и Фенсер, и был не старше их.

— У нас с тобой нет повода для ссор, Вильс, разве что твои знакомства.

— Значит, есть повод.

— Почему ты с такой горячностью берешься защищать эту южную крысу? Уртка поberi, да кто он такой? Если он водит нас за нос, значит, он — неприятельский шпион. В таком случае я повесил бы его, одновременно признав, что он — человек чести. А если нет, он — просто прокаженный, питающаяся падалью тварь. На войне допустимо пользоваться услугами тех, кто предал свою страну и соотечественников, но я скорее соглашусь оказаться в хлеву рядом с грязным вонючим боровом, чем в одной комнате с ним.

Фенсер оторвался от розы и вскинул голову. Он отчетливо проговорил:

— Сударь, вы вынуждаете меня предложить вам иную возможность.

Горя нетерпением, Ликсандор повернулся к нему.

— Что означают ваши слова?

— То же, что и всегда. Оставляю время и место на ваше усмотрение. Впрочем, если вам удобно завтра утром, меня бы это очень устроило. На неделе мне необходимо отправиться в столицу, у меня там дела.

Ликсандор нахмурился:

— Медведь побери. Вы предлагаете дуэль?

Казалось, чудесное затишье в комнатах — смолкла даже музыка — наполнило сияние, алмазные вспышки света заискрились в нем... а может, только у меня в глазах.

— Разумеется, — извиняющимся тоном проговорил Фенсер, — это ставит вас в сложное положение. Разве допустимо, чтобы вы скрестили шпаги с бесчестным человеком. А впрочем, если вы откажетесь, люди могут подумать, будто вы испугались.

— К чертям вашу честь. Я к вашим услугам.

— Весьма вам благодарен, — сказал Фенсер. — Полагаю, свидетелей у нас предостаточно.

— До наступления полуночи я пришлю к вам домой человека, который известит вас о месте поединка.

— Так вам известно, где я живу? Прекрасно. Что ж, вопрос исчерпан. Спокойной ночи, приятных снов.

Кто-то было рассмеялся, но тут же подавил смех.

Ликсандор разразился ругательствами, которые выходили за рамки того, что Воллюс считала допустимым. Лицо его покраснелось.

— Не указывай мне, южная шавка, я уйду, когда пожелаю, — сказал он.

— Но вы освобождаете место за столом?

— Безусловно, и комнату тоже, если в ней будете находиться вы.

— Тогда еще раз: спокойной вам ночи. Меня ждут дела за карточным столом.

Ликсандор пошел прочь, он остановился лишь затем, чтобы отвесить короткий поклон хозяйке дома. Толпа наблюдателей торопливо расступилась, когда он направился в буфетную.

Вильс громко расхохотался, подошел к Фенсеру и обнял его за плечи.

— Ты маньяк. И он тоже.

— Ох, ладно, — сказал Фенсер. Он протянул Воллюс розу. — Сожалею.

— Ничего, — сказала она и вставила розу за корсаж платья. — Говорят, что бы ни происходило в Крейзе, оно непременно отдастся эхом у меня в салоне. — На самом деле вид у нее был довольный, она так и сияла лукавством, но взглядом никак не выдавала своих чувств. — Мне кажется, однако, Ликсандору прежде сопутствовала удача на дуэлях. Не сомневаюсь, он постарается убить вас.

— Да, он жаждет моей крови. И пожалуй, он в этом не одинок... — проговорил Фенсер, присаживаясь к карточному столу. Игроки замерли в напряжении, но никто больше не поднялся из-за стола. — Что касается меня, я готов удовлетвориться небольшой царапиной. — Его серебристые глаза остановились на банкомете. — Нельзя ли нам начать? Я несколько ограничен во времени.

Меня как будто парализовало, в полной неподвижности я замерла на галерее, боль сковала мне позвоночник; вцепившись в перила, я следила за игрой. Быть может, они утратили способность судить здраво от его дерзости или из-за того, что позволили ему занять место среди них. А возможно, его манеры привели в восхищение веселого бога Иобу, расположившегося в соседней комнате. (Это случилось и с некоторыми из гостей, они потянулись к Фенсеру, который никак не пытался приманить их или уклониться от общения. Вильс стоял, опершись на каминную полку и пил пенистое вино. В какое-то мгновение он поднял голову и заметил меня на галерее. Но кокетливого взгляда с моей стороны не последовало, и за волнующими перипетиями игры он позабыл обо мне.) А Фенсер все

выигрывал и выигрывал.

Он выиграл так много, что под полночный бой часов вышел служитель салона и почтительно обратился к нему от имени заведения с просьбой закончить игру, поскольку она может ввести в затруднение остальных гостей.

— Разумеется, — ответил Фенсер. — Мне в любом случае пора уходить. — Затем он бросил все деньги обратно на стол — блестящую вереницу монет. — Если не ошибаюсь, это покроем все, что задолжал вам тритарк Вильс. Верно?

— Уртка побери... что ты делаешь? — запротестовал Вильс, придя в неподдельное волнение. — Так же нельзя...

— С этим все, — сказал Фенсер. — Пойдем, а не то опоздаем к завтраку с Ликсандором.

Похоже, Ликсандор удалился через другие двери, желая избежать скопления народу. Фенсер Завион направился к парадному крыльцу. Все, кому не удалось поговорить с ним во время игры, пытались его задержать. Но он объяснил, что должен спешить, так как к нему домой уже вот-вот придет вестник.

Когда черные формы военных и бледный факел его волос скрылись за дверью, я повернулась и пошла прочь.

Мне показалось, будто в доме не осталось ни души, а все огни угасли. Я прошла мимо толпившихся людей и поднялась по лестнице, толком даже не понимая, где я и куда мне надо, и обнаружила, что в отведенной мне комнате совсем темно.

— Вот и хорошо, что вы ушли. Но только ли из осторожности? — возле моей постели стояла, все еще в вечернем платье, Воллюс; в руке она держала канделябр со свечами, которые то тускнели, то разгорались. — Роза говорит, вы разволновались из-за этой дуэли.

— Роза... сказала мне, вы поедете смотреть.

— Возможно, я отправлюсь туда в экипаже. О назначенном месте узнают или догадаются. Излюбленное время — пять часов. Вероятно, там соберется пол-Крейза. Тем хуже для Ликсандора, если он потерпит поражение.

— А он его потерпит?

— На то воля богов, — сказала Воллюс.

— Но... мне необходимо поехать с вами, — сказала я.

— Мне можно там быть, а вам я бы не советовала.

— Нет. Позвольте мне отправиться с вами. Я закрою лицо вуалью...

Я лежала на постели в своем драгоценном платье, и она склонилась надо мной. Разве могла она не заметить, как горит у меня кожа, хотя глаза оставались сухими? Пламя свечей отбрасывало ее тень на потолок. Тень почти не дрожала. И рука ее не дрогнула ни разу.

— Хорошо, — она опустила глаза, желая видеть мою реакцию. Возможно, я вздохнула с облегчением. — Аара, — сказала она, — я ни о чем не прошу. Но говорю вам: будьте осторожны.

5

Роза знала обо всем. Часть она выболтала ночью, а в предрассветные часы среди эбонитовой тьмы рассказала еще больше. Она решила, что я с первого взгляда влюбилась в него, и такая догадка устраивала даже меня. Как выяснилось, то же самое случилось не с одной дамой. Разве нет у него богатой любовницы, по слухам какой-то там принцессы, которая, видимо, тоже проводит ночь без сна, страшась за исход дуэли?

А впрочем, он уже участвовал в поединках. Дважды, судя по тому, что слышала Роза. А может, только раз. Он имел привычку вызывать на дуэль и тех, кто высказывал грязные предположения, и тех, кто открыто оскорблял его. Некоторые проявили малодушие и постарались загладить свою вину. Возможно, прочие столкновения закончились гибелью обидчиков, но Роза не взялась бы в том покаяться.

Однако он и вправду продался крониянским властям на юге, и, когда осаду сняли, а

генерал Длант отправился со своими легионерами восвояси, Завиона оставили в городе вместе с пятитысячным войском под командованием квинтарка, которое должно было поддерживать там власть и порядок. Затея эта, естественно, оказалась неосуществимой, и, получив сообщения о наступлении со всех сторон батальонов короля и союзников, кронианцы через некоторое время оставили город.

Похоже, Завион уже в течение какого-то времени привлекал к себе их внимание, поскольку приносил больше пользы, чем кто-либо другой. Говорили, будто он сам заявил, что готов за приличное вознаграждение служить императору. В жилах его течет смешанная кровь, а кроме того, если король ни разу не побеспокоился о нем, почему он должен утруждать себя заботами о короле?

Для этого пятитысячного войска он составил и нанес на карту маршрут продвижения к побережью и вдоль него, по берегу Оксиды. Однажды на пути им даже удалось заметить вдалеке среди океана любимый островок короля, но схватки с неприятелем завязывались редко, поскольку враждебные им уроженцы тех мест и действовавшие заодно с ними чавронцы устремились в глубь суши.

— Море Оксиды окаймляла полоса льда шириной в полмили, — рассказывала Роза. — Стоило им развести там огонь, как тут же появлялась рыба и тюлени. Ели они до отвала. — Более того, часть офицеров сумела покинуть пределы страны в лодках, а те, кому пришлось продвигаться по берегу, последовали совету предателя и нарядились в военную форму противника, которую они выкопали не где-нибудь, а на кладбище возле подвергшейся артиллерийскому обстрелу крепости, куда он привел их, нимало ни о чем не заботясь. — Ну и дерзость! Обитавшие там духи, наверное, подняли вой, но, видите ли, госпожа, если бы их задержали, они могли сказать, что принадлежат к армии короля и им поручено сопровождать пленных кронианцев. Он и языку их обучил. Эти пять тысяч человек владеют тарабарским наречием лучше, чем кто-либо другой.

Никто не сообщил ей о моем происхождении.

Полагаю, они добыли мундиры возле форта Ончарин. Они сохранились в земляных шкафах, чтобы послужить Фенсеру и его хитроумию.

Предатели, и он, и я. Это ничего не значит. Ох, конечно же, ничего.

— Быть может, император наградит его медалью. Вы только подумайте, какое положение он уже занимает. Он сказал, что им придется повысить его в чине, его не устраивает звание майора, а большим король его не удостоил.

Какой-то воображаемый предмет вертелся у меня перед глазами. Красноватый лист бумаги.

Я стала наряжаться в дорогостоящее платье для дневного времени — готовясь предстать перед Воллюс и отправиться с ней в экипаже — и тихонько запела песенку на кронианском.

Роза подхватила ее, застегивая на мне крючки. Мы даже повеселились, распевая про яблоньку.

— Но лоб у вас так прямо и горит, — сказала Роза. — Не надо бы вам ехать.

Пять часов утра, традиционное время: первые лучи света. Воллюс получила из таинственных источников сведения, и они оказались точны.

Встречу назначили в городском парке, который находился позади зимнего дворца, за озером. Среди его лесистых рощ стояла статуя вора-Випарвета, изображавшая бога в облике шакала, одной из его ипостасей, связанной с планетой Ртуть... Поединок состоится поблизости, в саду, расположенном в ложбине.

Пока мы ехали в темноте, я заметила неподалеку от рынков некоторое оживление. Но в основном город еще не проснулся. Какая-то призрачная глазурь обволокла его; затемненные, безглазые строения и реку, похожую на заполненную туманом расселину меж неясно светившихся набережных. Нам не пришлось ее пересекать. Но чей только сон мы не потревожили, проезжая по узким улочкам.

Зимний дворец вздымался такой же серой и бесформенной громадой, как и все прочие

здания; лед на озере давно растаял. Черное на черном — лесистый парк, затем посыпанная гравием дорожка и омытая сиянием росы обсидиановая статуя шакала на фоне восточного края небес, где зарождается заря.

Экипажей прибыло не так уж и много, десять или двенадцать. Похоже, не все оказались в курсе дела; никто не зажигал ни фонарей, ни факелов.

Офицер в форменном плаще учтиво подошел к нам, осведомился, кто приехал, и, услышав имя Воллюс, чуть ли не пал на колени со словами: «Позвольте, я отведу вас на место, с которого вам будет хорошо видно. Меня просили: никакого шума, чтобы дуэлянтам ничто не мешало. Но я понимаю, госпожа, на вашу спутницу можно положиться».

— Тритарк Ликсандор возражает против присутствия зрителей? — спросила Воллюс, когда мы начали пробираться по намокшей траве.

— Ох, да. Он все твердит, что тут не ярмарочный балаган. Нам пришлось всех выгнать из парка. Кое-кто объяснил, что весьма влиятельные люди желают понаблюдать за поединком. Он отступился, но крайне нелюбезно.

— А молодой южанин?

— Завион никому не чинит препятствий. По его словам, только знатоки способны выйти из дому в такое промозглое утро.

На крутом подъеме офицер поддержал Воллюс, а затем взял меня под руку. Я понимала, что вызываю в нем любопытство, но я не только обрядилась в накидку с капюшоном, но и закрыла волосы тюрбаном на восточный манер, а также до самых глаз завесила лицо шелковым шарфом, словно защищаясь от сырости. Его это нимало не обескуражило, и, помогая мне спускаться и подниматься, он шептал: «Любой мужчина утонет в водах таких очей!» Но комплименты пришлось некстати, я была ни жива ни мертва.

Он оставил нас возле стены на просторной террасе среди земляничных деревьев. Место как нельзя лучше подходило для того, чтобы наблюдать, оставаясь незамеченным; возможно, Воллюс заранее кого-то подкупила.

Внизу раскинулся сад, выполненный в технике гризайль, как и все вокруг; мертвенно-бледными пятнами проступали камни, статуи и потрескавшийся фонтан; на лужайке двумя отдельными группами собрались мужчины.

Разгоряченное лицо Ликсандора, прикрытое бородой, казалось черным. Он яростно о чем-то спорил со своими спутниками, ругался и топтал траву на своем краю лужайки.

В другом, дальнем ее конце, в непринужденной позе стояли Вильс и еще двое мужчин, они спокойно разговаривали, будто у входа в библиотеку. Волосы на непокрытой голове Фенсера показались мне в полусвете темнее и, быть может, зауряднее.

По краю сада проносились шорохи, словно из птичьих гнезд. Нет-нет да и промелькнут где-нибудь складки платья, призрачная фигура, ножка в ботинке. А в других местах, не таясь, расположились офицеры в мундирах.

По лестнице спустился какой-то штатский в роскошной одежде, неподалеку зазвонили в колокола: пять часов.

— Время, господа. Вы готовы?

В обеих группах воцарился порядок. Ликсандор выступил вперед.

— Нет, черт побери, я не готов. Неужели ничего нельзя поделать с этой толпой вурдалаков? (Некоторые из вурдалаков разразились грубым хохотом.)

— Да разве может быть что-нибудь приятней? Вообразите, будто мы древние гладиаторы на арене.

Мелодичный голос Фенсера, живая ритмичность его речи поразили меня, я вздрогнула, как от удара, и кровь прокатилась волной по каждой жилке. От росы у меня насквозь промокли ноги. Потом мне показалось, будто тело мое превратилось в гипсовый футляр, а я замурована внутри и, словно пленница, прильнула к окошку.

— Итак, господа, приступим к делу. Вы пришли ко взаимному соглашению. Бой до первой крови? Это послужит удовлетворением вам обоим?

— Нет, — мрачно произнес Ликсандор. — Я удовольствуюсь, лишь когда сотру этого

человека с лица земли.

Третейский судья взглянул на Фенсера.

— Меня вполне устроит бой до первой крови. — Фенсер пожал плечами. — Но я готов отразить и последующие атаки.

— Тритарк, — сказал третейский судья.

— Я же сказал вам. Насмерть.

— Господа, проявите благоразумие. Одному из вас придется уступить.

— Никогда, — сказал Ликсандор.

— Хорошо, — спустя мгновение проговорил Фенсер. — Если ему так угодно, бьемся насмерть. Но если он передумает, я отнесусь к этому с почтением.

— Пошел ты к черту со своим почтением, самонадеянный кусок собачьего дерьма.

Третейский судья прокашлялся. Ликсандор взял себя в руки.

— Простите. Я рассержен.

Третейский судья склонил голову, затем вскинул ее и громко объявил:

— Согласно кодексу императора и законам этого города дело выносится на суд бессмертных. Приступайте, господа.

Каждый отошел на шаг назад. Словно водяные струи, вверх взметнулись клинки. Вставало солнце.

— Теперь, господа, — проговорил третейский судья, и голос его звучал тверже стали, — над вами вершится суд богов.

Он стремительно пошел прочь, будто не смея больше ни разговаривать с ними, ни притрагиваться к ним, поднялся по лестнице на три ступеньки и оттуда вместе со всеми стал следить за ходом поединка.

Нелепость поведения Ликсандора, хитроумие Фенсера — от всего этого не осталось теперь и следа. Они превратились в двух фехтовальщиков, вступивших в смертный бой.

Я наблюдала за их движениями, но не могла уследить за шпагами. Несмотря на все свое обширное образование, я не знала, на что нужно смотреть во время дуэли, и поэтому происходящее приобрело какой-то сверхъестественный характер. Оно казалось мне необъяснимым.

Пели птицы, парк постепенно обретал краски.

Вот побледнели и пропали из виду шпаги, а у меня перед глазами остался отблеск скрещенных клинков.

Иногда среди зрителей, понимающих толк в деле, раздавались одобрительные или сокрушенные возгласы. (Уж не заключили ли они меж собой пари по поводу исхода дуэли?)

На войне люди сражаются иначе...

Они стояли друг друга. Несмотря на всю свою напыщенность, Ликсандор оказался умелым фехтовальщиком. А легкость Фенсера могла ввести в заблуждение. Он предоставил своему противнику вести нападение, тот увлекался, а Фенсер, быстрым движением уклонившись от клинка, всякий раз отбрасывал Ликсандора назад. Все это выглядело чуть ли не привлекательно: легкие прикосновения, обманные маневры, краткие вспышки выпадов — они никак не могли причинить вреда. Вот уже в который раз шпаги скрестились и заскользили вниз, издавая скрежещущий звук трения о наждак.

Они сражались, заложив левую руку за пояс кителя, показывая тем самым, что действуют лишь той, в которой держат шпагу. Это входило в незыблемые правила ведения дуэли. У Фенсера по внешнему краю левой кисти пролегла странная синеватая диагональ, которая казалась то ярче, то бледней — шрам, вскользь замеченный мною, когда он сидел за карточным столом.

Фенсер снова отступает, рука выставлена вперед, шпага плывет в воздухе. Ликсандор преследует его, он так сосредоточен, что весь почернел.

Я вдруг заметила, как заложенная за пояс рука северянина сжалась в кулак. Нечто совсем иное произойдет сейчас. Я снова почувствовала необычный прилив крови, как будто все во мне всколыхнулось, кроме тела, укрывшего меня, словно плотный футляр.

Ликсандор устремился вперед, наклонил голову, будто перед косяком невидимой двери, его шпага метнулась снизу вверх, ударила о клинок противника, и тот со скрежетом поднялся острием к небу. Фенсер отлетел в сторону, словно перышко. Ликсандор нанес удар сплеча. И ничего привлекательного тут уже не было. Послышались странные щелчки: шпага проехала по золоченым ремешкам на кителе Фенсера, но глубже не проникла, и тогда будто молния рассекла воздух...

Наблюдатели разразились криками, и я заметила краем глаза, как третейский судья прилепнул перчаткой, пытаясь унять шум; они затихли.

Фенсер отошел назад и на несколько дюймов опустил острие шпаги.

— Первая кровь, — бесстрастным тоном провозгласил судья.

— Спросите его, — сказал Фенсер, — может, он согласится.

— Согласен... тебе удалось меня клюнуть. Будь ты проклят. Однако продолжим.

Темно-красные самоцветы украсили щеку Ликсандора, над бородой пониже глаза. Лицевая рана, шрам, который останется у него на всю жизнь. Да, теперь ему необходимо прикончить противника. Чтобы, отвечая на расспросы, он смог сказать: «След человека, которого я убил».

Фенсер застыл неподвижно, как статуя, а в следующее мгновение уже понесся в прыжке. Словно крылья ветряной мельницы, замелькали клинки, они как будто бы вращались, и на картину у меня перед глазами ложились штрихи, рассекавшие ее на сине-белые и красные куски...

Ликсандор вскрикнул. Раздался вопль, исполненный отчаянного гнева. Спотыкаясь, чуть не падая, он отошел в сторону. Удар рассек ему китель на левом плече, сверкающая полоса крови пролегла по нему.

Фенсер стоял на месте, глядя, как он шатается, пытаясь устоять на ногах.

Судья выкрикнул:

— Второй укол!

— Спросите его, — вяло бросил Фенсер.

— Нет, — яростно закричал Ликсандор. Он выпрямился, вытер лоб, потом щеку и злобно поглядел на покрасневшую ладонь. — Дешевый балаганщик.

— Хорошо, — сказал Фенсер.

Ошибка. Они не стоили друг друга. Перевес находился на стороне Фенсера. Потребовалось время, чтобы он стал явным. Быть может, исходное нежелание заставляло его медлить вначале, или он выяснял, на что способен противник. Или же нечто присущее его натуре подвигло его на обман, который со временем обернулся вот чем.

Похоже, Ликсандор справился с затруднением. Он устремился вперед, пытаясь нанести Фенсеру удар, — тот уклонился; он нацелился было на прекрасное, чисто выбритое, светложее лицо — в глазах Фенсера промелькнуло что-то холодное и жестокое. Лицо дрогнуло и скрылось, как мираж. На его место явилась шпага, она безжалостно обрушилась на лоб Ликсандора — жуткий кровавый цветок распустился на нем, — на левое бедро...

Ликсандор зарычал, изрыгая проклятья. Это звучало ужасно, и всем, кто его слышал, стало стыдно оттого, что он так осрамился.

Фенсер снова отошел назад, дыхание его слегка участилось, только и всего.

— Третий и четвертый укол, северянин. Я полагаю, этого достаточно. Ты начинаешь мне надоедать.

Никто не проронил ни слова. Жестокое надругательство, которому подвергся Ликсандор; уничижительное отношение близкого к победе фехтовальщика, втоптавшего противника в грязь, привели в смущение зрителей, расположившихся вдоль края террасы.

Ликсандор собрался с силами. Медленно стекавшая кровь прочертила по его лицу полосы, нелепая боевая раскраска, как у древних варваров, появилась на нем.

— Я... сказал... насмерть.

— Насмерть. Вам хочется, чтобы я вас убил?

— Уртка! Уртка! — пронзительно завопил Ликсандор. Он снова бросился в атаку, и

Фенсер двинулся навстречу ему. Темп изменился, это поняла даже я.

Клинки столкнулись и зазвенели в вышине, на фоне неба; лязгнули, уперлись друг в друга, опустились и разошлись, качнувшись; взметнулись вверх и, бряцая, скрестились снова. Внезапно дуэлянты сплелись воедино и, словно чудовищная машина, стали продвигаться под уклон по лужайке, сначала вплотную к пересохшему фонтану, затем к подножию вала, на котором росли земляничные деревья, и вот они прямо подо мной, меж нами не более десяти футов.

— Очи мрака, — прошептала Воллюс. Я позабыла про нее.

Я слышала, как пыхтит Ликсандор — будто надрывающаяся под тяжестью ломовая лошадь. Ему никак не удавалось попасть в цель, и он начал поскуливать. Заслышав эти звуки, я похолодела.

Лицо Фенсера стало суровым, почти совершенная чистота проступила в его чертах. Из глаз исчезло выражение жестокости. По сравнению с кроваво-красным лицом противника, оно казалось совсем белым.

Внезапно северянин во весь рост растянулся на земле. Я не заметила, что послужило тому причиной — повторное движение клинка, корни деревьев или неровная земля. Он выронил шпагу. Она неподвижно застыла среди зеленых трав, а Фенсер склонился над Ликсандором и упер ему в грудь острие своей шпаги.

Ликсандора подергивало от изнеможения и отчаяния, его отрывистые хриплые всхлипывания звучали омерзительно.

Некоторое время Фенсер стоял, не двигаясь. Затем пошевелился, словно желая отвести шпагу.

— Сделай это, — сдавленным голосом проговорил Ликсандор.

— Что?

— Сделай же это, грязный ублюдок. Прикончи меня.

— Нет.

Всхлипывания Ликсандора зазвучали еще громче. Я испугалась за него; мне стало страшно, что их услышат все.

— Кончай... кончай с этим... Или я снова примусь за тебя.

— А я снова отобьюсь, — сказал Фенсер.

— Убей меня.

— Полагаю, тритарк, раз вы настаиваете, так мне и следует поступить. Но вы еще не все поняли. Будучи подлым ублюдком-южанином, я вовсе не намерен действовать в рамках правил.

Широко раскрытые глаза Ликсандора, залитые потом, водой и кровью, шевельнулись, отражая склоненное над ними лицо, его черты и выражение, скрытые от меня, поскольку я смотрела сверху.

— Стоит мне пронзить вас... здесь. Знаете, что тогда случится? — Этот напевный мелодичный голос вызывал тупую боль и тошноту. Мне изо всех сил хотелось, чтобы он замолк. — Я несколько раз наблюдал, как умирают люди от подобной раны. А вы? Понимаю, вы тоже видели. Или вот здесь. Тут печень. (Знает ли он, что наверху находятся люди, которым все слышно, которые следят за выражением лица Ликсандора?)

— Убей меня, — повторил Ликсандор. Голос его звучал уже совсем слабо.

— И разумеется, — произнес мелодичный голос, — остаются еще вопросы теологии. Вы верите в бессмертие души?

Ликсандор тяжело дышал, каждый вдох застревал у него в горле. Он закрыл глаза.

— Ибо, — очень мягко проговорил Фенсер, — возможно, боги существуют, и, может быть, вас ожидает наказание. Мучения в расплату за грехи. Или вы считаете, что там ничего нет? И когда вы наконец умрете, когда перестанете блевать и харкать собственной кровью, когда захлебнетесь ею, вы полагаете, крышка черной пустоты хлопнется с глухим стуком и вы навеки погрузитесь в небытие? Как знать? Конечно, каждому из нас придется узнать ответ. Хотите ли вы, тритарк, выяснить это в ближайшие пять минут? Обдумайте мой

вопрос. И пожалуйста, решите наверняка.

Ликсандор заплакал. Из глаз его полились слезы. Я не могла дышать. Мне тоже очень хотелось умереть.

— Итак, — проговорил Фенсер, — вы решили? — Он поднял шпагу, готовясь нанести удар.

Распростертый на земле человек не торопился с ответом, будто знал, что срочности нет, что занесенная над ним шпага — лишь жест. Он сказал:

— Нет.

Фенсер тут же выпрямился и вложил испачканный в крови клинок в ножны. Он повернулся и пошел через лужайку.

— Тритарк Ликсандор любезно освободил меня от необходимости убивать его. Я получил удовлетворение. Надеюсь, как и все мы.

Он подошел к судье, и они пожали друг другу руки. На лужайке появился Вильс и его спутники, они с шумом обступили победителя. Со стены прыгнули несколько офицеров в форме и среди них врач в сером плаще. Отвесив Фенсеру короткий поклон, они направились к Ликсандору, по-прежнему лежавшему в траве.

— А вы уже насмотрелись? — проговорила стоявшая рядом со мной женщина. — Тогда пойдемте. Спустимся к экипажу.

Карета моей покровительницы стояла в березовой роще, отдельно от других.

Кучер помог нам забраться в нее, и я, дрожа, забила в угол.

Я думала, мы тут же уедем, но Воллюс выглянула в окно и велела кучеру подождать. Ее окликнул спускавшийся по склону Вильс.

Он подошел к экипажу и загородил собой окошко, с полминуты он рассыпался в приветствиях, сияя улыбкой.

— Так вы были здесь, госпожа, — мне следовало догадаться. Какого вы мнения о нашем герое?

Воллюс не ответила.

Из-за спины Вильса донесся голос Фенсера:

— Мне кажется, она считает, и совершенно справедливо, что никакого геройства он не проявил.

— Но я имел в виду тебя...

Вильс подвинулся, чтобы Фенсер смог заглянуть в окошко вместе с ним.

— Я тоже имел в виду себя.

Тень березы стеной отгородила мой угол. Она служила мне завесой и щитом, как и одежда, как вздернутая к самым глазам шелковая пелена. Я смотрела сквозь прорезь в шелку, сквозь тень березы. Никогда еще не был он так близко. Его лицо все еще бледное, почти без кровинки. Свет солнца, проникавший сквозь листву, зеленоватым отблеском ложился ему на волосы.

— Мне кажется, госпожа Воллюс, — проговорил он, глядя ей в глаза, — вы стояли совсем близко, там, где, по моим предположениям, не могло быть никого.

— Как знать, — сказала она.

— Что ж, если так случилось, приношу свои извинения. Но в ходе этой войны мне слишком часто приходилось убивать людей. И предстоит еще немало.

— Я не берусь никого судить, — сказала Воллюс. — Все, что произошло — ваше дело.

— Да, к сожалению. Что ж, доброго вам утра, мадам. Надеюсь, остальную часть дня вы проведете с большей приятностью для себя.

Он повернулся, собираясь уходить, и взгляд его переместился с ее глаз на мои.

Он замешкался, что-то промелькнуло в его взоре, по его лицу: свет, выражение, бледность, нечто — быть может, оно лишь отразило движение качнувшихся деревьев. А взметнувшаяся во мне огромная, раскаленная докрасна волна бессильно обрушилась, когда он еще раз вежливо поклонился и ушел.

Не знаю, заметила ли Воллюс, в какое я пришла состояние. Описать поездку словами невозможно. И яркий свет, и темнота, и всякий шум как бы пронизывали меня насквозь, и я начинала стучать зубами от потрясения. Когда мы подъехали к дому, я уже с трудом понимала, как мне выйти из экипажа, как подняться по лестнице.

Мы вошли в вестибюль, убранство которого дополнял крошечный домашний божок. Вероятно, я упала. Я поняла, что лежу на ковре, и услышала, как она говорит: «Вот дурочка маленькая, теперь все мои труды насмарку...»

Но когда я очнулась уже у себя в постели, она вовсе не злилась на меня. Нет, она отнеслась ко мне по-доброму. Она сказала, что сама во всем виновата, что ей не следовало позволять мне присутствовать при столь драматических событиях, ведь мне недавно пришлось соприкоснуться с такими зверствами. Она понимала, что я взвинчена донельзя и в любой момент могу сорваться. (О нем она не упомянула ни разу.)

— Спи, — сказала она. — Вот горячий травяной отвар, попей. — Завтра придет доктор и еще алхимик, очень умный человек, он лечит всех ее девушек. Они помогут мне поправиться, либо тот, либо другой.

Я боролась. Я сопротивлялась и сражалась. С наползающими горами, с небесами, которые рушились на меня. Я ничего не видела. Они поили меня и помогали отправлять естественные потребности. И при этом невыносимая боль. Дайте мне умереть. Как прекрасно, как драгоценно забытие. Черная крышка. О да.

Она меня ненавидит. И все они тоже. У меня нет друзей, никто меня не любит.

С чего бы им меня любить. Они ничего для меня не значат. У меня никого нет. Мама моя умерла, и папа тоже. И вот, меня, словно ракушку, выбросило на пустынный берег, и я чувствую, что рядом море, ведь, по их словам, это оно так поет.

А вот яблонька, ее огромные ветви простерлись во все небо, но среди плодов висят отрубленные головы и золотые канделябры.

Драхрис склонился надо мной.

— Ах ты, сука, — сказал он, — зачем же ты меня убила, ведь я дарил тебе наслаждение?

— Ты не дарил.

— Дарил. А что же ты, по-твоему, чувствовала? Почему ты не подождала?

— Это был огонь... ты прожег бы меня насквозь..

— Лживая шлюха. То был огонь страсти.

Лицо у него белое, как у мертвеца, смерть заморозила его.

Мельм отпихнул его плечом, и надо мной склонился Кир Гурц.

— Ара, — сказал он, — где браслет, что я подарил тебе?

— Мама! — пронзительно закричала я вслух. И сквозь колючую изгородь теней ко мне потянулась Роза, она хотела обнять меня. Но тени утащили меня вглубь, и Роза пропала.

Я тонула во мраке, под многомильной толщей запредельно черной тьмы, и вдруг мне стало прохладно, и боль оставила меня, только зрение не вернулось, а в ушах по-прежнему звучала песня моря. Там, на дне ночи, я притронулась к... кому-то.

Кто же это? Не мама, которую я любила. Это не мой красивый папа, даже не Илайива, умирающая в ледяном отчаянии. Нет, это ни один из них. Но соприкосновение столь глубокое и утешительное.

Столь утешительное, столь прекрасное, пусть же останется со мной это священное необъяснимое мгновение...

Но я проснулась.

Жар спал. Теперь мне нужно лишь поправиться. Когда я плакала во сне, который позабылся, они обтирали меня душистыми тряпочками и поили лекарствами, чтобы облегчить боль.

И лишь через несколько дней я поняла, что у меня начисто пропала всякая тяга к

сладкому.

Когда я наконец смогла выйти и посидеть в саду, оказалось, что там давно уже буйно цветут розы. Стояло лето.

— Ты — чудо, — сказала она. — Твоя красота осталась при тебе. Что ж. Мы можем воспользоваться этим для дела.

Роза принесла мне розу. Она была очень нежна со мной. Я решила, что вся ее доброта — показная, но все равно почувствовала признательность.

Я спросила ее, но сначала она ни в какую не соглашалась рассказать мне. А потом поведала, что произошло с Ликсандором за те два месяца, которые я проболела.

Он не мог подать в отставку, потому что идет война. Ну вот, а потом друзья остановили его. Он как раз собирался принять яд. Все говорят об этом. Он опозорен. Ну, а потом у него стало плохо со здоровьем, и его услали домой, в провинцию. «Уж лучше бы, — добавила она, — его убили на дуэли, и тем бы все и кончилось».

Южанин теперь за много миль отсюда, в столице; он уехал туда несколько недель назад. Хотя пересуды о дуэли ходят до сих пор, имя Фенсера стараются не упоминать, а на долю Ликсандора приходится саркастические недомолвки.

Однажды утром Роза сказала мне:

— Может, возьмете меня с собой, когда станете хозяйкой поместья Гурц?

И тут я посмотрела на Розу, впервые посмотрела по-настоящему.

— Мадам пообещала отпустить меня. Чтобы я ухаживала за вашими волосами. Я живу с ней с тех пор, как мне исполнилось восемь лет. Она сказала, что подарит мне букет... (Под этим выражением подразумевается прощальный денежный дар.)

Воллюс хочет иметь собственного агента в моем будущем доме?

Но на лице у Розы такое горячее желание; Роза, румяные щеки, темные завитки волос. Она старше меня или моложе?

— Сколько тебе сейчас лет, Роза?

— Почти пятнадцать, госпожа. Как и вам.

— Почему ты хочешь уехать со мной?

— О госпожа, там так красиво — все говорят. Мне не очень-то нравится в городе. Я родилась в провинции. Я самая настоящая деревенская девушка. Знаете, я умею доить коров. И замечательно ухаживаю за курами.

— Роза, а ты будешь красить им перья в белый цвет и намазывать ресницы?

Она оторопела, а потом расхохоталась.

— Ох, — сказала она, — что вы за человек. А ведь всего пару недель назад мы думали, вам не выжить. — Тут она покраснела и сказала: — Только мне нельзя вам рассказывать про то, как они решили, что вы умрете.

— Мне хотелось умереть. Не знаю... Не понимаю, почему я не умерла.

— Слишком многое еще предстоит вам совершить, открыть и увидеть, — сказала она. — При всей своей суматошности этот старый мир так красив.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Небо полыхнуло утренней желтой жарой, запахло пылью, благовониями, гвоздикой, потрохами, рыбой и застоявшейся речной водой; фасады белых зданий и граненое стекло вод открыли ответный огонь, чрезвычайно похожий на резкий порыв ветра, — я заслонила глаза рукой.

Вальяжный адвокат и Роза помогли мне удержаться на ногах.

Не успел нанятый нами роскошный экипаж остановиться на бульваре напротив мэрии Крейза, как тут же кругом стали оборачиваться прохожие, желая поглазеть на него.

Мое появление — на мне утреннее платье пунцового цвета с золотыми застёжками, а в ушах (алхимик порекомендовал проколоть их, чтобы ускорить ход выздоровления) аметистовые серьги-слезки — мертвенная бледность моего лица и хлопоты Розы отнюдь не способствовали ослаблению интереса.

— Посторонитесь, пожалуйста, позвольте даме пройти, — твердо сказал молодой адвокат.

Мне запомнился невероятный холод, царивший внутри этого здания, но теперь оно встретило нас чудесной прохладой. Караульный явился немедленно. Нас провели в переднюю с лепными украшениями на втором этаже, там сидел только пожилой писец, строчивший что-то в своем грессбухе.

Я оперлась на Розу, а мой адвокат проговорил:

— Как видите, даме нездоровится. И мы не потерпим провололочек.

— Вы назначены на прием? — прохрипел писец.

— Вам следовало непременно позаботиться об этом. Мой секретарь обращался к вашим начальникам два дня назад.

— Два дня? Раньше, чем через две недели никого не принимают.

— Голубчик мой, — с пафосом произнес адвокат, и его хорошо поставленный, как у актера, голос заполнил помещение и забился о стены и окна, — эта дама — вдова воителя и принца из нашего города. Ее заставили прождать три месяца. А теперь ее примут не позднее, чем через три минуты.

Хотя писец, словно дриада, явно сросся с деревянным столом, он тут же встал и бесшумно удалился.

Разумеется, не прошло и получаса, как нас приняли.

Мне не было нужды сочинять какие-либо фразы. Я сидела в кресле, прикрыв глаза обтянутой перчаткой рукой, на которой поблескивал массивный золотой браслет.

— Позаботьтесь о том, чтобы его непременно заметили. Когда-то он принадлежал королеве, — наказала Воллюс, вручая его мне. — И не смотрите ни на кого из них, разве что изредка бросьте взгляд. А затем переведите его — глаза большие и полны света, устремлены вдаль... вот так. Да, именно. У вас от природы такой взгляд, он годится для дела и в то же время опасен.

Мой адвокат сообщил чиновнику о том, что супруг мой скончался во время изменнического отступления с юга. Его попытки уговорить генерала Дланта отказаться от безумных предательских намерений ни к чему не привели. Сердце его не выдержано, и он умер. Я — южанка, но связана родством с семействами Севера, и у меня имеются здесь друзья, например госпожа Воллюс (чиновник повел бровями). Я покинула родину, последовав за супругом, доверясь его покровительству. После кончины мужа мне довелось перенести жесточайшие испытания; человек, потрудившийся узнать хоть что-нибудь о последних днях отступления, может представить себе, какие именно. Добравшись наконец до родной провинции и города своего покойного супруга, принца Гурца, я обнаружила, что ко мне относятся как к бродяжке. Несправедливое унижение послужило последним ударом для моего пошатнувшегося здоровья. Болезнь свалила меня с ног, и доктора почти уже было потеряли всякую надежду.

— Я намерен предать гласности гнусную историю о проявленной некомпетентности и недоброжелательстве в ходе открытого заседания, а если понадобится, я доведу ее до сведения самого императора.

Несмотря на молодые годы, адвокат пользовался широкой известностью и внушал немалый страх. Воллюс выбрала его умышленно. Сомнительно, чтобы громогласные обвинения смогли достигнуть императорского слуха, а вот их влияние на общественное мнение, неблагоприятное для судебных, — дело совсем иное.

Чиновник возразил, что нам не следует торопить события.

— Три с лишним месяца — подобный срок, сэр, свидетельствует об отсутствии поспешности как с нашей стороны, так и со стороны судейства, представителем которого,

насколько я понимаю, являетесь вы.

— Совершенно верно. Скажите, однако, мадам, что вы хотели получить по иску?

Я посмотрела вдаль — глаза большие и полны света — и почувствовала, какое воздействие оказал мой взгляд на чиновника.

— Всего лишь права, — тихо и четко проговорила я, — положенные мне как оставшейся без кормильца вдове.

Мои слова пришлись адвокату по душе, он погладил меня по плечу, обтянутому богатыми шелками.

— Госпожа Аара просит о законном гражданстве, а помимо этого о предоставлении ей права собственности на поместье Гурц.

— В котором до известной степени заинтересована корона.

Адвокат выпрямился, лицо его выразило оскорбленное изумление.

— Неужто мне следует полагать, что судейство Крейза, желая обустроить собственное гнездышко, готово лишить хрупкую юную даму наследства, завещанного ей любящим супругом на смертном одре? Разумеется, я ни за что не поверю, будто подобные заявления могут исходить от императора.

Чиновник облизал губы, а потом перо.

— Если госпожа составит заявление...

— Оно при мне, — сказал адвокат, — а также свидетельство о браке и прочие необходимые документы.

Чиновник бросил быстрый взгляд в надежде, что я снова посмотрю на него, но я склонила голову и оперлась на руку, поблескивая золотым браслетом.

Он извинился, встал и вышел.

— Мы повергли его в трепет, — сказал мне адвокат. — Вот увидите, он вернется с каким-нибудь приятным известием.

И правда, он возвратился лишь с тем, чтобы препроводить нас в кабинет повыше рангом и с большим количеством мрамора, где мое заявление зачитали вслух перед господами мощного телосложения, перещеголявшими меня по количеству драгоценностей в наряде. Они задали мне ряд вопросов, на которые ответил адвокат, поглядели на браслет, на имя Воллюс в списке моих покровителей и сказали, что весть о несправедливом обращении со мной весьма их встревожила, что проявленная мной в столь беспокойные времена верность достойна всяческого уважения, что Гурц был отменный ученый и патриот, что через три дня я могу зайти снова.

— Нам придется еще раз повторить всю процедуру? — спросила я адвоката.

— Отнюдь. Через три дня вы получите гражданство. А на протяжении недели и поместье.

— Все так просто?

— Это редкое исключение. Но у вас прекрасные друзья, госпожа Аара. Впрочем, пожалуй, мне пора привыкать величать вас по-новому. Необходимо, чтобы император присвоил вам титул, но это всего лишь формальность. Старик каждый месяц подписывает штук по двадцать таких любовных записок, в наказание за расширение границ империи. Награды и взыскания. Я и сам принц. Быть может, вы позволите мне нанести вам визит в поместье, принцесса Аара?

2

Сколько же времени прошло с тех пор, как я стала северянкой? Ах, это случилось задолго до того дня, когда мне вручили скрепленный печатью свиток с гербом Сазрата и Кронии. Мне кажется, это произошло в тот день, среди снегов, когда стоявший в дверях домика чавриец сказал: «Гляди-ка, тут есть даже юбчонка, нам на радость». И мне показалось, будто он говорит по-крониански, но все было иначе. Он говорил на языке моего родного города, моего детства, поэтому я и поняла его. А затем, словно яблоньку, я все

перекрутила, словно яблоньку, флюгер, предатель, я не пожелала знать. Мельм пронзил его мечом. Я стояла с метлой наготове. Мы отбились от них. По-моему, именно в тот день я отреклась от старых привязанностей, если и не приобрела кронианского гражданства...

... А Фенсер, в какой день?

Это просто.

День, вечер, когда приказ о вынесении смертного приговора и о его отсрочке доставили обратно в Сектор Пантеон.

Я сделала его тем, что он являет собой теперь. Мое перо, вычеркнувшее его имя из списка приговоренных к смерти: «Заметьте, по размышлении имена некоторых людей оказались вычеркнуты, поскольку они имеют потенциальную возможность содействовать осуществлению замыслов императора».

Вражеский приспешник.

Он ожидал казни — веревка, черная крышка, небытие или наказание богов, о которых он говорил. Да, он уже вел эту дискуссию с самим собой, ведь в той дыре, куда они его упрятали, времени для этого нашлось предостаточно, чего не случалось прежде среди безумств на поле боя. И вот дверь открывается, камеру заливают свет луны, свет дня или только свет факелов, с которыми явилась стража, и он поднимается на ноги, думая, что вот и пришел конец веревочке, и ответ на вопросы, которые он задавал себе, откроется ему, когда петля сожмет горло, а если повезет, когда переломится позвоночник. Но нет, они ведут его в другое место. Он станет им другом. Ведь он обладает знаниями, которые им пригодятся, и готов поделиться.

В полном ошеломлении он решает сначала, что его приняли за другого человека, и думает, что ошибка внезапно обнаружится и его все же поволокут во двор, где, словно голодный язык, по-прежнему болтается веревка.

Проходят дни. И ночи. Смерть, подобно отдаленным раскатам грома, становится все более расплывчатой.

Затем от него начинают требовать услуг. Никто не заметил ошибки. Он волен притвориться тем, за кого его принимают, а может, и отказаться от всего, и от жизни тоже; он выбирает жизнь. Он ведет рискованную игру, что-то сочиняет, отчаянно блефует. И боги, есть они или нет, способствуют ему.

Только ведь он — творение моих рук, этот человек в черном, южанин, которому то и дело приходится вызывать обидчиков на дуэль, чтобы роняющие слюну псы не вцепились ему в пятки. Вычеркнув имя Фенсера Завиона из списка смертников, я переписала его заново, иными чернилами, на том, что превосходит прочностью красную бумагу.

— Цветы, — сказала Воллюс, — и стакан вина. На решетке запекают рыбку, которая тебе по вкусу. Нет, так дело не пойдет. Неужели тебе опять плохо?

Я превратила его в другого человека, а она сотворила меня, собирая клочок к клочку. И помимо звонкой монеты, которая поступит ей в уплату, она рассчитывает получить что-то еще. За мной долг, от которого нельзя отrekаться.

— Нет, Воллюс.

И я тоже, я выбрала жизнь.

Мой пятнадцатый день рождения отмечали в доме Воллюс. По-моему, она не смогла бы проявить большей щедрости даже по отношению к дочери и, вероятно, не стала бы ради нее так тратиться.

Двери салона распахнулись. В полночь они подняли тост за мое здоровье, а в три часа утра выпили за меня еще раз. Я еще не получила «любовной записки» от императора, но, обращая ко мне, все величали меня принцессой Аарой. Мне уже продемонстрировали документы, ключи и описания владений. Звон в кошельке оказался весьма мелодичным.

Мельм тоже посетил меня в день рождения, он принес маленький гладкий камешек — с моих поместных земель. Традиционный символический дар наследнику. Воллюс сочла его поступок вполне уместным. Она позволила нам встретиться в гостиной с деревьями на обоях. Исполненный почтения Мельм произнес лишь пару слов и не задерживался дольше,

чем пристало слуге. Воллюс одобрила поведение Мельма. А я за прошедшее время успела позабыть, до чего он похож лицом на крысу, как глубоко он предан Гурцу и сколько хорошего он сделал для меня.

И вот, оставив позади розы и вина; мужчин, ухаживавших за мной с пылкой почтительностью; искавших моей дружбы дам и присланные незнакомыми людьми подарки на день рождения — иной раз чрезвычайно смелые («Кто это подарил вам подвязки?» — взвизгнула Роза), я спустилась по золотисто-каштановой осенней лестнице, и мне показалось, будто волосы мои всколыхнул легкий ветерок, будто мои ноги, обутые в модные сандалии, ступают по тонкому настилу бытия, под которым бушует море. Но меня не пугало ничто. Ни предстоящий путь, ни оставшаяся за спиной тень. Ни долг перед Воллюс. Ни бледная женщина со светлыми волосами, что смотрела на меня из зеркала, протянув вперед руки, на которые вот-вот наденут золотые браслеты. Мне просто стало грустно. Печаль навалилась на меня, сжала сердце. По сравнению с ней все прочее казалось менее значительным.

Она не отвергает красоты, она может слушать песни и смеяться, она сумела забраться вместе со взбудораженной Розой в экипаж и, когда он тронулся в путь, оглянуться и посмотреть, как сворачивается и откатывается вдаль город, и потому ей удалось вздохнуть и улыбнуться.

— Значит, вы все-таки любили его, — по прошествии нескольких дней скажет Роза, — своего мужа. Я поняла это, когда мы уезжали.

Жалкая память, жалкий муж. Я вовсе не думала о нем.

Часть четвертая Раскрашенный дом

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Все те же северные леса стоят всего в нескольких милях от Крейз Хольна. Только по-летнему теплой осенью они выглядели совсем иначе, чем зимние пейзажи, которые я видела прежде.

Черноватую зелень сосен пронизывал солнечный свет, горевший до семи часов, не угасая; потом по дорожкам начинали крадучись пробираться сумерки, словно горстка безмолвных монашек. Во владения сосен вторгалось множество других деревьев. Вечнозеленые дубы, янтарно-желтые дубы, хвойные растения и дикие лимоны. На прогалинах, словно факелы, пылали красные ягоды рододендронов.

Мы решили ехать днем и ночью, останавливаясь только на обед и на завтрак в украшенных балкончиками тавернах. Поэтому уже в первой половине второго дня пути экипаж свернул с большака и покатил по широкой проселочной дороге меж деревьев. Еще несколько минут, и лесов не стало, будто кто-то раздвинул занавески.

— О мадам, поглядите! — воскликнула Роза.

Повинуясь распоряжению, кучер остановил экипаж. Мы вышли из него и взобрались на земляной вал, чтоб оглядеться.

Дорога, а вместе с нею и леса, спускалась в долину, а дальше — будто океан раздался надвое, и деревья бесследно смело прочь. Проступившая земля зелена, лишь кое-где виднеются ворсинки темно-желтой шкуры наступившего времени года. Вот пылает ольха возле вспененных вод у плотины. А вот птица раскинула широкие крылья от одного края пуши до другого. Вклинившаяся меж лесов долина с возвышающимися кое-где скалами и деревьями уходила в бесконечность.

— Принцесса видит место, где проходит граница ее владений. Отсюда и далее поля и леса принадлежат семейству Гурцев, — проговорил сидевший на облучке кучер.

— Прямо отсюда? — несколько наивно спросила принцесса.

— Вон там стоит вежа.

Многовековое дерево у дороги, на нем — щит сердцевидной формы, старое древко, поросшее похожими на бороду мхами, обвила гирлянда из цветов, ветры и дожди начисто слизали всю краску. Эту эмблему я видела на документах и ключах. Она моя.

Мы вернулись в экипаж. Роза сияла, как невеста.

Спустившись, мы выехали на центральную дорогу поместья, изумрудную, как волчий глаз.

Через некоторое время дорога закончилась у каменного моста, и по нему мы перебрались через пенистые воды запруды. На другом берегу начиналась мощеная дорога. Возле нее стояло святилище Випарвета. На алтаре — высохшая косица из пшеничных колосьев да медовые соты, которыми уже в полной мере насладились птицы. На севере урожай поспевает позднее, но долгое жаркое лето, подобное хмельному настою, ускорило созревание, и страдная пора уже почти миновала. Дорога увлекала нас вперед, и по сторонам среди зеленовато-золотистого, подсвеченного солнцем позднего расцвета жнивья и листвы возникали то поля, то фруктовые сады. Кое-где еще стояли кучками высокие корзины, переполненные желтыми яблоками, палевой айвой, полуночным терносливом и сливами. Лес путешествовал вместе с нами, продвигаясь по кромке неба, но затем его оттеснили виноградники и плантации кустов, с которых собирают травяной чай. Еще нет-нет да и блеснет металлом серп или нож в руках работника. А вдаль, по дорожкам катятся запряженные ослами и волами телеги с горами снеди. А за пределами видимости раскинулись сады, откуда уже вывезли малину и смородину всех сортов, чтобы перетолочь ее и приготовить джемы; теплицы с абрикосами и хурмой, и на землю, отведенную под ореховые деревья, скоро посыплются дождем грецкие орехи и фундук. Я едва-едва успела ознакомиться с описаниями поместья. И вот — подтверждение рассказов о полноте и излишках. Сквозь распахнутые окошки просачивался пьянящий аромат всего, что люди собрали, такого ароматного, и того всего, чем можно завладеть, чтобы кусать, есть, пить. Я была потрясена. И это тоже мое.

Спустя час лесам прискучило изобилие, и они вновь подступили к дороге, соскользнув почти вплотную к ней, словно прохладная дикая тень, исполненная безразличия и праздности, приносящая плоды по случаю и лишь для себя самой. На верхушки деревьев легла непроницаемая кровля дня, и под ней все вокруг: дорога, камни и человеческая плоть — утратили свои цвета и облеклись в яркую трепетную белизну.

Вскоре кучер снова остановил экипаж и крикнул, мол, если принцесса желает посмотреть на дом, вот место, откуда его видно лучше всего.

Долина сужалась, склон стал пологим. Я увидела озеро, еще один лист слепящей — дневной белизны. Над ним вздымалось странное, похожее на кирпич здание, высотой примерно в два этажа, с четырьмя квадратными башнями по углам. Мне бросилась в глаза лишь его невероятная приземистость, а стоявшая рядом со мной Роза вздохнула, будто ее постигло разочарование.

Экипаж повез нас дальше, дорога изогнулась, и ее вновь обступили деревья, огромные сосны с рыжими стволами, а прямо в воздухе среди верхних ярусов леса то и дело возникали синие, чуть ли не светящиеся тени нимф и фей.

— Видите дым, мадам? — спросила Роза — она давала мне краткие наставления о том, как устроена жизнь в сельской местности. — Это, должно быть, угольщики.

Дорога снова выскользнула из леса и протянулась по краю озера. Прозрачные воды оторочены прибрежными деревьями и окрашены их отражениями под полосатый агат. Водоплавающим птицам здесь приволье, но лебедей нет. Белокрылые перелетные стаи появятся лишь зимой. Кир Гурц рассказывал мне об этом.

Теперь я смотрела на дом сбоку, и он показался мне привлекательней, но вскоре

дорога, что вела к нему, повернула, и он снова стал похож на трутницу.

Затем мне удалось разглядеть, что его розовато-коричневая окраска являет собой не что иное, как совокупность множества разноцветных полос, протянувшихся вдоль стен, словно оставленные приливом следы. По всей длине фасада — веранда, выходящая за его пределы, теряясь среди берез. Конические верхушки башен выложены терракотовой черепицей, а сам двухэтажный дом покрывает совершенно плоская крыша.

Пониже уровня, на котором находился фасад здания, дорога поворачивала к восточной башне и возле черного флигеля заканчивалась.

Лестница вела на веранду с крашеными резными колоннами из дерева. Створки белых, величественно безыскусных дверей распахнуты настежь.

Наш экипаж остановился.

— Неужели, — тоном глубокого возмущения проговорила Роза, — никто не подойдет, чтобы придержать дверцу кареты?

До сих пор подобные вопросы ее не занимали.

— Не беспокойся на сей счет, — сказала я и, открыв дверцу, вышла из него таким же образом, как и прежде. И вдруг почувствовала, насколько огромен этот дом. Я застыла на дороге в нерешительности, а здание как бы нависло надо мной, и его башни склонились, чтобы поглядеть на меня с вышины. Затем из широких дверей выпорхнула очень опрятная девочка лет девяти. Улыбаясь, она промчалась по веранде, вниз по лестнице и подбежала ко мне, протягивая букет, собравший в себе чуть ли не все разновидности росших в имении цветов: оранжевые лилии, пламенеющие розы, васильки, ромашки, осенние лотосы и гиацинты; я приняла этот рог изобилия. Девочка удалилась, улыбаясь и приплясывая на ходу. И тут моим глазам открылась целая процессия: все обитатели дома — множество народу — выстроились цепочкой, которую завершала невысокая морщинистая женщина в черно-фиолетовом платье, я приняла ее за экономку.

Одетый в великолепную ливрею Мельм, внезапно показавшийся мне старейшим и единственным другом, сошел вниз по лестнице.

— Принцесса.

Я не знала, что и сказать.

— Благодарю вас, — пролепетала я.

— Такова традиция семейства Гурцев. К хозяйке поместья обращаются с приветствиями, когда она по собственной воле ступит на его землю.

— Что это за флигель? — спросила я, волнуясь: церемонии и цветочные гирлянды тяготили меня, и я опасалась, что их обнаружится еще немало.

— Черного мрамора? Гробница патриарха этого семейства.

Он повел меня вверх по лестнице. Роза следовала за мной по пятам. Слуги согнулись в поклоне, выставив вперед руки ладонями вверх. Я с тревогой подумала: уж не должна ли я дать им что-нибудь. Но Мельм не давал мне никаких указаний и ни на кого не обращал внимания. После некоторых колебаний я последовала его примеру.

Мы подошли к дверям. У нас на дороге стояла крохотная пожилая женщина.

— Принцесса, — проговорил Мельм. — Теперь я хотел бы представить вам человека, вверенного вашему иждивению. — Этих слов оказалось достаточно, чтобы ввергнуть меня в изумление. Но он продолжал: — Это госпожа, бабушка моего господина.

Я замялась, ничего путного не пришло мне на ум, а старушка — женщина оказалась очень старой — поклонилась, как и слуги, только не подняла рук ладонями вверх.

— Обращаясь к этой даме, говорят «госпожа», — сообщил мне Мельм. — Не позволит ли мне госпожа рассказать жене моего господина, сколько госпоже лет?

Она подняла глаза, и по ее старому лицу, будто по воде, кругами побежала рябь: ей стало забавно. Она прищелкнула языком и совершенно четко произнесла:

— Расскажи.

— Госпоже пошел сто шестой год, — сказал Мельм.

— Господи помилуй! — воскликнула Роза.

Вероятно, эти слова следовало произнести мне.

Бабушка Гурца, госпожа, пристально поглядела на меня — затуманенный грозный взгляд старого человека.

— Ха! — торжествующе бросила она, выражая одобрение. И по-старчески причмокнула ввалившимися губами.

Я не зря опасалась, что на меня обрушится лавина церемоний. Посреди просторного зала меня усадили в кресло, явились две служанки и смыли мне руки водой из серебряного тазика. В честь приезда мне поднесли чашу прекрасного мягкого белого вина — не знаменитого топаза, а марочного вина из яблок, изготовленного в поместье. Мне также подали кусок пряного хлеба, чтобы я его отведала. Отважная Роза не отходила от меня ни на шаг, пока я совершала подвиг за подвигом на глазах у всего народа (более сорока человек) и двух черных волко-собак, вожakov своры; хотя в конюшне поместья осталась всего дюжина лошадей, для охраны имения и для охоты по-прежнему держали две своры псов.

Наверху зал опоясывала увешанная щитами галерея, а резные балки под невероятно высоким потолком украшала безумная роспись: ветви груш и вишен, лесные боги, кувшины для разлива и прочие неясные изображения. Но я не смела подолгу задерживаться взглядом на верхнем ярусе, ведь мне следовало сосредоточиться на нижнем, где находились люди.

Гладко отполированный, похожий на стекло пол был виден мне гораздо лучше, следы множества ног затерли его дотемна. А в центре зала высился мощный белый столб, уходивший в потолок среди резных ветвей и нимф и поднимавшийся, по-видимому, в покои на втором этаже. Как мне сообщили впоследствии, это была большая печь, основной источник волшебного тепла, которое поддерживали в доме всю зиму.

Госпожа ста шести лет от роду сидела в другом кресле и пристально наблюдала за тем, как я совершаю ритуалы, глядя внимательно и благодушно. Понимает ли она, кто я такая, возможно ли это? Известно ли ей хотя бы о смерти внука? Наверное, она уже привыкла совершать жизненный путь, оставляя всех остальных позади. К счастью, мое присутствие вроде бы не задевает ее. Судя по выражению ее лица, она убеждена, что я нахожусь здесь по праву.

У меня разболелась голова, мне хотелось убежать. Вопреки всем ожиданиям, мне позволили это сделать. Ритуалы подошли к концу, осталось только совершить воздаяние стоявшему возле лестницы Випарвету, поднести ему вина и соли. Статуя из черного мрамора (как гробница возле дома) — волк в одеянии, похожем на священническое облачение, поднялся на задние лапы. В больших стройных лапах он держал лампаду, и пламя ее задрожало, когда я насыпала на поднос соли и налила вина в чашу. Мне еще ни разу не позволили совершить приношение Випарвету, даже в ходе бракосочетания, что положено, если оно совершается в обычных условиях. А вдруг он зарычит на меня, или над лесом, повергая всех в ужас, пронесется его призрачный вой, как уже случилось однажды...

Но божество никак не откликнулось, приняв воздаяние. Служанка повела меня наверх, на галерею, потом налево и под арку в стене. За нами шла Роза, неся мои цветы. Слуги Гурца и госпожа глядели на нас, пока мы не скрылись из виду.

Что же я здесь делаю? Сомнения нет: среди всех бурных океанов, отчаянно трепавших меня — осады, войны, смерти, — этот ужасней и неотступней всех.

Мне снова придется влезть в одежду, которая мне не по размеру, и вырасти, подстраиваясь под нее.

Я металась по постели, забывшись лихорадочным полусном, а за шторами в окнах догорал день.

Бессердечная Роза поздравила меня, поохала и поахала насчет дома, насчет странностей госпожи и ушла от меня в соседнюю комнату, чтобы поразвлечься, разбирая багаж и разглядывая шкатулки с принадлежностями для шитья. Похоже, она уже чувствует себя как дома или по крайней мере освоилась с незнакомым местом и готова плыть к только-только завидневшемуся берегу.

А как же я стану здесь жить?

Мне приснился Гурц, он стоял посреди озера, прямо на воде, как кудесник. И смеялся, тряс бородой. «Аххр, малышка Ара!» — прокричал он, радуясь моей беде. Вовсе это не щедрый подарок, он просто отомстил мне. Я его не любила. Он умер. А теперь повесил мне на шею резной жернов с росписью.

Сквозь темный, как слива, навес над кроватью с синим бархатным пологом и столбиками, как мне показалось, из цельных стволов деревьев, украшенных завитками и рифлением, проступали потолочные балки, а на них розовые, как конфетки, голубки клевали красные и зеленые яблочки; маленькие синие певчие птички и вороны цвета индиго держали настоящие цветы, собранные к моему приезду, с которых на пол осыпались лепестки. («Как хорошо, что из этих пташек не посыплется ничего другого!» — воскликнула бездушная Роза.)

Я снова задремала, и мне приснилось, будто Гурц привез меня в этот дом и несет меня, свой цветок, вверх по лестнице, вдоль по галерее, через арку в стене, по коридору и снова вверх по этим ступенькам сюда, в Западную Башню. Мне отвели женскую спальню. Спальня хозяина — его собственная — находилась в башне на восточной стороне. Супружеские пары проводили ночи лишь в хозяйской спальне. Эта запасная комната, предназначенная для хозяйки, служила ей во время родов, болезни или вдовства. Приснившийся мне Гурц принес меня сюда, как и положено, и бросил на постель. Лицо его вдруг начало таять, в нем проступили черты другого человека. Я увидела перед собой Драхриса, а затем — и это оказалось поразительней и страшней всего прочего — залитого кровью Ликсандора, лежавшего и всхлипывавшего среди травы на месте поединка.

Призрачная волна подхватила меня, я проснулась и огляделась.

Где я? Ох, все там же.

Свет за шторами стал мягче. Длинные тени заливали поверхность предметов и затекали под них снизу. Я осталась в одиночестве. Мне некого позвать на помощь.

Я поглядела вверх на раскрашенных птичек — и тут у меня вдруг оборвалось сердце. Я принялась их оплакивать, потому что они не вызывали у меня любви, так же как и все эти краски, цветы, протянутые ко мне ладони, вино в честь приезда, старуха, озеро.

Перед смертью он предрек мне жизнь в этой комнате. «Ты пересчитаешь всех птичек».

Глядя сквозь слезы, я попыталась сосчитать их.

Но глядя сквозь слезы, их не сосчитать.

2

На самом деле нельзя сказать, чтобы я очутилась в клетке. То есть если не считать телесной клетки, в которой заперт каждый из нас и о существовании которой я начала догадываться еще раньше.

Воллюс и время, проведенное в ее владениях, кое-чему научили меня по части домоводства. В моем мозгу сохранились воспоминания даже о том, как мама управлялась с нашим куда более скромным и чуть необычным хозяйством. В усадьбе Гурц в моем распоряжении оказалась целая армия работников. Стоит мне чуть-чуть подтолкнуть этот шар, и он завертится.

Мельм стал при мне управляющим, его хозяин позаботился о том, чтобы он перешел на эту, более высокую должность. Поместье было знакомо ему с детства, он знал о нем все на свете и пользовался всяческим уважением среди его обитателей. Благодаря его обхождению со мной и, вероятно, его отношению ко мне, проявленному во время моего отсутствия (он переехал в усадьбу еще весной), все усвоили, что ко мне следует относиться с почтением. Мне полагалось лишь уделять по полчаса внимания в день экономке и старшей горничной, когда те заходили. А в остальное время откликаться на приглашения к завтраку (роскошные фрукты, свежее выпеченный хлеб) или к обеду (лесная дичь и озерная рыба). Я одаривала прислугу улыбкой и старалась запомнить, как их всех зовут, а они воспринимали меня как цветок, выросший среди их лесов. Подобное великодушие должно бы оказать

умиротворяющее воздействие. Впрочем, у меня оно вызывало беспокойство. Неужели участь обитателей поместья, захваченного имперской короной, так страшна, что мое появление здесь оказалось предпочтительней?

Однако они, как видно, знали, что в моих жилах течет кровь Юга. И вероятно, полагали, что я бросила всех и вся, родных и соотечественников, а может, и богатые владения, лишь бы не расставаться с Киром Гурцем. Если так, при всем моем простодушии, их наивность казалась мне ужасной.

Но мне не хотелось вдаваться в эти размышления. Я постепенно начинала чувствовать себя счастливой, пусть и на своеобразный манер.

Осенний янтарь сменился золотом, затем багрянцем. Листья на деревьях стали похожи на лепестки бумажных роз. Ранним утром, когда повсюду лежал иней, или среди расцвета дня, когда солнце еще грело, я ездила кататься в странной маленькой, будто кукольной, колеснице с навесом и сиденьями, в которую впрягали откормленных двойняшек-пони. Рядом на прекрасном коне скакал Мельм или Ковельт, помощник управляющего, сопровождая меня и указывая на сокровища округи. Вскоре я стала совершать пешие прогулки, иной раз без спутников. Опасность мне ниоткуда не угрожала. Мне доводилось встречать работников виноградников, раскинувшихся по склонам, которые приводили в порядок инвентарь и расчищали землю, возвратившихся с полей мужчин и женщин; они узнавали меня (вероятно, по подробным описаниям), учтиво и приветливо здоровались, величая меня принцессою, но никто не задерживал меня, не донимал и подолгу не разглядывал.

Гуляя по лесам, я набрела на двух оленей и однажды на лесную кошку, а как-то позже в оловянном свете зари повстречала черно-бурую лису, она была вся как будто из инея, со снежным кончиком хвоста.

Я провела в усадьбе двадцать дней, и лишь тогда графин с топазом появился на столе. Мельм не объяснил, почему мне пришлось ждать, то ли вино само диктует сроки, то ли мне нужно было лишь попросить.

В тот вечер, по случаю появления вина, госпожа пришла обедать вместе со мной, событие, которого мне до сих пор удавалось избежать.

Как же мне общаться с ней?

Обед подали не в расположенной к западу от зала гостиной на женской половине, где для меня обычно накрывали на стол, а в самом зале. Грандиозную печь, похожую на столб, еще не топили, поэтому в помещении расставили жаровни с поленьями. (Из-за подобного многовекового уюта у нимф, находившихся над столом, почернели груди и лица.)

Роза, моя безмолвная советчица по части нарядов, принесла платье для выхода к обеду — бледно-красный шелк, прошитый черными и цвета лаванды лентами. Из уважения к бабушке мне надлежало одеться как подобает вдовам воинов.

Госпожа вышла к столу, лишь когда я уже приступила к десерту.

Ей помогли спуститься по лестнице — ее комнаты располагались в восточном крыле, в Башне Покоя. Она ступила на полированный, исчерченный царапинами пол и дальше уже шла сама.

Я встала. Она поклонилась мне. Я поклонилась ей. Никто мне не объяснил, как положено себя вести в подобных случаях.

Мы заняли места на противоположных концах стола.

Я со страхом ждала минуты, когда мне придется встретиться с нею за едой. Зубов у нее, похоже, не осталось, и мне с детства запомнилось, что пожилые люди едят так же неаккуратно, как маленькие дети. Однако госпоже подали блюдо, походившее на сладкий суп или компот, и она весьма изящно справилась с ним, пользуясь ложкой и салфеткой.

— Вам нравится вино?

Эта фраза, небрежно брошенная мне, будто мы уже часами вели беседу, застала меня врасплох, я начала запинаться.

— Я... никогда... это вино... мне внове, госпожа.

— Топаз. Вы не разочаруетесь. — И затем, к еще большему моему удивлению: — Мне сказали, как вас зовут, но я позабыла.

— Аара, — проговорила я и добавила: — Госпожа.

— Принцесса Аара, — как мне показалось, с некоторым ехидством в голосе поправила она. Но ею двигало озорство, а не злоба. — Теперь вот что я вам скажу. Мой титул в разговоре полагается использовать как основу предложения. Например: да будет известно госпоже, меня зовут Аара. Или: Госпожа, по-видимому, догадывается, что это вино мне внове.

Наверное, у меня открылся рот. Собравшись с мыслями, я проговорила:

— Госпожа очень добра. Приношу Госпоже извинения за свое невежество в области здешних обычаев.

Она залилась переливчатым смехом.

— Милая девушка, — сказала она. И шутливо ткнула в мою сторону пальцем. Сегодня она надела кольца, в мою честь или по случаю появления вина.

О Кире Гурце никто не заговаривал. (Нет, он точно ничего не рассказывал мне о ней, он говорил о лесах и озере, о лебедях и волках или о Мельме. А прочем, часто ли я прислушивалась к его словам?)

Спустя некоторое время явился Мельм с вином, уже перелитым в графин из толстого хрустала. Цвет напитка соответствовал его названию.

Мельм предупреждал меня заранее, что первый бокал следует поднести богу, поскольку это вино нацезено из бочек новой партии, урожая пятилетней давности.

Оно оказалось очень холодным и жгучим, выдержанным и сухим. Аромат как у цветов. Во рту остался двойственный привкус, очень стойкого и в то же время чистого вина, словно я испила воды из незамутненного источника.

— Славно, — сказала бабушка и причмокнула запавшими губами. Ее подернутые дымкой, зрячие глаза остановились на моем лице. — Когда вместе с выпавшим снегом здесь появлялись волки, мы выносили на улицу миску, для принца или короля стаи. Иной раз ему приходилось сражаться за нее. А потом он принимался лакать вино. В особенно скверные зимы они скребутся в двери дома: зала, гостиной, библиотеки и хозяйского кабинета — они выходят на дорожку, окружающую дом. Мельм покажет вам отметки. А иногда случается увидеть черного волка, который принадлежит к племени богов.

Не в силах сдержаться, я судорожно передернула плечами. Это доставило ей удовольствие.

Вскоре она вышла из-за стола.

Топаз ударил мне в голову, и пока она поднималась на галерею, я шепнула Мельму:

— Какая замечательная женщина!

Не знаю, что я при этом имела в виду; возможно, на меня просто напала сентиментальность, но Мельм то ли не принял мое замечание в расчет, то ли согласился с ним: он промолчал.

3

С розовых кустов облетели листья, ветры пробудились ото сна, и тогда я обнаружила в лесу храм Вульмардры.

С заходом солнца наступали долгие северные сумерки. Мне говорили, что в середине лета всю ночь не темнеет и полусвет стоит до самой зари, но я была тогда нездорова, и сама этого не видела. Теперь закат приходился на четыре часа, но в шесть можно было бродить вокруг озера по лужайкам, раскинувшимся под небом, похожим на синие стразы, из которых ювелиры делают фальшивые сапфиры. Все еще пели птицы. Скоро они улетят на юг, их песнями нужно запастись, как фруктами и вином. Должно быть, здешние зимы безмолвны.

Предвестие зимы пробудило во мне неясный страх, опять. Это тень, оставшаяся после отступления. А лето тоже наводило на мысли о тревожном: даже в Крейз Хольне среди

аромата роз и желтофиолей порой мне казалось, что я чувствую запах пороха. Тем не менее страхи мои лежали в доступных разуму пределах. Мне удавалось их побороть, и они угасали. Я шла среди росших кучками камышей, доходивших мне до пояса, мимо прогнувшихся мостков пристани. В тихих водах отражался раскрашенный дом; время от времени озерную гладь будоражили водяные курочки, отражение распадалось на части, а затем вновь возникало у них за спиной, целое и невредимое.

Черная гробница давнишнего владельца усадьбы Гурц не казалась мне воплощением смерти. Смерть — это широкое заснеженное поле; участок сада, где навалены бревна, пушка, залп... я отогнала смерть прочь и увидела в озере отражение перламутрового строения, стоявшего среди деревьев на восточном берегу; прежде я его не замечала.

Обойдя вокруг озера, я обнаружила за соснами липовую рощу. Деревья сбросили листву, и храм открылся взгляду.

Он был не больше черной гробницы, но бледно-сизого цвета; на восьми тонких колоннах, как на стебельках, покоилась похожая на верхушку яичной скорлупы кровля. Два куста сирени с голыми ветвями стояли на страже у входа. Капители колонн украшал фриз с изображениями женских фигур. Зимний мох, словно плющ, покрывал потрескавшийся пол. Пока липы не стряхнут листву, дом отсюда не виден. И сам храм в летнее время скрыт от взгляда.

Я прошла чуть-чуть вперед, поднялась на первую разбитую ступеньку. Мне не хотелось заходить внутрь. Алтарь обнесен цепями из побегов плюща, здесь недавно прибирали. Со склонившегося пшеничного колоса осыпается шелуха, разбросанные по алтарю цветы и виноградины пригодились в пищу дроздам и зябликам.

Там не оказалось статуи.

В прежние времена, на юге, где она звалась Вульмартис, а я была ребенком, я делала для нее все, что положено, по крайней мере когда это вменялось мне в обязанность. Но Вульмардра мне незнакома. Гурц говорил, что крестьянки ее почитают.

Быстрым движением я склонила голову.

Я повернулась, собравшись уходить, и вдруг мне показалось, будто чьи-то пальцы слегка коснулись моего плаща. В храме царила напряженная тишина, и от одного этого ощущения я подскочила как ужаленная. Я оглянулась — все выглядело по-прежнему.

— Принести тебе что-нибудь, владычица? — проговорила я вслух. И заметила, что меня бьет дрожь. — За мной еще остался долг?

Долг? А как же. За клинок, рассекший шею Драхриса под ухом, за первый и четвертый укол в саду, где звенели шпаги.

Меня словно зажало меж двух гигантских ладоней, и я повисла над землей; казалось, невидимые глаза пристально всматриваются в меня. Неужели я по неведению нанесла страшное оскорбление? Быть может, мои грехи и преступления куда тяжелей, чем я предполагала. Не предстоит ли мне снова стать рабыней ужаса и боли, чтобы умиротворить ее?

Меня отпустило. Как будто огромные волны сжатого воздуха быстрым движением пронеслись сверху вниз и ушли в землю.

Утром я принесу ей меду и вина. Даже если все это мне почудилось, в проявлении почтения к богам любых краев нет ничего дурного.

4

Спустя день-другой приехал посыльный, и в мою жизнь вторгся внешний мир.

Он был одет в ливрею дома Воллюс, а потому на мгновение показался чем-то знакомым, повседневным. Пройдя через всю гостиную, он передал мне в руки послание. Ковельт повел его в расположенные за домом помещения при кухне, чтобы он смог подкрепиться. Зашедший вместе с ними мальчик-истопник подкинул полено в огонь, а затем любопытство погнало его следом за ними.

Пожалуй, мне не хотелось вскрывать письмо. Да и откуда взяться причинам для подобного желания? Еще до моего отъезда из Крейза Воллюс получила возмещение денежных затрат и обусловленную плату за услуги. Впрочем, я не могла не понимать, что она пожелает получить что-то сверх того.

Я разрезала бумагу ножом из слоновой кости с рельефным тиснением.

«*Дражайшая моя принцесса Аара*», — такими словами начиналось послание. Я почувствовала, что задушевный его тон призван послужить мне напоминанием о том, что высокий титул достался мне благодаря помощи Воллюс, а ласковое обращение я вольна рассматривать как угодно. Она выражала надежду, что я здорова, что поездка не вызвала повторных недомоганий. Что поместье оказалось таким же очаровательным, каким она всегда его находила. Она высказала сожаление по поводу отсутствия весточки от меня (Ах, значит, мне следовало послать ей какую-нибудь бессмысленную писульку с очередными заверениями и выражениями благодарности), но, вероятно, дела и вправду не позволяют мне оторваться ни на минутку. Впрочем, случилось так, что теперь ей самой придется совершить поездку на побережье, пока зима еще не вступила полностью в свои права. Многочисленного сопровождения она не берет, всего пять-шесть человек да горстка слуг. Нельзя ли ей заглянуть сюда по дороге и навестить меня? Быть может, после жизни в городе, насыщенной событиями и людьми, пара дней, проведенных в этом уютом мирном уголке среди гостей, покажется мне даже приятной. (Меня передернуло от манеры, в которой она изъяснялась. Казалось, она нарочно подбирала слова, чтобы выставить напоказ собственную неискренность, а не то вдруг я ее не замечу.) Что же касается ее визита в поместье — разве я могла отказать?

Я сидела, обрывая зубчатые края бумаги.

Моя экономка со всем управится. Мне нужно будет только присутствовать, улыбаться, да вспомнить, как вести беседу с горожанами.

И наконец я дочитала последние строки. По ее предположениям, мне ничего не известно о ходе войны. В городе только об этом и говорят, но известия успели наполовину устареть. Сообщают, что Альянс Чавро, воодушевленный незначительной победой над этим простофилей, Длантом, поднялся с оружием в руках и оказывает сопротивление, а бунтовщики юга нащупывают другие слабые места империи. (Теперь стиль ее стал резче. Быть может, это — дополнительная предосторожность, ведь письма ко мне могли перехватить — разве я не южанка?) Естественно, половина легионов, подобно стаям диких гусей, уже помчались на юг и на восток. Говорят, скоро в бывшей столице не останется ни одного приглядного мужчины благородного происхождения.

«Пришлите ответ с моим посыльным. Ему велено отправиться в обратный путь с заходом солнца, но, по-видимому, он еще пробездельничает в какой-нибудь придорожной таверне. Если Вы согласны меня принять, я приеду к празднику Уртки».

Дата празднества в честь бога в медвежьем обличье менялась из года в год, в этот раз оно выпадает позже по календарю, чем в прошлый. Я знала об этом, и все же при одном упоминании у меня резко сжался желудок. Лишь однажды довелось мне видеть, как отмечают этот день, среди факелов в палатке генерала Дланта.

Неужели она нарочно выбрала такую дату, чтобы вывести меня из равновесия?

Прежде я надеялась найти в ней друга. И она превосходно играла эту роль. Может, так будет и в дальнейшем. Или близится час расплаты?

Прибыли три экипажа. Второй был набит лишь багажом, третий лишь слугами. Из кареты, возглавлявшей кортеж, вышли две дамы, затем Воллюс и два господина; один из них, весьма зрелых лет, чуть не упал, споткнувшись о поводок огромного полосатого кота.

Экипажи сопровождали скакавшие верхом два офицера кронианской армии и их денщики, все в черной форме с различными ремнями, полосками, эполетами и галунами золотого и серебряного шитья.

Я почувствовала себя ребенком, неловким и застенчивым. И вдобавок раздраженным. Эти люди хлынули на меня потоком, устремившись вверх по лестнице, на веранду, рассыпая

кругом себя приветственные возгласы, словно никчемные букетики цветов, и даже кот прошелся когтями по колонне на веранде — разумеется, его остановили слишком поздно, — хотя какая разница, ведь волки уже оставили на них свои зарубки. Я попятилась, отступая в зал. Конюхи разгружали багаж. Стук копыт пробудил птиц и эхо среди придорожных сосен.

— А вот и Мельм! — воскликнула Воллюс. — Как поживаете, дражайший?

Она подала ему руку, беспрецедентный случай. Он согнулся над ней в поклоне, но не дотронулся до нее.

Роза в цветастом платье дожидалась под лестницей. Воллюс протянула к ней руки, и Роза, бросившись к ней, обхватила ее за запястья и стала их целовать.

Опершись на трость, пожилой принц сообщил, что его растрясло в дороге, и он с радостью поднялся бы в отведенную ему комнату теперь же. Вперед выступил Ковельт, он повел принца наверх. Второй принц (я не расслышала их имен) пожелал остаться, он застенчиво поглядывал на меня в алмазный лорнет, укрепленный на украшенной филигранью ручке.

Обе дамы, крашенные блондинки не первой молодости, кружили по залу, шумно восхищаясь галереей, балками и печью.

— Ну и громадина, — сказала Воллюс. — Когда вы начинаете ее топить?

— Пожалуй, мы сделаем это сегодня, — ответила я.

Мельм кивнул, потворствуя мне. Я ухватила за этот кивок как утопающий за соломинку. Но Мельм и полюбил меня за ложь.

Кот вцепился когтями в ножку огромного стола.

— Голубчик! Как не стыдно! — прикрикнула на него Воллюс и натянула поводок.

— Смею заявить о своей невиновности, — послышался голос молодого человека.

Обернувшись, мы увидели в дверях на фоне дневного света и неожиданно хлынувшего дождя двух офицеров.

Тот, что был повыше ростом и имел чин квинтарка, отошел чуть в сторону; подобная скромность говорила о том, что этот человек наделен сильным эго или властью. Лица у обоих были гладко выбриты, а волосы отпущены по новой моде до самого воротника. Второй молодой человек, произнесший эти слова, был Вильс.

— Как видите, я привезла и старых друзей, — проговорила Воллюс с обычным лукавством в голосе.

Наверное, я побелела, а уж руки у меня, несомненно, стали словно лед. Вильс согнулся передо мной в таком поклоне, что принц с лорнетом не удержался от смеха. Вильс вышел вперед, опустил передо мной на колено, поднес мои руки к губам и поцеловал. Руки такие холодные, а его губы как огонь. Когда-то, много лет назад, нечто похожее происходило со мной. Затем он поднял на меня сияющий уверенный взгляд.

— Нет, принцесса, мы не представлены друг другу. Но я видел вас весной в Крейзе. Разве я мог позабыть вас? Что же до меня — вы наверняка и внимания не обратили.

— Нет, я помню, — ответила я. Он улынулся, приподняв брови.

— Принцесса, вы выдумываете, желая сделать мне приятное. Я рад!

— Право, к этим господам стоит отнестись по-доброму, — сказала Воллюс, становясь рядом со мной. — Они доставят меня в целости и сохранности на побережье Оксиды, а потом им придется отправиться на войну. — Она скользнула взглядом мимо Вильса и посмотрела на человека, задержавшегося у дверей. — Принц Карулан, позвольте представить вам принцессу Аару Гурц.

Вильс тут же поднялся на ноги и отошел в сторону. Квинтарк направился к нам через зал, и наброшенный на плечи плащ из медвежьей шкуры с позолоченными когтями заколыхался на ходу. Его лицо походило на лицо статуи, вылепленное сильной, решительной рукой. Разве его черты могла скрывать борода? Глаза — сине-зеленые, как бирюза. Он отвесил мне легкий поклон. И даже я сообразила, что мне следует ответить тем же. Имя Карулан указывало на принадлежность к семье императора.

Мне не пришлось и палец о палец ударить. Течение жизни в доме совершалось с

неуклонностью часового механизма, и стоило мне несколько дней назад высказать ряд робких пустячных предложений, как в проветренных, наполненных ароматом покоев для гостей уже распахнулись двери, а в банях неиссякаемым ключом забила горячая вода. Затопили печь; процесс разведения огня в ее брюхе, располагавшемся в подвале, совершался с некоторой торжественностью, а к заходу солнца внутри белого столба уже громко билось жаркое сердце, наполнившее теплом зал и прилегающие к нему покои. Слуги развешивали гирлянды из вечно-зеленых растений, розовых и темно-желтых хризантем, выращенных в горшках. О яствах и винах к обеду тоже позаботились. А я, хозяйка имения Гурц, могла бы самодовольно принимать на свой счет похвалы всему этому великолепию.

Когда сумерки сгустились, а окна посинели под стать стразам ювелиров, ко мне в спальню заглянула Воллюс.

Величаво ступая, она вошла, и все вокруг стало подвластно ей. Голова в парике покоится на подушке кресла возле камина, украшенные блестками черные легкие туфельки — на плите под очагом; она воцарилась в этих покоях. А кот бесшумно бродит по углам среди портьер, охотится на призрачных мышей.

Она завела разговор о погоде, о своих знакомых из Крейза. (Кот время от времени тихонько мяукал, изъясняясь на собственном языке.) Воллюс взяла немного винограду из моей вазы для фруктов.

— Теплицы Гурца?

— Да, госпожа Воллюс.

— Прошу вас, обойдемся без слова «госпожа». На то у вас имеется жуткая дама из верхних покоев. Госпожа. Очи мрака! Она тоже придет к обеду. Я помню ее с тех времен, когда ей было еще лет семьдесят с лишком, а я играла тогда на сцене. Однако скажите честно, маленькая пташка, весело ли вам тут живется?

Мне пора подать реплику?

— Моя благодарность...

— Оставьте. Мне уже заплачено. — Я посмотрела на нее. — Возможно ли, — смакуя слова, проговорила она, — чтобы у вас прибавилось хитроумия? Что ж. Это не имеет значения. Должна сказать, вам повезло, что вы уехали из города. Затеянная императором война потихоньку превращается в нелепость. Кто бы мог подумать? Недовольных миллионы, пока что они выжидают, но уже пахнет мятежом. Оказывается, чаврийцам удалось пробудить ото сна половину империи. А я обратила все свои деньги в золото и направляюсь к побережью. У меня есть маленькая хижина в порту Яст. В случае необходимости оттуда нетрудно будет выбраться. Однако, Аара, вы удивлены, как я вижу. Оборотом, который приняла война, или моей откровенностью?

— И тем и другим.

— Ну что же, да и как знать, может, вы и рады тому, что Север испытывает затруднения.

— Нет.

— Конечно, в подобных случаях всегда отвечайте «нет». Если только, — шутливым тоном добавила она, — войска южан не одержат победу.

— А разве такое...

— Возможно? Мы узнаем об этом через год. Я не стала бы биться об заклад по поводу исхода войны. — Она стряхнула в огонь виноградные косточки с ладони. Послышалось шипение, и они исчезли. — Не пугайтесь, — добавила она, — не может быть, чтобы для вас события обернулись тем же, что и в прошлый раз. А даже и случись такое, вы ведь удачно выпутались, разве нет?

Сердце мое застучало, как молот.

— Но... — сказала было я и умолкла.

Мы сидели, глядя на огонь. Лишь ее боги ведают, что видела она, я же, глядя на язычки пламени, почувствовала, как взгляд мой проясняется, как стихает вихрь мыслей в голове. Я успокоилась. Да, куда проще отмахнуться от пробужденных ею призраков.

— А меж тем, — спустя несколько минут вполголоса проговорила Воллюс, — здесь принц Карулан. Нам следует вести себя полубезней и явиться ему во всем своем обаянии. Видите ли, он из внебрачных детей, но имеет отличную репутацию, особенно как воин на поле брани. Если война примет неудачный оборот, император может решить, что пора ему уносить искалеченные ревматизмом ноги подальше от трона. На взгляд сановной бабушки из Башни Покоя, он еще ребенок, ему всего шестьдесят девять лет. Но другие люди скажут, что дряхлость мешает ему справляться с обязанностями. Так же, как все мы теперь утверждаем, будто Длант — дурак, негодяй и предатель. Императорские наследники — люди болезненные, страдающие недержанием. Поэтому народ... ожидает действий со стороны внебрачных детей. Она говорила совершенно открыто, ведь я не представляла для нее ни малейшей угрозы. А мне смутно припомнился какой-то роман, и во мне шевельнулось желание подкрасться на цыпочках к дверям и проверить, не подслушивает ли нас кто-нибудь.

Она согнала на пол устроившегося у нее на коленях кота.

— Сойдемте вниз, — весело и горделиво проговорила она, — вдохнем немного жизни в этих мужчин. — Уже в коридоре она отметила: — Как изысканно наряжает вас Роза. Вы рады, что взяли ее с собой?

Таким образом, когда мы стали спускаться вниз по лестнице, разговор уже перешел на моды и наряды.

— Браслеты и украшения для волос скопированы с предметов, обнаруженных в мавзолеях Змеиных Королей — змеи и крокодилы, вцепившиеся зубами в собственный хвост или в чье-нибудь горло. Очи мрака! Меня просто в дрожь бросает.

Как будто мы находились у нее в салоне. Я с облегчением вздохнула и предоставила ей выбирать предмет для беседы и заботиться о том, чтобы она протекала непринужденно. Обе принцессы завидовали мне, и слова их звучали неискренне. Принц помоложе поглядывал на нас сквозь лорнет и приговаривал: «Ох уж эти дамы и их наряды». Пожилой принц сидел около печи, читая толстую книгу и не обращая ни на кого внимания.

С появлением Вильса и принца Карулана в зале возникло какое-то волшебное оживление. Во всяком случае, принцессы пришли в боевую готовность и раскрыли веера.

Вильс, как и в прошлый раз, направился напрямик ко мне и уже не отходил, словно его, как и кота, удерживал поводок.

Уверенный, холодный и беспристрастный, как его бирюзовые глаза, Карулан, окутанный облаком величия, держался непринужденно; он взял на себя заботу о прочих дамах.

А меня раздирали непонятные страхи и еще менее понятное, менее привычное ощущение удовольствия. Мы выпили по бокалу вина, и я удостоилась похвалы, как будто являлась одновременно виноградом и винодельцем, бочонком и виночерпием. И тогда я отогнала прочь страхи, а вместе с ними и полки прочих теней. Состоявшаяся в Крейзе дуэль не имела ко мне никакого отношения и к тому же давно закончилась. А на меня пал выбор этого привлекательного представителя мужской половины рода человеческого, да он еще и бреется, как принято у меня на родине... по-моему, мне захотелось флиртовать, чего никогда еще со мною не случалось. Это просто. Мне очень часто доводилось видеть других за этим занятием. А он радовался тому, что наконец нашел во мне должный отклик, и подыгрывал мне, и в конце концов мы оба заискрились огнем.

В общем и целом обед получился веселый. И совершенно ничем не напоминал тот, другой, что проходил когда-то в палатке.

Воллюс порекомендовала мне возложить ритуал провозглашения тостов на Карулана. Я с радостью последовала ее совету. Будучи любителем и знатоком придворных и застольных церемоний, которым нет числа, он сумел позаботиться о том, чтобы все было к месту и ко времени, проявляя при этом вкус и ненавязчивость. До чего же холоден этот человек; ему, вероятно, скучно, но он слишком хорошо воспитан, чтобы хоть как-то это показать. Он внимательно слушал пустую болтовню дам, остроты Воллюс, колкости и нападки принца

Лорнета, стенания старого принца Желудочное Несварение. Впрочем, с бабушкой Карулан держал себя несколько иначе. Перехватив ее взгляд, он пристально посмотрел ей в глаза и улыбнулся. В ответ на эту улыбку заведомо опытного соблазнителя она разразилась таким хихиканьем, что я догадалась: они тоже затеяли меж собой какую-то игру. Его готовность приложить старания, чтобы доставить ей удовольствие, подчеркнула его чужеродность, как ничто иное. На вдовствующую принцессу Гурц он почти не обращал внимания. Возможно, он видел в ней выскочку, ничтожество из южных краев... несомненно, кто-нибудь да рассказал ему обо мне. Когда он поклонился ей, их разделяли цветы, они сидели в противоположных концах стола. Он являл собою украшение обеда, который она давала. Она не решилась бы просить о чем-то большем... по правде говоря, будь у нее возможность выбора, сочла бы излишним даже это.

В конце обеда вместо фруктов подали огромный торт золотисто-шафранового цвета, по краям которого кольцом выстроились белые сахарные медведи. Возможно, им намеревались придать свирепый вид, но ничего из этого не получилось. Жалко было резать торт, но тем не менее его разрезали, и каждому из нас досталось по куску с целым медведем из белого сахара — кулинарный шедевр, и восхваления снова посыпались на меня.

— Разве вы не станете есть медведя? — по-братски заботливо осведомился Вильс. (Даже госпожа как-то ухитрилась управиться со своим.)

— Нет. Я не люблю сладкого, разве что фрукты.

— Да, вы едите просто как цыпленок. Откуда же эта алебастровая кожа, милая принцесса Аара, эти глаза и волосы — неужели вы живете, питаясь медвяной росой?

— Меня питают... добрые слова, — сказала я. И покраснела, устыдившись своей игривости.

Перед завершительным тостом принц Карулан налил вина в чашу возле стоявшей перед ним маленькой фигуры Уртки. (Статуэтка побольше потерялась вместе с Випарветом и со всем киотом... и со многими другими вещами... при Золи.) Затем Карулан встал и провозгласил тост за здоровье императора. И ничего особенного не почувствовалось в ту минуту в его умелых действиях. И в наших тоже. Но вопреки рассудку и собственным ожиданиям я вспомнила, как поднял такой же тост Длант, стоя перед высокой статуей медведя, державшего в лапах драгоценные камни. Как Гурц встал, отпил вина и передал бокал мне. Как пил Драхрис. И та светловолосая принцесса — бог ведает, где она теперь. Под каким-нибудь камнем, засыпанным снегом.. А ведь у нее тоже были глаза и кожа, она дышала и двигалась. Неужели от всех тех мужчин и женщин, которые дышали и двигались, остались одни кости?

В зале стало очень жарко, гигантская луна наполнила светом тишайшую ночь и сад. Кто-то предложил выйти прогуляться по берегу моего озера.

— Что случилось, красавица? — тихонько, даже с нежностью спросил меня Вильс, — а я должна схитрить и ответить ложью, ведь ему тоже нельзя доверять, он не друг мне и не союзник, а лишь живая тень, отгородившая меня от войска теней, которые отбрасывает нечто более темное и правдивое.

— Мне кое-что вспомнилось.

— Так значит, вы его любили? — медленно произнес он.

Мне нет нужды отвечать. Само молчание послужит необходимой ложью.

Он наверняка воспримет это положительно. На взгляд мужчины, женщина, любящая другого, ценится выше. Для него это значит, что при определенных обстоятельствах она способна проявить верность, и следующему поклоннику придется ее завоевывать. До чего же Воллюс умна. Только удалось ли ей хоть раз почувствовать доверие к людям. Как можно все жить и жить, не зная ни минуты покоя, разве что в полном одиночестве?

Луна заполнила его целиком.

— Какая ночь! — воскликнул Вильс. Он с восхищением заговорил о ее поэтичности и рассказал, как однажды ночью во время военного похода видел отражение такой же луны в мраморной глади покрытого льдом озера. Затем он спросил, хороша ли охота в поместье, и повел речь об охоте на волков, как когда-то Гурц. Но в отличие от наделенного живостью и красотой Вильса Гурц не вызывал у меня интереса, что уже нехорошо и постыдно. И будь поосторожней, Аара, это развлечение для взрослых, и ты только-только начинаешь постигать его правила.

Карулан сопровождал Воллюс и одну из принцесс, они гуляли на изрядном от нас расстоянии. Вторая принцесса с Лорнетом вели спор насчет черной гробницы, явно досадуя друг на друга. Госпожа и Желудочный принц не присоединились к нам.

Среди сосен светился храм Вульмардры. Вильс не заметил его.

От прогулки, от белого мерцания в воздухе на него напала меланхолия. Может быть, он немного перепил — мне стало слышно, как он дышит, а я замечала, что такое случается, когда мужчины больны или пьяны.

Через некоторое время мы подошли к берегу. Камышинки словно остекленели от холода. Вильс сломал одну, послышался резкий щелчок, а он заговорил о том, что неплохо бы сделать панфлейту и выманить нимф из леса. Впрочем, зачем ему эти несчастные нимфы, а мне следует проявлять осторожность: как бы лесные богини не прониклись завистью ко мне.

Не успела я догадаться о его намерениях, как он уже взял меня за руку.

— Все увольнения отменяются. Но благодаря вам мысль о смерти кажется мне невообразимой, — сказал он. — И это славно.

А мне вдруг померещился голос другого молодого человека, доносившийся сверху, с лестничной площадки: «Завтра мне надлежит отправиться обратно. Тебе известно, какая нам грозит опасность». А она в ответ: «Если ты рассчитывал, что я положу тебя к себе в постель потому, что назавтра ты можешь погибнуть... ты потерял всякий ум, Фенсер».

И по необъяснимому совпадению Вильс проговорил:

— Вы помните тот поединок? И южанина по имени Фенсер Завион?

Я высвободила руку. Я не сводила глаз с озера.

— Я не хотел вас оскорбить, — сказал он.

— Достаточно одного упоминания о южанине.

Вильс спохватился.

— Но ведь вы...

— Выйдя замуж, я стала считать своей отчизной родину супруга. — Кто же произнес эти слова? Говорила женщина, и голос женский.

— Принцесса, — сказал Вильс, — неужто вы, подобно всем этим безмозглым тварям... этим... станете меня винить? Раз слухи уже дошли до вас, выслушайте, по крайней мере, и меня тоже...

Он снова завладел моей рукой. Растерявшись, я посмотрела ему прямо в лицо, перехватив темный, блуждающий, исполненный боли взгляд.

— Фенсер Завион, — проговорил он, — связал свою судьбу с Севером... подобно вам, Аара, да простятся мне эти слова, моя прекрасная отважная богиня. Он тоже принес своего рода брачный обет верности. Императору и его легионам. И Завион держал свое слово. Что же до него самого... ах, такой человек... — лицо Вильса прояснилось, что-то припомнилось ему, и он рассмеялся. А затем снова перевел на меня встревоженный взгляд. — Верно, я доверял ему, но то же случилось и с другими людьми, занимавшими, право, куда более высокие и почетные должности. — (Доверься... мне... ведь я же знаю, ты не мог...) — И если он действительно предал нас...

— Предал, — повторила я. Или не я, она, женщина с голосом моей тетушки Илайивы.

— Урткина булда, — сказал Вильс. Потом извинился передо мной и снова выругался, еще крепче. — Он исчез вместе со своим батальоном из тысячи человек, подчинявшихся ему

как унитарку. Может, он действует в интересах Севера, а может, отправился в края Чавро, неся на блюде с голубой каемочкой все сколько-нибудь важные рецепты блюд, о которых проведал у нас.

— Фенсер, — повторила я.

— При этом, мадам, позор пал на головы всех, кто с ним дружил. Пока что мы отмалчиваемся и отделиваемся свирепыми взглядами. Я дважды бросал вызов обидчикам, и меня тоже вызывали на поединок. До крови дело не дошло ни разу. Пока что. У нас есть дела поважнее, на юге и на востоке. — Он отвернулся, по-прежнему сжимая мою руку в своей. — Я наговорил лишнего.

И конечно же, наваял на вас скуку. Милая, вы сохраните мои слова в тайне?

Теперь мне показалось, что отдергивать руку не стоит, он примет это за жест пренебрежения. Я ощутила такую же грусть, как и он. Сказать было нечего.

Остальная публика находилась на расстоянии в четверть мили от нас, мостки пристани скрывали нас от взглядов. Он тут же оценил положение, привлек меня к себе и поцеловал в губы.

Я ничего не ощутила. Я надеялась на какое-то чувство, искала его в себе. Только тепло натянутого как струна мужского тела, соприкоснувшегося со мной. Меня объяла страшная тоска по чему-то несуществующему. От боли я закрыла глаза, и он снова прижал меня к себе. А теперь я в свою очередь должна высвободиться из его объятий.

Мне по-детски хотелось провалиться сквозь землю, убежать от него. Но Илайива и Воллюс удержали меня, и я тихо сказала ему:

— Сударь, накануне сражения подобное...

— Простите меня, — ответил он, — и не казните. Или покарайте. — В голосе его опять зазвучали радостные нотки. Вот и все, что нужно было сделать, и он уже пришел в себя.

Мне хотелось одного: спрятаться, схорониться, но я повела его по окаймлявшему луну берегу туда, где гуляли Воллюс, ее приятельницы и нецелованный Карулан.

— Лебеди всегда возвращаются к озеру. И для вас вода — родная стихия, не так ли? — сказала Воллюс.

Она зашла в спальню вместе со мной, вторично вторглась в мое прибежище. Моим тяжким трудам нет скончания, подобно работе, что совершается в загробной жизни.

Она стряхнула туфли на пол. Угостилась засахаренными грецкими орехами. Кот купался в озере, и теперь ушел сушиться.

— Тем самым я хотела сказать, — продолжила Воллюс, — что безо всяких подсказок вы поступаете именно так, как я бы вам посоветовала. Или сказались приобретенные в юном возрасте навыки? Они появляются тут же, стоит лишь прожить несколько месяцев с мужчиной, выполняя его желания. — Она растерла лоб и толстую шею кремового цвета, но даже не притронулась к безукоризненной прическе. — А какие мысли возникли у вас по его поводу?

Что же мне теперь говорить?

— Меня поразило, что я запомнилась ему с тех пор, как мы у вас встретились.

— А? Нет-нет. — Она рассмеялась. — Вы имеете в виду Вильса. Он очень мил, но, вероятно, мне придется с ним раззнакомиться из-за этой истории с Завионом. Разумеется, вполне возможно, все это чепуха и вздор. Неужели вероломный южанин изменил нам и снова перешел на сторону Юга? Нет, на сей счет я не стану биться об заклад. Но я не имела в виду пригожего черноволосого тритарка Вильса, который целуется среди ночи с русалками, укрывшись за мостками пристани. Я говорила о принце Карулане.

Я позволила себе сделать вдох и потихоньку выдохнула.

— У меня должны были возникнуть какие-то мысли относительно него?

— Мысли всегда должны возникать; высказывают их вслух или нет — вопрос отдельный.

— А мне следует высказаться?

— Говорите.

Я попала в затруднительное положение, но фантазия неожиданно помогла мне выпутаться.

— Как-то, еще совсем маленькой девочкой, я наткнулась в книжке на сказку про принца с сине-зелеными глазами. Их украла ведьма, чтобы украсить себе шпильки для волос.

— Что за ужасное дитя! — весело воскликнула Воллюс. — Ему удалось получить их обратно?

— Не помню. Это сказка.

— Непременно расскажите ему. Он посмеется.

— Да ни в жизни. Разве он умеет? — удивилась я.

— Конечно. Он наделен чувством юмора и весьма начитан.

— И несомненно, предпочел бы провести этот вечер за книгой.

— Как Желудочное Несварение? Не принимайте на веру равнодушный вид Карулана. Эти сине-зеленые глаза никогда не теряют бдительности. Ваша ведьма попала бы в изрядную переделку, попытайся она отобрать глаза у этого человека. А он весьма к вам благосклонен.

Силы мои иссякли, я сумела сказать в ответ лишь:

— Мне показалось, что он почти не замечает меня.

— Да-да. Его внимание устремлено как раз на то, чего он якобы не замечает. Он не упустил и того, как Вильс целый вечер напропалую ухлестывал за вами. Аппетиты разыгрались, и когда мы гуляли возле озера, он отвел меня в сторонку. И спросил: «Эти двое уже о чем-то договорились меж собой?» Я ответила, нет, насколько мне известно. Но пусть он лучше задаст этот вопрос вам.

Я села на кровать, волосы рассыпались по плечам — все это время я разрушала свою прическу. Мне хотелось, чтобы Роза пришла и раздела меня. Но нет, Воллюс позаботилась о том, чтобы она опоздала.

— Что ж, — сказала Воллюс, — раскроем карты. Не пугайтесь, или вы просто-напросто раздражены? Я веду речь вовсе не о едва зародившейся любви. За вашей хрупкостью, белизной и шелковистостью скрывается ум. Или это просто инстинкт?

— Воллюс, — проговорила я, — я устала, и у меня болят глаза.

— Промойте их солененькой водичкой и настоем «сокровища королевы».

Я застыла в ожидании.

— Ему необходимы деньги, — сказала она, — и владения. Какое-то подкрепление. Поместье вроде усадьбы Гурц как раз бы ему подошло. А вы хороши собой, и манеры у вас величественные. К тому же вы южных кровей, а дела принимают такой оборот, что это может пригодиться кстати.

Она говорила, что я умна, но какая же я на самом деле идиотка. Я даже не подозревала. Так вот она, расплата.

— Что касается ваших интересов, — продолжала она, — через пару лет он станет императором саз-кронианского государства, если только небосвод не рухнет.

К моменту свершения это событие, возможно, покажется куда менее значительным, нежели сейчас. Но попомните мои слова: дайте ему пяток лет, и он обойдется с картой мира примерно так же, как мы поступили с тем тортом за обедом.

— Вы рассказываете мне о принце Карулане?

— Нет, о мальчишке-истопнике.

. — Вы сказали, он хочет жениться на мне, чтобы заполучить это поместье...

— Ах нет. Простите меня. Я позабыла о том, что наши обычаи вам в диковинку. В данном случае вы не сможете вступить в такой же брак, как в прошлый раз.

— Тот тоже был сшит на живую нитку, — выпалила я.

— Но при этом являлся законным моногамным союзом, — невозмутимо возразила она, успокаивая меня, словно кота. — Существует своего рода брачный союз, вполне почетный и признанный законом. Но вам никогда не бывать императрицей. Ею станет другая женщина.

Я с трудом барахталась среди этой бессмысленной системы ценностей, и тут опять послышался ледяной голос Илайвы:

— Судя по вашим словам, в уплату долга перед вами я должна обеспечить вам благосклонность будущего императора, и с этой целью мне надлежит стать при нем узаконенной подстилкой, позволить ему жить на доходы с земель Кира Гурца и в конце концов лишиться всего на свете, даже права выйти замуж по собственной воле.

— У вас есть на примете кто-нибудь другой? — сухо спросила она.

— Разумеется, нет...

— Хм, надеюсь, что нет. Вильсу и так туго приходится, единственное, чего ему сейчас не хватает, это разбитого сердца.

— А как же здешние жители? — спросила я. — Домашние слуги, Мельм...

— А как вы думаете, почему они приняли вас с распростертыми объятиями? Почему возможность угодить ненароком в сундук к старому Императору казалась им такой ужасной? Они догадывались, что как раз нечто в подобном духе может произойти. Кристен Карулан пользуется популярностью. Они будут очень рады. Я попала в засаду, угодила в ловушку. Меня заперли в клетке. Да-да, именно в клетке. Арадия кинулась бы в слезы. А Илайива неспешно поднялась на ноги.

— Воллюс, мне очень жаль, но у меня нет сил продолжать эту беседу. Не понимаю, почему моя горничная так задержалась. Прошу меня извинить, но мне придется пожелать вам спокойной ночи.

Воллюс с хрустом раскусила последний засахаренный орешек и тоже встала.

— Нет, Аара, это я должна просить у вас извинения. Конечно же, вам необходимо поспать. Мы потом еще поговорим.

Я несколько в этом не сомневалась.

Воллюс удалилась, постукивая каблучками, и в комнату влетела Роза. Я велела ей растегнуть на мне крючки и распустить корсет, а затем, без дальнейших слов, отослала ее прочь. Она — приспешница Воллюс и пляшет под ее дудку, не под мою. И пусть себе подует, сучка краснощекая. А мне необходимы темнота и уединение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Спустя два дня после празднества в честь медведя Воллюс и вся остальная компания отбыли в порт Яст. Они уехали на третий день до наступления рассвета, ни звука не донеслось до моей Западной Башни. К тому же экономка приготовила по моей просьбе снотворное из сильнодействующих трав, которые выращивали в садике за банями. Два дня праздников, выезды верхом, карточные игры, изысканные блюда, чтение вслух в библиотеке и в довершение всему игра в шарады в последний вечер — я вконец утомилась. Я сочла невозможным как ни в чем не бывало поощрять ухаживания Вильса. Что бы ни ожидало меня в будущем, я не имела права использовать его теперь как пешку, дабы подчеркнуть собственную привлекательность. Он призадумался, помрачнел, а затем со смехом принялся ухлестывать за той блондинкой, что была помоложе, и та встретила его ухаживания с некоторым воодушевлением. Карулан не проявил ко мне ни малейшего интереса, разве что в случаях, когда возникала неминуемая необходимость. Но я помнила слова Воллюс: объект его внимания находится вовсе не там, куда направлен его взгляд. Я никогда не замечала за ней ошибок по части уловок и мелочей.

После долгого сна я принялась за завтрак, не выходя из спальни; вместе с булочками и абрикосами мне принесли письмо.

Латная рукавица на фоне герба Сазрата — так выглядела его печать. Я подумала: наверное, он еще не вправе поместить там же и герб Кронии.

«Принцесса, премного благодарен Вам за гостеприимство. Не позволите ли еще раз им воспользоваться? Спустя семь-восемь дней я снова буду проездом в Ваших краях на

обратном пути в полк, расположенный в Крейзе. Я еду без сопровождения, со мной только денщик».

Роза тревожилась за меня.

— Мадам, вы даже не хотите попробовать это варенье из ягод? Что же такое случилось?

— Как будто ты не знаешь.

— Как же я могу знать?

— Убирайся. И прихвати с собой это отвратительное месиво.

Она стояла и смотрела на меня, кусая губы, вероятно, пытаясь выдавить из себя слезу.

— Вон, — сказала я. И опробовала новое слово: — Убирайся отсюда, потаскуха.

Она убежала.

Случившееся сделало меня очень вспыльчивой. Я приходила в ярость по любому самому ничтожному поводу. Из-за того, что не выспалась или проспала слишком долго. Из-за того, что в комнате холодно, как в леднике, поскольку огонь в очаге ночью погас. Из-за того, что шумит печь. Из-за того, что надо затягивать корсет и укладывать в прическу волосы, пока тянутся эти долгие пустые дни ожидания.

На седьмой день подул ветер с севера. Белый Ветер, и землю тут же запорошило снегом. А он еще не приехал. Значит, приедет завтра.

Если снег зарядил надолго, Карулан увидит, как затруднительно путешествовать верхом. Мне об этом известно лучше, чем кому-либо другому. Может, он намерен затвориться здесь со мной среди снегов? Смехотворная идея.

Я не могла не заметить радости на лицах слуг, взглядов Мельма. Неужели Мельм желает, чтобы я нарушила верность покойнику и вступила в незаконный брачный союз?

Мне отчасти хотелось переговорить с ним с глазу на глаз. Этого не произошло. Я уже не ребенок, чтобы просить совета у собственных слуг.

Я удалила от себя Розу, поручив ей заниматься только шитьем и уходом за моими скудными драгоценностями (если в семействе Гурцев и остались вещи помимо браслета, который я променяла неизвестно на что, госпожа хранила их при себе). Я повысила в должности одну из служанок и сделала ее своей личной горничной. Девушка была моложе меня, неловкая и неопытная. Я стала сама мыть голову и завивать волосы, боясь, как бы она не напустила мыла мне в глаза или не обожгла меня щипцами. Я обходилась без причесок. Недавно, перед визитом Воллюс, мне выбелили волосы. Конечно, я никогда не смогу доверить процедуру осветления волос этой служанке, которая вечно дергается. Доверие. Вот к каким пустякам свелось оно для меня теперь.

В тот, седьмой по счету вечер, я рано легла в постель, камнем провалилась в нервный сон и через несколько часов проснулась; беспощадная вялость бессонницы охватила меня.

В коридоре крохотные часы со звоном отсчитывали вместе со мной минуты ночи.

Годы отделяли меня от зимнего рассвета.

Потом я задремала, и мне приснился странный сон из тех, что кажутся реальностью.

Я лежала, но не в постели, а на крышке черной мраморной гробницы возле дома. Негромко шумел ветер, шевеливший подол ночной рубашки и пряди волос. Я не замерзла, просто горе и... смерть пригвоздили меня к мрамору. Ведь, наверное, я мертва, раз лежу здесь?

Затем ветер улетел, а на небесном архитраве заиграли отсветы синих красок утра. В проеме меж стоявших вокруг озера сосен я увидела, как низко повисла похожая на белый светящийся цветок звезда Веспаль. Она взошла как раз над тем местом, где должен находиться храм.

Голова моего живого, зрячего трупа повернулась, и моему взгляду открылся раскрашенный дом — бедный! Крыша с дымоходами провалилась, от него остались одни руины. Устояли лишь Волчья Башня да бастион в западной части фасада, сложенный из прочных камней и покрытый штукатуркой. А впрочем, исчезла и его коническая верхушка, потоки сумеречного света струились сквозь окна с выбитыми стеклами, проникая в дом и

вытекая наружу, подобно океаническим течениям.

Неужели это значит, что я здесь умру? Подло воспользовавшись мною, они добьются блестящего положения, которого так жаждут, а я стану частью императорского имущества и скончаюсь здесь, всеми позабытая, проведу остаток жизни, отдавшись на милость времени и места, ведь я вечно зависела от всего на свете.

Я опять повернула голову, как раньше, когда металась в жару, и увидела, что по разрушенной дороге скачет батальон призраков. Каждый из солдат, бескровных, как те зимние костры на снегу, склонился к удилам, а от лошадей остались одни скелеты, я уже встречала таких коняг. И потемневшие лохмотья — склоненные знамена. Свет беспрепятственно проникал сквозь клочья и пустоты этого войска, как сквозь полураспавшуюся башню Випарвета.

Добравшись до самого конца дороги, они останавливались, шеренга за шеренгой. Их командир глядел прямо перед собой. Черты его лица проступали очень смутно, и мне не удалось их разглядеть. Он во всем походил на своих солдат, только какой-то нереальный источник придавал цвет его волосам, и от них исходило свечение.

Он наклонился, не сходя с коня, и пять раз ударил обнаженным мечом по колонне гробницы.

С шестым ударом я проснулась.

Часы в коридоре отзванивали шесть утра.

Я до смерти замерзла, волокна сна еще опутывали меня, но я выбралась из постели и побрела сначала к западному окну, потом к северному, словно обезумевшая женщина, не смыслящая в сторонах света. Затем я вспомнила, что мне показывали, как можно выйти по узенькой лесенке на крышу, только мне ни разу не пришлось в голову это сделать. Двигаясь как в трансе, я во что-то оделась и накинула шубу, которую мне положили поверх одеял. Какая-то сила понуждала меня к действию. Я никого не встретила в коридоре. Я пошла наугад, отыскивала лестницу, поднялась, с трудом вставила в скважину не желавший слушаться ключ — и выплыла на поверхность; меня окутал безмолвный, будто камень, льдисто-синий воздух.

Парапет доходил мне только до колена. А за ним широко раскинулись земли, скованные ледяным дыханием предрассветных сумерек.

Но далеко внизу, под куполом на крышке гробницы никто не лежал. А вот Веспаль и вправду поднялась над соснами, словно сотканный из серебристого пламени воздушный змей. И над деревьями, среди которых стоял загадочный храм, скользили, мерцая, и другие звезды.

Сердце мое замерло, отчаянно забилося. Я зажмурила глаза, вновь их открыла и увидела, как гаснут последние из звезд, но я успела их заметить.

Это не колдовство. Какой-то зимний ритуал в честь богини. Или они благодарят ее за то, что им удалось заманить меня в ловушку и подцепить на крючок будущего императора?

Я затряслась от охватившего меня гнева. Всем телом, с головы до ног, как отпущенная пружина. Я отошла от парапета, вернулась в дом, пробежала по комнатам и вниз по лестнице. По дороге я не встретила ни души. Как правило, в такое время служанки уже бродили повсюду. Но не сегодня.

В зале стоял увенчанный свежей гирляндой из вечнозеленых растений Випарвет, а мое появление повергло в ужас мальчишку-истопника, застывшего возле корзины с дровами.

— Что они делают? — спросила я.

— Кто, хозяйка?

— В храме.

Он опустил голову и потупился.

— Мне нельзя говорить. Я мужчина, мне туда нельзя.

— Болван, — бросила я. (Мужчина. Он совсем еще мальчишка.)

Скользнув мимо него, я отворила створку двери и вышла на веранду.

За те недолгие минуты, пока я спускалась, стало совсем светло. Но птицы не пели.

Птиц не стало, петь некому. Холод ранил как клинок. Ах, мне знаком этот холод. Старинный враг мой, мы уже примирились друг с другом.

Вон там остановилось призрачное войско. Вот там привидение со львиной гривой, похожей на шевелюру Фенсера, нанесло удар по колонне. Предатель. И предатель вдвойне. Смердеть твоему имени почище всякого трупа — как на Юге, так и на Севере.

Я подвернула ногу. Фенсер остался позади.

На том месте, где сосны сменялись липовой рощей, кого-то убили. Маленькую черную водяную курочку. Меня затошнило, слезы подступили к глазам, но холод уже впился в них зубами. Увы, не может тот, кто видел гибель людей, оплакивать кончину маленькой черной водоплавающей птички. А впрочем, пташка, я бы не стала убивать тебя, потому что мне ведомо владычество Смерти.

Стоявшие дозором кусты сирени припорошило белыми цветами, нарастающим снегом. А дальше, в храме — толпа женщин. Снаружи остались те, кому не удалось втиснуться внутрь.

Они обернулись, глядя на меня. Все мои служанки, все женщины усадьбы Гурц. Посудомойки, младшие горничные. Старшая горничная. Моя нескладная служанка. Моя экономка. И Роза, вон она, ее круглое, как луна, окрашенное в цвет зари лицо обращено ко мне.

А вдруг они накинутся на меня и раздерут на клочки, как собачья свора? Это древний ритуал с кровавыми жертвоприношениями. Как знать, что они сделают?

Но тут заговорила экономка.

— Послушайте, хозяйка тоже должна предстать перед нею.

Они расступились, и я увидела алтарь, а возле него бабушку, госпожу в белом платье, перехваченном кушаком цвета индиго с золотом, с распущенными, разметавшимися по сторонам волосами, жидкими, словно серый дымок, но длинными, до колен.

Она поманила меня к себе. И улыбнулась.

Она сумасшедшая, и ритуал этот грязный, варварский. Меня разорвут на части, растерзают, повытаскают волосы и выколют глаза...

— Иди сюда, Аара, — проворковала бабушка, — иди, милая девушка. Богиня позвала тебя.

Нет, они ни за что меня не убьют, даже в религиозном исступлении. Ведь я служу зарокотого, что сюда явится император.

Я онемела от такой бессердечности, все мышцы как-то странно размякли, и я могла бы упасть, но почему-то устояла и пошла дальше. Мимо женщин, вверх по лестнице, в святилище.

Давление. Силы. Они сомкнулись вокруг меня. Я очутилась внутри сферы, подобной бледно-золотистому тюльпану. В ней все пело и звенело, и сладко пахло — это не аромат благовоний, которые они разбрызгали повсюду, а запах меда. Каждый волосок у меня на теле встал дыбом. Набухла грудь, интимные части тела ожили. Но ничего чувственного в этом не было. Это — молния в форме чаши. Она удерживает меня в себе.

— На-ка, возьми, бери же.

Бабушка пыталась что-то сунуть мне в руки. Голос ее доносился издалека. Я смутно видела ее, фигура ее искажилась, будто скрылась под водой — а может, потому, что она стояла вне сферы сил? Я взяла предмет, который она мне совала. И поглядела на него. Желтая роза в полном расцвете. Из теплицы, откуда же еще.

Только в усадьбе Гурц не растили роз за стеклами, потому что такие цветы ничем не пахнут, а аромат этой розы походил на вино, на вино под названием топаз.

Я осторожно положила розу на алтарь. Она рассыпалась. И превратилась в кучку золотых монет. Потом в росу из золотистой крови. Это слезы золотой статуи. Это граненый топаз. Это ковер с рисунком — я подалась вперед, склонилась, пытаюсь разглядеть с вершины горы раскинувшийся по дну долины ковер, быть может, его узоры о чем-нибудь мне поведают, но не успела. Узоры уже сложились в картину: золотое поле с зерном.

Зрение мое прояснилось, на алтаре лежала роза из раскрашенной охрой бумаги, женщины что-то бормотали нараспев. Я не сумела разобрать слова. И тихонько запела ей песню на родном языке, стишок про яблоньку, который, говорят, когда-то был гимном в честь Вульмартис.

Когда женщины потянулись вереницей из храма на улицу и ступили на траву, солнце почти уже встало, небо расчертили полосы кирпично-красного цвета. Внезапно они снова превратились в служанок. И поспешили уйти.

Бабушка взяла меня под руку. Кто-то набросил на нее огромную шубу из чернобурки. Сколько же лис из династии, к которой принадлежала и та, что повстречалась мне однажды среди покрытого инеем леса, пошло на то, чтобы согреть ее?

Звезда Веспаль побледнела, растворилась в небе. Поющие силы и сфера полностью исчезли.

Мы медленно продвигались по лесистому берегу к дому, и тут за тающей вереницей женщин, среди дальних сосен на дороге показались всадники.

Заметив направляющуюся к дому процессию, скакавший впереди резко натянул поводья. Поворотив коней, они мигом скрылись за деревьями.

Послышался похожий на кудахтанье смех госпожи.

— Он знает, — сказала она. — Он знает.

Принц Карулан нечаянно увидел часть ритуала, совершаемого женщинами, и удалился, проявив такую же осмотрительность, как и мальчишка-истопник.

2

Когда мы встретились за полдником, он ни разу не упомянул о религии. Он рассказал, что прошлой ночью провел пару часов вместе со слугой в придорожной гостинице, расположенной к западу отсюда, а в четыре часа утра продолжил путь в поместье.

— Гостиница далеко не из уютных, — поведал он мне, — но видя близость вознаграждения, всякий готов бороться и переносить лишения.

Что он имел в виду, мой дом или меня самое, — по-видимому, считалось, что я вольна предполагать на сей счет что угодно. И Карулан представлял собой очередное предположение — либо да, либо нет. И отсюда полнейшая целеустремленность, внимание ко мне одной.

Я не стала его встречать и препоручила слугам заботу о нем, как будто он не имел ко мне никакого отношения, как будто мысли о нем не преследовали меня всю неделю. Я ушла к себе в спальню и погрузилась в сладостные струи меда, золота и сна.

Когда я проснулась, мысли о нем меня почти не тревожили. Я позвала Розу, велела нарядить меня, подкрасить и припудрить лицо, а волосы только завить щипцами. Пусть Карулан думает, будто такой непринужденный стиль — последний крик моды. (Ведь в подобном виде посещают храмы.) Роза тоже не касалась вопросов религии. Вернувшись на прежнюю должность, она вела себя смирно, скорее всего потому, что не знала наверняка, надолго ли это.

Когда я сошла вниз в гостиную, сидевший на диване у камина Карулан поднялся на ноги. У меня выветрилось из памяти мощное воздействие, которое оказывала его самонадеянность, и я ощутила прилив угрызений совести. Пусть золото и призраки виделись мне во сне, пусть мне довелось присутствовать на столь же древней, как леса, церемонии, теперь передо мной реальность. И насколько же сильна и ясна она. И реальность возвещала, что любые увертки в конечном счете ни к чему не приведут.

— А когда вам придется снова отправиться в дорогу? — осведомилась я. Как раз в эту минуту он принялся за блюдо из запеченной озерной рыбы.

Но Карулан лишь вскинул на меня глаза и не раскрыл рта, хотя губы его растянулись; по-видимому, ему стало смешно.

Все время, что мы провели за едой, он вел непринужденную беседу. И под его эгидой

оказалось совсем нетрудно вести себя как принято в свете.

— По правде говоря, в ответ на заданный вами ранее вопрос должен сообщить, — сказал он, попивая бренди и закусывая марципанами, — что время не терпит. Я попрошу вас приютить нас на сегодняшнюю ночь, а завтра перед восходом солнца мы уедем.

Он рассказал, что Воллюс благополучно поселилась в Ясте. В Оксиде имеются теплые течения, и гавань почти никогда не замерзает — прекрасное место для зимовки. Если он и знал об истинных ее намерениях и о возможном бегстве, то ни словом о них не обмолвился.

— А вам придется в одиночку переносить континентальные холода. Здешние зимы весьма суровы.

— Мне уже довелось однажды пережить северную зиму. И тогда меня не окружал уют.

— И вправду не окружал. — Он опустил глаза, служившие украшением его лица, а впрочем, мне кажется, многие женщины не отказались бы лишний раз взглянуть на него украдкой. — Принцесса Аара, давайте перейдем к делу. Вам ведь, кажется, семнадцать лет? И вы — юная вдова благородного человека, ученого, который невольно навлек на вас страшные унижения и страдания. Теперь это поместье принадлежит вам. Настолько я понимаю, — он приумолк якобы из деликатности, не требуя, однако, чтобы я верила в показную тактичность, не оскорбляя меня, — госпожа Воллюс передала вам определенное предложение?

Я посмотрела ему в глаза, чувствуя, как запылали мои щеки, как потемнели глаза.

— Мне пятнадцать лет. Я южанка. Я вышла замуж за Гурца, потому что он этого хотел. Я стала владелицей поместья, поскольку считалось, будто мне это должно казаться привлекательным. Теперь предполагается, что я сочту привлекательным вас и какое-то мошенничество, которое поможет избежать открытого позора, и стану... — Я запнулась, так как не нашла подходящего выражения, затем припомнила отменное словцо из армейского лексикона, — продажной курвой.

Карулан приподнял брови.

— Вы не совсем правы, — сказал он. — Союз такого рода называется супружеством сердечного преподношения. Некоторые из самых высокопоставленных дам Кронии охотно заключали подобные браки.

— По любви, — язвительно заметила я.

— В ряде случаев. А чаще по тем же соображениям, которыми руководствуемся мы с вами. Ради безопасности или выгоды, но, надеюсь, при взаимном уважении.

— А в один прекрасный день какая-то другая женщина станет императрицей.

— В вас говорит зависть? — спросил он. — Потому что она завладеет короной или оттого, что она приобретет права на меня?

— Ни по той, ни по иной причине, сэр, ведь мне не нужно ни первое, ни второе. Ни ваша корона, ни вы сами.

— Откровенное замечание. И, подобно всякой откровенности, действует на собеседника как пощечина. Я получил оплеуху. Но может, вы еще поразмыслите?

Я поднялась из-за стола, прошла по залу и прислонилась к стойке камина.

— Всего пятнадцать лет, — проговорил он. — Принцесса, не подумайте, будто рассудок не позволяет мне видеть вашу красоту. Или я настолько вам неприятен, что и это вас не трогает?

И тут он тоже встал и направился прямо ко мне, как Вильс когда-то. Он обхватил меня за талию и чуть ли не за горло, а затем развернул меня кругом. При этом руки его превратились в своего рода опору, на которую я смогла откинуться и позволить ему овладеть мною. Что он и сделал. Так целовал меня Гурц. Но кровь моя не откликалась на его ласки. Драхрис — быть может, то же самое случилось или чуть не случилось тогда, под влиянием силы, неумолимой судьбы, увлекавшей меня вперед, помешавшей мне остаться самой собой... Или в этих мужчинах на самом деле живет Север, какое-то железное начало, уничтожившее девушку, которой я была прежде, сделавшее меня такой, какая я есть теперь. Их вторжение, хотя сейчас это лишь объятия, губы — истина, ставшая реальной...

Я вырвалась, он отпустил меня, и я ухватилась за край каминной полки, чтобы не упасть.

— Прекрасно, — сказала я и, не останавливаясь, заговорила дальше, — как вам будет угодно. Это самое супружество сердечного преподношения. Имение — заберите его себе — а теперь я должна лечь с вами в постель?

— Разумеется, нет, — сказал он. (Так, значит, он умеет смеяться.) — Если только... Нет, к сожалению, случай не из тех. — Он улыбнулся, снова сел за стол и поднял рюмку, намереваясь смешать привкус моих губ с бренди. — Могу ли я тешить себя мыслью о том, что вас убедил необузданный порыв моей страсти?

— У меня нет выхода, — ответила я, — мне остается только уступить.

Он долгое время молчал, и, обернувшись, я увидела, что он внимательно разглядывает бренди, к которому так и не притронулся. В конце концов он проговорил:

— Могу сказать вам лишь одно, Аара. Я не зверь и не лишен благоразумия. Если цель, к которой устремлены мои надежды, ускользнет от меня, я позабочусь, чтобы вам не пришлось за это расплачиваться. Если я добьюсь своего, вас ждет благополучие. Да-да, понимаю, сейчас оно не кажется вам привлекательным, но... пятнадцать лет. Милая девушка, возможно, лет через пять или через десять вы посмотрите на это иначе. Что касается детей, нам лучше бы их не иметь. Но если они появятся на свет, им не грозит бесчестие. Как только я вступлю в брак с будущей императрицей, что так или иначе вам претит, вы получите полную свободу во всем и будете связаны лишь номинально. Любой мужчина, на которого падет ваш выбор, — я вовсе не жду, что вы станете монахиней. И может быть, в этом неясном, далеком и маловероятном будущем, картину которого я набросал, мы с вами даже останемся друзьями.

Я присела на диван и взяла какое-то рукоделие, начатую раньше вышивку. Попытка оказалась неудачной во всех отношениях. Ни рукодельницы, ни дипломата из меня не получится.

Спустя некоторое время он снова встал.

— Поскольку я ограничен во времени, мне кажется, разумнее всего будет... пойти и лечь спать прямо сейчас. Отправляюсь в путь еще до захода солнца. Может пойти снег, и чем быстрее я поеду... — Он остановился возле меня, поднес к губам мою руку. Отклик во мне вызывали лишь его губы, а ласки — никакого. — Если хотите отказаться от принятого решения, сделайте это немедленно, теперь же. Я не стану вас неволить. По крайней мере сегодня. Но если вы не сообщите мне об отказе, пока я не уехал, я буду считать, что мы окончательно обо всем условились. Вы слышите меня?

— Да.

— Скажите «нет» сейчас же. Или соглашайтесь. Если вы не отвергнете меня сегодня, я уже не отступлюсь. Серенад не будет. Мне необходимы звонкая монета и недвижимость. То же самое я могу получить и из других рук, но не так легко и, с позволения сказать, не так красива. Мне бы очень хотелось... — он тоже выбрал слова из армейского жаргона, намного крепче моих. — Но при этом я хочу, чтобы вы были счастливы. Итак?

— Да, — сказала я, не сводя глаз со своих неровных стежков.

— Посмотрите на меня, — велел он. Я послушалась. — Да, вы не из тех, кто станет лгать. Значит, на том и порешим. Встаньте, поцелуйте меня на прощание. До весны мы больше не увидимся.

Второй поцелуй оказался куда более страстным. Я отдалась на волю Карулана и собственных чувств. А в это время какая-то часть моей души стояла в стороне, бессмысленно и глупо заламывая руки и горюя. Но о чем? О чем?

После этого поцелуя мы распрощались. Как он и предсказывал, до весны мы больше не виделись.

Вместе со снегами явились лебеди. Озеро замерзло, и я приняла их за сугроб. Но сугроб оказался крылатым, и очертания его все время менялись.

Из дома вышли женщины с корзинами снеди. Я отправилась следом. Мы бросали лебедям кусочки хлеба и рыбы. А короли поднебесья хватали их клювами, похожими цветом на ноготки.

Как и рассказывал мне Кир Гурц, лебединая белизна расплылась по озеру, но совсем ненадолго. Мы были лишь памятной точкой на их пути к югу. С древнейших времен, возможно, еще до начала истории, какая-то сила заставляла их приземлиться здесь. Конюхи сделали проруби, чтобы они могли напиться. Не прошло и недели, а лебеди уже полетели прочь, словно взмывший в небо сугроб.

Иногда слуги катались на коньках по озеру, но только совсем рано поутру, чтобы не оскорблять моих чувств своим видом. Я не испытывала желания обучаться этому занятию. Я опять подросла, и платья, в которых не удалось выпустить швы, украсили богато расшитые вставки, пущенные по талии и кромке. Я больше не ребенок, уж больно высоко стало мне теперь падать.

Говорили, что вслед за лебедями должны появиться волки. Мне не стоит тревожиться. Эти звери боязливы, они нападают только на овец да зайцев или слабых, больных животных. В прошедшие годы охоту на волков затевали лишь затем, чтобы поразмяться зимой и отобрать псов для своры, а не потому, что грозила опасность.

Однажды я услышала, как среди леса поют волки. Только в отличие от зримых, но безголосых лебедей их не было видно.

От Карулана пришло целых три письма. Тон дружественный, но никаких излишеств. «Расскажите что-нибудь о себе, — писал он. — Конечно, я влюблен в вас. Но нельзя же мне любить просто картинку, помогите мне. Кто вы, очаровательная Аара из поместья Гурц?» В качестве подписи повсюду значилось лишь «Кристен К»; он сообщал, куда отправить ответ, чтобы он непременно попал к нему в руки. Теперь он в походе — он не говорил, где именно, — это запрещалось из стратегических соображений. Он просил, чтобы я, живя в заснеженном краю, думала о нем по-доброму. Он не писал о боях, не извещал меня о событиях. Вместе с третьим письмом мне передали драгоценное кольцо — серебряного крокодила, державшего в зубах собственный хвост и рубиновое яблочко... Зная наверняка, что ему достанутся мои деньги, он щедро потратился на меня и, вероятно, залез в долги. Мне взбрело в голову написать, что я оплачу его подарок. Но это было бы чересчур резко и бестактно. Мне никак не удавалось придумать, что бы еще сообщить в письме. Я не могла баловать его анекдотами из собственной жизни. Нацарапанная мною записка вышла натянутой, я поблагодарила его за кольцо, поинтересовалась, хорошо ли идут у него дела. Она напомнила мне письма пожилой родственнице, присылавшей мне подарки на день рождения или на Вульмартию, которые мне приходилось сочинять в пяти — или шестилетнем возрасте.

Зима. Казалось, она никогда не кончится. Да она только-только началась.

Той, другой зимой... Белизна леса, окружавшая нас. Черные мундиры на снегу, отчаянные усилия лошадей, следы кровавой бойни.

Иногда утром или вечером запах дыма, поднимавшегося над трубами дома или кухни, вызывал у меня тошноту. Мне снились сны.

В лесах подавали голос волки, а может, волчьи привидения — те, что оставили зарубки на колоннах веранды и подобно робким любовникам скреблись в двери, — я не видала ни одного из них.

Я все читала считала, пока глаза мои не превратились в прогоревшие дотла уголья; голова болела уже и днем и ночью. Я вышивала по образцу, цветы получались пьяными, а синенькие птички какими-то уродами. Роза следила за моими волосами.

Зима высветлила весь мир. Эта белизна — как болезнь. Неужто не будет ей конца?

Я узнала, что в середине зимы ожидается веселый праздник, но похоже, к храму Вульмардры он никакого отношения не имеет. Святилище приобрело вид настолько

заброшенный, что я поняла: туда ходят нечасто. Хранимая женщинами тайна. Они так и не объяснили, что послужило причиной столь ревностного порыва в прошлый раз. Даже госпожа не отличалась разговорчивостью на эту тему, хотя теперь, спускаясь время от времени к обеду, охотно болтала со мной о том о сем. Я никак не могла решить, что из ее речей продиктовано старческим слабоумием, а что требованиями изощренной игры, суть которой мне не удалось постигнуть. Она несколько раз упомянула о Карулане, называя его Бирюзовый Глаз.

Дом по-прежнему жил с точностью механизма. Мы с бабушкой и Вульмардрой осуществляли никому не нужное руководство.

Вот только я неизменно просыпалась каждое утро с шестым ударом настенных часов в коридоре. Не приказать ли мне устранить этот зубец часового механизма? Нет, глупость надо побороть. Во всяком случае в это время еще темно, рассвет наступает все поздней и поздней, ни лучика до десяти часов, и так уже на протяжении многих дней.

Поэтому, когда я проснулась, встала с постели, оделась, набросила на себя шубу и пошла по дому, стояло черное утро.

На этот раз я повстречала служанок, и они поклонились мне, и мальчик-слуга принес теплые сапоги, а горничная — рукавицы. Похоже, никого не удивило, что я вздумала отправиться на прогулку по заснеженной пустоши. Почему бы мне не совершать свои странные обряды. И я не скрывала, что направляюсь в храм.

Но сама я пришла в изумление оттого, что, войдя в святилище и склонившись возле алтаря, взяла и заплакала.

Я не ощутила присутствия сил, не увидела знамения, а может, все угасло из-за моего плача? И разве можно найти утешение у гранитной плиты или ломкого, промерзшего до черноты плюща?

Я вытерла слезы, встала и положила на каменную плиту цветы из теплиц и прихваченные из спальни фрукты. Бедные цветы, бедные плоды, этот едкий снег так быстро вас прикончит.

— Теперь я уже и не знаю, о чем просить тебя.

Когда липы с голыми ветвями остались позади, я услышала волчий вой, чистый, как свист тонкого клинка, рассекающего тишину.

Я замерла, прислушиваясь. А когда вой затих, пошла дальше, к сосняку. И тогда послышался голос. Тот самый Голос. Звук, который мне довелось услышать однажды, и я боялась, что он станет преследовать меня и поразит мой слух в иное время и в ином месте, но связь с тем, первым, сохранится вечно, ибо звук этот неизбытен. Он нескончаем и звучит всегда, но так устроено, что лишь в особые моменты отодвигается какая-то заслонка в ухе, и тогда можно услышать...

Вой затих.

«Ветер, голос родины», — проговорила память голосом Дланта, но ветры так не воют.

Услышавший его песню погибнет.

И божество явилось мне. Я увидела его. Он шел, очень осторожно и изящно ступая по ледяному покрову озера. Он был в облике волка, каким его всегда изображают, и — подобно собственным изображениям — не походил на лесных волков. Черный как смоль, с гладкой шкурой, гораздо больше собаки или волка. Но я ни на одно мгновение не усомнилась в том, что передо мною существо необычное, не волк и не собака из охотничьей своры. Ни на минуту я не усомнилась в том, что передо мною именно он и никто иной.

Приблизившись к берегу, на котором я стояла, он приподнял удлиненную голову с заостренной мордой. Взгляд его скользнул мимо меня. Белые горящие глаза.

Я не почувствовала страха. Меня сковал ужас. Разумеется, это не просто волк. Он может убить меня, если пожелает. Ведь для него нет препятствий, и неважно, что я уже взрослая и стою на ногах; его не остановит ни мой крик, ни то, что он один и, возможно, не голоден. Этот волк не из волчьего племени. Это Випарвет.

Ступая с изяществом благовоспитанной девушки, он выбрался на берег и

неторопливым волчьим шагом направился ко мне.

Бегство показалось мне безумием. Я застыла на месте, склонив голову.

Я ничего не видела, но ощущала, как он продвигается ко мне, словно стелющаяся по земле черная волна.

Но он так и не дошел до меня. Подняв голову и увидев, что он исчез, я почувствовала, как при агонии, боль разочарования и облегчения.

— Что это значит? — спросила я, обращаясь к безмолвному зимнему лесу. Но лес, знавший ответ, мог и не откликаться на мой вопрос.

Стоило мне направиться к дому, как тысячи маленьких иголочек стали колоть руки и ноги, или это тепло разлилось по ним. Меня интересовало, видел ли бога кто-нибудь еще, слышал ли его песню. Необходимо как следует взглянуть в лицо человека, который первым повстречается мне в доме.

Подойдя к ступенькам веранды, я оглянулась. Он не оставил на земле следов, из которых вырастают люпины. Возможно, я сошла с ума.

В доме царил прежняя суета. Они ничего не видели и не слышали.

— Это несомненно что-то означает, — проговорила я вслух, оказавшись у себя в комнате. — Я видела... я видела волка, видела бога. Только какой же в этом смысл? Как мне это понимать?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

На воцарившуюся среди лесов зиму навалилась оттепель, послышались громкие трескучие очереди, как будто рушились стены ледяного жилища. Я никогда не слышала и не видела, как происходит борьба этих необъятных начал, когда два волеизъявления, способные творить метаморфозы, вступают в битву друг с другом. В городах и на дорогах, по которым мы с Мельмом пробирались к Крейзу, за глухими ударами оползавшего снега следовала распутица, слякоть, грязь, дожди; непогожие дни, не приносившие тепла, от которых веяло лихорадкой; клубки сплетенных ветвей, превращавшихся при ближайшем рассмотрении в нанизанные друг за другом почки.

А в поместье Гурц снег сходил с деревьев и крыш как лавина, с громким треском, ломая повсюду черепицу, которую придется заменить, повергая на землю огромные ветви, словно отсеченные руки и захваченные в плен боевые знамена.

В один из дней на озере вскрылся лед, раздался ужасающий, сверхъестественный хруст, который я услышала даже из своей башни и пришла в изумление, будто произошло еще одно запредельное явление, но за завтраком мне поведали, отчего случился такой шум и заулыбались, видя, что я нимало не встревожилась.

Лужайки стали словно взморье, покрытое густой черной грязью, истыканной зелеными как мята, игольчатыми всходами молодой травы, по которому рассыпались звездочки подснежников, златоцветников и прозрачных фиалок. На липах показалась зелень, напоминавшая окраской первоцветы, а нагие, словно колья, березы окутались живительной пылью, осыпавшейся с сережек. У подножия западной веранды кусты, которых я прежде не замечала, заиграли розовыми язычками пламени.

Прилетела целая армия ярких, как цветы, птиц, появились похожие на блестящие угольки скворцы, и дрозды, и соловушки, и грянула музыка.

Подавленность и летаргическая вялость оставили меня. Они вконец вымотали меня и тогда утратили интерес к моей особе. В душе моей освободилось место, и его заняли вспыльчивость и беспокойство, кипучие вещества забродили у меня в крови, очищая ее.

Я получила целых шесть писем от Бирюзового Глаза — Кристена Карулана, а сама послала всего одно. Он ни разу не упрекнул меня, и язвительности в его посланиях не

прибавилось. Он писал, что мои усилия, как видно, не принесли желаемых результатов, и то же можно сказать о войне. Сообщал, что они расположились на холме, среди равнины, в лесу, но точного места не указывал. Что конь его оказался стойким, и неплохо бы ему занять терпения у своего четвероногого товарища. Писал, что скучает обо мне. (Как это может быть? Он и четырех дней со мной не провел.) Он не спросил, надеваю ли я серебряного крокодила. И не подтвердил обещаний навестить меня весной.

Но весна наступила, а он из тех, кто держит слово. Я с раздражением заметила, что все ждут его приезда. Обитатели дома повытаскивали ради него на свет свои лучшие наряды, казалось, что и сама усадьба принарядилась.

Настал и мой черед извлечь постиранные, надушенные травами, отглаженные легкие платья. Я подумала, что встреча с кем-нибудь будет чем-то новым для меня и принесет радость.

Пришло письмо от Воллус, чего я никак не ожидала. По моим расчетам Карулан должен был сообщить ей, что получил мое согласие, быть может, умолчав о том, как именно это произошло. Вопреки ее грозному обещанию «поговорить со мной потом», мы не перекинулись больше ни словом, разве что участвуя в общей беседе. Обошлось без разговоров, и я восприняла это с благодарностью. Вероятно, они успели тайком условиться меж собой и предоставили Карулану самому вести игру. Я не ожидала, что она станет рисковать и похвалит меня в письме за благоразумие и сговорчивость — она этого не сделала. Вскрыв письмо, я прочла следующее:

«Дорогая моя принцесса, пишу Вам, на этот раз посылая прощальный привет. Я отправляюсь в то самое небольшое путешествие к голубым волнам Темерида, на поросшие пальмами острова Сибрис. Я стала прямо-таки искательницей приключений».

Далее она упоминала о суровой зиме и о том, что для ее уже немолодого организма необходима более теплая весна. Она рассказала, по каким ценам продаются цветы в букетах, и отметила, что мне невероятно повезло, раз у меня есть теплицы.

«Может, Вам доводилось что-нибудь слышать о ходе войны. Известия разнеслись повсюду, но до Гурца могли не дойти. Какое дело волкам и лесным кошкам до сообщений о стычках и битвах? Да и Вам, милая Аара, при Ваших скудных познаниях в географии. Отыщите, если будет угодно, школьный глобус и, когда найдете на нем Туйбиц возле черного Саблического океана, запомните: в этом месте нашим противникам, Альянсу Чавро и отдельным восточным царькам удалось добиться незначительных успехов. На чаврийских границах войска несколько раз предпринимали наступления и поспешно отступали. Разумеется, могущество и проницательность императора не оставляют нашим врагам ни малейшей надежды на удачу. Мы с минуты на минуту ожидаем триумфальных побед. В Урманте, на нашей родной земле, увенчанный лаврами Север понес потери из-за отъявленной глупости тех, кто возглавлял войска, за что их всех и повесили. Таких историй немало».

Затем она перешла к ценам на фрукты, к восхвалению моих садов и в завершение написала: «Что ж, я отправляюсь в путь. Но не сомневаюсь: победный глас трубачей Кронии будет слышен мне и далеко за морем».

Я дочитала письмо до конца, затем спустилась в гостиную на женской половине и там, подле бледного огня, перечитала его еще раз. Стоявшие на каминной полке блюда побрызгали вытяжкой из розмарина и розовых лепестков, и до сих пор этот запах, усиленный близостью огня, вызывает у меня иногда внезапный прилив страха и растерянности.

Учитывая сказанное ею прежде, даже я сумела прочесть предупреждение об опасности, написанное крупными буквами между строк, содержавших оптимистические прогнозы, перечень цен и заведомо лживые высказывания.

Из ее сообщений, среди которых далеко не последнее место занимала весть об отъезде, можно было заключить, что в империи воцарился полнейший хаос.

Спустя некоторое время я взяла из библиотеки глобус.

Саблическое море находилось далеко на востоке, за горами, похожими на позвонки, из

которых боги составили спинной хребет страны, — только эхо сокрушительного бедствия могло донестись до западной ее части. Упомянув о продвижении войск, Воллюс не говорила, какая из сторон вела наступление, тесня противника. И так понятно. Осуждение, высказанное ею в адрес командиров кронианских войск, и рассказ о постигшей их казни свидетельствовали о растущем безумии; о том, что опоры власти и обороны дружно рушатся.

Никто из обитателей Гурца не заговаривал со мной о войне. Но вероятно, какие-то слухи доходили до них... а может и нет. До нынешнего времени дороги оставались непроходимыми почти на всех подступах. Поместье находилось в стороне от большака; отправленный к нам из бывшей столицы нарочный мог добраться до усадьбы за день. Но мне доставляли лишь послания Карулана.

Моему нареченному, моему будущему супругу по сердечному преподношению не пришло в голову предупредить меня. А Воллюс предупредила. Почему? Неужто из альтруистических побуждений? Или это очередная попытка упрочить собственное положение: а вдруг в один прекрасный день, действуя окольными путями, как водится среди распутниц, я добьюсь большей власти, чем она? В том случае, конечно, если вокруг меня хоть что-то уцелеет. И помимо прочих вопросов: насколько вероятно, что мой обожатель посетит меня и будет за мной ухаживать в минуту, когда одни боги ведают, какие поражения ему грозят?

Словно погребальный звон колоколов, словно отдаленный рев и вой раковин. Слух мой превратил полнейшую тишину в воображаемые звуки. Угрожает ли мне опасность? И неужели опять, опять бездушная колесница войны прокатится по мне и ее окровавленные колеса потащат меня за собой?

2

— Вы болеете?

С такими словами он обратился ко мне месяц спустя, переступив порог спальни в Западной Башне. Я не отвечала, а он заговорил снова:

— Знаете, пожалуй, это сочтут предосудительным. Подобную встречу в спальне. Наш с вами уговор остается тайной для всех, кроме пары человек. Что и правильно. Но вы слывете добродетельной дамой, моя кошечка, и мне хотелось бы, чтобы ваша репутация сохранилась и ничто не запятнало бы наши с вами имена.

— Тогда сойдемте теперь же вниз.

— Неплохо бы. Если вы в состоянии это сделать.

— Я не больна.

— Мне подумалось, что...

— Вы задержались с приездом, и я расстроилась.

— Вас что-то беспокоит.

— Мысль о вашем благополучии, принц Карулан? Разумеется.

— Нет. Вы совсем еще ребенок и не могли за меня тревожиться. Ваша собственная участь.

Я задрожала и с некоторым кокетством проговорила:

— Разве мне стоит тревожиться о своей участи? Разве могущество императора не гарантирует мне безопасность?

— Мы обсудим этот вопрос. А меж тем давайте перейдем в гостиную. Или в сад. На дворе стоит райский денек. Между прочим, вам известно мое имя, ведь я ставил его в конце каждого письма.

— Вы подписывались «Кристен К.». А за подписью следовала печать — латная рукавица на гербе Сазрата. В одном из ваших писем обнаружился крокодил. Можно мне называть вас Крокодилом?

— Без сомнения. Придуманное вами прозвище порадовало бы меня. Куда сильнее, чем письмо длиной в страничку, которое вы написали старой незамужней тетушке и по ошибке

отослали мне.

Его мнение по поводу письма разительным образом совпало с моими собственными мыслями, и потому я покраснела. И похоже, ему это понравилось. Мы спустились вниз рука об руку.

Когда он вошел в спальню, я лежала на диване, а рядом со мной валялся карандашный рисунок. За окнами скользила мерцающая дымка зазеленевших берез, виднелись цветочки вьющихся растений, а в горшке стояла объятая безумным цветением камелия. Вероятно, он не усмотрел в подобном зрелище ничего отталкивающего. В своем седьмом письме, доставленном в усадьбу два дня назад, он известил меня, что прибудет вместе «с парой офицеров и небольшим конным отрядом». Я решила, что это неуместно. И убедилась лишь в одном: если я стану дожидаться его внизу или буду сидеть и смотреть в окно, возможно, мне снова придется увидеть скачущих по дороге солдат, как тогда во сне. Из-за этого суеверия меня день и ночь не оставляла головная боль, оказавшаяся мучительней всего прочего. На второй день мне полегчало, и я нежилась в постели, прислушиваясь к многозначительному шуму суматохи в доме.

Мы спустились в обнесенный оградой садик у восточных стен дома.

Как он и говорил, стоял день, напоенный ароматом солнца и пением птиц. Живые изгороди из тиса никто не подстригал, и ветви сплелись в сплошную темную массу; выложенная плитами дорожка заканчивалась подле старого кедра, посаженного в честь древнего божества; под деревом находилось крохотное святилище с каменной лягушкой наверху.

— Взгляните, — сказал он, усаживая меня на скамейку, — разве существует лучшее лекарство от головной боли?

— Ох, — сказала я. — Кто-то проболтался, скорее всего, Роза со своим длинным языком.

— Милая девушка, это возрастное, — сказал он. — И куда лучше переболеть сейчас, нежели мучиться ипохондрией и мигренью после двадцати лет. Тогда от них гораздо труднее избавиться.

Я смутилась. Наверное, ему под тридцать, у него есть мать и сестры... раз он так много знает о женщинах. Я почувствовала себя задетой. Мне хотелось предстать перед ним здоровой, без изъяна. Чтобы избежать вмешательства и сохранить самое себя. Ведь только это мне и удалось спасти.

И тут он вспрыгнул на скамейку и заглянул за изгородь, словно десятилетний мальчишка.

— Нас никто не подслушивает, — заключил он и сел рядом со мной. — Я изложу вам все сразу, а потом задавайте вопросы, если они у вас появятся. Возможно, до вас доходили какие-то сведения о ходе войны — помимо рассчитанных на цензуру писем?

— Отчасти. О битве при Той... Тойбилисе.

— Туйбиц уже отошел в область истории. — Он говорил довольно быстро и почти беззвучно. — Война обернулась против нас и уже наступает на горло Кронии. Забудьте думать о Востоке, о королевствах Чавро — они лежат за границами империи. Пал Сазрат. По последним сообщениям головные отряды Альянса вошли в Джермину.

Я заметно испугалась. Он упомянул о месте, через которое мне довелось проезжать, и потому вся острота положения открылась мне.

— Совсем близко, — сказал он. По его виду не скажешь, что он огорчен или подавлен. Вероятно, он предсказал все эти события в малейших деталях, когда строил планы на будущее, и теперь его прогнозы начали сбываться. — В отличие от нас они не допустили, чтобы их действиям помешала зима. Помимо того, боюсь, мы допустили грубые ошибки. — Он опустил сияющие холодным светом глаза. Ошибки допустил император, его служители и высокое начальство. Не Карулан, ведь Карулан обязан нести службу и подчиняться. — И не последнюю роль сыграли заблуждения на счет одного человека, о котором вы, верно, слышали, южанина, перешедшего на сторону северян. Он согласился, чтобы Север

выплачивал ему жалованье, и в конце концов весь Север оказался у него в кармане.

Казалось, сидевшие в кустах птицы прервали пение, чтобы сад не пропустил ни полслова.

— Возможно, вам рассказывали об этом дьявольски хитроумном человеке по имени Завион. Как я полагаю, весьма неглупый авантюрист. Ведя с нами игру, он сделал рискованный ход и одержал победу. Он разузнал о нас все, что только достойно внимания. И все до последней детали передал своему королю и чаврийским союзникам короля. Маршруты, уязвимые места. Он не мешкал, живя в гуще событий. Однако одному Уртке известно, как он ухитрился нацедить столько сведений. Похоже, никто не следил за своим языком. Черт возьми, они преподнесли ему Кронию на блюдечке, словно дар в знак сердечной расположенности...

— Сердечное преподношение, — сказала я и мрачно рассмеялась. (Он подумает, будто я все еще во власти женских недомоганий, в которых он так хорошо разбирается.)

— Выслушайте меня, дорогая. Теперь, как мне кажется, произойдет следующее. Часть войск направится к столице, это несомненно. Но в Крейзе помимо военного снаряжения находятся наши легионы, четвертый и девятнадцатый, противнику захочется взять в кольцо и этот город. Аара, вы понимаете, чем это чревато?

— Нет.

— Ваши глаза говорят «да».

— Очередной осадой.

— Не исключено. Они лишат два наших легиона возможности передвигаться, но при этом часть их сил окажется прикована к этому городу. Сидящая на цепи сторожевая собака не может красть цыплят с соседнего двора.

Он говорил, и у меня перед глазами возник Крейз Хольн, окутанная дымкой река, купола зеленого фаянса, жара, зимний дворец, улицы, парки... к ним примешались воспоминания иных мест, иных куполов, парков и улиц... и тогда я захлопнула дверь в мир грез и стала смотреть на тот, что окружал меня, на Карулана.

— Как мне быть? — В конце концов, протестовать бессмысленно. Ему придется помочь мне.

Но он не стал этого делать.

— У вас есть выбор, Аара. Укройтесь в городе, я обязан обратиться с таким же предложением к вашим слугам. Не думаю, чтобы многие его приняли. Но согласно закону вы должны отпустить тех, кто захочет уехать. Крейз прекрасно обеспечен продовольствием и охраной. Боюсь, меня там не окажется, и я не вправе открыть вам, где я буду. Но, заверяю вас, Крейзу не грозит капитуляция в отличие от вашего... вопреки выводам, которые, возможно, вам подсказывает опыт.

— Их ожидают танцы и обеды, — сказала я, — под грохот пушек. — И вздохнула. Вот и все. — Таков ваш совет? Мне следует перебраться в Крейз на время осады?

— Мы можем отвезти вас на взморье.

— Чтобы я сбежала, как Воллюс?

— О, разве? Я предполагал, она намерена пережить события там. Порой случалось заметить, как она кружит поблизости от поля боя. — Он бросил взгляд в мою сторону, чтобы узнать, не шокировали ли меня его слова. — Или же оставайтесь здесь. Я считаю, что это неопасно. Когда они, подобно вашему божку в лягушачьем обличье, расположившемуся под кедром, засядут в Крейзе, в лесах уже будет полно дичи. Город окружен домами и усадьбами, которые непременно станут добычей противника. Но до райского уголка под названием Гурц войскам три дня пути, если не больше, и он не пользуется громкой славой. Мне кажется, вас не заметят. Да, — прибавил он, — похоже, у вас отлегло от сердца. Вы по уши влюблены в свое поместье, вам не хочется его покидать, ведь вам не полюбились ни бегство, ни осада, ни война. Бедняжка Аара. Я не могу поставить вам это в упрек.

Мне потребовались все силы, чтобы не разволноваться. Его слова вызвали множество различных мыслей, меня затрясло. Но не видать ему моих слез, и я больше не стану взывать

к нему, пытаюсь преодолеть лежащую меж нами бездну.

Кажется, он с уважением воспринял мои попытки держаться спокойно и храбро. Подобная черта характера может оказаться весьма ценной, когда я стану куртизанкой при нем.

— Вдобавок, — сказал он, — пожалуй, я возьмусь с уверенностью заявить следующее: не успеет враг пожаловать к нам в гости, как вскоре все закончится тем или иным образом.

Он не объяснил, что означают его слова. И в тот момент я даже не задумалась над ними.

— Остался всего один вопрос, — сказал он. — Мы получили разрешение на изъятие провианта и прочих необходимых вещей со всех земельных владений. Подвалы и амбары Гурца ломаются от припасов. Полагаю, вы не станете возражать и даже не заметите урона. Но мне показалось, вам будет приятней, если я займусь этим сам.

Я вспомнила, как однажды в сумерки в дом к моей тетушке заявились ополченцы.

— Вы и мужчин заберете?

— Дорогая моя Аара, ваших элегантных управляющих и доблестных работников кухни? Нет, благодарю. Мы не возьмем даже несравненного Мельма, хоть он и сведущ в военном искусстве. К тому же он ни за что не согласится покинуть вас. Мы как-нибудь продержимся силами своих легионеров... опираясь на могущественного императора. А с вас, — заключил он, — и так предостаточно. Вы не хотите вернуться в дом?

— Нет...

— Тогда оставайтесь здесь. Полюбуйтесь на милых птичек, киска. Ей-богу, я переправил бы вас в другое безопасное место, если бы видел в том необходимость. К лету все уже будет позади. И тогда мы с вами совершим обряд. Благодарите богов войны: когда бы не они, я непременно дал бы волю рукам. За пением соловьев вы не услышите ни единого пушечного залпа. Разве я хоть раз сказал неправду?

К обеду я надела серебряного крокодила.

Капитан отряда и его адъютант сели за стол вместе с нами, по просьбе Карулана еду подавали в гостиной, без затей. Он покровительственно относился к этим офицерам, своим подчиненным, а они просто преклонялись перед ним. (Я уже слышала доносившиеся из конюшни восторженные крики целого отряда бойцов и некоторых моих работников, прославлявших принца.) Солдат разместили в помещениях при кухне. Мой нареченный по сердечному преподношению понадеялся на широту моих взглядов: возможно, на следующий год в поместье прибавится детей, ведь уходящим в бой солдатам не свойственны ни строгость нравов, ни сдержанность. «Как жаль, — заметил он, — что мы сами должны безупречно себя вести. Но мы могли бы, по крайней мере, посидеть в гостиной, прикрыв двери, а у мальчишки-истопника тяжелая походка».

Я понятия не имела, что они взяли из продовольствия. Экономка зашла ко мне вечером, но лишь затем, чтобы обсудить в деталях блюда к нашему обеду и к тому, который готовили на кухне для солдат. Роза не удержалась и высказала вслух то, что и без слов было ясно: «Кое-кому из этих парнишек больше не придется попробовать ни цыпленка, ни ватрушки, ни салата». Для них специально испекли торт. Мне кажется, их обед оказался обильней нашего и уж, во всяком случае, проходил в более непринужденной обстановке.

Когда подали бренди, я поднялась, намереваясь оставить мужчин, но Карулан демонстративно схватил меня за запястье, и капитан с адъютантом насупились, запыхтели и поспешно отклонялись. Карулан проявил великодушие и налил им по полному бокалу, прежде чем выставить их за дверь.

Мы устроились на диване, полусидя-полулежа, чтобы успеть принять благопристойную позу, если вдруг кто-нибудь постучит, и в этот раз он позволил себе гораздо больше, чем в прошлый. Какие-то неясные огни блуждали по телу, а от прикосновения его рук томительное серебристое желание разлилось в груди, ненавистное мне, невыносимо сладостное... Но, как и еда, его ласки не пробудили во мне аппетита. С тех пор, как Кир Гурц в последний раз обнял меня, прошло намного больше года. Никто ко мне не прикасался, и я воспринимала

это как своего рода счастье, словно с каждым месяцем непорочной жизни все меньше оставалось во мне грязи, все надежней затягивались раны. Карулан оказался незванным гостем: он пробудил во мне желание, напомнившее о радостях, которые раньше, когда я была маленькой, доставляли мне лишь собственные руки; о действиях, совершавшихся среди укромной безглазой темноты и, на мой взгляд, никак не связанных с мужчинами, сопряженных лишь с глубоким страстным желанием, слепым, несведущим, едва успевшим родиться, но заключавшим в себе все необходимые знания, неуклонно толкавшим меня к моменту похожего на беззвучный крик самозабвения и таяния. Это волшебное, глубоко интимное явление, происходившее изредка, во тьме и всегда, всегда в одиночестве, не вызывало у меня вопросов, и я не считала его ни нормальным, ни дурным.

Но жизнь, мужчины, их тяжелое дыхание и судорожные движения, жар их рук и тела постепенно изменили мои представления. Ненароком открытое мной чудесное приключение доступно всем. Более того, эта пьеса предназначена для дуэта, а не для сольного исполнения. Что за жуткое зрелище являл собой Гурц, неужто и я способна на такое? Меня это пугало. Меня испугала мысль о том, что этот человек с глазами точь-в-точь как драгоценные камни, которые казались еще зеленей на распаленном настороженном лице, подведет меня к самому краю и толкнет вниз. И тогда я воспротивилась, не захотела принять чувственного удовлетворения, которое он мог бы бескорыстно мне подарить. Недомогание пришлось кстати, и, соскользнув с этого пути, я откинулась назад и пусть не словом и не жестом, а лишь мысленно дала понять, что дальше не пойду.

Спустя некоторое время и он отстранился от меня.

— Вы проявили чрезвычайное великодушие. Все впереди, Аара. Настанет день, настанет ночь. Для нас с вами. — Затем, уже стоя у камина, он проговорил: — Когда над нами будут совершать обряд, скажите, что вам семнадцать лет. И в документах, которые вы подпишете, поставят ту же цифру. Я не ошибся, летом вам исполнится шестнадцать?

— В конце лета, осенью.

— Что ж, этого достаточно. К моменту бракосочетания невеста должна достигнуть возраста шестнадцати лет, а мне хотелось бы, чтобы наш союз имел как можно больше общего с браком, хоть он и не вполне им является.

— А если бы я попросила, — сказала я, — вы женились бы на мне по-настоящему?

— Не просите, — ответил он, — не женился бы, и ваша просьба испортила бы то, что у нас есть. — Он стоял, разжигая одну из длинных глиняных трубок, которую снял со стойки. Синевато-белесый дымок душистого табака поплыл в воздухе. — Именно это вас и тревожит? Вы так горюете о настоящем браке?

— Нет. Для Гурца я была игрушкой, — сказала я. — Он только под конец на мне женился. — Карулан нахмурился, и я поняла, что ему об этом не рассказали. — Это роняет меня в ваших глазах?

— Вовсе нет, — медленно проговорил он, — но заставляет меня снова призадуматься над вопросом: из какого же теста вы сделаны? Впрочем, медведь побери. Вы еще и сами себя не знаете.

И тут, тяжело ступая, явился мальчишка-истопник; исполнив свои обязанности, он удалился, а Карулан заметил, что при подобной медлительности слуг мы могли бы довести дело до конца, но если мальчишка сообщит, что мы сидели по разные стороны от камина, кое-кто в доме поведет бровями, а то и надерет ему уши.

Мы отправились спать. Задержавшись на лестничной площадке, он запечатлел на моей руке целомудренный поцелуй, желая мне спокойной ночи.

— Когда я уеду, вы еще будете спать. Кстати говоря, никто из слуг не хочет покидать вас. В случае каких-либо перемен, я сразу же вас извещу.

— То есть, если переменятся ваши планы относительно меня.

— Нет, опаловые глазки. Если возникнет угроза вашему поместью. Но этого не произойдет. А теперь отправляйтесь в постель, смотрите сны про меня и расскажите в письме, что вам приснилось, за исключением непристойностей, надеюсь получить его через

неделю.

Я легла спать, но мне приснился не Карулан, а красный мрак, от которого я убегала, чувствуя рядом с собой присутствие второго беглеца, но я боялась, как бы меня не услышал преследователь, и не посмела его окликнуть, а может, я ощущала лишь отзвук собственных шагов.

Утром ни Карулана, ни солдат уже не было. Он же сказал, что никогда не лжет в подобных случаях.

3

По моей просьбе открыли двери в его покои. Вероятно, они думали, что я попрошу об этом раньше — ключ так и сиял, а замок оказался смазан. Я представила себе, как экономка скажет своим ближайшим подчиненным: «Ей хочется с ним попрощаться, ведь скоро она вступит в новый брак». Но разумеется, дело было не в этом.

Я предполагала, что Мельм захочет пойти вместе со мной. Слуги говорили, что он сам заглядывает в эти комнаты, когда нужно прибраться, и разрешает горничным стирать пыль только под своим присмотром. Но Мельм лишь отворил мне дверь, поклонился и ушел. Теперь мы с ним лишь изредка вступали в разговор.

Кабинет хозяина располагался в восточной части дома. В этой большой комнате имелся выход в зал и на веранду, но дверь перекосило, а замок так заржавел, что все, кроме настырных волков, махнули на нее рукой.

По бесчисленным полкам тянулись ряды книг в кожаных и даже металлических переплетах с висячими замочками. В стеклянных сосудах, аккуратно помеченных ярлычками, хранилось несколько древних свитков — труды натуралистов и философов, творивших в эпоху античности. Все соответствовало моим предположениям. На большом письменном столе — стеклянные гири, медные весы, а в нем мириады ящичков с бумагами, антикварными вещами, фигурками из воска, булавами; на самом виду лежала пара книг — то ли выставленных напоказ, то ли являвших собой душераздирающее зрелище — однажды он встал из-за стола и так их и оставил, надеясь возвратиться из похода с Длантом. Был в комнате и мраморный верстак, прибранный и чистый, только маленькие инструменты для тонкой работы остались непонятны мне, а еще прибор для дистилляции; за несколько недель тщательно наведенный глянец покрыла пыль.

На стенах была развешана коллекция с засушенными листьями и цветами, с записями о характере растений, сделанными рукой ребенка, за ними следовали другие, с почерком взрослого Кира Гурца. Там же я заметила жуков и бабочек, красивых на мой взгляд и в то же время вызывающих ужас, все эти краски — зелень, ярь-медянка, едкая голубизна и желтизна на мумифицированных трупах сливались в очертания черепов и глаз. Он убивал их, потому что питал к ним любовь, хотел получше их разглядеть и изучить. На другой стене меж высоких стеллажей с книгами — длинная желтовато-серая волчья шкура плохой выделки. Надпись гласила: «Я убил волка и выделал шкуру. Он застрелен из кремневого ружья двумя пулями. Сегодня мне исполнилось десять лет».

Обнаружив в углу небольшой клавесин, я удивилась. Мне бы и в голову не пришло, что Гурц умеет на нем играть; правда, инструмент оказался закрыт на ключ. Затем я нашла на крышке записку, подклеенную к засохшей розе: «Клавесин моей матери».

Жуткое впечатление: как будто он побывал здесь и сделал краткие пометки, отвечая на вопросы, которые могли у меня возникнуть.

Из кабинета я поднялась по лестнице в Восточную Башню. На полпути из него находилась ванная комната, но воду там отключили. А наверху — спальня хозяина с расположенной напротив нее молельной. Внутри нее на полу, застланном восточным ковром, стояла старинная курительница благовоний; две-три мухи жужжали, ползая по ней: прельстившись ароматом, они уже не могли или не хотели улетать. Вот вызолоченная ниша, где раньше находились медведь и волк. Согласно традиции, Випарвет являлся богом,

покровительствовавшим Гурцу, и в положенное время все, кто хотел, не таясь, совершали ритуалы в зале. А здесь владелец поместья и его жена могли предаваться порывам благочестия, обращаться к богам с просьбами, каяться в грехах. (Я лишь однажды из вежливости посетила усадебного священнослужителя, хотя он довольно часто бывал в доме и совершал различные незатейливые обряды. Я не особенно вдавалась в разговоры с ним. Платил ему Мельм, а я стояла рядом.) Затем господин с госпожой засыпали — или предавались любви — в огромной черной кровати, полые столбики которой украшала резьба в виде ветвей — деревья вновь обрели свойственную им форму.

Матрас и полог сняли, осталась только колоссальная рама. Над деревянным навесом виднелся герб Гурца — щит в форме сердца и увитый белыми цветами жезл. А под ним выписанный золотыми буквами девиз. Я прочла: «Либо Все Сразу, либо Ничего». Я поняла. Жезл — символ стойкости, нестигаемой воинской силы. Выющиеся цветы, выраставшие из него, означали изобилие и покой, гибкость, мир, священную землю.

Вся эта премудрость была здесь, а его, как ребенка, все тянуло странствовать. Несмотря ни на что, он так и не набрался ума. Все сразу или ничего. Погнавшись за всем сразу, он и потерял все, а в результате: Ничего.

За окном виднелись сосны и небо, весна уже на исходе. На подоконнике в стеклянном ящичке обнаружилась последняя бабочка. Южное насекомое, крохотное, пронзительно-синего цвета. Я видела их в садах возле древнего дворца в Сирениях, а с тех пор ни разу. Как странно. Наверное, кто-то привез ему эту бабочку, и она, словно сирена, заманила его в дальние края.

В тот день, когда мне встретились такие бабочки, я видела еще и пленника, стоявшего на зеленой прогалине, Фенсера.

В классических романах бабочка являлась символом души. Откуда взялось стремление убить душу и надеть ее на булавку? А где теперь твоя душа, Кир Гурц?

Я удалилась, подобно пилигриму, который прикоснулся к мощам, но не нашел облегчения. Я не излечилась. Ни от чего.

4

Ни единого залпа не донеслось до Гурца. Тем ранним летом ни один вражеский солдат, отбившийся от войска, не занимался мародерством среди наших полей и лесов, хотя письмо Карулана (восьмое) доставили люди в черных мундирах. Они не принесли важных известий, и он тоже писал ни о чем. В игривом тоне. На этот раз в письме прозвучал упрек: «Либо Ваши нежные слова, обращенные ко мне, разодраны войной в клочья, либо их украли, и какой-то другой одинокий человек упивается ими; или же Вы — бессердечная нимфа, которая не умеет писать и скрывается среди кустов или вод своей реки, питая добрые чувства к ним одним». Что правда, то правда, я ему не писала.

Поместье обеспечивало нас всем полностью, продолжались работы на полях и в садах, где уже начали появляться плоды, среди изобильных виноградников и зарослей деревьев. Озеро так и кишело рыбой. Все говорили, что отлавливая часть ее, мы совершаем добрый поступок, ведь тогда остальным легче выжить.

Время от времени странники сообщали что-то новое. Крестьянские семьи, бежавшие в наши края из районов боевых действий, какие-то конокрады, которым по соседству с пушками пришлось несладко. А однажды экипаж с дамами и кавалерами, спешившими с другого конца страны в Крейз, чтобы принять участие в «достопадной осаде» в качестве наблюдателей.

К тому времени, когда десятая часть войск чавро и их союзников окружила стены Крейз Хольна, белые цветы на кустах сирени, охранявших вход в храм Вульмардры, успели отцвести.

В канун Желтой Розы — который в Сазрате не празднуют — в самый разгар лета они сняли осаду.

А я жила, как будто не было ни осады, ни войны.

Его назовут Трехсторонним Договором. Восточная монархия, Альянс Чавро — в который теперь входила и моя родная страна (не враг, так друг поглотил ее) — и Саз-Кронианская империя одновременно подписали его в три часа утра в Саблической Баслии, расположенной у восточных границ, в Золи на южном рубеже и в столице Кронии, во дворце.

Советники императора подняли шумиху, вассальные принцы и правители его земель тоже. Даже сторонники войны заявили, что сейчас необходимо сделать передышку и заключить перемирие, дабы в конце концов одержать победу.

В Крейз вкатили запряженные ослиами чаврийские пушки, увенчанные гирляндами цветов, а люди на улицах братались, целовались, клялись друг другу в верности и пили вино; прошел месяц, и Карулан прислал девятое письмо, в котором и поведал мне в непринужденной манере все эти подробности. Он побывал в Баслии и мог бы потешить меня целой повестью, если не вполне пристойные детали истории занимают меня. Разве он не обещал, что все кончится хорошо?

«В этом большом мире все влюблены друг в друга. Чавро в кронианцев, а кронианцы в чавро. Как только могли мы вести войну с такими дивными соседями? Мы устраиваем для них пирушки по всем столицам и разделяем восток на куски к обеду».

Он перестал соблюдать осторожность в письмах. И я поняла: его положение изменилось, он добился некоторой власти.

Опираясь на прочитанные когда-то книги с едва понятным мне содержанием, я принялась раздумывать над всяческими интригами. Тайное союзничество, неразглашаемые договоры. Все это только предположения. Но ведь он знал заранее, как развернутся события драмы. Авторы сценария обсуждали его с Каруланом, если только он не принадлежит его собственному перу. А может, сами боги обратились к нему, решив, что его прагматичная почтительность лучше религиозной неразберихи.

Крония лишилась части владений. Император утратил величие, словно фигурка из свечного сала, подтаявшая от сильного жара. И будет несложно растопить ее совсем и переплавить в человека помоложе, поумнее и поярче.

Но из всего водоворота исторических событий Аару занимало лишь одно: теперь он потребует, чтоб я вступила в супружество сердечного преподношения. Нам с Гурцем придет конец. Не враг, так друг поглотит и меня.

5

Мне снилось, будто кричит женщина. Может, это мой крик? Я проснулась. Стояло утро, последняя четверть лета. Вокруг — бледно-синий свет.

Крики стихли — они неслись не из страны сновидений, вырвались не из моего горла. Какой-то ритуал — неужели возле храма Вульмардры, старухи-матери-девушки опять кого-то лишили жизни? Земля дала всходы, приближалось время, когда начинают делать вино и собирать урожай, и до меня донеслось эхо особых приготовлений, звучавшее приглушенно из-за разговоров о войне, из-за уклончивости, быть может, из-за моего присутствия. Прошлым летом меня здесь не было, я им не мешала. День праздника Вульмартии пришелся точно на мой день рождения. Тогда я еще находилась в городе. А теперь? Своеобразный пролог — зарезанный острым ножом зверь или птица... Впрочем, кричала девушка. Но ведь они не... не может быть, чтобы в честь богини проливалась человеческая кровь.

Она приемлет кровь женщин, которую они теряют раз в месяц и во время родов. И кровь мужчин, пролитую на поле боя. Не надо об этом думать.

В голове, словно мухи, замелькали разные картины. Меня бросило в жар, я встала с постели, подошла к западному окну, затем к северному, но сумерки еще не развеялись, и я ничего не разглядела.

Надо подняться на крышу. По узенькой лесенке.

Я набросила шаль поверх ночной рубашки. Вышла из комнаты. В коридоре ни души. Я добралась до лестницы, поднялась наверх и оказалась перед закрытой дверью. Из скважины торчал ключ. Я повернула его. Пьянящий прохладный воздух и небо, такое высокое, что мне показалось, будто оно вытянуло из меня через глаза всю душу.

За парапетом с южной стороны передо мной в сумеречном свете раскинулась летняя земля; все цветковые пятна подсинены, в синих садах — запах синих яблок и слив, а среди синих виноградников — синего винограда (солнце умоет их, и они станут зелеными), синие розы, синяя пшеница, а синей всех деревьев и озеро.

Над верхушками сосен стояла сине-белая Веспаль.

Внизу пронесся негромкий шумок, неведомый и знакомый одновременно.

Я посмотрела вдаль и увидела, как из-за леса выезжает тот самый батальон призраков.

Безумное мгновение — я огляделась кругом. Волчья Башня справа от меня, а на востоке Башня Покоя, где живет старая госпожа, — обе целы. Крыша не рушится у меня под ногами. Но там, внизу, из леса рысцой выезжает на мощеную дорогу кавалерия. Призраки. Мне не удалось разглядеть, что на них за мундиры. Лишь синеватый блеск металла; сбруи, галунов, пряжек, мечей и шлемов.

Тысяча человек? Нет, поменьше. Едва ли сотня. И без знамен. Крепкие кони так и лоснятся, дымчатый лучистый свет не проникает сквозь них. Значит, это не призраки.

На предводителе колонны черный кронианский плащ, на котором мерцают бледно-синие искры — днем они станут темно-красными. Командирский плащ.

На крышке гробницы никого нет — ни меня, ни вообще кого-либо.

Когда раздался приказ «Стой!», внизу в доме отворились двери. Ковельт, помощник управляющего, показавшийся мне с такой высоты очень маленьким, вышел на дорогу, а с ним еще трое слуг.

Не призраки, нет, это не призраки. Но и не кронианцы: мундиры солдат в отличие от роскошно одетого унитарка, возглавляющего колонну, иного цвета, чем краски из палитры рассвета, смешанные с чернотой Кронии. И я уже как-то слышала слово «Стой!» на этом языке, произнесенное кем-то в Крейзе в шутку, на языке чавро.

Командир все так же сидел верхом, а Ковельт стоял, запрокинув голову. Они беседовали. Я не смогла расслышать, о чем.

Меня словно проткнули горячей спицей, она дернулась, закачалась, причиняя мне боль.

Надо уйти, пока они не догадались посмотреть на крышу и не заметили меня. Надо вернуться в комнату и спрятаться. Там я в безопасности. Мельм и все слуги Кира Гурца поднимутся на мою защиту.

Стук в дверь, мгновение — и в комнату уже влетела Роза. На ней ночная рубашка, в волосах папильотки. Мы так часто с ней встречаемся, но никогда еще она не являлась мне в подобном виде.

— Мадам...

— В чем дело? — Я не проявила беспокойства.

Роза была чуть ли не в истерике.

— Мадам... они здесь... во дворе, а их офицеры в зале.

— Я так и поняла. Чавро?

— Ох, куда хуже... о, это так ужасно...

— Приди же в себя, — сказала я. Бедная Роза. Однажды я на нее прогневалась за то, что она пособничала Воллюс, и с тех пор проявления ее обиды и темперамента все время служили мне уроком.

— Мадам. Но... они говорят, что вы должны немедленно спуститься.

— Немедленно?

— Он послал меня к вам. «Приведите ее», — говорит он. «Но моя госпожа еще в постели. Еще и шести часов нет». — «Мы обязаны обыскать дом», — отвечает он. Ох, мать наша!

— Насчет «немедленно» не может быть и речи. Пошли кого-нибудь из горничных, пусть передаст, что я спущусь сразу, как смогу. Потом придешь сюда и оденешь меня. Скажи, чтобы мне принесли теплой воды и чаю, который я пью на завтрак.

От моих слов Роза вся сжалась, выскочила из комнаты и тут же примчалась обратно, неся воду и мятный чай.

Однажды солдаты — кронианцы — поднялись в комнаты к моей тетушке. Но здесь такого не произойдет.

— Ах, мадам, — сказала мне эта девушка-северянка, разогревая щипцы для волос, раскладывая летнее платье и корсет, — все это чудовищно. Вы еще не знаете самого страшного.

— Но не сомневаюсь, что ты мне расскажешь.

Она отчаянно сморщилась, от раздражения или от огорчения. И сказала:

— К нам прибыл батальон южан за продовольствием для Крейза. И за тем, чтобы проверить, нет ли среди нас мятежников и предателей, плетущих интриги против Договора. Н-да! Уж у него, у этого флюгера, должно быть бесподобное на них чутье, ведь всякий прокаженный без труда отыщет тех, кто поражен той же болезнью.

Я уже знала. Знала заранее. Знала всегда. Знала с тринадцати лет, с той минуты, когда он подошел ко мне в комнате с грязным окном и погасил драгоценный кристалл, танцевавший у меня в мозгу, единственное, чем я обладала. Я знала: нельзя появиться перед ним как тогда, ребенком в замаранном платье, с немытыми растрепанными волосами, без маски, без щита. Да, сегодня мне необходима искусная маскировка.

Роза испуганно щебетала. Я одевалась так долго, задала ей столько работы. Она уже была готова заявить, что я прихорашиваюсь изо всех сил, желая, чтобы этот двойной перебежчик из южных краев, этот прокаженный положил на меня глаз, но не посмела обвинить меня вслух. Она почувствовала, какая страшная сила овладела мной, и поняла, что ее белый клинок ответит смертельным ударом.

Итак, я вымылась и надушилась. Корсет на мне затянут — я облечена в каркас из костей мертвых животных. Я надела маскарадный наряд — платье из серого восточного шелка с фиолетовой отделкой, подпоясалась черно-красным кушаком, как подобает вдове воителя. Как бы небрежно рассыпавшиеся волосы — Роза потрудились над ними — ведь час еще совсем ранний. Сережки и маленькие колечки из черного янтаря. Лицо слегка подкрашено.

Глядя в зеркало, я следила за тем, как меня собирают по частям, и чуть погодя, заметив в себе признаки жизни, очень удивилась, потому что в ту минуту, как никогда прежде, я походила на бесподобную куклу.

Когда я открыла дверь спальни, снизу донесся шум движения.

Я ступила на верхнюю площадку лестницы, и в то же время он подошел к нижнему ее пролету возле фигуры Випарвета, намереваясь вторгнуться в мое убежище, ведь я так сильно задержалась.

— Надеюсь, вас не слишком обременила подобная спешка, — проговорил он.

Лучи зари хлынули сквозь дверные проемы в дом, в их свете мы и предстали друг перед другом.

Внезапно он бросил взгляд наверх, и лицо его побелело.

Скрываясь под своим обликом, я могла без ужаса, без страха смотреть на него. Оно служило более надежной охраной, чем моя комната, чем вуаль, в которую я куталась на месте поединка, чем дуб, к которому я прижималась в королевском саду. И уж конечно, надежней детства, когда душа моя была открыта, словно рана.

С тех пор я подросла на пять дюймов. И на столько же он превосходит меня в росте.

Он не узнал меня, нет, дело не в этом. Но я догадалась, кто ему привиделся. Илайива, на сей раз умело облеченная в цвета снегов, лежавших в ее душе — светлые волосы на белом фоне, — стоявшая на верху лестницы, как при последнем их свидании.

И он. Всплеск светлых сияющих волос, тусклая тьма неровно посаженных глаз разной

формы — вот и все, что мне запомнилось.

Когда на его светлокожем лице вновь заиграли краски, на глаза легла тень, словно облако отразилось на поверхности металла.

Откашлявшись, он сказал вполне любезным и спокойным тоном:

— Принцесса, прошу простить нам это грубое вторжение. Мне сообщили об обстоятельствах вашей жизни и о том, кто является вашим покровителем. Достопочтенный принц Карулан. — Он подождал. Я молчала. Он заговорил снова: — Тем самым я хочу сказать, что вам и честным людям, живущим в этом доме, ничто не угрожает. Просто ваше поместье упустили из виду, а вспомнив о нем, решили, что кто-то должен... тщательно осмотреть его.

— Вы ищите здесь оппозиционеров, — сказала я. Голос звучал как бы со стороны, и слушался безукоризненно, как хорошо отлаженный инструмент. Я чувствовала, как регулируется его звучание, как мое дыхание ударяет по голосовым связкам.

— Я уверен, жителей Гурца не в чем упрекнуть, — сказал он тоном обольстителя. — Простая предосторожность. А также, с вашего позволения, мы возьмем немного провианта для голодных солдат, стоящих в Крейзе.

— Делайте, что вам приказано, — ответила я и добавила: — Я же не могу вам запретить.

Он стоял у подножия лестницы и глядел на меня, запрокинув голову, а я смотрела на него сверху вниз.

И вдруг негаданно, неожиданно что-то во мне тихонько взвыло.

Роза говорила, что служанка с кухни, увидев среди леса всадников, закричала. Ее крик я и услышала. Но и он тоже был предзнаменованием. Этот вопль.

— Прошу вас, поверьте мне, — сказал он, молодой человек, которого я позабыла и в то же время помнила ясней всего на свете, яснее собственного происхождения и прошлого, — мы отнесемся к вам и вашему имуществу с уважением.

Он начал подниматься по лестнице, как будто что-то толкало его ко мне. Когда он встал на седьмую ступеньку, я сказала:

— Это поместье моего покойного супруга, полковника и принца Кира Гурца.

Он опять остановился. Выражение его лица переменилось, стало насмешливым и мрачным.

— Я заметил пояс на вашем платье. Мадам, я сожалею о его кончине. Надеюсь, вы понимаете, что не я нанес ему смертельный удар.

Как раз обратное чуть было не произошло когда-то. Стоило Гурцу поставить на бумаге подпись...

У меня загудело в ушах, как от пушечных залпов, которых я не слыхивала здесь, какое-то несоответствие, пережиток.

— Однако, — возразила я с легкой улыбкой, — разве можно знать наверняка?

— Разумеется, невозможно. Как боец, я имею дурную репутацию, мадам. Поверьте, чуть ли не каждая вторая из вдов Севера плюет в меня при встрече. Любой согнулся бы под тяжестью подобного «дождя».

— Вы дважды сыграли роль предателя, — проговорила я. Нет, она, Илайива, кукла, демон.

— Да, — ответил он, — я мерзавец. И слышу это не в первый раз.

Он повернулся вполборота ко мне и глянул на оставшуюся у него за спиной лестницу. Его люди остановились на дороге возле дома.

— А теперь прошу меня извинить. Чем раньше мы начнем, тем скорее вы от нас отделаетесь.

Он опять спустился вниз, ступая грациозно и уверенно. Его незримый блеск потускнел. И черный плащ унитарка обвис. Он выставлял его напоказ как символ предательства, чтобы мы не вздумали, будто он пытается уйти от ответа или ищет прощения. Глядите, — говорил этот плащ, вот кто я такой. Мне вспомнилось, как в салоне Воллюс он бросил всем в лицо:

«Я украл деньги, обманув императора».

Ведь это я обрекла тебя на такую участь. Когда зачеркнула твое имя. Ты без страха встретил бы смерть.

Ты готов был умереть, жизнь надоела тебе. Я заставила тебя жить так же, как живу сама. Я подарила тебе жизнь, а теперь еще и этот поток вдовьей ненависти, запятнанность, дуэль в саду, плащ предателя.

А он уже выходил за дверь (свет смыл почти всю плоть, остался лишь силуэт, и в волосах его играло серо-золотое пламя, похожее на переливы моего платья).

Как же мне позвать тебя обратно? Ты даже не знаком со мной. На три секунды я стала женщиной, которую ты любил или думал, будто любишь, когда был двадцатилетним мальчишкой и жил в опустошенном городе. Но потом я снова превратилась в незнакомку, в Аару, выбеленную под стать снегам. В бабочку Гурца, пришпиленную к сексуальным проускам Карулана.

Фенсер Завион вместе с чаврийским офицером шел через лужайку.

По дороге рысцой промчались лошади и заслонили их.

Он ушел.

В то утро они обыскали дом, стараясь как можно меньше шуметь, действуя умело и тактично. Они заявили даже ко мне под дверь. Я ожидала этого. Я ослабела и утратила прежнюю уверенность, но приказала Розе — у нее пунцовое лицо, в глазах слезы — впустить их.

Солдаты чаврийского патруля носили мундиры светлого сине-серого цвета с красным или красно-коричневым рубчиком. Цвета их формы не запечатлелись у меня в памяти во время отступления. Под конец, среди снегов, все казалось либо черным, либо белым, да к тому же некоторые из них поснимали одежду с погибших кронианцев.

— И кого же, по-вашему, моя госпожа здесь укрывает? — завизжала Роза. — Наверное, куча здоровенных заговорщиков прячется у нее под кроватью!

Все четверо улыбнулись, а один из них сказал по-чаврийски, что был бы не прочь занять их место. А я почувствовала, как бледнею, и поняла, и они тоже поняли, что я неплохо разбираюсь в их языке. Разве так уж сильно он отличается от моего родного?

И тут в дверях появился он.

— Что вы здесь делаете (какое-то чаврийское ругательство), вас побери?

Вроде бы они ответили, что выполняют приказ и проводят обыск.

— Но не у госпожи в комнатах. Вон.

Они вышли. Теперь Фенсер стоял ближе, лицо его побелело и застыло, он щелкнул каблуками, отвесил короткий поклон и снова удалился.

Они собирались разбить в лесу бивак, а нам выпала честь угостить их обедом.

Мои слуги пришли в ярость. Это пиршество было пародией на то, которое они с такой охотой устроили для Карулана и его солдат.

Я послала за Мельмом.

— Не тревожьтесь, принцесса. Как бы там ни было, южанин держит их в узде. Они не принесли нам ущерба, только устроили небольшой беспорядок. Есть у нас пара сорвиголов, но Ковельт послал их от греха подальше в обход на поля. Завтра эта свора уберется отсюда.

— А госпожа?

— Она подхватила небольшую простуду, и нам удалось уговорить ее не вставать с постели. Он запретил им заходить к ней в покои. И сам осмотрел комнаты хозяина, так что и там обошлось без мерзостей.

Мы с Мельмом впервые завели столь долгий разговор с тех пор, как окончательно решился вопрос о моем вступлении в союз с Каруланом. Он говорил приветливо, старался меня приободрить. Не может быть, чтоб он таил обиду. Но дальше, что он скажет дальше?

— Мельм, мне хотелось бы проявить осмотрительность. Согласно Договору, они — наши друзья, пусть и мнимые. Кроме того, этот южанин был знаком с Воллюс. — Мельм внимательно посмотрел на меня. — Пожалуй, я позаимствую куплет из ее песни. Скажите

слугам, пусть накроют на стол в гостиной на женской половине, хорошо? И передайте Завиону, что я приглашаю его отобедать со мной, время обычное.

Похоже, Мельм призадумался. И к моему удивлению ответил:

— Да, принцесса. Это мудрый шаг. Я не посмел вам советовать, но в Крейзе у вас была умная учительница. Разумеется, он может и отказаться, но мне кажется, он вздохнет с облегчением, если его не спустят с лестницы в общепринятом порядке. Опасный человек. Не стоит будить в нем зверя. Я прослежу, чтобы вы не оставались с ним один на один.

— Нет, Мельм, — возразила я, — делайте все как обычно. Он крайне проницателен. И не преминет заметить, что меня окружают телохранители. Он не станет оскорблять меня. Ему известно о моем... знакомстве с принцем Каруланом.

— Хорошо, принцесса. Вы рассудили здраво.

В восемь вечера под бой часов он вошел в гостиную и поклонился.

— Меня изумило ваше великодушие. Впрочем, может быть, это — обманный ход, предпринятый, чтоб отравить меня. — И, заметив выражение моего лица, добавил: — Принцесса, не подумайте, будто я шучу. В одном из особняков Крейза уже совершили подобную попытку.

Я не сдержалась и спросила, что же там произошло.

— В той семье погибло трое сыновей. И как на грех меня послали осмотреть их дом. (Видите ли, я служу источником беспокойства для обеих сторон, и они подыскивают мне «интересные» поручения.) Меня пригласили позавтракать вместе со всеми. Такой у них возник порыв. Правила приличия не позволяли мне отказаться. Но меня мучили подозрения. Я стал предлагать кусочки со своей тарелки милой собачке, любимице хозяйской дочки, стараясь, чтобы все это заметили. Девушка встревожилась. В конце концов, когда я протянул собачке очередной кусок, барышня схватила столовый нож и бросилась на меня. Мы отобрали у нее нож. Впоследствии алхимик проверил пищу с моей тарелки. Оказалось, что в пикули добавлен волчий яд. Но девушка решила, что жизнь собачки дороже мести за гибель братьев. Что, по-видимому, вполне разумно. Как я сказал, собачка была очень милая.

— А вы бы ее отравили.

— Ох, принцесса. Из-за меня погибли и попали в ад сотни человек, моих собратьев. Как вы могли подумать, что меня остановит жалость к собачке? Собственно говоря, я блефовал. И на самом деле скармливал ей конфетки, которые взял из стоявшей на столе вазы сразу же, как пришел. Их ели все. Как видите, я тоже ценю собачью жизнь выше человеческой. Животные... беспомощны перед нашими прихотями. В ходе военных кампаний я видел лишь мертвых лошадей и собак, да еще кошек, которых раскармливали на случай осады... Бога ради, оставим эту тему.

— Да, оставим.

Я поднялась на ноги, он пошел ко мне, еще раз поклонился, но не взял моей руки. Он выше меня на пять дюймов, но теперь он ближе ко мне, чем в детстве. Тогда он был просто высоченным взрослым. А сейчас он превосходит ростом Илайву и полностью соответствует моим дурацким детским представлениям о героях.

Шрам, прочертивший по диагонали кисть левой руки, казался к месту, а на ладонях появились мозоли, оставленные рукоятью шпаги, кинжала, щита и копья. Длинные пальцы, ногти недавно приведены в порядок, а на одном — вертикальная темная трещина, еще один след удара. Стоило на мгновение увидеть вблизи эти странные глаза, и тут же выяснилось, что они такие же, как у меня, расцвеченные множеством изменчивых красок, слившихся на данный момент в серый цвет. По случаю церемонного обеда он привел себя в опрятный вид — безукоризненный мундир, волосы и ногти сверкают глянцем. За всей его красотой, за этими глазами скрывался яростный вихрь боли, закованный в железо; сдавленный броней из шрамов куда более страшных, чем те, что я заметила на его теле.

Явился Мельм и подал нам вино. Он принес топаз, но церемоний не потребовалось — вино из давно початой бочки, и все же прекрасное.

Фенсер заговорил о нем, поднес бокал к свече и стал рассматривать вино на свет;

золотые отблески заплясали на радужной оболочке его глаз и ненадолго, невзаправду погасили в них тени. Ему доводилось слышать о топазе.

— И об этом доме, — сказала я.

— Да. Поймите, у меня были друзья среди офицеров и дворян Крейза. Имя Гурц упоминалось в разговорах.

Мы замолчали. Стоявшие на пустом камине цветы внезапно зашевелились, будто к ним прикоснулась чья-то рука. На плитки посыпались лепестки лилий.

— Мне повсюду видятся мертвецы, — сказал он. — Друзья, что умерли ради меня, призраки любивших их людей. Может, и ваш муж стоит сейчас у меня за спиной и держит шпагу наготове. Скажите ему, принцесса, пусть нанесет удар. — И он проглотил вино, запрокинув голову, как воду, как лекарство, словно хотел запить собственные слова. А вслед за этим сказал совсем спокойно: — Простите, что говорю вам о своих навязчивых идеях. Ваше великодушие выбило меня из колеи. Вдобавок чувство изумления не оставляет меня сегодня. Увидев вас впервые... вы очень похожи на женщину, которую я знал когда-то. На южанку, которой нет в живых. Прошу прощения за подобное упоминание. Какая бестактность с моей стороны. Сравнить вас с женщиной из вражеской страны.

— Во мне течет кровь юга, — проговорила я.

— Неужели? — Он с ужасом посмотрел на меня, затронутая тема вызывала у него тошноту. — Наверное, вы изо всех сил стараетесь это скрыть.

Вот на таком расстоянии от истины мы и остановились. И более не возвращались к этой бездонной пропасти. Я не смогла к ней приблизиться, а его воспоминаний оказалось недостаточно, чтобы свернуть на путь, ведущий к ней, а может, ему не хотелось копаться в прошлом.

Подали обед, и у меня возникла мысль: не предложить ли привести сюда одного из наших псов, чтобы проверить, нет ли яда в его пище. Но это привнесло бы оттенок иронии и игривости, к которой мне не хотелось прибегать.

Казалось, он доверяет мне, или же ему очень хотелось умереть от яда или от удара в спину, нанесенного рукой призрака.

Он выглядел совсем иначе, чем в тех случаях, когда другие люди окружали его, тоска и меланхолия сделали его ранимым. Наверное, при мне он вел себя так же, как оставшись наедине с самим собой; собственное общество не повергало его в веселье, и мое тоже.

Немногое сказали мы друг другу. Поговорили о близящемся сборе урожая, о виноградниках, о паре книг, названия и содержание которых выпали у меня из памяти, равно как и имена авторов, но мы оба читали их в свое время. Подобные темы помогли нам удержаться в пределах безопасного русла. Различные отмени и коряги не позволяли нам заговаривать о родственниках и друзьях, об империи, о будущем и даже о географии Земли.

Он поблагодарил меня, извинился, сославшись на предстоящий рано утром отъезд, — он не сомневался, что меня обрадует это событие, — и ушел, когда еще не пробило и десяти часов. Ощувив полнейшее изнеможение, я присела у камина с цветами. Если бы мне удалось заплакать, слуги не осудили бы меня, заметив мои слезы. Они решили бы, что я горюю об утраченном супруге, потому что благоразумный поступок, совершенный мною в этот вечер, шел вразрез с памятью о нем и причинил жестокую муку.

Но разве смогла бы я объяснить самой себе, о чем плачу? О его глазах, о боли в них? О звуке его голоса, об уродливой трещине на ногте? О наших с ним разбитых сердцах?

Можно сидеть и рыдать над погребением вселенной. Ей нет и не будет скончания. А слезам положен свой срок.

Часть пятая Сбор урожая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Там, во мраке, сидел в тюрьме Фенсер. Свет, проникавший сквозь решетку с поперечинами, в шахматном порядке чередовался с тенью. Вокруг стояли бочонки, давным-давно вскрытые сазо, которым хотелось выпить. Снаружи во дворе в нерешительности замешкался тюремщик, выпускавший отдельных узников на прогулку. Никто не мог угадать, чья очередь сегодня, тюремщик выбирал наобум; возможно, причиной тому была злоба. Он имел зуб на солдат-южан, ведь кто-то из них прострелил ему ногу у Высокобашенного.

Но вот засовы сняли и дверь приотворилась. В щели показалось злобное хитроватое лицо тюремщика, он заговорил на кронианском наречии, которое ему волей-неволей давно пришлось освоить.

— Тебе небось хочется прогуляться, а?

— Если выпустишь.

— Ну, может, и выпущу. У тебя ничего для меня не найдется?

— Ты же знаешь, что нет.

— Ни одного посетителя. Ни одна милашка не принесет подарочка славному смотрителю, то есть мне. Ты такой симпатичный парнишка, и никого у тебя нет, меня это просто убивает.

— Я ведь говорил тебе, мне небезразлична одна дама. Ты обещал разузнать о ней, если удастся.

— Я старался услужить тебе. Пытался выяснить, повсюду расспрашивал насчет твоей бабенки. А что я получу за все труды?

— Сапогом по морде, когда обстоятельства изменятся.

— Мерзкие слова. Мерзкие. — На лице тюремщика заиграла довольная ухмылка. Теперь у него появился повод сделать гадость или ничего не рассказывать.

Фенсер взял себя в руки и сменил тон:

— Прошу прощения. У меня есть вещица, которая, быть может, придется тебе по вкусу. Я зашил ее в рубашку и сберег.

— Уловка не из новых. Золото?

— Золотой пятипенсовик.

Тюремщик сплюнул:

— На него и кружки эля не купишь.

— Можно и купить. Смотря куда ты за ней пойдешь. Во всяком случае, больше у меня ничего нет.

— Ладно. Давай сюда.

Фенсер отдал ему последний пятипенсовик и, увидев, как тот скрылся под засаленным шарфом тюремщика, испытал лишь чувство полной завершенности. И с тем же ощущением воспринял известие, которое тот сообщил ему:

— Женщина по имени Илайива — ты называл то место черным домом. Так?

— Так.

— Мертва.

Фенсер не воскликнул «Нет!» и даже не откликнулся эхом.

Но сам тюремщик не без умысла повторил:

— Мертва, говорю. Она повесилась. А кое-кто брешет, будто она болиголовка напилась со... э-э-э... «согласно классическим традициям». Дело замаяли, куда годится взять и выкинуть такое — верно? — а ведь один из наших щеголей-полковников как раз собирался у нее поселиться. С каким трудом я выудил все это из проклятой маленькой вонючки, из горничной, а она все кривлялась и ломалась, как у них, у южанок, водится...

Тюремщик ушел, позабыв о привилегиях узника и так и не выпустив его на прогулку,

впрочем никому теперь уже не нужную, а Фенсер сел на пол и прислонился спиной к проломленному бочонку. Находясь в тюрьме, он всякий раз выбирал это место, чтобы присесть. Он стал глядеть на пол, расчерченный полосами света и тени, как шахматная доска; на передвигавшихся по ней, словно шахматные фигуры, тараканов. А что еще оставалось делать?

2

На протяжении следующего месяца я видела этот сон с некоторыми вариациями раза три-четыре, а может, и того больше. Мне так и не удалось выяснить, во всем ли он соответствовал действительности. По-моему, это вовсе не исключено.

Как бы там ни было, теперь беспокойные сны просто наводнили собой дом. Будто в голубятне, звучали в нем воркование и стоны: застоявшееся лето наполнило его жаром, словно печку, в нем происходило брожение целого года.

А на улице, за неуместным частоколом стен и башен, забились в схватках земля. Урожай поспел, начались неспешные роды, которые несли такое же наслаждение, как время сева. Всякий раз, когда из лопнувшей почвы вытаскивали богатые плоды или срезали охапку колыхавшихся колосьев, из чрева земли вырывался протяжный крик, в котором не было ни ярости, ни боли.

Обитателям Гурца хотелось, чтобы я все увидела. И я всякий раз покорно исполняла их желания и ездила повсюду, стремясь отчасти загладить вину за вторжение солдат, моего призрака, юга — зная, что по какой-то непонятной причине несу ответственность за случившееся. И снова, как прежде, смиренные пони возили меня в игрушечной колеснице по дорожкам среди полей с хлебами и ступенчатых террас виноградников. «Взгляните, вот желтый виноград, из которого делают топаз, надо вам посмотреть в этом году, как его давят. А вот зеленые и розовые кисти — из них выходят десертные вина, которые ставят при подаче мясных блюд, а здесь — самый светлый из сортов зеленого винограда, из него получается прозрачное белое вино, его можно пить даже в одиночку, настолько оно славное. Тут стоят хлеба, и, кажется, они не ниже березок и дубков, высаженных на защитной лесополосе; их пушистые султаны уже скошены». Люди, что трудятся на моих полях, обнажены до пояса, и смуглые плечи женщин сверкают, как продетые в уши золотые кольца, а спины мужчин под стать недавно отлитой бронзе.

Они везут меня через запруженную реку на мельницу. Мы едем то вниз, то вверх, к вершинам холмов, окрашенным в цвет яшмы и киновари с глубокими прожилками царственного пурпура. К ореховым деревьям, драгоценным кустам чая и пряностей: ладана, жгучего бергамота и сладкого с горчинкой дикого мирриса.

Я сижу под балдахином, рядом скачет на коне Ковельт, а на втором сиденье нет-нет да и примостится Роза или кто-нибудь еще, и когда мы проезжаем мимо, девушки выбирают с полей на дорогу, они дарят мне букеты пламенеющих маков и касатиков, приносят с виноградников ониксовые кисти ягод на пробу, а иногда приводят детей поглазеть на меня; на головах у ребятишек венки из распустившихся гиацинтов. Дети то хохочут, то застывают без движения, как фигурки из коричневой глины. Пастухи, что привели овец на водопой к пруду, указывают на меня рукой, а в прошлом году, когда я только приехала, они так не делали. Все происходит так, будто я — образ Вульмардры, матери урожая, и, возможно, среди этого ландшафта так оно и есть.

По ночам я кручусь с боку на бок, пытаюсь утолить жажду водой, напоенной ароматом вин, тянусь к тарелке с яблоками, наполненными кровью этой земли, а передо мной проносятся в полусне размытые образы — плоды, их кожура, цветы и вина, загорелое тело, светлые волосы и глаза, что зеленее изумрудов, и засасывающая тьма омутов.

Я погружаюсь во мрак, щелчок — и он сомкнулся вокруг меня. Мне снится черная камера, решетка, шахматный рисунок на полу.

Я больше не хочу, чтобы мне сообщали дурные новости.

Но передо мной стоит молодой человек в разорванном мундире, рука его обмотана бинтом в бурых пятнах, щеки ввалились, глаза поблекли.

— Ты обещал узнать, если удастся.

Только на сей раз уже я пристаю к нему с вопросами. А Фенсер стал тюремщиком, который сторожит мою дверь. Но он не улыбается, не мучает меня. Он качает головой. Лицо его серьезно, губы сжаты. Он берет меня за руку. Я чувствую, какая она холодная: он пришел ко мне прямо из могилы.

— Они умерли, Арадия. Это скрыли. Никто не сообщил тебе. Поплачь, — говорит он.

Я проснулась от собственных рыданий. Но глаза мои так и остались сухими.

От Кристена Карулана пришло еще одно письмо. На этот раз он не потрудился спросить, почему я не пишу, и вообще не упоминал об этом. Похоже, он не знал о визите, который нанесли нам дружественные противники, или он не вызвал у него тревоги. Он говорил о своих нежных чувствах, рассыпался во всяческих обещаниях. Письмо было чуть ли не любовное. Но не вполне, ведь в нем недоставало существенной детали, какой же? Ах, вероятно, всего лишь любви.

Мне ничего не нужно делать, пока он не вернется. Теперь он отложил приезд до осени. Мой поклонник — человек занятой. Я не знала подробностей его продвижения вверх, но со страниц письма на меня повеяло ароматом процветания, а курьера окружал некий ореол, ведь могущественный принц послал его к своей зазнобе.

Оказавшись на пороге жатвы, мне оставалось лишь смириться с настоящим. На месте будущего образовался пробел, как будто оно не существовало для меня вопреки всем неизгладимым предначертаниям или как будто меня приговорили к казни.

3

Перебирая львиными лапами, год продвигался вперед.

Однажды посреди дня, окрашенного в цвет львиной шкуры, меня привезли в маленький виноградник, расположенный ближе других к дому, он назывался «Владычица». Там стояли в ожидании мужчины и женщины — нагота едва прикрыта из приличия, на головах похожие на праздничные огоньки косынки. Мне вручили серебряный нож, и, следуя указаниям Мельма, я срезала первую кисть спелого винограда.

— Прекрасно, принцесса, — шепнул мне Мельм. — В последний раз это делала матушка господина. С тех пор прошло шесть лет. Теперь и к нам и к вам придет удача. Здесь это называют «укусом богини».

Я сидела на склоне холма, глядя на муравьев, копошащихся среди моих полей, садов и виноградников.

Меня опять позвали, и я увидела, как давят виноград. Эту церемонию окрестили мужским именем — на Севере довольно часто так поступают. Зандор — так звали пригожего бога, обитавшего в этих плодах, он жертвовал своей жизнью ради создания пьянящего напитка. Когда его убивают, лоза засыхает и увядает, но весной он возрождается вместе с появлением новых ростков.

А Роза поведала мне на ушко о том, что в стародавние времена люди выбирали одного из молодых мужчин, и он на день становился богом, а вечером, когда на небе появлялась Веспаль, его убивали и смешивали горячую красную кровь с виноградным соком. И по сей день в некоторые из чанов добавляют несколько капель крови живого молодого оленя. Впрочем, истории о древних вакханалиях и жестокостях бытовали во многих странах, в том числе и в моей. Я сказала Розе, что подобные обычаи известны и на юге. По отдельным ее замечаниям я догадалась, что ей стало известно о моем происхождении. Как я предполагала, все обитатели поместья наконец узнали о том, что я южанка. Но если и так, никто не видел в том греха. С каждым взмахом косы, движением пресса, с каждой новой корзиной, кипой, скирдой и вязанкой я постепенно превращалась в их соплеменницу. Меня, в отличие от юноши, которого принесли в жертву, дабы возродился виноградник, постигла иная судьба,

они создавали меня заново из своих хлебов, вин и яблок.

Мне не хотелось праздновать день рождения. Он уже ничего для меня не значил и казался лишь очередной вехой на пути. Мне исполнится шестнадцать лет, но и это анахронизм, ведь в моем не-брачном свидетельстве нужно поставить цифру семнадцать. И выгляжу я старше. Лицо заострилось, хотя на нем и нет морщин. И тени, что залегли в глазах, не пропадали ни на миг, так же как у него, у моего соплеменника и собрата по предательству, по лживости, по негодованию. Фенсер...

Фенсер, завтра Вульмартия, всеобщее празднество и таинство, и мне отведена в нем какая-то безумная, запредельная роль, и богиня наверняка захочет покарать меня за это. Но что важнее всего, завтра мой день рождения. Последний для Арадии. Потому что с приходом осени Арадия навсегда исчезнет из жизни.

Забрезжил рассвет ясного, погожего дня. Ритуалы начинаются с восходом солнца, но огромная процессия людей с образами Вульмардры (на свет вынесут иконы из всех окрестных сельских храмов) подойдет к дому в девять часов. Там я должна к ним присоединиться — если «пожелаю», — и все мы со священнослужителем отправимся благословлять лежащие под паром обнаженные земли Гурца, принося им благодарение за плоды.

Роза нарядила меня в желтое с зеленым платье. Здесь считается, что это цвета богини. Я не ждала ничего иного. Она вплела мне в волосы васильки и карликовые леонинские хризантемы. От них исходил сильный запах земли, пьянящий, как крепкое пиво.

Все смеялись и лучезарно улыбались мне. Я смягчилась и заулыбалась в ответ — послушная марионетка в их руках. За завтраком мы пили смешанный с персиковым соком топаз. И вскоре слегка опьянели. Теперь улыбка и танцевальные па давались мне легче.

(Почему Карулан не явился на праздник? Он вскоре станет хозяином поместья, они радушно приняли бы его. А я... может, и мне следует проявить радушие?)

Шум процессии доносился издалека. Возгласы, песни, стук небольших барабанов, подобный завыванию урагана грохот тамбуринов, звон систра² и голоса рожков, похожие на мычание коров.

Они продвигались по мощеной дороге, там, где когда-то проскакали призраки, и Фенсер в плаще северянина, и солдаты из южных краев.

Сотни людей в праздничных нарядах, обнаженные плечи, шеи, руки и ноги — я уже привыкла их видеть; покачивающиеся шевелюры, каштановые и черные. В параде участвовали и Вульмардры, причудливые марионетки с поворачивающимися руками и шеей, они явились из деревенских святилищ; по случаю праздника на них свежий слой краски, гирлянды цветов и одежды из пестрого хлопка. Зеленые, синие, желтые, как у меня.

Пони подкатили мою колесницу. Я погладила их, скормила им кусочки яблок и медовых сот. И встала под балдахин: Мельм объяснил, что я должна поклониться урожаю стоя, так принято. Позади меня застыла Роза в белом платье, моя фрейлина. Платье узкое, и я заметила, как она раздалась в талии. Вечная болтушка сумела умолчать об этом, но теперь само тело говорит за нее. Наверное, приветила кого-то из солдат-северян в тот первый вечер, когда пекли пироги и торт. Роза носит ребенка. Роза в цвету и с бутонем. В сиянии солнца, персиков и вина я перестала на нее сердиться и сжала ей руку:

— Когда?

— Ах, принцесса! — Она покраснела. — Думаю, весной. Клянусь вам, он красивый мужчина. И дети от него наверняка будут красивы. Если он не погибнет... — взгляд ее не померк, она тоже как будто приподнялась над плотью и приблизилась к небосводу, — то вернется просить моей руки.

— Что ж, он ее получит, если ты согласна.

Роза улыбнулась, обнажив хорошенькие зубки, словно веселая лисичка.

² Музыкальный инструмент, употреблявшийся во время богослужений в честь Изида.

Мы с усадебным священнослужителем обменялись поклонами, как будто вступили в сговор и условились не замечать грешков.

Процессия снова тронулась в путь; казалось, весь мой дом последовал за ней.

Вверх и вниз, туда и сюда. Что было раньше, того уже нет. В этом году страду закончили даже быстрее, чем в прошлом. Сжатый хлеб на полях увязан в снопы, на деревьях осталась только листва. Уже и подобрать-то нечего. Лишь несколько «фонариков» среди выстроившихся рядами яблонь, да кое-где висит еще персик, или пурпурная кисть столового винограда виднеется на фоне стены. Птицы что-то клевали среди жнивья, а мы бросали им зерно из корзин. Впереди колыхались расчесанные облака — стада овец.

Время от времени священнослужитель подавал знак к остановке, благословлял землю, произносил благодарственные слова, а затем по кругу пускали бутылки, кувшины и бурдюки с вином. Роза всякий раз обтирала горлышко сосуда и наливала мне вино в каменную чашу, которой я не видела прежде.

— Чаша? Из нее пьют только в этот день. И она лишь для уст ваших да вашего супруга, — объяснила она.

Даже в полуденную жару как холоден этот камень, из которого ключом бьет вино.

Иногда вино разбавляли родниковой водой. На фоне белизны звенели золотые нотки, огненные искорки на поверхности хрусталя.

И конечно же, они плясали на паровых землях и среди заводов, задрав юбки до пояса. Звенели колокольчики систра. Сквозь леса пробивались голоса свирелей. Сегодня здесь множество богов. Резвятся фавны с нимфами. И можно увидеть их мелькающие среди зеленых теней ноги, белые и посмуглей. Значит, они такие же, как люди.

Процессия завершила обход поместья. Народу поубавилось. Вульмардры выстроились в ряд на вершине холма, возвышающегося над рекой.

— Роза, а когда будут убивать бога?

— Сохрани вас небо! Этого никто не делает!

— Но ты же говорила мне.

— Бог умирает, когда ему самому на ум, взбредет. А впрочем, я имела в виду совсем иную смерть.

— Какую смерть, Роза?

— Ох, мадам, вы просто невинный младенец, уж это точно. Ваш пригожий принц откроет вам глаза, без него тут не обойтись. Старый бедняга Гурц этого не сделал, ясно, как день. Да как же, сегодня женщины повсюду будут убивать бога, днем и ночью. Это угодно богине. И не считается изменой, для нас не считается. — Меня исключили из общего числа. Я грустно поглядела на Розу. — Даже для меня, — сказала она. — Честь моего любовника будет сохранена, — и похлопала себя по животу. — Сегодня я вольна наслаждаться.

И вслед за этим она ушла.

Оставшись в одиночестве, я опустилась на сиденье под балдахином, ведь я поклонилась урожаю, а теперь могу и отдохнуть. Однако мне было беспокойно, и я крутила в руках отчаянно холодную серую чашу из камня. А где помощник управляющего? И он ушел. Даже Мельм...

Возле колесницы остановился священнослужитель и две девушки, одна перебирала пряди его волос, другая держала корзину с инжиром и розами. Священнослужитель не был молод, но в ту минуту он помолодел, лицо его зарделось, как у мальчишки, он принялся мягко выговаривать мне:

— Надо кого-нибудь отыскать, чтобы вас проводили до дома. Смотрите, он совсем недалеко. Отсюда видно верхушку Волчьей Башни.

— Мне кажется, до нее несколько миль пути.

— Это от вина и только. Вам нехорошо, принцесса? Нет? Все в порядке? Как жаль, что принц...

Я сошла с колесницы. Это оказалось нетрудно.

— Пройдусь пешком, — сказала я. Мне не хотелось его задерживать, я понимала, чем

ему хочется заняться. Я по-прежнему испытывала легкое недоумение на сей счет, но относилась одобрительно ко всему, что доставляет радость другим людям, хоть они и не взяли, меня с собой.

— Что ж, принцесса... Только, пожалуйста, что бы ни встретилось вам по дороге, не обращайтесь внимания.

Это обряды в честь Нее. Они в своем роде священны. Сегодня — день благоволения Матери и к мужчинам и к женщинам.

— Конечно, — ответила я. И, опустив глаза, улыбнулась, желая показать, что у меня нет возражений.

Внезапно они тоже скрылись из виду.

Я осталась одна, только пони, таская за собой колесницу, жадно объедали дерн, собирая свой собственный урожай. Подле моих ног на земле лежали яблоки, персики и полупустой бурдюк с вином, так что и я могу попасться. Я налила себе вина в чашу. Странное ощущение, поддерживавшее меня, заставило меня стать терпимей и очиститься и в то же время обострило восприятие, наполнив душу грустью; я никак не могла освободиться от него.

Но все недавние мои собеседники по-прежнему оставались поблизости. Как и в стародавние времена, деревья, высокие травы, заросли папоротника и рощи наполнили смешки, хихиканье и всплески, рябь пробегала по ним, как по залитой солнцем воде. А сквозь камыши на меня глядела одна из Вульмардр — красные губы, белое лицо, глаза из глазури, гирлянда из цветов.

Вероятно, кто-то пересказывал мне легенду. В ней говорится о том, как бог во время странствий повстречал на поляне богиню. Их поразила красота друг друга, ибо вечно юный бог был само совершенство, а богиня обладала достоинствами девственницы и королевы. Среди снопов и виноградных лоз опустились они на землю. Его руки заскользили по ее груди и бедрам, а она ласкала пряди его волос, золотистые соски и чресла. Он наверху, она внизу. Биение и трепет тел. Она закричала, и разверзлось небо, и пролился теплый дождь. Он застонал, и розы вспыхнули красным пламенем. А когда иссяк поток его семени, земля, готовая к плодоношению в новом году, спокойно отдыхала.

Среди кустов порхают бабочки, мелькают руки, нет-нет да и блеснет серебром чья-то ножка. А меж деревьев — спутанные женские волосы и птицы, воркуют голуби и человеческие голоса: «Еще, люби меня еще».

Нескончаемо вращение колеса. Колеса, что ведет меня за собой. Я шла по траве, ступая по незримым тропам среди скрытых завесой мистерий. Миновала раскрашенный дом. И скрылась в лесу. Под кровлей, лежащей на сосновых колоннах. Красноватые стволы, густой бальзам подлеска. А вот рододендрон, охваченный пылением осени. Метаморфозы дубовой листвы. А здесь заяц оставил след на спине вселенной. Я прошла сквозь времена года. В руках у меня бурдюк с летним вином и каменная чаша зимы, в распущенных волосах — потоки васильков и хризантем, а где-то остались туфли и зеленая весенняя мантия, теперь на мне лишь бело-желтая туника, а я ступаю меж кровавых стеблей, и сердце мое разрывается от нестерпимо громкого крика...

Я остановилась. И оцепенела.

Дубовая листва, преображаясь, окрасила поляну в зеленый и лимонно-желтый цвета. К дереву привязана лошадь, она, как пони, тоже щиплет дерн.

А к дереву прислонился бог; почувствовав мое присутствие, он вскинул голову.

Зеленовато-золотистые волосы струятся, обрамляя лицо и шею, где золото темней; глаза под стать драгоценным камням, которым нет названия. Он одет как человек, на нем дорожный костюм. Но маскировка бесполезна, меня не обманешь.

Завидя возникшее перед ним существо, лесную дриаду, он сохранил настороженность и чуть ли не язвительность. Он готов был вступить с ней в поединок, пустить в ход меткие фразы, звучащие жестоко или просто безразлично. Он уже подпал под власть чар, но еще не понял этого.

А затем понял.

Я увидела, как он изменился в лице. Будто в полусне пошел он мне навстречу. Но и тогда он попытался обратить все в невесомую шутку без смеха.

— Принцесса Аара. У меня вылетело из головы, что сегодня — праздник Вульмартии. Как глупо. Свидетельства тому на протяжении двух дней встречались мне у каждой изгороди, в каждой рощице. — Затем он пристально поглядел на меня, я ответила тем же. Он сказал: — Как вы прекрасны, словно листва в лучах солнца.

Наклонив бурдюк, я налила вина в каменную чашу. Я протянула чашу Фенсеру. Он взял ее, не сводя с меня глаз. Отпил вина и отдал чашу обратно. Я тоже сделала глоток и снова передала ее Фенсеру. Он осушил ее до дна.

— Я еду в Яст. — Он смотрел на меня. — Это неважно. Тень, похожая на черную собаку, поманила меня за собой и увела с дороги. А потом я понял, что попал сюда, в это поместье. Все это неважно.

Он протянул ко мне руки, прикоснулся к моей груди так, словно я — плод воображения.

— У тебя бьется сердце, — сказал он.

Руки его обвились вокруг меня. Мы прижались друг к другу, и все его тело открылось мне, его контуры и изгибы, влечение его и вождение. Всю меня впитала его кожа. Наши тела переплелись, как стволы деревьев. Губы его слились с моими, заполнили мой рот. Его запах, биение крови, как часто и гулко бьется сердце, его или мое — не разберешь.

У меня перехватило дыхание. Я прильнула к нему и сказала, что мне нечем дышать. Пальцы его рвали дурацкую шнуровку на моем корсете — он разрезал ее ножом и отбросил корсет прочь — его бесчувственные косточки затрещали. И теперь плоть к плоти. Я держу его, а он меня. Его волосы, мускулистые плечи, спина и бедра — все незнакомое, мужское, но мне казалось, что я, как и прежде, прикасаюсь к самой себе, что происходит тот глубоко интимный процесс, слияние воедино, монолог и дуэт.

Словно какая-то вселенская сила владеет мной, я снова и снова прижимаюсь к нему, мы движемся вместе, вместе, все глубже погружаясь друг в друга, раскаты грома, и тело мое — лишь это, и это, и это...

Волна кипящей лавы взметнулась во мне, обрушилась с высоты и захватила меня. Меня несет вниз, я падаю и не пытаюсь удержаться. Только за него я держусь, за плот среди океана и полнейшего хаоса. Крича, взмывая из пределов плоти в белизну света, уже на самой вершине чувствую всплеск в нем и слышу короткий низкий хриплый стон, один-единственный, и, повернув обратно, проплываю сквозь сумеречные толщи и, словно частичка безмолвного сияния, возвращаюсь к смыкающейся зенице дня.

— Фенсер, — проговорила я спустя некоторое время, — Фенсер.

— Я здесь.

— Нет, мне просто захотелось... произнести твое имя. Не надо... не произноси моего.

— Не буду. — Он ласково обнял меня, поцеловал волосы, щеку, шею. — Все позабудется, малышка. Сегодня Вульмартия.

И тогда я уже не смогла ничего ему сказать, не смогла открыть правду. Значит, мне придется молчать, потому что лгать нельзя. Не сейчас.

Он проявил такую же сдержанность, как и я. Мы не вели разговоров, лишь ворковали, как люди, чьи голоса я слышала: «Люби меня еще».

Его руки в моих спутанных волосах, губы прикасаются к груди, и снова начинается восшествие из мягкого пепла, и таяние во мне невыносимо, я ласкаю его тело, он стонет от наслаждения, и эти ласки для меня блаженство; дотрагиваясь до него, я дотрагиваюсь до самой себя, а его пальцы и губы отвечают мне, обращая его ко мне среди подобного расплавленному стеклу необъятного жара, который извивается и рассыпается осколками, и я слышу, как уносится вдаль мой голос, мольба, протяжный чистый зов, будто ставший песней вздох, а в его горле — резкий звук, ему перехватило дыхание. Пауза, исступленные агонические спазмы, а меня пронзают огненные стрелы, и я готова жизнь отдать, лишь бы он

умирал вот так, укрывая меня своим телом, лишь бы доставить ему радость. Готова умереть ради него, любимого, единственного для меня.

— Не надо, — сказал он, — не плачь.

А раньше, когда я плакала, он держал меня на руках, позволяя мне лить слезы. Но может, он неправильно меня понял, подумал, будто мне страшно, стыдно, или принял слезы за банальное проявление печали после соития. Любимый, это просто любовь. Любовь, ставшая слишком сильной, она не оставляет места удовольствию и счастью. Боль, которая, как любовник, радует меня. Преходящая, мимолетная.

— Вот ты уже и смеешься надо мной, — сказал он, целуя меня в губы.

Мы лежали в ложбине на теплой земле, прильнув друг к другу, два обнаженных зверя, усыпанные листьями и сосновыми иголками.

Пятнистая змея обвилась вокруг ветки у нас над головой, безобидная и красивая, она не проявила ни внимания, ни учтивости.

— Я мог бы уснуть, — сказал он, — обнять тебя и уснуть у тебя на груди. Но мне придется тебя покинуть. Только я вовсе этого не хочу, веришь?

— Чего же ты хочешь?

— Остаться здесь навсегда.

— Неправда.

— Какая пронизательность, моя божественная нимфа. Ну, тогда хоть до захода солнца. Здесь тепло и сухо. А море очень мокрое, любимая. Уж я-то знаю.

— Море?

— Корабль в Ясте. Негодяй должен смыться, пока его не изловили.

Я лежала и дивилась, но не его словам, а красоте. Что бы он ни говорил и ни делал, это не имеет значения. Важно лишь одно.

— Подожди до захода солнца.

— Не могу.

— Я спрячу тебя в доме.

— Слишком большая опасность для тебя и бесчестие. А для меня — потеря времени, которое мне столь необходимо. Оригос, о чем я говорю. Я — неотесанный глупец, который трясется за свою жизнь, а стоит ли так за нее цепляться, если я знаю, что ты можешь быть моей еще раз. Можешь?

Я почувствовала, как в нем снова расцвело и окрепло желание, и чресла мои откликнулись на его вожеление. Он перекатился на спину, потянул меня, мягко подталкивая, показывая, уступая мне место завоевателя. Тело мое изогнулось, и я увидела, как расширились его зрачки, как потемнели под моей тенью круги радужной оболочки, испещренные зелеными блестками солнца, приливы и отливы дыхания, половодье страсти. До иступления радостно мое биение над его телом, изгибы, судороги и безумие, я рву траву ногтями и в ослеплении умираю.

А вот иная сладость — нежность его объятий встречает меня по возвращении, неся утешение, как будто я и впрямь восстала из мертвых вместе с ним, мы оба вернулись живыми.

Немного погодя он оставил меня, ничего больше не объясняя, без извинений, и я тоже не проронила ни слова. Одевшись, он взялся за уздечку стоявшего в ожидании коня. Тени отяжелели, лесная кровля провисла под ними. Плетение их нитей заволокло коня и всадника, и оба стали бесцветны и бесплотны. Фенсер поднял руку в знак прощания, и все. Он развернул коня и поскакал прочь, лесные дорожки сомкнулись у него за спиной.

Я оделась, оставив корсет валяться где-то в кустах. Мне подумалось, что таких, как он, наберется немало. Подняла каменную чашу.

Выбравшись из-под деревьев, я обнаружила, что небо потемнело и на заходе дня окрасилось в цвет мастиковой смолы. Впереди несколько часов заката, отсветы зари и сумерки, восход белой звезды. Впереди долгие часы, и месяцы, и годы. Мой праздник состоялся. И пришел к концу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

— Смею вас заверить, впечатлений хватит месяца на три, — сказал принц-адвокат, мой помощник из Крейза, который заставил судейство утвердить меня в правах как вдову Гурца. — Власти обеих держав вне себя. Ему так много известно. Они перевернули его жилье вверх дном и хотели арестовать денщика, но похоже, Завион дал ему денег и велел побыстрее скрыться — отыскать его не удалось. Завион ушел в отставку вполне законным путем, даже в присутствии нотариуса (которому заплатил, чтобы тот держал потом язык за зубами — нотариус клянется, что был болен и позабыл имя клиента). Он оставил записку мелодраматического характера; говорят, она смахивает на письмо человека, решившегося на самоубийство. А может, болтают попусту. Вкратце содержание сводится к следующему: ему обрыдло жить, продаваясь то одной, то другой из сторон. Никто ему не доверяет, на его друзей клеветают, или те сами поносят его. Прощайте все. На самом же деле предполагают, что его доконала та самая история с Вильсом. Его записку, почти сгоревшую, тоже обнаружили, в камине. Но мне не следует утомлять вас подобными рассказами, принцесса.

— Что за история с Вильсом? — спокойно спросила я, опустив на колени задрожавшие руки и крепко стиснув их.

— Ах. Дуэль. Из-за его пристрастия к Завиону. К сожалению, Вильс погиб. Я немного знал его. Благороднейший человек, отличный воин. Рассуди судьба иначе, стал бы квинтарком. Похоже, он чувствовал, что его ждет, или попросту понимал, что противник сильнее его. А потому привел в порядок свои дела и нацарапал прощальное письмо к южанину. Предположительно, в нем говорилось: «Меня сразил клинок этого человека, но я умер, сохранив приверженность тебе».

Адвокат сделал паузу, чтобы посмотреть, не огорчилась ли я. (Не прошло и пяти минут, как мы присели, а он уже принялся по-светски рассказывать мне обо всем.) Разумеется, огорчилась. Я не в состоянии скрывать все свои чувства, да и нужды в том нет, ведь ему наверняка известно о нашем с Вильсом знакомстве и о том, что мы слегка флиртовали друг с другом, пока Карулан не заявил о своих правах на меня.

— Тоже мелодрама, — прибавил адвокат, который в конце концов явился ко мне от Карулана и привез бумаги, связанные с супружеством сердечного преподношения. — Думается, это послужило последним ударом, которого Завион не смог или не захотел снести. Я слышал, что он отправился в порт Яст, перебираясь с места на место по ночам, чтобы его не узнали, и прячась по канавам. Но я подозреваю, что его могли убить из политических соображений, если он все-таки попался. Южане или мы, не важно. Светлейшая голова. И, как всякий поистине умный человек, дурак полнейший.

— Да.

— А теперь, мадам, поставьте вот здесь подпись и печать. Сургуч прекрасно разогрелся. Какая очаровательная грелка, — проговорил он и взял сосуд с сургучом, желая дать мне время, чтобы я успокоилась. — Черепашка с полым панцирем — просто обворожительно. Я заметил, антикварные вещицы Гурца, как правило, отличаются солидностью...

Кристен Карулан прибудет в последний день этого месяца. С ним приедут юристы, несколько друзей и пара дам, церемония будет спокойной и благопристойной. Священнослужитель нам не понадобится, хотя из эстетических соображений мы должны помолиться Випарвету. К тому же он, вероятно, надеется, что подобная фальшивка в духе религиозного всепрощения придется мне по нраву.

По-видимому, он не приехал на праздник урожая, чтобы продемонстрировать всему свету, до чего мы с ним добродетельны. Чтобы придать лоска нашему, не отличающемуся

высоконравственностью союзу.

Как далеко позади остался тот день, годы прошли с тех пор. С той ночи, когда я проливала слезы, которые, как мне казалось, давно выплаканы; воды души моей, о существовании которых я не догадывалась. Кровь сердца.

Но только эту кровь я принесла богине. А месячных кровотечений не было. И прошло уже три недели. Деревья стряхнули с себя кровавую листву и стали внезапно старыми и голыми, будто злые колдуньи застыли они на фоне неподвластных временам года сосен. Постепенно увядая, в озере кругами плавали окровавленные листья.

Стоило мне бросить взгляд на Розу, и я тут же вспомнила, что предвещает эта затянувшаяся засуха во мне.

Я пришла в ужас. Что делать?

Я никому не рассказала о своем положении. Если я заговорю, то только усложню все. Я даже постаралась создать впечатление, будто кровотечения пришли как обычно, прибегнув к женским хитростям, упоминания о которых мне доводилось как-то слышать; они вызывали у меня отвращение. Но сплетни мне ни к чему. Я не хочу, чтобы мой поклонник отступился от меня. Мне необходимы связи с будущим императором. (Хотя он и набирает силу с каждым днем, похоже, вульгарная наличность Гурца по-прежнему ему нужна.)

Потом я сумею убедить его, что плод от его семени. Это нетрудно — первый ребенок родится на пять-шесть недель раньше срока — я могу устроить небольшое падение, легкий испуг.

Но я не хочу иметь ребенка. И Карулану он ни к чему, даже если он примет его за собственного.

Вынашивать и рожать. Кричать в одиночестве и биться в муках, а может, и умереть, таких историй тоже предостаточно, и все это за что, за что? Из-за привидевшихся во сне восторгов, из-за призрачного любовника в осеннем лесу. Его не существует; возможно, его и в живых-то нет, для меня он умер навсегда.

Но у меня не остается выбора.

Как негодовала я из-за содеянного со мной. Я была ребенком, который ни о чем не заботился, которого всегда оберегали, я отдалась ему, а он воспользовался мною и покинул меня...

О нет, все совсем не так.

Из-за этого померкнет драгоценное сияние единственного выпавшего мне в жизни дня, что хуже всего.

На неделе перед приездом Карулана я приняла настой из трав, о котором где-то читала, неумело приготовила его сама и выпила очень много вина. Меня рвало всю ночь. Больше ничего не произошло.

2

Принц Карулан прибыл в Гурц за два дня до срока. Что совсем не характерно для него. Он извинился передо мной, пока мальчики-слуги вносили багаж и сундук с подарками.

— Мне хотелось улучшить часок и побыть с вами, — сказал он. И пристально поглядел на меня. — Когда бы мы ни встретились, вы всякий раз бледны.

— Волнение, — лениво бросила я.

— О, а я-то думал, вы истомились без меня.

— Очевидно, и это тоже.

Он велел слугам отнести сундук ко мне в комнату.

— Пойдемте наверх, дорогая. Мне хочется посмотреть, как вы станете вынимать эти вещи.

— Вы так щедры...

— Во всяком случае, подарки придется вам по душе. Я обратился к женщинам, которым присущ хороший вкус, и возложил эту задачу на них. Там нет ни одной вещи,

приобретенной по моему выбору.

Слова его прозвучали так резко, что я подумала, уж не затеял ли он игру, и взглянула на него, ища подсказки. Но казалось, он поглощен своими мыслями.

И теперь он уже не возражал против уединения со мной в спальне.

Не пройдет и двух дней, как мы вступим в союз. Вероятно, он решил, что ждать не стоит.

Я не ошиблась.

Нам принесли топаз, он выпил сам и стал уговаривать меня, но после той болезненной оргии я и смотреть не могла на вино. Затем я принялась доставать трепетные кружева, струящиеся шелка — среди них лежали три нитки жемчуга, и каждая длиннее моей руки, — а он сказал:

— Ты хочешь, чтобы я сгорел? Даже не поцелуешь в знак приветствия?

Я понимала, что означает этот поцелуй, и повернулась, намереваясь подойти к нему. Чем скорее он овладеет мною, тем лучше, и, вероятно, под первым натиском желания он позабудет об осторожности, чего, возможно, не произойдет потом, а так у меня будет удобное объяснение беременности.

Но когда мои руки уже лежали на его плечах, когда его губы заскользили по моей шее, я не смогла.

— Нет, нет, — пролепетала я и отскочила в сторону.

— Аара. Две ночи...

— Мы ведь ждали, храня целомудрие.

— Пара дней.

— О, не будем изменять правилам, — сказала я, и в моем голосе прозвучало такое воодушевление, что мне свело зубы.

Но он лишь тяжело вздохнул и снова сел.

— Что ж, ладно. Подойди же, приласкай меня хоть немного, обещаю больше ни на что не покушаться.

— Разве я могу теперь доверять тебе?

— Кокетка проклятая, — сказал он с неподдельной злостью, на секунду бирюзовые глаза вспыхнули гневом, и я поняла, что ожидает всякого, кто посмеет упорствовать и противиться ему.

Упираться глупо. Я отдалась Гурцу и по глупости принесла свою девственность в жертву, ни о чем больше не думая. Впрочем, Драхрис... я убила человека, не желая уступить ему. Поостерегись, император, погляди, на кого ты покушаешься. Эта кокетка способна на звериные, дикарские выходки. У нее имеются когти.

Возможно, он прочел все это в моем взгляде, ибо отступился, осыпая меня лстивыми словами вперемежку с ругательствами; он встал и сказал, что займется в таком случае своим конем, ведь его нельзя доверить никому другому, к тому же конь — джентльмен, а я... впрочем, он не станет говорить, кто я такая; по-видимому, мы оба обрекли друг друга на ожидание. За мной остается право побыть пока снегурочкой.

На том он и ушел.

Дурак. Как тот умный дурак, Фенсер Завион, после ласк которого мне не вынести ничьих других.

Но придется.

Обед проходил сдержанно. Карулан держался любезно и снисходительно. Я вдруг сообразила: с тех пор, как мы с ним заключили договор, я ни разу не отказала ему и не вступала в споры. А теперь причиняю беспокойство. Ему не по душе начинать все труды заново. Так он выглядит, когда недоволен. Прежняя чуть презрительная холодность.

Конечно, он должен стать императором. Он понимает, что лишь глупец осмелится ему перечить. Он уже проделал немалый путь, презрев судьбу, людей, все на свете. Его чувство юмора и прекрасные манеры — свидетельство безразличия и пренебрежения.

Он больше не притянул на меня.

Было бы ошибкой докучать ему теперь, даже если бы я сумела заставить себя пойти на это. Слабость и нерешительность хуже сопротивления.

Мне с ним неловко. Мне было неловко с Гурцем. К таким вещам привыкаешь. Он не станет задерживаться у меня подолгу, протекция же его будет безгранична.

— Говорят, вас навестили воины Юга, — проговорил он, когда мы перешли к бренди и сладкому. До этого момента он ни разу не упомянул ни о политике, ни о войне, ничего не рассказал мне о текущих событиях своей жизни. Может, хотел меня наказать, а может, соблюдал осторожность.

— Им понадобилось продовольствие. Еще они хотели проверить, нет ли у нас в доме опасных смутьянов.

Я хранила спокойствие. Это ничего не значит. Уже давным-давно решено, что это не важно.

— И что смутьяны?

— Скрылись на тот момент, если и были.

— Прекрасно. Мне надо поздравить Мельма. — Он выбрал глазированное яблоко, взрезал коричневый сахар, добрался до белой мякоти. — А командовал ими Завион. Еще одно историческое событие. Насколько мне известно, он бежал на юго-восток. На корабле под названием «Двексис», печально известной галере, направлявшейся в Тулию.

— Значит, он скрылся, — сказала я. — Адвокат, который приезжал от вас, кое-что мне порассказал.

— Да, он скрылся. — Карулан принялся за яблоко и за коричневую сахарную глазурь.

Это не допрос. Не хватило кое-каких деталей, чтобы открыть ему глаза на правду. Для Карулана значение имеет только Карулан. Теперь эта его черта показалась мне более заметной.

— Подобные люди, — сказал он немного погодя, — выше моего понимания. Он мог бы многого добиться. Я сам охотно взял бы его на службу. Но, как выясняется, письмо умирающего сотоварища с признанием в любви, похожее на послание женщины, злопыхательство и желчность окружающих погнало его прочь. Или же он вознамерился продать нас восточной монархии.

Карулан докурил трубку, и беседа иссякла.

Мы оба легли рано, каждый в свою постель.

На следующий день Карулан отправился на охоту, он уехал с восходом солнца. Никто и словом не обмолвился мне о приготовлениях. Он уже распоряжался слугами, как будто они ему принадлежали, а те с радостью подчинялись и были счастливы, что на них нашелся хозяин.

Я лежала на диване, пытаюсь нарисовать трех женщин, танцующих среди лавровых деревьев. Мне не удавалось заставить женщин плясать, а лавры расти. Бессмысленно притворяться, будто жизнь моя течет нормально или сносно. Махнув на все рукой, я откинулась на восточные подушки. Я не смогла даже заплакать. Я заснула.

Меня разбудил тихий стук в дверь. Часы прозвонили три раза. Наверное, кто-то из горничных несет медовое питье или чай.

Оказалось, что это Роза, и принесла она только спрятанные под складками платья фрукты.

— Мадам... я пришла просить вас об особой милости. Пожалуйста, простите, если я поступаю неправильно. Но вы как-то сказали мне, что если... когда... — Она запнулась и уставилась в пол, как будто обнаружила там нечто необычайное.

После праздника она стала являться ко мне с подношениями — то ее тезка роза, то припасенный фрукт из теплицы, который она специально постаралась выискать и выпросить; она сшила изумительную крохотную сумочку с блестками и подарила ее мне. Роза проявляла нежную заботу, как в прежние времена. Я подумала, что она опять подлащивается ко мне, чтобы не вызвать моего недовольства. А может, все потому, что я по-доброму обошлась с ней (спьяну) в день Вульмартии, не стала корить за округлившийся живот и сказала... что же

я сказала?

— Видите ли, вы сказали, если он за мной приедет, то получит меня. Понимаете, мадам, по закону мне нельзя, только если вы разрешите.

— Роза, о чем ты говоришь?

Пунцовая, как цветок, Роза подняла блеснувшие нетерпением глаза, гадая, уж не ждет ли ее крах и досада; быть может, опять придется скрывать обиду, только вот живот уже не скроешь.

— Мадам, посмотрите, как я располнела. Мне уже неприлично оставаться при вас на службе. Я сильно раздалась в талии, как моя матушка, сильнее, чем положено по сроку. Если только это не двойняшки, сохрани нас небо. — Не останавливаясь, не снижая темпа, она закончила: — Он здесь. Можно я приведу его?

— Твоего... любовника.

— Моего любовника, мадам.

— Роза, ко мне в спальню?

И вдруг она расхохоталась, как частенько случалось с нею прежде. Я пребывала в унынии, но ее смех оказался заразителен. И нечто, засевшее у меня в комнате, тут же взметнулось и вылетело в окно.

— Так. Прекрасно. Принц Карулан позволяет себе входить в мои покои, почему бы твоему кавалеру не сделать того же. Мы с тобой станем выполнять обязанности дуэньи друг при друге.

Она вышла за дверь и отправилась за ним в какой-то из дальних коридоров, где он прятался, словно приبلудный пес.

Я снова рассмеялась — от изумления. Не смогла удержаться и Роза. Бедняга стоял в неудобной позе, смущенно улыбаясь, он попался в плен к женщинам, одна из них прекрасна и любима, вторая может оказаться безучастным наблюдателем, как говорится, вне игры.

Он — чавриец. Верно, мундира на нем нет, но он гладко выбрит, светловолос, у него сине-серые встревоженные глаза мальчишки. Я смутно припомнила, что видела его во время обыска. Одной богине ведомо, когда они заключили меж собой перемирие и сошлись где-то в саду под деревом. В тот вечер мы обедали с Фенсером, и он сказал, что я похожа на тетушку Илайву; наверное, тогда это и произошло. У меня разрывалась на части душа, а они творили это дитя среди летней ночи. Так же, как мы с Фенсером сотворили нашего ребенка в золоте дня, от которого разбиваются сердца.

Нечто темное улетучилось из моей комнаты, и на одно прекрасное мгновение мне явственно открылось золотое чудо, скрытое во мне, — затем видение исчезло. Уныние опять навалилось на меня, но я отпихнула его в сторону: пусть подождет, пока я не разберусь с просителями.

— Итак, — проговорила я, обращаясь к этому красивому смущенному юноше, — что скажете?

Он переступил с ноги на ногу. Наверное, он надеялся, что много говорить не придется.

— Госпожа, — сказал он, — я с радостью возьму ее за себя. Женюсь на ней. Наша часть стоит в Крейзе. Женатым дают хорошее жилье. И им нравится наша дружба с Севером, так уж повернулось дело.

— Ему практически пообещали, — прошебетала Роза, — дать звание капитана.

Он улыбнулся.

— Роза, — сказала я, — редчайшее сокровище. Знайте, если вы дурно с ней обойдетесь...

— Никогда! — вскричал он, чуть ли не собираясь вызвать меня на дуэль.

— Ну что ж, прекрасно. Я не возражаю. Мне нужно что-нибудь подписывать?

Роза засмеялась, засмеялась и я, и молодой, человек тоже.

— Достаточно вашего согласия, мадам.

— И что теперь? — спросила я. Воодушевление мое несколько спало.

— Соберу вещи — и в путь, — ответила она, светясь любовью к нему, ко мне. — Он

раздобыл двуколку и пони — как у королевы...

— Нельзя же, чтобы тебя трясло, — сказал он.

И оба в одну и ту же минуту залились румянцем.

— Но, — сказала я, — разве мне... тебе полагается букет... — я подумала о прощальном подарке, который вручила ей Воллюс.

Роза всплеснула руками:

— Ни в коем случае! Я прослужила вам меньше года. Да и подарок другой госпожи, Воллюс... ну, я ведь отложила деньги, мне не пришлось истратить ни пенни.

Они уже стояли у дверей, изнывая от желания поскорей оказаться наедине друг с другом.

— Погодите, — сказала я.

А затем подошла к туалетному столику, открыла шкатулку и вынула одну из длинных ниток с круглыми жемчужинами кремового цвета, купленных посторонними людьми по просьбе Кристена Карулана в расчете на доходы с Гурца. Я подошла к Розе и, будто гирлянду, повесила ей на шею ожерелье.

— Ах, но... — сказала Роза.

Ее возлюбленный внимательно посмотрел и спросил:

— Вы уверены, госпожа?..

— Конечно. Пусть вспомнит обо мне, когда будет его надевать. А если, простите, вам случится испытать нужду — каждая из жемчужин хоть немного да поможет.

— Ах, принцесса Аара! — воскликнула Роза. Из глаз у нее хлынули слезы. Похоже, она не притворялась. Она обвила меня руками и порывисто обняла, прижав ребенка к моему корсету, словно для того, чтобы я привыкала к этому ощущению. — Пусть ни один из богов никогда не обойдет вас любовью!

Они ушли, а я почувствовала себя старой и мудрой, обремененной знаниями и горестями, — такое ощущение зачастую возникало у меня при виде чужого счастья.

Вырвавшись на свободу, вернулось уныние и обрушило на меня свои до бесконечности разнообразные аргументы.

Обед проходил уже менее сдержанно. Кристен Карулан неплохо поохотился, хоть и без особого блеска: ослабевший олень, которого «лучше пристрелить»; рысь, чей мех пригодится мне «на отделку какого-нибудь плаща». Подлесок так и кишит зайцами. Надо бы устроить на них охоту с собаками. Он не слишком «склонен» к подобным занятиям, но если кто-то из зверей начинает превосходить в численности остальных, это непременно «скажется». «Внимание» благотворно подействует на решение таких вопросов. Меж тем у меня «бледный измученный» вид. Лучше мне пораньше лечь спать. Завтра приедут «мои гости» (его гости). А вечером состоится обряд. «И наступит ночь». В голосе его появилась легкая вкрадчивость, он улыбнулся мне и стрельнул глазами — я не замечала прежде, чтобы он прибегал к подобным уловкам.

— Я не намерен торопить вас. Признаюсь, я горел нетерпением по приезде и ожидание действует мне на нервы. Поймите, причиной всему ваша красота. Однако, может, вы и правы. Подобные поступки вызывают огласку. Мы наверстаем упущенное, девочка моя. Ну же, Кошачий Глазок, подойди, пожелай мне доброй ночи и поцелуй меня.

Я не сопротивлялась его поцелуям и ласкам. Касавшиеся моего тела руки скользили как по мраморной поверхности, я вовсе не сдерживала себя, я просто ничего не чувствовала.

Вскоре он оставил меня в покое.

— Да, киска, ты совсем устала. — Бирюзовые глаза — как у скульптурного изваяния, до того упорно глядят они на меня. Он думает, что я теперь упрямлюсь, желая наказать его за долгое отсутствие, за бесцеремонность. Он рассчитывает, что на меня пахнет жаром от документов, церемониальных обетов, вина, вожделения, и я растаю. — Аара, дорогая моя, — проговорил он, когда я направилась из гостиной к лестнице. Он нагнал меня и взял за руку. — Пути назад нет, — сказал он. Я не отвечала. Он добавил: — Если быть честным до конца... мой корабль пойдет ко дну вместе со всем грузом, лишись я сейчас Гурца.

— Вы не лишитесь Гурца, тому нет причин.

— Надеюсь, что нет.

— Доброй ночи.

— Аара...

Я задержалась. Кристен стоял на том же месте, где когда-то стоял Фенсер, только Карулан был гораздо дальше от меня.

— Аара, мне будет легче, если вы не станете меня обманывать. Запомните. Без этого мне не обойтись. Что же касается вас... Вы вольны решать, в какой степени я нужен вам.

— Вы хотите сказать, я могу от вас отказаться?

— В официальном плане нет. Но вы не обязаны отдаваться мне, если не хотите. Естественно, это уязвило бы меня. Но я не стану навязываться женщине. Такое поведение противно мне, если только нет причин политических или государственных...

Например, необходимости в появлении наследника императора. Я не стала упоминать об этом вслух. И, конечно же, я захочу вам отдалась. Ведь ваше дитя уже зародилось во мне.

— Благодарю вас за предупредительность, — проговорила я и поднялась наверх, оставив его на лестнице.

Ночь давно уже не предвещала сна. Это время, когда я готовлюсь лечь в постель, укладываюсь и лежу, опершись на валики, читаю непонятные слова на каком-то незнакомом языке, которые начинают проступать после захода солнца. Я зажигаю свечу, задуваю ее. Зажигаю лампу, убавляю свет. Возможно, часа в четыре я возьмусь бродить по комнате, перебирать украшения, играть в них за неимением иных игрушек или затею партию в красное и белое, разложу доску для меча и звезды... но истощение и вялость не дадут мне ни на чем сосредоточиться, пальцы мои онемеют, в глазах засвербит, и я буду жаждать лишь того, что не дано мне... сна.

Снотворные настои не помогали. От них я приходила то в оцепенение, то в возбуждение.

Славно будет оказаться в постели с Каруланом. Не ради удовольствия, его не будет. Скорей всего, этот абсурдный акт вызовет такое отвращение, как никогда прежде, ведь теперь я узнала, в чем его секрет, и ввек мне не видать наслаждения, и, что куда хуже, я уже не смогу воспринимать его безразлично. Но следом придет усталость. И тогда я наверняка засну.

Однако мне есть чем заполнить темные часы, в эту последнюю ночь моего обладания Гурцем я могу кое-что сделать. Откуда взялось это ощущение финального ритуала — только ли от отчаяния, из-за действия какой-то травки?

Возьму эти цветы со стола и отнесу их в святилище к богине.

На лестнице я отчетливо поняла: я сошла с ума. Все время после праздника урожая я пребывала в безумии. Может, и ребенок родится сумасшедшим.

Перед волком-Випарветом мерцала лампадка с золотистым маслом.

Если мужчина и женщина встречаются, причиной этому Випарвет. Фенсер последовал за похожей на волка тенью и оказался в лесу. А я видела бога у покрытого льдом озера, а потом все гадала, что же это значит.

Ночь выдалась не по сезону теплая и душистая, как только что вынутый из духовки кекс. Но скоро вернется зима, снега и лебеди, и волки... Как странно. Мне не верится, что я вновь их увижу.

Значит, я умру, из-за ребенка, еще до родов.

Над Западной Башней, башней хозяйки, стояла луна.

На подходе к храму, чья белизна, омытая луной, явственно проступала среди обнаженных лип, я заметила, что богиня явилась туда прежде меня.

Сердце подпрыгнуло и упало. Но в моей душе не было страха. Я пошла дальше, только чуть помедленнее, не сводя с нее глаз: может, она подаст мне знак, что делать этого не надо.

Она стояла за алтарем, виднелась только верхняя часть туловища. Вульмардра, невысокая для богини, но загадочная и белоснежная, приняла облик жрицы... И тут я

заметила крылья, огромные и гладкие, как вода, раскинувшиеся веером у нее за спиной, а ее янтарные глаза — каждый как осенняя луна — полыхнули чернотой, белизной, серебром. Она взмыла над алтарем и полетела прямо на меня, за ней шлейфом тянулись пар и свет от крыльев.

Она приняла обличье белой совы, сидевшей в храме. Под аммиачными парусами парила она у меня над головой, и мне показалось, будто я пересчитала все перья, похожие на ракушки, и могла бы притронуться к устричного цвета лапам, крепко сжимавшим клочок мертвого мрака — добычу.

Я вошла в храм, испытывая прежнее изумление и облегчение, и обнаружила там не богиню, а госпожу, сидевшую на деревянном стульчике.

Она вытянула шею и пытливо поглядела на меня. Когда мы встречались с ней в доме за обедом, она то узнавала меня, то нет. Теперь мне показалось, что она хорошо меня знает, не ведая, кто я такая. Мы не вдавались в объяснения, как будто заранее условились об этой встрече.

3

Несколько минут спустя я почувствовала, что должна сказать:

— Госпоже... хорошо здесь?

— Хорошо. Где и быть, как не здесь. Полнолуние, — ответила она. Очевидно, она считала это исчерпывающим объяснением.

Она жестом велела мне сесть, но сесть было не на что. Я опустилась на колени рядом с ее стульчиком, уронив цветы на совиный алтарь.

И тогда я заметила гадальные карты, три из колоды, которые она разложила на полу, повернув лицевой стороной ко мне или к кому-то еще.

Они отличались от карт Джильзы, от игрушек странствующей прорицательницы. Этим картам место в аристократическом салоне. Насыщенные цвета, в которых нет крикливости. На каждой — надписи. Госпожа указала на них носком туфли.

— Эти карты обозначают Ее. Женские карты. Жрица, Героиня, Ведунья.

Вроде бы она подала мне знак, чтобы я поглядела.

На карте, лежащей посередине, — Героиня, хоть и несколько рафинированная, почти не отличающаяся от той, что я уже видела: желтая с белым одежда, в малиновом небе зеленое солнце, молния ударяет в ее жезл; гиацинты, слезы, бумаги, капли крови и дым опускаются на ковер, расстилающийся у нее под босыми ногами. Справа от нее небольшой храм, а позади — вулканы — нюансы, упущенные мною прежде. В самом низу свиток с надписью: «Притягивает молнию», а по краю тянутся слова: «Вселенская Девушка, принадлежит к Сфере Девы».

По бокам — две карты, одна потемней, другая побледнее.

На более темной — синие, фиолетовые и красновато-зеленые тона — Жрица. Она стоит на берегу, а к ней устремился океан вместе с населяющими его тварями, рыбами и моллюсками. Голову ее венчает нимб — лазоревый лунный диск. На карте значилось: «Луна, принадлежит к Сфере Старухи» и «Призывающая Море».

Третья карта называлась «Старая Женщина, или Ведунья». По краю протянулась надпись: «Принадлежит к Сфере Матери». Костлявые ноги, возле них свиток, сообщивший мне: «Вести из Башен». А за спиной у нее возвышались те самые башни, словно угольно-черные колья на фоне тлеющего неба, в котором горела сине-красная вечерняя звезда.

— Справедливость и мудрость, — проговорила госпожа, указывая на Ведунью. — Никто из нас не смеет претендовать на эту карту. Я — старуха, но по сравнению с ней еще очень молода. Моя карта — Жрица, Луна. Изменчивость. Приливы, тени, резкий свет. А вот твоя, — она коснулась Героини.

— Мне один раз гадали. Женщина, в армии.

— Молния, — сказала госпожа и заскребла совиными когтями по коленям. — Хватай ее.

Она превратилась в сову. Каким-то образом ей удалось обернуться птицей. А может, она — богиня? А Джильза тоже была богиней?

Внезапно я поднялась на ноги — боль зародилась во мне; извиваясь змеей, она поползла по всему животу. Разорвалось что-то похожее на ткань. Из меня хлынула горячая кровь. Она стремительно текла, просачиваясь сквозь ночную рубашку и верхнее платье, капая на пол, и я вся измазалась в крови, как будто меня жестоко изнасиловали.

Она все видела. Взгляд ее остался беспристрастным. Она произнесла:

— Преподносится Ей с благоговением.

Запоздавшее кровотечение или какой-то молниеносный выкидыш. Боль уже спадает, становится тупой, как будто сонной, привычной.

Богиня сняла с меня оковы. И дала мне свободу. Она ограбила меня. Она украла у меня его семя...

— Я должна, — сказала я.

Но старая госпожа сидела и ворошила ногой карты, как умиротворенное дитя.

Несомненно, она частенько здесь бывает.

Это не всегда ритуал, но всегда причастие. Она так стара и почти уже покинула этот мир. А моя молодость несообразна с ним...

Стараясь, чтобы кровь не капала, я побежала к дому, не встретив по пути никого и ничего, — ушла в комнату и занялась собой, действуя по-женски умело.

А скрыв все следы, как после убийства, я упала в обморок.

Перед рассветом я с трудом поднялась с холодного пола, забралась в постель и уснула.

Карулану все-таки придется обойтись без брачной ночи. А может, его это не остановит; мне говорили, что некоторым мужчинам все равно.

Не могло во мне зародиться живое существо. Его так быстро не стало...

У меня появилось ощущение чистоты и невесомости, лишь тяжесть в паху, будто якорь, удерживала меня на кровати, а иначе я полетела бы следом за совой, богиней и луной, скользя над верхушками деревьев, в сторону запада, к морю.

4

Общество оказалось немногочисленным: два квинтарка, три дамы, трио из адвокатов принца и при них писец, Кристен Карулан да я сама.

Меня сопровождала девушка, которую в свое время обучила Роза (куда более способная, чем та, на которую пал мой выбор). Две дамы выступали в роли моих официальных свидетелей. Одна из них оказалась принцессой из старого клана, связанного родством с императорским домом. Время от времени она бросала на Карулана своеобразные неопишуемые взгляды, в которых чувствовалось всесилье, но без притязаний. Наверное, они когда-то были любовниками. Как и у него, у нее было имя, но не было денег. Со мной она держалась совершенно обворожительно.

Обряд по сути дела обрядом не являлся, но стараниями Карулана церемония весьма походила на него. Она происходила в зале в присутствии всей старшей челяди, по-парадному разодетой; в вазах — хризантемы, символ побед, а наверху по стенам галереи на старинных консолях укреплены горящие факелы, чтобы добавить света к тому, что излучает частокол свечей. Желтые и красные огни отражаются в поверхности щитов, играют на резьбе — картина варварского изобилия.

Нашу нарядную одежду дополняли цветочные гирлянды. Мужчины надели парадные мундиры, а мой партнер подпоясался алым кушаком с бахромой, указывающим на его ранг, на груди сияла эмблема дома Каруланов — солнце с лучами.

Он подарил мне кольцо. Тяжелое, серебряное с рельефным украшением из гелиотропов — вещь, которую ему (мне) не пришлось покупать, это фамильная драгоценность.

Возможно, все мужчины, принадлежавшие к ветви Каруланов, по очереди дарили его своим узаконенным любовницам, а когда те умирали, забирали кольцо обратно.

Адвокаты держали листы бумаги, а мы считывали с них слова обетов, речь шла о моей верности и послушании Карулану, о том, что он обязуется почитать и защищать меня. Мы подписали три документа, свидетели тоже поставили подписи, их скрепили судейской печатью и один из них выдали нам с Каруланом.

Затем принесли топаз. Мы, Карулан и я, сделали подношение Випарвету, а Карулан вдобавок воскурил перед богом фимиами и попросил, чтобы его перед лицом бога признали защитником поместья.

Прозвучали тосты в нашу честь, в честь предков Гурца, госпожи (она не пришла, не знаю почему — повинувшись правилам или желая нанести оскорбление), в честь императора — при этом ни один из нас не усмехнулся. В конце концов слугам выдали по бокалу с вином. Мельм выступил вперед, дабы вручить Карулану символический ключ, всегда принадлежавший мужчине, владельцу поместья. Потом Мельм опустил на колени и приложил руку к полу, а Карулан поставил ногу поверх нее.

Этот же ритуал они, наверное, совершали с Киром Гурцем, когда оба были еще подростками. Но Мельм казался жизнерадостным, его крысиное лицо выражало лишь благоговейную почтительность. Карулан помог ему подняться с колен и похлопал его по плечу. А потом вручил ему золотой империал, что тоже полагается по обычаю.

Слуги захлопали в ладоши и, осушив бокалы, отправились в комнаты для прислуги, где должна была состояться «крестьянская пирушка», как выразились дамы.

Прибывший с адвокатами писец и моя горничная последовали за ними, а мы сели обедать в разукрашенном зале; каждое из блюд отдавало дымком. Никто не упоминал ни о договорах, ни о терпимости к противнику, если не считать пары замечаний по поводу изобилия чаврийцев и вообще южан на улицах Крейза. Для сегодняшнего вечера такого понятия, как война, не существует, точно так же, как не существует на свете подлинного супружества.

Покончив с тортом (украшенным лучистым солнцем и жезлом, увитым цветами), с ликерами и бренди, мой нынешний покровитель поблагодарил гостей, поднялся с места и протянул мне руку.

Мне не оставалось ничего иного, как встать и протянуть ему свою. Со стороны сидевших рядом квинтарков последовал сдержанный, но весьма живой отклик, а дамы принялись обмахиваться веерами. Стоявший у дверей виночерпий с улыбкой поклонился. На лестнице появились две горничных, держа в руках новые блюда со сладким, они так и просияли, глядя, как мы идем им навстречу, все еще рука об руку.

Пламя лампы перед Випарветом дрогнуло и выпрямилось.

В тот вечер мы отправились иным маршрутом. Я чуть было не позабыла об этом. А слуги подготавливали его всю неделю, вооружившись метлами, постельными принадлежностями и благовониями. Согласно обычаю, после бракосочетания нам предстояло водвориться в хозяйской спальне в Восточной Башне. В комнате моего покойного мужа.

Мой господин и повелитель растянулся на большой черной кровати, поедая абрикосы; когда я видела ее в прошлый раз, на месте кровати стояла одна рама.

— Очень вкусные, — сказал он. Три часа назад его слова прозвучали бы как похвала мне, а теперь, видимо, являлись поздравлением в его собственный адрес. — А ты, — добавил он, — похожа на прекрасную статую. Любовь моя, ты просто сокровище.

Когда мы проходили через кабинет, он бегло осмотрел его. Конечно, он видел эти покои и раньше. Ванная комната приведена в порядок, она к нашим услугам. Он бросил взгляд на молельню.

— Нужно приобрести новые фигуры для святилища. Ты говорила, прежние потерялись.

— Во время отступления частей Дланта.

— Жаль. Судя по рассказам, они были хороши. Но наши будут лучше. А может, ты

захочешь отвести нишу для Вульмардры? Или священные рощи у озера тебе больше по душе? Для некоторых ритуалов они годятся лучше.

Я припомнила, как он повернул коня, желая избежать встречи с завершавшими обряд женщинами. Он позволит мне участвовать в женских таинствах.

Но я промолчала. А он не настаивал на ответе.

Спальня украшена цветами. Повсюду драпировки, глянec. Синюю бабочку убрали с подоконника и повесили вышитую занавеску.

А вдруг сюда явится призрак Кира Гурца и встанет у нас над душой, когда мы возляжем под геральдическим щитом с девизом?

Мой предыдущий брак являл собой жалкое недоразумение и ничего больше. А тот волчий вой среди лесов, донесшийся из иного мира, — не доведется ли мне услышать его и сегодня ночью? Тогда он поведал мне лишь одно: «Ты сбилась с пути». Полный сожаления, карающий глас.

— Мне позвать слугу, — проговорил вдруг Карулан, — или ты pomoжешь мне стянуть эти проклятые сапоги?

Я помогла ему снять надраенные до блеска сапоги; он придерживал меня за талию, чтобы я не упала, а потом притянул к себе.

— Услуга за услугу. Я распушу тебе шнуровку на корсете. — Он стал целовать меня. В теле его созрело желание, клинок наточен и покинул ножны. — Все сразу или ничего, Аара, — сказал он.

Я отстранилась от него. Еще не понимая, в чем дело, он спросил:

— Что теперь?

— Сэр, вы сказали, что лучше мне вас не обманывать.

Лицо его отражало полнейшее спокойствие. Он опустилcя на постель и бросил:

— Ладно, — а затем, тяжело вздохнув, добавил: — Но вам придется поспать здесь до утра для виду. Я и пальцем к вам не притронусь.

— Нет, — возразила я, — вы не понимаете. Позвольте мне... попробовать объяснить... я в крайне затруднительном положении. Не знаю, могу ли я довериться вам... — теперь слова хлынули из меня потоком, — а вдруг мне лучше уступить, а когда вы заснете, убежать...

— Храни вас боги, о чем вы...

— Контракт подписан. Он соединил нас, и Гурц теперь ваш. Вы получили все, чего хотели, и если я нужна вам, я не стану противиться. С моей стороны это было бы некрасиво, ведь вы проявили ко мне такое внимание. У меня нет причин для возражений... разве что физиологические, но может быть, вам не...

— Аара. — Он поднялся, сел, схватил меня за запястье и легонько встряхнул. — Я не желаю слушать всю эту белиберду. Если вы считаете, что должны мне о чем-то рассказать, я выслушаю вас. Если это так неотложно, я выслушаю вас до конца. Время у нас есть. Говорите.

И тогда я опустилась в резное кресло у камина, в котором шумно горели поленья.

— Мои доводы прозвучат глупо. Вы сочтете меня душой. Возможно, так оно и есть. С самого начала, с тех пор, как мне исполнилось тринадцать лет, желания мои ничего не значили. Меня зацепило колесами, и они потащили меня, пихая и подталкивая, проезжаясь по мне и волоча по земле. А теперь я, конечно же, попалась в очередной раз, и у меня нет выбора. Я люблю одного человека, — я приумолкла, ожидая, что Карулан посмеется надо мной или как-то выразит недовольство, но этого не произошло. — В праздник урожая он стал моим любовником. Я думала, что забеременела от него, но судьба избавила меня от этого ужаса... от этого счастья... — я заметила, что сбилась и собралась с мыслями. — Полагаю, у него нет и не было никаких намерений на мой счет. Но ведь он не знает, кто я такая. Он увидел во мне лишь одну из северных вдов-дворянок, собственность принца Кристена Карулана. А ведь он знал меня еще ребенком, он утешал меня, когда погибли мои родители. И был влюблен в мою родственницу. Я спасла его от смерти. Я — южанка, как и

он. И к тому же, к тому же... Нужна я ему или нет, я не смогу... я не хочу принадлежать никому другому. Я принадлежала Гурцу. Я сыграла эту роль. Но больше не буду. Не буду притворяться перед вами. Берите меня, если хотите, я согласна. Но только на эту ночь. А завтра я оставлю Гурца вам. А сама отправлюсь следом за другими в те края, куда устремляется всякий, кто имеет отношение к обеим из воюющих сторон и пытается избежать превратностей такого положения. На юго-восток. В королевство Тулия. Когда-то я читала о нем на уроках. Залитые солнцем земли, горы, золотистые боги и синее море.

— Уд в ночи, — сказал Карулан. — Так вы все еще школьница. Ну и речь. Я подозревал, что за всем этим что-то кроется. Нет. Начните-ка сначала. Я хочу знать подробности. Так вы, говорите, полностью южанка?

— Да. Я родилась в том самом городе, который Длант сначала захватил, а потом потерял. Мои родители погибли в форте Высокобашенный.

— Прекрасно. С этого и начните.

Я ощутила жуткую усталость, понимая, что теперь мне вдруг придется во всем ему признаться и поведать о трех нескончаемо долгих годах моей жизни.

У Карулана возник интерес ко мне. И это по-своему ценно.

И пока гости пили на нижнем этаже, потихоньку представляя себе, как мы бьемся в пароксизме страстей и желания, мы с Каруланом сидели друг против друга, словно два храмовых образа, и я выкладывала ему всю подноготную, ощущая омерзение и опустошенность, несшие мне раскрепощение.

Я так никогда и не узнаю, сколько времени занял мой рассказ.

Когда я закончила, он принялся задавать мне вопросы, и я отвечала, не опуская даже имен; потом он на некоторое время вроде бы погрузился в размышления. По всей вероятности, именно тогда я сняла кольцо с гелиотропами и положила его на подлокотник кресла. Карулан встал, помог мне подняться на ноги (я почти совсем утратила способность двигаться), подвел меня к кровати и уложил спать в одиночестве. Почти сразу же я впала в некое подобие столбняка. Последним, что я видела, был его силуэт на фоне окна. Он застыл, приподняв занавеску, глядя на большую матовую луну. Его фигура отличалась от фигуры Гурца стройностью и красотой, но, пребывая в трансе, я приняла его за Гурца, который отвернулся от меня и глядит в ночь, все глядит и глядит вдаль.

Когда я совсем состарюсь, можно будет похвастаться и рассказать, как император проявил ко мне доброту. Повод тому есть. А впрочем, тогда он еще не успел стать императором.

Он дал мне поспать и, как мне кажется, отдохнул сам на другой половине кровати, не раздеваясь. Ну и ночка сердечного преподношения.

Он встал спозаранку и занялся устройством моей судьбы, ведь я еще не обрела права свободно распоряжаться собственной жизнью.

Часов в семь он разбудил меня. По его приказу принесли завтрак. Он заставил меня немного поесть, хотя я еще не до конца пришла в себя. Мне стало страшно и чуть ли не дурно оттого, что я столь многое ему открыла и отдалась на его милость. Способен ли он на милосердие? Впрочем, мне удалось пробудить в нем интерес. Возможно, увидев, что среди просторов вселенной рядом с ним оказался живой человек, он проявит снисходительность.

— Экипаж подадут к восьми часам, задолго до того, как проснутся эти лежебоки (гости). На рассвете вам доставили письмо. Написанное членами одного из тех самых высокородных семейств Севера, подверженных немочи, которые приходится вам родственниками. Ваша кузина, подруга детства, захворала и просит вас приехать. Вы, конечно же, отправитесь к ней, затем бедолага помрет, и вы задержитесь из-за похорон. К тому времени наше с вами раздельное проживание станет привычным для знакомых с нами людей. Я заведу роман с кем-нибудь другим. Мы с вами распрощаемся по-доброму, как друзья. Я передам бразды правления Гурцем доверенному лицу, я знаю достойного человека, который, с молчаливого согласия Мельма, позаботится ради меня об усадьбе. К тому же у него восхитительная жена, со временем она восполнит утрату, которую понесут обитатели

поместья при вашем исчезновении.

— А что будет со мной? — прошептала я.

— В этом пакете находится мое письмо, адресованное небесполезному служителю порта в Ясте. Он решит, что вы выполняете мое поручение и проявит невероятную услужливость. Там же лежат деньги. Теперь вам надо пойти в Западную Башню и собрать вещи. Возьмите все, что сочтете нужным, и предметы, которые в случае необходимости можно на что-нибудь выменять. А в остальном... вы наверняка уже научились совершать путешествия налегке.

— Но, — заикнулась было я.

— Вы считаете, что я слишком добр? Припомните, если бы не вы, я не владел бы всем этим. Согласно закону, за вами, как и за мной, сохраняются некоторые права на имущество. Неужели вы полагали, что, подписав бумаги, лишитесь всего и вся, словно дочь какого-нибудь средневекового вождя? Уртка. Что за маленькая дурочка.

— Вы проявили огромную...

— Благожелательность.

— А я могу сказать только одно: мне жаль, что я..

— Прошлась вам серпом по яйцам. Весьма уместное чувство, негодница.

— Если я и поставила вас в неловкое положение.

— Нет-нет. Подобные неловкости мне не страшны. Я стремлюсь не запятнать себя позором лишь на поле брани и в зале заседаний совета.

Он решительно поставил меня на место, и я поднялась, намереваясь покинуть его.

Карулан, уже с выражением насмешливого безразличия на лице, застыл у погасшего камина в изящной позе, и я почувствовала себя глупой неряхой, мишенью для издевательств. Но это не имело значения.

Я не знала, на что иду. Но дорога мне открыта. И я не стану нищей беглянкой. Я отправляюсь в путь, унося с собой если и не благословение Карулана, то по крайней мере этот вызывающий его взгляд, этот поклон и учтивое рукопожатие. Мне не хотелось бы столкнуться с его злобой.

— Аара, — проговорил он, когда я была уже на пороге. Я остановилась, ожидая какой-нибудь колкости под занавес. — Если вы отыщете этого человека и вам удастся связать с ним свою судьбу, вы, может статься, пожалеете, что не остались в безопасности со мной. Судя по дошедшим до меня рассказам, он создан из огня и вод.

— И я тоже, — ответила я — Ох, я сама такая же.

Экипаж уже ожидал меня. Личный слуга Карулана помог мне сойти вниз. Кучер и верховой тоже были из числа его слуг. Никто не задавал вопросов. Я отправляюсь в Яст и далее, чтобы навестить заболевшую родственницу. Необходимо ехать быстро. А если у них и имелись иные мысли на мой счет, они полагали, что я выполняю поручение Карулана, взяв на себя не подлежащие оглашению труды из соображений любви и приверженности. Я ни с кем не попрощалась.

И не возникло никаких затруднений.

Лес, окрашенный в цвета меди и ржавчины, проступившие на фоне почерневших в преддверии зимы сосен, еще не умер до конца. Лисы стремительно убегали с дороги, впереди вспархивали голуби. Опьянев от свободы, я мчалась прочь. Прочь и к нему.

Мчись, колесница, лети, оторвись колесами от земли, стань крылатой.

Я еду к нему, к нему.

Книга вторая

Часть первая Корабли

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Корабль раскачивался, вздымаясь на волнах. Остальные пассажиры в смертных муках лежали по каютам. Капитан чувствовал себя бодро; он рассказал, что в течение первых пяти лет службы все время страдал морской болезнью, и теперь при виде несчастных испытывает жалость и одновременно приподнятость духа.

А я не жаловалась на самочувствие, меня не тошнило, только иногда кружилась голова. Когда корабль находится в открытом море, такие пассажиры становятся любимцами команды.

Сотканная из сотен зеленых прожилок вода походила на странный текучий мрамор. Члены экипажа уверяли, что океан неопасен, несмотря на сильную качку. Но время от времени волны взмывали в воздух, словно изогнувшийся шарф, и захлестывали палубу. У меня не было полной уверенности, что мы не потонем.

Мы покидали порт во время затишья, возникшего в эпицентре зимних штормов, бушующих у северного побережья Кронии и на подходе к Темериду. «Это не шторм», — сказали они, когда поднялся ветер. Но пассажиры вскоре расползлись по каютам и там слегли. Их стоны то и дело пробивались сквозь резкие скрипы корабля и шипение бурлящего океана. Я всей душой радовалась, что поразивший остальных недуг миновал меня, хоть и не понимала, почему.

Возможно, от беды меня спасла одежда. Или лихорадочное безумие моих действий. Мне припомнился отрывок из романа, где бродяга с философским складом ума утверждал: стоит ему отдаться на волю судьбы, не строя планов и не имея ничего за душой, как судьба сама непременно придет ему на помощь. В книге именно так и происходило. А теперь... если я и не бедна, то не слишком хорошо экипирована; нельзя сказать, чтобы у меня вовсе не было планов, но я, конечно же, не посмею посвятить в свои замыслы никого, помимо Карулана, страшась скептицизма, а то и подлости со стороны тех, кто сочтет меня дурой.

Письмо Кристена, адресованное служащему порта, позволило мне получить рекомендации для временного проживания, небольшой денежный кредит из расчета на различные вещицы, которые я намеревалась продать, и надежные сведения о движении судов. Этот человек также дал мне совет:

— Мадам, вам стоит приобрести мужскую одежду для путешествия. Плавание в целом продлится месяца два с половиной, а то и три. Дамы, которые участвовали в подобных предприятиях, считают мужское платье куда более удобным. Если вы его наденете, вас никто не осудит. Можно сказать, это чуть ли не вошло в моду.

И слова его подтвердились, ибо множество женщин, пускаясь в плавание, смело наряжались, как мужчины, или по крайней мере отдавали предпочтение брюкам перед юбками.

Я обзавелась модным гардеробом, в который входили серые бриджи, лосины и сапоги, несколько хлопчатобумажных и шерстяных рубашек, элегантное темное пальто без рукавов — в том году все франты носили такие — и толстый зимний плащ густо-синего, как небо, цвета. Я решила не стричь волосы, но после того, как я месяц прождала в порту, высветленные пряди начали походить на шкуру зебры. Поэтому я наняла женщину, которая перекрасила мне волосы, и они снова стали темно-русыми, как в детстве. Я не укладывала их в прическу, не завивала, а просто отбрасывала за спину; так поступали многие воины страны, которая прежде была моей. В результате, стоило мне подняться на борт корабля, как я услышала восклицание кого-то из мужчин: «Да к т о же этот прекрасный юноша?» Затем он увидел меня в ином ракурсе и добавил: «Проклятье, мерзкие фокусы медведя!», ведь одежда не вполне скрывала очертания моей фигуры. Полагаю, этот господин затаил злобу против

меня, но на второй день мы попали в шторм, и он, как и другие пассажиры, слег, а потому не нашел случая тут же выместить ее на мне.

«Морская Провидица» представляла собой двухмачтовик затейливой конструкции с зеленой нимфой на носу и зеленоватыми парусами на реях. Команда состояла из двадцати человек, не считая капитана и двух его помощников, а также умного и храброго корабельного пса по кличке Львиное Сердце. Он принадлежал к распространенной по всей Кронии разновидности черных волко-собак, но из-за примеси другой породы отличался необычными остроконечными ушами, которые сидели врасстырку на удлиненной голове, и от этого вид у пса был такой, будто он устал от жизни. Львиное Сердце успел побывать в тридцати плаваниях, а однажды даже свалился за борт, потому что частенько, как мне сказали, лазал по такелажу. Это показалось мне невероятным, но впоследствии я сама застала его за этим занятием, только в то время мы стояли в гавани возле Кандира и море было спокойным.

Я редко виделась с остальными пассажирами: среди них оказалось несколько мужчин и две дамы, обе сопровождали своих супругов. Им тут же захотелось узнать обо мне все, и чем больше я скрытничала, тем сильнее они меня донимали, особенно женщины, отпускаявшие время от времени шуточки: «О, она умеет держать язык за зубами. Она хранит тайну, которую стоило бы узнать, будь только возможность». Когда я изложила ставшую уже привычной историю о занемогшей родственнице, они, похоже, учуяли ложь, поскольку принялись допытываться о подробностях, вероятно рассчитывая, что я на чем-нибудь попадусь. Я благодарила небо за шторм.

Капитан и два его помощника, с которыми я впоследствии стала завтракать и обедать в кают-компании, где больше никто не появлялся, в общении со мной не выходили за рамки флирта. У каждого из них имелась жена и, как выяснилось, множество девушек на стороне. В этом отношении они вполне могли обойтись без меня, хотя с радостью причислили бы меня к списку своих побед, но, увидев, что я вышла молодцом из схватки с океаном, стали относиться ко мне учтиво и по-доброму.

За время ожидания в Ясте мне удалось при помощи служащего порта разузнать кое-что о галере «Двексис». Она принадлежала к числу гребных судов, какие существовали в древние времена, но гребцами на ней служили каторжники. Дисциплина там строга до бесчеловечности, и, говорят, ссылка на галеры почти равнозначна смертному приговору. Некоторые из гребцов остаются в живых, если присужденный им срок меньше двадцати лет (люди, приговоренные к двадцати годам, редко дотягивают до конца). Но в силу условий жизни, наказаний и позы, в которой они вынуждены находиться, сидя на банке, эти люди выходят на свободу искалеченными и телом и душой. Таких бедолаг можно встретить в любом из северо-восточных портов. Среди моряков распространено поверье, согласно которому их нужно покормить и поставить им выпивку. А корабли, где каторжники служат гребцами, моряки зовут адскими галерами.

Адская галера «Двексис» заходила время от времени в Яст, а оттуда отправлялась в овеванные мраком переходы, в королевства Тулию и Кирению, а иногда добиралась до Восточной Монархии, где подобные суда были обычным явлением. Она перевозила грузы и пассажиров, у которых хватало духу на такое предприятие. Считалось, что только люди, попавшие в отчаянное положение или занимающиеся темными делишками, способны выбрать подобное средство передвижения, если только это не жители Востока.

Нас разделяло несколько месяцев пути. На волнах, по которым сейчас плыла, приплясывая, «Морская Провидица», когда-то пролег кипучий, испещренный крапинками крови, пенистый след «Двексиса». Оба корабля выбрали удаленную от материка трассу, пролежавшую через острова Оксиден: война прекратилась, но берега, принадлежавшие странам юго-запада, по-прежнему посещали с осторожностью. (На двадцать второй день плавания, стоя у левого борта, я увидела мелькнувший за валами и барашками материк. Там стояли крохотные, с остроконечными вершинами горы, похожие на зубы волчонка. Наверное, за этой ширмой находился форт Высокобашенный, выезды на охоту, пикники, о

которых я теперь думала с неясной, потерявшей остроту болью, не терзаясь, что озадачивало меня.)

Человек, являвшийся доверенным лицом Карулана в Ясте, сказал, что «Двексис», куда бы он ни направлялся, на обратном пути зайдет в бухту Кандир. Туда же завернет и «Морская Провидица». Мне придется сойти там на берег и провести некоторое время в ожидании. Судя по движениям бровей служителя порта, его удивило, что Кристен поручил мне столь рискованное дело, ведь он понял, что мне необходимо установить связь с адской галерой.

На корабле хуже всего я переносила однообразие. Поначалу меня приводили в восторг краски воды, морские птицы, которые иногда находили прибежище на леерах и реях, ужимки Львиного Сердца, бескрайние небеса и безумные закаты солнца. Но заботливое отношение членов команды, их разговоры, хоть и непритязательные, вскоре стали мне в тягость. Мне и прежде становилось не по себе в обществе других людей, в основном мужчин, хотя теперь у меня, пожалуй, появилась некоторая сноровка и я ничем не выдавала своих чувств.

Когда стояли ясные вечера, на раковине небосвода проступали литые звезды. Кое-кто из пассажиров выходил нетвердой походкой из каюты, но они пребывали в таком упадке, что не могли докучать мне. Помощники капитана хриплыми, но приятными голосами напевали баллады Кронии или южных стран: до меня доносились слова на том своеобразном языке, который я знала... (И тогда мне вспоминалось, как мы с Фенсером, любя друг друга, говорили лишь на языке завоевателей, будто оба позабыли родную речь.) Пес укладывал свою голову с ушами, как у летучей мыши, на колени второму помощнику, а иногда подвывал точно в лад, и это было так смешно, что оставалось только восхищаться.

Я прихватила с собой несколько книг для чтения, а когда качало не очень сильно, могла заняться рисованием. Я усаживалась под навесом на верхней палубе среди сваленных в кучу канатов, сундуков и предметов багажа и принималась рисовать картинки, никак не связанные с морем, — женщин и здания, — а иногда по запоздалом размышлении добавляла в качестве фона пенистые волны. Позднее, наслушавшись историй, которые по ночам, попивая бренди, рассказывали корабельщики, я стала изображать утонувших моряков, чьи головы покоились на покрытых чешуей коленях русалок; страшных морских зверей и уходящие под воду галеоны, из которых выплывали смотанные клубком нитки жемчуга и гаснущие фонари, добавляя кое-где бледные лица с длинными волосами, похожие на окруженную облаками луну, оказавшуюся в воде.

Но налетавшие время от времени шторма оставались за пределами моих творческих возможностей. Уж больно они изменчивы И они тоже прискучили мне, когда стало понятно, что мы не пойдем ко дну.

Однажды утром наш курс пересекли пять чавронских кораблей. Флагманский корабль отсигналил приветствие, и мы увидели, что у него на борту имеется пушка Но Договор все еще оставался в силе, к тому же было ясно, что «Морская Провидица» — торговое судно, а не боевой корабль. Мы просигналили в ответ, и на том инцидент исчерпался.

На сороковой день погода внезапно изменилась.

Холод сменился прохладой. Волны уже не вздымались так высоко, по морю плавно разбегались белые барашки с сине-зеленым подбоем. Из воды выпрыгивали рыбы, окрашенные в цвета моря, их спины блестели в лучах солнца. Я все надеялась заметить среди них русалку с гребешком и зеркальцем.

Мы вошли в Темерид, Море-Посередине-Земли. Пассажиры — все, кто смог, — поднялись на палубу Собравшиеся моряки принесли вина и совершили возлияние в честь морских богов, чьи имена хранились в тайне, и огромного дракона из крониянских мифов.

В тот вечер в кают-компании подали отменный обед Большая часть пассажиров все еще не могла им насладиться, а я, конечно же, не сумела воздать ему должное, но капитан с двумя помощниками и Львиное Сердце провели за едой длительное время.

Через день-два на смену прохладе явилась мягкая влажность. В этом море нередко

встречаются теплые течения. Рассказывают, что, купаясь в нем, можно за пять минут оказаться в холодной воде, потом в горячей, как в ванне, и попасть обратно. Еще ходят истории о том, как выловленные рыбы оказывались вареными, но я такого ни разу не видела.

Теперь с левого борта можно было ясно рассмотреть землю. Она отличалась от той, что я видела прежде, и, пожалуй, это пришлось мне по душе. За обширной прибрежной полосой вздымались округлые холмы, сменявшиеся затем грубо обтесанными зубчатыми отвесными скалами; эти три типа рельефа крайне ярко контрастировали друг с другом. На вершинах утесов, будто просыпанная соль, лежали снега, превращавшиеся на время заката в сердоликовые кристаллы. Тогда казалось, что это — ландшафт иного мира.

Спустя некоторое время, на несколько дней раньше срока, мы прошли меж двух гигантских мысов, которые называли мускулами Канда, и оказались в большом Кандирском заливе.

Там не было ветра, и вода походила на тяжелое стекло. Она чуть колыхалась, но движение свелось на нет, и потребовалось все мастерство наших мореплавателей, чтобы доставить корабль в порт.

В Кандире сохранились развалины старого города. Они рассыпаны по всему современному городу, в котором имеется собственный классический Высокий Холм с храмами и общественными зданиями, сверкающими в лучах солнца ослепительной белизной, позолотой и синевой, как рыба чешуя. В тамошних рощах попадаются чудные апельсиновые деревья, достигающие семидесяти, а то и восьмидесяти футов в высоту; плоды у них не больше золотой монеты и, как говорят, такие же твердые. Но трущобы этого города омерзительны, а ночью даже компании из четырех сильных мужчин не стоит соваться без необходимости в район порта.

По завершении проверки паспортов, происходившей на борту корабля (документы добыл мне служащий порта в Ясте, и я испытывала некоторое опасение, но они оказались вроде бы безупречны), мне предстояло сойти на берег. Обнаружив, что я — новичок в подобных делах и не представляю, как мне действовать, капитан послал со мной второго помощника, Львиное Сердце и двух матросов для сопровождения и доставки багажа. Величественный пес не снизошел до переноски грузов, зато не отходил от меня ни на шаг и рычал на всех незнакомых мужчин на улице, которым случалось взглянуть в мою сторону. Когда мы миновали неприглядную часть города и добрались до торговых кварталов, помощник капитана напрямик по-дружески спросил, какие у меня есть знакомые, чтобы выяснить, куда меня нужно доставить. Продав подаренного Каруланом серебряного крокодила и кое-что еще, я выручила значительную сумму, поэтому сказала моряку, что мне вполне по средствам приличное жилье. Тогда мы наняли экипаж; хотя матросы быстрым шагом шли следом, пес, конечно же, уселся в коляску вместе с нами; так мы и добрались до широкой улицы с высокими домами, окрашенными в пастельные тона и украшенными сетчатыми балконами, на крышах которых стояли цветочные урны, а порой и деревья.

Я сняла две хорошие комнаты в пансионе, который принадлежал кронианке; по ее словам, она привыкла окружать материнской заботой девушек, путешествующих без сопровождения. Я пришла в изрядное замешательство, но помощник капитана лишь улыбнулся. Он и матросы пошли вместе со мной в комнаты, а «мамаша» и бровью не повела и глянула искоса только на благородного пса.

Водворив меня и мой багаж на место, второй помощник поцеловал мне руку и поинтересовался, нельзя ли будет навестить меня, а когда я ответила, что не смогу позволить себе такого удовольствия, ибо дела мои связаны с болезнью и горем в семье, сказал, что сердце его разбито, и, насвистывая, отправился восвояси. А я поцеловала на прощание Львиное Сердце — мне довелось увидеть, как он лазает по снастям, и он совершенно очаровал меня. Пес вежливо повилял хвостом, но ему не терпелось броситься вслед за друзьями.

Поэтому они ушли, а я осталась.

Вскоре ко мне поднялась «мамаша», чтобы узнать, нет ли у меня какой-либо

надобности, а заодно попытаться вывести историю всей моей жизни. Но я уже исповедалась перед Кристеном, поэтому надобность в исповеди пропала. Я дала ей золотой империал — монеты Саз-Кронианской империи и дюжины других стран имели официальное хождение в Кандире — и сказала, что я в трауре и разговоры о случившемся мне невыносимы. С такой вот легкостью и такой дорогой ценой мне удалось управиться с этой заботливой родительницей.

2

Я прожила в Кандире несколько недель, ожидая возвращения «Двексиса». Корабль попал в полосу штиля.

Из окна моей комнаты открывался неплохой вид, в том числе и на величественный Высокий Холм. (По-моему, за этот пейзаж я платила куда больше, чем за чистые простыни и горячую воду.) Погода стояла прекрасная, очень мягкая, хотя на дворе была зима. В этих краях уже сто лет не видывали снега, кроме как на вершинах гор. В конце осени буйствовал ненавистный всем суховей, но я этого не застала. Часть деревьев сбросила листву, но остальные, вечнозеленые, цвели не переставая. Цветы росли вдоль оград и в урнах.

Я почти сразу же почуяла благоухание. Здешнюю зиму никак не перепутаешь с той, что стояла во время отступления, не говоря уже о зимах детства в родных краях.

Дальше к востоку, в Тулии, куда он отправился, разница станет еще заметней. Если только цель его путешествия — Тулия...

Из-за того, что мне довелось узнать о «Двексисе», меня ночь за ночью преследовали кошмары. Но я уже брошена на произвол судьбы, и, хотя эта новая для меня жизнь в одиночку рождала беспокойство, впереди маячил огонек. Тот огонек, который я сотворила из Фенсера и который он, возможно, погасит, когда я встречу его, если это вообще произойдет.

Иногда я задумывалась и об этом. Из глаз текли дурацкие слезы слабосилия. Я превратилась в ребенка, потерявшего на улице родного ему человека, и никто другой не может его утешить. Очень глупо рассчитывать на радушный прием с его стороны. Не буду. Мне нельзя. Помимо всего прочего, я его не знаю, его сильно потрепало в боях, у него столько шрамов — тот другой сон, про батальон призраков, — мой любимый именно такой человек, а не золотистый бог из леса урожайной поры. Он хотел остаться со мной, но ему пришлось меня покинуть. Что ждет его на этой дороге? И что ждет меня на пути в следовании за ним?

«К нему!» — кричали колеса, и лисы разбегались.

В комнате «мамаш» на первом этаже гостиницы запела коноплянка, и ее песенка поразила меня в самое сердце. Это песня южных краев. И тогда я подумала, что, наверное, мне никогда не удастся обрести свободу от сновидений о моих истоках.

Теперь я добывала сведения о прибытии судов и отплытии их из гавани, посещая утром и днем располагавшиеся у причала административные здания, открытые для публики; дважды на дню там вывешивали расписание, из которого можно было узнать, какие торговые суда должны зайти в порт. На узких улочках и рынках, находившихся поблизости, полным ходом шли торговля и надувательство. Время от времени мне встречались моряки, жители Востока; меня поразило их сходство с теми, что изображены на шкатулках и шальях — стройные люди с желтой, как мед, кожей и непроницаемым взглядом. Даже днем попадались шайки пьяных головорезов, из-за чего мне всякий раз приходилось нанимать экипаж, а следом за мной повсюду ходил крепкий юноша, состоявший охранником при вознице.

Я очень быстро расходовала деньги, а по вечерам, сидя в гостиной, составляла списки вещей, которые отбирала для очередной продажи. Мне не хотелось справляться у «мамаш», где за них можно выручить побольше денег. Стоит ей предположить, что мне грозит бедность, как она тут же выкинет меня на улицу.

А потом настал день, когда я застыла перед фасадом Управления порта и кровь моя вскипела огнем, а сердце учащенно забилося. Заметив, как отчаянно я покраснела, а потом

так же сильно побледнела, юный охранник принялся бросать по сторонам свирепые взгляды, дабы убедиться, что никто не посмел никоим образом меня оскорбить. Чуть ли не развеселившись, я успокоила его. Причиной моих переживаний послужило название корабля, «Двексис», только что появившееся на одной из полос таблицы расписания, и пометка о том, что около полуночи он встанет за молом на якорь.

На самом деле я не то чтобы развеселилась, а скорей впала в истерику. На меня навалился омерзительный страх, как будто я могла отложить насущно важную для меня встречу, которая вот-вот состоится. Лишь глупец способен подойти близко к подобному судну. Может произойти все что угодно. Мне следует принять все возможные меры предосторожности.

Я повернулась лицом к юноше, который мог изъясняться на всех портовых жаргонах: чаврийском, данувском, тарасском, тулийском и кронианском (возможно, в этом списке числились и другие), и сказала:

— Сегодня вечером мне нужно попасть на борт «Двексиса». Я должна переговорить с ее капитаном.

Молодой человек скорчил жуткую гримасу, но в порту так поступали для того, чтобы отпугнуть злой рок.

— Она рабская галера, — сказал он.

— Да, знаю. Я хорошо тебе заплачу, если ты отправишься со мной.

— На невольничье судно? Нет.

— Да. Сколько ты хочешь?

— Нет. Чертовски воняет. Боги их ненавидят. Близко не подойду!

— Да, — повторила я. — Золотой империял.

— С лицом императора?

— Конечно.

— Почему вы хотите идти на адский корабль?

— Будь сегодня в одиннадцать вечера с экипажем у моей гостиницы.

Я вернулась в умопомрачении. Наделенная акульным инстинктом «мамаша» почуяла, что мои дела стали продвигаться. Она высунулась из комнаты и попыталась задержать меня на лестнице, но я что-то пробормотала и скрылась.

Я мерила шагами пол комнаты, не в силах ничего решить, не зная даже, как одеться в данном случае. Чрезмерная элегантность может всколыхнуть злобу и навлечь на меня опасность. Слишком потертая одежда, которую теперь куда легче найти, может вызвать презрение, и я попаду в беду.

«Двексис» был частью закона по самой своей сути. Живые трупы, которые приводят корабль в движение, оказываются на его борту в силу действия закона. Но столь щедушное существо, как я, может пойти ко дну без единого всплеска. Если половина историй хотя бы наполовину соответствует действительности...

Впрочем, глупо сейчас об этом думать. Мой курс уже нанесен на карту. Притягивает молнию. Я должна все время ожидать удара и обратить его себе на пользу.

Я надела незамысловатое, но хорошее женское платье безо всяких драгоценностей и украшений. Ни единой ленточки.

И когда закатное солнце начало жечь окошки, я уже всем телом дрожала от страха и возбуждения, от чаяний и подавленности, не понимая, как мне удастся дотянуть до полуночи.

После ужина, которым кормили всех постояльцев, я договорилась с гостиничным привратником; за некоторое количество серебряных монет он выпустит меня и впустит обратно. Когда я снова поднялась в спальню, на меня вдруг напала ужасная сонливость. Я лежала, не двигаясь, чтобы не помять платье. И внезапно провалилась в пустоту.

И тогда мне приснилась... она.

Вначале я лишь ощутила ее присутствие, так же необъяснимо и привычно, как всякий раз узнавала о том, что мама зашла среди ночи ко мне в комнату, где был притушен свет.

Даже во сне я чувствовала, что она рядом, и то же самое произошло теперь.

Затем она начала приближаться, выйдя из какого-то мрака, который был еще и пустотой.

Оказалось, что это девчушка лет шести или семи, невысокая и стройная, с длинными светлыми волосами и необычными глазами. На ней было белое платье с серебристым пояском, платице для маленькой девочки, а на руках она держала куклу, одетую так же, как она сама.

Ее колдовской взгляд упал на меня. В этом взгляде была вся она. Ничего сверхъестественного или недоброго. Она просто смотрела и все, видела меня, и только.

Потом ничего не стало.

Когда я проснулась, зажженная мной свеча почти догорела, а вскоре я услышала, как колокола храма на Холме отзванивают одиннадцать часов.

Поначалу я лишь вскочила, подбежала к окну, увидела на другой стороне улицы стоявший под деревьями экипаж, быстренько подала сигнал при помощи светильника, заметалась по комнате, приводя себя в порядок, и даже не вспомнила о своем сне.

Но потом, причесав перед зеркалом волосы и накинув плащ, я вдруг подумала о нем.

И тут же поняла, кого я видела.

Эта девочка — призрак неродившегося ребенка. Которого я потеряла, когда хлынула кровь, а может, богиня выкинула его ради меня. Сейчас у меня уже был бы большой живот, и в нем лежала бы она. Девочка выросла бы и стала такой вот изящной и светловолосой, она унаследовала бы его цвет кожи, его глаза. Но где-то в ином мире, в другой временной плоскости она уже доношена до срока, рождена и существует. Там я — ее мама, она — моя дочка. А здесь — лишь призрачная девочка, явившаяся мне во сне.

В этом нет ничего ужасного или пагубного. Я даже не почувствовала горечи оттого, что ее украли у меня, ведь где-то эта жизнь состоялась.

И все же сон меня встревожил: зачем она явилась мне теперь?

3

Невольничье судно, чьи очертания проступали черным треугольником на фоне черного неба, походило на сатанинский корабль, а красный свет горевших на носу факелов ложился на воду двумя кровавыми пятнами.

Баркас, добытый отважным помощником возницы, вытащили из сарая и спустили на темную маслянистую воду; гребцы мрачно глядели и ворчали. Перед этим они некоторое время препирались с ним на жаргоне, спрашивая, почему эта безумная женщина не может подождать до завтра, чтобы по крайней мере стало светло. Корабли, подобные «Двексису», всегда становились на якорь за молом, поскольку считались париями в своей среде, а также из опасения, как бы не сбежал кто-нибудь из невольников. Впрочем, подобная возможность возникала крайне редко, ведь сидевшие на веслах каторжники и день и ночь проводили в кандалах.

Благодаря угрозам молодого человека и щедрости, которую я проявила к гребцам, спор решился в мою пользу. К часу ночи мы уже вышли в залив, охранники окликнули нас лишь однажды. Похоже, у них пропал интерес к моим делам после того, как им вручили взятку.

Портовый служитель из Яста оказался полезным наставником в такого рода делах.

Галера стояла далеко в стороне от всех судов, словно зачумленный корабль.

Судно без флага. Темные паруса на реях — клеймо всех кораблей такого рода. В качестве носовой фигуры — тварь из племени грызунов, мерзкий оскал зубов Галера полностью соответствовала всем предсказаниям.

Мои гребцы крикнули:

— Эй, на «Двексисе»!

Поначалу никто не отозвался. Затем раздался тяжелый стук шагов по палубе, над леером засветился грязный фонарь, и показалось свирепое лицо, изрытое оспинами.

— Чего надо?

— У меня в лодке дама, она желает подняться к вам на борт.

На лице появилась усмешка. Из самой большой оспины, изо рта, владелец которого в отличие от грызуна, казалось, был совершенно беззубым, вырвался смешок:

— Дама? Здесь не место дамам.

Гребцы, ухмыляясь, обернулись ко мне, пожимая плечами. Если этим их возможности исчерпываются, я впустую выкинула на них деньги.

Сохранив привычку к морской качке, я поднялась на ноги и обратилась к этому лицу:

— У меня дело к вашему капитану.

— А-а, — вылетело из похожего на оспину рта. — Брехня!

Меня передернуло, но за прошедшее время я кое-чему научилась в жизни, хотя бы и на манер попугая.

— Вы смеете утверждать, будто я лгу? Как бы вам не пожалеть, когда он узнает об этом.

— А-а, — сказал человек с похожим на оспину ртом. Затем он скрылся из виду, и сердце у меня оборвалось.

— Не стоит ждать вежливости от таких людей, — сказал один из моих невежливых гребцов.

— А я все-таки жду, — бросила я, рассердившись; выплеснув злость, я сразу почувствовала облегчение.

Как раз в ту минуту у леера появился человек в какой-то морской форме, он пристально оглядел нас. Судя по нашивкам, это был первый помощник капитана, а судя по взгляду и заносчивым манерам — застарелый пьяница, изрядно поднабравшийся.

— Вы, — проговорил он, повернувшись в мою сторону, — можете изложить суть дела мне.

— Нет, не могу, — ответила я. — Мне нужно повидаться с вашим капитаном.

Вместо ответа он разжег трубку, оперся на леер и стал спокойно разглядывать черный утренний океан.

Я твердо стояла на ногах и ждала, не сводя глаз с его лица.

— Капитан лег спать, — сообщил он мне.

Я решила рискнуть.

— Тогда попросите его встать.

Мы говорили на кронианском языке, что не удивило меня, ведь изначально корабль принадлежал Северу. Впрочем, в речи этого человека слышался акцент какой-то иной страны. Я почувствовала, насколько безнадежна моя затея: гребцы забеспокоились и начали вслух выражать недовольство, мой юный телохранитель сидел с угрюмым видом, наверху стоял и курил этот моряк, а надо мной нависли ночь и громада корабля.

От галеры воняло. Я не сумела подобрать название этому запаху, хотя, быть может, он чем-то походил на вонь сражения, ненависти и страха. Впрочем, в самой галере было нечто животное и по-своему естественное. А этот смрад исходил из клоаки людского бытия. Если открыть иллюминаторы гребного отделения, оттуда вырвалось бы зловоние человеческих тел, ведь бедняги проводят половину всего времени прикованными к собственным нечистотам, к тому же под банками постоянно плещется трюмная вода. Но совсем иные миазмы висели над «Двексисом» и вокруг него, источником этих испарений служила сама галера. Всякий, кто ступит на нее, ни за что не уберется от заразы. Вульмардра. Позволь мне повернуть и отправиться к берегу.

Вопреки моей мольбе в то самое мгновение на необъятной плоскости, неслышимо, незримо, а подчас и неосязаемо управляющей взаимоотношениями смертных, произошел сдвиг, и первый помощник капитана адской галеры сказал:

— Ладно, раз уж вы так настаиваете, пусть его гнев обрушится на вашу милую головку. Приготовьтесь. Сейчас спустят трап.

Вскоре, цепляясь за медные поручни, отчаянно боясь свалиться на молодого

телохранителя, который, не говоря ни слова, последовал за мной, я взбиралась наверх, в самое средоточие миазмов и света фонарей.

Когда я ступила на палубу, помощник капитана и Рябой, которые не пошевелились, чтобы мне помочь, придирчиво оглядели меня. Я вытерпела этот осмотр, на моем лице застыла маска холодного отвращения, затем я отвернулась.

— Вот что я вам скажу, — проговорил первый помощник, — пожалуй, он не откажется повидаться с вами. И он еще не в постели. Не любит он рано ложиться. Разве что с кем-нибудь вместе.

И тогда я заставила себя посмотреть на него. Вспомнив Карулана, я бросила на моряка тот самый взгляд. Но он лишь криво усмехнулся и повел меня в каюту капитана, расположенную под верхней палубой.

На его громкий стук тут же откликнулся мужской голос:

— Что вам, первый помощник?

— Здесь дама. Она утверждает, что у нее к вам дело.

— Так впустите ее, первый помощник.

— Юноше придется подождать поблизости, — сказал помощник капитана, — за дверью.

Молодой человек занял свое место. А первый помощник эффектным жестом распахнул дверь — на меня пахло бренди и перегаром, и я разглядела его глаза и зубы — точь-в-точь как у носовой фигуры.

Не возьмусь сказать, чего я, собственно, ожидала. Конечно, все это было отвратительно. Но каюта оказалась чистой и аккуратной, на стене — койка с занавесками, на письменном столе — бухгалтерские книги и, видимо, вахтенный журнал; там же горела лампа и стоял поднос с уложенными в ряд перьями и оловянными сосудами для чернил и песка.

«Двексисом» командовал чернобородый кронианец, одетый в форму, но в ушах у него поблескивали круглые серьги с массивными подвесками из неотшлифованного золота, а золотые и серебряные кольца на левой руке потемнели и, казалось, вросли в мясо, словно ракушки.

Я не усмотрела ничего дурного ни в его поведении, ни во внешнем виде. Он не стал подниматься с места, когда я вошла, но поприветствовал меня кивком. Он сидел в кресле за прибранным столом, держа в руке изящное перо с украшенной цветной эмалью ручкой, и разглядывал меня.

В каюте было жарко, лампа наполняла ее светом, но я почувствовала нечто леденящее, и на меня повеяло мраком.

— Добрый вечер, мадам. Итак, что за нужда привела вас сюда?

Эти слова вполне мог бы произнести какой-нибудь адвокат или господин из Крейза.

Сочинив однажды сценарий, я держалась за него так же крепко, как за поручни трапа.

— Я разыскиваю своего кузена, сэр. Мне сказали, что он побывал на вашем корабле в качестве пассажира во время последнего плавания в Тулию. Возможно, он путешествует под именем Завион, а может быть, и нет. Светловолосый южанин; вероятно, вы заметили сходство... У меня нет других родственников. Я была бы вам крайне благодарна, если бы вы сообщили мне, в каком порту он сошел с судна. По сути в этом и заключается дело, которое привело меня к вам.

— Да уж, клянусь медвежьей шкурой, — сказал он, и что-то промелькнуло в его узких глазах.

Мне это не понравилось. Я промолчала, а он внимательно глядел на меня. Затем дружелюбным тоном, который понравился мне еще меньше, проговорил:

— Он путешествовал именно под этим именем, Завион. Офицер оккупационной армии. Исходя из его намеков, я предполагал, что он выполняет секретное задание столичного командования. Но впоследствии выяснил, что он попал в переделку. Потому что предал всех и вся. И я не удивился, когда мне рассказали об этом. Сказать вам, почему?

Он снова подождал. Мне удалось проговорить лишь.

— Любые сведения...

Но он прервал меня:

— Ваш родственник, мадам, подложил мне свинью. И точно так же обошелся с законом. Полагаю, это удастся ему лучше всего. Противозаконные действия, предательство, гадости окружающим. По милости вашего кузена мне, кроме прочего, придется уплатить крупный штраф. Вам не составит труда понять, что я не пылаю к нему любовью, в чем, вероятно, заключается различие между мной и вами, поскольку парень он удалой. Что до меня, я с радостью поглядел бы, как он гнет спину у меня над веслами. И, сказать по секрету, надеюсь на такое удовольствие.

Мне пришлось спросить:

— В чем он провинился перед вами?

Капитан встал. Человек он был рослый, и ему приходилось наклонять голову, чтобы не удариться о потолок каюты.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что, — сказал он.

Я догадалась, что меня ждет, и страх накатиł на меня волной. Разве я посмею спорить? В данный момент я нахожусь в его власти, и было бы глупо противиться ему.

Мы вышли из каюты и проследовали по палубе в кормовую часть (помощник возницы с безучастным видом шагал позади). Трое вахтенных, а среди них и Рябой, стояли с фонарями каждый у своей мачты. Когда мы прошли мимо, они отдали честь капитану и плотоядно посмотрели на меня. Только мне было не до них, я всеми силами старалась держать себя в руках и не дрожать.

— Капитан, мне кажется, я догадываюсь о ваших намерениях, — надменно произнесла я. — Так ли уж необходимо подвергать меня подобному испытанию?

— Необходимости нет, — ответил он, — но меня гложет обида.

— И вы хотите наказать меня вместо Завиона.

— Возможно. И если я сообщу вам, где он находится, а вам удастся отыскать его, вы напомните ему о зрелище, которое скоро откроется вам, ведь он тоже это видел. Как я уже говорил, я надеюсь, что в один прекрасный день подобная участь постигнет и его. Мне хочется, чтобы будущее представлялось ему яснее.

Он вполне деликатно взял меня за руку и повел дальше. К нам подбежали два охранника; нагнувшись, они сняли засовы и откинули крышку люка.

Боги мои, боги, какой вонью оттуда пахло — смрадом человеческих нечистот, который я безошибочно предугадала заранее, и зловонными испарениями всего немыслимого, смертоносного, рокового, сгустившегося и бессознательно пожирающего самого себя.

— Я не заставляю вас спускаться, — сказал капитан. — Вы упадете в обморок, и мне придется возиться с вами, а дамские припадки не по моей части. Подними фонарь, — добавил он, обращаясь к Рябому — тот держался поблизости. — А теперь, госпожа, вашим блистательным очам откроется упоительное зрелище.

Я посмотрела на пятно света, упавшее в эту яму, полную гниения и смерти, словно в раскрытую могилу.

Я увидела немного. Отблески света на руках, принадлежавших, казалось, пещерным людям; на воде, похожей на змеиное гнездо; на огромных цепях, которые смогли бы удержать быка. Я услышала тихие стоны и пронзительный тонкий крик — так верещит мышь, угодившая в когти сове. Но не только. Наряду с запахом существовал и звук, не затихавший ни на миг. Какой-то глухой стук, подобный неумному биению пульса.

Я отшатнулась.

— Я посмотрела, — проговорила я, — и увидела предостаточно. Можете быть довольны.

— Нет, я не доволен, — ответил он, — но придется обойтись этим.

Он подал знак, и охранники снова опустили крышку над кошмаром. Похоже, никто из

обреченных на пребывание в нем не заметил, ни как открылся люк, ни как опять закрылся.

Мы вернулись в каюту. И снова мой телохранитель остался ждать под дверью. Мне полегчало на время, как будто я выдержала какое-то испытание. Но лишь богам известно, что еще задумал чернобородый. Может, и ничего. Он действует в рамках закона. Будь у меня желание, я могла бы упомянуть об уговоре с представителями Управления порта насчет моей сохранности и о моих связях с императорским домом. Но мне не хотелось этого делать без крайней необходимости. Я полагала, что заявления такого рода не имеют большого веса в этом уголке Земли, на борту «Двексиса».

Не присаживаясь, капитан подошел к буфету, достал графин с разбавленным ромом и два изящных кубка восточной работы.

— Выпьете?

— Нет, благодарю вас.

— Даже после всего, что вам пришлось из-за меня пережить?

— Я выпью, — сказала я, — если это доставит вам удовольствие. А если вы предложили из вежливости, мне ничего не нужно.

Он открыл рот, обнажив зубы, покрывшиеся бурым налетом от красного тарасского табака.

— Тогда я выпью один.

Так он и поступил и посвятил следующие несколько минут исключительно этому занятию.

В конце концов я сказала:

— Я пришла к следующему выводу: поскольку вы считаете, что я перед вами в долгу из-за поступков моего кузена, вам захочется, чтобы я возместила ущерб.

— Что вы имеете в виду?

— Я заплачу вам за сведения.

— Не стану возражать.

Я сдержалась и, не выказывая негодования и волнения, вынула три последних империаля.

— Это все, что я могу предложить.

Он посмотрел на монеты, лежавшие у меня на ладони.

— У вас есть куда больше, — сказал он. — Вы могли бы продать кое-что из одежды. Или самое себя.

— Ни я, ни моя одежда продаже не подлежат.

— Пока что. Как я понимаю, милая госпожа, вам никогда еще не доводилось сталкиваться с невзгодами.

Я рассмеялась в ответ. Что-то заставило меня сказать:

— Вы крайне удивились бы, узнав, с чем мне доводилось сталкиваться. Я видела, как сотни людей, подобных вам, капитан, валяются мертвыми на поле боя.

Вежливая мина на его лице сменилась неприятным выражением.

— Это угроза?

— Я могу пригрозить лишь тем, что возьму обратно свое предложение насчет денег и оставлю вас. Вероятно, я смогу добыть те нехитрые сведения, которые мне нужны, иным путем. Из данных о передвижении вашего судна, как только они появятся в порту. При помощи взятки какому-нибудь клерку, который удовольствуется меньшим и к тому же не станет меня оскорблять.

Вряд ли стоило на это рассчитывать, но как бы там ни было, капитан ответил:

— Милая госпожа, данные о портах захода нашего корабля вам не помогут. Ваш родственник покинул его в промежутке между ними.

Мне показалось, что жизненные силы покинули меня. Нет, это просто отхлынула от сердца кровь. Я услышала свой собственный голос, он доносился как бы из другого угла каюты:

— Вы хотите сказать, его убили и выбросили за борт? На этот раз пришел черед

повеселиться капитану.

— Если бы и так, то поделом ублюдку. Но неужели вы думаете, что я рассказал бы вам об этом?

Я не удержалась и прислонилась к стене. Либо я потеряю сознание, либо прикончу его, но я решила, что выберу второй вариант.

— А теперь я спрошу вас, — сказала я, каким-то образом справившись с голосом, — и повторять вопрос не стану: имя Карулан о чем-нибудь говорит вам? Да? Так учтите, мне это имя знакомо куда лучше и ближе, чем вам.

— Как, милашка принца — и здесь, по такому-то делу? Как ни странно, вместе с недомоганием явилось вдохновение. Лишь бы добиться правды, все остальное не важно.

— А вдруг вас хотели испытать. Подобная мысль не приходила вам в голову, капитан? Или вы настолько легкомысленно относитесь к закону и к императору Саз-Кронии, что вас это не трогает?

Пауза. Он допил свой ром с водой. Потом сказал: — Завион остался цел и невредим, но если бы я догадался, что он замышляет, повесил бы его собственными руками. Нет, он ускользнул от нас вплавь. И прихватил с собой одного из каторжных гребцов. Огромного мужика, похожего не то на вепря, не то на медведя; мы вспомнили, как его зовут, Ирменк, ему нет равных, он продержался в гребном отделении семь лет и остался в живых. Мои гребцы вызвали интерес у Завиона, так он сказал. Я решил, что он со странностями, ведь при одном упоминании о гребном отделении он побелел и позеленел, а потом ему вдруг захотелось все это увидеть, и, должен отметить, он отпускал славные шутки насчет этой трюмной падали и насмешил нас. Потом он стал расспрашивать, за что они сюда попали. Ну, коллекция у нас тут богатая. Я бы сказал, жалеть их — попусту время тратить. К нам попадают только по заслугам. Есть один каторжник, так он убил трех женщин и отсек им самые лакомые кусочки тела, а другой — грабитель, на его счету человек сто путешественников, которым он перерезал на дороге глотку. Ну и этот самый Ирменк. В гребном отделении стоит такая вонища, а Завион задержался около него и стал его разглядывать. «А этот человек что сделал?» — спрашивает Завион. Ну, Ирменк убил какого-то священнослужителя, только он утверждал, будто это неправда. Я рассказал про него, а Завион вроде бы понял, что этот парень еще не потерял разума, и говорит ему: «А ты что скажешь?» И представьте, негодяй начинает выкладывать все по-своему, будто тот самый священнослужитель постоянно держал в страхе всех бедняков в деревне и подвергал их надругательствам, особенно маленьких мальчиков и девочек. Однажды утром Ирменк слышит крики и обнаруживает, что священнослужитель взобрался верхом на его младшего братишку, восьми лет от роду, а мальчишка лежит, уткнувшись носом в собственную кровь. Священнослужитель заверил Ирменка, что за этим визитом последуют новые, подобные ему, а в ответ Ирменк, он ведь был кузнецом, схватил свой молот и прошиб негодяю голову. Но в деревне здорово боялись служителей храма, а доказательств у Ирменка не нашлось, поскольку, когда ребенка осмотрели, решили, что Ирменк сам над ним надругался и священник застал его за этим делом, а вовсе не наоборот. — Капитан налил себе еще разбавленного рому. — Я знаю по опыту, что мальчишки часто сами на такое напрашиваются. На Востоке их для этого специально натаскивают. Пойди пойми. Этого валуха признали виновным, сослали сюда, и он проявил на «Двексисе» невероятные способности по части гребли. Я полагал, что мне придется содержать его все двадцать лет, и следил, чтобы ему давали хорошего мяса, а по праздникам и вина — пусть выпьет за здоровье своего священнослужителя. Как бы там ни было, Завион, выслушав историю Ирменка, тут же заявил, что это чушь, прижал к носу платок, как будто вдруг почувствовал, как там воняет, развернулся и пошел вверх на палубу. А выражение лица Ирменка стало, как у девушки, которой пренебрег любовник; тут уж и я посмеялся.

Голос капитана звучал не прерываясь, он перешел к рассказу о нанесенной ему обиде, и слова так и посыпались. Впоследствии мне удалось вспомнить начало этой истории, значит, я слушала его, но мысли мои занимало другое. Когда я узнала, что Фенсер все еще жив, мне

пришлось опять собирать себя из кусочков в единое целое.

Я справилась с этой задачей к моменту описания капитаном обеда, за которым все напились, а Фенсер выступал в роли паяца и лицедея, и все сидевшие за столом хохотали до упаду. Около двух часов утра после того, как капитан ушел отдыхать, а первый помощник занялся обходом вахтенных, спиртное продолжало литься рекой, и Завион уговорил второго помощника привести Ирменка и посадить его за стол на место капитана. Все остальные офицеры оказались идиотами и к тому же так нализались, что согласились на его затею. Ведь нет ничего смешней и увлекательней, чем напоить бренди вонючего каторжного гребца, повесить ему на шею гирлянду цветов, сделанных из листов бумаги, выданных из бухгалтерской книги, и спрашивать у него, какие будут распоряжения на завтра и все такое прочее. При помощи ряда уловок Ирменка вызволили из трюма и привели в кают-компанию. Каторжников иногда выпускали на палубу подышать, а этому огромному человеку и раньше оказывали подобную милость, чтобы он смог подольше сохранить здоровье. Разумеется, он явился в кандалах, но вслед за тем, как его усадили за стол и все еще не раз выпили, Фенсер уговорил второго помощника снять оковы. Впоследствии все офицеры дружно заверяли, что Завион ухитрился подсыпать в бренди какое-то снадобье, и капитан был склонен согласиться с ними.

Некоторое время все развлекались шутками. В конце концов Фенсер поднялся на ноги и нетвердым шагом направился к трапу. Он сказал, что все должны выйти на палубу и поглядеть на звезды, а Ирменка надо прихватить с собой и проверить, помнит ли он, что это такое. За это время моряки успели привыкнуть к тому, что Фенсер всеми верховодит, и решили, что могут запросто последовать за ним. Все поднялись по трапу и вышли на палубу, а там Фенсер привел всех в восторг, проделав следующее: он скинул сапоги и плащ, подвел к борту Ирменка, похожего на быка с гирляндой из цветов на шее, и спросил его: «Ты умеешь плавать, дружище?» По-видимому, Ирменк уже почуял, чем дело пахнет, а может, сам что-нибудь задумал. Позже все в один голос утверждали, будто он ответил: «Вполне».

И тогда оба перемахнули через леерное ограждение и прыгнули в море.

Эта последняя из всех шуток вызвала у пьяных моряков, оставшихся на палубе, бурное одобрение, но вскоре они пришли в замешательство и возгласы затихли.

— Мы находились в миле от побережья Тулии, — проговорил капитан, глядя на свой кубок. — Они могли и утонуть, но я в это не верю. Мы спустили шлюпку, но никого не нашли, а наутро в расположенный на берегу город отправился наш отряд, но напасть на след нам не удалось. Да я на это и не надеялся.

— Название города, — сказала я.

— Да, я скажу вам его. Потому что их там уже нет. И оно вам ничем не поможет. Город называется Дженчир.

Я положила на стол три империи и без единого слова или жеста ушла.

Стоявший за дверью юноша подошел ко мне и подхватил меня под руку.

— Со мной все в порядке, — сказала я. — Баркас еще дожидается нас?

— Да, только надо их подзвать. Им велели отойти на расстояние длины корабля, помноженной на двадцать.

Мы подняли крик, и вскоре баркас вернулся к галере.

Я почувствовала признательность гребцам, ведь они меня не бросили, и растрогалась, а потому щедрой рукой раздала серебряные пенни сверх условленного вознаграждения. Не забыла я и про помощника возницы.

Теперь я отберу для продажи кое-что из имущества, и этих денег мне хватит, чтобы добраться до тулийского города Дженчир. Я не представляла себе, что произойдет потом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Синее, гладкое, как русалочьи волосы, море несло меня на юго-восток в люльке под названием «Нилени».

Мой проезд обеспечило пожертвование на похороны. То есть мне не хотелось пугать хозяйку пансиона, и я сказала, что мне необходимо продать кое-какие вещицы, чтобы выручить денег на подарок родственникам одного человека, который скончался. Она порекомендовала мне хорошую лавку, владелец которой оказался честен. Мой корабль был из небольших, всего с четырьмя каютами для пассажиров, три из которых так и остались пустовать.

За все время плавания земля ни разу не скрылась из виду.

Перед глазами проплывало золотистое в свете дня побережье, казавшееся загадочным при луне. Удивительные птицы, вяхири, целыми выводками садились на леера и ворковали, глядя на нас, а затем пускались в обратный путь к берегу; на тридцать третий день плавания у нас появился дружественный эскорт: в воде зарезвились дельфины с платиновыми спинами, а чуть позже и крапчатые морские свиньи. Похоже, моряки благоволили и к тем и к другим: они бросали им всякие лакомства. Они и меня уговорили покормить дельфинов; перегнувшись через леер, я протягивала им рыбу, а они с извиняющимся видом подхватывали ее и ни разу не напугали меня и, уж конечно, не причинили мне вреда.

Существует множество историй о потерпевших кораблекрушение и чуть не утонувших моряках, которых спасли дельфины. Даже если бы Фенсеру с каторжником пришлось туго, разве не пришли бы им на помощь эти разумные существа, столь явственно похожие на людей во всем, за исключением внешнего облика и среды обитания, и несомненно наделенные человеческой душой? Тулийские моряки называют их Посланцами Богов. Я сразу — с первой минуты — прониклась доверием к каторжнику и не сомневалась в его порядочности по отношению к Фенсеру. Фенсер уже составил мнение на его счет. Впрочем, до чего это похоже на все остальное. Незнакомый мне человек... если бы кто-то поведал мне начало рассказанной капитаном истории и попросил бы меня завершить ее, сочиненный мною конец совпал бы с действительностью. Вероятно, с одной оговоркой: у меня они добрались бы до берега.

И что за берега открывались нам, пока мы плыли в Тулийское королевство.

Холмы, увенчанные рощами диких апельсиновых деревьев, бирюзовые леса, сбегające волнами к лазурной воде. Иногда ветер доносил до нас аромат этой земли, смолистый, сладковатый, запах цветов и фруктов и заполненную пляшущими искорками субстанцию, известную под названием «воздух». Единственное, что можно было поставить в упрек погоде, — это отсутствие ветра, из-за чего мы продвигались очень медленно.

Гавань Дженчиры, в которую должна была зайти «Нилени», не вызывала восхищения. Судоводители отдавали предпочтение порту побольше и получше, в Тули; он лежал на расстоянии еще недели пути к югу.

Дженчира — старый захолустный город с улицами, сходящимися у гавани, которую постепенно заносит илом. Мне сказали, что старикам нравится жить в Дженчире, а молодежь оттуда уезжает. Не рассчитывайте, предупредили меня, на обеды с танцами, гонки на колесницах, азартные игры и театры. Дженчира — это променады, зонтики, тихие ужины и безмятежное чтение книг.

Но дельфинам несомненно нравился этот город. На сорок первый день плавания они появились вновь, чтобы проводить нас в порт.

2

Молодой человек, второй помощник капитана «Нилени», проявил ко мне огромный интерес, из-за чего мне пришлось доверительно ему поведать, что в Дженчире я должна встретиться со своим нареченным. Затем Эмаль-до, мой страстный поклонник, обнаружил, что этот человек не позаботился ни о моей безопасности, ни о жилье для меня, и тогда я

сочинила историю, будто мой жених выполняет государственное поручение, и я отправилась в путь, не успев получить письма.

К счастью, Эмальдо оказался тулийцем, и затруднения в языке пришлось как нельзя более кстати, когда мне пришлось столь многое ему рассказать. Слушая разговоры служивших на корабле тулийцев, я тут же начала безо всякого умысла перенимать их речь, но притворялась, будто говорю хуже, чем было на самом деле. Я решила, что такая восприимчивость к чужим языкам объясняется тем, что мне в очень раннем возрасте довелось столкнуться с кронианским. Я овладела им в основном за счет слуха и способности к подражанию, набирая в запас как можно больше отдельных слов, — собственно говоря, так учатся языку все дети. Позднее мне удалось выправить грамматику и синтаксис, в основном таким же образом, что сослужило мне добрую службу. Но в разговорах с Эмальдо я запинаясь и упорно не хотела понимать страстных выражений чувств и признаний.

Когда на борт корабля поднялся лоцман, за мной зашел Эмальдо, красивый, аккуратный, в белом атласном плаще; его светлые волосы и синие глаза показались мне творением рук ювелира; он попросил разрешения сопровождать меня на берег.

В знак уважения к нему я надела платье из зеленого муслина, и это вызвало у него такой взрыв эмоций, что я испугалась, как бы он тут же и не умер. По-видимому, он был старше меня всего на год и несомненно повидал в жизни куда больше моего, но не успел так близко познакомиться с ее теневыми сторонами.

Из-за скверной гавани кораблю потребовался лоцман. Стоя рядом с элегантным Эмальдо, я впервые увидела Дженчиру.

В красоте и живописности она не уступала городам из волшебных сказок. Из погибающей заводи получился пруд, заполненный лотосами и хитросплетением водяных лилий и гиацинтов. Морьякам приходилось каждый день обрубать щупальца этих очаровательных вампиров, высвобождая корабль. Теперь там стояли лишь два или три небольших приземистых суденышка, походившие на уток. За их мачтами виднелся старинный спуск к причалу, вскинутые руки статуй морских богов из серпентинита. Огромные пальмы, словно веера из перьев, прикрывали лицо старого города.

Я заметила опоясанные балконами дома и стены, выкрашенные различными красками и блиставшие цветами павлиньих переливов: розовым, красным, желтым — под стать волосам Эмальдо, синим, превосходящим яркостью его глаза, что совершенно невероятно. А за стенами — массивные камфарные деревья и терпентиновые, поменьше размером. Черные и белые аисты, хлопая крыльями, расхаживали вокруг своих гнезд на разрушенной красной башне, высившейся над гаванью.

— Вот видишь, — гордо сказал Эмальдо, будто это он сотворил город ради меня.

— Прелесть! — воскликнула я по-тулийски, и волшебник поклонился.

— Но это немолодой город, — добавил Эмальдо по-крониански. — Да, это хорошо. Твоя безопасность. И ты поселишь моя тетушка.

Я искоса глянула на него, пытаюсь угадать, кто у кого поселится, тетушка у меня или я у нее. А также размышляя: можно ли принять его предложение.

— Да-да, — настаивал Эмальдо. — Она будет заботиться о тебе. Ты нигде больше.

— Но может быть, ей... — Я призадумалась над тем, как правильно назвать по-тулийски отсутствие симпатии.

— Ты любишь, она будет обожать, — сказал Эмальдо. И, сжав мне руку, добавил: — Как я.

Вот все и высказано. И никакие способы выражения не высятся преградой между нами.

Стоя под лучами солнца, Эмальдо так и сиял. Мне станут завидовать все девушки Дженчиры и многие не девушки тоже. Если во мне сохранилась хоть капля способности к восприятию удовольствий и реальности, я позволю ему ухаживать за собой. Кроме него, у меня ничего нет, одни фантомы.

Дом тетушки Эмальдо стоял на тенистой улице, темно-желтый кирпич, три этажа, а над входной дверью — четырехмачтовый галеон из кованого железа. Эмальдо сказал, что у них в

роду морская профессия — традиция. Его дядя имел собственный корабль и командовал им. В округе дом так и называли — «Корабль».

Похоже, тетушка пускала постояльцев и заманивала меня. Она оказалась дамой весьма почтенного возраста, и даже горничной перевалило за пятьдесят. Ни та, ни другая не знали кронианского, не говоря уже о каких-либо южных языках. Эмальдо служил нам переводчиком. Я заметила, что женщины ясно поняли, как обстоят дела, — он меня «обожает», а я старше его и себе на уме.

Я ничего не могла с этим поделать. Но попросила Эмальдо объяснить, что меня ждет встреча с женихом.

Мне кажется, он так и сделал. Но их лица ясно говорили: «О, эту историю мы уже слыхивали раньше».

Когда Эмальдо отправился обратно на «Нилени» (сообщив, что на закате вернется), я тут же решила, что мне необходимо раздобыть еще денег.

У меня осталось два платья, мужской наряд, несколько рубашек, нижнее белье, пара сандалий и сапоги. Ни шарфика, ни перчаток, ни бантика, ни вуалетки. Я подумала, что из предметов туалета мне больше ничего не хочется продавать. Но у меня сохранилось одно жемчужное ожерелье, подаренное Каруланом, — второе я не взяла с собой. Теперь я последую совету, который дала когда-то Розе: разрежу нитку и стану потихоньку продавать друг за другом бусины. Только опять же, где?

Я отобрала две жемчужины, прихватила их с собой и отправилась рыскать по городу.

Я совершила упоительную прогулку по извилистым боковым улочкам и широким бульварам под тенью тополей, пальм и терпентиновых деревьев. В маленьком парке стояла длинноволосая каменная богиня, лишь раковины прикрывали ее наготу. А на западной стороне торговой площади располагался храм. Я не знала, кому из богов он посвящен, но мысль о том, что надо бы зайти и поблагодарить его по случаю прибытия, мелькнула у меня в голове, впрочем, тут-то я и заметила ювелирный магазинчик под аркадой.

Я вошла в лавку и обнаружила в ней только продавца и большую пятнистую птицу, сидевшую в плетеной клетке.

Птица заклекотала, торговец поклонился.

Неумело изъясняясь по-тулийски, я постаралась объяснить, зачем пришла, и достала жемчужины.

Торговец взял лупу и принялся их разглядывать. Осмотр занял всего пару минут.

— Очень хорошие, — вроде бы сказал он. (Птица повторила его слова, значит, он произносит их всякий раз.) Затем он обратился ко мне с предложением, но мне не удалось его понять. Он сухо улыбнулся и поднял руку, чтобы я видела все пальцы, потом загнул большой и вынул из ящичка четыре тулийских лильда — эта сумма соответствует примерно восьми серебряным пенни Юга.

Я ужасно расстроилась и схватила жемчужины.

— Настоящие, — воскликнула я и добавила по-тулийски: — Не подделка.

— Да, — ответил он.

Я решила, что торговец — сумасшедший, и, к неудовольствию птицы, не взяв денег, обратилась в бегство.

Возле стен храма на другой стороне площади расположился маленький рынок. Я уставилась на горы фруктов, которых не могла себе позволить, тушки кур, на банки с мукой и разными вареньями. Человек с желтоватой, как масло, кожей, житель Востока, сидел на земле, играя на свирели, а перед ним, извиваясь на блюде из черепашьего панциря, раскачивалась из стороны в сторону изумительной окраски змея. Я заметила в ухе уроженца Востока жемчужину. И в ту же секунду вспомнила, что дополнением к туалету большинства пожилых дам, которые важно прогуливались по улицам под зонтиками в сопровождении служанок и маленьких собачек, служило жемчужное ожерелье, броши, кольца или серьги с жемчугом, и даже ошейник одной из собачек украшали жемчужины.

Дженчира изобилует жемчугами. И две жемчужины стоят дешевле, чем плата за ночлег

в гостинице.

Я завершила приятную прогулку в некотором смятении и вернулась к дверям дома с кораблем.

Придется спросить Эмальдо, что мне делать.

3

— Благодаря устричным отмелям, — сказал по-тулийски Эмальдо, — в городе полным-полно хорошего жемчуга. — Он бросил на меня грустный взгляд. — Этот жених так плохо о тебе заботится, — заговорил он на кронианском. — Забудь про эту свинью. Позволь Эмальдо оберегать тебя.

Я поблагодарила его; в ответ на столь пылкое высказывание краска бросилась мне в лицо, и он решил, что мой румянец говорит о многом. Но я все испортила, добавив, что никак не могу отречься от принесенного мной обета. Как же мне продержаться, пока обстоятельства не изменятся к лучшему? Я робко спросила, нет ли какой-нибудь работы, которую я смогла бы выполнять и которая считалась бы позволительной для женщины моего сословия. Быть может, кому-нибудь из множества пожилых дам требуется компаньонка? Я задала этот вопрос с нелегким сердцем, поскольку у меня отсутствовала способность сопереживать как старым людям, так и маленьким детям. Мысль о необходимости проявлять к ним интерес и терпеливо их выносить вызвала у меня мучительную неловкость. Не возьмусь объяснить почему. Как бы там ни было, Эмальдо в ужасе всплеснул руками:

— Нет! Скажу тебе. Есть кое-что, ты можешь это здесь продать.

Я недоверчиво поглядела на него. Что же он скажет дальше?

— На «Нилени» ты всегда сидишь, рисуешь. Такие странные картинки, сады и девушки. Продай их.

Я в изумлении уставилась на него — это так просто, а в голову мне не пришло ни разу.

— А они достаточно хороши? Разве кто-нибудь станет их покупать?

— Пожилые дамы — им нравятся такие пейзажи, они их успокаивают.

И в самом деле, госпожа из Гурца стянула у меня как-то пару пастельных рисунков, и они перекочевали в сорочью сокровищницу в Башне Покоя — о чем горничные проговорились Розе.

— Ну, если ты и вправду так считаешь...

— Да.

— Пожалуй, вдобавок я могла бы предложить сделать портреты их собачек...

— Еще лучше.

— Но как это устроить? Мне придется обивать пороги, как бродячему торговцу?

— Моя тетушка, — заявил Эмальдо, — знакома с продавцом мыла.

Я ничего не поняла. Он старательно разъяснил мне, что нужно повесить мои работы в лавке, где торгуют мылом, а хозяин получит комиссионные с продажи.

На следующий день мы так и поступили. Несколько пастелей и карандашных рисунков, как раз из тех пейзажей, о которых он говорил: гуляющие под соснами девушки, одна из них читает письмо, стоя у фонтана; усеянный цветами луг, а на нем девушки и лев, на заднем плане — море и плавающие в нем нимфы. Я даже осмелилась выставить отнюдь не успокоительную и неподходящую картину, которую нарисовала на «Морской Провидице», с изображением идущего ко дну брига и прекрасного утопленника. Надо сказать, первой купили именно ее.

На протяжении недели Эмальдо каждый вечер обедал с нами в доме с кораблем. В моей памяти сохранились отсветы заката, игравшие на стекле бокала, белоснежные салфетки, синие чаши для воды из тончайшего фарфора. В Тулии принято возлежать за едой, но тетушка опиралась при этом на подушки, а Эмальдо с венком из плюща на голове походил на лесное божество; все стены в округе заросли плющом, и в его честь к обеду всегда вывешивали гирлянды, непременно из живых растений. Видя мои успехи, он совсем расцвел.

А я по-своему полюбила его. Такой пылкий, такой красивый и к тому же он здесь, рядом со мной.

Прошла неделя, Эмальдо казалось, что тетушка свыклась с моим присутствием; торговец мылом жаждал все новых работ, и у меня болели пальцы, а в кожу въелась краска, и вот «Нилени» пришла пора отправиться в путь на восток, в порт Тули, а затем в тулийскую Кирению, страну, где скалы вырастают прямо из воды. Эмальдо с сожалением сказал, что вернется через несколько месяцев, не раньше. Его подобные озерам глаза уже оплакивали нашу с ним разлуку. Может, я дам ему какое-нибудь обещание, чтобы он мог с уверенностью дожидаться возвращения?

— Мне думается, во время плавания ты повстречаешь другую. Какую-нибудь киренийскую девушку с золотистыми волосами, которая вольна дарить свою любовь.

— Где твой великий возлюбленный? Покажи мне его. Иметь такую, как ты, и не показываться...

— Эмальдо, я говорила тебе, что должно произойти. Неужели ты хочешь, чтобы я покрыла себя позором?

— Где он, этот пес?

— Не знаю. Эмальдо, я не знаю, и меня это сильно удручает.

Но я уже столько раз говорила о нашем обручении, что теперь и сама наполовину уверовала в это, как чуть не поверила в Кандире, будто какая-то из моих родственниц заболела и скончалась.

В последний вечер накануне ухода «Нилени» в плавание мы с Эмальдо отправились на прогулку и, что правда то правда, привлекли к себе немало внимательных взглядов.

Стоя у парапета набережной, мы смотрели на окруженную водяными лилиями «Нилени» и, поскольку вечер выдался ясный, заметили вдали на юго-западе синее облако — предвестие острова Китэ.

Китэ славен своей причудливостью, Эмальдо превозносил его до небес. Известно ли мне, что его жители летают, подобно богам? Я приняла это за очередную выдумку, но он ухитрился растолковать мне, что неподалеку от порта Тули расположено место, где можно сесть на что-то вроде корабля с воздушными змеями; там дуют ветры, позволяющие воздушным судам долететь до острова и приземлиться.

— Ах, будь у меня время, — задумчиво проговорил он по-тулийски, — мы отправились бы с тобой в Старую Дженчиру. Тебе понравилось бы там.

Стоило ему произнести эти слова, как во мне отозвалась какая-то струна.

— Старая Дженчире? Кроме этого города есть другой?

— В нескольких милях от побережья. Вначале гавань находилась там, но потом море отступило. — Чтобы мне было понятней, он заговорил по-крониански и рассказал, что Старая Дженчире благоденствовала во времена античности, в ней располагались знаменитые школы и университеты, внушительные здания, где размещались представители суда, власти и церкви; все они пришли в упадок, но до сих пор не опустели. — Там колоссальный храм богини. По-прежнему священный. В нем празднуют Вульмартии.

Хотя в Дженчире и стоял храм богу, имени которого я так и не узнала, город не показался мне особенно набожным. В доме с кораблем не было даже домашнего божка; впрочем, когда подавали вино, сидевшие за столом провозглашали тост в честь тулийского бога виноделия Зандороса, или, как его еще называли, Дорноя.

— Но, — со вздохом проговорил Эмальдо, — завтра на заре мы уходим в плавание.

— Ты же вернешься, — возразила я — весьма неблагоприятная с моей стороны реплика.

— Да, а ты, Айара, ты будешь здесь для меня?

К этому очередному варианту своего имени я уже привыкла и не стала поправлять Эмальдо, а сказала:

— Ты ведь знаешь, я не могу — мне нельзя.

Он расплакался, отчего я просто оторопела.

Он всхлипывал, прислонившись к парапету набережной.

Что мне было делать? Не поймешь: то ли смеяться, то ли терзаться от стыда и угрызений совести.

— Да не плачь же, Эмальдо. Вовсе не стоит плакать из-за...

— Из-за любви... ты считаешь ее никчемной... у тебя каменное сердце.

— Но как же ты можешь любить меня...

— С первого взгляда я полюбил. А теперь ты плюешь на меня. Уйди, я буду плакать. Я прыгну в море и погибну.

Внезапно смех пересилил все остальное. Я увидела в Эмальдо нас обоих — Фенсера на лестнице у Илайвы, самое себя с этим дурацким путешествием.

Я положила руку ему на плечо, чем привела бы в шоковое состояние пожилых дам, случись им проходить мимо.

— Дорогой Эмальдо. Я ценю твою любовь, но неужели ты не понимаешь, что я тоже люблю, а потому никогда не смогу нарушить своих клятв?

Он поднял голову — мокрые глаза, словно синие цветы под дождем. Выглядел он потрясающе. Жаль, что он впустую растрчивает на меня столь пылкие чувства.

— Тогда пообещай мне лишь одно. Если он тебя обманет — вот я.

— Если он обманет... Если ко времени твоего возвращения я окажусь здесь, значит, он обманул меня. И тогда мы с тобой станем любовниками, обещаю.

— Я женюсь на тебе, — сказал он.

— Нет, такого обещания я не дам.

Но глаза у него уже засияли. Я отвергла его предложение, но он воспринял мой отказ добродушно, считая, что наверняка поймает меня в сети. Без сомнения, стоит ему овладеть мной, и весь пыл как рукой снимет. Может, уступить ему прямо сейчас? Нет, хотя этот человек один из лучших, один из самых славных, я не стану этого делать без крайней необходимости.

Последний обед проходил в торжественной обстановке. Тетушка принялась оплакивать разлуку с Эмальдо, и он опять ударился в слезы, называя ее своей второй мамой, а я воочию убедилась в том, что он легко и часто плачет, как я и предполагала.

Он поцеловал меня на прощание. Теплый чувственный поцелуй, но для меня — ничто, ничто.

Он ушел и скрылся в беспорядочном скоплении звезд и темноты.

Старая Дженчира снилась мне всю ночь напролет. Я не видела города, лишь каким-то образом ощущала его камни, холод их впадин, тепло открытых поверхностей и слышала ночь, наигрывающую будто на арфе.

Казалось, я давно уже знаю о его существовании. Нужно только спросить, как туда добраться. Быть может, это ощущение чего-то близкого и пока скрытого позволило мне вообразить...

Даже во сне я принялась увещевать себя. Но впереди меня по улицам скользила тень, и я чувствовала присутствие другого человека.

Преследователи с «Двексиса» не стали забираться в такую даль, или же он побывал в других краях, а теперь вернулся. Разве найдешь место надежнее того, где тебя уже искали?

Как будто я знала заранее, что он где-то поблизости. Ведь я застряла в портовом городе Дженчира, хотя прекрасно понимала, что его там нет.

Мое решение отправиться в Старую Дженчиру и поселиться в ней показалось тетушке оскорбительным. Понятное дело, что хорошего в ее доме, если теперь племянника никакими хитростями к рукам не приберешь, — она выразила все это не словами, а яростным взглядом.

Я подарила ей цветы и за все заплатила. Я пела ей дифирамбы, неумело изъясняясь по-тулийски. Но понапрасну.

Ну и скатертью тебе дорожка, потаскуха кронианская. Ходи себе со своими картинками каждый день в старый город, а потом обратно, наживай себе ревматизм среди сырых мраморных развалин.

Торговец мылом рассказал мне, как туда добраться:

— Среди холмов над городом начинается дорога, такая же древняя, как сама Старая Дженчира, она вся заросла, только козы и расчищают ее. На пути вам встретятся оливковые рощи и три ветряные мельницы — очень живописные, может, вы кое-что там зарисуете — и развалины храма Дорноя у реки. Обратите внимание на место, где вдоль дороги стоят древние гробницы, некоторые из них отличаются богатством украшений. И по всему пути, словно часовые, выстроились сосны и другие хвойные деревья, они защитят вас от солнца. Грабителей в этих краях уже лет сто никто не встречал.

И вот, словно крестьянка, закинув за спину узелок с пожитками, натянув на ноги старые потрепанные сандалии, я взобралась на возвышавшийся над городом холм и увидела все, о чем мне рассказывали, а вдобавок — дальние очертания гор. Ступая меж высоких трав, я спустилась с вершины холма и вышла на древнюю дорогу.

Часть вторая Дженчира

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Сидя в лавке маэстро Пеллы, я почувствовала, что являюсь новым, непривычным лицом не только для этого города, но и для самой себя. Рядом со мной в безукоризненном порядке разложены инструменты и материалы для работы, возле каждой кучки — ящик, в который они переключают на ночлег. На подрамнике — последнее творение, переживающее муки рождения, ровный свет льется на него из большого окна витрины, а когда солнце, проплывая мимо, начнет слепить глаза, опустят похожую на парус штору. Мне выделили один из лучших стульев, у него обивка из розовой парчи и ножки не перекошены. В полдень заходил Пелла собственной персоной, чтобы оторвать меня от трудов и пригласить к столу, где он вместе со своими учениками принимался за супы, сыры, фрукты, а также мясные и рыбные блюда, которые каждый день выбирал для нас. Угощение не стоило мне ни пенни, и зачастую всем ученикам и мне тоже отдавали остатки, а домоправительница благоговейно возвещала: «Доешьте все, чтобы не пропало».

В витрине магазина наряду с работами из мастерской Пеллы, расположенной этажом выше, выставлены мои рисунки и картины — мне позволили перейти на более высокую ступень и заняться акварелями. С самого начала маэстро сказал:

— Учить вас чему-либо уже поздно. Вам следовало прийти ко мне в семилетнем возрасте. Но помимо огрехов в ваших рисунках имеются и редкие достоинства, а боги даруют способности отнюдь не случайно, дитя мое. Да и сама ваша фантазия, хотя порой она выходит за пределы ваших навыков, стоит того, чтобы приобрести рисунок. И, как я заметил, синие тигры вас не пугают. Относитесь к своему таланту с уважением. Смею предположить, когда вам исполнится лет тридцать, все будут считать, что вы обучались в школе лучше моей.

Эти слова поразили меня, ведь я беззастенчиво заявила в магазин, заметив в витрине холсты с живописью, держалась я надменно, потому что нервничала, и еле-еле не сорвалась, пока он долго и внимательно рассматривал мои пастели, а потом начал с упоминания о моих «огрехах»

Мои работы, выставленные для продажи, неизменно покупали. А я сама превратилась в любопытную диковинку, поскольку большую часть времени проводила в лавке и стала неотъемлемым ее атрибутом. Порой люди заходили в магазин, чтобы посмотреть, как я работаю, что не мешало мне, если они молчали. Когда же они заводили разговор, Пелла или

его ассистент обращались к ним с вежливой просьбой не нарушать тишину; впрочем, я всегда могла подать условный знак, если ничего не имела против беседы. Иногда у меня пропадала охота рисовать, и я сидела у залитого солнцем окна, читая книги из мастерской Пеллы с репродукциями картин великих художников. Я отнюдь не впадала в уныние из-за собственной неполноценности при виде этих шедевров, напротив, они рождали во мне буйное вдохновение. Посидев в задумчивости над какой-нибудь из репродукций, я вскоре раскрывала свои ящички и принималась сочинять из головы свою композицию, похожую и в то же время совершенно иную.

Бывали дни, когда я не сидела в магазине, но приходила на приглашение к полднику.

Если я несколько дней вовсе не появлялась поблизости, никто не поминал потом о моем отсутствии.

— Когда вам что-нибудь понадобится, — сказал Пелла, — дайте мне знать, не стесняйтесь. Это правило в равной степени распространяется на всех моих учеников. Они вольны приходить и уходить, когда им вздумается. Никого нельзя заставлять трудиться до изнурения. Если им не хочется заниматься, они могут отправиться на рыбалку, я не против. Но если на протяжении четырех недель ученик ни разу не появился и не прислал весточки, я возвращаю его попечителям плату за обучение.

На данный момент в мастерской обучалась дюжина молодых людей и две девушки, возрастом от тринадцати до двадцати лет. Девушки проявляли усердие и держались отчужденно; каждая из них избрала себе предметом обожания одного из подвижников-живописцев, чьи останки пролежали в земле несколько сотен лет, и обе одевались по старинной моде, чтобы доставить удовольствие своему кумиру. Молодые люди отличались меньшей склонностью к прилежанию и зачастую вели себя шумно — все, кроме одного, мрачновато-серьезного парнишки лет четырнадцати, который первым появлялся в магазине, поднимался в мастерскую чуть ли не в состоянии транса и уходил последним. Порой маэстро Пелла приглашал его остаться к обеду, иногда подобное предложение делали и мне или другим ученикам. Совершенно очевидно, на это почти бессловесное существо возлагали большие надежды. Мальчик был даже бедней меня: в теплые дни он ходил босиком, а в дождь надевал никуда не годные, протертые до дыр башмаки. Одну из его картин, не предназначавшуюся для продажи (Пелла уже приобрел у него эту работу), навечно поместили в витрине. Именно она и привлекла мое внимание прежде всего, я не смогла отвести от нее глаз. На ней был изображен один-единственный плод — яблоко, впрочем похожее скорее не на яблоко, а на изумруд, прикрытый кусочком бархатистой ткани. Его окружало таинственное блеклое пространство, и был он до того красив, что хотелось поскорей упиться им или утонуть в нем.

— Дорин видит иной мир, — сказал Пелла. И ни разу больше не упомянул об этом гении, о четырнадцатилетнем сироте с лицом шестидесятилетнего старика.

Попав в Старую Дженчиру, оказываешься в древнем мире. И так странно видеть мужчин и женщин в современной одежде, выходящих из дверей каменных зданий, выкрашенных ли согласно обычаю времен их юности, почерневших ли от старости или отчищенных до ослепительной белизны. И хотя влияние классической эпохи никогда не сказывается так сильно, как в старом городе, облегающие мосты для мужчин здесь тоже в моде, а женщины затягивают талию в узкий корсет.

За обнесенным рядами колонн Форумом располагались террасы с внушительными строениями, базиликой, где размещались суды, и огромным храмом Вульмартис Исибри, а тонко очерченные снегами силуэты гор то исчезали, то проступали вновь, в зависимости от погоды.

Под пальмой, которая, как говорят, достигает сотни футов в высоту, и похоже, так оно и есть, находился колодец и поилка для лошадей, возле которой навечно застыли три каменных верблюда, пришедшие на водопой.

И венцом всему, ведь эти птицы и вправду часто служат как бы завершением строений, — поселение аистов, куда более многочисленное, чем в порту.

Этот волшебный город спрятан за спиной другой Дженчиры и лежит в десяти милях от нее.

Именно здесь, помимо расположенного на взморье Тули, необходимо побывать молодым людям.

Их полным-полно в школах и в библиотеке, в мастерских художников и ремесленников, они толпятся на улицах в часы короткого яркого заката, когда крыло ночи появляется так же быстро и неожиданно, как выпущенные из клеток птицы.

Они казались мне такими юными. Шестнадцатилетние ребята вихрем пронеслись мимо меня по дорожкам, болтали, сидя на ступенях базилики, украдкой целовались в зарослях возле храма. Они не воспринимали меня как чересчур взрослого человека. Они полагали, что мне лет восемнадцать или девятнадцать. А когда на меня находило дурашливое настроение, я казалась совершенным ребенком на фоне их серьезных рассуждений об искусстве и бытии. Впрочем, они словно догадались, что я слишком стара, и держались в стороне от меня и от Дорина (который, по-моему, вообще их не замечал или же видел лишь скрытые в них черты иного мира).

Я не искала общества других, и мало кто стремился к моему. Мужчины пару раз пытались заговорить со мной, но моя рассеянность, а то и холодность, причиной которой было чувство неловкости, вскоре заставляли их отступить. Вокруг раскинулся целый сад с цветущими девушками. К чему тратить время на такую непокладистую?

И повсюду я искала одного человека. Понапрасну.

Струна отзывалась во мне звуком. Мне приснился сон; я чувствовала, что он бродил прежде меня среди этих аллей и переулков, по лестницам и под колоннадами. Значит, он уже покинул город. Я добралась сюда слишком поздно.

Что ж, я не стану терять спокойствия. Поживу здесь хотя бы некоторое время. Я ни от кого не завишу, такого еще ни разу не бывало. Разве нужна мне поддержка помимо той, которую оказывает маэстро Пелла, ценители и покупатели моих картин, семейная обстановка в мастерской? А сколько тут приключений и красот, помимо города, гор и трех кубков цветного стекла, синего, красного и зеленого, что стоят перед оконной рамой в моей комнатке возле горшка с камелиями и сияют, как окошки в храме.

По-моему, я счастлива. Да, счастлива. Ничто мне не угрожает. Люди здесь даже не заговаривают ни о войне, ни об убийствах. Никто на меня не нападает. И ни к чему не принуждает. Пожалуй, я подожду возвращения Эмальдо; времени, когда стану его любовницей, когда его светлые волосы разметаются у меня на груди, и он вздохнет в моих объятиях. Какой красивый получится из него любовник, словно бог...

Накоплю-ка я, пожалуй, денег и сниму комнату побольше с отдельным клозетом, с украшенной эмалями ванной и кроватью с пологом. И заведу себе кошку, такую же независимую, как я сама, но она позволит мне безгранично любить ее.

У меня ни в чем нет нужды.

Ни в чем.

Ни в чем.

2

Я потеряла всякое представление о том, какое на дворе время года. Стояла походившая на теплую весну зима, порой на город обрушивались ливни. А потом наступило время зимнего солнцестояния, Вульмартия.

Я окончательно сбилась со стези благочестия и ни разу даже не ступила на порог величественного храма, хотя и восхищалась его великолепием, не заходя внутрь. В Тули богиню чаще всего называют Исибри в честь острова Сибрис, где, согласно верованиям тулийцев, она явилась на свет в облике достигшей зрелости девушки. Говорят, она родилась от брака меж цветами.

Маэстро Пелла пригласил меня на церемонию, которая начинается в Дженчире

спозаранку, а потом на праздничный завтрак в мастерской. Было бы некрасиво отказываться.

Процессия отправляется в путь на заре, в семь часов. Участвующие в ней наряжаются в светлые одежды, поэтому я надела свое зеленое платье. Мои прямые шелковистые волосы успели вновь приобрести свой природный цвет и нисколько не пострадали от выбеливания. Жители Старой Дженчиры, и мужчины, и женщины, отпускали длинные волосы, а иногда делали искусные прически в классическом духе. В то утро я подколола к прядям цветы, зимние фиалки, цветы Исибри.

На рассвете все заходят в храм; фасадом он обращен к востоку, и в это время сквозь небольшие отверстия в верхней части каменных стен начинает проникать свет, он устремляется навстречу людям. Этот храм такой древний, что витражей в нем нет, лишь незастекленные проемы окон, где усаживаются белые голуби, и никто их не прогоняет.

Статуя богини в два раза выше рослой женщины, ее полнейшая нагота повергает чуть ли не в оторопь. Красивая, белая, как жемчужина, без краски, только на волосах позолота да в глазах зеленые драгоценные камни, она кажется зрячей. Богиня прижимает к бедрам раковину, не из стыдливости, это сокровенный знак небес. Вторая рука с раскрытой ладонью простерта вперед, в нее вкладывают цветы, и голову ее венчает не диадема, а венок из фиалок и миртовых листьев.

В храме столпилось столько народу, что, кроме этой статуи и колонн с капителями, украшенными изображениями дельфинов, я больше почти ничего не увидела.

Появились священнослужители. Они воскурили фимиами перед образом богини и возблагодарили ее за защиту от зимних ветров и бурь, за дарованную надежду на приход подвластной ей весны.

Все запели гимн, и домоправительница Пеллы передала мне листок с текстом, чтобы я могла петь со всеми. В этой песне богиню называют Фиалкой пурпурного часа ночи и белой Фиалкой утра, которой безраздельно принадлежит вселенная с того самого мгновения, когда она пробудилась среди цветов и прошла по морским волнам, окруженная западными ветрами, выскакивающими из воды рыбами и голубками, что прилетели с берега посмотреть на нее.

Потом люди помогли священнослужителю взобраться на подиум; это был дряхлый старик, и я побоялась, как бы не оказалось, что он слегка выжил из ума, но тут зазвучал его звонкий голос. Священник читал текст лежавшей перед ним священной книги, призывая нас к вере и добродетели.

В завершение он сказал, что теперь наступит минута молчания и каждый сможет вознести богине свою молитву и попросить о чем-то важном для себя.

Этот обычай был мне незнаком. Я вздрогнула. И смутилась. Дженчира будто бы прочла мои мысли.

Но когда воцарилась тишина, я обратилась к ней с молитвой и обнаружила, что в сердце моем и в голове звучит лишь один громкий, показавшийся мне оглушительным крик, лишь его имя. Слезы хлынули у меня из глаз и заструились по лицу.

Когда запели следующий гимн, я пришла в себя; на этот раз домоправительница передала мне вместе с текстом чистую льняную тряпочку. Они никогда не расспрашивали меня о прошлом. Вероятно, в этом не было необходимости. Неужели мои тайны с легкостью прочитываются в очертаниях моего тела?

По окончании службы народ оживился, зашумел и устремился из храма на улицу. Я попросила у маэстро Пеллы разрешения присоединиться к нему и ученикам чуть позже, сославшись на желание осмотреть опустевший храм.

Мне хотелось найти у богини поддержку. Должно быть, ее тошнит от меня, ведь я обращаюсь к ней лишь в минуты тяжелых переживаний. Но ее кроткое лицо, мудрый любящий взгляд не казались равнодушными. Пребывая в этой ипостаси, она наверняка с сочувствием отнесется к моему горю.

Итак, я задержалась в храме. Я вынула из волос несколько фиалок и положила их на столик перед образом рядом со множеством цветов и вещиц, преподнесенных богине. Я

зажгла свечу, оставив монетку в уплату за нее. Опустившись на колени, я склонила голову; голуби и священнослужители что-то тихонько бормотали, не отрываясь от своих занятий.

Но мне больше нечего сказать. Может, у нее найдутся слова для меня?

Я пристально глядела ей в лицо. Но взор ее уже скользил мимо меня.

Я поднялась на ноги и побрела прочь, ступая по гладкому мраморному полу, усеянному лепестками и детскими носовыми платочками, и вдруг заметила среди них потерянную кем-то игрушку, кролика с болтающимися ушами. Я не задумываясь подобрала его: мне стало жалко кролика, и тут в храм вбежала его четырехлетняя хозяйка, как и я, вся в слезах.

— Вот, да вот же, не плачь, — сказала я и торопливо пошла навстречу ей, желая поскорей ее утешить; я протянула девочке кролика, стараясь обращаться с ним так, будто он живой.

Она взглянула с изумлением и отчаянной радостью, протянула ко мне руки и взяла игрушку. Потом мы обе заплакали.

— Да, она очень любит этого кролика. Кто-то ее толкнул, иначе она ни за что не выпустила бы его из рук, — сказала подошедшая мать девочки. — Но что с вами такое? У вас болит что-нибудь?

— Нет-нет, ничего. — Я вся съезжилась, прячась за потоками слез, и пошла бы дальше, но она положила руку мне на плечо.

— Скажите мне, — проговорила она, — я могу вам помочь.

Я смахнула с глаз слезы и хмуро поглядела на нее. Эта женщина ниже меня ростом, коренастая, неприметная, а глаза — как у львицы. Ощущая чуть ли не страх, я стряхнула ее руку со своего плеча.

— Ну, я все равно вам скажу, — решила она, — ведь вы так сердечно отнеслись к моей дочке. Возьмите розовую свечу. В день богини, такой, как сегодня, до прихода полуночи намажьте ее чистым оливковым маслом и растертыми цветами фиалки. Задумайте желание. Повторяйте его имя, пока горит свеча. Она должна прогореть до конца. Тогда он придет к вам, но только если сам на это согласен.

Мне стало неловко. Я принялась рыться в поисках еще одной монетки.

— Денег не нужно, — сказала она, — я сделала бы то же самое для любого человека в вашем положении. Пойдем, — добавила она, обращаясь к дочке, которая уже позабыла про нас и увлеченно разговаривала со своим кроликом.

Они ушли, и я осталась одна.

Абсурд. Мне не следует этого делать. Розовая свеча... магазины сегодня закрыты, а впрочем, да, я видела такие свечи, они лежат вместе с прочими в буфете, в столовой у маэстро. Можно запросто взять одну, а завтра, когда лавки откроются снова, возместить пропажу. И масло... у меня осталось немного для лампы. Фиалки же приколоты к моим волосам.

Завтрак проходил празднично. Мы смеялись, поедая сваренные вкрутую яйца и вульмартовский кекс с лимонным самбуком, запивая все это вином. Мне показалось, что раньше я никогда не смеялась. То же самое показалось и остальным. Один из учеников возложил мне на голову венок из фиалок, провозгласив меня Королевой Праздника. Девушка, обожавшая живописца, который давным-давно скончался, сообщила, что побаивалась меня, но что я все-таки очень славная. Я отпускала шутки. Все веселились до упаду. Я рассказывала истории, в том числе про русалок, из тех, что слышала на «Морской Провидице», а они требовали все новых и новых. Потом все тоже принялись что-нибудь рассказывать. Кувшины с вином казались бездонными, ведь их наполнял хмельной веселый Зандорос Дорной, валявшийся под столом. Даже лицо Дорина излучало слабый свет. Он признался, что с удовольствием нарисовал бы меня, но ему не хотелось просить.

— Тебе придется позировать подолгу, несколько раз. И, возможно, картина придется тебе не по вкусу.

— Ты изобразил бы меня уродливой, — сказала я.

— Нет, — ответил он, — просто ты выглядела бы старше, а еще мне хотелось бы

нарисовать тебе совсем светлые волосы.

Я подвыпила и потому не побледнела, а лишь сказала:

— Ты ясновидящий.

— И ты тоже, — ответил Дорин. — Способность к ясновидению встречается куда чаще, чем принято считать.

Завтрак завершился в семь часов вечера. Стемнело, и ученики маэстро позвали меня с собой на танцы. Я отказывалась, но никто меня и слушать не стал. Поэтому я отправилась с ними в один из домов Старой Дженчиры, где попыталась вспомнить па, которые показывала мне мама, и разучить новые. И вспомнила, и разучила, и выделявала курбеты вместе с другими, и все мы смеялись и пили вино в промежутках между променадами и тарасками.

Но за час до полуночи, словно заколдованная принцесса, я вспомнила, отчего мне так радостно, и кинулась прочь.

Город заполонили огни, подсвеченные лица, мольбы о поцелуе, развешанные повсюду гирлянды, жаровни, на которых пекли яблоки. Я пробралась сквозь любовный заслон Исибри и вернулась к себе. Казалось, в доме, кроме меня, никого нет. Я опустила занавеску у себя в комнате и зажгла лампу. Будто воришка — так и есть на самом деле — я вытащила розовую свечу. И приготовила эликсир.

Пусть я веду себя как полоумная, какая разница. Я потеряла рассудок из-за тебя. А кроме того, я чуть ли не наслаждалась, пока готовила масло, вдыхая ароматы, тонкий запах фиалок, а горящая свеча наполнила комнату благоуханием жженого сахара. Наверное, по всему городу женщины заняты тем же. Завтра улицы наводнят толпы влюбленных, которые не прочь встретиться.

Я поставила свечу в миску с водой, и весьма кстати, ведь не успела она прогореть до половины, как я уже заснула. Бормоча словно заклинание его имя, как и положено.

Наутро после Вульмартии я проснулась со сладостным ощущением сбывшегося желания. Потом огляделась вокруг, увидела остатки свечи, и содеянное показалось мне отвратительным. Словно бедняк, я примирилась со своим несчастьем и приняла его.

3

В дневное время по часу, а то и по два я позировала Дорину. С тех пор как мы с учениками Пеллы проявили некоторое доверие друг к другу, они стали намного дружелюбней, хотя за пять дней, прошедших после праздника, снова показали свою несхожесть. Когда Дорин потихоньку спросил, не соглашусь ли я позировать ему, старательно делая вид, будто я никогда не заговаривала о Бесконечности, я ответила положительно.

На пятый день, когда Дорин закончил наброски, я вернулась в лавку; мной овладело беспокойство, работать не хотелось, и я бездельничала. Я сидела, подремывая над листом бумаги, который отчасти успел превратиться в маковое поле со сфинксом. Ассистент Пеллы читал, примостившись за прилавком. Внезапно входная дверь отворилась. В лавку хлынул свет, потом произошло затмение. Стоявший на пороге человек оказался просто великаном.

Он пригнул голову, когда входил, и при этом что-то вспомнилось мне...

— Извините, — сказал он, обращаясь к ассистенту Пеллы, — в витрине магазина выставлена картина с изображением яблока... или скорее драгоценного камня в форме яблока...

— Мне очень жаль, но она не продается.

— А нет ли других работ того же художника?

— Боюсь, в данный момент нет. Он очень подолгу работает над картинами.

— Да, я так и предполагал.

Великан стоял в лучах солнечного света, падавших из моего окна. Тонко очерченное лицо, копна черных волос, величественная осанка. Только мускулы плеч и верхней части спины чудовищно гипертрофированы. Казалось, рабочая блуза может в любой момент

лопнуть на вдохе. А вот левая нога немного искривлена и искалечена. При ходьбе он прихрамывал.

Не отдавая себе отчета в том, что я делаю, я поднялась с места. Карандаши со стуком посыпались на пол, и тут волна черных вспышек захлестнула мне глаза. Я подняла руки, пытаюсь их прикрыть, и в это мгновение великан подошел ко мне и очень тихо спросил:

— В чем дело? Вы меня знаете?

— Да.

— Вам известно, кто я такой?

— Да. — Зрение мое прояснилось. Я поглядела ему в глаза и прошептала: — Вы Ирменк.

— Откуда вы меня знаете? Мы где-то уже встречались?

— Разве мое лицо кажется вам знакомым?

— В некотором роде.

— Мы никогда раньше не встречались. Я ни разу вас не видела. Но капитан галеры описал мне вашу внешность.

Мы говорили по-тулийски, каждый с иностранным акцентом, только они отличались друг от друга.

— Вы очень бледны, — сказал он. — Чего вы хотите от меня?

— Ничего. Разве только... я вовсе не желаю вам зла, одного лишь добра. Я рада, что вы обрели свободу... от того, что с вами было.

Он тихонько выдохнул воздух. И улыбнулся. Сразу видно, и Фенсер тоже это разглядел: он не из тех, кому по душе кровопролитие или ложь.

— Благодарю. Из-за вас у меня екнуло сердце.

— А у меня из-за вас, — ответила я.

Он вскинул брови, подумав, уж не заигрываю ли я с ним.

— Для меня это полная неожиданность, — проговорил он.

— Человек, освободивший вас... он вас освободил?

— Да, — сказал он, и лицо его посерьезнело.

— Он... он с вами?

— Не здесь. Не в городе. Но я знаю, как его найти. Кто о нем спрашивает? — спросил он, защищая своего защитника.

А что, если они — любовники, как в античных мифах? Вдруг он занял мое место? Я даже не понимала толком, откуда у меня взялись такие мысли. Из обрывков бесед в салонах Крейза... впрочем, этого достало, чтобы я дрогнула в нерешительности. Но я сожгла свечу, и она услышала меня. Нельзя мне отступать.

— Я хотела бы послать с вами записку для него, если можно.

— Можно.

Меня затрясло; я присела, стараясь не выронить карандаш.

(Ассистент Пеллы увидел, что мы поглощены беседой, и снова взялся за свою книгу, хоть я и позабыла подать ему условный знак.)

Я вцепилась в карандаш, но никак не могла пошевелить рукой. И вдруг Ирменк протянул ко мне через стол свою огромную лапу и положил ее поверх моей руки. Тепло, исходившее от него, походило скорей на тепло земли-суши, а не какого-либо живого существа, и вместе с теплом от этого человека веяло покоем, который передался и мне. Я снова обрела способность дышать и тогда опять взялась за карандаш и написала: «Фенсер, если ты помнишь меня, я здесь. Если хочешь меня видеть, я здесь. А если нет — позабудь о том, что прочел эти слова. Я вовсе никогда их не писала».

— Тут нет вашего имени.

Я подняла голову. Какая сила духа передалась мне через его руку. Проговорила:

— Скажите ему сами, ладно? Аара.

Медленно проходил день. В Старой Дженчире редко раздается колокольный звон, но наверху в мастерской горела свеча для отсчета времени. В шесть часов юноши с ужасным

грохотом, а девушки — бесшумно ступая, спустились вниз.

Дорин так и не появился. Он все еще работает. Хвала богине: Пелла не придет в лавку, не посоветует мне отправляться домой, не пригласит меня к ужину.

Ассистент, которому полагалось оставаться в магазине до восьми, понемногу начал суетливо прибираться.

Я вышла на задний дворик и торопливо набрала из колонки, находившейся под фиговым деревом, воды в чашку. Я вернулась — ничего нового. Даже нет нужды спрашивать, не заходил ли кто-нибудь.

Ассистент не задал мне ни одного вопроса. Я не проронила ни слова с тех пор, как ушел Ирменк.

Стемнело. Ассистент зажег две лампы, одну у прилавка и другую у дверей.

Я сидела среди благословенной темноты и смотрела, как небо меняет цвет корицы на цвет пепла, на фиолетово-зеленую окраску винограда. Здания на другой стороне широкой улицы растворились в небе, а затем оделись в сотканный из светящихся окошек наряд.

Вскоре вниз сошел Пелла и, обнаружив меня в лавке, сказал:

— Дорогая моя Айара, что это вы тут делаете? Отправляйтесь-ка домой. А может, мне удастся уговорить вас задержаться и поужинать вместе с Дорином и девушками?

Но я извинилась и вышла на улицу, еле волоча тяжелые, как свинец, ноги. У меня есть завтрашний день.

Когда я свернула к Форуму, ко мне подбежал оборванец-мальчишка, он сунул мне свернутый листок бумаги. Я прочла: «С восходом луны, в десять. Гробница Леопарда».

Я застыла в изумлении, чуть ли не в отчаянии. А если это чужая записка, адресованная другому человеку, и мне ее вручили по ошибке? Я ведь не знаю почерка Фенсера. У меня даже мысли не возникало, что его рукой...

Когда-то давным-давно по дороге в город, примерно в миле от стены с воротами... среди кипарисов сделали множество гробниц, а на одной из них — действительно каменные леопарды. Значит, там, когда взойдет луна?

Я вдруг снова пришла в возбуждение. Не от радости, от страха.

Я опрометью помчалась к дому, ведь в этом городе молодым женщинам, как и детям, позволено бегать по улицам.

Собираясь на свидание, охваченная упованием возлюбленная подыскала себе самый подходящий наряд. Она собрала волосы в узел и оделась в мужское платье. Хотя на древней дороге уже сто лет никто не совершал преступлений, мне не хотелось послужить причиной для установления вековой вехи. Бродить ночью по безлюдным местам в женском платье — значит искушать и людей, и богов. Мне ни на минуту не пришло в голову, что можно просто никуда не ходить.

Без приключений я прошла по городу, миновав на пути две таверны и ни разу не встретив патрульных из городской охраны, и направилась по вымощенной булыжником аллее к возвышавшимся в конце ее воротам. Каменная колесница над аркой мчалась по высланному облаками своду. Дул легкий ветерок, а небо было высокое и синее-синее; может, позднее и начнется дождь, но луна уже вот-вот взойдет. Мне едва хватит времени, чтобы прошагать эту милю.

Место оказалось немного дальше, чем мне запомнилось. Лунный шар повис за деревьями, будто белый бумажный фонарь... Я пошла быстрее, боясь, что мне не удастся отыскать гробницу, что она померещилась мне... но вот же она, лунный свет припорошил ее, на высоком постаменте леопарды, а за ней черные кипарисы.

Там никого не оказалось. Лишь растекающиеся очертания деревьев да льющийся на стены гробницы лунный свет.

Я нерешительно подошла поближе. Может, со мной сыграли шутку? Уж не завлек ли меня сюда какой-нибудь безвестный враг?

Он здесь. Я словно почуяла его живое естество, расслышала шум его дыхания среди шороха ветра и листвы — я знала. Фенсер...

Внезапно кто-то обхватил меня сзади руками и с невероятной легкостью приподнял вверх, я ощутила теплое прикосновение великана, целебное даже при насилии.

— Не стоит сопротивляться, — сказал он, — это вам не поможет.

— Знаю, — ответила я.

Он ругнулся. И, вскинув голову, крикнул:

— Это не мужчина... та девушка.

Я тоже запрокинула голову и уперлась затылком в ребра великана. Среди леопардов появился еще один, на задних лапах; стройный мужской силуэт, волосы похожи на серебристое пламя.

— О, — бросил он, наклонившись в мою сторону, — вы и есть та, чьим именем назвались?

Луна стояла за спиной у нас с великаном. Словно софит, она освещала Фенсера, но я оставалась в тени.

— Нет, я не та, кем назвалась. Я не Аара.

— Так я и думал.

Проскользнув меж леопардами, он спрыгнул вниз, мягко приземлился и, выхватив меня из рук Ирменка, повернул лицом к луне. Затем воцарилось молчание.

На самом деле я выглядела иначе, чем во время наших предыдущих встреч; не было краски на лице, завитых и осветленных волос, солнечного света. Теперь я ближе к изначальному образцу. К тому испуганному ребенку. Я задрожала в его руках, но не от любви и уже не от страха, а от беспокойства. Тревоги. Ведь он всего лишь человек. Лишь часть реальности. Мы вместе.

— Фенсер, — проговорила я наконец. — Значит, вы все же знаете меня.

— Я знаю вас. Вы — принцесса Аара Гурц. — Выражение его лица не изменилось. Небрежный, ироничный взгляд. — Где же ваши охранники? Они остановились поблизости, чтобы насладиться сценой нашей с вами встречи?

— Охранники? — переспросила я. Он решил, будто меня используют, чтобы заманить его в ловушку. Значит, он умышленно назначил мне свидание здесь.

— С ней никого нет, — сказал Ирменк, — я увидел бы с дерева. Девушка пришла одна. Ш-ш-ш, — добавил он, обращаясь ко мне, он знал, что меня бьет дрожь, — он не причинит вам зла. Только теперь скажите правду.

— Ах, правду, — бросила я, — она всегда незамысловата, правда.

— Не могу поверить, — сказал Фенсер, — что жажда моей крови заставила родную вам Саз-Кронию протянуть руку так далеко, это весьма лестно. Вы настоящая искательница приключений. Поздравляю. Но в чем же суть сей драмы?

И тогда я увидела выход. С минуту дверца в моем мозгу никак не открывалась, не пускала меня. Потом ключ повернулся. Нашупав рукой надежный ствол яблоньки, я заговорила на языке страны, где мы родились, и он, и я.

— Крония была нашим противником. Я не крониянка. Я вышла замуж за человека из армии Дланта, стараясь защититься. У меня больше никого не осталось. Я участвовала в знаменитом отступлении, в предательском отступлении. Овдовев, я приехала в Крейз, и мне отдали поместье Гурц. Я подыгрывала то одной стороне, то другой, как и ты. Я дважды предательница, как и ты и брошенный ребенок. — В груди, будто молот, тяжело забилося сердце, не давая мне договорить. Но я увидела, как изменилось его лицо, как с него спала маска и его неподдельная красота, его боль пронзили меня насквозь.

— Боги небесные, о чем вы толкуете? — воскликнул он по-тулийски.

— Говори же на нашем родном языке, — выдавила я из себя, пытаясь побороть биение в груди и горле, причинявшее мне боль.

— Так это их затея? Этого проклятого короля, который засел у себя на острове среди разврата и грязи? Этой скотины, — он перешел на наш язык, — этого жирного кровососа, который бросил всех нас на погибель ради собственной шкуры, продал нас... изменники... сам король — изменник...

Он отпустил меня. Теперь уже я схватила его за плечи.

— Король не имеет ко мне отношения. Все это никак не связано со мной.

— Кто вы? — спросил он снова. — Вы похожи на Аару. А она походила на... другую женщину. Которая оказалась одной из жертв скотины-короля. — Его глаза обожгли меня пустотой.

Я раскрыла рот, но мне так и не удалось ничего сказать.

Ирменк, о котором мы позабыли, отошел в сторону, как будто от нас пахло невероятным холодом, а может, жаром.

— Послушайте, — сказал мне Фенсер на языке нашего родного города, — я не знаю, кто вы. Мне начинает казаться, будто каждая из женщин, которых я встречал на улице, с которыми был знаком или ложился в постель, и есть вы. — Ему удалось взять себя в руки, и он улынулся мне. — Помогите, не дайте мне сойти с ума. Откройте ваше имя.

Это притворное спокойствие (его глаза сверкали так же яростно, как разгневанная луна) позволило мне собраться с силами. Как и прежде, через его посредство.

— Я не шпионка. И не состою ни с кем в заговоре.

— Отлично. И утверждаете, будто вы не Аара?

— Я была Аарой в Гурце. Здесь меня зовут Айарой. А мы с вами познакомились в доме моей тетушки, тогда мое имя звучало иначе.

— Что за тетушка? — спросил он как бы между прочим. — Хорошо бы узнать и ее имя.

— Илайива.

— Да, — сказал он. И закрыл глаза. Я сжимала руками его плечи, но, казалось, все живое испарилось из него.

— А я, — сказала я, — ну я же — я.

— Вы.

— Разумеется, вы позабыли. Я была еще маленькая.

— Вас звали Арадия, — сказал он.

Мои силы окончательно иссякли. Я тоже превратилась в существо из праха.

4

Не могу сказать, как долго мы пробыли в этом безвременье, в небытии. Ирменк возвратил нас к действительности. Он тихо, монотонно проговорил:

— Пожалуйста, отведи ее туда, под деревья. Как знать, может, рядом кто-то бродит. Я поспежу за дорогой.

— Да, — сказал Фенсер. Его глаза просветлели, он увидел меня и все остальное тоже.

По узенькой тропинке, выходящей среди кипарисов, мы ушли в тень, скрылись от лучей луны.

— Видишь, как живут беглецы, — тихо сказал он. — Вечно настороже. Может, я и заслужил такую участь. А он нет. — Мы подошли к другой гробнице, небольшой и скрытой зарослями; Фенсер, как любезный кавалер, расстелил плащ и жестом предложил мне сесть. — Ирменк говорил, что этот изверг с «Двексиса» рассказывал тебе о нем. Что ты подумала?

— Если ты счел, что Ирменка осудили несправедливо, значит, так оно и есть.

— Ты все еще ребенок, — сказал Фенсер. И коснулся моих волос, выбившихся из узла.

Его замечание оскорбило меня. Не потому, что оказалось справедливым — во мне действительно еще много осталось от ребенка, — но как он мог принять мою веру в него за детскую неспособность?

Я не стала спорить. И лишь сказала:

— Аара — это тоже я.

— Подобно богине, имеющей множество обликов. Я помню Аару. Цветок, преподнесенный мне судьбой, когда я ждал одних только колючек. Я не заслужил ни того дня в праздник урожая, ни Аары.

Не хочет ли он таким образом сообщить, что у нас с ним все кончено? Похоже на то, уж больно он серьезен и снисходителен. Он стоял рядом с гробницей, отвернувшись от меня и глядя в ночь.

— Ты знал тогда... — заговорила я. И остановилась.

— Я не знал, кто ты на самом деле, Арадия. Я принял тебя за кронианку. И увидел в тебе другую. Илайиву. Самым неожиданным образом ты очень на нее похожа.

— Поэтому ты невзлюбил меня? Потому что я похожа на нее, а все же не она?

— Она мертва.

Его слова резанули меня ножом сквозь темноту. Я сказала:

— Она покончила с собой и бросила нас обоих.

Наступила долгая пауза. А потом он рассказал мне о тюрьме и стражнике, принесшем ему это известие. Его слова послужили лишь дополнением к тому, что я видела во сне. Я бы очень расстроилась, окажись все иначе. Упоминать об этом я не стала.

— А потом, — с тихим вздохом проговорил он, — воины медвежьей армии увезли тебя. Очи. Тебе тогда исполнилось всего... двенадцать лет...

— Четырнадцать. Я должна была искупить грех.

— Такая маленькая. О каком искуплении может идти речь? Ты полюбила человека из вражеского войска и подумала, что согрешила?

Я не могла понять — сказать ему или нет. Полнейшее искупление. Поведать ему о том, как я вычеркнула его имя из списка приговоренных к казни, как вмешалась, сломала и сотворила его заново одним-единственным необдуманном жестом, желая спасти ему жизнь.

Я не успела решиться, не успела раскрыть рта, ведь сердце продолжало биться, нанося удары как кнутом, и я устала, я вконец измучилась, а он уже заговорил:

— Я узнал тебя только здесь, на дороге. И все вспомнил. Такая странная маленькая девочка с длинными шелковистыми волосами, похожими на солнечный свет. Ведь это я сообщил тебе о гибели родителей. Боги мои, до чего же я, верно, стал тебе ненавистен.

Спустя некоторое время я спросила:

— Ты не позволишь мне любить тебя теперь?

Он покачал головой:

— Арадия... Нет. Не надо признаний. Всеми богами молю тебя, не говори, что ты проделала этот путь, разыскивая меня. Подобным мыслям нет места в моей голове. Это фантазия, дурацкая и прекрасная. Ты вполне на такое способна. Я же видел тебя на празднике урожая. Ты походила на вышедшую из чащи робкую лань, она доверчива, но все думает: не убежать ли; у нее глаза богини, и сразу становится понятно, что лань волшебная и душа у нее огненная... Арадия, не вынуждай меня говорить об этом. Праздник урожая и Вульмардры.. соитие в конце лета, о котором потом забывают.

— Ты забыл, а я нет.

— Забыл, но иначе, чем ты предполагаешь. Сокровище тайников памяти. А теперь отпусти меня.

— Я заранее угадала, как мы встретимся и что ты скажешь. Ты согласился повидать меня лишь затем, чтобы расстроить предполагаемую ловушку. А вместо засады встретил всего-навсего ненужную тебе женщину, твердящую про любовное свидание в лесу, о котором лучше просто забыть, ведь для тебя это все равно, что прыщ почесать. А для меня...

Он рассмеялся:

— Я вижу, за время, проведенное среди армейских, ты усвоила два-три отменных выражения.

И снова мне не удалось ничего больше рассказать. Он отгородился от меня щитом. Каждую мою фразу он воспринимал как удар шпаги и парировал их все. От потрясения у меня онемела рука. Я дошла до полного изнеможения, как Ликсандор, упавший на землю под земляничными деревьями, истекая кровью и плача.

Соскользнув с гробницы, я пошла по дорожке среди кипарисов. Каждая частичка моего тела отозвалась криком, как будто наши волосы и кожа срослись, и мне пришлось оторвать

их друг от друга. А ночь хранила молчание.

— Арадия, — сказал он, но я не оглянулась, не остановилась. Он предложил проводить меня до городских ворот. Мне не надо, чтобы он меня охранял. А того, что мне нужно, он дать не может.

Когда я поравнялась с гробницей Леопарда, мне навстречу вышел Ирменк.

— Опасности нет, — сказал он, — но я могу проводить вас до ворот.

— В этом нет необходимости. Скажите мне кое-что.

— Может, и скажу, — ответил он. Заметив, что я расстроена, он ласково поглядел на меня.

— Почему вы зашли в магазин к Пелле?

— Из-за картины с зеленым плодом. Она бросилась мне в глаза, когда я стоял на другой стороне улицы.

— А вы прежде бывали в городе?

— Не часто. Подолгу там не появлялся. А первое время вовсе не бывал. Я — человек заметный. И всякий, кому известны приметы, может догадаться, кем я был.

— А сегодня Фенсер попросил вас сходить в город?

— Нет, но недавно он посоветовал мне заглянуть в лавку Пеллы. Он сказал, — Ирменк колебался, затем договорил до конца, — сказал, что мне, вероятно, захочется посмотреть на выставленные в ней картины. И еще, что лавка эта примечательна, ведь в ней рисует, сидя у витрины, хорошенькая светловолосая девушка.

Я отшатнулась. Значит, Фенсер видел меня. Видел, а я его не заметила. Вероятно, он не узнал меня, ведь я сижу вполборота к окну, склонив голову над рисунком... впрочем, если бы он меня любил, если бы испытывал во мне потребность, разве тогда мог бы он не узнать меня? Разве смог бы пройти мимо? А мне-то, раз я вижу его во сне и чувствую на расстоянии, мне-то следовало бы знать, что он рядом, но я не знала, и тень его, как сотни других, лишь промелькнула между мной и полуденным солнцем.

Я брела по древней дороге, нимало не заботясь о том, что творится вокруг, но никто не потревожил меня, потому что на всей земле не осталось ни одного живого человека.

От горечи глаза мои стали сухими и холодными.

Все теперь кончено.

Я останусь здесь, куда мне деваться? А летом он уедет отсюда — что еще можно придумать — и остановится в другом месте, чтобы наверняка избежать встреч со мной.

У меня нет никаких прав на него. Нуждаться в человеке — вовсе не значит иметь на него право, а любить — вовсе не значит обладать.

Я шла, с трудом передвигая ноги, а оказавшись вблизи городских стен, на неровно вымощенной дороге, стала часто спотыкаться. Я немного постояла, прислонившись к арке ворот, как будто гранитное одеяние придавило меня своей тяжестью. Мне страшно хотелось уснуть, но я едва сумела припомнить дорогу к своему временному жилью. У меня нет дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ассистент маэстро Пеллы занемог, и меня попросили присмотреть за лавкой.

— На самом деле уже давно следовало бы платить вам, — сказал Пелла, — ведь вы стали достопримечательностью заведения.

Вообще-то я намеревалась исчезнуть. Стоило мне зайти в магазин, как тоска накатила на меня, я еле устояла на ногах. Но я почувствовала, что не в силах отказать маэстро. Ничего мне не сделается.

Я строго держала себя в руках все время, пока сидела в магазине, беседовала с заходившими покупателями, пока полдничала с маэстро и его питомцами. Я не плакала.

Слезы поставили бы на всем точку. Вероятно, я еще не убедилась до конца. И, видимо, надеялась, что со временем человек, которому навсегда отдано мое сердце, смягчится. Но такая картина оказалась не по силам даже моему воображению.

Вместо этого я стала представлять себе новую квартиру или хотя бы зеленые занавески и красно-розовую лампу. Раз у меня нет дома, нужно его создать. И надо как-нибудь сходить в гавань и разузнать в доме, где живет тетушка Эмальдо... пепел. Пустота. Ну ладно, этого я не обязана делать, но мне следует по крайней мере забыть о другом человеке.

Чем больше я старалась отрешиться от мыслей о нем, тем чаще и ярче вспыхивал в моей памяти его образ. Он являлся мне в разных обликах: то обаятельным капитаном, то потрепанным бойцом со стен осажденного города, то приговоренным к смерти узником, то блистательным игроком и дуэлянтом, то призраком с сумеречной дороги, пьющим вино топаз, то любовником, то отвергшей меня тенью.

На следующую ночь я улеглась в постель и стала ждать, когда же я заплачу, зарыдаю. Слез не было. Колодец мой высох и потрескался. Заснуть мне тоже не удалось. Поэтому я принялась (весьма разумное решение) читать книгу. А наутро вышла из дому — глаза, будто тлеющая зола, да жажда, как у обезумевшего среди пустыни странника, — купила на рынке фунт винограду, чтобы смочить горло, и повстречала Дорина; тот зашагал рядом со мной.

— Как рано ты встала сегодня, Айара.

— Я не позировала тебе вчера. Ты закончил наброски?

— Нет, но теперь ты выглядишь иначе.

Мы дружно принялись за виноград. Я сказала:

— У меня тоже бывают видения. Ты не один такой. Да ты же сам говорил мне об этом. Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Да, так мне и сказали. Но ты ведь старше?

— В душе. И... мне помнится другое.

— Не рассказывай! — крикнула я.

— Нет. Не буду. Не хотелось бы.

Мы шли, пересекая Форум.

— Айара, — сказал Дорин, — по-моему, Больмо вовсе не болен.

Больмо, так звали ассистента. Я поначалу не поняла, о чем он говорит.

— Не болен?

— На рассвете я видел его на улице с незнакомым человеком. Они укрылись в какой-то из подворотен. Больмо убежден, что я ничего вокруг не замечаю, а значит, и их не заметил.

— Н-да, — пробормотала я. И вдруг до меня дошел смысл сказанного. — С незнакомым человеком... что за человек?

— Он похож на моряка. Мне думается, из гавани Дженчира.

— Где ты их встретил?

— Я снимаю комнату около Ворот с Колесницей. Мы оба застыли у поворота на улицу, в которой находилась мастерская Пеллы.

— Позапрошлой ночью... — начала было я.

— Я видел, как ты выходила из города, — сказал Дорин. — Ты была в мужской одежде. Рост у тебя довольно высокий, и тебя нетрудно принять за молодого человека. Но я узнал тебя. За тобой кто-то крался. Он не подходил близко. Я подумал, уж не замышляет ли он дурное, но потом решил, что он выполняет твою просьбу. Это был Больмо.

— Ох, матерь наша.

— Он ступал так тихо, что ты не слышала шагов. И держался поодаль. Может, он о чем-нибудь проведал.

— Я шла не на свидание, — заявила я. И, сбившись с толку, добавила: — Свобода человека...

Такой безликий, неприметный, суетливый ассистент Пеллы, я даже позабыла, как его зовут. Он поджидал меня неподалеку от дома, в котором я живу, а потом прокрался следом.

Надежно где-то спрятался и подглядел за нами во время встречи. Он и бровью не повел, когда великан зашел в лавку, но тут же наострил уши. И вознамерился поймать Ирменка. Как глупо упустить из виду такую возможность. Высадившийся с «Двексиса» отряд, эти люди или их сообщники могли добраться до старого города, пообещать вознаграждение; вероятно, кто-то из них остался для наблюдения в порту. До сих пор беглому невольнику удавалось скрыться от слежки. Но я, мое дурацкое желание, да еще колдовство вдобавок, выманили его из укрытия, и в конце концов по моей милости он угодил в ловушку, которой остерегался Фенсер.

Неужели Больмо выследил их до конца? Они его не заметили, это точно, ведь он до сих пор жив и сегодня на рассвете прятался в подворотне с каким-то незнакомцем.

Я застыла в нерешительности, не зная, что мне делать.

— Пелла откроет лавку только через полчаса, — проговорила я, размышляя вслух. — Где Больмо снимает квартиру?

— Он живет у матери, в белом доме у Храмовых Ступеней.

Я не сумела придумать ничего иного, как отправиться туда.

Мы расстались с Дорином, он выглядел почти как всегда. Он так много рассказал мне, и это чрезвычайно важно, ведь он — ясновидящий.

Вернувшись на рынок, я купила еще винограду, два больших спелых яблока и цветов. Я поднялась по ступеням, убежавшим вверх от храма; на террасах слева и справа от лестницы стояли, будто бы в застенчивости, современные дома: лестница совсем древняя, а они так молоды, что им страшно пересечь ее.

Белый дом был там явно не к месту, довольно маленький, убогий и неопрятный. Я позвонила в колокольчик, думая, что никто не откликнется, но тут вышла домоправительница. Я справилась о здоровье Больмо. Она сказала, что он встал и теперь на веранде; я с радостным видом прошмыгнула мимо нее.

— Как я рада, что вам полегчало, — воскликнула я, ворвавшись к нему. Веранда имела жалкий вид и выходила окнами на жалкий клочок земли, заросший сорняками, где стоял бак с дождевой водой. Я застала Больмо в домашнем ситцевом халате; он поспешно растянулся на диване, сделав кислую мину и старательно притворяясь больным.

— Колики, легкий приступ. Бывает из-за погоды, — сказал он. — Скоро пройдет.

Я вручила ему цветы и фрукты. Он изумился и все держал их в руках, пока суетливая домоправительница не избавила его от обузы.

— Вы очень добры, — сказал Больмо, — тем более что мы ведь не стали близкими друзьями.

— В чем я глубоко раскаиваюсь, — ответила я.

Домоправительнице надоело выжидать в надежде услышать что-либо интересное, она вышла. Больмо бросил мрачный взгляд на книгу, которую, видимо, читал перед моим приходом. А я решила, что подобраться к нему можно лишь одним-единственным способом.

— Но я здесь по иной причине, — сказала я.

— Ах... да?

— Позапрошлой ночью я выходила за пределы города. Вы следовали за мной.

— Я? — Ожидая обвинений, он тут же изобразил на лице негодование, причем изрядно перестарался. — Если вам нравится бродить по ночам, вполне возможно, кто-то и пошел за вами, но только не я.

— Вы. И не будем спорить. Я порадовалась вашему обществу, поскольку предполагала, что мне понадобится помощь. В конце концов я обошлась без нее, но добиться желаемого мне не удалось. Негодяи дали мне от ворот поворот, моим доводам они не поверили, а потом я уже не осмелилась пойти за ними. Но вы-то, наверное, выследили их? И послали весточку в порт или сами там побывали?

— О чем это вы...

— Я полна решимости отомстить, — сказала я. — Эта парочка доставила мне немало хлопот. Не стану оскорблять ваш слух рассказом о подробностях случившегося. Скажите, вы

тоже состоите на службе у капитана?

Больмо крайне удивился.

— Хорошенькое получается дельце, — сказал он.

— Я того же мнения.

— То есть вы хотите сказать, будто тоже имеете отношение к... — он запнулся, — к галере?

— А как же иначе? Но мы впустую теряем время. Ограничьтесь ответом на вопросы. Вы их выследили?

— Не до конца. Тяжеловес-каторжник услышал, что за ними кто-то идет, и без конца оглядывался, хотя второго парня вы повергли в полное смятение, если судить по его виду. Я оставил слежку, когда определил, куда они направились.

— Куда же?

— С какой стати я буду сообщать вам об этом?

— С той стати, что другим людям вы уже сообщили, а мне из личных соображений хочется увидеть, как схватят этих свиней.

Больмо опустил глаза.

— Мне бы не хотелось, чтобы эта история дошла до ушей Пеллы. Я не единственный в городе, к кому обратились с подобным предложением; некоторые тут же сморщили нос, а я не очень-то богат. Но Пелла — человек высоконравственный. Из уважения к матушке он взял меня на работу, но если мое поведение придется ему не по вкусу, я потеряю место.

— То же самое касается и меня, ведь я тоже получаю деньги с «Двексиса» и жажду крови.

Больмо криво улыбнулся мне:

— Да, вы всем преподнесли сюрприз.

— Вы тоже. Говорите же, а не то я сообщу капитану, что обнаружила, как вы пытаетесь его надуть.

— Разве он поверит, после того как я помог его агенту? Десять человек уже, наверное, отправились в погоню.

Я чуть не закричала. Но ледяным, как ключевая вода, тоном заявила:

— Капитан скорее поверит моим словам. Смею заверить, я нравлюсь ему больше, чем вы.

— Ну и потаскуха, — сказал Больмо. — Дайте двадцать лильдов, тогда скажу.

Пропaday моя телега. Я бросила ему на колени несколько монет и побренчала остальными.

— Усадьба Дженча, — сказал Больмо.

— Что это такое?

— Любой вам скажет. Ферма, которая принадлежит богатому человеку. Они наверняка там работают. От гробницы, где вы с ними встречались, через поля тянется дорога. Четыре или пять миль.

Я уже хотела бросить ему недостающие десять лильдов. Но потом передумала. Вместо этого я взяла со стола спелое яблочко да подбила ему глаз. Он разорался, а я убежала.

2

Я отправилась в путь пешком. На улицах обоих городов под названием Дженчира встречались только портшезы да изредка лошади. Я ни разу самостоятельно не сидела в седле, а от портшеза, как мне показалось, скорости не прибавится.

Вскоре я почувствовала в боку жгучую боль и подумала, что, вероятно, была не права. Я бежала, сколько хватало сил, сменяя время от времени бег на быструю ходьбу.

Я заглянула в лавку, но успела только крикнуть Дорину, что мне опять придется уйти. Я прихватила с рабочего стола нож, которым чинила карандаши, и отрезала кусочки от брусков акварели: я наточила его как раз накануне. Несмотря на всю отчаянность положения,

меня мучили угрызения совести, ведь я подведу маэстро Пеллу. Я не знала, что придумать, и вообще не отдавала себе отчета в том, что делаю.

Но пока я пробиралась по холмам среди оливковых рощ и засеянных полей, никто не повстречался мне на пути, лишь стадо кочующих овец и при них мальчишка-пастух; он ничего не понял, когда я, задыхаясь от бега, спросила по-тулийски насчет десятерых человек, и неторопливо продолжил свой путь, а я со всех ног кинулась дальше.

Впереди показались красные крыши приземистых строений усадьбы, и от ужаса на меня навалились слабость и тошнота. Держась рукой за бок, спотыкаясь на ходу, я прошла через открытые ворота, миновала беспорядочные скопления сараев, давящийся пресс, от которого пахло уксусом и вином, пробралась сквозь стоявшие стеной апельсиновые деревья. Казалось, ферма ничуть не стала ближе, а может, я кружила на месте, но с холма открылся обзор, и я заметила дом, несколько сеновалов и безмятежный пруд под старым кедром, но нигде ни единого признака каких-либо насильственных действий или чего-то подобного. Быть может, их уже схватили. Или — цепочка кошмаров, — а вдруг Больмо соврал?

Теперь дорога пошла под гору, и я чуть не покатилась по ней кувырком. На близлежащих полях шли работы, и люди оборачивались в мою сторону, когда я, прихрамывая, проходила мимо; мне ни с того ни с сего припомнилось поместье Гурц. Но я уже не принцесса. Я — предвестница дурных событий.

Из амбара на дорогу широкими шагами вышел могучий рослый человек, чуть припадавший на левую ногу. Он тащил огромный мешок с овсом раза в три тяжелее обычного; увидев меня, он остановился и вроде бы совершенно позабыл о своей поклаже.

— Ирменк... Ирменк... — Я подбежала к нему, хрипя и задыхаясь, пытаюсь вразумительно все объяснить. Похоже, каким-то чудесным образом я успела вовремя.

В конце концов ничего объяснять не пришлось.

— Сюда направляются люди с «Двексиса»?

— Да, да... не понимаю, как они меня не опередили... десять человек...

— Они сидят в питейном заведении, — сказал Ирменк, — набираются храбрости для такого дела. — Царственная мощь звучала в его голосе, и я вдруг поняла: он не уступит им в силе, даже если они будут вооружены.

Он скинул мешок с плеч и бережно положил его на обочину.

— И все из-за меня, — сказала я, — но кроме того, человек из лавки Пеллы...

— Не терзайся, рано или поздно это должно было случиться.

— Что же вы будете делать?

— У нас есть лошади. Может, подадимся в горы. Мы бывали там прежде.

— Уходите. Ох, Ирменк, только скорей.

— Но тебе придется отправиться с нами, — сказал он.

Я с изумлением поняла, что все время надеялась на такое предложение.

— Тебе достанется от них, если кто-то узнает или хотя бы предположит, что ты предупредила нас.

— Со мной вам будет трудней, — сказала я.

— Совсем чуть-чуть.

Мне стало неловко.

— Но я не могу присоединиться к вам, из-за Фенсера. Отправляйтесь вдвоем, без меня.

— Не глупи, девочка, — чуть насмешливо возразил Ирменк. А потом добавил: — Впрочем, они уже тут как тут.

Я обернулась, подумав со злостью: какое же я ничтожество... я опять отняла у него время своим дурацким пустым лепетом.

— Беги, Ирменк. Оставь меня. Они ничего мне не сделают.

Их кони миновали гряду апельсиновых деревьев и рысью скакали по дороге, по которой недавно проковыляла я. Не десять человек, а дюжина. Они походили на черный дым. Один из них заметил нас. Он взмахнул рукой — странная алая вспышка — красный рукав, только он был точь-в-точь как кровь.

Ирменк схватил меня за руку, он продвигался вперед широкими неровными шагами, таща меня за собой, и кричал во все горло, зовя Фенсера.

На окнах боковой стены побеленного строения друг за другом распахнулись створки ставень. На двор выскакивали молодые люди, по виду ничем не отличавшиеся от школяров из Старой Дженчиры, но кое-кто из них сжимал в руке шпагу. А вот еще один, у него не застегнут ворот на рубашке — я увидела человека, которого, думала, никогда больше не встречу. Он тоже держал в руке шпагу. Взгляд его скользнул в ту сторону, куда развернулся клинок, остановился на холме.

— Дерьмо медвежье, — сказал Фенсер по-крониански. Повернул голову, посмотрел на Ирменка и закричал: — Выводи лошадей!

Фенсер скрылся из виду, пробираясь сквозь толпу молодых фехтовальщиков; все юноши с фермы, которых он обучал искусству сражения на дуэли, взволнованно кричали ему вслед, выражая свою преданность, путаясь под ногами и отнимая время, вроде меня.

Ирменк протащил меня за угол, в другой двор и наконец в конюшню. Он вывел из стойла двух коней, перекинул через холку одного из них седла и уздечки, хотя поначалу придется обойтись без седла, и усадил меня на второго.

— Вы, видимо, не обучены верховой езде. Он вас прихватит. А вот и он сам.

Я сидела на огромном, полном жизни коне и даже не успела понять, что происходит, как Фенсер прыжком уже взлетел на него, обхватил меня руками и уцепился за лошадиную гриву.

— Держись за меня, чтобы не упасть, — сказал он. — Берись за запястья. Так-то. Я не рассыплюсь.

Он ударил коня пятками, тот заржал и сорвался с места; будто языки пламени заиграли в лошадином теле, и в моем тоже.

Я не успела сориентироваться, а кони уже мчались прочь со двора, перепрыгивая на скаку через изгороди. За нами по пятам следовал Ирменк, а позади Ирменка неслись преследователи.

Впереди снова вспыхнула белизной дорога. Она вскинулась на дыбы, а мы притоптали ее, прижали к земле. Затем дорога пропала, кони мчались, рассекая грудью высокие травы, будто взметая брызги. Я крепко держалась за запястья Фенсера, ничего другого мне не оставалось. Казалось, они из какой-то живой и упругой стали, просто чудо.

Мы не оказывались так близко друг к другу с тех пор, как стали любовниками в лесу. Я не притрагивалась, не прикасалась к нему с той минуты, как он назвал меня настоящим именем. Я не нужна ему, он взял меня с собой по необходимости, дюжина мстителей гонится за нами... и все же, какой восторг!

Лошади галопом пронеслись сверх по склону холма, и, когда мы добрались до вершины, Фенсер оглянулся.

— Хорошо, — отрывисто бросил он, натянул поводья и развернул коня.

Подъехавший следом Ирменк поступил так же. Внизу, среди дворов, на пути у всадников появилось множество домашних животных — козы, гуси, большая бурая свинья и несколько охотничьих собак пестрой окраски; возникла неразбериха.

— Я предложил им выпустить часть собак. Но они оказались куда изобретательней. — Ирменк коротко хохотнул. По двору метались юные фехтовальщики, они изо всех сил извинялись, старательно забрасывая всадников вопросами, мешая им двигаться. Вот выбежали женщины и замахали фартуками на гусей. — Поскачем к каменной крестовине, а если они до тех пор не отстанут, нам лучше разделиться. Потом встретимся в обычном месте. Твой нож при тебе?

— При мне. А у тебя?

— Нож и шпага. Ай да свинья, надо же. Она всегда была равнодушна к лошадям.

Бурая свиноматка ткнулась носом в лошадь одного из преследователей, и тот вылетел из седла.

Фенсер опять развернул коня, и мы помчались вперед. Он сказал мне:

— Надо было оставить тебя на ферме.

— Извини. Я говорила Ирменку об этом.

— Да, там было бы безопасней — а вдруг все они погонятся за нами. Хозяйка фермы спрятала бы тебя с глаз подальше. Ладно. Теперь уже поздно. Держись покрепче, девочка, я не хочу, чтобы ты свалилась в канаву.

За округлым холмом открылась широкая панорама нагорья. Оливковые деревья, словно приросшие к наклонному помосту танцоры; виноградник, белая стена, а дальше — буйная мешанина лоскутьев на подъемах и на спусках, присыпанная розовато-лиловыми анемонами; прямолинейные хребты, а на них тополя и пинии, и за всем этим высокие столбовидные скалы из базальта, чуть припорошенные зеленью, на которые опирался небосвод.

Мне следовало остаться на ферме. Я ему в тягость.

Если выпустить из рук его запястья, я скорее всего свалюсь на землю, где и останусь. Но ведь он не бросит меня, не отдаст на волю преследователей, я только лишний раз задержу его и, вероятно, ушибусь или поранюсь, а это ни к чему. И мне вовсе не хочется, чтобы меня сбывли с рук. Побуду с ним сколько можно и стану думать лишь об этом стремительном бегстве, о зеленых, рыжеватых и сиреневых холмах, об облаках в вышине...

Мы добрались до глыбы, которую Фенсер назвал каменной крестовиной. Покосившийся древний монолит. И, оглянувшись, поняли, что травля продолжается.

Фенсер зычно гаркнул. Ирменк рявкнул в ответ. Они тут же разъехались, и кони понеслись, пересекая склон холма, каждый в свою сторону. Мы выехали на другую дорогу, едва приметную овечью тропу, усыпанную вдобавок обломками породы после обвала, лошадь кидалась из стороны в сторону, а Фенсер гнал ее вперед и вдруг опять свернул с дороги на уходящий вверх склон.

Я вряд ли могла бы обернуться, и меня это вполне устраивало, пусть только он крепко-крепко меня держит, ведь мне уже кажется, что мы с ним слились воедино. Но Фенсер сказал:

— Восемь человек погнались за Ирменком. Они его боятся, и не зря. Четверо осталось на мою долю. — Спустя минуту он добавил: — Мне придется прикончить всех, если получится. Чтобы «Двексису» досталась пустая коробка из-под конфет...

Мы стрелой кинулись в лес. Запах растоптанных, как виноград, листьев, крокусов и молодых побегов шафрана захлестнул меня волной.

Наверное, какой-то звук вырвался из моего горла.

— Что такое? — спросил он. — Ты испугалась?

— Нет.

— А должна бы.

— Знаю.

Конь перескочил через ствол упавшего дерева, через сверкающий поток зеркальных осколков за ним и, резко свернув, вырвался на открытое место, залитое солнцем.

Мы взбирались все выше, на очередной вершине Фенсер оглянулся.

— Ну до чего же докучливые у нас поклонники. Наш конь почти выбился из сил. Там, наверху, у тополей... мы спешимся, пусть он бежит дальше налегке.

Конь задыхался, хрипя легкими. С одним седоком он продержался бы дольше. А кобыла, на которой скачет Ирменк, — каково ей приходится, ведь ее наездник — великан?

Мы миновали тополя; оказавшись за колышущейся завесой, Фенсер спешил и ссадил меня с коня. Потом шлепнул его по боку, и тот стремглав понесся прочь.

— Заберись вверх по склону, — велел он мне. — Заляг среди высокой травы. Постарайся, чтобы тебя не заметили. В крайнем случае, если я... попаду в сложное положение... ну, тебе лучше убежать. У тебя есть чем защищаться?

— Небольшой нож.

— Умница, Арадия. Пусти его в ход, если понадобится. И пусть совесть тебя не мучает: эти твари — адское отродье. Без них мир станет только лучше. — Он старался говорить, не проявляя чувств. Собственные доводы не убедили его, но я приободрилась.

Не тратя ни секунды на пререкания, я забралась наверх и распласталась среди зарослей аниса.

А Фенсер словно растворился среди стволов тополей, как лесной дух.

После стремительного, как водопад, движения дневной покой поверг меня в дрожь. Среди верхушек тополей трепетал ветер, солнечный свет разлетался на осколки и рассыпался кругом. А где-то извечным многоязыким голосом пел хор древесных лягушек: «Кекс-коакс-бре-кеке-кекс».

На фоне кардамонового облака плавал в небе ястреб.

И тут я услышала топот копыт.

Скакавшие впереди всадники — двое-четверо — пронеслись мимо, обламывая на скаку ветви. Они погнались за нашим конем, еще не понимая, что он так быстро мчится, потому что остался без седоков.

Еще двое ехали довольно медленно, они то ли что-то заподозрили, то ли устали.

Как будто золотисто-зеленая часть дерева отделилась, заскользила вниз и обрушилась на них. Оба наездника свалились с лошадей, причем один из них стянул за собой седло и стремяна. Они покатались к корням тополей навстречу тени, внезапно послышался шум, который так же внезапно стих.

Мне не удалось ничего больше разглядеть, только как лошади попятись, вращая глазами, и, всхрапывая, забили копытами. Затем сверкнула белая рубашка Фенсера, его волосы. Он выпрямился. Опять вспышка — нож; Фенсер отошел в сторону. Он спрыгнул на преследователей с дерева. Наверное, они уже мертвы. Там, в заснеженном лесу, чаврийцы зачастую прибегали к такой уловке.

Жуткая радость охватила меня; я сознавала, что она ужасна... Но в следующее мгновение опять раздался стук копыт — возвращались остальные.

Они промчались во весь опор вниз по склону, их четверо — нет, пятеро человек. Скакавший первым крикнул по-крониански со странным акцентом:

— Здесь, этот мерзавец здесь!

Затем он пискнул и, словно птица, взмыл в воздух, вытянув руки вперед, перекувырнулся и распластался прямо на пути у остальных. Из груди торчала рукоятка ножа Фенсера, она появилась там совсем внезапно, как будто выскочила из тела, а не воткнулась в него снаружи.

Волной во мне поднялась тошнота. Казалось, она передалась мне от Фенсера.

Лошади вскинулись на дыбы. Второй наездник попытался совладать с конем, но в это время человек со шпагой подбежал к нему, прыгнул как кошка и проткнул его клинком.

Они завопили, заголосили в слепой ярости и растерянности.

Эти люди вооружены не шпагами, а длинными ножами, которые на вид ничуть не короче шпаг; в воздухе мелькали лезвия, прорезая в нем огненные желоба.

Похожие на трещины отблески движений, мерцание длинных, как нити, ветвей — я не сумела разглядеть, что произошло потом.

Выпрямившись, я встала на склоне холма, и меня понесло вниз. Из длинного деревянного ящичка я извлекла опасный инструмент художника — нож. Обогнув гряды деревьев, я увидела, что впереди стоит человек, тот самый, с красным рукавом. Я изо всех сил размахнулась и швырнула ящичек ему в голову. Он угодил в цель, человек вскрикнул, резко обернулся и уставился на меня. Я подумала, что он, верно, рассмеется, но этого не произошло. Он снова хотел повернуться ко мне спиной, как будто этот взгляд был лишь обещанием мне на будущее. И тогда я подскочила к нему и ударила его ножом в грудь.

Чудовищное ощущение — все очень просто, но до чего же трудно вытащить короткое лезвие; человек подался в сторону и чуть не вырвал нож у меня из рук. Но каким-то образом мне все же удалось его извлечь, и тогда я ударила наотмашь по кроваво-красной руке. Он набросился на меня, я увидела, как вверх взметнулся стальной тесак, и, с первого урока усвоив характер движений, тоже вскинула руку с ножом повыше и полоснула его по шее, прямо под ухом.

Его тесак все еще скользил ко мне — мимо меня — и улетел в заросли папоротника, а человек уже зашатался. Я не видела, что случилось с ним потом: я метнулась к лошади, которая словно выросла из-под земли и ухватила за продетую в стремя ногу в сапоге. Нога попыталась отпихнуть меня. Я сделала на ней зарубку, она принадлежала кукле, способной истекать кровью. Решив прикончить меня, человек с руганью склонился ко мне, но стоявший над телом четвертого преследователя Фенсер отвлек его, насмешливо крикнув: «Ай, да будет тебе». И не успел пятый преследователь отвернуться от меня, как Фенсер уже оказался рядом с ним на коне и, пока эта живая гора с громким ржанием брыкалась, прикончил всадника так быстро, будто жизнь его была сущей безделицей.

Птичьи и лягушачьи песни стихли. Но потом, словно не считая нужным обращать внимание на наши мерзости и ужасы, они снова завели свое «кекс-коакс-бре-ке-кекекс». С вершины холма донесся голос соловья.

Фенсер схватил меня и стал трясти.

— Ах ты, сучка, ты же вся вымазалась в их крови... или это твоя? Ты ранена? Зачем ты это сделала? Как бешеная тварь...

— Их было так много...

— Да, да. Но убийство... ты даже не понимаешь, что наделала. Клянусь богами, по мне все было б лучше, чем вынуждать тебя творить такое...

— Я убивала и раньше. Я убила человека. Я его убила! — Мой тонкий голос донесся откуда-то издали. Мы боролись друг с другом, будто отмахивались от незримых мух.

— Арадия...

Я закрыла лицо руками. Не стану смотреть, не хочу ничего видеть. Он вспомнил про девочку, игравшую с цветами и игрушками, которая не могла пролить кровь ради него, не могла убить. Он меня ненавидит.

— Арадия, — сказал он. — Тише. Не надо.

— Я умираю.

— Нет. Ни у тебя, ни у меня нет ни одной царапины. Видишь?

— Я ничего не вижу. Мне нечем дышать.

— Тихо. — Он обнял меня. — Я запомнил этот крик. Зловредный корсет с желтыми лентами. Я здесь. Обопрись на меня.

И тогда я прислонилась к нему, и паника исчезла, растаяла. Остался лишь зеленый свет, жужжание насекомых, кваканье лягушек, певец на холме, запах аниса, его кожи, и ни следа крови и ненависти. Я успокоилась, как он и просил.

— Прости, — сказал он. — Я всякий раз забываю, что ты прошла тогда через осаду и войну... У тебя такой вид, будто ты спустилась с небес. Спасибо, что выручила в трудную минуту.

— Не отпускай меня. Подожди еще чуть-чуть.

— Конечно. Бедная малышка. Столько отваги, а я накинусь на тебя с руганью.

— Еще немножко. Потом я уйду. Я знаю дорогу на ферму.

— Забудь и думать об этом, — сказал он. — Возможно, кто-то из мерзавцев еще рыщет по округе. Мы не знаем даже, что случилось с Ирменком. Но я видел, на что он способен. Я не тревожусь за него.

Я высвободилась из объятий, которые несли пьянящий покой. Вот и все, в последний раз, и больше никогда. Но нам нельзя расставаться, как в прошлый раз.

— Мне лучше, — сказала я.

Но и тогда не посмотрела на него. Стоит мне взглянуть, увидеть его лицо, глаза, и я никогда уже не смогу отвернуться. Я должна оставаться на земле. Прирасти к ней. Должна произнести слова, которые придутся ему не по нраву.

— Что ждет тебя по возвращении? — спросил он.

— Моя жизнь.

— Какая она?

— Размеренная и вполне счастливая.

— Как это?

— Я не могу объяснить.

— Ты говорила, что любишь меня, — сказал он. — Это правда?

— Повторить еще раз? Фенсер, ты ведь сказал тогда, что я не нужна тебе.

— Нет, ты неправильно поняла. По-моему, я говорил, что моя жизнь — моя окаянная измаранная жизнь, — как я могу предложить тебе стать частью этой катастрофы?

Среди папоротников на земле валялись трупы, лошади пощипывали ростки крокусов меж корней деревьев. Как странно, как странно.

— Арадия, — попросил он, — ответь мне. Теперь же.

Я смотрела только на его губы, знакомые мне; они шевелились, разговаривая со мной. Я сказала:

— Моя жизнь покатила под гору с того же момента, что и твоя. Каждый мой поступок — нечто вроде глухого отголоска. Обман, предательство, и ложь, и всяческая неразбериха. И вечная неприкаянность. Как будто я родилась в пустоте, в воздухе и жила там. Иногда мне случалось попасть на землю, то в одном месте, то в другом. И ни души рядом. Не к кому прислониться... разве что сейчас к тебе. — И тогда я посмотрела ему в глаза, вгляделась в них. Он слушал очень внимательно и серьезно. — Что будет со мной без тебя?

— Так оставайся со мной, — сказал он.

— Нет, если ты предложил из жалости, если я нежеланна тебе, если ты просто хочешь наказать себя — нет.

— Какая жалость, какое наказание? Ты мне желанна. Перед тобой несчастный дурак, которого среди сосновых лесов Кронии внезапно застигла любовь. Я часто поминал Аару, Ирменк подтвердит тебе. А после того, как я снова повстречал тебя, у бедного Ирменка голова, верно, совсем пошла кругом от моих бесконечных рассказов о тебе — Он улыбнулся. В улыбке сквозила печаль, сожаление. — Но, Арадия, при этом ты получишь подарок с изъясном. Если бы все случилось между нами тогда... там... в городе, где мы родились. На каком-нибудь балу. Если бы ход истории не затронул нас. Ах, до чего же модная вышла бы из нас пара, и все бесконечно судачили бы на наш счет, пока вконец бы нам не опостытели. Но вино пролито, а роза с корнем вырвана из земли. Это предложение не из чудесных. Я не подарок. Мертвецы скачут за мной следом, Арадия, поутру в предрассветной мгле — батальон призраков.

— Я знаю, любимый мой, любимый, — сказала я, — знаю.

Обвив его шею руками, я тихо поцеловала его.

А соловей все не смолкал, как будто на свете нет любви, лишь красота и музыка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Приметой места, где они обычно встречались, служили три высоких камня, расположенных причудливым прерывистым полукругом. Холм порос деревьями, и в ровном свете дня мы увидели камни, лишь поравнявшись с ними. Среди увенчанных белыми гирляндами колокольчиков скал сверкала речка. В пушистой поверхности склонов скрывались трещины и пещеры. В одной из таких пещер они и приютились поначалу, пили воду из речки и добывали пропитание, охотясь на зайцев.

Похоже, Фенсер ничуть не сомневался в том, что Ирменк тоже одержит победу. Но спутник мой стал очень молчалив. Оба мы стали очень молчаливы и вели себя сдержанно, ведь теперь между нами не было ни одного из привычных барьеров. Подобная незащищенность слегка тревожила меня. Один лишь знак — недолгие объятия в лесу среди трупов и солнечного света, больше ничего.

Как и предсказывал Фенсер, конь вернулся к нам, и он взнуздal его, сняв оголовье с другой лошади. Остальных коней он не стал трогать и к покойникам тоже не прикоснулся. Он упомянул о том, что несколько позднее их, вероятно, похоронят. Фенсер заговорил об этом не из религиозных побуждений и, уж конечно, не из сочувствия. Он сказал, что ему не по душе оставлять гниющие трупы, которые будут пугать овец и детишек с фермы, ведь можно поступить иначе.

Он усадил меня на коня и повел его на поводу. А потому мы больше не дотрагивались друг до друга.

Я выкупалась в реке, деликатно укpывшись за миртовым навесом. Вместе со сдержанностью пришла и странная стеснительность. Я не знала, что произойдет между нами теперь.

К седлу, которое Фенсер снял с чужой лошади, оказалась приторочена фляжка с резким на вкус вином. Оно да еще чистая вода помогли нам поддержать силы.

Спустя некоторое время Фенсер растянулся на земле и заснул.

Он выглядел как всякий молодой человек во сне. Лишь тени вокруг закрытых глаз стерлись не до конца. Мне хотелось поцеловать его, но я его не знала, не представляла, насколько чутко он спит, не хотела злоупотреблять возможностью или создавать впечатление, будто хочу его к чему-то подстрекнуть. Я смыла с юбки кровь, ткань постепенно высохла на солнце. Над колокольчиками кружили пчелы. Неподвижные камни застыли, словно неизбывное неясное знамение.

У меня возникло ощущение пустоты, не от счастья и не от грусти. Мне казалось, что я в одиночестве, но в то же время я со всей полнотой чувствовала присутствие Фенсера. Как будто до сих пор со мной ничегошеньки не происходило, как будто у меня не было прошлого.

На закате появился Ирменк.

Он держал губы крепко сжатыми до той минуты, пока не раскрыл рот и не сказал:

— Сколько жизней насмарку.

— Все? — спросил Фенсер.

— И у тебя тоже?

— Да.

— Может, люди Мейи возьмут эти заботы на себя. Я могу отвести их на место.

Кобыла Ирменка осталась при нем, и он привел ее с собой; она обнюхала мерина и принялась щипать вместе с ним травку у реки.

— Мы прекрасно доберемся, — сказал Ирменк, — если поведем лошадей на поводу. Через часок-другой уже будем в деревне.

— Арадия, ты сможешь пройти пешком еще несколько миль? — спросил меня Фенсер.

Я ответила, что смогу.

Без лишнего шума мы прошли вершину холма и начали спускаться в котловину, где солнце клонилось к горизонту. Край неба расцвели разнообразные оттенки красного цвета, а у нас за спиной, на востоке, рождалась темнота. Деревья и земля источали буйный аромат. Сверчки застрекотали, смолкли и застрекотали вновь.

Внезапно в расселине меж двух холмов под небосводом показалось море. Солнце как раз начало уходить под воду, еще мгновение назад оно было на месте, огромное, сияющее, а теперь уже скрылось. Все огни постепенно побледнели, и падавший на наши лица свет угас.

— Деревня там, внизу, — сказал мне Фенсер, — деревня Дженчира. Поначалу нас с Ирменком вынесло туда.

— Ну и ночка была, — сказал Ирменк, и оба рассмеялись.

Я понадеялась, что они расскажут об этом, но они не стали.

Вместо этого Фенсер спросил:

— Скажи, Ирменк, что ты намерен предпринять?

— Пожалуй, я приму ее предложение. Посмотрю, как люди живут в Кирении.

— Да, Мейя не глупа.

— А ты? — спросил Ирменк.

— Поищу другое место, — ответил Фенсер. — Кажется, Китэ может оказаться интересен.

Больше они ничего не сказали.

По темнеющей земле мы стали спускаться к морю.

2

В целом деревня Дженчира являла собой беспорядочное скопление рыбацких домиков на берегу залива. На скалистом мысу в вышине образовалась квадратная площадка; там стоял храм, посвященный повелителю моря, и три-четыре красивых дома. Пятый находился чуть подальше, возле полей и виноградника, в нем и жила Мейя.

Мне не рассказывали подробностей ее встречи с Ирменком. Возможно, она произошла невзначай, на рынке, или же при романтических обстоятельствах — ей случилось проходить по берегу вскоре после того, как он, этот великолепно сложенный великан с черными волосами, с которых струями стекала соленая вода, подобно богу вышел из моря. Но несомненно, они давно уже стали любовниками.

Мейя была киренийка, точнее говоря, тройянка — жительница старых провинций, расположенных у реки Тройос. Там находились ее поместья, но кто-то из знакомых ее семьи помог ей приобрести землю и в Дженчире, где она прожила затворницей несколько лет.

Она обладала поразительной внешностью. Золотые, как само золото, волосы, глаза цвета спелого меда, а на золотистой коже летней позолотой еще лежал загар. В росте она не уступала мужчинам и была выше многих. Но Ирменк перещеголял ее. Нетрудно было заметить, что в конце концов это пришлось ей по вкусу.

Стоило нам постучать в ворота, как нас тут же впустили.

Дом с двумя внутренними дворами и лишь половинкой верхнего этажа, где располагалась спальня хозяйки и служебные помещения, казался воздушным, пасторальным.

Но у нее целых три поместья, так что золотая у нее не только внешность.

Я всегда отличалась застенчивостью, а Мейя окончательно смутила меня. Она держалась, как королева, а увидев Ирменка, поцеловала его при нас и при всех слугах, нимало никого не стесняясь.

За обедом они с Ирменком принялись обсуждать детали его отъезда, явно продуманного заранее. Она все устроит, и он отправится с одним из надежных рыбацких судов вдоль побережья, а затем по реке Тройос, ведь установилась хорошая погода. А через некоторое время она его нагонит. Они улыбались друг другу.

Мейя сказала Фенсеру, что готова рабски ему служить, пусть только отдаст распоряжения.

Он снова проговорил:

— Пожалуй, Китэ представляет собой некоторый интерес.

Мейя ответила, что кое-что слышала об этом.

— Как ты будешь туда добираться?

— Через порт Тули, — сказал Фенсер. Он не предвидел осложнений. «Двексис» уже выпустил стрелу, и она пролетела мимо цели.

— Без меня ему ничто не угрожает. Он бросается в глаза только в компании со мной, — сказал Ирменк.

— Да, — согласилась Мейя, — тебя под зонтиком не спрячешь.

И все же она решила, что Фенсеру лучше слегка замаскироваться. В этих местах его уже знают. И поинтересовалась, отправится ли дама вместе с ним.

Дама (то есть я) отвела глаза, словно чувствуя себя виноватой.

— Да, — беззаботно бросил Фенсер. — Она отправится со мной. Арадия — моя жена.

Это заявление ошеломило меня. Я даже не поняла, испугалась я или приободрилась. Это — ложь, которая не может законным путем превратиться в правду. Причиной тому союз

с Каруланом. Да и возможно, эти слова — лишь подачка в мой адрес, чтобы немного меня потешить. Ведь я до сих пор не знаю, что же такое мы пообещали друг другу.

Меж тем на столе горела желтая лампа, они продолжали беседу, и когда я опять стала следить за разговором, то выяснила, что мы отправимся в дорогу, нарядившись крестьянами.

— Ты не хочешь послать кому-нибудь в городе письмо? — спросил меня Фенсер. — И не нужно ли доставить оттуда что-либо из твоих вещей?

— Там все мои пожитки. Крайне скудные.

Я представила себе, как какой-нибудь крепыш из слуг Мейи станет рыться в моем белье и вместо меня укладывать чулки и запасной корсет. Разве я могу просить об этом? Придется мне обойтись. А вещи пригодятся той, что поселится там после меня. И кубки цветного стекла на окне, и камелии в горшке... и нитка жемчуга в муслиновом мешочке. Наслаждение, доставшийся в наследство подарок.

Но я должна написать маэстро Пелле, он так по-доброму ко мне отнесся и будет беспокоиться, если я просто возьму и исчезну. При этом необходимо соблюдать осторожность, упоминать о Фенсере ни к чему.

Не прошло и часа, как слуга Мейи уже отправился в путь, унося мое осторожное письмо. Другим слугам поручили захоронить тела преследователей. К моменту нашего отъезда нужно повсюду навести порядок.

А Мейя отвела меня в сторону и сказала, что вскоре придет ко мне прислуга с бельем и прочими необходимыми вещами, ведь мне пришлось все бросить. Она добавила, что ее собственная одежда, к сожалению, будет мне великовата, но ее личная горничная одевается весьма прилично, может быть, мне удастся подобрать что-нибудь для себя.

Я предположила, что мы будем ночевать в одной спальне с Фенсером, раз я его «жена». Мейя предложила мне отправиться туда, заметив, что у меня вид «как у маленькой девочки, которую заставили чересчур долго просидеть за обедом». Потом я испытала глубокое потрясение, встретив в комнате с розовыми стенами надменную горничную, которая разложила на широкой кровати целый ворох кружев с розочками и лентами, которыми не побрезговали бы и принцессы из Крейза.

Оставшись в одиночестве, я отобрала несколько предметов попроще, надеясь, что никто из-за меня особенно не обеднеет. Потом попила воды из хрустального стакана, стоявшего подле хрустального кувшина, выглянула из маленького зарешеченного окошка и увидела ветви магнолии. Я пересчитала на них все почки. Не помню, сколько их оказалось. Как бы там ни было, я пересчитывала несколько раз, и число все время выходило разное.

Он долго не появлялся в комнате. Пламя светильника, стоявшего на столе рядом с кувшином, ярко вспыхнуло и заструилось светом, когда он вошел и прикрыл за собой дверь.

— Вот видишь, — сказал он, — пять минут в моем обществе, и ты уже стала соучастницей обмана и побега. Склонна ли ты посетить Китэ?

— Разумеется.

— Почему разумеется? Потому что ты будешь со мной, а ты уже как бы принадлежишь мне и, значит, все прекрасно?

Он говорил без злости, не выражая презрения к моей участи. Судя по тону его голоса, он ощущал такую же пустоту, как я, и пребывал в замешательстве.

— Фенсер, если мое присутствие прибавит тебе хлопот, мне следует остаться, — осторожно проговорила я.

— Мы обсуждали этот вариант, — сказал он. — Я хочу взять тебя с собой. Но смотри, при этом ты угодишь в самую гущу событий.

— Я уже привыкла, — пробормотала я.

— Прекрасно.

— Зачем ты сказал, что я тебе жена? — спросила я, когда он присел и стал стаскивать сапоги.

— Для удобства. Но мы можем сделать так, чтобы это стало правдой.

— Мы никогда этого не сможем. Я состою в своего рода брачном союзе —

кронианский обычай. Это не имеет значения, разве что номинально, по закону.

— Понятно. Что ж, ты будешь мне женой по всем статьям, кроме номинальной.

Он сохранил невозмутимость. По каким-то глупым детским соображениям отсутствие более бурной реакции показалось мне тревожным. Или это — обычная для него манера, непринужденная, чуть безразличная? Когда он обнимал меня, стоя под тополями среди разлитой крови и потоков света, я точно знала, что он не отречется от данного слова. Наверное, все уже решено, мне пора умиротвориться и обрести умение владеть собой. Я ушла за ширму и стала раздеваться, у меня дрожали руки. Я не испытывала страстного желания, я позабыла, что это такое. А я сама вызываю в нем желание? Как-то непохоже.

В конце концов я надела шелковую ночную рубашку горничной и потихоньку вышла из укрытия.

Он по-прежнему сидел у стола, скинув сапоги и расстегнув рубашку, но еще не раздевшись. Руки его безвольно лежали на подлокотниках кресла, а глаза уставились в пустоту.

Ужасное гнетущее чувство охватило меня. Быстрыми бесшумными шагами я подошла к кровати, забралась в постель, скрылась среди подушек и одеял. И замерла, будто камень. Пусть думает, что я сплю.

Вот и опять я заплутала среди дорожек в мире взрослых. Я приняла его за другого человека. За того, кем он мог бы стать...

Прошло много времени, я почувствовала, что он рядом со мной в постели, и возвратилась из полубессознательного бессонного состояния, в котором пребывала до тех пор.

И тут же вернулось все: тяжелые размеренные движения Гурца, умелые ласки миловидного Кристена среди диванов и даже мой демон Драхрис — все возвратилось, взбудоражило меня и в наказание принесло способность чувствовать.

Фенсер не походил ни на кого другого. Он плавно погрузился в глубины постели, словно в тихие воды. Я услышала его негромкий голос, живой шепот среди глубин рядом со мной:

— Только завитки русалочьих волос на подушке. — Рука его скользнула и обвилась вокруг моих бедер. — Она отгородилась от меня броней из шелка.

Стоило мне услышать его голос, ощутить прикосновение, как желание тут же проснулось во мне. Я ничего не могла поделать, я повернулась к нему — бездумная морская тварь на вздыбившемся океанском ложе. Он поцеловал меня в губы, а потом принялся твердить мое имя, скользя губами по моей шее, расправляя складки никчемных шелков на груди, по всему телу. Я лежала в ночной рубашке, обнажавшей плечи, впитывая каждой клеточкой кожи тончайшие изысканные ласки, уже не зная, где я нахожусь, и мне казалось только, что оба мы погребены в толще белой темноты. А когда он обнимал меня, когда тяжесть его тела придавила меня и он проник внутрь, неся наслаждение себе и мне, я не видела его лица и только чувствовала, как прижимается ко мне его тело, и все его тепло, и хлынувший поток, растворение и погружение обратно, в прохладу черного моря.

Я лежала в его объятиях. Движение ночи прекратилось, но до меня по-прежнему доносился шум моря, вселенских вод, и еще шепот прибойной волны крови, слышный только мне одной.

— Арадия, — проговорил он так тихо, что я едва расслышала, — милая, хочу предупредить тебя на всякий случай: иногда мне снятся дурные сны. Ты не... пусть тебя это не пугает.

Кто ты, неведомый знакомый незнакомец, сородич мой, человек иного пола, иного племени земного, даритель наслаждения, пламенное тепло, что обнимает меня и укачивает на пути среди ночных морей?

Я спала, не зная, что ему снится.

Я спала так, будто мне не нужно больше просыпаться.

На заре я проснулась и увидела его. Мы долго лежали, глядя друг на друга. Я не испытала удивления, оказавшись вместе с ним. Хотя и не забыла о сомнениях, мучивших меня накануне вечером.

Потом он улыбнулся и привлек меня к себе. Он поцеловал мои волосы и, уткнувшись в них, проговорил:

— Никаких снов. Ты просто волшебница.

— Как будто ты не знал, — ответила я.

— Что ты меня приворожила? Ну как же я мог не знать об этом? — Он обнял меня. — Поколдуй еще. Может, тебе и удастся меня спасти. Если я того стою. — И позже, после паузы: — Нужно как-то искупить все, что я наделал.

— Ты освободил Ирменка, желая загладить вину? — спросила я.

— Да Я совершил приношение богам. Жизнь чистого доброго человека, вырванная из ада на земле. Ты видела, какой он. Он может даже убивать, не совершая при том греха. Одним богам известно, что я имею в виду. Но сам я увяз по горло. В смертях. О нет, не когда убивал на войне, будучи солдатом, но те, другие жизни... — Он резко смолк, а на улице среди ветвей магнолии запела птица. — Ты позволишь, — спросил он, — рассказать тебе об этом на Китэ? И ты поведаешь мне историю своей жизни. Я ничего о ней не знаю. Ты была девочкой, потом беловолосой принцессой, а теперь... теперь ты такая, как на самом деле.

— Но прошлым вечером ты с радостью был готов отделаться от всех троих.

Не успев еще закончить фразу, я услышала, какой невыносимой фальшью отдают мои слова. Я вовсе не хотела вынуждать его говорить неправду, просто не знала, что еще сказать.

— Отделаться от тебя? Мне кажется, скорей от самого себя. На меня порой находит. Я же говорил тебе, человек я никудышный. Что за урод тебе достался в результате всех трудов.

Мне хотелось бы лежать и лежать, вдыхая его тепло, ощущая изгибы его тела, не снимая упавших мне на плечо волос, но внезапно мне припомнилась моя заботливая мама.

— Может, встать и попросить горничную принести чаю? — спросила я.

Он засмеялся:

— Ну, разумеется, тебя пугает, как бы чего не случилось, если ты останешься. Но нет, мадам, вы поздно спохватились.

И моя ночная рубашка тут же полетела через всю комнату и упала у двери; позднее, когда Фенсер ушел, принеся мне завтрак горничная споткнулась об нее.

Нам удалось отогнать тучи — таким же способом от них отмахиваются все любовники. И тогда они повисают у горизонта. Они видны, но только вдалеке.

В полдень в спальню вошла уроженка Кирении. Она огляделась вроде бы невзначай, словно желая выяснить, как я обошлась с ее имуществом: может, внесла какие-то улучшения или же устроила беспорядок. Затем она сказала:

— Фенсер еще не вернулся? Он должен был встретиться в деревне с одним человеком. — И, помолчав, добавила: — На одном из кораблей согласились перевезти его на Китэ, но, боюсь, они не возьмут на борт женщину. — Я смотрела на нее. — Некоторые моряки с маленьких судов суеверны. Мне и самой раньше приходилось сталкиваться с подобными препятствиями. А впрочем, там грязно, неудобно и поспать негде. С другой стороны, мы собирались переправить его именно таким способом. Лучше бы ему воспользоваться случаем и поскорей скрыться.

Похоже, секрет известен всем, кроме меня.

— Я уже говорила Фенсеру, чтобы он непременно отправлялся в путь без меня, если так лучше для него.

— О, значит, он уже получил ваше разрешение? — сказала она. Ее светло-желтые глаза внимательно оглядели меня. Мне захотелось встряхнуться всем телом на кошачий манер. — Ну, прекрасно. Теперь он знает, что волен выбрать наилучший способ. — У меня упало сердце, и вся кровь отхлынула к пяткам. Но возражать я не стала. — Итак, вас нужно

перебросить туда же, — продолжала она. — Я могла бы отправить вас в Летай на телеге. Так вас будет трудней всего заметить, если слежка еще продолжается. Вдобавок мы нарядим вас крестьянкой.

Когда вернулся Фенсер, он застал меня уже в простонародном платье с полосатым шарфом на голове. Он поцеловал меня и надел мне на палец медное обручальное колечко, купленное на рынке, — такие носят рыбаки.

— Ну вот, жена, теперь ты выглядишь прилично.

Кольцо оказалось замечательное, хоть и не из благородного металла, отлитое в форме двух дельфинов, чьи тела переплелись друг с другом; согласно поверью, они приносят удачу. Я принялась крутить его в руках, а Фенсер спросил:

— Мейя сказала тебе насчет корабля?

— Ты отправишься одной дорогой, а я другой.

— Это разумный план.

— Ты не рассчитывал на меня.

— И правда. Неожиданность, словно весна посреди зимы.

Он обнял меня, наговорил мне ласковых слов и между делом объяснил, когда и как мы отправимся в путь, и сказал, что мы снова встретимся уже на Китэ. Невкусные таблетки растворились в сладком вине.

Он ушел еще до захода солнца, а я пустилась в путь перед восходом. Мне предстояло четырехдневное путешествие, а мальчик-возница не отличался разговорчивостью. У меня выдалось время и для радости, и для тревоги. Примерно в сорока милях от порта Тули находилось селение, известное под названием Летай. Его прозвали так не случайно, ведь именно оттуда отправлялись по воздуху на остров диковинные летучие корабли, о которых однажды упомянул Эмальдо. Это не выдумка, они существуют на самом деле и к тому же надежны, как колесницы, надежней морских судов, — настойчиво убеждала меня Мейя, — ведь за все годы, что она прожила в Дженчире, не случилось ни одного крушения. А я подумала: уж не посылает ли она меня на верную гибель, чтобы помочь Фенсеру избавиться от меня.

Дорога, пролежавшая над деревней, оказалась хорошей; открытые ветрам кедровые деревья защищали ее от солнца, а в промежутках между ними, как в окошках, возникали бесконечные перспективы синего моря, и на поверхности вод — Китэ; остров являлся взгляду то монументальными, дерзко вскинутыми в небо вершинами скал, то становился неотчетливым, прозрачным, как пузырь. А на заходе солнца чернел, и по его скалистому хребту скользили огоньки. (Может, Китэ женского рода?) Несмотря на все тревоги, я уже совершенно отчетливо осознала исключительность острова. Кем же могло быть в туманном прошлом это существо, то подступавшее ближе, то ускользавшее вдаль, неизменно оставаясь на одном и том же месте? Может, в древности люди верили, что оно умеет плавать или заколдовано?

По ночам я засыпала прямо в телеге, а мальчик стойко нес караул, выполняя наказ Мейи. Если же мне не спалось, я лежала в полузабытьи, и мне чудилось, будто тайный замысел, витавший в стенах дома киренийки... замысел, частью которого являлся Фенсер, и, пожалуй, все они, но не я... проносится мимо, как летучая мышь, и дразнит меня, предлагая отгадать его имя. Для некоторого разнообразия я поразмышляла над тем, как ни Ирменк, ни Фенсер, похоже, не заметили моего голубого тигра и танцующих девушек, выставленных в витрине магазина Пеллы. Грустный момент. Талант мой невелик. Картина Дорина привлекла... однако во владении Ирменка, в усадьбе его дамы, находилось множество произведений искусства и книг. «Вкус знатока», — сказал Фенсер. Глупо чувствовать себя задетой, ведь я знаю, какое место отведено мне в мире искусства: крайне незначительное. Впрочем, затем мне вспомнилось, как Фенсер прошел мимо и увидел меня в том же самом окне витрины, но не узнал.

По дороге нам с мальчиком встречались лишь пастухи со стадами да однажды всадник в такой же, как мы, одежде, он направлялся на пирушку и обратился к нам по-тулийски с бурными приветствиями, а мне пришлось с улыбкой притворяться, будто я понимаю каждое

слово.

На пятый день мы прибыли в Летай. Он представлял собой кучку хижин, над которыми возвышалась взметнувшаяся над морем огромная зеленая скала — будто глубоководная волна на взлете превратилась в землю.

По покрытым мхом ступеням, возле которых, клонясь в сторону, росли терпентиновые деревья, мы поднялись на каменную площадку. Там застыли, припав к земле, три колоссальные бабочки, каждая с цельным ребристым парусом.

Повсюду трудились люди, обученные обращению с этими кораблями, они хлопотали над колесами, канатами и надутыми пузырями, один из которых как раз несли на судно с гиацинтовым крылом.

Шесть человек сидели на скамейке, некоторые держали на коленях корзины, а один прихватил с собой черных кур в клетке.

Сопровождавший меня мальчик вручил плату другому мальчику, когда тот подошел к нам, и затем удалился, а я осталась со своим саквояжем.

— Эй, шкипер, — крикнул только что подошедший мальчик, — вот и последний пассажир. — Он поднял мой саквояж, прикинул его вес. — Годится. Вместе с вами да с вашим багажом выходит все равно что восемь пассажиров. Нужно, чтобы их набралось семь или восемь, иначе наши труды не окупятся. Но не больше десяти, а то он упадет. Впрочем, — добавил он немного погодя, — однажды он упал и с восьмью. Но в тот день дул ветер. — Пока мы шли, он снова заговорил: — Только без ветра ей нельзя, понимаете? В воздух никак не подняться...

Похоже, мой легкий — в отличие от груза на сердце — вес вызвал у него одобрение.

Вскоре на корабле с гиацинтовым крылом завершили приготовления к полету.

Вместе с двумя другими пассажирами я смело ступила на овальной формы палубу. Ряд распорок поддерживал похожее на воздушного змея крыло. Чудовищный пузырь помещался в средней части судна.

Остальные пассажиры цепочкой потянулись на корабль. Все шли с похоронным видом. У края скалы стояла маленькая фигурка бога из крашеного дерева, он вскинул вверх руки, в которых держал птиц. Члены экипажа притронулись к нему на счастье. Выглядели они вполне бодро.

Пассажирам объяснили, что им ни в коем случае нельзя менять место после того, как корабль придет в движение.

— Эх, — промолвил один, — знавал я человека, так тот чихнул; а его как швырнет, и тут же убило.

Член команды сказал, что это преувеличение.

Когда сидишь, выпуклая стенка корабля прикрывает голову, и все же женщину с длинными волосами попросили как-нибудь их подвязать, а меня поставили в пример, поскольку я надела шарф.

Затем корабль покатали по скале к обрыву.

С пузырем что-то сделали, и он зашипел. Его предварительно накачали воздухом, который теперь стремительно выходил наружу. При этом мы оторвались от поверхности земли.

Неописуемое ощущение; две пассажирки вскрикнули, а все куры раскудахтались. Волна страха накрыла меня с головой. Но когда мы соскользнули со скалы и веревки сухо щелкнули, а навстречу нам хлынул воздух и небосвод, я погрузилась в полнейшее самозабвение, и страху пришлось отступить.

Я запрокинула голову — корабль то терял высоту, то отклонялся от курса, но прекрасное, будто бабочкино крыло, раскрывшееся как цветок, заполненное небом, удерживало нас в воздухе.

— Вперед, к Китэ! — вскричал один из членов экипажа.

Куры потихоньку квохтали. Пролетавшая стая чаек разделилась надвое, чтобы не столкнуться с нами. Мы находимся в их владениях. Невероятно.

Летя над морем, мы находились в устойчивой девиации, используя все необходимые воздушные течения, которые будут подталкивать нас вперед и снова вынесут на сушу. Желаящим позволили открыть маленькие глазки в корпусе корабля, чтоб выглянуть наружу и бросить взгляд вниз, на синее море, в глубине которого шевелились зеленые и бирюзовые жгуты.

Через некоторое время мы заметили, что поверх перил уже видны верхушки островных скал и они приближаются, а рядом с их кромкой застыло солнце. Все молчали, лишь члены команды нет-нет да и перекинутся словечком. Даже куры затихли.

Внезапно я почувствовала себя предельно счастливой. Казалось, этот мир создан для меня, словно рай, который боги даруют по приходе смерти тем, кто им полюбился.

Я не смогла бы выдумать ничего прекрасней, чем лететь вот так среди небес навстречу гавани, где мы встретимся вновь. Здесь начинается моя жизнь.

И тряская посадка на Китэ не разрушила моих иллюзий. Когда я высадилась на высокий отлогий берег моря, из-за миндалевых деревьев выступил вперед человек: Фенсер пришел меня встречать, как и обещал.

Часть третья Дом у океана

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Полгода мы прожили в доме у океана. Честно говоря, в основном я жила там одна. Поначалу все походило на сон. Я рядом с ним, он говорит мне, куда мы пойдем, туда мы и отправляемся, и все получается, как он сказал. Я спрашиваю, как ему удалось найти такое место, и слышу в ответ, что у него давно уже были «друзья» на Китэ. Я наивно существовала в пределах магического круга. Несмотря ни на что, я сохранила безотчетную веру в волшебные сказки, счастливые развязки, в идиллическую жизнь.

Деревня называлась Ступени, ее выстроили вокруг огромной, постепенно разрушавшейся лестницы, уходившей вверх от пляжа. Несколько позднее, двести или триста лет назад, к ее основному пролету пристроили другие. Побеленные, охряные и пунцовые домики словно вскарабкались друг другу на закорки, пытаясь взобраться на гору, а между ними втиснулись огороды и сады, два храма, каждый на площади, заросли деревьев, дворы с развешанным бельем, старые стены, возле которых кошки и огромные черепахи набросали камешков. Жителей деревни Ступени кормило море, они ловили рыбу и ныряли за губками. Окольная дорога длиной в тридцать миль вела в глубь острова к городу Эбондис, который теперь казался чуть ли не другой планетой, хотя в стародавние времена его жители построили на здешнем мысу пару особняков.

Наш дом оказался одним из них, величавый дворец бледно-желтого цвета, обрамленный утратившим четкость белым лепным бордюром. Он покоился в объятиях пышного сада, где когда-то подстригали деревья, который выстоял и пережил зимние штормовые ветры и отсутствие человеческой заботы и превратился в скопище темных лабиринтов, где обитали птицы и таились сокровища: маленькие косточки животных и руки разбитых статуй.

Верхний этаж особняка почти полностью пришел в упадок, забираться туда считалось делом рискованным, и люди говорили, что в ветреную погоду оттуда всякий раз срываются куски настила крыши. Помещения в первом этаже и в бельэтаже, большая часть которых теперь пустовала, сдавали внаем.

Наши апартаменты состояли из двух больших комнат на нижнем этаже и третьей,

расположенной между этажами, в которую вела причудливая внутренняя лесенка. Украшением последней комнаты служило вытянутое окно, выходившее на отдельную террасу из потрескавшегося розового камня. Там обнаружился засохший фонтан, и морская нимфа по-прежнему лила воду из пустой раковины, она вовсе не грустила, а улыбалась — видимо, ей казалось, что вода все так же бьет струей.

С террасы открывался вид, как на картине: одичавший сад и стройные пирамиды сосен, окаймлявших деревню Ступени; раскинувшийся под нею пляж и море.

Позади дома за уходящими вдаль оливковыми деревьями, лесами, пастбищами и склонами холмов проступали горные вершины острова. На самом деле они вздымались не слишком высоко и не могли одеться в вечные снега, но казались грандиозными и будто упирались в небосклон; по утрам можно было видеть, как с них спускаются облака, словно сошедшие с небес овечки.

Кругом цвел миндаль, затем настало время зеленого цветения оливковых деревьев; склоны холмов зарделись румянцем — на них раскрылись пламенные анемоны. По ночам зачастую налетали жуткие грозы, копыя молний вонзались в горные вершины, а страшные раскаты грома казались разумными существами, затеявшими охоту на людей, и те спасались бегством, укрываясь кто где. Правда, на Китэ вам скажут: молния всякий раз намечает себе жертву и часто кого-нибудь убивает. Смерть по такой причине — одна из самых распространенных здесь. В местном диалекте, который является вариантом старотулийского языка, даже есть слово, обозначающее одновременно и смерть, и молнию, так что они могут кратко сказать, мол, такого-то человека замолневало, то есть ударило молнией и убило.

Деревня была очень бедной. По-моему, я заметила это сразу, но, очевидно, восприняла как данность. Я прошла долгий курс обучения приятию разнообразных данностей. Я видела перебиравших лохмотья старух, их беззубые рты и сморщенные усохшие лица, видела худые тела детей и молодых людей, видела лица женщин, когда суда с ныряльщиками уходили за губками в коварное море, чья тихая лазурь через час могла превратиться в котел с бурлящими волнами. Но я видела и цветы, выраставшие из трещин в стенах, и гревшихся на солнце кошек, и многоцветие вывешенного для сушки белья, а не только заплаты и следы штопки. И тут проявилась моя наивность, или же я заблуждалась. А может, я просто таким образом воспринимала окружающее.

— Даже эта крохотная деревенька, — сказал Фенсер, — платит налоги тулийскому правительству.

Тулия — королевство, об этом мне известно. В него входят Тули и Кирения, а также заморские края, такие как остров Китэ. Я воспринимала эти факты как некоторое подобие театрального задника. Моя жизнь с ними никак не связана, даже география играет в ней чуть более значительную роль.

Первый месяц мы провели вместе.

Мы привнесли в меблированные комнаты все, что сочли необходимым, нам пришлось заказать из города книжный шкаф и книги, разместившиеся в нем, а также взять напрокат у жены сторожа постельное белье. Но горшочки и тарелки мы нашли в деревне, красивую тяжелую посуду из красной глины с изображениями черных осьминогов и белых ракушек. Ведение хозяйства отличалось незамысловатостью. Уборкой и стиркой занималась служившая при доме девушка. Она усердно мела полы метлой из прутьев и выскребала обеденный стол морскими губками. Вместе с другими женщинами она стирала на реке, выколачивая на камнях, рубашки Фенсера и мои нижние юбки, а козы презрительно наблюдали за этой процедурой. Еду мы покупали в Ступенях, по утрам приносили горячий румяный хлеб, фрукты и рыбу, а около полудня молоко и творог. У девушки, что приходила убирать, я научилась готовить простейшие блюда. Надо просто выложить слоями на блюдо из красной глины все продукты: рыбу, лук, грибы, специи, чеснок, залить их йогуртом или вином и отнести в деревенскую пекарню, куда отправлялись все женщины, чтобы приготовить ужин или обед в одной из тридцати шести печей. Существовала иная возможность: приобрести плиту и зажарить те же ингредиенты на оливковом масле на

черной сковороде из чугуна, приправив блюдо черным перцем. Или же мы питались сыром, апельсинами, оливками, инжиром и вином, а также густой кашей с большим количеством меда и изюма, которую там готовят и продают, разрезав на куски.

Обманывая желудок такой едой, я зачастую оставалась голодной. Да и любовь подстегивала аппетит.

Вначале так и проходили целые дни. Ландшафты, пища, любовь. Как будто у нас нет ни малейших забот. (Спать рядом с ним тоже казалось мне счастьем. Проснуться от его взгляда или прикосновения. Я не заметила ни следа кошмаров, о которых он предупреждал меня.) Впрочем, возможно, я пряталась в самой гуще радости; возможно, я боялась. Ведь иногда мы заводили разговор, касавшийся не повседневной жизни, а одного из событий прошлого, и тогда оно словно подступало вплотную, бесформенная тень, лишенная даже имени.

Мы так и не исповедались друг перед другом. Каждый раз мы понемножку рассказывали о своей жизни. Он говорил о ней меньше, чем я. Казалось, все его помыслы занимает какой-то новый, еще более крутой поворот событий.

Да, скорее всего мне было страшно. Я ни о чем не расспрашивала.

Он сказал, что сейчас у нас время отдыха, но дела ждут его и на Китэ. Он как раз намеревался заняться ими, когда я нагнала его в пути. Он лежал, опустив голову мне на колени, и, глядя в синее небо над Китэ, говорил:

— Я не смогу всю жизнь просидеть сложа руки. Сама увидишь. Здесь мне предстоит искупить грехи. Ведь я живу, тогда как вокруг меня уже полегло полмира. Это действительно грех.

Многое так и осталось невысказанным. И мне уже казалось, что я так никогда и не расскажу ему о содеянном, о том, как я вырвала его имя из книги мертвых.

Я приняла без возражений его слова о необходимости загладить вину и расплатиться за первое предательство и за последующее, за то, что он остался в живых. Другой человек с помощью логики и софистики разнес бы подобные умозаключения в пух и прах. Мне и в голову не пришло, что он мог бы сам так поступить, ведь он этого не сделал. Я вообще не думала на эту тему. Я приняла его слова точно так же, как бедность деревни. Как часть мешанины, из которой соткано существование.

По ночам, когда молнии били по вершинам острова, мне иной раз вспоминалась карта с Героиней, вспышка молнии, ударяющей в ее жезл. Но огненные стрелы небес пролетали мимо нашего дома.

Во время шторма пропали три судна ныряльщиков за губками, и небо над деревней огласили жуткие причитания по погибшим. Плач зазвучал вскоре после захода солнца, его страшно было слушать. И красота открывавшегося с террасы вида тут же показалась нелепой. Я побежала в дом, помчалась вниз по лестнице в гостиную.

Там я увидела, что с Фенсером сидит грубоватый загорелый мужчина, который время от времени ездил на своей телеге в город. Похоже, он принес письмо, которое Фенсер только что прочел. Теперь же, повернувшись к возчику, Фенсер спросил:

— Когда вы намерены вернуться?

— Я должен отправиться в обратный путь сегодня вечером.

— Пассажира возьмете?

Возчик сказал, что возьмет, и выставил вперед руку. Фенсер положил монету ему на ладонь; на том они и договорились.

Я стояла, как зачарованная, наблюдая за ними. Когда возчик ушел, Фенсер повернулся ко мне.

— Арадия, я как-то упоминал в разговоре о том, что хочу послужить одному человеку.

— Кому?

— Давай я назову тебе его имя в другой раз. Мне кажется, оно все равно не имеет для тебя значения, хотя и обладает весом в определенных кругах.

Он стал укладывать вещи для поездки, и, увидев, что он отобрал, я поняла: мне предстоит провести без него немало дней и ночей. Я спросила, сколько, а он ответил, что не

знает, может, неделю. Но здесь мне ничто не угрожает, ведь я освоилась с укладом местной жизни и свободно владею диалектом, на котором говорят жители Китэ.

Я почувствовала себя как ребенок, которого бросают родители. Но теперь у меня достало самообладания: я не выказала и не выразила словами своего огорчения. Несомненно, Фенсер все прочел в моем взгляде, но он лишь поцеловал меня и увлек в постель — такое посреди дня случалось с нами довольно часто. Мы провели там все время, которое оставалось до его отъезда.

Так мы расстались в первый раз, так настал конец нашей идиллии. Фенсер отсутствовал целый месяц, он прислал мне письмо, очень ласковое, невероятно чувственное, написанное высоким слогом; оно должно было слегка утолить мои печали. Такое письмо следовало сохранить до глубокой старости, но я этого не сделала. Внезапно я ощутила чудовищно острую боль: оно напомнило мне о последнем мамином письме, пришедшем незадолго до ее гибели. Разумеется, в них не было даже отдаленного сходства друг с другом. Но в припадке животного страха я сожгла письмо.

По возвращении Фенсера меня объяло желание, я впала в страстное неистовство. И лишь когда насытилась, обнаружила, что мы с ним на пустом пляже, и там же, лежа рядом со мной, он принялся рассказывать, где побывал и чем занимался и почему, какие дела ждут его в будущем, какие им руководят мотивы и что ему необходимо в жизни. Я почувствовала в нем горячую увлеченность общественными и политическими событиями. Но огонь этот остался для меня непостижим. И показался мне чуждым. А впрочем, я с полным доверием воспринимала его самого, все его желания и стремления. Мне постепенно удалось отрешиться от самой себя, слушая его слова, я стала Фенсером. А потому позднее отчасти поделила с ним это огромное желание, наделенное, быть может, большей силой, чем желания плоти, направленное к духовной цели.

2

У Фенсера водились кое-какие деньги, и я даже смогла заказать в городе пару платьев, но, как водится в подобных случаях, они пришлись мне не совсем впору, хотя их шили по моим меркам. Я с горем пополам переделала рукава... Теперь он велел мне заказать бальное платье, для танцев.

Я стала возражать: платье будет плохо на мне сидеть, да и с кем мне танцевать, с овцами, что ли?

Вместо ответа он взял меня за руку, обхватил за талию и прошелся со мной в изящном променаде прямо по террасе из потрескавшегося камня. Один из жильцов дома, пожилой мужчина, наблюдая за нами сверху, опершись на подоконник, испытывал нечто вроде грустного удовольствия. Деревенские мальчишки, которые как раз в это время решили что-то стянуть из сада, обезумели: двое принялись подражать нам и закружились в танце, а третий подыгрывал на дудочке.

Все это было очень глупо, очаровательно и потрясло меня до глубины души. Мой возлюбленный умеет танцевать — хотя, конечно же, вместе с офицерами-однокашниками он посещал и бальные залы города, а не только Поле Оригоса. Не Тень прошлого, а мерцающая дымка славного прошлого окутала нас и наши движения.

— Ты легка, как пушинка чертополоха, — сказал он мне. — Ну вот, в Эбондисе можно будет потанцевать. — И другая Тень упала на нас, Тень сурового сосредоточенного настоящего.

Фенсер сказал, что платье все же нужно заказать, а ко времени окончательной примерки я успею приехать в город.

Мы вернулись в дом, игравший на дудочке мальчишка перекувырнулся «колесом», а пожилой господин возобновил неусыпное наблюдение за природой.

— Тебе не хочется взглянуть на город? — спросил Фенсер. — Приятное местечко, если не считать трущоб, но в них ты не попадешь, а если и попадешь, то сочтешь их

занимательными.

Мне стало стыдно. Я робко спросила:

— Неужели я такая бесчувственная?

— Ты очень остро чувствуешь, Арадия. Именно поэтому ты видишь небо в просветах между разбитых кирпичей. И ясные глаза ребенка, а не струпья у него на ногах.

— Неправда. Если ты пытаешься уличить меня, я готова признать: да, я стараюсь отвернуться, когда вижу нечто ужасное. Что я могу поделать?

— Да, — ответил он, — если не можешь ничего поделать, убиваться над этим бессмысленно. — Черты его лица заострились, как будто оно вышло из-под руки резчика и лишь затем ожило. Он обратил взгляд прямо на меня. — Мы едем не просто на бал. Танцы — только предлог. Ты впервые встретишься с Реткой. Интересно, какое мнение ты о нем составишь. — Эти слова были произнесены в такой задумчивости, что я поняла: это не особенно важно, мое мнение о человеке никого не интересует.

— Ретка?

— Мы говорили о нем и раньше, но имени я не называл.

И правда. Я тут же догадалась, кого он имеет в виду. Фенсер заходил по комнате, не видя ее.

— Через месяц, а может и раньше, Крония окажется в руках Кристена Карулана.

— Он собирался стать императором.

— К этому времени он добьется своего. Я точно не знаю, имею ли я право сообщать тебе об этом. И что он значил для тебя...

— Ничего не значил, — сказала я.

— А этот узаконенный брачный союз, который не является настоящим браком... наверное, сердечное преподношение? Ты заключила его с Каруланом, разве нет?

— Ради его удобства.

— А что тебе досталось при дележе добычи?

— Мне не... он оказывал мне покровительство. Не знаю. — Вся эта путаница пугала меня и наводила скуку, прошлое не совсем еще превратилось в Тень, но славным уже никак не казалось.

— Значит, он использовал тебя, а ведь судя по твоим словам, он тебе не особенно нравился. Арадия, ты живешь как во сне. А кто-нибудь из нас существует для тебя на самом деле?

— Ты.

— Нет, звучит неубедительно, — сказал он. И, отвлекшись от своих мыслей, увидев меня, добавил: — Кого же ты видишь, когда смотришь на меня? Не сомневаюсь, замечательного человека, об этом говорят твои глаза.

Я не сумела ничего ответить ему, но эти слова меня обидели. Я засыпала себя вопросами; мне показалось, что основы всех моих чувств находятся под угрозой. Он обвинил меня, сказав, что я его не знаю и вдобавок принимаю за другого человека. Так ли это? Он уже углубился в книгу, но я подошла к нему и, глядя на него через стол, сказала:

— Кого и что ты видел, глядя на нее?

— На нее? На кого?

— На Илайиву. Теперь ты видишь ее, когда смотришь на меня. Ведь и это правда, не так ли? Но что она собой представляла? Со мной она была холодна как лед. Она попросила прощения за то, что не любила меня, в тот день, когда покончила с собой. А теперь ты делаешь то же самое.

— Не люблю тебя, — проговорил он. — Я люблю даже воздух, которым ты дышишь. — Он потянулся через стол и схватил меня. — Маленькая красивая кошка — вот ты кто. Глаза твои и кожа... когда я вхожу в комнату и вижу там тебя, как будто вспыхивает свет. Ну, поверь же мне. — Он так и не выпускал меня из рук. Я ждала. — Глядя на тебя, я вижу вовсе не Илайиву. Тогда я потерял всякий ум от желания овладеть чем-то недостижимым. А потом она превратилась в символ всего происшедшего. Из-за того, как она

умерла.

— Ей не было нужды умирать. Она сама так решила.

— Ах, не суди жестоко, малышка. Ты же не знаешь. Ты ощущала только исходивший от нее холод. А ей приходилось в нем жить. Она так и осталась монахиней, посвятившей себя богине.

Я подождала еще, но мы оба уже погрузились в долгое молчание. Он приласкал меня и выпустил из рук.

Тогда я спросила:

— Какое отношение имеет к нам Кристен Карулан?

— Никакого. Но можно с уверенностью сказать заранее: как только он займет императорский трон, все договоры будут разорваны на кусочки. Крония опять восстанет ото сна и попытается чем-нибудь поживиться. А Кристен Карулан — стратег и воин. Он знает, как нужно действовать.

— Опять война, — глухо пробормотала я. — Но на этот раз она, конечно, будет происходить где-нибудь вдали.

— А тебе не кажется, — вкрадчиво произнес Фенсер, — что, приступив к разделке блюда на порции, Карулан не успокоится, пока не заполучит всего?

Мне вспомнились слова Воллюс насчет перекраивания мира и участи, постигшей торт.

— Война затронет все страны, примыкающие к Темериду, — сказал Фенсер. — Карулан попытается прогрызть себе дорогу на Восток. Я ничуть не удивлюсь, если он уже урвал пару кусков у экватора. У Тулии нет ни малейших шансов избежать войны. Слишком уж удобная стартовая площадка вышла бы из нее.

— Сколько пройдет времени, прежде чем...

— Можно примерно подсчитать. Только время и отделяет нас от этого. Год? Китэ необходимо обрести независимость прежде, чем Карулан успеет сюда добраться.

Тулия со своим жирным королем вольна поступать как ей угодно, захочет — пусть сражается, а нет — пускай сдается. Но если Кирения и Китэ, не имея права собственного голоса, окажутся втянуты в эту перебранку, им не миновать увечий и гибели. Арадия, в этой маленькой элегической деревушке среди элегической нищеты... люди и так еле-еле сводят концы с концами. Представь себе, что с ними станет, когда произойдет вторжение, когда Саз-Кронианская империя и Тулия вцепятся друг другу в горло, а пол-Темериды у них за спиной утонет в дыму.

— Ретка — предводитель, за которым ты последуешь, чтобы добиться свободы для Китэ.

— Его мать — киренийка, отец — тулиец. А бабушка по материнской линии — восточная принцесса из Тараса с зеленовато-черными волосами. Так он ее описал.

— Ты повстречал его в доме у Мейи?

— О нет. Но там я услышал о нем. А познакомился с ним здесь.

— Дело освобождения Китэ означает для тебя искупление грехов, — сказала я. У меня одеревенели губы, язык с трудом ворочался во рту. Я пристально глядела в окно на сад, на изогнутый дугой берег моря, пытаюсь привыкнуть к мысли о том, что это и есть Китэ, о котором мы вели речь и которому так необходимо обрести свободу.

— Мне вовсе не следовало говорить тебе об этом, Арадия. Что значит искупление грехов? Я хочу справедливости, и не важно, откуда она возьмется. Не важно, каким образом можно ее добиться от этих обрюзгших, нечистоплотных королей, от ненасытных империй. Да, верно, Зулас Ретка — человек, от которого в основном зависят грядущие события. Ты перестанешь в этом сомневаться, как только увидишь его.

— Я выслушала тебя и уже не питаю ни малейших сомнений на этот счет.

Тут я заметила, что он смотрит на рисунок, который я сделала, просто чтобы отвлечься, ведь здешние жители очень бедны и подобные вещи им ни к чему. Один из обычных для меня рисунков: две девушки беседуют друг с другом, стоя среди смоковниц, оплетенных вьющимися растениями, а возле их ног лежит ручная лев.

— Мир видится мне иначе, — сказала я. — И я знаю, он совсем не такой.

— А ты переделываешь его, пытаешься изменить к лучшему, — отвечал Фенсер, — и я стремлюсь к тому же. Если боги что-нибудь и создали, они оставили слишком многое на волю своего детища. Оно превратилось в монстра. А мы ломаем форму, послужившую при отливке, и начинаем сызнова.

На него падал проникавший сквозь окно свет, и казалось, он весь объят пламенем, он горит. В такие минуты Тень оставляла его в покое. Разве могла я спорить?

3

Я стояла, надев шелковое платье земляничного цвета, а портниха хлопотала надо мной, вооружившись булавками.

— Талия немного широковата. Надо убрать, вот тут и тут. Мадам, уверяю вас, мы шили все точно по меркам. Быть может, госпожа считает себя полней, чем на самом деле. Или мадам стала ту же затягивать корсет?

Но мне не захотелось брать на себя вину за ее ошибки или даже за свои собственные. Я ждала, не говоря ни слова, глядя на свое отражение в длинном зеркале. Я сомневалась, что такой цвет пойдет мне, но если чуть-чуть подрумяниться, будет хорошо. Его выбрал Фенсер. Вероятно, ему осточертели мои вечные сине-зеленые тона. Во время танцев нижняя юбка из пунцового материала станет бросаться в глаза, и у меня есть серебристые балльные туфельки и серебряные сережки, приобретенные нынче утром в Эбондисе, — так покупают игрушки капризному ребенку. Он хотел подарить мне еще и кольцо, но я не согласилась расстаться с дельфинами.

Когда платье дошили и я в последний раз примерила его, в зеркало заструились лучи заката. Я вспомнила, как в Крейзе мне впервые открылся новый облик. Где-то теперь Воллюс... где все они? Да, это правда, хоть и жутковатая: один лишь Фенсер, когда мы не вместе, не теряет для меня реальности.

Я подкрасила лицо (как легко это делать, я набила руку), а парикмахерша уложила мне волосы и вплела в них надушенные искусственные цветы земляники, затем я сошла вниз и направилась к наемному экипажу.

Фенсер поджидал меня на лестнице — блистательный, одетый по последней моде; лосины как вторая кожа, светлые кожаные башмаки, шелковый плащ цвета вечернего неба.

— Богиня, — проговорил он, усаживаясь в экипаж.

— Ты выглядишь еще роскошней, чем я.

На крыши Эбондиса неспешно спускалась бархатистая тьма. Мимо нас промелькнул храм с высокими колоннами. Величина, богатство и современность города оказались для меня неожиданностью, я ожидала скорей увидеть что-то вроде Дженчиры. Но в нем пролегали широкие мощеные улицы, а крыши вздымались ввысь, словно утесы. Губернатор Китэ проживал сейчас в находившемся здесь летнем особняке. К этому дворцу мы и отправились.

У высокого крыльца горели факелы. Даже сады нарядились в бусы из разноцветных фонариков.

— Смотри, что можно получить, проявляя должное уважение к королям, — сказал Фенсер.

Сотни окон фасада струили свет нам в лицо.

Верхнюю площадку крыльца охраняли стражники и две статуи богов, мужская и женская; мундиры и увенчанный розами мрамор.

Лакеи в золотых ливреях, похожие на огненных ящериц, провели нас в дом.

Стояла теплая ночь, и я порадовалась тому, что мои плечи, на которые падал свет пяти огромных люстр, ничем не прикрыты. В Крейз Хольне устраивали небольшие балы, но они проходили куда более сдержанно, чем этот. Мне кажется, кронианцы относятся к такому занятию, как танцы, с некоторым недоверием, столы для азартных игр им куда больше по

вкусу. А на Китэ пляшут от души. За первый час тараску протанцевали шесть раз, да еще тулийский кайон; я видела, как жители Ступеней исполняли этот танец, но не в столь буйной манере...

Поначалу Фенсер не отходил от меня ни на шаг, хотя самые солидные из мужчин в элегантных нарядах, при золотых кольцах то и дело обращались к нему со словами приветствия. Они склонялись над моей рукой, легонько щекоча мне пальцы усами, — так принято на Китэ. Их дамы с улыбкой взирали на меня поверх вееров. Мы почти все время танцевали и подолгу не засиживались. Но стремительный кайон ужасно напугал меня, и мы пропустили этот танец. Тогда к нам подошел молодой человек; усы — как хризантема, красиво расшитый камзол поверх столь же изящной блузы, а на ногах целый цветник.

— Завион, вы не позволите мне пригласить вашу жену на променад?

И Фенсер, приветливо поглядев на меня, сказал:

— Сжался над ним, ладно?

Я приняла приглашение. Я уже отметила, что каждый мужчина может пригласить любую из женщин, таков здешний обычай.

Цветник повел меня к парам, танцевавшим променад; двигался он изящно, легко и проворно, но что мне в этом толку, если он не желал брать на себя роль ведущего?

— Вы — самое соблазнительное существо на сегодняшнем балу, — сказал мне Цветник. — А вы видели жену губернатора? Похожа на неряшливо перевязанный сверток. Но придется хоть раз пригласить ее. Пожалейте меня опять, пообещайте в качестве вознаграждения еще один танец.

Фенсер сказал мне, как зовут этого человека и какое положение он занимает (какой-то высокий пост при губернаторе), а я, естественно, все позабыла. Мы стремительно скользили по залу, и я пообещала ему еще один танец, мысленно спрашивая себя, как мы справимся, если танец окажется из буйных, ведь по этому человеку не разберешь, что от меня требуется.

Когда он отвел меня обратно к стулу, на котором я сидела, Фенсера и след простыл, но сбившиеся в кучку дамы приняли меня как запропастившуюся сестру.

— Вашего мужа позвали не куда-нибудь, а в губернаторский уголок. — Эти слова произнесла золотоволосая женщина в полосатом платье. Сколько же на Китэ блондинок, я уже почти решила, что отстаю от моды.

— Но мы, девушки, должны сплотиться и дать отпор этим несносным мужчинам, — сказала вторая, в красновато-коричневом платье; среди завитков в ее прическе увядали живые цветы олеандра. — Уйти и бросить нас. Какая гнусность.

Они замахали веерами и остановились, лишь когда ветерок слегка растрепал им локоны.

Начали составлять пары для нового танца, и к нам потоком устремились мужчины. Вопреки воинственным своим речам блондинка в красновато-коричневом наряде первой умчалась прочь. Возле меня возник кавалер, он пригласил меня на галоп — танец, состоящий из небольшого количества фигур, но требующий обширного пространства.

Во время перерыва, когда возникла возможность поговорить, он воскликнул:

— Вы — самая изысканная дама в этом зале. Кто вас сопровождает?

— Мой супруг, — отвечала я.

— Супруг? Вы вышли замуж в младенчестве? Кто же этот счастливец?

Я сказала, кто. Он тут же повел себя иначе, проявляя почтительность.

При помощи умозаключений мне удалось кое в чем разобраться. Но понапрасну я оглядывалась, пока мы проносились в танце то в одну сторону, то в другую, высматривая Фенсера. Губернаторский уголок представлял собой нишу, где находились позолоченные сиденья с парчовой драпировкой, возле нее постоянно мелькали лакеи в ливреях, подходившие представиться господа, а платья дам, густо усыпанные блестками, играли вспышками огней, словно фейерверк.

В бальном зале и, вероятно, при дворе губернатора говорили на тулийском языке без примеси диалекта Китэ. (Впрочем, тулийский стал для меня домашним языком. Мы с

Фенсером никогда не переходили на родную речь, хотя иной раз обменивались фразами на кронианском.)

— Губернатор сейчас вон там, — сказал мой партнер; мы пробирались сквозь пеструю толпу танцующих, юбки дам бились друг о друга с такой силой, что я подумала: сколько же блесток с них слетит. На моем платье не было ни одной. Мало-мальски приличная блестка стоила пятнадцать лильдов.

Я повернулась, и прядь чьих-то волос хлестнула меня по лбу.

— Извините, — выдохнула я, — мне хотелось бы присесть.

Он подвел меня к стулу, испугавшись, как бы мне не стало дурно. Я попросила его принести из буфетной вина со льдом.

Губернатор снова скрылся за частоколом из человеческих фигур. По залу проносились скользкие вихри, вспышки света. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Мне понравилось танцевать с Фенсером, но все прочее давалось мне с трудом, я, как обычно, испытывала неловкость. Между мной и этим миром нет взаимосвязи; как и в случае с заказанными мною платьями, мы совершенно не подходим друг другу, несмотря на тщательно снятые мерки.

Да и что здесь, собственно, происходит? Интриги, пантомима, тайное собрание под прикрытием занавесей... недоступные покои мужской дипломатии. Или он встретил женщину, чье общество предпочитает моему? Эта мысль испугала меня. Раньше такое не приходило мне в голову, не в силу самомнения, а потому что все наши отношения, несмотря на многочисленные встряски, складывались правильно.

— Мадам, позвольте представиться, — проговорил мужской голос где-то у меня над головой.

Мне показалось, будто он отдается звоном у меня в ушах, такое в нем было полнозвучие и невероятная, но без труда сдерживаемая мощь. Тень упала на меня, закрыв целиком. Я подняла глаза и посмотрела ему в лицо, а он сказал:

— Я — Зулас Ретка.

Мне доводилось несколько раз встречать уроженцев Востока, в Дженчире, да и на Китэ. Но никогда еще мне не попадался человек, в котором черты жителей побережья Оксиды сочетались бы с желтоватым цветом лица и маслянисто-черными волосами. А теперь я его увидела. Поразительная картина. В ярком свете множества свечей он походил на идола из желтой бронзы — большие черные глаза, дымные смоляные брови и роскошная шевелюра — лавина волос, напоминающая извержение черных побегов плюща или другого крепкого, блестящего, неумемного растения.

На нем — одежда кроваво-красного цвета с воротом, богато расшитым золотой нитью, наподобие какого-нибудь женского платья. В ухе поблескивает золотая серьга. В этом наряде внешность его кажется еще более варварской; возможно, поэтому Ретка и сделал такой выбор.

Ретка уродлив: несмотря на высокий рост, его тело, покрытое наслоениями мускулов, отличается грубостью очертаний. А перекошенное лицо с неровными выбоинами, будто топором вырубали. Лишь глаза у него замечательные, и волосы великолепны.

Он протянул ко мне желтую бронзовую руку, приподнял мою и склонился над ней, не притрагиваясь. Он брил усы.

— Найти вас оказалось нетрудно, — сказал он. — Только такая жена и могла быть у Фенсера. Тончайший фарфор. Что ж, если вам угодно, пойдемте разыщем его.

Он загипнотизировал меня. Сама того не желая, я поднялась на ноги. Он взял меня под руку и повел сквозь толпу людей. Толпа расступилась перед ним как перед колоссом.

Облаченный в шелка, увешанный медалями губернатор сидел в кресле. Он шутил, смеясь и попивая вино в компании двух других мужчин, смотревшихся не менее броско. Губернатор был мелковат; впрочем, возможно, такое впечатление сложилось у меня из-за того, что я увидела губернатора вслед за тем, как оторвала взгляд от ослепляющего Ретки.

— Ах, Ретка, — сказал губернатор, глядя снизу вверх — так смотрит школьник на человека, вызывающего у него страх и восхищение. — Кого же ты привел к нам на сей раз?

— Самую красивую из всех дам в этом зале, — отвечал Ретка.

Губернатор лучезарно улыбнулся мне. Я сделала реверанс.

— Да-да, — проговорил губернатор, — обворожительна.

— Жена моего друга, Завиона.

— Ах, вот как, — сказал губернатор.

И тогда Ретка повел меня в глубину ниши, мимо губернатора и к выходу в коридор. Слуги с подносами сновали туда-сюда, на часах застыли, словно восковые фигуры, охранники. Я заметила распахнутую дверь в буфетную, там стоял Фенсер и беседовал с другими мужчинами.

Я подумала, что Ретка подзовет их или по крайней мере постарается привлечь внимание, но нет. Он повернулся ко мне и повел меня обратно, минуя (между прочим) губернатора, в бальный зал, где как раз составляли пары для двенадцатой в тот вечер тараски.

— Ну и болваны, — сказал Ретка, — пусть себе спорят, раз им этого хочется. А мы с вами будем танцевать.

Я хотела отказать ему, но не сумела выдумать подходящего предлога. Пожалуй, он не поймет меня.

Я почувствовала, как его гибкие руки крепко обхватили меня. А когда зазвучала музыка, поняла, что его тело, грубовато вылепленное, скользит в движении, как шелковый шнурок. Он оказался неподражаем в танце и уверенно вел меня за собой.

За ужином мне довелось увидеть любовницу Ретки, мне специально указали на нее. Она получила приглашение на бал, будучи женой другого человека, сей снисходительный муж служил в суде. Ее звали Сидо, это скорее прозвище, чем имя, каламбур, в основе которого лежит тулийское слово, означающее «серебряный кубок». Серебро присутствовало и в ее наряде — белая вышивка на серебристой ткани; в огнях свечей она походила на заглянувшую с визитом луну. Волосы ее были черны как сажа, она укладывала их в довольно строгую прическу, зачесывая наверх к макушке, обнажая классическое лицо, но оттуда они потоком струились к земле, словно несущий цветы водопад. Это называлось Хлыстом Сидо; на время танцев она закладывала их под кушак для безопасности.

Ужин для губернатора подавали не в буфетной, а в отдельных покоях.

Ретка отвел меня туда, и я в замешательстве подумала: а вдруг Фенсер не попал в число приглашенных, но тут появился он, а Ретка засмеялся и ушел, заняв место подле губернаторской жены (неуклюже перевязанного атласного мешка), и принялся смешить ее.

Фенсер ничего мне не сказал ни по поводу моей встречи с Реткой, ни насчет своего отсутствия. Он вел беседу со мной и с соседями по столу в остроумной светской манере, а я по мере возможности участвовала в общем разговоре.

На ужин подавали деликатесы, ничем не напоминавшие вкусную крестьянскую еду из деревни Ступени. На столе появлялись чаши с вином, они пустели, изменяя цвет, и на их месте возникали новые.

За пределами этих покоев по-прежнему звучала музыка, слышался шум танцев. Как выяснилось, нас ожидал концерт для узкого круга слушателей.

Мы поднялись в зал этажом выше, дамы расположились на обитых плюшем диванах, затем пришли музыканты; они заняли места у инструментов, двух арф и клавесина. При первых же звуках музыки кавалеры потихоньку ретировались через балконные двери и все до единого удалились.

Они проделали этот маневр в столь сдержанной манере, что, пожалуй, он не выглядел странно. Во всяком случае, никто и словом не обмолвился на сей счет: ни сидевшая на диване мешковатая жена губернатора, ни серебристая Сидо, продолжавшая обмахиваться веером, похожим на лебединое крыло. Случившееся обескуражило только меня.

Мужчины отправились обсуждать дела, но танцующие этажом ниже обитатели Эбондиса будут полагать, что они внимают звукам арф и клавесина в зале для концертов. Хитро задуманная уловка.

А музыка все лилась, не смолкая. Я порадовалась тому, что за спиной у меня незатворенные окна, из которых веет прохладой. В комнате стояла жара и удушающий аромат духов и цветов.

4

Наверное, прошел час, но, казалось, клавесин не намерен смолкать, а я уже настолько истомилась, что встала и, не говоря ни слова, выскользнула через балконную дверь на террасу.

Я сразу же ощутила невероятное облегчение и некоторые угрызения совести. Предполагалось, что я буду спокойно сидеть наряду со всеми, погружившись в легкий коматоз, навеваемый мелодичными звуками безупречно построенных вариаций, которые показались мне все на одно лицо, будто бесконечно повторяющаяся одна и та же тема. Вместо умиротворения это повергло меня в бешенство. Удрав, я постояла в нерешительности, чтобы проверить, не заметил ли кто-нибудь, что я манкирую обществом, но никто не вышел следом за мной.

Оказавшись у перил террасы, я посмотрела вниз. По эту сторону здания находились лишь сады с фонарями, пара стражников совершала обход. За стенами виднелись городские крыши.

Ночь была прохладной, наполненной запахами деревьев и шелестом человеческого брожения. Мне не доставало шороха моря. Затем послышались голоса, говорили в повышенном тоне.

Окинув взглядом террасу, я заметила тонкий лучик света, упавший на мозаичные плитки. В той комнате неплотно прикрыты занавеси — в комнате, где мужчины что-то обсуждают.

Я стала осторожно продвигаться в ту сторону, предназначенная для женщин музыка зазвучала тише, и я услышала, как мужчины опять разразились криками, на этот раз еще более громкими. Стало быть, обстановка накаляется.

Я почувствовала любопытство, но в то же время какое-то отвращение шевельнулось во мне. Вероятно, всякий лазутчик не только получает преимущество, но и сталкивается с неприятностями.

Занавеска откинулась или соскочила с карниза, и там образовался широкий проем. Я посмотрела в вертикальную желтую щель и тут же увидела губернатора, походившего теперь на рассерженного ребенка; он сидел в обитом бархатом кресле, притопывая ногой и сверкая пряжкой на туфле; думаю, в пряжке был алмаз. Другой человек то появлялся в поле зрения рядом с ним, то снова исчезал; он размахивал рукой, всячески выражая несогласие, и так и сыпал отрицаниями: нет, не, никогда.

Затем все окно заслонил кроваво-красный наряд Ретки; я мгновенно отпрянула, хоть он и стоял ко мне спиной.

— С вашего позволения, Оберис, пусть губернатор высказывается за себя сам.

Красная пелена в ожидании застыла на месте, загорая свет.

Я услышала, как ретивый спорщик, которого он назвал Оберисом, сказал:

— Прошу прощения у губернатора. Насколько я понял, он...

— Оберис просто высказал мою точку зрения, — пронзительным раздраженным голосом произнес губернатор.

— Ах, значит, и в самом деле «нет».

— В такое-то время да еще в таком климате. Ретка, будьте благоразумны.

— О, разве я неблагоразумен? — Голос Ретки ласкал слух и таил в себе опасность. Он отошел от окна. И тогда в поле зрения появились еще трое мужчин. Одним из них оказался Фенсер в своем синем камзоле. Он стоял, опираясь на резной комод, не сводя глаз с Ретки, на его лице застыли собранность и угрюмое выражение. — Но, видите ли, мне казалось, — Ретка перешел к решительному, разящему наповал удару, — что у короля не может быть

возражений против наличия войск на Китэ. Оно избавит его от массы хлопот и неприятностей, когда Крония обнажит когти.

— Между нами и Кронией существует договор, — возразил губернатор. Голос его звучал уже не просто брюзгливо, а встревоженно.

— Крония заключила договор с половиной стран, примыкающих к Темериду, — отвечал Ретка. — Неужели вы полагаете, что странам это поможет? Имеется еще и договор о торговле с Кандиром, которым Крония воспользуется, чтобы проникнуть туда. А костер, в котором сгорят остальные договоры, послужит для освещения, при котором кронианцы смогут составить дальнейшие боевые планы.

— Крония. Этот вечный страх перед Кронией.

— И эта самая Крония вечно на марше. Ведение войны для Саз-Кронианской империи все равно что починка сетей для рыбака, сэр. Повседневное занятие. Если вам нужны тому подтверждения, обратитесь к Завиону. Как вам известно, он провел некоторое время и в одной, и в другой столице Севера. Он видел этого неоперившегося императора собственными глазами. И не подумайте, что Кристен неопытен, раз только-только пришел к власти. Он участвовал в боях с десятилетнего возраста. И заседания совета ему тоже не в диковинку.

Губернатор вдруг топнул ногой, как капризная девушка, и алмаз ярко сверкнул.

— Не желаю больше слушать! Неужели вы считаете, что тулийский монарх пожалует Китэ право на создание собственной армии для защиты отечества?

— У Тулии, — ответил Ретка, — скоро будет своих хлопот по горло.

— Да, я понимаю, к чему вы клоните. Мы вооружимся, а потом вырвемся на волю.

— Разве я сказал об этом? — спросил Ретка.

— Вы никогда ни о чем не говорите прямо. Вы обходитесь намеками и предположениями. Ретка, с меня хватит. Подобные идеи изрядно будоражат душу. А теперь давайте вернемся к нашим дамам.

Губернатор встал.

И вдруг Ретка заявил:

— А дамы уже тут как тут, — и, снова подойдя к окну, резко распахнул его и застыл, глядя на меня. — По крайней мере одна из них.

Никакие отговорки не помогут. Мне оставалось лишь вскинуть голову и посмотреть ему в глаза. Вид у него был вполне дружелюбный. Похоже, происшедшее позабавило его. В конце концов, разве может представлять собой угрозу девушка в густо-розовом платье, залившаяся еще более густо-розовым румянцем.

— Арадия, — сказал Фенсер.

И тут я дрогнула, ведь, конечно же, я провинилась перед ним. Но Ретка повел меня в комнату, и тогда мне показалось, что и Фенсеру тоже смешно, не более того.

— Видишь, как она по тебе скучает, — сказал Ретка. — Ох уж эти молоденькие жены.

Мне следовало бы радоваться, что я так легко отделалась. Но что-то словно подтолкнуло меня, и я проговорила:

— Прошу прощения, господа. Я пришла узнать, почему вы так громко кричите.

Ретка разразился громогласным хохотом.

— Что ж, вот нас и поставили на место. — Он отвесил поклон губернатору, глядевшему на меня не то с сомнением, не то с досадой. — Сэр, прошу вашего позволения вернуться к танцам. Пойдемте, Завион. Да, Оберис, прихватите Сидо, она там, верно, вконец засиделась.

Таким образом нам удалось скрыться с глаз высокой особы. Губернатор жестом отпустил нас, алмаз слегка дернулся.

Оберис вышел следом за нами на террасу и подхватил Ретку под локоть.

— Зулас, ты напрасно его сердишь.

— Знаю, он как осел в стойле. Стоит дать ему пинка, иначе он и с места не сдвинется.

Оберис нахмурился. Он и был тем самым снисходительным супругом — седовласый, с большим животом и странными, очень молодыми, как у мальчишки, глазами.

— Хорошо бы нам поговорить на эту тему, — сказал он Ретке, — завтра утром.

— Прекрасно. В какое время вам удобнее?

— В десять часов. И еще... будьте любезны, составьте компанию моей жене. Мне придется уйти. Сегодня вечером в суде слушается дело по вопросу о взяточничестве.

— Почту за честь и удовольствие, Оберис.

Тот кивнул, торопливо зашагал по террасе, обогнул угол стены и скрылся. В желтой комнате продолжались дебаты. Мне удалось различить голос Цветника и заметить, как он, рисуясь, остановился у окна, но потом губернатор велел ему задержать занавеску.

— Мы несколько поспешили, — сказал Ретка Фен-серу, — и навлекли на себя немилость.

— И что теперь?

— Завтра утром я приласкаю Обериса, и с его помощью мы добьемся своего. У Китэ будет своя армия, и обучением бойцов займутся такие умелые воины, как ты. А на долю губернатора останутся игра на скачках да марципаны. Он упустил свой шанс.

Я шла между ними; оказавшись у окна комнаты, где играли музыканты, я увидела, что концерт закончился. Блистательная Луна словно по магическому сигналу повернула голову, встала и сразу же подошла к Ретке.

— Он приносит свои извинения, работа в суде, — сказал Ретка. — Сидо, нам с тобой придется утешать друг друга, чтобы смягчить потерю.

Они отправились прочь, ступая по плитам террасы. Последние лучи солнца заиграли блестками на ее платье, словно никак не желая отрываться от нее.

— Дама у окна, — сказал Фенсер.

— Мне очень жаль, что я...

— Губернатор подумает, что ты состоишь на службе у кронианцев.

— Вполне возможно, если ему известно мое прошлое.

— В той мере, в какой это касается губернатора, у нас с тобой нет прошлого. Давай спустимся вниз и потанцуем.

Мы принялись танцевать в зале, ярко освещенном люстрами. Он больше не отпускал меня ни на миг, даже когда явился Цветник, чтобы пригласить меня на обещанный тур, Фенсер сказал, ему хочется, чтобы я все время оставалась рядом.

Ретка и его лунная богиня куда-то запропастились.

Лишь наутро, уже вернувшись в комнаты, снятые в Эбондисе, Фенсер объявил мне, что станет жить в городе. Он получил должность на службе у Ретки. Ему необходимо оставаться поблизости. А мне будет куда веселей в стороне от всего этого, возле моря, столь благотворного для меня, помогающего сохранить мою красоту.

Я было подумала, не закатить ли сцену, по-женски, с плачем, воплями и расшвыриванием вещей вроде обездоленной возлюбленной из какой-нибудь театральной пьесы. Но я сочла это бессмысленным. Подобная сцена лишь оставит в душе темное пятно и неприятный привкус перед разлукой, которая, похоже, неизбежна.

Между городом и местом, расположенным дальше по побережью, курсирует пассажирский дилижанс, на котором я смогу добраться до старой проселочной дороги, ведущей в Ступени, оттуда несколько часов ходьбы до дома. Мы с Фенсером частенько забредали туда во время прогулок. На дворе лето, и две крестьянки, с которыми я познакомилась возле печей, когда готовила еду, отправятся той же дорогой. Я сама решила, что лучше всего мне добираться таким способом. Раз уж я в тягость Фенсеру, надо мне с ним распрощаться как можно скорей.

Выйдя из дилижанса, я избавилась от попутчиц, сказав крестьянкам, что мне хочется заглянуть к известной по всей деревне знахарке, которая жила на склоне вздымавшегося у дороги холма.

Похоже, они ничуть не удивились. Я догадалась по их понимающему виду: они решили, будто я беременна и хочу либо убедиться в этом, либо избавиться от плода.

Но на самом деле у меня не было такой причины, да и вообще ни малейшего повода

для посещения знахарки. Она не в силах мне помочь. Я уже ломала над этим голову. И ответа не нашла.

Я хотела его любви и, вероятно, добилась ее. Но мы существовали отдельно. Его тело утоляло мой голод. Но ум и сердце оставались за прикрытым ставнями окном. Мне удавалось посмотреть сквозь щелочку на свет и кое-что заметить мельком, но стать частью происходящего внутри него я не могла.

Так было всегда. Ничто из виденного мной не убедило меня в обратном. Даже моя мама, которая последовала за папой в украшенную башнями клетку для смертников, даже ей приходилось разлучаться с отцом и жить со мной, хотя — о, я ничуть не сомневалась в этом! — она всей душой желала лишь одного: остаться с ним. Она стойко переносила испытания, не теряя обаяния. Научусь ли я вести себя так же?

Я напрасно задержалась в дороге, позабыв о вероятной опасности, а может, мне было все равно.

День сгустился, на всем вокруг лежала позолота. В траве пробежали зайцы. В какой-то момент мне показалось, будто я вижу на одном из высоких уступов козерога, застывшего среди прозрачного золота. Дикая мята, лаванда и шафран окутали холмы дымкой; я слышала, как журчит речная вода. В небе, подобно божеству, парил орел. От всей этой красоты у меня еще сильнее сжалось сердце. Стоило моей душе потянуться к радости, как тут же являлось напоминание, жгучая боль утраты, а возможно, и предчувствие.

Но тем не менее все, что когда-либо принадлежало мне, еще не потеряно. Я и раньше знала, что нынешних событий не миновать, и они не могут вызывать у меня страха.

Деревня показалась перед закатом. Я обрадовалась этому, поскольку понимала, что мне не следует в одиночку бродить в темноте среди холмов.

После захода солнца познается своеобычность острова. Словно где-то в глубочайшей впадине под тобой шевелится многовековая змея — древность этой земли. И тогда воздух начинает дрожать, появляются маленькие расплывчатые вспышки остаточного свечения среди облаков, а на поверхность моря ложится фосфоресцирующий след. Восходит Веспаль, звезда Исибри, ослепительная жидкая жемчужина.

Я прилегла на склоне холма и плакала до тех пор, пока не прилетел ветер, не погладил меня по волосам и не сказал, что мне пора уходить, пора отправляться домой, ведь у меня есть дом и есть любимый. И я должна быть довольна.

Но когда я добралась до дома и зашла внутрь, наши комнаты показались мне пустыми и заброшенными, как будто мы уезжали на целый год, и я никак не могла понять, что же мне тут делать среди сгущающейся ночи, не могла вспомнить, как надо жить. Я присела у стола и стала слушать, как шумит море, а пальцы мои все двигались, ощупывая то контуры кольца с дельфинами, то сучок в дереве столешницы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Лето было в разгаре, стало так засушливо и жарко, что даже море казалось сухим. Весь день напролет щелкали огнивом сверчки, а ночью к их трескотне добавлялись вздохи океана. Я завела привычку ночевать на террасе, подкладывая под себя несколько одеял, и пока я спала, какие-то незримые злодеи-насекомые вдоволь напивались моей кровушки — до тех пор, пока я не раздобыла в деревне мазь, которая пришла им не по вкусу.

Теперь я снова стала спать днем. Вернувшаяся привычка казалась мне отвратительной. Я понимала, что в ней выражается мое состояние летаргии и беспомощности, никудашные перспективы моей жизни. Сны, видевшиеся мне днем, зачастую бывали странными и страшными. Все дурные воспоминания приползли обратно. Иногда мне снилось, будто ночью мы с Фенсером врозь оказались в городе с высокими домами. Меня затолкали в толпе

и отдели в сторону. И никто не хотел сказать мне, куда он ушел, а я знала, что найти его необходимо. Но мне так и не удалось этого сделать.

Я заставляла себя выходить на прогулки и слонялась по округе. Я собирала цветы, плоды, а иногда росшие на холмах дикие травы, которые приносила домой и сушила для приправ. Я часто радовалась, гуляя на солнышке, когда за дымкой из пыли и света все окружающее виделось мне не совсем ясно. При мысли о Фенсере радость как рукой снимало.

Теперь он появлялся у меня в качестве гостя. Он приезжал на мыс раза два в месяц на ухоженном коне из городской конюшни, который теперь перешел в его владение, а если связанные со службой дела не позволяли ему навестить меня, я всякий раз получала письмо. Он привозил мне подарки: бусы, браслеты, прозрачные шарфы, расшитые золотой нитью. Прибравшая у нас в комнатах девушка готовила что-нибудь необычное на ужин. Она чуть ли не добела выскребала столешницу, обмахивала метлой потолок, а когда мы с ней застилали кровать, подолгу глядела на подушку, на которой, по ее мнению, спал Фенсер. Она завидовала тому, что у меня такой молодой красивый супруг. Конечно, ведь если у нее и был свой муж, он уходил в море на рыболовном судне и отсутствовал по нескольку месяцев, а мог и вовсе не вернуться, если море пожелает призвать его к себе.

Первые проявления жадного желания после воздержания смущали меня, но Фенсер относился к ним положительно. Я так жаждала его, что теряла всякий разум, а он вел меня сквозь слабость и стоны к исполненным восторга небесам, откуда я падала обратно на землю, утратив всякую надежду. А потом не могла найти покоя до конца его визита, который приходился на утро. Дольше Фенсер никогда не задерживался. К приходу полудня я вновь оставалась одна.

Он говорил мне, что я красива. И как хорошо, что я живу не в Эбондесе, ведь там у него всего одна комната, а так он знает, что места у меня вдоволь, и девушка мне прислуживает, и воздух у моря свежий. Город накалился, как печка, там нечем дышать. Не стоит тратить время на то, чтобы там обосноваться, ведь ситуация все время меняется.

Я спросила, удалось ли могущественному Ретке добиться своего.

— А мысль о том, что он мог бы потерпеть поражение, не кажется тебе невероятной?

Да, такая мысль не укладывалась у меня в голове.

Фенсер рассказал мне о деталях разработанной ими схемы действий. Все это так далеко, и кажется, колесики и шестеренки задуманного крутятся довольно гладко. Губернатор, однажды выразив свое мнение, вроде бы стал смотреть на происходящее сквозь пальцы. Он побаивается Ретки, который действительно добился на Китэ такого финансового и политического могущества, что никто не в силах ему перечить. Губернатор не вдавался в споры, а отправился в другое укромное место для летнего времяпрепровождения, в один из провинциальных городков на острове. Тем не менее он санкционировал, хоть и не без опасений, программу обучения молодых людей методам обороны на случай, если в ней когда-нибудь возникнет необходимость... Впрочем, с каждым днем из деревень и с ферм прибывают все новые люди, и из Кирении тоже, ведь независимость является кровным интересом для Кирении.

В северной столице Кронии на голову Кристена Карулана возложили императорскую корону.

Окружающий нас мир по-прежнему весь бурлил.

— Что ты станешь делать? — спросила я Фенсера, сидя с ним в сумерках на террасе и попивая вино.

— Видишь горы, там, в глубине Китэ? Для обучения военному ремеслу лучше места не отыскать. По вершинам рассыпаны старинные крепости. Орлиная твердыня.

Когда-то в городе он состоял в полку Орлов. И навсегда остался воином, который привык командовать солдатами, проводить дни по определенному распорядку; ему не доставало лишь руководителя, который заслуженно пользовался бы почетом и доверием. Как и любой солдат, участвующий в бою, он хотел знать, кому присягнул на верность, и, отправляясь на битву, чувствовать за спиной надежную скалу.

Мне хотелось бы побольше услышать от него о Ретке, о его гордости за этого человека, но он говорил: «Подойди, поцелуй меня», и только.

Когда-то прежде я пожелала его любви. И кроме нее, ничего не добилась. Я — хрупкая тростинка, он не станет на меня опираться. Он пытается защитить меня от всего, что рождает во мне страх.

2

Летом в деревнях Китэ отмечают праздник Дорнойя. Я не знала, как именно это делают, но предвидела некоторый разгул, ведь он связан с легендой о бракосочетании бога с какой-то принцессой, обитавшей на острове. За час до рассвета я услышала пение женщин, странный плач со множеством отголосков; с восходом солнца его сменили хвалебные возгласы, крики и удары в гонг. Спать при этом было невозможно. Я оделась и вышла на террасу посмотреть. Вверх по лестнице, проходившей через деревню, бежали молодые люди, чью кожу летнее солнце уподобило меди гонгов, и вылепленные из меда девушки с вплетенными в волосы кистями винограда; они держали в руках посохи, увитые виноградными лозами и лентами, украшенные цветами и сосновыми шишками. Душе этого бога угодно все, что по форме напоминает кисть винограда: шишки, гиацинты, пчелиные соты. Вместе с ними по лестнице поднимался и сам бог; завитки его волос напоминали по цвету черно-фиолетовый виноград. Он ехал верхом на деревянной пантере, установленной на колесах, которая взбрыкивала на каждой ступеньке. Потом все запели гимн, в мелодике которого чувствовалось нечто восточное. Следом шли люди с тачками, нагруженными вином, рыбой и хлебом, а за ними бежала чуть ли не половина собак деревни. Народ устремился к холмам, и через некоторое время я заметила в воздухе над рощами деревьев синие струйки дыма — на каменных алтарях, которые встречались мне во время прогулок, курились жертвоприношения. Порой до меня долетали звуки музыки, а то и дикие крики, похожие на исступленные вопли одного из творений природы, птицы, а может, и ветра.

Я вспомнила праздник, Вульмартию в Гурце. Сегодня мне не стоит выходить из дома.

Казалось, деревня совершенно обезлюдела, и, поглядев на нее, я спустилась в гостиную, самую прохладную из комнат, намереваясь снова погрузиться в бессмысленную праздность.

Около полудня, когда я лежала в дреме, весь дом заходил ходуном от невероятно громкого стука. Я испугалась и вскочила с кресла, не успев как следует прийти в себя... затем услышала, что по коридору, ворча и позвякивая ключами, идет домоправительница. Двадцать лет тому назад в особняке проживала лишь одна семья, которой требовались ее услуги, да и целая толпа слуг выполняла ее указания. Теперь же всякое вторжение посетителей, так же как и залетных постояльцев, которым приходилось открывать лимонного цвета двери (в прежние времена людям такого ранжира пришлось бы пользоваться черным ходом), наносило удар по ее самолюбию.

Посетители и вправду редко появлялись у парадного крыльца. Те немногие, кому приходило в голову нарушить уединение жильцов, знали наперечет все боковые двери и наружные лесенки.

Спустя некоторое время домоправительница тяжелым шагом прошла обратно по коридору и постучалась ко мне:

— К вам посетитель, господин из города.

Я ответила на это обвинение тупоумным взглядом. Я не поняла, о чем речь.

Но все тут же прояснилось. Следом за ней в коридоре появился фантастический персонаж, упакованный в раззолоченные шелка, с шевелюрой, похожей на хризантему, и рядом цветочных усиков над верхней губой.

— Дражайшая Арадия, — промолвил он. — Я всегда держал за правило праздновать Дорнойя в сельской местности. На этот раз меня занесло не куда-нибудь, а сюда...

Домоправительница отошла в сторону, пропуская его. Он вторгся в мое скромное

обиталище, за ним явился слуга, несший корзину с едой и бутылки с вином.

— Ах, что за буколический у них уголок. Именно так я все себе и представлял. Вести столь простой образ жизни... до чего я вам завидую.

В поисках поддержки я повернулась к домоправительнице, но она бросила на меня исполненный неодобрения и зависти взгляд, а затем отправилась восвояси.

— Я не ждала вас, сударь, — сказала я.

— Сюрприз, не так ли? Но как божественно вы выглядите. На лице совсем нет краски, и волосы распущены... — Он повернулся как на шарнирах, махнул слуге рукой. — Поди займись лошадьми. Да смотри не сбеги с какой-нибудь деревенской шлюшкой. У них тут у всех зудит в одном месте.

Слуга удалился, закрыв за собой дверь, и мы остались вдвоем, Цветник и я. Мне и теперь не удалось вспомнить, как его на самом деле зовут.

— У вас такой удивленный вид, — сказал он. — Вам интересно, каким образом я разузнал дорогу сюда? Я наводил справки крайне осторожно.

— Мой муж сейчас в Эбондисе, — сказала я.

— Разумеется, — ответил он, — мне об этом известно.

Он подошел к столу, выдвинул стул и уселся на него.

— Прошу вас, принесите тарелки и бокалы, — сказал он. — Я умираю от голода.

Я не заметила ни малейших признаков ума в его лице. Казалось, нет никаких оснований его бояться. Я достала тарелку с бокалом и поставила их перед Цветником.

— И себе тоже, — сказал он. — Пожалуйста, не надо капризничать.

Все это было просто смешно. Я поставила на другой стороне стола еще тарелку и бокал. Затем он попросил меня вынуть из корзины еду, а сам откупорил бутылку и спросил:

— Ну разве не чудесно? Выпейте капельку вина. У вас сразу приподнимется настроение. Вам тут, должно быть, чертовски одиноко. Его все нет и нет. Да к тому же сегодня Дорнойя. Знаете, эти ваши крестьяне вовсю предаются плотским наслаждениям среди холмов.

Он станцевал со мной один раз. Во второй ему отказали. А теперь он явился, претендуя на участие в иных плясках.

Я не стала пить его вина. И сказала:

— Видимо, вы что-то недопоняли.

— Да? Что именно?

— Я не знаю, как вас зовут, — сказала я в надежде, что он воспримет эту фразу как эвфемизм, но он лишь улыбнулся, растопорщив лепестки усов.

— Меня зовут Фирью. Принц Фирью. Я состою на службе при губернаторе. Но Ретка ценит мои услуги куда выше. Можно сказать, что Завион и я — два героя в его колеснице. А впрочем, Завион-то вскоре отправится в горы. Вместе с оловянными солдатами. И вы станете видеться с ним еще реже. А я... если вы приветливо ко мне отнесетесь, может случиться, что я нередко буду заезжать сюда по пути.

Фирью принялся за еду. Он назвался принцем, а ел как прожорливый дворник, хватая куски и чавкая, а ведь в отличие от бедных людей голод не мог послужить ему извинением. Вероятно, он и в постели ведет себя так же.

Я не могла понять, с чего он взял, будто доступ ко мне открыт. Скорей всего, просто потому, что я живу тут одна, а сам он настолько неотразим, что любая женщина сочтет его подарком небес.

Впрочем, я не разволновалась и даже не разозлилась именно из-за его идиотизма. Я совершенно спокойно села и посмотрела на него поверх печеной снеди и жареных цыплят.

— Разумеется, вы можете поест у меня за столом, — сказала я, — если вы это понимаете под «приветливым отношением». А что до ваших частых появлений здесь, я нахожу их неуместными и неприемлемыми.

— Вы чересчур осторожны, — сказал он. — Мы и в городе могли бы все устроить. Если два члена одного братства делят женщину друг с другом, в этом нет ничего дурного.

Если лилия прекрасна, — проговорил он, бросив на меня до нелепости восторженный телячий взгляд, — необходимо, чтобы всякий мог вдыхать ее аромат.

— Всякий?

— А кое-кому из небольшого числа избранных разрешается ее потрогать. — Он залпом допил вино. — Посмотрите на Ретку с Оберисом. Оберис почел за честь предоставить ему в пользование Сидо. А ведь какая женщина... — (Восхваление достоинств других женщин, по его мнению, является частью ухаживания.) — Я готов променять десять лет жизни на возможность попробовать, какова на вкус Сидо.

— Тогда лучше бы вам этим и заняться, — отвечала я.

— Я задел чувствительное место? Вы ревнуете, при всей вашей холодности?

Я поднялась на ноги, Фирью тоже; он потянулся ко мне, толчком уронил меня навзничь и прижал к столу. С плотоядным видом он изогнулся надо мной и запустил руку ко мне в корсаж.

— А как вам такое? — ликующе вскричал он.

Я схватила его бокал и выплеснула ему в лицо все, что там оставалось. Он выпрямился и, отплеываясь, что-то жалобно заговорил про свои глаза. Я бросила ему тряпку, которой пользовалась при рисовании, и стала смотреть, как он растирает по лбу ярко-синее пятно. Но мне было не до смеха: он оказался сильнее, чем я предполагала, и действовал весьма активно на свой придурковатый лад.

— Я ввела вас в заблуждение, сама того не желая, — проговорила я, стараясь держаться как можно хладнокровнее. — Прошу вас, поверьте, кроме мужа я никого не хочу.

— В таком случае вам остается только хотеть, не правда ли? Где же он?

— Вам известно, где. Извините, что облила вас вином. Позвольте, я наполню ваш бокал. А потом вам придется уйти. Само собой разумеется, мы навсегда позабудем о случившемся.

Но он опять потянулся ко мне, ухватился за запястье левой руки и попытался укусить меня в шею, а при этом все твердил, какая же я сука, загубила ему рубашку, ведь винные пятна ничем не выведешь.

Вероятно, на этом пришел конец моему терпению. Мне стало несколько страшновато: разумные доводы на него не действуют. Я выбросила вперед кулак и угодила в помеченную синей краской мишень. Он резко отпрянул, издав странный звук, похожий на мяуканье, и неожиданно шлепнулся на стул.

Он выпустил из рук мое запястье. Покачал головой, обругал меня и налил себе еще вина.

— Мне бы хотелось, чтобы вы ушли, — сказала я.

— Вам нравится борьба, — сказал он. — Что ж, давайте поборемся.

Я тоже, не торопясь, присела на стул. Накрывая на стол, я положила ему нож, а теперь схватила его. Этот поступок вызвал у Фирью раздражение.

— Принц Фирью, — сказала я.

— Ох, да положите вы его на место. И не вздумайте размахивать этой тупой штуковиной. Вы меня поцарапаете.

— Нож достаточно острый, — ответила я. — И мне известно, как им пользоваться.

Тут его взгляд, обращенный на меня поверх бокала, несколько изменился. Но он вытер рот рукой.

— Вам не удастся меня одурачить. Я знаю, чего вам надо.

— Как-то раз, — сказала я, стараясь сохранить ровность голоса, — меня изнасиловал один человек.

— Правда? Вам это понравилось?

— Нет. Но ему это понравилось еще меньше. Я его убила.

— Вы? — Он опять расплылся в улыбке. И принялся тщательно выковыривать из зубов остатки пищи. Но взгляд его переменялся окончательно.

— Это произошло во время войны, — сказала я, — в глухом местечке. Он упорно меня

добивался. Но пока он занимался своим делом, я перерезала ему горло... — Что-то подтолкнуло меня, я метнулась вперед и прикоснулась кончиком ножа к шее Фирью под ухом, а он отскочил, уронив стул. — Как раз вот тут. Знаете ли, это, как правило, безотказно действует. Жизненно важная артерия. Это был сильный человек, Фирью, куда сильнее вас. Но он умер, беспомощно захлебываясь кровью.

Фирью в растерянности остановился между столом и стеной, он испугался, а его глаза уже ничем не напоминали снедаемого любовью тельца. В это мгновение я ощутила в себе какую-то невероятную силу. Видимо, мне надоело выступать в роли жертвы. И захотелось самой за себя постоять.

Не выпуская ножа из рук, я двинулась в обход стола, а Фирью отступал, семеня ногами.

— Вы мне отвратительны, — громко сказала я. — Ну на кой пес мне такая тварь, как вы? Пошел вон! — Я сорвалась на крик. Это была не истерика, а яростная ненависть. — Пошел вон, грязный мешок с требухой... — Я принялась шарить рукой по столу, схватила тарелку, на которой все еще лежал цыпленок, и запустила его в Фирью. Тарелка со свистом пролетела у него над головой, а он развернулся и с криком кинулся прочь. Я бросилась следом, словно героиня какой-нибудь скабрешной пьесы, и, все не унимаясь, швыряла в него куски еды, корзину, бутылки с вином, а когда он выскочил за дверь и оказался в коридоре, с воплями погналась за ним; к этому времени я успела обронить нож, но оказавшись он у меня в руках, мне кажется, я покалечила бы Фирью. Я была готова разорвать его на куски.

И вот этот самый принц Фирью покинул мой дом, призывая визгливым голосом слугу и улепетывая что было мочи. Он вылетел через парадное крыльцо, оставив дверь распахнутой настежь; добежав до двери, я тут же с громким стуком захлопнула ее и, внезапно ощутив полное изнеможение, прислонилась к ней. Пока я там стояла, на центральную лестницу дома, прихрамывая, вышел пожилой человек, мой сосед; в руках он держал огромную заржавленную кавалерийскую пику, провалявшуюся несколько десятков лет со времен какой-то военной кампании, в которой участвовали тулийцы. Мы оба не проронили ни слова и лишь с опаской поглядели друг на друга. Через некоторое время, все так же молча, мой сосед вместе с пикой направился обратно вверх по лестнице, шаркая ногами, а я поплелась к себе в комнаты и заперла дверь на ключ.

Потом я затряслась в приступе хохота. А затем разрыдалась от злости.

Вот в таком настроении я села за письмо Фенсеру. Я начинала его раз пять-шесть. Мне мешали кое-какие этические соображения. Я засомневалась, не зная, стоит ли предавать случившееся огласке. Ведь Фенсер и Фирью трудятся на благо одного и того же предприятия.

Я вспомнила, как не посмела рассказать Гурцу об угрозах Драхриса. Неужели с тех пор ничего для меня не изменилось? Неужели и теперь я ни в чем не уверена?

В конце концов я подмела осколки посуды, куски курятины и обрывки своих писем. Наведя порядок в комнатах, я, словно продолжая уборку, принялась укладывать одежду и предметы, которые можно прямо сейчас прихватить с собой.

Часом позже я зашла в каморку домоправительницы. И сообщила, что меня вызывают в город. Не сможет ли она взять на себя заботу о мебели и книгах, которые мне придется пока что оставить здесь? Она завела спор насчет платы за жилье, которую мы внесли за несколько недель вперед. Она все твердила, что не сможет вернуть мне эти деньги. Я сто раз повторила, что не прошу ее об этом. Чуть до драки не дошло.

В середине дня с саквояжем в руках я переступила порог дома, где жил возчик. Я предполагала, что он участвует в праздновании Дорной, и мне придется ждать до наступления темноты, а может, зайти еще раз утром. Но он сидел дома, занимаясь благонравным делом, починкой башмаков. У меня оказалось достаточно наличных денег, и я предложила ему изрядное вознаграждение, если он отвезет меня в Эбондис. Похоже, он и сам был только рад уехать из опустевшей деревни; почему он не пошел на праздник, ума не приложу.

Как бы там ни было, он усадил меня в телегу и повез в город; дорога проходила меж

залитых светом, хранящих тайны холмов.

Я слегка опасалась, как бы мы не нагнали по пути Фирью, но этого не случилось. Он прискакал в Ступени верхом и, вероятно, обратно понесся вихрем, сверкая синим пятном на лбу, спеша убраться подальше от меня.

3

Когда я осталась в одиночестве посреди площади Исибри города Эбондис, в тени храма, затянувшийся летний вечер уже клонился к закату. Моему возчику не терпелось утолить жажду в какой-нибудь из известных ему таверн, а эта площадь показалась мне знакомой, и я сошла с повозки, решив, что дальше отыщу дорогу сама. Но в последние минуты красного свечения солнца все стало выглядеть иначе. Дневной свет вот-вот покинет меня. Небо на востоке уже начало холодеть, тень храма пролегла через площадь. Квартира, в которой мы ночевали после бала, находилась на улице, примыкавшей к Исибри. Только теперь мне уже никак не сообразить, в какую сторону от храма она идет, вправо или влево. Впрочем, место, куда я посылала письма и где живет сейчас Фенсер, расположено за зданием суда, мимо которого мы недавно проехали, но все равно я плохо представляю себе, как оно выглядит.

Надо спросить, как туда добраться. Это связано с некоторым риском. В приливе чувств я позабыла об осторожности и не уложила волосы в прическу, а моя одежда недостаточно элегантна и не настолько неприметна, чтобы служить мне защитой. Мужчины примут меня за деревенскую девушку или, еще того хуже, за проститутку. Женщины могут заподозрить во мне попрошайку, а в лучшем случае решат, что я скитаюсь с места на место. Придется хорошенько подумать, как и к кому обратиться, и, задавая вопросы, быть как можно более краткой.

После нескольких часов, проведенных в тряской телеге, у меня совсем занемели руки и ноги, в глазах стоял отблеск небес над холмами; мне казалось, что я беспомощней, чем когда бы то ни было. До чего же тяжелый у меня саквояж с одеждой и вещами.

Наступила темнота, последние из фонарщиков хлопотали у подъездов зданий. Я уже знала, что уличные фонари есть лишь на центральных артериях города, а в прочих районах жители домов должны заботиться об освещении сами. Я подошла к державшей в руках фитиль служанке и заговорила на тулийском языке, очищенном от всякого акцента.

— Вы не подскажете, как мне попасть на Лютневую улицу?

Судя по ее взгляду, моя личность показалась ей сомнительной, но ответила она вполне любезно. Впрочем, ее указания отличались изрядной сложностью, и, хотя я отважно пустилась в дорогу, вскоре выяснилось, что мне никак не отыскать одну из описанных ею улочек. Я стала думать, уж не перепутала ли она название.

К этому времени я потеряла из виду храм Исибри, который выбрала себе ориентиром. По дороге я миновала несколько нарядных бульваров, вдоль одного из которых протянулись столбы с фонарями; я решила, что нахожусь неподалеку от центральных улиц. Однако потом, после пары поворотов, я оказалась среди скопища убогих запутанных переулков и облезлых домов, чьи узкие зарешеченные окошки служили единственным источником света. Я совсем заплутала в этом квартале. А завидев компанию мужчин, вышедших из питейного заведения, поспешила скрыться.

Я мчалась в панике, надеясь, что никто меня не заметит, потеряв всякое представление о том, куда ведет дорога, — вот я уже пронеслась по крутому спуску рядом с мрачными сточными желобами, от которых исходило густое и еще более мрачное зловоние. Огней почти не видно, и вокруг ни души. Бледно-черное небо у меня над головой оделось звездами, где-то — как мне казалось, очень далеко — вздымались вверх над провалом богатые кварталы Эбондиса. Но меня преследовала мысль: спустившись сюда однажды, можно никогда больше не выбраться. Я было попыталась вернуться тем же путем, которым пришла, но лишь еще сильнее запуталась. Я угодила в лабиринт, и некому вывести меня в безопасное

место.

«Какая нелепость, — изумленно подумала я, остановившись у какой-то стены и опустив на землю саквояж, чтобы дать отдых усталым плечам и рукам. — Я послала дюжину писем на эту самую Лютневую улицу, и они добрались до места, а я нет».

Словно какой-то колдун спрятал ее от меня. Словно возлюбленный мой отгородился от меня и скрылся среди хитросплетений переулков и ночной архитектуры.

Будто заводная игрушка, я продолжала двигаться, пытаюсь пробраться к тем кварталам, где на небо и крыши зданий ложились отсветы огней. Но казалось, мне никак туда не попасть. Темные преграды всякий раз вырастали у меня на пути.

Мне повстречалась стайка спешивших куда-то женщин, они не обратили на меня внимания. А у меня неостало храбрости спросить у них дорогу. Название этой улицы — связанное с музыкальным инструментом — прозвучало бы нелепо среди этого безымянного провала.

У фонтана с холодной как лед водой я вымыла руки и запястья, но побоялась пить воду из-под покрытого толстым налетом ржавчины крана. Стояла тихая душная ночь. Издалека донесся звон храмового колокола — полночь.

Я на каком-то перекрестке, кругом лишь чернота да звезды. Неужели и это Эбондис?

И тут из-за похожих на глыбы безликих строений выплыл яркий огонек — появился патруль городской стражи Эбондиса, один из патрульных нес горящий факел. Эта вспышка света среди мрака скорее пугала, чем обнадеживала. Впервые за истекший час мне повстречались люди. Они свернули в мою сторону, вероятно, еще не заметив меня; я собралась с духом и решила обратиться к ним.

Я выступила вперед, и стражники остановились. Их лица походили скорее на какие-то маски.

Тщательно подбирая слова, изъясняясь по-тулийски со всем доступным мне изяществом, я справилась о дороге.

Они выслушали меня, не прерывая. Затем один из них повернулся к другому.

— Позднехонько она тут бродит.

— Улица ей понадобилась.

— Такой улицы вообще нет, — сказал патрульный с факелом.

Его слова прекрасно укладывались в рамки кошмара. И тем не менее я возразила:

— Да нет же, ведь там живет мой муж.

— У нее и муж имеется.

— На каждой улице по мужу, — сказал стражник с факелом, — вероятней всего.

Случилось то, чего я опасалась. Конечно, кем мне и быть, как не шлюхой. Они воспользуются положением, в которое я попала, а может, арестуют, ведь уличная проституция запрещена законом.

— Ладно, пташка, — сказал стражник, стоявший поближе ко мне (эта форменная одежда прекрасно запомнилась мне со дня бала), — пойдём-ка с нами.

Я отбивалась от Фирью, и вот чего достигла. Я мчалась к Фенсеру, и вот куда угодила.

— Имейте в виду, — сказала я, — мне поручено доставить судье послание.

— Что еще за послание?

— В нем говорится: «Поцелуй меня!» — сказал самый остроумный из стражников, и все захохотали.

— Это сообщение для Зуласа Ретки, — сказала я.

Мои слова произвели впечатление. Патрульные опять переглянулись, посмотрели на меня, а один из них бросил:

— Не может быть.

— Что вы здесь делаете, если вам нужно в суд?

— Я сбилась с пути, потому что не знаю города...

Они снова засмеялись. Такая-то женщина и не знает города?

Я сказала:

- Слишком много времени пропало впустую. Он рассердится.
- Да, это точно.
- Он будет недоволен. Скажите, как мне пройти к зданию суда?
- Раньше речь шла о Лютневой улице.

У меня что-то оборвалось внутри. Отвернувшись от них, я поволокла свой свинцовый саквояж обратно к фонтану, а там остановилась, уныло перебирая в уме возможные действия, которые последуют с их стороны. Некоторое время они препирались меж собой, затем один из стражников подошел ко мне.

— Я отведу вас к Ретке, — сказал он.

Я не поверила ему и даже не пошевелинулась.

— Идемте же, — проговорил он. — Но вам не миновать тюрьмы, если вы обманули нас.

Я отправилась вместе с ним, а двое других с факелом остались у фонтана.

Я вконец одеревенела от усталости и едва волочила ноги. Меня не покидал страх: как можно кому-то или чему-то верить? Вдобавок в припадке отчаяния я назвала единственное имя, пользующееся, как я знала, почтением среди этих людей, но где гарантия, что Ретка меня помнит? А если и помнит, наверняка придет в ярость из-за моего вранья.

Апартаменты Ретки находились в башне здания суда. И в Эбондесе хорошо знали его окна. Пока мы пересекали широкую мостовую, стражник глянул вверх.

— Вам повезло, он засиделся за работой.

Позади остался внутренний двор. Опять какие-то люди в форме, вестибюль; мраморная с прожилками лестница тянулась все выше и выше, и только сила воли помогала мне переставлять ноги и тащить саквояж.

Другой охранник повел меня по коридору. Мы подошли к двустворчатым дверям черного дерева, и он громко постучал. Я попыталась отдышаться за время долгого ожидания, затем одна из створок приоткрылась, и к нам выглянул лакей.

— Что еще, в такое-то время? Известия от губернатора?

— Нет. Она утверждает, будто явилась со срочным сообщением.

Лакей оглядел меня с головы до ног. Он вышел к нам в халате, держа в руке шандал.

— Вы, вероятно, шутите, — сказал он.

Охранник стоял на своем:

— Чем отсылать просительницу прочь, а потом слушать нарекания, если она сказала правду... — Он прокашлялся. — Не впервые дама является с визитом к Зуласу Ретке в поздний час. Послания и прежде приносили иной раз после полуночи.

— Ладно, — сказал лакей. — Вы обыскали эту женщину?

— Не смейте и пальцем ко мне притрагиваться, — услышала я собственный голос.

И тут по гулким покоем за дверью разнеслось бронзовое эхо:

— Провались вы в пасть ада, что тут у вас творится?

Оба тут же вытянулись по стойке «смирно». Лакей обернулся и крикнул:

— Пришла девушка, сэр...

— И принесла послание, — отозвался голос. — Я слышал, как вы тут ломали комедию. Впустите же ее.

Лакей поманил меня за собой, охранник отошел в сторону. Отражение заскользило по гладкому полу у меня под ногами, а впереди меня и подо мной заколыхалось пламя свечей, и я увидела вход в большую зеленую гостиную с яркими кроваво-красными шторами.. а на их фоне самого Ретку. Такой большой, высокий, такой неотесанный при всем своем великолепии — в этом красноватом свете казалось, будто он отлит из тусклого золота, — я собралась с силами, готовясь к очной ставке, надеясь как-нибудь умиловить его, если на то имеется хоть тень возможности.

— Ах да, Дара, — сказал он. И бросил лакею: — Все в порядке. Можете снова ложиться спать.

В следующее мгновение дверь закрылась, и я осталась с глазу на глаз с Реткой.

— Дара... — только и удалось мне произнести, — нет, я не...

— Не Дара. Ну, разумеется, Арадия Завион, вы не Дара. Но разве вам не кажется, что лучше им думать, будто я принимаю у себя кого-то другого, ведь этот ночной визит выходит за рамки общепринятых правил?

Я думала лишь о том, что он вроде бы не сердится, что мне необходимо опустить на пол этот несчастный маленький саквояж, пока я не переломилась под его тяжестью. Ставя свою ношу, я бросила взгляд на руку и заметила, что на ней больше нет кольца.

Саквояж упал. А я лишь с трудом сдержалась и не закричала. Эта последняя капля, непереносимо жуткая, повергла меня в полное отчаяние и выбила землю из-под ног.

Ретка поднес к моим губам чашу с вином и велел попить, я послушно отхлебнула.

— Мое кольцо... наверное, это случилось, когда я мыла руки у фонтана... холодная вода.. видимо, оно соскользнуло с пальца, — забормотала я. — Вот уже несколько недель, как оно стало велико мне, не знаю, почему..

Вероятно, я повернулась, как будто решила тут же кинуться обратно и заняться поисками там, во тьме. Но Ретка усадил меня в кресло и спросил:

— И кто же всему виной?

Вопрос привел меня в чувство. Он был необычен, или так мне показалось.

— Никто, а может, я сама.

— Значит, это не из-за Завиона.

Зрение немного прояснилось, и я увидела, что Ретка стоит у письменного стола. Там лежали бумаги и огромная книга, из которой торчало несколько закладок, стояла лампа, перья в подставках и серебряная фляга для вина. Все эти вещи я восприняла как часть Ретки.

— Видите ли, — проговорила я, — никто не захотел помочь мне. Все меня принимали за... за проститутку, потому что я оказалась одна на улице. В панике я не сумела придумать ничего иного, как назвать ваше имя. Простите меня, пожалуйста.

— Рад, что мое имя для чего-то пригодилось, — ответил он. — А почему вы бродили там в одиночестве?

— Я приехала в город, чтобы разыскать Фенсера. Все произошло неожиданно. Он ни о чем не знал. Мне не удалось найти улицу, на которой он живет. Дурацкая история. — Вино вернуло мне равновесие или дало возможность увидеть случившееся под другим углом. Я попыталась вести себя как ни в чем не бывало и даже принять беспечный вид. Мне захотелось ускользнуть от Ретки, хотя деваться было некуда. От него исходила невероятная мощь, она то порождала новые предметы в комнате, то пожирала прежние. Как только хватило у меня смелости...

И спокойно зазвучал тот голос:

— А отчего же вы столь поспешно отправились в Эбондис, когда вас никто не ждал, не зная даже точного названия улицы?

Я не собиралась рассказывать Фенсеру о случившемся. Я хотела обрушиться на него с горькими сетованиями по поводу одиночества, сослаться на тревогу, ничего не уточняя.

— Там, где я живу, произошел неприятный случай. Один человек попытался насильно овладеть мной.

— Поскольку вы живете там одна, а ваш муж находится здесь.

— Да, поэтому.

— Кто?

Ну что мне стоило сказать, какой-то рыбак из Ступеней или поселившийся в нашем доме греховодник? Но слова выскользнули у меня изо рта, как будто не могли не прозвучать.

— Человек по имени Фирью.

— Ах, ну да, Фирью.

Я опомнилась слишком поздно и подумала, что теперь Ретка, наверное, очень рассердится. Он стоял, глядя в лежавшую на столе книгу, как будто читал в ней нечто важное.

Я разволновалась, снова вскочила с кресла и опять уставилась на палец, на котором уже

не было кольца. Сплетенные друг с другом медные дельфины наверняка лежат в сточном желобе фонтана, они попадутся на глаза какой-нибудь девушке, и она возьмет их себе.

— Ценное было кольцо? — внезапно спросил Ретка. Казалось, он читает не книгу, а мои мысли. К чему таиться от него?

— Вовсе нет... но это мое обручальное кольцо. Я не захотела другого. Колечко из тех, что носят рыбаки, мы купили его в Тули... Эта потеря наверняка дурное предзнаменование. — Я улыбнулась, и лицо мое напряглось, пытаюсь уподобиться лицу взрослой женщины. — Не сохрани я целомудрия, можно было бы сказать: и поделом. Но я отбилась от него, от Фирью. Пригрозила, что убью его. — Я и хотела бы замолчать, но не могла, слова так и сыпались с языка, мне с трудом удавалось не сорваться на крик. — Он испугался, поверив, что я так и сделаю. Он изумился. Ему казалось, что я стану легкой добычей. Фенсеру я явно ни к чему, вот он и поселил меня в том доме у моря. В свое время мне следовало оставить его в покое. А теперь он считает, что несет за меня ответственность. Может, именно по этой причине мне и не удалось отыскать его улицу? Я боялась: вдруг я приду и увижу по его лицу, что я ему там не нужна. — Я приумолкла. Потом сказала: — Извините меня еще раз. Я говорю, не думая.

— Знаете ли, — ответил он, — в преддверии боев все именно так и поступают. Стараются запрятать понадежнее то, что ценят дороже всего.

Я опустила голову, мучаясь стыдом за свою вспышку чувств, я была готова согласиться с любым предположением, лишь бы оно все вернуло на свои места.

— Конечно.

— Но разумеется, — продолжал он, — вам кажется, будто вас не ценят, будто вами пренебрегают. Не мне объяснять вам, какие побуждения двигали Фенсером. Но, по-моему, вы недооценили его заботу о вас.

Он взял лист бумаги и принялся что-то писать. Не следует ли мне удалиться? Но Ретка сам вышел из гостиной и, остановившись у дверей черного дерева, подозвал охранника. Вернувшись, он подлил вина в чашу и снова протянул ее мне.

— Я отослал весточку Сидо. В этом доме поздно ложатся спать. Вы сможете остановиться у нее, пока дела ваши не уладятся или на неограниченный срок.

— Я не смею, — возразила я.

— Оберис содержит этот великолепный дом ради нее, — сказал Ретка, — а сам предпочитает жить здесь в скромном уголке. У нее в доме места хоть отбавляй. Гостя не стеснит Сидо, иначе я не потревожил бы ее просьбой. Доверьтесь мне хоть немного, Арадия. А иначе зачем было ко мне бежать?

Я спрятала лицо, склонившись над вином.

Он больше не заговаривал ни о чем существенном, пока мы ждали прибытия экипажа стоворчивой Сидо, в котором мне предстояло отправиться к ней. Мы вели беседу о невесомых материях, кажется, о песнях и о погоде. Вопросы Ретки никоим образом не затрагивали ни моего прошлого, ни будущего, ни моих чаяний, ни опасений. Он безупречно исполнял роль хозяина дома, притворяясь, будто ничего необычного не происходит.

Затем приехал экипаж, охранник провел меня во двор и усадил в огромную карету с гербами.

Погромыхивая, мы покатили прочь, а в вышине все светились темно-алые окна апартаментов Ретки. Я сумею узнать их в будущем.

В дневное время Сидо наряжалась в белые или черные одежды, а по вечерам в черные или серебристые. Она полулежала на диване под навесом абрикосового цвета, стоявшем во внутреннем дворе; руки и ноги обнажены, россыпи черных локонов упрятаны под серебристую сетку. Но и при этом они доходили ей до пояса. Солнце притронулось губами к ее коже, но не покрыло темным загаром. По мановению руки Сидо являлись слуги, чтобы

вновь наполнить наши бокалы лимонным или грушевым соком или подать блюдо с фруктами и сладостями. А теперь девушка в ливрее дома Сидо перевернула страницу и приступила к чтению третьей главы романа.

Я прожила у Сидо в качестве «гости» уже два дня. Она не выказывала ни радости, ни досады. С момента моего появления среди ночи она восприняла мое присутствие как нечто само собой разумеющееся. Горничная тут же провела меня на второй этаж в спальню, где мне очень плохо спалось, несмотря на окружающий меня комфорт. На следующее утро меня снабдили всем, что только могло понадобиться. Слуги в доме относились ко мне с таким почтением, будто я прожила в нем всю жизнь.

Меня пригласили перекусить в обществе хозяйки дома. Встретившись с Сидо, я выразила ей благодарность за гостеприимство, быть может, чересчур многословно. Я ожидала услышать в ответ нечто вроде: мол, я выполняю его желание. Но она сказала:

— Не стоит благодарности. В доме предостаточно места.

Дом и вправду был поставлен на широкую ногу — изобилие мрамора, бронзовых и позолоченных затейливых вещей, которые, похоже, тщательно протирали, но помимо этого особым вниманием не удостаивали. Полупрозрачные яства подавали во внутреннем дворе, мерцающие струи двух фонтанов взлетали в напоенный дыханием цветов воздух и падали в водоем из порфира.

— Летом я провожу долгие часы здесь, во дворе, — сказала Сидо. — Присоединяйтесь ко мне, если хотите. А если вам больше нравится уединение, никто не станет вам докучать.

— Благодарю, вы очень добры. Тем не менее, боюсь, мое... внезапное появление... обременит вас.

— Нет-нет, все это вы уже говорили мне, — ответила она.

Моя взволнованная лесть повергает ее в скуку. Я решила, что мне пора притихнуть.

Она и в самом деле не заводила со мной разговоров. Какое-то время мы провели в тишине, потом пришла служанка и стала читать вслух. Смысл витиеватых цветистых тулийских фраз порой ускользал от меня, хотя повседневная речь почти не вызывала затруднений. Ничто не мешало моим мыслям метаться из стороны в сторону и шарить когтями по углам. Я притворялась, будто слушаю историю о пиратах, возвышенной любви и колдовстве (интересно, ей по душе столь трагические произведения, или книгу выбрали специально для меня?), а сама мучительно раздумывала о том, где же Фенсер. Я вполне могла предположить, что Ретка известит его о моем приезде, но я не стала доверяться случаю. Проснувшись, я воспользовалась услугами посыльного Сидо и отправила с ним на неуловимую Лютневую улицу короткую покаянную записку. Он наверняка получил ее не позднее десяти часов утра. Но колокола на храме Исибри недавно пробили три часа дня. Видимо, он занят делами более срочными, чем мои.

День я провела в унынии, не смея заикаться о своем неловком положении, чувствуя облегчение благодаря отсутствию всяческих вопросов.

Вот и подошло время обеда. Сидо поведала мне, что за столом будет несколько дам и ни одного мужчины. Рой ловких горничных уже потрудился над моим саквояжем, они извлекли оттуда мою одежду и выгладили бальное платье земляничного цвета — единственное, что я могла надеть к обеду.

Сидо нарядилась в черное гофрированное платье из шелка, походившее на колонну с каннелюрами, перехваченное в талии серебряным кушаком, но обошлась без единой драгоценности, и я порадовалась, что не продела в уши свои сережки. Три дамы, жены судейских, занимавших высокие посты, в неярких или белокисейных одеждах всем своим видом выражали полную готовность к услугам. Они явно прибыли с намерением изо всех сил ублажать Сидо; мое присутствие явилось для них неожиданностью, и они терялись в догадках, не зная, как со мной держаться. Сидо ничем не помогла им, она представила меня просто как жену Завиона, приятеля Ретки. Впрочем, исходя из ее слов и моего появления в зале, дамы заключили, что я представляю собой некоторую скрытую ценность, и на протяжении обеда становились все угодливей и раболепней.

Но конечно же, мои мысли занимало совсем другое. Немного погодя они решили, что я все-таки темная лошадка, и избавили меня от своих ужимок.

Они ловили на лету каждое слово Сидо. Они расспрашивали, какого она мнения о винах этого года, о высоте вошедших в моду каблуков — не кажется ли ей, что из-за них туфли жмут ногу? А потом осмелели и принялись критиковать действия губернатора по части налогообложений, его слепую приверженность проживающему на материке королю, но при этом неусыпно следили за ее реакцией (всегда сведенной к минимуму), чтобы сообразить, в какую сторону плясать дальше.

Впрочем, похожий на дуэль обед проходил для меня как в тумане. Мелкие тревоги крепко вцепились в меня, не ослабляя хватки.

В одиннадцать часов на пороге появился мажордом Сидо, и я чуть не вскочила с места, решив, что принесли весточку от Фенсера. Но мажордом вручил Сидо доставленную из суда записку. Она не стала сообщать нам, чье это послание — ее супруга Обериса или ее любовника Ретки, а лишь зевнула, прикрыв рукой рот, и проговорила:

— Все трудится без конца.

Дамы закивали, но им не удалось затеять подробное обсуждение, поскольку они не знали, кого из мужчин нужно похвалить или поругать. Сидо поступила так нарочно, я нисколько не сомневалась на сей счет.

Когда троица дам собралась уходить, Сидо пожелала мне спокойной ночи, а сама направилась в музыкальный кабинет, и вскоре оттуда донесся заунывный звон клавесина.

Я ушла к себе в спальню и там провела вторую ночь почти без сна, в полнейшем смятении. Когда я встала утром, у меня ныло все тело, как будто меня побили, глаза жгло огнем, а на сердце сгустилась тьма.

Никаких известий.

Похоже, этот день пройдет, как вчерашний.

Сидо спала допоздна, она вышла к полднику и ничего не сказала по поводу моего плохого аппетита. Она вообще ничего не сказала. Принесли роман для чтения вслух.

Я наконец сообразила, что в книге идет речь об острове Китэ. События почти столетней давности... мысли мои забрели еще дальше.

Через мощный плитам двор прошествовал мажордом; я внимательно поглядела на него и решила, что вид у него многозначительный. Он наклонился и что-то шепнул на ухо Сидо. Повернув ко мне голову, она сказала:

— Похоже, пришел ваш супруг.

Я встала, в висках у меня заколотились еще два сердца.

— Мой слуга проведет вас в Бирюзовую гостиную. Там вас никто не побеспокоит.

Он стоял под зеркалом в черепаховой раме, висевшим под углом. Он надел темный цивильный костюм из тех, что носят писемоводители, в котором приезжал иногда и в дом у моря. Но ни прежде, ни теперь в нем не было ни малейшего сходства с людьми такого сорта. Он ждал, не глядя на меня, не заговаривая со мной, а висевшее над ним зеркало отражало его фигуру, копну светлых волос, его полнейшую неподвижность.

Я и понятия не имела, о чем думает Фенсер, встревожен он или рассержен, испытывает ли он сочувствие или осуждает меня, или же ему все безразлично.

Я никогда его не знала. Вероятно, это правда. Я не знаю его теперь.

Потом он заговорил, обращаясь ко мне:

— Я получил твою записку три часа назад. Вчера на рассвете мне пришлось уехать по делам. Нынче днем меня вызвали в суд, к Ретке, а оттуда я напрямиком отправился сюда.

— Он не...

— Он упомянул о приключившемся с тобой казусе. Казус. Язвительное словечко, произнесенное безо всякого выражения.

Я сказала:

— Мне очень жаль, если я тебя рассердила. Но я побоялась, как бы происшедшее не повторилось, останься я опять там в одиночестве.

— Фирию, — проговорил Фенсер. — Сомневаюсь, чтобы такой случай повторился. — Мне показалось, что он присматривается ко мне. Он продолжал: — Арадия, похоже, ты растревожила осиное гнездо. Скажи, почему ты обратилась к Зуласу Ретке, а не ко мне?

Я принялась заново пересказывать ту же историю, думая, что она настолько банальна и глупа, что покажется неправдоподобной. И тем не менее необходимо рассказать Фенсеру, как я пыталась отыскать его и не смогла.

— Понятно. Но когда ты добралась до Ретки, неужели нельзя было попросить отвезти тебя ко мне домой?

Такая мысль не пришла мне в голову. А Ретка не стал обсуждать со мной своих намерений. И... я боялась, как бы Фенсер не отослал меня обратно.

— Мне не хотелось излишне его утруждать. Он предложил мне остановиться в этом доме. Я что-нибудь не так сделала?

— Ты действовала в свойственной тебе манере, — сказал он.

— Насколько я понимаю, это упрек.

— Ну, — сказал он, — ты могла бы поступить несколько иначе.

— То есть позволить Фирию изнасиловать меня и написать тебе сдержанное письмо с обещанием прислать подробное изложение событий со следующей okazji.

Он вскинул брови.

— Если бы у него хватило пороку тебя изнасиловать, так бы и случилось. Но ты оказалась ему не по зубам. Он уже проделал подобный маневр с половиной живущих здесь женщин. Возможно, наберется пара таких, что уступили его домогательствам, но я и в этом сомневаюсь. А в остальных случаях понадобилось лишь твердо сказать «нет».

Меня затрясло от злости и от ощущения, что события, происшедшие со мной, и их версия, в которую верит Фенсер, — вещи совершенно разные.

— «Нет» на него не подействовало. Мне пришлось пригрозить ему ножом, только тогда он отступился.

— Вероятно, ты переоценила пылкость его чувств.

— Я там одна, мне некому помочь...

— Знакомая жалоба, Арадия, эти слова мне не в новинку. Ты терпишь ужасные бедствия из-за того, что меня нет рядом. Заверяю тебя, нигде в городе ты не отыщешь убежища более безопасного, чем та деревня. Впрочем, говорить об этом поздно, ты уже здесь. А что до Фирию, так ему сообщили, что ты помчалась напрямик к Ретке. Он испугался и скрылся. Его знания могли бы пригодиться во время предстоящих событий. Кроме того, здешнее общество, разумеется, пришло к выводу, что мне свойственна такая же снисходительность, как и Оберису, и что я предоставляю тебя в пользование своему покровителю Ретке, а потому он выступает в роли твоего защитника. Если у них и оставались какие-то сомнения, твое пребывание в этом доме с этой женщиной убедит их окончательно. Две дамы под одной крышей. Он специалист по части экономии.

— Но Сидо, — сказала я, — как можно заподозрить в попустительстве ее?

— Она всегда смотрела сквозь пальцы на его интрижки с другими женщинами. Сидо намерена сохранить за собой привязанность Ретки.

— Тогда мне нужно немедленно покинуть этот дом.

— И тут ты опоздала. Сделанного не вернешь.

— Но если он намерен...

— Разве я говорил, что у него имеются какие-либо намерения на твой счет? Я сказал только, что общество Эбондиса решило, будто он увлечен тобой.

— Но ведь Ретка наверняка понимал все заранее, — вспыхнула я от обиды и унижения; где-то подспудно зашевелилась тошнота от манеры Фенсера в общении со мной.

— Да, видимо. Сомневаюсь, чтобы он задумался об этом. Ты оторвала его от работы, ему пришлось куда-то тебя пристроить. Я представляю собой ценность, хоть и незначительную. Нельзя сказать, что я незаменим. С твоего позволения, я склонен примириться с положением, в которое попал. — От лица его веяло холодом. Мне не удалось

понять, ни сколь глубоко владеющее им чувство, ни что оно собою представляет.

— Так что же мне, по-твоему, делать? Ты хочешь, чтобы я вернулась в тот особняк в Ступенях?

— Тогда весь Эбондис скажет, что он тебя бросил.

— Мне все равно, что станут говорить люди.

— Это я уже понял. Нет, оставайся-ка ты лучше у нее в доме. Здесь ты по крайней мере найдешь защиту от тех адских неприятностей, в которые вечно ввязываешься. Видишь ли, Арадия, у меня нет на все это времени. Завтра я отправляюсь в горы. Сегодня я должен был поехать к тебе и сообщить об этом.

Я подобрала осколки картинок, рассыпавшихся у меня в мозгу на части, и отложила их в сторону.

— Значит, именно теперь ты уезжаешь в горы.

— Армия Китэ, если помнишь, — сказал он, — та самая часть предприятия, которую я в состоянии как следует выполнить. Обучение людей искусству убивать друг друга.

И тогда я мельком заметила, хоть и не поняла, что это такое, эту неудовлетворенность в нем, горькое ядрышко открывшегося ему видения: во искупление вины за пролитую кровь придется проливать ее снова. Но ведь он знал об этом с самого начала. Он утверждал, будто убийство в ходе войны, совершенное ради спасения жизни, ради свободы, не пятнает душу, не влечет за собой проклятия. И то, как он отозвался о Ретке. Нечто более значительное, чем мой поступок, вызвало недовольство у Фенсера. Нечто иное заставило его усомниться в огромном божестве из позолоченной бронзы.

Внезапно мне в глаза бросился шрам, прочертивший по диагонали кисть его левой руки, словно ни разу в жизни я не видела ни этого, ни других шрамов на его теле.

Глаза его приобрели голодное, затравленное выражение существа, которое постоянно прячется, не может спать или голодает. Такой же взгляд был у него, когда мы стояли в стенах запыленной комнаты и еще на прогалине в королевском саду. Мой поступок не является причиной происходящего в его душе. Я лишь пощекотала перышком открытую рану.

— Ладно, — сказал он, — вверив тебя заботам прекрасной Сидо, позволю себе откланяться. — И повернулся, словно намереваясь тут же скрыться.

— Не уходи от меня вот так, — сказала я. — Сколько времени тебя не будет?

— Несколько месяцев, — ответил он. — Каким же образом я должен от тебя уходить?

— Чтобы не казалось, будто мы расстаемся навсегда.

— Я доказывал тебе свою любовь всеми доступными мне способами, — сказал он. — Ты перебираешь их все, а потом начинаешь требовать новых. Я не подарок. И предупреждал тебя об этом. Мне больше нечего тебе дать.

Мне подумалось: наверное, он и вправду любил меня раньше, потому что теперь он меня уже не любит.

— Мы с тобой когда-нибудь увидимся? — спросила я.

— Увидимся, конечно. Когда я спущусь с гор и вернусь в Эбондис. — Он посмотрел на меня, в его взгляде прибавилось глубины. — Не огорчайся так сильно, милая, — сказал он, — тебе полезно пожить без меня. Ты слишком сильно меня любишь, а может, только думаешь, будто любишь.

Теперь каждый из нас говорит на языке, непонятном другому, вот к чему мы пришли.

Я застыла посреди этой бирюзовой залы, пытаюсь перевести его слова на свой язык, пытаюсь осознать, что за невероятная трещина пролегла между нами, будто у нас под ногами с треском раскололась плавающая льдина, но почувствовала, насколько безнадежны все мои потуги. Теперь я знаю, что потеряла его, хотя, честно говоря, не знала и секунды прежде, когда он принадлежал бы мне.

Мы оба вежливо сказали «до свидания», затем он рассказал о предпринятых им мерах, чтобы обеспечить меня деньгами, и уже у самых дверей добавил: возможно, мы встретимся еще до моего дня рождения, до Вульмартии, до наступления осени.

Потом он ушел.

Я походила несколько минут по комнате, из одного конца в другой, как бы разглядывая то тут, то там забавные вещицы, но совершенно их не видя. Из зеркала на меня посмотрело запрокинутое лицо белей салфетки. Мое лицо лучше меня понимает, что произошло.

В конце концов я вернулась во двор. Сидо лежала на своем диване, на виноградных листьях, словно трепещущие мохнатые почки, поблескивали пчелы, как обычно. Девушка, читавшая вслух книгу, перевернула страницу и безразличным тоном произнесла:

— Вот так, рука об руку, но при этом каждый по отдельности, переступили они порог Дома Ночи.

Часть четвертая Дом ночи

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Накануне дня летнего солнцестояния Сидо вместе с компанией, в которую входила и я, отправилась в театр на открытом воздухе. Пьесу там играли дурацкую, и, как все тут же отметили, даже песни в ней не отличались мелодичностью. Но в театр ходят затем, чтобы показаться людям на глаза, и Сидо не осталась без внимания. Над Эбондисом повис душок возбуждения, волнения, пребывающего в зачаточном состоянии, запах легковоспламеняемого мускуса, схожий с предчувствием пробуждения вулкана, — я слышала, как кто-то его описывал именно этими словами. Мы рано, в девять часов, сели за ужин в доме у кого-то из знакомых Сидо. К десяти свет поблек, а похожее на патуку небо загустело от пыли. Улицы поливали целыми днями, но при такой жаре, даже если вино подержать под водой в старом колодце, оно не станет холодным. Казалось, половина городского населения избрала местом прогулок сад, видневшийся из окон роскошного маленького особняка. Улицы кипели деятельностью, стоял шум. Об этом никто не упоминал. Все вели разговоры ни о чем. (Мне доводилось слышать, что среди живущих далеко в горах людей считается, будто упоминание о схватках женщины, рожаящей ребенка, грозит бедой. И пока роженица, не жалея сил, пытается произвести дитя на свет, никто не обращает на нее внимания, несмотря на все ее муки и стоны, пока ребенок наконец не родится.)

Позднее гости мужского и женского пола высыпали на крышу, затянутые в атлас мужчины с дымящимися трубками, обмахивающиеся веерами дамы в расшитых платьях — будто нашествие огромных бабочек... Сидо в серебристой дымке и я в своем единственном вечернем платье да сопровождавший нас разговорчивый господин из той же братии, что Оберис. Все отправились на крышу, чтобы посмотреть, как заходит солнце; это случается каждым вечером, но подобная мысль никому не пришла в голову.

— Ах, посмотри! Ах, гляди! — восклицали они.

Небеса пылали, там горели города и огромные глыбы налившегося кровью пурпурного облака, которое разбилось о рифы искромсанной красноты. Пальмы, крыши и башни здания суда скрыли от глаз последние вздохи солнечного шара, но отблески зарева виднелись в ясные ночи. Впрочем, наступила середина лета и неистовость угасания поражала взгляд. Даже гулявшие в саду и по улицам обитатели города Эбондиса обратили внимание на это зрелище, и каждый истолковал прочтенные в нем знаки на свой лад.

На крыше возле парапета стояли цветущие гибискусы в глиняных горшках, а в одном из углов разместился небольшой алтарь Исибри в синем плаще.

— Пойдемте же, узнаем, что сулит вам будущее, — сказал сопровождавший меня кавалер и повел меня к установленному возле алтаря лакированному коробу, из которого

дамы что-то по очереди вытаскивали, повизгивая и сдержанно поругиваясь.

— Ох, и доложу я вам! — вскричала одна из них, слабонервная подруга Сидо; она выпрямилась, вглядываясь в предмет, который выудила из короба, и прикрыла его веером. — Н-да! Я никак не могу произнести это вслух!

— Если все сбудется, — весьма проницательно подметила другая дама, — мы так или иначе станем свидетелями самого события.

Мой кавалер принялся настойчиво уговаривать меня принять участие в развлечении. Он сообщил, что такой обычай распространен среди крестьян. Просто бесподобно, что — он назвал имя хозяйки дома — пришло в голову его позаимствовать.

Дамы потянулись к коробу целыми стаями, они чуть ли не выхватывали друг у друга из рук лежавшие в нем предметы. Я увидела, что они достают оттуда маленькие перламутровые ракушки, рассыпающиеся на кусочки при легком нажатии, а потом извлекают на свет кусочек бумаги.

Я не стала упираться, ведь на это требуются силы, а встала в очередь, и вскоре в руках у меня оказалась одна из ракушек.

— Теперь вы должны прочесть, что там написано, — сказал мой худошавый кавалер. За его болтливостью крылось коварство, он неотступно следовал за мной, пытаюсь выяснить, на что же я гожусь. Обнаружив, что я почти не подаю голоса и не спешу обнародовать тайные пристрастия, он не оставил меня в покое, а решил задержаться и посмотреть, какие результаты даст обстрел «тяжелой артиллерией».

Я раздавила ракушку; выяснилось, что она пуста.

— Надо же, какая неудача, — сказал этот господин, пристально поглядев на мою ладонь. — Эту пропустили. Вам надо вытащить другую.

— Тогда их может не хватить на всех.

— Да, но вы вытащили пустышку.

— Вероятно, в этом и заключается мое будущее. — Мне не хотелось, чтобы он случайно заглянул ко мне в душу, я извинилась и спустилась вниз.

Мне стало дурно от вида этого необъятного неба. Уже много дней подряд у меня болела голова, я, не переставая, мучилась от жары, и мне никак не удавалось вздохнуть полной грудью. Я отправилась в туалетную комнату, предоставленную хозяйкой дома в пользование дамам, ополоснула руки и лицо тепловатой тошнотворной жидкостью, заново припудрилась, подкрасила губы и щеки. Хотя солнце уже зашло, неизвестно, насколько растянется вечер.

В гостиной я выпила еще глоток теплого вина, но от его вкуса меня чуть не вывернуло.

По комнатам снова замелькали стайки оживленных гостей. Вошла Сидо и поманила меня к себе. Ее позолоченная рука изогнулась, словно шея лебедя над водой.

— Какая скука, — сказала она, — пойдемте-ка прочь. Оберис не сопровождал ее. Никого из столпов законности и порядка в этом доме не было.

— Сидо... неужели вы уже покидаете нас?

Но едва она сделала шаг к дверям, как все прочие гости метнулись следом.

Мы хлынули толпой на улицу, нас приветствовали прохожие, а некоторые из них указывали друг другу на серебристую женщину, на ее сбегающие по плечам черные волосы.

Теперь, с приходом темноты, жара казалась еще удушливей. Загорались уличные фонари, и в еженощном стремлении к самоистреблению к ним тучами слетались мотыльки. Я не разглядела ни одной звезды. Воздух так загустел, что стало невозможно вдохнуть его. Вероятно, лишь это и заставляло меня просыпаться снова и снова, лежа в постели, задыхаясь и хрипя парализованными легкими, когда сон отбрасывал меня прочь, будто я ударялась о стену пропасти? Похожий на сироп ночной воздух...

Две черные лошади рысили по бульвару. То там, то здесь — лица людей, разглядывающих ее блистательный экипаж с гербами Обериса, и вот уже взметнулась чья-то рука, раздался возглас: «Китэ! Китэ!» И вдруг вся улица разразилась криком — а затем снова жаркая тишина, лишь скрип колес да цоканье копыт.

— Это ожидание — проговорила Сидо, разметая перьями веера ночную тьму перед лицом — взмах, другой — и вот наконец проступили, обернувшись бриллиантами, звезды.

Широкую улицу перед зданием суда, в которую мы свернули, плотно забила толпа. Экипаж продвигался с трудом, очень медленно. Мы объехали вокруг квартала, в котором все здания от кровли до фундамента ярко освещали фонари, и оказались на площади за зданием суда. Обычно она выглядела сонной — тенистые деревья, фонтан, а в дальней части скромный храм неведомому божеству. Сегодня ее битком заполнили экипажи. Туда же въехали и мы; теперь ничто на свете не может вызволить нас из толчеи.

— Ох, чем дальше, тем хуже, — сказала Сидо. — От этой жары мы свалимся в обморок. — Она открыла дверцу, ступила на подножку и замерла, словно путеводная звезда, окидывая взглядом округу. Но в народе ее тут же признали. Обращаясь к многослойной толпе, она произнесла повелительным тоном:

— Какие новости?

Это первый залп. Вот-вот произойдет событие, которого все ожидают, и слова Сидо — тому подтверждение. Кто-то крикнул ей:

— Уж если вы не знаете, госпожа, то нам об этом и подавно неизвестно.

Люди добродушно рассмеялись, она им нравилась, потому что приходилась женой одному из предводителей и любовницей другому, и ни для кого это не являлось тайной.

Сидо снова забралась в экипаж.

— До чего же они дерзкие, — сказала она.

Но спокойствие ее не нарушилось. Почти всегда ее реакция казалась поверхностной, а подлинная, весьма целеустремленная жизнь протекала где-то далеко в глубине, как у ящерицы.

Разумеется, я почти ни о чем не знала, все мои представления основывались на том, что мельком прозвучало в оброненных гостями Сидо фразах, на лихорадочном состоянии и вулканическом запахе города, .

Сквозь открытую дверь в экипаж проникало тяжелое дыхание лавообразного воздуха, слышался рокот толпы да порой голоса людей, перекликавшихся друг с другом, сидя по каретам. Пару раз к нам заглянули какие-то господа, желавшие поприветствовать Сидо. Казалось, все пребывают в неизвестности. А запах обитателей Эбондиса по силе не уступал жаре. Аромат помады и духов, который распространяли вокруг себя состоятельные люди, смешивался с чудовищной гнилостной вонью бедноты, еще с полудня теснившейся вокруг здания суда. Пахло и едой, которую продавали уличные торговцы: засахаренными яблоками, луком и сыром, запеченными на шампуре. Мне стало очень плохо и очень спокойно. Уже более месяца я прожила в состоянии такой подавленности, так что в дальнейшем ничего, кроме несчастья, не ожидала. Все прочее перестало существовать. Камни все валились и валились на меня, а я приветливо встречала их появление.

Внезапно все вокруг содрогнулось, прокатился жуткий рокот, и лошади испугались, а пол в карете затрясся. Закричали женщины. Послышался второй громовой раскат, за ним третий. Толпа взревела.

— Пушки крепости, — проговорила Сидо и проворным движением выскользнула обратно на подножку. По небу рассыпались сверкающие брызги, на их фоне проступили очертания ее профиля, выдающегося вперед, как у змеи. Кто-то запустил с крыши ракеты фейерверка.

Они служат сигналом, эти залпы, вырвавшиеся из жерл старых усталых пушек, установленных на огневой позиции — на холме в полумиле от города. На их ремонт ушла не одна неделя. Говорят, из них ни разу не стреляли со времен последней стычки с Восточной Монархией, случившейся пятьдесят лет тому назад.

Толпа ревела, выкрикивая название острова и имена разных людей, но постепенно они были вытеснены одним-единственным — Зулас Ретка.

— Сейчас он выйдет к ним, — сказала Сидо. И, повернувшись к кучеру, добавила: — Помогите мне взобраться на козлы. Я постою на крыше.

Вся караульная служба Эбондиса, все влиятельные люди перешли на сторону Ретки, он превратился как бы в наконецник копья. Губернатора, трусливо прятавшегося в особняке на другом конце острова, известили об этом.

Извиваясь, Сидо заползла вверх, карета почти не шелохнулась. Толпа приветствовала ее возгласами, смелость и оригинальность Сидо вызвали одобрение. А я осталась сидеть у окна, распахнув его без всякой цели; не сделать этого значило бы пойти наперекор этой вселенной, этому грохоту и фейерверку, взволнованному, дерзновенному, исходящему криком миру, этой полной драматизма, разрывающей цепи, открыто заявившей о себе вселенной, в которую превратилась площадь за зданием суда в Эбондисе.

Я ничего не чувствовала, кроме спазмов тошноты. Если я упаду сейчас в обморок, никто меня не осудит, люди решат, что тому виной накал страстей.

Неясное воспоминание вихрем пронеслось у меня перед глазами. Другая площадь, и толпа, и женщины, стоящие на крышах экипажей, их перья и бокалы с вином — мой город, пророчащий крониянцам поражение, его конвульсии блаженства в предчувствии войны. Ничего не изменилось. Все то же колесо, и бесконечно его вращение, и путь среди камней и пожаров. Война, захват земель, мятеж, бегство, смерть и гибель любви.

Известно ли в горах о том, что происходит в этот самый момент? Да, наверняка. Армия борцов за освобождение Китэ, проходящих обучение, командиры в крепостях среди орлиных высот. Сможет ли он услышать грохот залпов с такого расстояния?

На третьем этаже распахнулись створки высоких балконных дверей. Члены судейской коллегии и городского совета показались на балконе. Я заметила Обериса; судя по его виду, от предчувствий у него расстроилось пищеварение. Затем из дверей вышел Ретка — будто факел в желтой шелковой блузе, без камзола по случаю жары; он раскрыл объятия, словно желая заключить в них всю толпу. В ответ в воздух взметнулись руки, полетели цветы, люди приподымали напуганных, тарасивших глаза детей, чтобы те смогли все увидеть; загревели крики. Когда первая волна шума пошла на спад, я услышала, как на башнях шести храмов звонят колокола. Ретка заговорил, без труда перекрывая голосом их гул:

— Жители Эбондиса, сегодня впервые за три столетия вы можете назвать себя гражданами Китэ.

Этот голос гремел, как медный лист, тот самый, что применяют в театре для создания зловещего эффекта. Однако здесь он оказал совсем иное воздействие. Его мощное звучание вызвало в толпе еще более громкий отклик. Экипаж от криков снова заходил ходуном.

Мановением руки Ретка приостановил взметнувшийся в воздух гомон, подождал, пока тот не осядет, и наконец воцарилось потрясающее безмолвие, заполненное звоном колоколов.

— Существует ряд идей, — сказал Ретка, обращаясь ко всем нам, — о которых нам часто доводилось слышать. Мол, следует подождать, пока не начнется свара между тулийцами и Саз-Кронией, Северным Медведем. А тогда прокрасться подобно шакалам и куснуть Тулию за бок, сыграв на руку противнику. Но тем самым предполагается, что Китэ — питомник, где разводят трусов. Друзья мои, неужели нам не хватает храбрости? — Он взмахнул руками, дирижируя толпой, и люди закричали: нет, они не трусы, только не они, — не смолкая до тех пор, пока его жест не восстановил тишину. — Значит, малодушные уловки не для нас. Не для Эбондиса, не для Китэ. Так что же делать? Мы заявим королю Тулии без обвиняков: сир, мы чтим вас, но мы не тулийцы. Дайте нам свободу — или мы возьмем ее сами. — Толпа разразилась в ответ ревом. Ретка улыбнулся, его улыбка предназначалась для всех и каждого. Безбрежная сила, крившаяся за его речами, заполнила все небо, но он говорил, обращаясь к каждому человеку лично, он шептал им на ушко в то время, как подобный гулу органа звук разносился по всей площади, по спускавшимся к ней улицам, среди окон и крыш, где толпились зрители. — Дети мои, вы согласны со мной, — сказал он, — вам нужна свобода. Да и какому живому существу она не нужна? Положим конец рабству, не станем больше платить ни десятины, ни налогов, не будем следовать чужим законам, учрежденным на материке. Если мы и пойдем сражаться на их стороне, то в

качестве свободных людей. Со своими командирами и под своими знаменами.

И тут толпа на какое-то время вырвалась у него из рук, и завопила, и принялась распевать песню, ставшую в последние дни как бы гимном борцов за независимость. Бодрый, легко запоминающийся мотив. Даже я смогла бы пропеть ее вместе с остальными, только я не стала.

Когда волнение пошло на убыль, Ретка извлек письмо. Он сказал, что его прислал губернатор, а затем прочел вслух это короткое немногословное послание, меж строками которого скрывался глубочайший смысл.

Губернатор полностью доверяет Зуласу Ретке. Он препоручает ему заботу об Эбондисе. Проницательность и рвение Ретки послужат губернатору ориентиром в вопросах достижения независимости.

Затем на середину площади протолкались гвардейцы. Они взяли на караул, и Ретке торжественно вручили ключ от города. Он принял его и со смехом сообщил нам, что ключ тяжестью превосходит лежащие у него на сердце заботы.

Я снова откинулась на спинку сиденья, чувствуя себя вконец измученной. Этот человек жаждет власти и ничего иного, он отберет у Тулии Китэ и сам станет на нем править. Ни война, ни принятый среди королей образ действий не претят ему. И то и другое небезынтересно для него. Возможно, он и сам займется тем же.

Быть может, именно это и подметил в нем Фенсер и почувствовал отвращение, найдя изъян в золотом образе вождя, за которым готов был проследовать сквозь ад к непорочной чистоте победы или смерти? Откуда мне знать. Мы с Фенсером чужие друг другу. Хоть он и говорил о возвращении, я поняла еще тогда, что он больше не вернется ко мне. Я познала неподдельный ужас этой вежливой шелухи.

Запряженные в карету лошади ржали, толпа колыхалась и орала, звонили колокола, трещали ракеты фейерверка, наносившие на кожу ночи сурьмяно-розовую татуировку.

Я вспомнила дорогу к дому Сидо от площади суда. Мне почудилась в этом доля иронии и доля справедливости. Идти недалеко.

Выйдя из экипажа, я начала пробираться сквозь толпу из сотен женщин и мужчин, я настолько оступела и утратила восприимчивость, что уже не обращала внимания ни на усилия, которых мне это стоило, ни на ругань, ни на заигрывания.

Спустя некоторое время я пробилась сквозь живую чащу и вышла на какие-то косые улицы, предметом гордости которых служила горстка фонарей. Здесь царило почти полное безлюдие, хотя половина дверей была настежь, а в окнах горел свет. Двери в доме Сидо оказались заперты, но по крайней мере один из ее слуг остался на месте, он и впустил меня. Глаза у мальчика сияли; увидев меня, он воскликнул:

— А где госпожа? Где господин?

— Они придут попозже, — ответила я. (Кого он имел в виду, Обериса или Ретку?)

Сегодня ночью люди станут плясать на улицах. Когда колокольный звон начал стихать, я сразу услышала, как в одном из садов оркестр наявливает тараску.

Я решила, что Сидо неспособна ощутить досаду. Но на всякий случай у меня есть веская причина для отсутствия, женское недомогание. Кровь вытекала еле-еле, как во время осады, как в ту зиму, когда шло отступление, и после нее... казалось, самочувствие мое только ухудшилось из-за скудности приношений богине.

Я поднялась к себе в комнату и стала готовиться ко сну, а затем легла в постель; впереди опять замаячила еженощная изнурительная встреча с шершавой поверхностью забвения.

Но городские шумы: музыка, одобрительные возгласы, стук колес, даже еще один залп пушек, донесшийся с холма, — не давали мне заснуть. Мне припомнились ночи во время осады моего города, когда сон ускользал от меня, если пушки молчали.

— Малочисленная группа их войск стоит в Кисаре, да еще батальон в Гермione. Любимый замок губернатора расположен на северо-западе, он стянул к нему своих гвардейцев, среди которых имеется всего один тулиец, командир. На данный момент этим и ограничиваются вооруженные силы тулийцев, находящиеся на острове. Из надежного источника мне сообщили, что гражданскому населению уже удалось захватить без кровопролития два гарнизона, о которых я упомянул.

Ретка стоял в гостиной под зеркалом в черепаховой оправе, там, где распрощались мы с Фенсером. День в разгаре, зал до последнего дюйма заполнен густой жарой, окрашенной в цвет меди, а кресла, на которых мы сидим, исполосованы колкими лучами света, проникшими сквозь окна, увитые плющом. Мы участвуем в собрании важных персон. На нем присутствуют столпы эбондисского общества с женами или своими дамами. Мы сошлись вместе, чтобы попить мятного чаю, ароматных ликеров, белого, как вода, вина. Но беседа мгновенно превратилась в политические дебаты. Дамы по большей части молчали. Ретка, хозяин в городе и в доме Обериса, разглагольствовал, заняв место в центре сцены. Вопросы и скептические замечания сыпались на него словно стрелы, он мастерски парировал выпады, а затем одним умелым ударом доносил собственную мысль до сознания спорщиков.

— Тулийцы, — сказал он, — на протяжении весьма долгого времени полагались на слабодушие и мягкотелость, на безоговорочное приятие неприемлемого. Мы превратили Эбондис в центр перерождения Китэ. И послали отсюда сообщение о новом положении дел.

— А Тулия не дает ответа, — заметил самый видный из присутствовавших в тот день оппонентов Ретки, мужчина в черном льняном одеянии.

— Посланцам необходимо некоторое время, — с улыбкой возразил Ретка.

— Времени прошло уже более чем достаточно, чтобы посланец успел пересечь море, добраться до самого короля и до его министров.

— Значит, король колеблется, — ответил Ретка, — и пока не решил, какие поставить условия. О, господа, нам вряд ли удастся получить товар без торговли. Мы это предвидели. Заверения в братской привязанности, в готовности сражаться плечом к плечу с жителями материка в случае возникновения какой-либо — без уточнений — угрозы Тулии... едва ли могут возместить потерю Китэ.

— На какие из требований мы могли бы согласиться в обмен на предоставление независимости?

— Практически на любые, — сказал Ретка — Ни одно слово не сравнится по значительности с этим — свобода. Пусть только нам ее дадут. А остальное приложится.

— Вы хотите сказать, что и после провозглашения независимости Китэ станет платить налоги и отдавать все лучшее Тулии? — вмешался другой человек, худощавый секретарь с умным лицом.

— В случае необходимости, да. Разумеется, никто не рассказывал об этом всем и каждому. Им клятвенно пообещали рай небесный.

— Вы так превозносили понятие свободы. Что же мы выгадаем?

— Выгода появится позднее. Получив независимость, мы сможем заключать сделки с другими государствами. Остров важен в стратегическом отношении и для примыкающих к Оксиду стран, и для Востока. Если мы для начала сумеем ублаготворить Тулию, то впоследствии сможем диктовать более выгодные для нас условия.

— Ретка, возможно, и они об этом догадываются.

— Возможно. В таком случае, господа, Тулия скорей всего пошлет сюда войска, чтобы раз и навсегда заткнуть нам глотку.

По залу пронесся сердитый шелест. Веера в руках дам отчаянно затрепетали, словно рвущиеся на свободу птицы.

А может, все мы столь же безнадежно пытаемся освободиться от Ретки? Каким-то образом его воля удерживает нас, словно прутья клетки. Чтобы мы не смогли улететь.

— Я полагал, Ретка, что ты считаешь подобную катастрофу маловероятной, — проговорил человек в одежде из черного льна.

— И скорей всего не ошибаюсь. Кронианцы ждут подходящего момента, проводят учения в Баслии, ищут повода для ссоры с Альянсом Чавро. Похоже, Тулия рассматривает эти события как нечто происходящее на Луне, а потому бездельничает и не желает мобилизовать силы. И мы могли бы подождать пару лет, пока с той стороны на них не посыплются неприятности. Разве нам хотелось ждать? Нет, мы провели голосование по данному вопросу. Подумайте сами, если Тулия не готовится к защите от Саз-Кронианской империи, неужели она станет утруждать себя из-за нас? Более того, по вкусу ли ей сейчас вертеть головой из стороны в сторону? Оглядываться через плечо на Север и высматривать нас среди моря? Не забудьте и о другой возможности. Нам не присуще свойственное Тулии величие души, и мы могли бы обратиться с воззванием к императору Севера. Попросить Саз-Кронию прийти нам на помощь. Послышался шум. Человека два вскочили на ноги.

— При этом полностью нарушился бы территориальный баланс прибрежного Темериды, — сухо возразил секретарь. — Не говоря уже о том, что подобный шаг гарантирует нам попадание в рабскую зависимость на ближайшие три столетия, на этот раз от Кронии, сохрани нас боги.

— Очевидно, — сказал Ретка. — Но как, по-вашему, поступила бы в этом случае Тулия?

Его слова снова повергли всех в молчание. Здесь, в Бирюзовой гостиной любовницы Ретки, гостиной, превратившейся в зал заседаний совета, они сидели, тщательно обдумывая услышанное. Вокруг пятна солнечного света. Раздалось тихое бряканье — одна из дам поставила фарфоровую чашку на блюде. Я увидела, как моргает Сидо, как мелькают длинные ресницы над глазами ящерицы, которая, казалось бы, совсем бездумно нежится в лучах власти повелителя над рабами.

Думала ли я о себе? Вовсе нет. Я распрощалась со всякой мыслью о том, что могла бы как-то влиять на происходящее. Даже право выйти по своей воле из зала, не говоря уже о доме Сидо, казалось мне иллюзией.

— К тому же, — продолжал Ретка, — вскоре у нас появится собственная армия, расскажу об этом лишь вкратце. Патриотические чувства и энтузиазм бойцов восполнят недостаток навыков. И по меньшей мере одному из ее командиров присущи незаурядный талант и смелость. — Стоя в противоположном конце зала, он устремил взгляд на меня и поклонился. Ретка выказал уважение к моему супругу.

— Прекрасно, — заговорил было секретарь, — но...

— Нет, господа, — с улыбкой возразил наш идол, обращая изрытый оспинами металлический лик то в одну сторону, то в другую, смягчая легкий упрек дружелюбным тоном, — мне кажется, нам пора вспомнить, что мы находимся в гостиной красивой женщины. Мы утомили наших дам. Поговорим о другом.

Я бродила взад-вперед по обнесенному стенами двору в доме Сидо, похожему на двор женского монастыря, упиваясь свежим обманчивым воздухом лета.

Порой до меня доносился свист сидевшей на смоковнице птицы. На побегах вьющегося по стене инжира появились винные ягоды... все прочее казалось абсолютно безжизненным. Даже город проглотил язык.

Еще час, и солнце зайдет. Меня пригласят отобедать с ней, ведь в доме находится Ретка, теперь он проводит здесь много времени, ни от кого не скрываясь. А Оберис ни разу не переступил порога.

— Арадия.

Присутствие Ретки дает о себе знать в доме, в Эбондесе, на всем Китэ — неудивительно, что он явился и сюда. Как некоторые крупные люди, он перемещается совсем бесшумно; свойство, роднящее его с тиграми.

— Надеюсь, вы в добром здравии.

— Да, благодарю вас.

— У вас очень задумчивый вид.

Что мне сказать на это? Я промолчала, пристально глядя в

зеленовато-фиолетовые круглые плоды инжира.

— Жаль, что вы не смогли отправиться с ним в горы, — сказал он. — Но ведь вы — женщина совсем иного рода, нежели какая-нибудь обутая в сапоги амазонка, сжимающая нож в зубах.

Листья отозвались дрожью на тембр его голоса, на это вкрадчивое мурлыканье, вибрацию в замкнутом пространстве.

— Вы сильно по нему скучаете, — добавил он.

Что правда, то правда. Я сказала:

— Да.

— А письма приходят нечасто. Кроме того, клочок бумаги не может заменить живого человека.

Фенсер не присылал мне писем. Я не ждала писем от Фенсера.

Я потрогала листья инжира.

Он сказал:

— Как видно, к вам не пристаёт загар. Какая маленькая белая ручка.

Он потянулся в мою сторону, сорвал побег с темными листьями и вплеп его мне в волосы возле правого уха. Пальцы его ни разу не притронулись к моей коже, но я поежилась от одного их прикосновения к волосам.

— Вы ведь не боитесь меня? — проговорил он. — Вспомните, попав в беду, вы обратились ко мне.

— Я не забыла, — ответила я. И поспешно попыталась смягчить фразу: — И вы, и Сидо проявили чрезвычайную доброту ко мне, и теперь я в долгу перед вами.

— Мне пришлось бы по душе, если бы вы оказались моей должницей. Но я не смею утверждать, что так и есть на самом деле. Что касается Сидо, сомнительно, чтобы ваше присутствие нарушило ее жизненный уклад.

Я отвернулась от смоковницы и посмотрела на двор, залитый светом клонящегося к западу солнца. Сегодня вода не бьет из фонтанов. Их красота исчезла вместе с песней.

— А может, вы злитесь на меня, — сказал Ретка, — за то, что я возложил создание армии на Фенсера и отослал его отсюда.

— Он взялся за это дело по собственной воле, — сказала я.

Он проговорил:

— Между вами произошла ссора.

Мне стало тошно и неловко, как будто я опять выложила ему свои секреты. Но какой смысл отрицать? Со временем он сам увидит, что не ошибся в своем предположении.

— Ошибка, свойственная женщинам, — сказал он, — хотя мне доводилось встречать и мужчин, совершивших такую же. Вы строите свою вселенную вокруг одного-единственного мужчины. Все ваши помыслы сосредоточены только на нем. И постепенно вы впадаете в заблуждение, полагая, что он принадлежит вам. Вы посягаете на право владения, которым может обладать лишь бог или богиня. Ваше творение должно быть вашей собственностью. Но разве кому-либо из нас под силу вынести такое, под силу жить, оправдывая чьи-то ожидания.

— Ну, вас-то это вряд ли бы потревожило, — сказала я. Меня задела его слова.

— Вы полагаете, кто-то и со мной проделал подобное? Кто же? Во всяком случае, не Сидо. Она — существо крайне осмотнительное. Блестящая змея на теплой стене. С приходом зимы Сидо уползает прочь.

Его немногословное описание в точности соответствовало моим представлениям о ней; я подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза.

— Возможно, найдется несколько женщин, чья вселенная вращается вокруг Зуласа Ретки, — сказал он, — но я им не доверяю. Они нечисты на руку. Арадия, предприятия такого рода приносят одни тревоги, когда за них берется столь пылкий человек, наделенный сильной волей, как вы. Неужели вы думаете, что женщина с таким характером выбрала бы меня основой для создания своих ландшафтов? К чему ей уродливая глина и строение,

похожее на развалину?

Его неотразимый лик повис надо мною в воздухе, смутно виднеющаяся маска пробудила в памяти какую-то тень — быть может, Кира Гурца, соскользнувшего со своих высот в пределы моего ограниченного видения, или же тень стихийного явления, рокошущего морского мрака; столба пламени, взметнувшегося над горящим зданием...

Он смотрел сквозь густые заросли черных завитков, обратив ко мне лицо, уродливое, как он и сказал, но вовсе не похожее на развалину; его словно вырвали из первобытного хаоса сразу после появления на свет, затем покрыли гладкой позолоченной медью или бронзой и вставили глаза, сотворенные в отличие от остального из каких-то непознанных жидкостей, до того черные, что невозможно смотреть в них подолгу, а все же взгляда от них никак не оторвать.

Я отшатнулась, прижалась спиной к стене, и листья инжира зашуршали у меня под руками.

— Зачем я вам понадобилась? — спросила я. — Чтобы как-то скрасить день... оставьте меня в покое.

— Ну где же ваша деликатность? — ответил он, вероятно забавляясь. — Неприкрытые обвинения. Ни взмаха веером. Арадия, разве вы не взрослая женщина?

— Я маленькая бестолочь и дура. Я ничего не понимаю. Ни как вы живете, ни как обращаетесь друг с другом.

— Кто? О чем вы говорите?

— Эта страна взрослых. Я не имею права находиться в ней. Мои документы подделаны. Никогда мне не уразуметь... как следует жить в этом мире.

— А кто это понимает? — сказал он. — Мы все справляемся по мере сил.

Он отошел от меня, тиски напряженности разжались, и я сразу сникла. Он направился к фонтанам.

— Разгар лета, засуха, — проговорил он. — Она простоит до осени. Включать фонтаны разрешается только после сбора винограда. — Его целиком укрыла тень навеса абрикосового цвета. — Хотите, я вызову его сюда, чтобы порадовать вас? — спросил он. — Я имею в виду Завиона.

— Нет.

— Армия патриотов обойдется без него пару дней. Мы дали ему сырой материал, и его возможности не беспредельны. Завион — идеалист, он будет трудиться до потери сил, пытаясь добиться самых лучших результатов. А нужно лишь сунуть каждому в руки копье, да немного дисциплины. Так что же?

— Нет.

— Арадия, вы уже начинаете кипятиться. Вы вправду пригрозили Фирью, что прикончите его? Если судить по вашему виду, вы на это не способны. Но с вас станется укусить человека или поцарапать, правда? По крайней мере один мужчина погиб от вашей руки, или я ошибаюсь? — Он глядел на меня внимательно и задумчиво, пытаясь расшифровать письма хранившихся у меня в мозгу фолиантов.

— Фенсер посвятил себя служению вам, — сказала я.

— Мне об этом известно. Вы задаетесь вопросом, достоин ли я подобного служения? Разумеется, нет. А кто из смертных его достоин?

— Тем не менее вы позволяете служить вам.

— Я имел дело с человеком, чье воспитание предполагает хотя бы свободу воли. Но всякий, кто оказывается в положении Фенсера Завиона, считает необходимым посвятить себя чему-нибудь. Он начал с овечьей славой войны и так и не смог с ней расстаться. А ведь ему не по душе ее обратная сторона: залитое кровью поле брани, гибель живых людей. Парадокс. В некотором роде вы с ним похожи. Вы оба тянетесь к тому, что приносит вам боль.

Я сказала:

— Не зовите его сюда ради меня.

— Горячо сказано, дитя мое. Я вас послушаюсь. Ловко же вы обвели меня вокруг пальца, маленькая фея. Все мои ухаживания закончились по вашей милости разговорами о вашем муже.

Как раз в ту минуту по всему дому разнеслись переливчатые звуки клавесина, на такого рода фонтан никто не налагал запрета.

Ретка отвесил мне поклон.

— Я получил по заслугам и возвращаюсь к тому, что мне уже известно.

Стоило ему уйти со двора, как ниточки, что удерживали меня на ногах, оборвались. Я доползла до скамейки и села. Полная красок закатная жара обрушилась на меня с тяжелыми ударами, а впереди — черные удушливые объятия ночи.

Если бы только кончилось лето. Если бы только исчезла тень ночи, ежедневной ночи этого несчастья.

3

Засуха — неизменная черта лета на Китэ. Она приходит в Эбондис, зная заранее каждую из улиц и переулков, которые перетрет в своих жерновах; каждый сад, который увянет от прикосновения ее тонких обожженных пальцев. Бульвары перестают поливать водой. Затихает плеск фонтанов. Всякий дом с колодцем становится сокровищем. Каменеют русла рек на холмах. И возникает необходимость заново сотворить воду. Ею начинают торговать. Раздаются крики продавцов воды. Никого это особенно не пугает.

Однажды на рассвете разразился ливень. Он продолжался целых пять минут под неумолчный рокот говорливого грома, сопровождавшегося алмазными вспышками молний. Все выбежали на улицу, даже обитатели дома Сидо, в котором хватало средств для приобретения необходимого количества воды; они подставляли кувшины и ведра, ловя потоки милостыни насмешливых небес.

Откуда же берется вода, которой торгуют? Ну, разумеется, из горных водоемов, которые никогда не пересыхают. А еще из Тули. Ее перевозят по морю на кораблях.

Услышав такой ответ, я тихо вскрикнула: похоже, никто не догадался, почему.

А потом вода перестала поступать из Тулии. И из Кирении тоже.

«Блокада», — сказали они. Тулийские корабли патрулируют воды. Это святотатство. Тулии не миновать Божьей кары.

Теперь крики торговцев водой слышались реже.

Чистая вода исчезла со стола Сидо. Мы пили соки, кислое молоко коз, ошипывавших опаленные склоны холмов, мы умывались пахучими спиртовыми настоями. Потом привезли загадочные бочки, говорили, будто с вином. Но в них было не вино.

В ваннах и на столе у Сидо появилась вода.

А прочие жители Эбондиса, как всегда, перебивались.

Она вернулась в экипаже домой через полчаса после отъезда. Расстроенной она не казалась, только на лице появилось слегка презрительное выражение.

Кучер стоял во дворе и ругался. Его слова доносились до меня через окно спальни.

На площади Исибри разразился водяной бунт. Народ отправился к богине, чтобы молить ее, пусть пошлет не положенный по сезону дождь. А потом решил, что в происходящем повинны люди, а не боги.

— Они несутся к зданию суда с камнями и палками в руках и вопят: «Ретка, Ретка!», мол, пусть даст им воды, и тут же начинают кричать, что воды не хватает из-за него. А она в своей проклятой карете попадаете им на пути. Вот такущий камень... угодил в крышу кареты, а ведь мог меня убить. И как бы она оттуда выбралась?

Но Ретка обратился с речью к народу. И поклялся, что всем будут выдавать воду по норме.

В конце концов народ разразился криками, прославляя его.

Он перестал бывать в этом доме. Он по горло увяз в делах. По всему городу поползли

слухи.

Я вышла, чтобы купить ниток (источник оставленных мне Фенсером денег в отличие от водяных источников не иссяк, но я приобретала лишь самое необходимое). На меня, словно осы, обрушились роившиеся в воздухе слова. Скоро сюда придут тулийцы. Они уже в море. Они освоили воздушные корабли, нашли доселе неизвестный способ управления ими. Теперь они смогут парить над островом, осыпая его дождем зажигательных средств. Тулийцы никогда не жаловали ближние наши гавани, включая и ту, что расположена в деревушке Ступени. Они высадятся в Кисаре, где находится самый крупный гарнизон.

— Будет объявлен призыв на воинскую службу, — сообщила мне девушка, перебиравшая трясущимися руками иголки и намотанные на кусочки картона нитки. Ее брата призовут, он пойдет воевать, а ведь у него слабые легкие. В добровольческой армии слишком мало народу, но если брат погибнет, что станет с ней и с матушкой?

Вернувшись домой, я стала штопать чулки; в каждом стежке — отголоски ее причитаний.

Мне уже стало страшно? Нет, еще нет. Живущая во мне боль почти полностью избавляет меня от страха. Но может быть, когда придет ужас, он изгонит мою боль? Может быть, я должна страстно желать его прихода?

4

Войдя в гостиную, примыкавшую к дальней части двора, я опешила. Я застала в ней истинного хозяина дома, Обериса.

Я сконфузилась перед ним, ведь я пользуюсь его щедротами и, возможно, без его ведома. Он кивнул мне. Я прошла во двор и укрылась под смоковницей.

В полдень в гостиную спустилась Сидо, и до меня донеслись их голоса.

— Он слишком далеко зашел. Допустил просчет, — это говорил, стараясь держать себя в руках, Оберис.

— Тебе лучше знать, — вяло ответила Сидо.

— В городе сущий бедлам. В кварталах бедноты снова подняли бунт. Они ищут тулийцев друг у друга под кроватью.

Молчание.

— По имеющимся у нас сведениям, Тулия не шелохнулась. И никаких шагов не предпринимала. Однако ходят слухи. Мол, вот-вот нагрянут королевские войска и сотрут с лица земли все города на Китэ, которые не уплатили дани. Деньги, полученные при сборе налогов, не высланы. Он пытался настоять на их отправке. И я. Они проголосовали против, их было больше. Ну, и теперь сама видишь, в каком мы положении.

— А в каком мы положении? — произнесла она голосом, похожим на шорох веера.

— Губернатор скрылся. Наверняка кинулся прямиком в объятия своего короля. Кисара грозит прикончить тулийский гарнизон — две сотни мягких, как пудинг, человек, которые сдались к ним в плен. Если это произойдет, разве останется у нас хоть малейшая надежда договориться с Тулией? Ты слушаешь меня, Сидо?

— Да.

— Я просто вне себя. Ретка — единственная наша надежда.

— Да.

— Но что нам предпринять? Даже эта мифическая армия в горах... он отказался вызвать ее сюда. Сказал, если задействовать ее сейчас, начнется паническое бегство.

Последовала долгая пауза. Затем она спросила, не принести ли ему чего-нибудь. Он попросил вина, сказав, что воду пить преступно.

Я не собиралась слушать. Они меня вынудили. Когда разговор прервался, я снова прошла через гостиную, и он опять кивнул мне. Я поднялась наверх к себе, к горячей, как печка, кровати. И легла на нее.

Все это сумасшествие, этот мир и события в нем. Нет, я не хочу понимать. Не хочу

учиться.

— Мадам просит вас спуститься и отобедать с ней.

Бледная смущенная горничная застыла в темном дверном проеме, будто привидение; она пришла позвать меня на какой-то химерический пир, одним богам известно на какой.

Меня разбудили так внезапно, что я позабыла, где нахожусь. В Кронии или в городе детства? И что за женщина меня зовет, Воллюс, бабушка Гурца или моя тетушка Илайива?

— Прекрасно, — произнесла я надломленным голосом лунатика.

Стоило мне выразить согласие, как я тут же все вспомнила.

Я вымылась пригоршней горячей, как кровь, воды, надела платье теплого розового цвета и причесала волосы.

Время обеда не было для Сидо чем-то постоянным. На этот раз уже стемнело, и стол накрыли во дворе, чего, как правило, не делали из-за великого множества бабочек, слетавшихся на свет, чтобы там же и умереть, иногда среди них попадались особи размером с птицу, с глазками на крыльях, — увидев их впервые, я окаменела от страха. Для защиты от кусачих насекомых жгли дымные смолы. Сидо лежала на своем диване. Одеваться она не стала и вышла к столу в халате из черного шелка. Но ее шею обвивало несравненной красоты ожерелье из изумрудов и рубинов — полная противоположность ее наряду. Оно походило на жуткий рубец из цветного стекла. Лучи света, исходившего от свечей, пронизывали ожерелье, отблески без устали скакали по навесу и по стенам и рассыпались среди призрачного нашествия насекомых, затмившего собой реальность.

Завидев меня, она тут же сказала:

— Вам нравится мое восхитительное украшение? Мне подарил его в наш медовый месяц Оберис. Мне говорили, что и у королевы в Тули не найдется ничего прекраснее.

Она распустила волосы. Они окутывали ее фигуру и в силу свойственного им гальванизма липли к коже и к шелку, струясь до самого пола.

Подали обед. Еда отличалась сухостью, даже яствам в доме Сидо недоставало влаги. Мы ели, как всегда, молча, но вина она пила больше, чем обычно.

Когда мы перешли к десерту, она отослала слуг.

Своими руками Сидо разделила апельсины на дольки и полила их сиропом из плодов рожкового дерева, а затем передала мне тарелку, словно крестьянка из какой-нибудь хижины. Возможно, когда-то она и была крестьянкой. Разве можно что-нибудь знать наверняка?

— Я выше вас, — сказала она, — и мои платья вам не подойдут, иначе я отдала бы их вам.

Я положила в рот кусочек апельсина. Она смотрела вдаль; казалось, ни малейшей мысли нет в ее взгляде и глаза у нее незрячие. Она за чем-то наблюдает, но что же ей видится? Наши скелеты?

— Ретка, — проговорила она. И, помолчав: — Зулас Ретка.

Потом она взялась за графин, который мы почти осушили, только она пила больше меня, и наполнила наши бокалы. В вине плавали красные ягоды и веточка аниса. Она принялась их разглядывать.

— Помните роман, который читала нам служанка?

Я не ответила, и она внезапно перевела взгляд на меня.

— Да, — сказала я. Я не забыла, как его читали, но содержание стерлось у меня из памяти, за исключением одной фразы...

И тогда она процитировала те самые слова:

— «Дом Ночи». Помните? Я его видела. А однажды он мне приснился.

Я не поняла, о чем она говорит. Эти слова из книги превратились для меня в обозначение состояния ума и духа.

— Что... это такое? — спросила я.

— О, — ответила она, — это тюрьма.

Она посмотрела на остатки вина.

Я ждала.

— Несколько веков назад это место полюбили завоеватели из Тулии, — наконец сказала она. — Северо-западная часть острова. В романе героя и героиню бросили в эту тюрьму на погибель. Старухи пугают ею детей. Лишь мертвецы выходят оттуда на свободу.

Движением, свойственным ящерицам, она подняла осторожный, без единой капли тепла взгляд, моргнула, встала с дивана и вышла из-за стола; ее окутывали текущие струи черных, как ночь, волос.

Затем она рассмеялась, по-прежнему не отводя от меня глаз. Мне показалось, будто мне в горло впились острые когти. Подобно змее перед броском, она бессознательно таит в себе зло. Знай я какой-нибудь магический жест, помогающий отвести беду, я воспользовалась бы им; будь у меня доверие к кому-то из богов... я прошептала имя Вульмартис, на большее я была сейчас не способна. Может, она наслала на меня порчу? Понимает ли она, что делает?

Окруженная зелеными и алыми отблесками, Сидо прошла вдоль дворовой стены, волосы тянулись за ней шлейфом, скользя по плитам; оказавшись возле двери в гостиную, она скользнула внутрь, словно клинок в ножны.

Она уехала в ту короткую ночь. Все пути, ведущие из Эбондиса, теперь тщательно охранялись, но ее карету хорошо знали, и благодаря своему положению Сидо беспрепятственно покинула город. Лишь немного прихватила она с собой в маленьком лакированном сундучке, но положила в него лучшие из вещей, ставших ее добычей. Я думаю, она так и не сняла ожерелье, а просто прикрыла его шалью. Сидо увезла все свои кольца, но оставила несколько ценных украшений и все платья, даже наряд из серебристой ткани, похожий на свет.

Куда она отправилась, остается вопросом. Мне вспоминается колдунья из старинной сказки, которая взлетела в небеса на запряженной драконами колеснице. Вероятно, с острова еще можно было как-то выбраться. А вдруг одна из бухт не полюбила тулийцам? Подкупить хозяина рыболовного судна — дело нехитрое.

После отъезда Сидо слуги втихомолку разобрали все, что она побросала, а затем, как я и ожидала, тоже скрылись.

Град ударов, обрушившихся на входную дверь, возвестил о прибытии Ретки и сопровождавших его гвардейцев — я пошла открывать.

Он велел им оставаться на крыльце, а меня увел в дом.

Ретка огляделся по сторонам, скользнул взглядом по лестнице, по комнатам на первом этаже. По мере того как проходили дни, на предметах постепенно проступали отпечатки заброшенности. Я не пыталась этому препятствовать. Я стала лишь гостьей в доме, который все покинули.

— Чувствуете приятную прохладу? — спросил Ретка. — Зима настала. Сидо уехала. Ах, — сказал он, — до чего же безотказны эти солнечные часы.

Он прошелся по дому, составляя в уме опись имущества. Пару раз остановился и что-то положил в карман. Скорей всего, вещи, подаренные им Сидо, которые она не пожелала взять с собой, а может, что-то из собственных принадлежностей, валявшихся в доме. Если Ретка и ворует, то не по мелочам.

— Вам лучше отправиться со мной в здание суда, — сказал он, — здесь ненадежное для вас место.

Я послушалась. Очередные сборы моих личных вещей не заняли много времени.

5

По-моему, комната, которую мне выделили в здании суда, совсем недавно служила кабинетом кому-то из служащих. Рыжеватая штукатурка на стенах, а вид из окна, к счастью, загораживает дерево. Туда принесли и установили в удобном месте кровать и умывальник, письменный стол остался с прежних времен. Ретка извинился, сказав, что не может предложить ничего лучше. Царящие в городе настроения не понравились многим служащим

суда, и они укрылись в этом здании вместе с семьями.

Время от времени он обращался ко мне с просьбой переписать набело то или иное письмо. При этом он тоже приносил извинения, хотя уверял, что несколько самых выдающихся в городе дам выполняют такую же работу, а ведь одной из них уже за восемьдесят, правда, почерк у нее до сих пор весьма разборчивый. Содержание этих писем осталось для меня неясным. Тулийский язык в письменном виде нередко ставил меня в тупик, а кроме того, меня не интересовало переписываемое. Полагаю, Ретка не стал бы доверять моему перу что-то особо важное.

Чередой тянулись знойные дни, по неприятной красноватой стене перемещалась тень дерева. Как бы мне хотелось очутиться среди белых стен... или взобраться на это дерево: один взгляд на него действует как омовение. Однако листва уже пожухла, ей не хватало сил ни на блеск, ни на зеленую окраску.

На меня напала лихорадка. Я догадалась об этом потому, что днем вокруг всех предметов возникало подрагивающее сияние, которое по ночам начинало мелькать у меня перед глазами мерцающими вспышками, и тогда мой слух заполняли шорохи и внезапные высокие видимые звуки. Я отчасти верила, что в комнате обитают электрические существа, которые летают с места на место и подают друг другу сигналы.

Исход дня и начало вечера приносили мне наибольшую ясность сознания.

В те часы я с изумлением думала о месте, в которое попала, словно лишь только что заметила, где нахожусь.

Поначалу в столовой среди неуместной роскоши и золотистых парчовых драпировок устраивали обеды, во время которых мне довелось взглянуть на людей, переселившихся, как и я сама, в здание суда. Их лица были мне немного знакомы по встречам в салонах Эбондиса. Иногда на обедах присутствовал Ретка. Порой приходил Оберис. В разговорах с ним никто не упоминал о его семейных неурядицах.

Потом обеды прекратились.

Каждое утро мне ставили под дверь графин с водой. Он не всегда оказывался полным. Другие люди отпивали из него, словно мучимые жаждой олени.

В городе сократили норму выдачи воды, зато увеличили объем положенного по пайку вина. Из глубочайших подвалов, овеванных громкой славой, извлекли на свет марочные вина, предназначенные для сиятельных губ, и они растеклись по кувшинам простой черни. (Эти слова я позаимствовала из чьих-то сетований, гремевших на всю лестницу).

Ретка обращался с воззваниями к жителям города с балкона на здании суда. Или в сопровождении всего лишь четверых охранников выезжал на крепкой чалой кобылке на улицы, в самое скопище народа. Теперь только стойкость его духа и ничто иное поддерживала Эбондис.

6

Весь день в городе происходило брожение. В коридоре мне повстречался напуганный секретарь, которые поведал мне хриплым голосом: «В заливе у Кисары заметили несколько тулийских военных кораблей, а затем толпа ворвалась в крепость и перебила всех бойцов гарнизона».

На протяжении дня я потихоньку переваривала эту новость.

В какой-то момент я слышала, как звонят колокола храма Исибри. Но через несколько минут они затихли. Порой со стороны неблагоустроенных улиц и окраинных трущоб долетал гомон, как будто сотни людей вопили от страха и боли, а может, в буйной веселости.

Но птицы среди стоявших на площади деревьев держались твердо, как камень, и все пели.

Еду приобретали за счет служащих суда, ее приносили к дверям, как и воду. Все ели, когда придется. Завтракали не раньше полудня и то не каждый день. Вечернее блюдо, состоявшее из мясных консервов, маринованных овощей и хлеба из муки грубого помола,

могло появиться в промежутке от заката до полуночи в любую минуту.

На этот раз в дверь постучали рано, пастельные краски дня еще не стерлись с небосклона.

Не поднос с едой, а лакей Ретки.

Мне предстоит пообедать с Реткой.

Как и в случае с Сидо, мне оставалось только покориться.

На столе граненое стекло, серебро, салфетки с вышитой эмблемой города. Сияние двух светильников озаряет зал. Между кровавыми занавесками зеленеют окна — сумеречные фалды, пришитые к комнате.

Лакей обслужил нас и ушел.

Блюда не выходили за рамки всеобщего меню, но к ним добавилось немного фруктов и сыру, соусов, солений и сладостей, разложенных по серебряным сосудам. Первая порция вина оказалась звучной; красный гром, запертый в бутылке. Он счел излишним переливать его в графины. За весь обед мы испробовали три сорта вина, а под конец еще фруктовый ликер.

Пока мы ели, Ретка говорил, от меня требовалось лишь внимание. Я подумала: видимо, за этим меня и пригласили, в качестве аудитории. Он набрасывал приблизительную картину грядущего возмездия, делая это без рисовки, отнюдь не мелодраматично, а вдумчиво, порой замолкая перед тем, как продолжить анализ ситуации. Я постепенно пришла к убеждению: это не элегия. И меня вызвали не в качестве безымянного пажа из последнего акта великой трагедии, который появляется затем, чтобы король смог исповедаться в грехах, прежде чем рухнуть грудью на меч. Отчасти можно сказать, что Ретка объяснял мне устройство шахматной доски, на которой стояла и я — крохотная неуместная фигурка.

По сути рассказ его совпадал с тем, что я уже слышала и ощутила. Охваченный жаждой крови народ впал в истерию и уничтожил бойцов гарнизона в Кисаре, ранее сложивших оружие. Это омерзительное проявление бунтарских настроений развязало руки тулийцам. Пушка имелась на борту лишь одного из трех или четырех кораблей, патрулировавших залив, но этого было достаточно, чтобы открыть огонь по городу. Пару часов спустя жители Кисары обратились в бегство, а тулийцы высадились на берег.

В совете Эбондуса провели голосование, и собранной по задворкам армии приказали спуститься с гор.

— О численности тулийских войск в Кисаре поступают противоречивые сообщения, — сказал Ретка. — То две тысячи человек. То пять тысяч. То шесть сотен.

Сегодня у Ворот на Холме произошел бунт. Толпа жителей Эбондуса, которые твердо вознамерились спастись бегством, напала на гвардейцев, посланных туда, чтобы охранять дорогу.

Ретка ударился в мрачные рассуждения о средствах обороны города. О том, что представляют собой жители Китэ как воины, об их достоинствах и слабостях. О недостаточности интеллектуального потенциала человека перед лицом подобной ситуации.

Он крутил в руках рюмку с розовато-лиловым ликером и вдруг спросил меня:

— Арадия, какие возникают у вас мысли при взгляде на эту панораму?

Я пила вино за обедом, к которому явилась в своем несчастном ежедневном платье с перешитыми рукавами. (Небрежно переделанные швы на розовом бальном наряде в конце концов разошлись.) Я одевалась, не испытывая страха, не ожидая встречи с каким-то могущественным врагом. Ужас все еще не добрался до меня, так уж получилось. Я сознавала только одно: колесо по-прежнему неуклонно катится вперед по дороге, залитой огнем и желчью.

А потому сумела дать ответ:

— Мне кажется, затеявая свое предприятие, вы стремились не к победной звезде, а... к этому.

Он пристально поглядел на меня с противоположной стороны стола.

— К чему? Как вас понимать?

— К... этому. К провалу и крушению. Как будто воспевая победу и независимость, вы

жаждали именно этого.

— Понятно, — сказал он, допил ликер и налил себе еще.

Но что-то в моих собственных словах взволновало меня. Я заговорила, жестикулируя, пытаюсь донести до него всю важность сообщения.

— Именно этим все оборачивалось каждый раз. Для моего города, когда пришли кронианцы... потом для самих кронианцев. Точно так же ребенок тянется к языку пламени, желая схватить его. А затем в криках боли звучит своего рода торжество...

— Вас слышат боги, — сказал он. — Поостерегитесь. Чрезмерная мудрость — это очень рискованно.

— Но вы втаптываете в землю всех остальных, то есть нас, — продолжала я, — когда несетесь галопом в преисподнюю.

— Возможно, мы навлекаем на себя поражение, стремясь к победе, а вы жаждете тех самых страданий, которые вызывают у вас ужас, — возразил он.

— Отнюдь.

— Н-да. Однако в данном случае мне пока не кажется, что поражение неминуемо, — сказал он. — Через неделю, а то и раньше они придут сюда. Тогда мы и узнаем, может ли Китэ одержать победу, а Тулия потерпеть поражение, верно? В конце концов, не исключено, что и рука тулийского короля потянулась к огню.

За окнами раздался громкий перезвон колоколов. Я вскочила с места. Странная реакция, ведь и тогда я не встревожилась всерьез.

— Спокойно, — сказал он. — Враг еще не явился. Мне сообщили бы об этом.

— Так что же там такое?

— Восторги паники. Страх подыскал для них занятия. Известны вам подобные радости? — Он встал, не сводя с меня глаз; поблескивающий стол и пятнышки света вокруг него по-прежнему разъединяли нас.

Я опьянела. У меня закружилась голова и возникло ощущение, будто я покинула собственное тело. В тот миг реальными казались лишь он да я. Словно мы с ним повисли в воздухе, а нас окружают фантомы несуществующих предметов — мебели, стола, конторки, свечей, этих комнат, здания, города и всяческих событий на земле: смены времен года, ее дни и ночи, и засухи ее восстания и войны.

Он понял, о чем я говорила. Он тоже об этом знает. Все мы занимаемся лицедейством, играя в огромном зрительном зале из пространства и времени; этот спектакль может закончиться смертью, и в то же время он лишен смысла, все это ложь.

И он знает.

— Ладно, — сказал Ретка. — Видите ли, Арадия, по-моему, вам лучше уехать из Эбондиса. Завион прятал вас в деревушке на северном побережье. Вы могли бы отправиться туда и, сев на корабль, уплыть с острова. Тулия смирится с присутствием маленькой девочки из сахарного кристаллика, если вы умолчите о том, что вам ведомы замыслы небес. Возможно, вы найдете безопасное пристанище в Кирении. К тому же существует Сибрис. Полагаю, Фенсер оставил вам денег, но маловато. Я в состоянии это исправить.

Мимолетное, блестящее, как драгоценный камень, видение промелькнуло у меня перед глазами: бегство, отступление, я все бросила, а Фенсер остался в объётой пламенем дали, за баррикадой из клинков и дыма. Движение вперед, очередное место, где я стану жить в ожидании. В пустом ожидании. Моим глазам открылся спектакль и лживая роль, которую я могла бы исполнить. Вовсе не обязательно, чтобы она меня заинтересовала. Нужно просто прожить ее до конца; играть, подлаживаясь под вкусы галерки.

— Не слышу возражений, — проговорил он, — значит, вы готовы пойти на это и покинуть Фенсера?

— Он сам меня покинул, — ответила я, — все кончено.

— Ладно, — повторил Ретка, — но мы переправим вас в безопасное место.

И тогда я рассмеялась ему в лицо. Рассмеялась потому, что сообразила, какую партию исполняет он в то время, как я играю свою роль; потому, что мне удалось все понять, и еще

потому, что он позволяет себе такое гораздо чаще, чем я.

Его высокий рост и крупная фигура, и варварская сила, блистающая факелом в огне свечей, — все это — костюм героя. Он его выбрал и натянул на себя. Так что же прячется под шлемом, что сквозит в черных как смола щелочках забрала, в его глазах?

— Подойди ко мне, — сказал он, и я пошла, нимало не заботясь ни о чем, кроме тайны, частью которой мы с ним являлись.

Сильные, грубые руки схватили меня. И приподняли над землей.

— Обними меня за шею, — сказал он.

Я так и сделала. Он понес меня через зал в другую комнату, к себе в спальню.

Я упала на постель; казалось, по ней гуляет блаженный ураган, и она качается и кружится. Ретка склонился надо мной, и одна только его тень резко вытеснила воздух у меня из легких. Теперь мне полагается вступить в борьбу с ним. Я вскинула руки, чтобы вцепиться ему в лицо — удары по несокрушиму металлу, лежащему на наковальне, оставляют вмятины, — но он поймал их, сжал в кулаке и припечатал к подушке у меня за головой. Вторая его рука прошла по моему телу, ощупывая каждую его пядь. Ласки как у тигра, ни малейшей нежности. Он насилует меня. Но насилие совершается на этот раз с моего согласия. Ведь это мощь, это судьба, что придавила и усмирила меня, это она задирает тонкую юбку, и тискает, и жмет, и чудовищная ярость этого вторжения и соития раздирает меня. Отчаяние, возбуждающее страсть; полная потеря власти над собой. То, что когда-то, при встрече с Драхрисом, я по ошибке приняла за жестокость и грубое обращение человека, — это извержение внутреннего «я», несущее освобождение, как капитуляция перед лицом смерти.

А потому я отреклась от самой себя, позволила ему захватить себя в плен и обмолотить, подобно жерновом судьбы, так движется мотор в расплавленной сердцевине земли — напор, удары и горение, и звон, похожий на вой колоколов; громада его тени обрушилась на меня ночной чернотой, и вот меня не стало, уничтожение свершилось, я воссоединилась со всем и в то же время ни с чем, распалась на множество частиц и не могу даже вскрикнуть, тело мое разверзлось, и душа куда-то отлетела.

Я очнулась, он лежал рядом. Мои руки, безвольно покоящиеся и все так же закинутые за голову, касались его, а я глядела в потолок с нарисованными облаками и ананасами, похожими на шишки; возможно, там и побывала моя душа.

Он не сказал мне больше ни слова, просто ушел и оставил меня спать в этой постели.

Некоторое время я лежала, задумчиво глядя в потолок, как делают дети, и размышляла над тем, что со мной случилось. Я не чувствовала ни удовольствия, ни печали. Мне казалось, что меня промыли и вычистили, и я почти полностью потеряла память и потому могу уснуть.

7

Я ушла, когда в его покои пробрались лучи рассвета.

Под стать всякой штатной проститутке я, крадучись, заскользила по коридорам; пару раз мне повстречались искавшие что-то чиновники, но они не обратили на меня внимания.

Однако у себя в комнате я обнаружила принесенную спозаранку еду и графин с водой. Я проглотила завтрак и принялась бродить по комнате, собирая вещи к отъезду. Мне показалось, что ни одна из них мне не принадлежит. И поскольку лучше путешествовать не отягощая себя багажом, я почти ничего не взяла.

Усталое, замученное солнцем дерево приобрело ярко-желтую окраску, которая была очень похожа на зеленую, в тот момент, когда по моему окну растекся дневной свет.

Около полудня, постучав в дверь, ко мне опять явился лакей Ретки; он вручил мне сверток и сообщил, что через час все должно быть готово к отъезду. Кто-то проведет меня к боковым дверям, куда подъедет экипаж.

В свертке лежал бумажник с документами на мое имя. Официальные бумаги, свидетельствовавшие о том, что я — подданная Чаврии, существо, избавленной судьбой от

необходимости противостоять какой-либо из сторон. Я с глубочайшим изумлением обнаружила, что в бумагах значится мое подлинное, данное мне при рождении имя. Можно лишь строить предположения о том, как он его узнал. На мой взгляд, у Фенсера не было причин сообщать его Ретке.

В бумажнике обнаружилось также изрядное количество денег, металлических, бумажных и тулийские векселя.

Я поняла, что больше не увижу Зуласа Ретку. Наше с ним общение закончилось. Я могла бы утверждать, что скрасила ему последние ночи, проведенные в качестве властелина Китэ. Но по трезвом размышлении я обнаружила величайшее нежелание удерживать в памяти то, что сделала, чему позволила произойти. Он изнасиловал меня, потому что мне этого хотелось. Я помнила о своих побуждениях, о пришедших мне тогда в голову мыслях. Я по-прежнему верила, что мне открылась вселенская истина, и это яростное соитие скрепило знание печатью. Но теперь я просто Арадия, и Арадия оплакивает возникшее у нее желание, стремление подобно жрице заменить любовь телесными истязаниями, раз уж любовь оказалась недоступной для нее.

Я стояла в дверях, снова держа в руке саквояж; я уже почти достигла невесомости, почти превратилась в пустоту. Дерево, померкнув, окрасилось в цвет охры, а передо мной возник невысокий узкоплечий человек, который повел меня по темным закоулкам здания в грязный внутренний двор, забросанный соломой. Передо мной отворилась дверь, и я увидела потрепанный экипаж с двумя лошадьми и возницей в неприметной одежде. И нигде никаких знаков отличия.

Мы ехали по улицам, я смотрела по сторонам. Колокола больше не звонят; кажется, повсюду царит запустение, многие из домов и магазинов заколочены досками. Мужчины, сбившиеся в кучку на центральной улице, злобно поглядели в нашу сторону, один что-то крикнул, но тем все и кончилось.

Благодаря принятым Реткой мерам нас выпустили за ворота города.

На полях и в оливковых рощах ничто не напоминает о близящемся сборе урожая. Лишь несколько человек ухаживали за деревьями да бродили по гребням холмов, за которыми начинались виноградники. В воздухе кишмя кишели насытившиеся до отвала мухи да успевшие слететься на пирушку осы.

Белое солнце нещадно палило, и вся округа застыла в странной неподвижности, свойственной переломным моментам, уподобившись краям, где гуляет чума. Даже голоса птиц звучали неуверенно, они жалобно пищали, как будто повторяя один и тот же вопрос.

Но я уже не раз видела картины опустошения, таящие дурные предзнаменования. Я смотрела сквозь сон на придорожные цветы, на пыль. Мы ехали, поднимаясь вверх среди рыжевато-коричневых холмов. И я поразилась отсутствию боли в минуту, когда вот-вот покину главный очаг своей жизни.

Я расстаюсь с Фенсером, теперь он будет сражаться, заглаживать вину и, может, умирать — все в одиночку. Мое присутствие ничего бы не изменило, а все же как-то странно.

И этот стук копыт все удаляется и удаляется.

Я спала, когда убили кучера. Вероятно, он совершил какое-то преступление. Меня разбудил толчок, лошади издавали жуткие звуки — рывок, повозка покатила, затем встала. Я свалилась на пол.

Дверь экипажа резко распахнулась. Чудовищные руки, похожие на пару механических лап, схватили меня и выволокли наружу. Я сделала шаг, споткнулась и упала на дорогу в удушливую пыль. Я словно очутилась в пудренице. Когда пыль улеглась, моим глазам открылось нечто напоминающее картину места, где произошла авария. Кучер, с которым я и словом не перемолвилась, распростерся возле кромки дороги с коричневой травой. Пуля угодила ему в висок; наверное, стреляли из кремневого ружья. А при падении у него сломалась шея. Два крестьянина удерживали лошадей — по виду они ничем не отличались от жителей Ступеней. Еще несколько человек стояли вокруг меня. Все они — уроженцы

Китэ, смуглые, как его холмы; небо у них за спиной окрасилось в бело-желтый цвет — опаленный летний день близился к концу.

— Вставай, — сказал один из жителей Китэ на местном наречии.

Я поднялась с земли, а они внимательно оглядели меня.

— Мы не хотели причинить вам зла, барышня, — проговорил второй. — А он, — взмах руки в сторону, где валялся труп, — не пожелал остановиться.

Я ждала, пока они решат, как со мной поступить, а сверчки все буравили воздух.

— Но нам понадобится эта повозка, — сказал первый.

Потом они отобрали у меня саквояж и широко его раскрыли. Кое-что из вещей, вроде меня, вывалилось на дорогу. Они плотоядно уставились на панталоны. Похоже, этот предмет белья скорее способен вызвать у них непристойные мысли, чем женская фигура. Затем на свет явился бумажник. Они быстренько вынули деньги и разорвали векселя. В недоумении посмотрели на мои фальшивые документы и попросили меня объясниться. Я сказала, что являюсь подданной Чаврии, как и указано в бумагах. А что же я делаю здесь? Я ответила, что приехала вместе с мужем, но теперь он велел мне вернуться домой.

Они спросили, кто мой муж.

Житель Китэ, сказала я.

Я пришла в смятение и подумала, уж не пытаются ли они поймать меня на чем-нибудь, но тут вопросы иссякли, и вскоре они потеряли ко мне всякий интерес.

Они не взяли моих вещей. И даже, как бы спохватившись, вернули бумагу с указанием подданства. Набив карманы деньгами Ретки, они отправились прочь по склону холма, ведя за собой лошадей, запряженных в повозку.

Когда они скрылись из виду и мы с кучером остались вдвоем, я присела на обочину.

Видимо, это происшествие было предначертано заранее, как столкновение со всепожирающим огнем судьбы, открывшимся мне прошлой ночью. Словно я отправилась в путь затем, чтобы меня задержали, обобрали, ограбили.

Мне придется идти в деревню пешком. Движущееся к западу солнце укажет мне путь, и дорога поможет, хотя она мне незнакома.

Но оказавшись на развилке, я, по незнанию, ошиблась в выборе пути.

Я плутала, впад в беспамятство и покорность, все то время, пока умирал день. Мне и прежде случалось заблудиться.

Иногда я садилась на землю и глядела на схожие с курганами холмы — козы и заячьи тропки виднелись повсюду, но всякий след дороги пропал. Стоящие друг подле друга тенистые сосны да редкие оливковые деревья — эти вехи никак не могли служить мне ориентирами. Я прекрасно понимала, что все дальнейшие попытки обречены на неудачу. И продолжала идти.

Затем, незадолго до заката, я увидела бледный мерцающий пробел меж двух вершин, спускавшийся все ниже и ниже, и признала в нем сценическое изображение моря.

Я вошла в деревню, еле волоча ноги, когда наступили сумерки; оказалось, что это не Ступени, а двери в ночь. Деревня находилась ближе к северу, но в ней оказалось полным-полно тулийцев.

Неудивительно, что они забили ее битком, ведь она была совсем крохотная. Тридцать человек в ярко-синей военной форме; впрочем, после того, как они высадились на пляж и провели некоторое время, расхаживая с важным видом по пыли, красуясь перед жителями деревни, этот яркий мазок потускнел.

Не найдя иного помещения, они расположились штабом в домике священнослужителя возле маленького храма.

Меня привели в освещенную фонарями каморку и принялись по очереди допрашивать. Я отвечала, стараясь как можно чище выговаривать тулийские слова. Я — чаврийка, но прожила некоторое время в Дженчире. Похоже, они никогда не слышали о Дженчире и посмотрели на меня так, будто я посмела выдумать этот город.

Вначале мне пришлось стоять, но потом они позволили мне сесть на жесткую

деревянную табуретку. Лишь косточки корсета помогали мне прямо держать спину. Мне хотелось, чтобы меня куда-нибудь увели и дали бы поспать, но они не отступались от меня. У них возникло впечатление, что я прибыла из города под названием Эбондис, так ли это? Я отвечала, нет, я держу путь из деревушки, расположенной дальше по побережью. Я хотела навестить женщину, которая живет среди холмов, но на меня напали бродяги. И я заблудилась.

Я уже предъявила им фальшивые документы, удостоверяющие мое чаврийское происхождение. Если я всего лишь поехала в гости в район холмов, зачем мне понадобилось брать с собой такую бумагу? Я всегда держу ее при себе, ответила я, ведь времена нынче беспокойные.

Им показались смешными слова, которые я выбрала. Они сказали, что Китэ — комар, куснувший короля. Их послали почесать ему укушенное место.

Они не выказали особой жестокости. Когда я попросила попить, они принесли мне воды из своей бочки.

Моя личность почти не вызвала у них подозрений, и я понадеялась, что они оставят меня в этой деревне, когда двинутся в глубь острова. Жители деревни в общем не проявляли патриотических чувств и относились к тулийцам по-братски, а девушки были не прочь завести с кем-нибудь из них роман. Захватчики пребывали в хорошем настроении.

Однако меня отвели в пустовавшую хижину за храмом и заперли там на ночь, оставив немного хлеба и кружку пива. Из хижины вынесли все до последнего предмета, имеющего хоть малейшее отношение к уюту, и спать было не на чем, разве что на земляном полу. Я прилегла, но моему усталому телу никак не удавалось приспособиться к такой твердой неподатливой постели. Пока я крутилась и вертелась, прислушиваясь к хору лягушачьих голосов, доносившихся от деревенского колодца, и к шагам тулийского часового, время от времени проходившего по улице, что-то легонько прикоснулось ко мне длинным серым пальцем. Казалось, с прошлой ночи, проведенной в Эбондисе, прошел год.

На следующее утро в деревню прибыл еще один небольшой отряд тулийцев и вместе с ними человек, которого они называли киренийцем. Младший офицер, который снял замок с моей двери, изъявил желание пофлиртовать со мной, хоть я и представляла собой жалкое зрелище (бледная, страдающая от тошноты, в волосах комья земли), и повел речь об этом самом киренийце в небрежной презрительной манере; подобный тон мне доводилось слышать прежде.

— Он нам пригодится, — сказал тулиец, — только мне не хотелось бы сидеть с этим малым за одним столом.

Как выяснилось, кирениец проживал раньше на Китэ и занимал значительное место среди повстанцев. Затем вышла неприятность не то из-за долгов, не то из-за женщины; он пустился наутек и снова присягнул на верность тулийской монархии. Его знание острова и различные сведения, почерпнутые во время заседаний эбондисского совета, пришлись кстати. Тем не менее он... как называют такого рода людей?

Немного погодя субалтерн-офицер сообщил мне его имя; разумеется, оказалось, что его зовут Фирью.

Я по-прежнему не проронила ни слова. Однако согласно предначертаниям огненного рока, Фирью прознал о заблудившейся женщине, которую поймали солдаты; иначе и быть не могло, ведь я сама навлекла на себя наказание, когда попросила у судьбы пощады. Потом он заявился ко мне, вероятно желая выказать услужливость, а может, его подтолкнула божественная длань.

Внешность его ничуть не изменилась, все тот же щеголь в камзоле с мозаичными пуговками, в сапогах с бронзовым отливом, затмевающих блеском утро. Глаза его чуть не выскочили из орбит, когда он всмотрелся в мое лицо. Но у него достало художественного вкуса, чтобы хорошенько насладиться этой минутой.

— Ах, да ведь эта женщина — кронианка, — воскликнул он, но я не изумилась, всякое удивление уже осталось далеко позади; я сообразила: Ретка покопался в прошлом Фенсера, а

заодно и в моем, и, видимо, Фирию попалась на глаза какая-нибудь путаная записка. — Она шпионка, уверяю вас. Вечно подглядывала в окошки, прячась где-нибудь за занавеской, да подслушивала. Но вот, если угодно, еще одна деталь: она — милашка одного из командиров при Зуласе Ретке, человека по имени Завион.

Тулийцы, которые столь пристойно со мной обошлись, глядели так, будто сообща пригрили на груди змею.

Фирию стоял, теребя усы.

— Надеюсь, никто из вас не забавлялся с этой ведьмой, — добавил он, — она страдает весьма опасным заболеванием.

Тулийцы выполняют военное задание, у них полно дел, меня же необходимо отправить в другое место, где проведут тщательное расследование моих злодеяний.

В разговоре они называли это место Замком. По соседству с ним уже создан опорный пункт тулийских сил. И в нем имеются постояльцы, которых за прошедшие годы поместил туда губернатор. Двух человек придется отрядить со мной в качестве конвойных, а добраться туда можно, проплыв вдоль побережья на одной из рыбацких лодок.

Хотя субалтерн-офицер теперь и глядел на меня с тем же пренебрежением, какое звучало в его рассказе о Фирию, он все же обратился к своему капитану:

— Сэр, по одному слову этого человека заточить даму туда, в темницу?

Но слово Фирию отлито из стали, а сверху покрыто чистым золотом.

Ведь «дама» окажется в сохранном месте, стены этих башен надежно ее укроют до тех пор, пока с приключениями на Китэ не разберутся до конца. И заметьте, она ничего не отрицает.

Субалтерн-офицер повернулся ко мне:

— Мадам, если у вас имеются оправдания, вам следует немедленно о них рассказать. Эта тюрьма — безнадежно гиблое место.

— Знаю, — ответила я, — мне рассказывали о ней. Я не кронианка, ваш соглядатай напутал, когда читал какие-то бумаги.

— А Завион, — спросил капитан, — какие между вами отношения?

— На этот счет осведомитель не солгал. — И, проявив изворотливость, на которую никогда не считала себя способной, я добавила: — Смею заверить, его второе обвинение несостоятельно, поскольку я никогда не вступала с ним в интимные отношения.

Полагаю, если бы я стала плакать и кричать, осыпая их мольбами и ругательствами, если бы сумела сочинить блестящую ложь или предложила бы в обмен на свободу какие-нибудь ценные секретные сведения, хоть ничего и не знала, они все равно поступили бы со мной так же.

В сопровождении молчаливых тулийских конвоиров мне пришлось отправиться к рыбаку, у которого имелась лодка; он поглядел на нас и в ужасе оскалил зубы, как собака. Мы продвигались на северо-запад вдоль побережья острова, где высились громадные скалистые стены, окаймленные кружевной оторочкой вод; постепенно выраставшее среди них каменное строение приобретало все большее сходство с творением природы, как будто не люди, а боги создали Дом Ночи в наказание за мои грехи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

На подходе к замку высятся малахитовые утесы, проступающие на фоне металлического неба; они выглядят как порождение загробного мира, и это впечатление оправданно. Столь ярким зеленым нарядом скалы обязаны ползучим водорослям и мелким морским организмам, переполняющим узкую, как дымоход, бухту, ведущую прямо к уступу высокого отвесного утеса, в котором множество столетий назад выдолбили жуткого вида

лесенку и установили вдоль нее столбики с цепями. Из этой скалы вырастает другая; там, где начинают вырисовываться очертания толстых башен и зубчатой кромки, скала приобретает черный цвет. Кажется, в башнях совсем нет окон. Их и вправду мало.

Рыбак остался в лодке, ожидая возвращения тулийцев; он решил, что этот замок может навлечь беду, и принялся хрипло бубнить себе под нос какое-то заклинание.

Мы продвигались вверх, а лодка и сидевший в ней человек становились все меньше и меньше. Жизнь каждого из нас висела на волоске, мы то и дело поскальзывались и цеплялись за перила. Пару раз поднимавшийся следом за мной конвоир выручал меня. Упасть было нетрудно. Я этого не сделала. Мы ни о чем не ведаем, кроме жизни, и отказаться от нее нелегко.

Казалось, эта вскинутая в небо лестница тянется на миллионы миль. Небо нахмурилось, стало лиловым, как лаванда, в нем кружили чайки цвета копоты.

Пройдя под арку, попадаешь на вымощенную плитами дорожку, по обе стороны которой вырастают громады стен. И куда ни кинь взгляд — на оставшуюся далеко внизу бухту и разбегающиеся веером морские волны, отороченные пеной, и лодку, похожую на рыбью кость, или на уходящие вверх стены безглазых конических башен, вокруг которых, словно мухи, кишмя кишат чайки, начинает кружиться голова.

Отсюда не разглядеть, где расположен лагерь высадившихся на остров тулийских войск. Вероятно, он в нескольких милях от побережья. А это место совсем не похоже на Китэ. Это преисподняя, зависшая почему-то высоко в воздухе.

Тюрьма казалась безлюдной и безжизненной. Но только казалась. На звон колокольчика, который даже моим тулийским конвоирам пришелся не по душе, к двери с глазком явился своего рода ключник. Похожий на гнома человечек не то в пальто, не то в еще какой-то хламиде, будто сплетенной пауками, тянувшейся за ним хвостом по земле, живущая во мраке тварь с мертвенно-бледным вялым лицом.

— Здесь есть начальник? — спросил один из солдат. Но тварь оказалась глухой и тупоумной, или же карлик не понимал общепринятой тулийской речи. Однако он ткнул пальцем в солдатский мундир, ухмыльнулся и внезапно изрек:

— Тулия.

А затем распахнул дверь, гостеприимно приветствуя нас, будто какое-то воспоминание.

— Как вас зовут?

Конечно, именно так и должен выглядеть вход в обиталище смерти. Сводчатая тьма, сложенная скорее из теней, нежели из камня. И, видимо, ни одного узенького окошка из тех, что лишь слабо пропускают свет. Но где-то там, за глыбой письменного стола восседает тюремщик — лицо с блестящими, как черви, губами, они шевелятся, требуя откровения живой души.

Мне доводилось слышать о первобытных сообществах людей в экваториальных странах, члены которых никому без нужды не открывают своего имени. Человек, узнавший его без спросу и поминающий его в разговорах, совершает большой проступок и нарушает правила поведения.

В лице тюремщика я столкнулась именно с таким преступлением. С таким ужасом. Но я должна ему ответить. Если он потребует, чтобы я разделась перед ним догола, это тоже придется исполнить.

Я сообщила ему имя, которое значилось в документах.

— Капитан тулийцев прислал мне бумагу, в которой сказано, что вас зовут Арадия Завион.

— Меня зовут иначе.

— Значит, вы были потаскухой при Завионе.

Я сказала:

— Мы жили вместе как муж и жена.

Он что-то записал в своем гроссбухе. Губы его опять зашевелились, извиваясь.

— Сведения, которые содержит вторая бумага, ложные?

— Именно так.

— Вы — подданная Чаврии, а не Кронии? Где вы родились?

Я ответила и на этот вопрос.

— Это не чаврийский город, — сказал тюремщик.

— Он состоит в союзе с Чавро.

Он снова принялся писать пером с длинной беловатой ручкой, наверное, из слоновой кости. Она неприятно поблескивала в темноте.

— Вас заключили сюда, — сказал он, — по подозрению в измене. Вас обвиняют в причастности к мятежу на Китэ или, если вам больше нравится, в шпионаже в пользу Кронии; как первое, так и второе одинаково неприемлемо для королевства Тулия. — Я попыталась было заявить, что ни в чем не повинна, но, разумеется, безрезультатно, и тюремщик тут же оборвал меня: — Можете считать себя пленницей тулийского королевства. Вы займете одну из камер. И пробудете под юрисдикцией начальника этого замка, пока не рассмотрят ваше дело.

— Я хотела бы повидать начальника, — сказала я.

— Если он этого пожелает и в то время, которое он сам выберет, — ответил тюремщик, и похожие на червей губы изогнулись в улыбке.

Проводить меня в камеру поручили женщине, что несколько удивило меня. Черно-серое обиталище окрасило ее, как и всех прочих, в свои цвета, вплоть до волос и запавших глаз. Она смотрела на меня с ненавистью и отвращением. Я вызвала такое отношение произвольно, лишь потому, что оказалась в ее ведении.

Она велела мне идти впереди, хоть я и не знала дороги. Тусклый свет проникал в сырые извилистые коридоры сквозь изредка попадавшие в их чешуйчатых боках щели. Когда мы добрались до места, где стояла заранее приготовленная лампа, надзирательница зажгла ее. А затем все четверо — она, я да наши тени — отправились дальше.

Возле лестницы в сочившейся влагой стене показалась длинная узкая ниша. Я вздрогнула, заметив в ней чью-то фигуру, но надзирательница ничего не сказала конечно, в моей реакции не было ничего особенного, ведь нас окружал мрак, а в отблесках светильника все виделось искаженным. Над нами возвышалось не живое существо, а статуя костлявой старухи из черного мрамора. Я было задержалась, но надзирательница бросила:

— Идите же.

Я начала подниматься по лестнице, статуя осталась позади; я не успела толком разглядеть ее, но мне подумалось: должно быть, это Вульмартис, богиня в облике Старухи. Какое другое божество согласилось бы влачить мрачное существование в этой нише у входа в промозглую преисподнюю?

Мы поднимались все выше и выше в башню и наконец добрались до отведенной мне камеры.

Мы задержались у ее порога, и я услышала страшный нескончаемый гром, гулявший по замку, — безмолвие. Казалось, среди всех этих каменных пещер нет больше ни единого живого существа.

Ключ надзирательницы заскрежетал в замочной скважине, затем она повела меня в камеру.

И опять я удивилась. На стенах давнишняя побелка. Окно выходит на океан.

При взгляде на незастекленное окно первым бросался в глаза и приводил в смятение крест — вертикальная железная перекладина шла от подоконника и пересекала перемычку, которая слилась с разделявшим море и небо горизонтом... все отверстие не больше моей головы. В то же мгновение я поняла, что буду подолгу простаивать перед ним, прижимаясь висками и щеками к камню, а железная перекладина вопьется мне в лоб, рассекая меня надвое.

Надзирательница снова обратилась ко мне:

— Вам принесут соломенный тюфяк, постельное белье и предметы первой необходимости. Уборка в камере — ваша обязанность. Таких заключенных, как вы, кормят

два раза в день. Возможно, вам разрешат прогулки. Я еще не получила указаний на этот счет.

Я обернулась и поглядела ей в лицо.

— Могу я обратиться к кому-нибудь с апелляцией?

— Я ничего об этом не знаю, — ответила она. — Раз уж вы сюда попали, вам лучше смириться с этим.

Затем, не желая больше попусту тратить свое бесполезное сумеречное время, она направилась к выходу и заперла меня в камере; ключ со скрипом повернулся в замке.

Меня поддерживало отсутствие убежденности. Я успела породниться и сблизиться с несчастьем, но, по-видимому, все еще воспринимала беду как своего рода зал ожидания.

И вот, я присела на каменный выступ и принялась ждать.

2

Милое море, ты — постоянный мой собеседник, мое волшебное зеркало, благодаря которому я вижу землю.

Безжалостное море, ты ничего мне не приносишь. Только свою синеву, которая лишь изредка меняет цвет, превращаясь под жутким небом в синий свинец, становясь кровавой в отблесках заката и черной по уходе дня.

Из-за расположения окна заре не удавалось проникнуть ко мне. А потому рассветы перестали существовать. Просто каким-то образом появлялся свет. А в волнах возникали огненные прожилки.

Но море имело цвет.

В Доме Ночи цвета не было.

Я чувствовала, как камень давит мне на лоб и щеки, даже если не стояла у окна. А переკладина запечатлелась в мозгу клеймом, делившем надвое все, что я видела. Даже во сне воду и небо рассекало железное копье.

Вдобавок понятие окна было связано с теплом.

В камере тепла не было. А после захода солнца в ней становилось холодно. Мне дали плед, чтобы я не мерзла. При этом я заплакала. Такой поступок могли бы совершить люди, которые обо мне заботятся и не хотят, чтобы я мучилась. Но на самом деле это лишь заведенный в тюрьме порядок.

Даже по прошествии нескольких недель я не поверила, что в этом замке есть и другие узники, а если и есть, то они вросли в каменные стены и превратились в причудливых монстров, едва ли способных передвигаться. Они не подавали голоса. Стояла тишина, которую нарушал лишь внезапный скрежет в замке, шуршание двери, бряканье поставленных передо мной тарелки с чашкой — до меня ни разу не донесся шум шагов девушки, приносившей еду и убиравшей помои. Иногда она приходила рано утром, перед самым рассветом, тогда я вовсе ничего не слышала.

Шумело только море да небо во время грозы. Я вытягивала шею, стараясь уловить этот гул. А какое звучание исходит от звезд? Если я напрягу слух, удастся ли мне различить его? Мне даже казалось, будто я слышу его, тоненький свист... Но кругом такое оглушительное безмолвие, из-за него пропадает множество тональных оттенков.

Закончилось ожидание иного рода. Я ждала прихода «ежемесячных гостей», как называла их одна из горничных моей мамы, ждала с тревогой, не зная, насколько удачно справлюсь с ними здесь. Ежемесячные гости не пришли. Значит, задержка. Часы у меня во чреве опять хромают по милости жизненных событий.

Но миновало уже больше месяца. (Ведь я отмечала дни в маленьком бумажном блокноте, который вместе с омерзительным, прикрытым крышкой ведром и комом тошнотворной каши принесла мне девушка в ответ на просьбу о письменных принадлежностях; нашлись и чернила, очень сильно разбавленные, или они хранились здесь целую вечность и вконец выцвели.) Уже больше месяца, как нет кровотечений. А порой, когда я утром поднималась с тюфяка, желудок начинал бунтовать против силы земного

притяжения, и меня рвало. Я подумала, что заболела, подхватив в камере какую-то заразу. Но даже я не могла вечно оставаться идиоткой. Я забеременела. У меня будет ребенок. Ребенок Ретки, зачатый мною в результате поступка, продиктованного похотью, жаждой самоуничтожения, и, в конечном счете, ничего не значащего. От этого во мне зародился плод, а вся гальваника любви ничего не смогла создать.

Пугает ли меня эта новая ответственность, это бремя? Оно нереально. Да и как иначе? Я не успела осознать сам факт, лишь поняла, что заложенная в нем истина послужит мне наказанием.

Я набрасывала на листках блокнота силуэты деревьев и выдуманных мною молодых женщин, сохранившихся в памяти цветов, записывала обрывки мыслей. Ни одного упоминания о состоянии, в котором пребываю, или о месте, в котором оказалась. Ни одного обращения к другу письма, пусть даже без надежды на доставку.

Во сне тюремное заключение становилось ощутимей, чем во время бодрствования. Камера сильно уменьшалась, ее стены, смыкаясь, надвигались на меня, я начинала биться в них или пыталась протиснуться через окно, и его железная перекладина обвивалась вокруг моего тела, сжимая его в тисках. Еще мне снилось, будто я брожу туда-сюда по коридорам, а натолкнувшись на черную Вульмартис-Старуху, преподношу ей крапиву, единственное из живых растений, которое мне удалось найти.

Исписав все листки в блокноте, я попросила девушку принести мне новый.

До этого я никогда толком не обращала на нее внимания. А тут она вдруг ожила. И залилась визгливым смехом, сверкая грязными зубами. Лицо у нее было круглое, но без единого следа великодушия.

— Хотите новый? Можете хотеть и дальше, — сказала она. — Я и так вас побаловала, когда принесла этот. Надеюсь на какой-нибудь подарок от вас, да куда уж там.

— У меня ничего нет, — сказала я.

— Ага, — откликнулась она. И добавила: — Думаете, мне приятно выносить за вами грязь? Прислуживать вам?

Мне стало стыдно, но я уже многому научилась, а потому не подала виду. Я подошла к окну и стояла там, глядя на океан, пока она не завершила очередную тираду и, заливаясь идиотским смехом, не ушла прочь.

3

Они явились поутру, надзирательница и тощий человек с волосами соломенного цвета, который обмотал мне запястья веревкой и туго затянул ее узлом. Мне предстоит беседа с начальником замка, и я должна выглядеть надлежащим образом.

Выйдя из камеры, я испытала ощущение куда более неприятное, чем головокружение, — связь с трехмерным пространством нарушилась гораздо сильнее. Мне и так приходилось чересчур туго затягивать корсет, иначе ни одно из платьев не сходилось на мне. Теперь мне стало совершенно нечем дышать, а связанные руки ничем мне не помогали, и я шаталась от стены к стене, как пьяная. Человеку с соломенными волосами это показалось забавным, он стал весело хихикать, пока надзирательница не велела ему замолчать — он тут же притих.

Мы спустились вниз, прошли по каким-то коридорам и стали взбираться в другую башню, все в полусвете фонаря.

Затем, когда мы поднялись на площадку, мощнейший поток света хлынул из огромного сводчатого окна без стекол, перегородженного пятью железными прутьями. На полу, под ногами у гнома, привратника, впустившего меня когда-то в тюрьму, лежал пыльный потертый ковер, изъеденный крысами.

Наша процессия из трех человек остановилась.

— Она связана? — осведомился гном.

— Связана, — ответила надзирательница.

— Ладно, отведу ее к начальнику, — сказал гном. Он говорил на диалекте Китэ, но так неразборчиво, что мне не удалось бы его понять, не проживи я столько времени в Ступенях, но даже жители той деревни не издавали таких булькающих звуков, как он. Похоже, гном с гордостью ожидал, что его речь прозвучит невразумительно для меня: он поманил меня к себе, резко прищелкнув языком.

Вверх от площадки уходила причудливая винтовая лестница из дерева. Гном вел меня, я послушно двигалась следом, словно на поводке.

Под аркой показалась дверь, гном постучал в нее.

Спустя некоторое время кто-то крикнул, чтобы мы входили.

Покои начальника тюрьмы блистали изъеденным молью великолепием. Цвета все же различались. От изношенного восточного ковра, расстеленного на полу, до исцарапанного письменного стола из красного дерева все излучало краски, присмирившие только от износа. Я подумала: как мучительно смотреть на их биение; с одной стороны — окно, с другой — сверкающие искорки на медной поверхности ворона; мне почудилось, что я заметила краешком глаза, как он двигается и вот-вот накинется на меня. Но утраченное равновесие вернулось ко мне.

Тяжело дыша, я остановилась, и гном окинул меня взглядом, словно желая проверить, не выходит ли мое поведение за рамки приличествующего случаю. Убедившись, что все в порядке, он повернулся к начальнику и скорчился от удовольствия.

Для точности описания внешности начальника мало слова «толстый». Его сущность совершенно затерялась среди плоти, или такое у меня создалось впечатление, так теряет изначальные очертания надутый до отказа шар. Но начальника расперло не от воздуха, а от жира; на гладкой, туго натянутой поверхности кожи не проступала ни одна косточка, ни одна морщинка — как таковые черты лица отсутствовали, виднелись лишь наметки пары ноздрей, губ и маленьких влажных глаз, налитых разбавленным уксусом. Поверх этого шара торчала шевелюра из светлых волос, искусно завитых, как у юной девушки; их можно было бы принять за парик, если бы не их живая заселенность. В качестве одежды пузырь выбрал тулийскую военную форму гигантских размеров; мне не удалось определить, какие на ней знаки различия, синева местами вылиняла пятнами, а кое-где покрылась следами съеденного.

Бочком подобравшись поближе к столу, гном застыл на месте, жуткий прислужник распухшего повелителя.

Начальник покопался в бумагах на столе, приподнял палец — собственно говоря, уже и не палец, а целую колбасу — и ткнул им в меня.

— Вы — любовница Завиона?

Этот высокий голос принадлежал как бы не мужчине, не женоподобному существу, а лишенной всякой женственности женщине. Карикатура.

— Да.

— Так вы признаетесь в этом теперь? Мне кажется, поначалу вы проявили большую скрытность. Хотите сказать мне что-нибудь еще?

— Я не повинна ни в одном преступлении, совершенном против королевства Тулия.

— Вероятно, вы не прочь узнать кое-какие новости, — сказал он.

Я стояла перед ним со связанными руками, мне оставалось лишь покорно выслушать все, что он пожелает мне сообщить.

— Человек по имени Ретка схвачен толпой в Эбондисе. Жители города открыли ворота и выдали главных зачинщиков мятежа тулийским войскам. Возможно, в ответ на их действия король проявит снисходительность. Некий Оберис — вам доводилось слышать это имя? — сыграл определяющую роль в принятии такого решения.

Чудовищная судорога, не причинив боли, свела мне тело и словно пронзила насквозь чрево, будто якорь удерживающее во мне тяжесть. Пронзить его и отступить. Пострадает ли от этого зародыш? Не стану ничего подсказывать начальнику Дома Ночи. Пусть привносит детали по собственному усмотрению.

— Ретке не приходится рассчитывать на милосердие, — сказал начальник. Он долго

смотрел на меня блестящими сощуренными глазками, а потом добавил: — Как и всем вам.

Но он так и не упомянул о Фенсере Завионе. Значит, он ничего о Фенсере не знает. Фенсера не схватили.

Возможно, и Ретка... что стоит соврать этому тулийцу, засевшему в крепости на Китэ?

— Позвольте осведомиться, какое впечатление произвели на вас эти известия? — спросил начальник.

— Почему вас интересует мое мнение?

— Милая дама, вы слишком дешево себя цените. Неужели у вас не найдется полезных для короля сведений?

— Ни малейших.

— Я склонен полагать, что вы сказали правду, — медленно проговорил он. — Сеть расплзается все шире, и все вы попадетесь в нее рано или поздно. Судебная процедура изрядно упрощена. К чему свидетельства против людей, которые сами обрекли себя на казнь? — Даже тень какого-либо выражения не проскользнула по гладкому пузырю, его лицу. Глаза его почти не двигались, он вроде бы ни разу не моргнул. — Я мог бы повесить вас хоть завтра, — сказал он, — или прямо сегодня.

Внутри меня ничто не отозвалось на его слова. Неужели я ему не верю?

Гном заерзал на месте, и начальник повернулся на несколько дюймов в его сторону, казалось, что его тело — монолит.

— Что?

— Надо бы уговорить ее, — сказал гном.

Начальник улыбнулся в ответ. Я и не предполагала, что такое возможно, но щеки его поползли вверх, а глазки на секунду накрыла приливная волна плоти.

— Нет. Твои навыки, которые так пригодились в прошлых случаях, тут ни к чему. Откуда ей знать что-либо важное?

Они стали обсуждать, насколько эффективны окажутся пытки.

Но и это не произвело на меня впечатления.

— Видишь, — сказал начальник, — она и теперь молчит. Она вообще мало разговаривает. Немногословность — достоинство для женщины. А вот повешение — совсем другая история. Повешение — конечный предел немногословности. Крепкая шея, стройная, но довольно сильная. По-моему, эта самая Арадия не очень-то быстро умрет. — Он опять повернулся к гному: — Достань-ка моих барышень.

Гном рысцой затрусил к шкафчику и с некоторой церемонностью и усердием извлек оттуда длинный поднос, на котором покоились какие-то белые предметы. Когда их принесли и разместили на столе, начальник жестом велел мне подойти поближе. Я не пошевелинулась. Тогда он снова мерзко улыбнулся, поелозил руками по подносу, выбрал два из лежавших на нем предметов, а потом приподнял их и развернул, чтобы мне было видно.

Слепки, снятые с искаженных лиц.

Я смотрела на них, а он говорил:

— Посмертные маски преступников, казненных через повешение. Женского пола. Работы над ними проходили под моим руководством. Я провел небольшое исследование процедуры казни. Та дама, что слева от меня, умерла мгновенно. Отметьте различие во внешности меж ней и той, что задыхалась на протяжении двух минут. Подойдите, если угодно, тут есть еще две. И каждая совершенно не похожа на остальные. В отношении мужчин исследования не проводились. За последние шестьдесят с лишним лет в замке не повесили ни одного мужчины. А этим маскам уже лет десять. В чем их вина? — проговорил он, словно отвечая на мой вопрос. — Они занимались колдовством. Их прислали ко мне после вынесения приговора. Надлежало привести его в исполнение, соблюдая осмотрительность, не вынося сора из избы. И захоронить трупы в стенах замка.

Он опустил слепки и положил их обратно на поднос. Взгляд начальника остановился, целиком сосредоточившись на них. В лице его нельзя было прочесть ни малейшего признака вульгарности или жадности. Возможно, потому, что владевшие им чувства никакими силами

не могли пробиться наружу.

Немного погодя он сухо сказал гному:

— Отведи ее вниз.

И гном, назойливо прищелкивая языком, повел меня прочь из комнаты, вниз по лестнице туда, где сидели надзирательница и человек с соломенными волосами, она на стуле, а он на ковре, покрывавшем площадку.

Они водворили меня обратно в камеру. Вскоре после этого у меня случилась такая вулканическая рвота, что мне подумалось: вот тут-то я и умру; кончина от болезни показалась мне вероятной, хотя в кабинете начальника я сочла смерть чем-то немыслимым.

Приступ рвоты закончился, я лежала на тюфяке, дрожа всем телом. Мысли мои не занимали ни Ретка, ни Фенсер, ни пять колдуний, призраки которых скончались от удушья в толще камня. Я не думала о том, как трет шею веревка, хотя истерзанное рвотой горло сильно болело. Наверное, я о чем-нибудь да размышляла, мучилась страхом, молилась или же предавалась воспоминаниям, а может, слепо цеплялась за будущее. Но нет, и словно утратила способность к мышлению. Я смотрела в небо, перечеркнутое оконной перекладной, пока не заснула.

4

Я понимала, что обращаться с просьбами к выносившей помои девушке бессмысленно, и сообщила ей, не зная, получится ли что-нибудь из этого, что мне нужно переговорить с надзирательницей. В полдень ключ, как и прежде, заскрежетал в скважине, и в камеру вошла надзирательница.

— Что с вами случилось? — спросила она.

— Мне необходима другая одежда. Посмотрите, все швы полопались.

Она бросила на меня подозрительный взгляд и сказала:

— Вы располнели на здешнем рационе.

— Я беременна, — сказала я.

Она подошла ко мне и обхватила, как грубоватый ухажер, за талию.

— Я не могу затягивать корсет туже, чем теперь. Либо мне дадут подходящую одежду, либо придется ходить голой.

— Да, месячных у вас не было, я заметила, — проговорила она. — На каком вы сроке?

— Я думаю... два месяца. — В последнее время я забывала отмечать даты в исписанном блокноте. Через окошко не разглядеть смены времен года, единственным ориентиром служило чередование темноты и света. И это существо, пришедшее извне и воцарившееся в моем теле, из-за которого тело разбухло, а платья стали рваться.

— Ложитесь, — сказала надзирательница, — я должна вас осмотреть.

На это я не рассчитывала. Нелепая тревога охватила меня. Я отнеслась к угрозе смерти с тупоумным безразличием, а теперь вся взмокла и покрылась холодным потом. Но иного выхода нет. Надзирательница опустилась на колени; я еле вынесла этот тщательный, болезненный, унижительный осмотр, но с облегчением заметила, как она вымыла руки в умывальнике, прежде чем взяться за меня.

Закончив, она сказала:

— Удивительно, как это вы вообще догадались, что с вами такое, дурочка вы маленькая. — (Я действительно едва не приняла беременность за что-то другое.) — А срок вы определили неправильно. Плод небольшой, но ему добрых четыре месяца.

После осмотра у меня все болело, но я села и устала на нее.

— Четыре месяца... этого не может быть.

— Не спали с мужчинами? Ну, тогда это чудо.

Я обхватила живот руками, чтобы приглушить протесты боли. И вспомнила, как люди думают, как восстанавливают события в памяти. Я спала с Фенсером в нашей с ним постели в деревне Ступени. До появления Фирью и бегства в Эбондис; прежде чем оборвалась

любовь и все это случилось; до того, как Ретка...

— Но у меня были кровотечения, — воскликнула я, обращаясь к надзирательнице, — в положенное время.

— Такое случается. Много крови?

— Нет, очень мало.

— Она шла через плод. А вы уже забеременели. Многие женщины обманываются таким образом.

Она вытерла руки, сказала, что пришлет одежду посвободней. И что мне можно носить несильно затянутый корсет, он будет поддерживать живот. А также следует расширить рацион питания.

Говоря об этом, она смотрела на меня с презрением. Список предусмотренных тюремным уставом мер. А сколько еще несчастных женщин успело пройти через ее руки, женщин, у которых рос живот, которые рожали среди каменных стен и теней? Удалось ли кому-нибудь из них доносить дитя до срока? А мне удастся? И что ожидает болезненного ребенка, появившегося на свет в аду, где в конечном счете все подвластно черной Старухе?

И все же я не смогла устоять перед захлестнувшей меня волной блаженства.

До сих пор я не воспринимала его как живое существо. Но с каждым мгновением все, что казалось лишь утомительным недугом, странной водянкой, от которой вздулся живот... теперь это превратилось в чудо. Однажды, давным-давно, я испугалась, при обстоятельствах, которые в сравнении с нынешними были идеальны, и освободивший меня поток крови явился как благословение богини. Но этот островок света — здесь, в одиночестве, во мраке, — я всей душой потянулась к нему. Ведь я ношу ребенка Фенсера. Дитя любви.

В обрамлении ветвей темно-зеленого дерева сидела моя светловолосая мама и весело разговаривала с маленькой девочкой, чьи волосы были еще светлей.

Я ощутила прилив отчаянной зависти, а потом вспомнила: ведь это моя дочка. И тогда полнейшее умиротворение снизошло на меня. Чувствуя, как на губах играет улыбка, я вскинула лицо навстречу теплому-теплому солнцу.

Повеяло запахом сирени. Я шла вперед, и мягкие коготки кустов легонько цеплялись за меня. Под лавровым деревом лежала тигровая змея, и я решила отнести ее своей дочке, пусть поглядит на этот царственный золотисто-оранжевый кушак, небрежно брошенный среди камней.

Но не успела я пройти лужайку, как началось землетрясение, а они еще не подняли глаз, не увидели меня и не поздоровались. Меня швырнуло наземь, стало бросать из стороны в сторону, я погрузилась в черную пустоту, а чей-то голос нетерпеливо повторял: «Вытани руки, вытани руки, давай живей».

Я покорно позволила этому неизвестному существу завладеть моими руками, но оказалось, это человек с соломенными волосами, который снова туго их связал.

Заметив, что ему удалось меня разбудить, он сказал:

— Вы отправляетесь вниз.

И все. Никаких пояснений.

Я не знала, что предвещают его слова, но внезапный страх — до чего же запоздалый — привел меня чуть ли не в умопомрачение, я стала громко кричать.

Он ударил меня; кажется, не очень сильно.

— Тихо, — сказал он.

И тут я заметила, что выносившая помои девушка тоже здесь, она собирала мои вещи и белье с постели.

Он вывел меня из камеры. Ругаясь и ворча, девушка пошла следом.

Мы начали спускаться.

Мы спускались в каменный колодец лестницы.

Теперь тьма стала почти осязаемой.

Моя новая камера: сделав пять шагов, ее можно обойти кругом. Окна в ней нет. Мне оставили несколько свечей. Их совсем мало. Появятся ли другие, когда сгорят эти?

Здесь холодно, но по-другому, чем наверху. Воздух тяжелый, как жидкость, и этот холод тоже жидкий, ты целиком погружаешься в него, он затекает под матрас.

А тишина зазвучала еще громче; иногда слышались быстрые, едва приметные шажки крыс, вероятно, за дверью.

Вот оно, возмездие. Это я поняла, но причина по-прежнему мне неизвестна.

Только ведь я беременна, а во многих странах существуют законы, согласно которым тело преступника неприкосновенно, если в нем зародилась новая жизнь. Пока я ношу ребенка, у него нет никакой возможности меня повесить. Он и мечтать об этом не смеет.

Пока горела первая свеча, я изнемогла от страха, боясь сойти с ума.

Я судорожно пыталась сохранить рассудок — так утопающий цепляется за спасительный обломок доски.

Через несколько часов у меня кончились все свечи, я зажигала их друг от друга, ведь мне не оставили кресала. Если пламя угаснет, то насовсем.

Свет окончательно померк.

Что-то заскреблось в дверь.

Я прислушалась.

Что-то сказало:

— Пока ты здесь сидишь, все забудут про тебя.

Я решила, что это гном. Всякие мольбы бессмысленны.

— Ты не спишь? — прошипел чей-то голос.

Я спросила:

— Что мне сделать, чтобы вернуться в другую камеру?

— Уже поздно, — прошипел в ответ чей-то голос.

Не сон ли это? Кто-то вложил мне в руки гадальную карту, и я вижу ее, ибо в подземелье Дома Ночи вновь появился свет.

Героиня. Молния ударяет в жезл. Гиацинты, бумаги, кровь и жемчуга струятся из ее руки. Зеленый солнечный диск. Горы полыхают малиновым пламенем. Краски.

Но я обрываю край, на котором нити судьбы сливаются в ковер у нее под ногами. Мне не нужна сплетенная ею и судьбой ткань. Все уже свершилось, и наступил конец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Вульмартис, черная девственница, богиня и колдунья на ощупь холодна как лед, вся из камня. Руки, ноги, лицо кажутся обнаженными костями и черепом; одеяние с капюшоном, вероятно, скрывает лишь мнимые очертания бесплотного тела, в котором нет ни сердца, ни чрева.

Никто не выпускал меня из камеры, скрытой под толщей камня, я прошла сквозь стены и очутилась здесь, безошибочно определив, где находится ниша, в которой неусыпно хранит бдение богиня. Вульмартис, конечно, это не Исибри — Рожденная-Цветами Исибри, творение любви, златовласая плясунья, плывущая на раковине по морским волнам... Не Исибри. И даже не Вульмардра урожайной поры. Целомудренная, как обсидиан. Это Жрица и Старуха в одном лице.

Подобные черным яйцам глаза опущены.

Ты ни разу мне не помогла. Даже когда я воображала, будто ты оказываешь мне поддержку, выходило, что это лишь каприз или заблуждение. Ты и пальцем не пошевелила, когда убивали мою маму. Если наша с Фенсером встреча и произошла при твоём посредстве, она принесла ему лишь горе, а мне одну беду.

О чем тебя просить, если ты не желаешь давать?

Запели женщины, я слышала гул их голосов, напоминающий биение океана в фотах, —

нарастание, откат, возвращение.

Я ощутила горький аромат благовоний, приготовленных из сабура и мирриса.

А в руках у меня подношение. Во сне я принесла тебе крапиву, лишь ее я сумела найти. Но ведь и это сон, а у меня белые маки и хризантемы, цветы забвения и смерти.

Я вкладываю их тебе в ладони.

Статуя ожила. Я чувствую давление, исходящее от камня. Оно захватило меня, как угодившее в водяной поток насекомое. Закрутило, завертело, и вот я падаю к ногам старухи, цепляюсь за них. И каменные ноги оказываются теплыми, как залитый солнцем каменистый холм.

— Помоги мне.

— Все при тебе, — сказала богиня Дома Ночи.

Один из маков вспорхнул с ее руки. Он улетел прочь и скрылся из виду.

— Разве могу я тебя услышать, — сказала богиня, — если ты чересчур тихо говоришь? Кругом столько шепота, в нем никак не различить слов.

— Я кричала и бранилась, — возразила я, — а еще я плакала.

— И сразу же отворачивалась, — сказала богиня, — и отвечала на собственную мольбу: Она не слышит; Она не желает давать; Она не дает; Она не желает слушать. Чего ты хочешь?

— Освободиться.

— Я не слышу тебя. Только шепот миллиона ртов.

— Освободиться, — сказала я.

— Говори же, — сказала она.

— Спаси меня от смерти. Выпусти на свободу.

— Говори же, — сказала она.

Я поднялась на ноги и отвернулась от нее, я поглядела в темноту и еле слышным голосом сознания пролепетала:

— Я вырвусь из этого ада. Я выйду на свободу. И мой ребенок будет жить.

— Кто-то кричит, — сказала богиня, — и голос этот громче грома.

Я повернулась и пробудилась. Моя душа, витавшая за милую от меня среди лабиринта тюремных коридоров, вновь оказалась в рамках горизонтально расположенного тела и приспособилась к нему.

Чернильный мрак в камере не рассеялся, но я увидела, что на одной из стен проступили сотни тонких, как волоски, трещин, сквозь которые сочился свет, только совсем не похожий на дневной.

Пока не пришло отчаяние, у меня есть уголок для обитания.

Лежа на боку, я сразу же принялась твердить слова урока.

Я говорила вслух, боясь запнуться, если стану произносить слова мысленно.

— Я выйду отсюда. Меня ждет свобода. Я буду жить.

И подумала: теперь я наконец сошла с ума. Сколько же времени провела я здесь — вроде бы лишь день да ночь, кажется, месяц... к чему твердить эту чепуху? Где же отчаяние, которое приведет меня в чувство?

Но мне виделась каменная Вульмартис в нише и кружившие возле нее белые маки. И виделось, как я зажигаю перед ней желтую свечу, от пламени которой, словно золотые побеги, разбежались лучи, заполняя собой коридоры и лестницы. Я ощутила под руками тепло ее камня, от которого ждала лишь холода.

— Ты услышишь меня, — сказала я, — если я буду говорить четко.

И произнесла потише:

— Меня ждет свобода.

Спустя некоторое время, не переставая твердить эти слова, я погрузилась в сон. И мне приснилось, что я повторяю те же самые слова и лежу на том же месте, где была наяву, но золотые лучи света, крадучись, пробрались в щелку под дверь.

Я открыла глаза и приподнялась, в щель под дверь забил свет, он обжигал меня, и я

заслонила от него рукой.

Они наконец решили покормить меня. Это уже начало.

Но в дверях показался человек с соломенными волосами, а следом появился гном. Человек с соломенными волосами крепко связал мне руки.

— Вы пойдете наверх, — сказал он.

От слабого мерцания закоптившегося фонаря у меня заслезились глаза.

Я встала и решительным шагом двинулась вперед, а гном с чириканьем пошел следом.

2

Целый день свет причинял невыносимые мучения, даже пламя свечи резало глаза ножом. Но на второй день мне полегчало, а с приходом третьего я смогла осмотреться в своих третьих по счету апартаментах в этой тюрьме.

Мне казалось, что все происходящее не до конца реально. Я была ошеломлена, и вера в посетившее меня видение или сон, ниспосланный богиней, не покидала меня. Я почувствовала исходившие от нее силы, то же ощущение я испытала в поместье Гурц, в маленьком храме возле озера. Может, в моей душе скрыт источник, которому я не давала пробиться наружу? Но другой голос бранил меня и говорил, что я впала в слабоумие за время тяжких испытаний, но скоро поправлюсь. А мне не хотелось поправляться. Легкое безумие — мой единственный шанс. Здравомыслие представляет собой опасность. Здравомыслие означает необходимость признать поражение.

Ведь это — лишь оазис среди мрака. Он совершенно ясно выразился на сей счет.

— Будем считать, что у вас случился выкидыш, — заявил он мне; этот женский голос мужчины звучал поблизости, только тогда я не могла как следует рассмотреть начальника. — Выбирайте сами. Либо выкидыш, либо предание забвению. Та камера, захороненная среди глубин замка. Я не испытал удовольствия, когда отправил вас туда. Полагаю, это помещение приятней?

Это помещение было приятней. Комната, расположенная в башне под его апартаментами.

Вероятно, там у меня над головой сидит или ходит эта огромная туша, передвигающаяся на искривившихся под многотонным грузом ногам, завершением которых служат маленькие узконосые туфли. У этого ходячего абсурда небольшая нога.

Моя комната почти совсем пуста. В ней имеется койка, на которую можно прилечь, стол и стул, в ней три окна, выходящих на море, — с решеткой, но они протянулись на ширину раскинутых в стороны рук. И лампа, которую можно зажечь с наступлением темноты. И примитивный клозет.

Отыскалось даже несколько книг в стенном шкафу. Разваливающиеся, потертые, кожа с переплетов почти вся слезла. Поначалу тулийские письма, покрывавшие страницы, упорно не хотели мне даваться. Я противопоставила им силу воли.

У меня сильная воля. Она и привела меня сюда.

А пузырь решил, что просто исполнилось его заветное желание?

Другая женщина принесла мне еду, блюда тоже переменились. Пожалуй, их можно считать изысканными. Вчера дали бокал вина. Сегодня — свежую рыбу, запеченную на решетке, и соус к ней, кресс-салат, фруктовый крем. Потом принесли тарелку с персиками и овечий сыр на белом блюде.

Я внимательно оглядела прислужницу: худая близорукая женщина, которую слишком долго продержали в темноте.

Сколько же здесь различных тварей, являющих собою составные части этого единообразного строения, из которого мне никогда не выбраться?

Я сидела возле среднего окна, читая по-тулийски, но тут дверь отворилась, и ко мне во второй раз пожаловал с визитом начальник.

Застыв, как зачарованная я следила за его передвижением. Он мелко семенил

вихлявыми черными копытцами. Синяя туша навалилась на стол, он сел как бы на воздух: стул под ним скрылся из виду.

Следом явился гном.

Разве можно, видя их, относиться к ним как к представителям реального мира? Это фантазмагорические персонажи, порождение лихорадочных снов.

— Припоминаете наш разговор? — спросил толстяк и взял с моей тарелки персик, но есть его не стал, а только повертел его в руках; когда он уйдет, я выброшу персик в окно.

— Да, — ответила я.

— Насчет вашего выкидыша?

— Да.

— Вам здесь уютно? — осведомился он. Я не верила в существование этого огромного шарообразного лица. — Надеюсь, вам очень уютно, — сказал он. — Это неотъемлемая часть моего эксперимента.

Как будто до моей шеи слегка дотронулись пальцем: предупреждение. Мне следует приготовиться к тому, что теперь последует. Я приготовилась.

— Завтра, — сказал он, — вам принесут ванну, горячую воду и мыло. И новое платье. Вас накормят всем, чего вы пожелаете — в пределах наших возможностей. И подадут вина. Красного, белого или розового. А попозже, вечером, мы с вами встретимся на крыше. Вы уже знаете? Это обычное место.

Он принялся разминать персик в руке. Из плода брызнул сок.

Казалось, начальник удивился и устался на него.

Я сказала:

— Вы повесите меня на крыше.

Гном склонил голову набок, как птица, питающаяся падалью. Начальник продолжал терзать персик, пока тот не превратился в месиво, в губку. Он бросил плод, извлек из нагрудного кармана носовой платок и тщательно обтер руку.

— Как же вы себя поведете, — проговорил он, — после такого хорошего обращения, когда вино окажет успокоительное воздействие? Других женщин измучил голод, силы их пришли в упадок за время судебного разбирательства и трудного путешествия сюда. У многих завелись вши и различные паразиты, кожа их покрылась язвами. Одна из них перенесла пытки на дыбе.

— И ни одна, — сказала я, — не была беременна.

— Вы потеряли ребенка, там, во тьме.

Непроизвольным жестом я заслонила от него живот.

Завтра, после купания и еды, меня ожидает смерть. И меня, и моего ребенка.

Нет. Я должна спастись. Должна вырваться на свободу. Мы непременно останемся в живых, и она, и я.

Пузырь поднялся на маленькие ножки и принялся болтаться по комнате, разглядывая немногочисленные предметы, находившиеся в ней: кувшин и тазик для мытья, книги. Он задержался, чтобы прочесть страничку из одной. Гном не отставал от него ни на шаг, будто намеревался подхватить начальника, если тот упадет навзничь. Но случись такое, чудовище крупных размеров раздавило бы крохотного монстра.

Я представила себе эту картину, не сдержалась и рассмеялась.

Начальник приподнял глаза и посмотрел на меня.

— Интересно, вы не в своем уме, что ли? Похоже, вам не страшно. Других, — задумчиво рассуждал он, — пришлось тащить волоком, а они орали, молили о пощаде, обливаясь мочой от ужаса. Потеряв всякое достоинство. Становилось жаль этих несчастных.

— Вы поклоняетесь богине? — спросила я.

— В положенное время года, — ответил он, следя за мной.

— Ее присутствие ощущается по всей вашей тюрьме, — сказала я. — Вы ей не нравитесь. Возможно, в один прекрасный день она покинет свою нишу, разыщет вас, и вы узнаете, что у нее клыки пантеры.

— Угроза, — сказал он, — сверхъестественная кода. А колдуньи только проклинали меня.

— Проклятья принесли пышные плоды, — сказала я. — От них вы так раздулись.

Он мягко возразил:

— Нет, я просто люблю сладкое. И балую себя. Других грехов за мной не водится. Спиртное на меня не действует. Ни женщины, ни мальчики меня не интересуют. Мои развлечения не заслуживают ни малейшего упрека.

— Ваша алчность.

— Видите, как получается, — сказал он, — вы держитесь крайне властно, совсем как старая ведьма. Кстати, у меня имеются свежие новости. Ретку должны обезглавить в Кисаре. Топор — традиционное для Китэ оружие. Возможно, это уже произошло. К сожалению, у меня нет известий насчет вашего приятеля. Вероятно, погиб в боях. Не такая уж важная персона этот Завион в конечном-то счете.

Я сказала:

— Идите, сэр, жуйте свои конфетки. Встретимся завтра, на крыше.

Он прикрыл глаза:

— Отлично. — Но прежде чем меня оставить, он еще пару раз прошелся по комнате.

Когда дверь закрылась, меня охватили мучения, куда более страшные, чем всякая рвота. Вскоре, прильнув к прутьям оконной решетки, я разразилась криком, глядя на океан, который стоит у меня перед глазами до сих пор: он похож на опал, полосы тени скользят по нему, то приближаясь, то отдаляясь. Мои вопли походили на крики чаек. Все предопределено.

Я не должна этого делать. В отличие от повешенных колдуний шепот с воплями для меня непозволительны. Я разжала отчаянно вцепившиеся в решетку руки, легла на койку, опустила руки на живот.

Какой он большой и твердый. Кажется, не он существует при мне, а я при нем.

Меня ждет спасение. Ее и меня. Мы выйдем на свободу.

Как?

Нет никакой возможности.

Губительный голос рассудка принялся мягко увещевать меня. Этот попечитель всегда сопровождал меня. Он предрекал мне в удел полное одиночество, и все меня бросили. Он уверял, что случившееся непоправимо и прибежища мне нет. Он всякий раз оказывался прав. Я велела ему замолчать, отринув его от себя как искушителя из притчи.

Я выйду на свободу. Я не умру...

Умереть легко. Жить куда трудней. Я буду жить.

3

Принесли медную ванну, в нее постелили льняную простыню, затем налили кипятку и добавили несколько ковшей холодной воды. Худенькой женщине помогала девушка, которая раньше выносила помои. Теперь она занервничала. Ей не нравилось прислуживать труп. Худенькая женщина рассыпала по поверхности воды какие-то душистые травы. Она проделала это, будто бы не отдавая себе отчета в собственных поступках. А потом отошла от ванны и сказала:

— Выкупайтесь.

— Побудьте за дверью, — попросила я, — пока я принимаю ванну.

Они оставили меня без малейших возражений. И тогда я стала купаться и мыть волосы. Мне дали мыло из тех, что делают в деревне, без аромата, рассыпающееся на крошки, но я справилась. Я мылась не затем, чтобы исполнить пожелания толстяка; отказаться — все равно что заявить: какая разница, чистой я умру или грязной? Я принимала ванну перед свиданием с жизнью.

На стуле лежало муслиновое платье. Тоненькая синяя ткань, высокая талия —

старомодное платье для беременных. Неуместный наряд для женщины, у которой произошел выкидыш, которую по праву можно повесить. Платье предвещало удачу.

Я надела его. Интересно, кому оно принадлежало раньше? Я не почувствовала, чтобы оно что-то излучало. Даже затхлого запаха не было.

Появилась похожая на шомпол надзирательница; глаза — угли без огня.

— Мы принесли вам еду, — сказала она, — рыбу, вы сами ее выбрали.

Опять вошла худенькая женщина, она опустила на стол поднос: еда на деревянной тарелке, высокий глиняный бокал, вино немножко перелилось через край.

— Вам нужно подобрать волосы наверх, — сказала надзирательница.

Чтобы аккуратно открыть шею для веревки. Нет, я не стану подбирать волосы.

— Пусть они высохнут, — ответила я.

Надзирательница подождала, пока вторая женщина не удалилась из комнаты, а затем подошла ко мне. Я сидела, потягивая вино, еда не вызывала у меня аппетита. Про себя я твердила заклинание, которому научила меня богиня. Мне не хотелось, чтобы меня отрывали. Но надзирательница положила мне руку на плечо.

— Священнослужителя у нас нет. Вам придется самой о себе позаботиться, там. Может, хотите передать кому-нибудь письмо?

Я не ожидала такой заботливости, этих попыток услужить.

— Нет, никаких писем, — ответила я.

— Боги покажут того, кто совершит злодеяние над вами, — отрывисто проговорила она, и губы ее наглухо сомкнулись.

— Ах, кого?

Но она уже выпрямила свой стальной хребет.

— Через час будьте готовы.

Желудок во мне извернулся, как змея.

Не желая сдаваться, я положила в рот кусочек еды.

Не дождавшись ответа, надзирательница вышла из комнаты.

Я съела все: каким-то образом каждый кусок прижился, хотя мне дважды пришлось уговаривать себя. Вино, довольно крепкое, приподняло настроение и позволило моему упрямому упорному уму, моей воле продолжить существование вне тела.

Я стояла возле окон и смотрела на море. Все синее. Синий день, небо, вода, моя одежда.

Мне больше никогда не придется смотреть в эти окна. Наверняка. Стоит мне выйти из этой комнаты, и я уже не вернусь в нее.

Я опустилась на колени и стала молиться, чтобы мне достало храбрости; я читала молитвы, соблюдая ритуал, но не особенно страстно.

Мне не под силу как следует описать тогдашнее свое состояние. Для человека, который сам не испытал его ни разу... Частично это был страх, даже ужас, а ощутить отрешенность и парение помогло не только крепкое вино. На что бы ни обратился мой взгляд, все вокруг приобретало невероятную прекрасную четкость, даже мои собственные руки и складки платья, которые я видела словно издали. Целебное тепло, успевшее превратиться в осенний отсвет жары, хотя я не подозревала об этом, усилило душистый запах древесины стола, чистых волос и тела, впитавших ароматы трав. Этот мир со всем присущим ему никогда не казался мне столь подлинным, как в то мгновение.

Но время, измеренное, как мне думается, ходом часов в покоях начальника, истекло минуту в минуту.

Дверь отворилась, и я увидела человека с соломенными волосами и веревку, которой он опять свяжет мне руки, а позади него на поверхности каменной пучины выступили две ржавых статуи; на время казни они станут караулом при мне. Эти люди одеты в старые серые мундиры — облачение, положенное по роду службы, а может, остатки некогда более яркой одежды, давно вылинявшей. Казалось, они выросли на поверхности камня, как грибы, их собрали специально для этого блюда. Если у них и были лица, я их не увидела.

Выйдя из комнаты, мы проследовали по коридору, несколько раз поднялись по лестницам. На самом верху находилась дверь. Ее, приложив усилия, широко раскрыли. Человек с соломенными волосами, которого когда-то рассмешила моя неспособность сохранить равновесие, помог мне переступить через порог и выбраться на крышу.

Когда смотришь на тюрьму сверху, Дом Ночи превращается в плоскогорье, где царит день. Свет становится вездесущим. Я и позабыла, что он может в одно и то же время находиться повсюду, а не только в пределах каких-то рамок. Края шифера, коньки расположенных пониже крыш и уступы башен размыты, они наполовину растворились в огромной ложке, полной света. Я запрокинула голову, и мне открылась небесная кровля в вышине, стеклянное горение, сомкнувшееся над нами, а за парашетом — тлеющая, изогнувшаяся кольцом вокруг нас, изначальная синева моря.

Но тут я заметила нечто вроде росчерка пера на стекле.

Лишь через некоторое время я сообразила, что это такое.

Человек с соломенными волосами почувствовал, что я остановилась — он оглянулся и велел мне продолжать путь. Грибообразные стражи подтолкнули меня вперед.

Я больше не могла твердить слова заклинания. Темное пятно перекрыло мне сознание. Сверканию красоты и света не удавалось пробиться в мои глаза. Я очутилась взаперти, внутри механизма, который покорно двинулся дальше и понес меня с собой; очередная тень упала на меня: тень виселичных перекладин, вертикальной и горизонтальной.

Явился начальник. И его тень тоже. Эта непростительных размеров туша застыла между мной и солнцем.

— У вас волосы... — проговорил он, а затем: — Не важно. Вы умрете прямо так.

Я посмотрела на него, но не увидела. Я не помню его лица, не могу восстановить в памяти лица остальных, лишь это дерево смерти, которое выросло надо мной. И пахнет от него как от дерева, мертвого, сваленного топором.

Но вот они велят мне подняться по ступеням. Ничего не поделаешь, я забираюсь вверх. У меня под ногами — помеченное на помосте место, потом из-под него что-то откатят в сторону. Ко мне подходит начальник и объясняет механику процедуры. Он показывает мне веревку, тонкую, но очень упругую. Он говорит, что тонкая веревка, вероятно, поможет мне побыстрее умереть. А потом гном снимет слепок с моего лица. Мне не стоит из-за этого сердиться. Он говорит, или мне кажется, будто говорит: «Арадия, вы хорошенькая молодая женщина. Быть может, какой-то след красоты останется. Другие имели неприглядный вид. И ваша отвага кажется мне похвальной».

Его слова, краткое описание того, как меня повесят, прошли мимо меня. Я не сумела сосредоточиться. Может, попросить его повторить еще раз?

Я погрузилась в вакуум. Вся плоть во мне онемела, и я тоже. Я чувствую слабую боль в запястьях, их слишком туго перевязали. Но и она отступает.

Что-то внутри меня пронзительно вопит и молотит руками в отчаянной борьбе. Я очень рада, что это существо не в состоянии выбраться из меня. Теперь мне придется поверить в смерть. Богиня меня не слышала — но в этом виновата я сама. Я кричала недостаточно громко или произнесла не те слова... Что это? Да что же это? Они накинули петлю мне на шею, она царапнула щеки, а теперь провисла возле горла.

Шевеление во чреве. Словно мощный толчок крови в глубине тела — бессознательный ужас вспыхивает во мне, уносится прочь, — они подтягивают петлю, подгоняя ее по размеру, как драгоценное ожерелье.

Синяя бесконечность заполняет мой взор, человек, подтягивавший петлю, отходит от меня, и я вижу похожее на алмаз солнце.

Петля чересчур тугая, я пытаюсь поднять крепко перевязанные руки и поднести их к шее, но не могу, и тут я слышу медный гул, будто страх гремит во мне, и все, что есть на крыше, обращается в камень.

Я слышу чей-то голос:

— Колокол.

Начальник невозмутимо отвечает:

— Подойди к парпету и посмотри.

Я стою спиной к океану и не вижу происходящего. Алмазное солнце вытягивает меня из оболочки. Мне больно. Я вот-вот расплачусь. Но стараюсь сохранить спокойствие.

Кто-то кричит:

— Судно, на нем тулийцы!

И они начинают говорить по-тулийски, но я забыла этот язык. И совершенно не понимаю, что они с таким жаром обсуждают.

Начальник наплывает, словно гигантское желе, перегораживая солнце, а мне кажется, лучи просвечивают сквозь него, и его кости совсем прогнили, какие-то твари ползают по ним; он берется за веревку. Он повесит меня собственными руками, до того ему невтерпех.

Колокол все бренчит, звон разлетается на осколки у меня в голове.

Начальник толкает меня в плечо, тут что-то не так. Петля исчезла с моей шеи. Он бормочет мне на ухо. Что же он сказал?

Колокол умолк. Благодарение богам, это было невыносимо.

Человек с соломенными волосами сует мне прямо в лицо чашку и несет по-тулийски какую-то ахинею. Опять вино? Просто вода. Я пью, чтобы он унялся.

Снова подняв голову, я обнаружила, что сижу на помосте под виселицей, на таком жутком троне. У меня болтаются ноги, так и должно было случиться, но по иной причине. Мне захотелось постучать каблуками о боковую часть помоста.

Новый, безупречно аккуратный синий мундир показался на лестнице. Офицер в форме подошел к начальнику. У него светлые волосы, у этого офицера, хотя для тулийцев это не типично. Он остановился, глядя презрительно и холодно, разразился тирадой, держа руку на эфесе шпаги — традиционная поза. Второй рукой он неожиданно залепил начальнику пощечину.

— Можете считать себя конченным человеком, — сказал тулийский офицер. — Вы обманули наше доверие. Король узнает обо всем. Я лично позабочусь об этом.

Почему-то в устах этого человека тулийская речь стала понятной. Но когда заговорил начальник, она снова превратилась в белиберду.

Тулиец выслушал его, затем сказал:

— Инсценировка казни через повешение, чтобы запугать ее и выведать секреты? Ей ничего не известно. Но у многих при ее появлении развяжутся языки. А потому вы передадите ее мне.

Начальник выразил протест. Это было очевидно.

Тулиец проговорил с гримасой отвращения:

— Вы сделаете это немедленно, иначе я проткну вас шпагой.

Начальник скукожился под горой жира. На студенистой оболочке выступил пот. Я еще ни разу не замечала, чтобы он потел. Из его рта опять стали вылетать какие-то звуки.

Тулийский офицер сказал:

— Отправляйтесь-ка кропать свои бумажки, уже пора. Мне больше не о чем с вами разговаривать. И времени у меня нет.

Глаза этого высокого красивого мужчины походили на две стальные монетки разной формы. По кисти левой руки, небрежно опущенной на рукоять шпаги, протянулся по диагонали шрам, будто прочерченный чернилами штрих.

По всей крыше, припав к земле, словно химерические фигуры у водосточных желобов, пребывая в неопределенности и выжидая, за происходящим наблюдали твари из Дома Ночи. Затем начальник едва заметным жестом выразил согласие.

Фенсер бросил на меня взгляд — краткий осмотр, проверка: не нанесен ли имуществу его (тулийского) короля непоправимый ущерб. А потом велел человеку с соломенными волосами разрезать веревки у меня на запястьях.

Тот черный спуск для акробатов — казалось, скалы уходят из-под ног — к площадке над морем; пара остановок, расплывчатые доводы, его голос, рассекающий все, как клинок;

подобно спящему человеку, которого несет приливной волной, я плыла к берегу, и эти детали не затрагивали меня, — наконец подножие лестницы, врезанной в малахитовый обрыв, я увидела зеленые зубцы, врезающиеся в синее зеркало свободы, избавления и жизни.

А Фенсер взял меня за руку и сказал:

— Любимая, теперь не время мешкать. Мы с тобой должны спуститься с утеса прежде, чем они обнаружат, что я обвел их вокруг пальца, как стадо ослов.

— С утеса? — переспросила я.

— Да. — И, крепко ухватившись за перила, я начала спускаться, не глядя, куда ставлю ноги, гораздо больше полагаясь на его надежную руку, которая вела меня вперед, и точно зная: я заколдована и ни за что не упаду.

Мы не перемолвились больше ни словом, но, одолев примерно треть спуска, я вдруг поняла: мы разговаривали на языке снов, на языке города, в котором мы родились.

Мы ступили на песок, и он повел меня вперед; возле уткнувшейся носом в берег лодки стояли пятеро молодых рыбаков, они смотрели на нас, широко улыбаясь. Они нарядились в мундиры тулийской армии и тем самым привели в заблуждение тех, кто глядел на них сверху, но теперь я увидела, что на них деревенские штаны по колено, а рубашек нет вовсе.

Фенсер усадил меня в лодку, рыбаки оттолкнули ее от берега и тоже попрыгали в нее, заливаясь громким смехом; они утихли, лишь когда Фенсер сказал, что такие звуки не характерны для военных. Однако на вершине утеса никто не подавал признаков жизни, не говоря уже о сигналах тревоги или о погоне.

Мрачный замок — вот и все, что представляет собой это высокое строение, — с каждым взмахом весел, на которых сидели рыбаки, отодвигался все дальше. Постепенно скалистая громада с башнями превратилась в плоское черное пятно на сияющем небе.

Фенсер растер мне руки и запястья, кровообращение восстановилось. Он обнял меня за плечи, и я прильнула к нему. Я не забыла его прикосновений, запаха, волос — они скользнули по моему лбу, когда он склонился надо мной.

В конце концов я спросила:

— Ты везешь меня к королю Тулии?

— Я не успел к твоему дню рождения, — ответил он, — ты имеешь в виду, что мне следует подарить тебе короля? С твоего позволения я подыщу что-нибудь другое. Он совсем никуда не годится.

Я задумалась. Мне семнадцать лет. Когда родится ребенок, мне по-прежнему будет семнадцать. Он не заговаривал о ребенке.

Тишина, тишина моря, заполненная текучими звуками, а лодка подпрыгивает на волнах, плывя по океану — равнине, покрытой барашками и блестками, на которую я столь долгое время глядела сквозь железные прутья.

— Больше вопросов нет? — спросил он немного погодя. — Тебя не интересует, каким образом я тебя отыскал?

Я отвечала, нет, не интересует. Я прижималась к нему, вдыхая его запах, а глаза мои заполнило небо. Но он все-таки рассказал мне.

Фенсер обо всем узнал от Фирию, когда тот попал к нему в плен.

— Значит, Китэ, — сказала я. — Мы возвращаемся на Китэ. — И, совсем уже ничего не понимая, я спросила, неужели король Тулии отдал ему Фирию в качестве вознаграждения за труды.

— Оригос, — воскликнул Фенсер, — она думает, что я проданся Тулии. Послушай, малышка. Никакой Тулии на Китэ больше нет — о чем вскоре и узнает эта жирная тварь из замка и зарыдает от горя. В шести милях от Эбондиса состоялась битва, в которой Тулия потерпела поражение. (Там я и стянул по случаю эту военную форму.) А вслед за тем Кирения потребовала предоставить ей независимость. Возможно, тулийский король и смог бы вести борьбу с Китэ, даже при нависающей Саз-Кронианской империи, но Китэ и Кирения ему не по зубам. Теперь ты понимаешь, какую дальновидность проявил Ретка.

— Но ведь Ретку приговорили к смерти.

— В тюрьме тебе, конечно же, наболтали всевозможных небылиц. Зулас Ретка пребывает в добром здравии. Он совсем расцвел, ведь теперь он добился исполнения всех своих желаний и станет властелином Китэ. Пусть распоряжается своим проклятым островом.

— А что же достанется тебе? — спросила я.

— На мою долю остается целый мир, — ответил он. — И ты, если я не безразличен тебе. — Он на мгновение притронулся к верхушке живота, в котором лежал ребенок. Как будто язычок пламени коснулся меня. Скрытое во мне живое существо пошевелилось, словно узнав его. — А это кто? — спросил Фенсер. Он крепко обнимал меня и вовсе не собирался никуда отпускать.

Через некоторое время мы обогнем мыс, и я увижу корабль под двумя белыми парусами.

А только что из океана выпрыгнул дельфин, целиком из серебра, и взлетел к небесам. Это к счастью. Рыбаки закивали и принялись ласково, будто девушку, уговаривать его показаться снова. Но дельфин не стал больше прыгать. В конце концов, для благословения достаточно и одного раза.